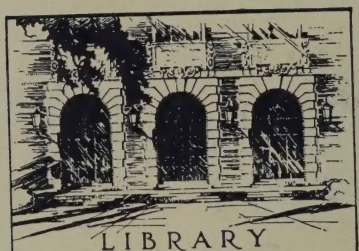
Н. Я. МАРР

I



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

401
M34i
v.1

OAK ST LIBRARY

CENTRAL CIRCULATION BOOKSTACKS

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was borrowed on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

TO RENEW CALL TELEPHONE CENTER, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

SEP 26 1993

SEP 26 1993

SEP 08 2009

When renewing by phone, write new due date below previous due date. L162

5 ки.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАИМК
ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Я. МАРР

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЯФЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАИМК

1933

ПЕЧАТАЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ РЕДАКЦИОННОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
С. Н. Быковского, акад. *И. И. Мещанинова*, акад. *С. Ф. Ольденбурга*

НАСТОЯЩИЙ ТОМ ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ
В. Б. Аптекарем

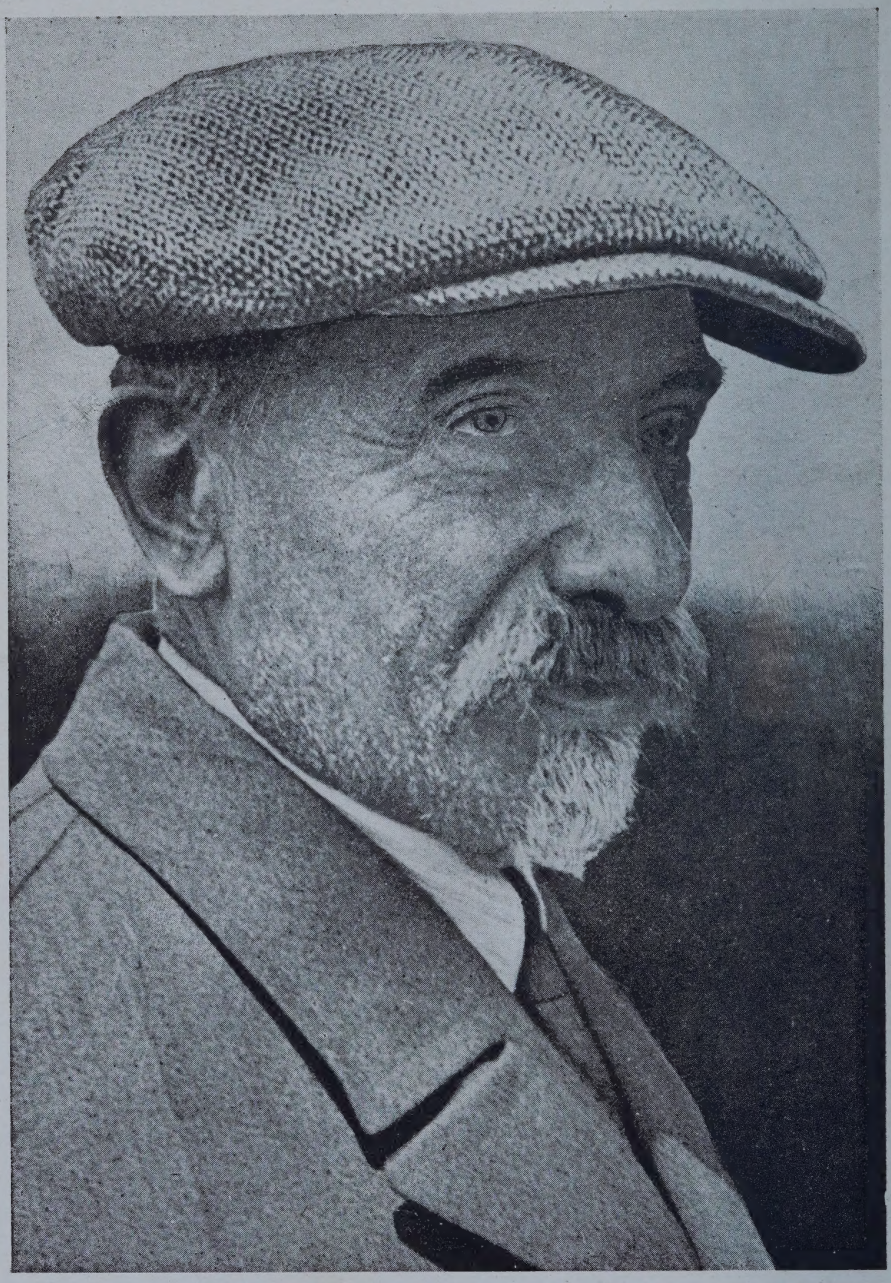
Ответственный редактор *С. Н. Быковский*. Технический редактор *Г. Г. Гильо*
Рисунок для переплета, титула и контртитула работы *В. Д. Дворяковского*
Форзац автолитография *Е. Г. Доффман*. Супер.-обложка по макету *Г. Г. Гильо*

Отпечатано в количестве 5 тыс. экземпляров в типографии Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия № 12
Зак. № 746. Ленгорлит. № 1488. Бумага: формат 72 x 110, листов 27½. Тип. знаков в листе 54600
Переплетные работы выполнены артелью „Новая Книга“
Ленинград, Гостиный Двор, № 34

190ct.50 Harman

401
M34i
v.1

Russian 9 Oct 50 Kraus - 5 v.



В 1933 г. Академия Наук СССР и Государственная Академия истории материальной культуры отмечают сорокапятилетие научной деятельности одного из виднейших своих сочленов — академика Николая Яковлевича Марра.

Крупнейший советский ученый мирового масштаба, Н. Я., за время своей совершенно исключительной по творческой интенсивности и научной значимости исследовательской работы, которая после Октября приобрела еще более значительные темпы и размах, проложил своими трудами новые пути в ряде общественных наук.

Начав свою работу на научном поприще с изучения древнеписьменных языков Кавказа, Н. Я. явился основателем новой отрасли науки — армяно-грузинской филологии. Представленная рядом его обширных исследований, ставших классическими, эта отрасль научного знания развивалась под его же непосредственным руководством и активизирующим влиянием и сложилась в кавказскую филологию. Преодолевая ее в процессе изучения бесписьменных и малописьменных языков многочисленных народов Кавказа, Н. Я. затем сосредоточил свое преимущественное внимание на языковых материалах. Однако исторический подход к языку, присущий Н. Я. с самого начала его научной деятельности, побуждал его к изучению языка в связи с общественным сознанием и всей совокупностью общественных отношений, в первую же очередь — в связи с историей материального производства. Как историк, Н. Я. не замкнулся в рамках обособленной лингвистики и интенсивно занимался разработкой смежных с нею отделов науки. Выявив основные отличия языков Кавказа и обозначив их систему особым условным термином «яфетические языки», Н. Я. подходил к ним, в процессе их изучения, как к одному из важнейших исторических источников. Сосредоточивая свое внимание в дальнейшем почти исключительно на языковых материалах, он, тем не менее, дал ряд исследований и по другим отделам истории, в частности особенно по истории материальной культуры. Наука обогатилась, в результате многолетних работ Н. Я., крупнейшими открытиями, позволившими совершенно по-новому толковать языковые данные и вещественные археологические памятники, по-новому подходить к так наз. этнографическим материалам. Н. Я. внес в их изучение подлинный историзм, а в области полевой работы по добыванию названных категорий источников положил начало новой методике и технике.

Вооруженный богатейшим опытом этих трудов, Н. Я. мог выступить не только как один из крупнейших мировых специалистов истории материальной культуры, но и создать сыгравшую важную роль как в научном, так и политическом отношении концепцию единства исторического процесса в Закавказье, которая на-голову разбивала шовинистически-националистические «теории» даш-

накских, социал-демократических, муссавистских и тому подобных враждебных пролетариату историков южного Кавказа.

Последовательная, не знающая компромиссов, постоянно самокритически проверяющая себя в процессе дальнейшего изучения материалов, глубокая и революционная научность изысканий Н. Я. находит свое лучшее выражение в повседневно проводимом им единстве теории и практики, в разнообразных формах его долголетней педагогической, общественно-политической и научно-организационной работы. Здесь имя Н. Я. стало синонимом лучшего передового советского деятеля науки — ученого-революционера.

В непосредственной связи с различными этапами многогранной ученой и общественной деятельности Н. Я. стоит организация и функционирование целого ряда крупнейших научно-исследовательских учреждений нашей страны, из числа которых достаточно назвать Кавказский историко-археологический институт (ныне Закавказский филиал Академии наук СССР), Яфетический институт (ныне Институт языка и мышления), Государственную Академию истории материальной культуры, инициатором, организатором и почти бессменным руководителем которых он является с первых дней их основания.

Было бы весьма затруднительно перечислить все достижения исследовательской работы Н. Я. В ряде случаев вопросы им разрешались впервые, до него никем не затронутые. Результатов в любой из тех отраслей знания, в области которых работал Н. Я., совершенно достаточно для того, чтобы быть навеки закрепленным на почетных страницах истории науки. Трудам Н. Я. на долгие годы обеспечено внимание и актуальное значение не только в узком кругу ученых специалистов, но и в широких передовых слоях советской общественности.

Наиболее, однако, крупным вкладом в науку является языковедная работа Н. Я. Именно здесь, на базе впервые им вовлеченного в научный оборот огромного количества новых фактов основано грандиозное здание нового учения о языке, известного в широких кругах под условным и имеющим сейчас лишь историческое значение названием «яфетической теории». Создание нового учения о языке, разрушающего идеалистические и вульгарно-материалистические «теории» буржуазных лингвистов, бесспорно является одним из крупнейших успехов нашей советской науки, которая и в области языкознания оставляет далеко позади себя науку агонизирующего капиталистического мира. Новое учение о языке — сущность и основная магистраль всех сторон научной деятельности Н. Я. Оно резюмирует все то, что он добыл за свою почти полувековую исследовательскую жизнь, посвященную разработке по языковым материалам разнообразных проблем истории человечества. «Яфетическая теория» привела, в процессе ее развития, Н. Я.

в лагерь диалектиков-материалистов, и ее дальнейшее развитие переключилось в русло марксистско-ленинской лингвистики.

Новое учение о языке, выросшее из недр буржуазного языкознания, не только стало в процессе своего развития его антитезой, оно диалектически снимает его и вплотную подходит к позициям марксизма-ленинизма, доказывая в отношении многих основных выводов и методологических установок на огромнейшем материале лингвистических данных то, что было предвосхищено гениальными классиками марксизма-ленинизма в их высказываниях по вопросам языка.

На примере сорокапятилетней исследовательской деятельности Н. Я., на опыте истории развития нового лингвистического учения снова оправдала себя основная тенденция диалектики науки к переходу на высшую ступень обобщения, к переходу на точку зрения диалектического материализма, к практическому союзу с революционным пролетариатом, борющимся за новое бесклассовое коммунистическое общество — тенденция, отмеченная еще в 1885 г. Ф. Энгельсом в отношении естествознания, но имеющая значение универсальное.

Желая сделать научные результаты и исследовательские пути Николая Яковлевича Марра достоянием широких масс трудящихся и в первую очередь открыть доступ к ним для все растущих в нашей стране кадров работников языкового строительства многочисленной братской семьи народов Советского Союза, Академия наук СССР и Государственная Академия истории материальной культуры решили отметить юбилей крупнейшего лингвиста современности изданием собрания его избранных сочинений.

Необходимость подобного издания вряд ли нужно доказывать, так как уже сейчас труды Н. Я. служат необходимым источником и важнейшим пособием для советских языковедов и историков и всех тех, кому приходится по характеру своей работы иметь дело с лингвистическими материалами. Вокруг этих исследований появилась уже целая литература, включающая в себя и труды яфетидологической школы Н. Я. и критику многочисленных друзей и врагов нового учения о языке. Спрос на книги по «новому учению» о языке увеличивается с каждым годом, однако перевалившие уже за полтысячи названий и все пополняющиеся новыми труды Н. Я. давно стали практически недоступными для широких кругов читателей, так как в значительной своей части они рассеяны по различным трудно находимым изданиям. Даже многие крупные специальные научные библиотеки не только не имеют полного их комплекта, но часто лишены и основных его работ, уже превратившихся в библиографическую редкость.

Первая попытка помочь читателю, собрав воедино некоторые из работ Н. Я., показывающие пройденные стадии пути и современные проблемы «нового учения» о языке, была сделана самим автором. В 1926 г. он выпустил в серии

изданий Московского научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР сборник своих статей под названием «По этапам развития яфетической теории». Вместе с изданным несколько позже (в 1928 г.) читанным в Баку университетским курсом лекций «Яфетическая теория» этот сборник сыграл большую роль в деле ознакомления и пропаганды достижений «нового учения» о языке, однако в настоящее время и названный сборник и бакинский курс также очень трудно найти.

В 1929 г. по инициативе покойного академика Владимира Максимовича Фриче, горячо поддержанной председателем Коммунистической академии при ЦИК СССР, ныне также покойным академиком Михаилом Николаевичем Покровским, Секция материалистической лингвистики Коммунистической академии включила в план своих работ издание избранных работ Николая Яковлевича Марра. Издание должно было осуществиться с помощью Яфетического института Академии наук СССР специально организованной комиссией. Комиссией был разработан план всего издания, которое должно было включить 160 работ Н. Я. (из них некоторые лишь частично), распределенных по шести томам.

К весне 1931 г. первые два тома в основном были подготовлены для сдачи в набор, однако ряд обстоятельств помешал осуществить это начинание Секции материалистической лингвистики Коммунистической академии.

Летом 1932 г. план издания избранных работ Н. Я. был снова пересмотрен в Государственной Академии истории материальной культуры, которой совместно с Академией наук СССР было принято решение приступить к выпуску пятитомного собрания важнейших трудов основоположника «нового учения» о языке, приурочив издание к 45-летию научной деятельности Н. Я.

Настоящее издание ставит себе целью дать читателю основные работы Н. Я. с тем, чтобы ввести его не только в тот круг идей и материалов, на каком базируется новое учение о языке на данном последнем этапе своего развития, но и воспроизвести перед ним общую картину возникновения и роста этого учения.

Говоря об основных работах Н. Я., включенных в издание, необходимо оговориться, что стремление сделать доступными широким слоям читателей в первую очередь его обобщающие работы последних стадий развития «нового учения» о языке, которые отыскать в библиотеках нередко много труднее, чем его же работы первых этапов, а также ограниченные возможности в смысле объема всего пятитомника не дали возможности включить в план издания ряд капитальных трудов. В частности, вне рамок издания остаются ставшие классическими грамматики яфетических языков и филологические работы.

Пришлось ограничить и тематический охват, оставив классические археологические работы Н. Я., в частности его труды по археологии Армении, равно

исключительные по научной ценности изыскания по клинописным надписям, работы по истории Кавказа, общественно-политические статьи, посвященные различным вопросам кавказской общественности и культурного строительства, работы по исследованию частных вопросов яфетических языков и много других, с названиями которых можно познакомиться по приложенному к первому тому настоящего издания «Списку печатных работ Николая Яковлевича Марра (1888—1933)».

Настоящее издание охватывает не все, но лишь важнейшие языковедные работы Н. Я., причем переиздаваемые труды сгруппированы по томам тематически. За исключением первого тома, где работы сообразно поставленной задаче следуют в строго-хронологическом порядке их опубликования (с чем в основном совпадает и последовательность их написания), все остальные томы распадаются на несколько основных групп, объединенных общей тематикой, причем внутри каждой такой группы работы следуют одна за другой, как правило, хронологически по времени их опубликования.

«Избранные работы Николая Яковлевича Марра» охватывают около 100 печатных трудов и рассчитаны на пять томов, объемом около 40 авторских листов каждый.

В первый том «Этапы развития яфетической теории», посвященный истории возникновения и движения «нового учения» о языке и по существу являющийся вторым, переработанным изданием сборника статей Н. Я. «По этапам развития яфетической теории», войдет ряд работ, охватывающих период с 1888 г., когда появилась первая печатная статья Н. Я., по 1931 г. (всего 25 работ). Задача тома — дать общую картину диалектики лингвистических взглядов Н. Я., отраженную в хронологически данной серии его работ, резюмирующих пройденный путь и намечающих новую программу исследований.

Во второй том — «Основные вопросы языкознания» войдут важнейшие работы, освещающие узловые вопросы «нового учения» о языке, взятые в аспекте, главным образом, лингвистическом. Центральным трудом является здесь курс лекций по общему учению о языке, читанный Н. Я. в Бакинском университете в 1927 г. Всего в том войдет 22 работы.

Третий том — «Язык и общество» — служит логическим дополнением ко второму, поскольку в нем также освещаются кардинальные проблемы «нового учения» о языке, но уже в плане общесоциологическом, т. е. в их увязке с вопросами исторической науки. Всего в том намечено включить 14 работ.

Четвертый том — «Единство глоттогонического процесса», — посвящен обоснованию на материале различных языков мира одного из важнейших положений «нового учения» о языке, теории взаимосвязанности всех языков человечества. В том намечено включить около 14 работ.

В пятый и последний том «Этно- и глоттогония восточной Европы» войдут работы (всего 19), трактующие проблемы образования племен, народов и языков восточной Европы и их взаимоотношения в древнейший период. Эти работы уже сейчас широко используются в советской исторической науке и служат лучшей иллюстрацией мощности того нового «инструмента» науки, каким является новое лингвистическое учение.

Текст всех перепечатанных работ дается в том виде, в каком были впервые изданы эти работы. Лишь в некоторых случаях внесены незначительные технические изменения, которые исправляют допущенные ранее по необходимости погрешности (так, напр., передача грузинских и других нерусских слов русскими буквами везде заменена оригинальной или аналитической транскрипцией) или облегчают чтение и понимание (сюда относятся изменения, унифицирующие транскрипцию имен упоминаемых авторов). Все эти технические изменения произведены с согласия самого Н. Я. и на основании данных им указаний.

Работы, напечатанные Н. Я. на иностранных языках, также как и многочисленные цитаты из иностранной литературы, даются в переводах, просмотренных автором. Все примечания, взятые в квадратные скобки, внесены при редактировании текста и принадлежат сотрудникам, подготовлявшим издание к печати.

Для того, чтобы облегчить пользование «Избранными работамм Николая Яковлевича Марра», к каждому тому приданы указатели — именной, географических названий, предметный, терминов, упоминаемых или разбираемых в работах, включенных в данный том, и, наконец, указатель цитированных или упоминаемых там же литературных работ и источников. К первому тому приложен еще особый «Список печатных работ Николая Яковлевича Марра (1888—1933)».

Работа по составлению плана издания, редактированию текста, примечаний и указателей и подготовка всех томов к печати выполнена В. Б. Аптекарем при помощи работников Института языка и мышления Академии наук СССР, Института национальностей при ЦИК СССР и Государственной Академии истории материальной культуры.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. Я. МАРРА

1888

1. ბუნება და თვისება ქართულის ენისა 'Природа и особенности грузинского языка'. — Иверия, № 86 [перепечатано с русским переводом в ПЭРЯТ, стр. 1—7].

1889

2. სია ხელნაწერებისა, რომელიც შეწირა «წერაკითხვის საზოგადოებას» ბ-მა მ. დ. ალექსი-მესხიშვილმა. 'Список рукописей, пожертвованных Обществу распространения грамотности М. Д. Алекси-Месхишвили. — Иверия, №№ 236. 238, 239, 240, 254.

3. «Мудрость Балавара», грузинская версия «Душеполезной истории о Варлааме и Иоасафе». — ЗВО, т. III, стр. 223—260.

4. Описание персидского рукописного четвероевангелия. — ЗВО, т III, стр. 377—381.

1890

5. К вопросу о «Варлааме и Иоасафе». Из армянской Географии, приписываемой Вардану. — ЗВО, т. IV, стр. 395—397.

6. Рец.: *Դավիթ և Մհեր. ժողովրդական դիւցազնական վէպ. գրի առաւ Մ. Աբեղեանց. Շուշի.* ['Давид и Мхер. Народное героическое сказание. Записал М. Абегянц. Шуша'. 18?9]. — ЗВО, т. IV, стр. 414—417.

7. Рец.: წერილი ვეფხის ტყაოსნის გამო. 'О витязе в барсовой коже'. — თეატრი, 1890, № 12.

8. Рец.: Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache von D-r S. Bugge. Christiania, 1889. — Аракс, 1890, кн. I, стр. 108—112.

9. Рец: *Մովսէս Խորենացւոյ Հայկական պատմութիւն. աշխարհաբար թարգ. և լուսաբանեց Մ. Ծ. վ. Ստեփանէ* ['Армянская история Моисея Хоренского; перевел на ново-армянский язык и пояснил архимандр. Х. Степанэ']. — Аракс, т. II, стр. 113—116.

10. Рец. на статью Ignazio Guidi. La cronica siriaca di Michele I, Note Miscelanee, Roma, 1889. — Аракс, т. II. стр. 116—118.

11. Рец.: *Փաւստոս Բուզանդ. Ե. Մ...* ['Фауст Византийский'. Е. М.]. Вена, 1890. — Аракс, т. II, стр. 119—122.

1891

12. Софрон, сын Исаака, или Исаак, сын Софрона? — ЗВО, т. V, стр. 285.

13. Этимология армянского *սեպուհ* «сепуh» и грузинского სეფე «сеĕе». — ЗВО, т. V, стр. 286—289.

14. Рец. на книгу: Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса. Исследование А. Томсона, магистра сравнительного языковедения СПб., 1890. — ЗВО, т. V, стр. 307—321.

15. Из летней поездки в Армению. Заметки и извлечения из армянских рукописей. — I. Асат, переводчик Жития Варлаама. II. Рукопись Истории М. Хоренского. III. О песнях *Թումելեաց* [товелеан]. IV. О духах каджах и Артавазде. V. К алфавиту в Армении. VI. Значение Златочрева, *Ոսկեփորիկ*. VII. Об армянском тексте грузинских летописей. VIII. Адам и Ева. IX. Иосиф и Асанефа. — ЗВО, т. V, стр. 211—241.

16. Лиса и волк в западне. Из армянской книжной сказочной литературы. — Живая старина, т. IV, стр. 144—155.

17. *Մովսէս Խորենացւոյ պատմութեան մէջ պատահող «Կունդ Արամազդ» բառերի առիթով.* ['По поводу слов «Кунд Арамазд», встречающихся в Истории Моисея Хоренского']. — Аракс, т. II, стр. 59—60.

18. Рец.: Керопе Петрович Патканов. Биографический очерк. Составил Веселовский. СПб. 1890, стр. 21 (ЗВО, т. V, стр. 243—263). — Аракс, 1890, кн. II, стр. 62—63.

19. ორიოდე სიტყვა შაჰნამეს ქართული თარგმანის შესახებ. ['Два слова о грузинском переводе Шаhнамэ']. — Иверия, №№ 132, 133, 135.

1892

20. Из летней поездки в Армению. Заметки и извлечения из армянских рукописей. X. Детство Христа. XI. Видение Богородицы. XII. Видение ап. Iавла. XIII. Сон ап. Петра. XIV. Видение

св. Григория и прения души с телом. XV. Одно стихотворение. XVI. Заключение. — ЗВО, т. VI, стр. 135—228.

21. Рец. на სამი ისტორიული ხრონიკა... ['Три исторические хроники...'], изд. Е. Такайшвили. Тифлис, 1890. — ЗВО, т. VI, стр. 357—362.

22. *Հայկական Ձեռագիրք Ճեմարանի Արևելեան լեզուաց ի Պետերբուրգ.* Армянские рукописи Института восточных языков [при министерстве иностранных дел]. — hАндэс Амсореай, стр. 45—54, 80—85, 111—118.

23. Переписка Фотия с армянским великим князем Ашотом и армянским патриархом Захариею [текст и перевод]. — ПС, т. XI. вып. I, стр. 179—279.

24. Список рукописей Севанского монастыря. Из летней [1890 г.] поездки в Армению. М., 1892 г., IV + 59 стр. [с одной таблицей].

1893

25. Заметки по армянскому языку. — ЗВО, т. VII, стр. 73—79.

26. Имя Бут или Буд в армянской надписи VII в. по Р Хр — ЗВО, т. VII, стр. 322—326.

27. Заметки о трех армянских надписях, помещенных в XIII вып. СМОК. — СМОК, вып. XVII, стр. 191—197.

28. Древне-армянская хрестоматия с армянско-русским словарем для начинающих. СПб. 1893, IV + 172 стр.

29. Новые материалы по армянской эпиграфике. Ани. Аламн. Мрен. Багаран. Ервандакерт. В. Талын [с 6 рисунками]. — ЗВО, т. VIII, стр. 69—103.

1894

30. Раскопки в [Карсской области и] Эриванской губ. — ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 75—86.

31. Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г. — ЗВО, т. VIII, стр. 344—349.

32. Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Ч. II. Текст. Ч. III. Приложения. Описание 10 эчмиадзинских рукописей с указателем, арабский и дополнительные армянские тексты, армянский текст с переводом армянской сказки «Лиса и волк в западне». Спб., 1894, XVI + 344 и X + 203 стр. [см. № 58].

1895

33. О начальной истории Армении Анонима. К вопросу об источниках Истории Моисея Хоренского. По поводу критических статей проф. A. Carrière. — ВВ, т. I, стр. 263—366

34. Персидская национальная тенденция в грузинском романе: Амирандареджаниани. — ЖМНП, июнь, стр. 352—365.

35. Сказание о католикосе Петре и ученом Иоанне Козерне. Из материалов для истории средневековой армянской литературы. — ВЗ, стр. 9—34.

36. Грузинский извод сказки о трех остроумных братьях из «Русуданиани». — ВЗ, стр 221—259.

37. Армения [о раскопках и археологических работах 1893 г.]. — ОАК за 1893. СПб., 1895, стр. 33—36.

38. Рец. на груз. книгу: М. Джанашвили. Моисей Хонский и его [роман] Амирандареджаниани. [მოსე ხონელი და მისი ამირან-დარეჯანიანი. წერილი მ. ჯანაშვილისა]. Тифлис, 1895 г. — ЖМНП, октябрь, стр. 324—328.

1896

39. Мнимое географическое название ъротастак [ərotastak] в Истории Агафангела. — ЗВО, т. IX, стр. 191—197.

40. Рец. на арм. книгу *Հայկականք. Ա–ԺԲ. Գալուստ Տէր-Մկրտչեան, միաբան սրբոյ Էջմիածնի* [Galouste Ter-Məkərtchian, Armeniaca, I—XII] Вагаршапат, 1894. — ЗВО, т. IX. стр. 305—311.

41. Рец. на арм. книгу: *Յարութիւն Արարատեանի կեղծիքը. պարզեց Ա. Ե. Ս.* ['Подлог Артемия Араратского раскрыл А[ристакэс] Е[пископ] С[едракян']. Баку. 1894. — ЗВО, т. IX, стр. 311—313.

42. Житие Петра Ивера, царевича-подвижника и епископа Майумского V в. Грузинский подлинник издал, перевел и предисловием снабдил — ПС, т. XVI, вып. II XXXIX + 125 стр.

43. К вопросу о влиянии персидской литературы на грузинскую (о Вис-Рамиани) — ЖМНП, март, стр. 233—237.

1897

44. Хитон Господень в книжных легендах армян, грузин и сирийцев. — Сборник статей учеников барона В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 67—96.

45. Рец. на работу: The Barlaam and Joasaphat Legend in the Ancient Georgian and Armenian Literature, by F. C. Conybeare. Folk-Lore, London, 1896. VII. — ЖМНП, апрель, стр. 483—490.

46. Рец. на арм. книгу: *Ագաթանգեղոսի պատմութիւնից, Յիշատակ դատակնքաց Գորիա և Շմոնի վկայից, որ վկայեցին յՈւռհա.* ['Галуст Тэр-Мкртычян (Миабан). Из источников Агафангела Записки (υπομνηματα) о мученичестве Гории и Шмона, замученных в Едессе']. Вагаршапат, 1896. — ВВ, т. IV, вып. 3 и 4, стр. 667—674.

47. Рец. на груз. книгу სიბრძნე ბალავარის ე. თაყაიშვილის რედაქტორობით ['Мудрость Балавара', под ред. Е. Такайшвили]. Тифлис, 1895. — ЗВО, т. X, стр. 211—213.

1898

48. К критике Истории Моисея Хоренского. Г. А. Халатьянц: Армянский эпос в Истории Моисея Хоренского. — ВВ, т. V, вып. 1 и 2, стр. 227—269.

49. К. П. Патканов. — Биографический словарь профессоров и преподавателей СПб. университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. Том второй, стр. 89—97.

50. Ани, столица Армении. Историко-археологический набросок [с 7 рисунками]. — Братская помощь пострадавшим армянам. 2-е изд., М., 1898, стр. 197—222.

1899

51. Армянско-грузинские материалы для истории Душеполезной Повести о Варлааме и Иоасафе. — ЗВО, т. XI, стр. 49—78.

52. Этимология двух терминов армянского феодального строя *սեպուհ* sepuh=*sepurh и *նախարար* naxarar = *naharar. — ЗВО, т. XI, стр. 165—174.

53. О предполагаемом коренном родстве трех армянских слов *հշմարիտ* təšmarit, *հշգրիտ* təšgrit и *հիշատ* tišat. — ЗВО, т. XII, стр. 298—300.

54. Θoveleaϑ ergq, спорный термин древнеармянского эпоса. — ЗВО, т. XI, стр. 300—302.

55. По поводу письма проф. H. Schuchardt'a к проф. Fr. Müller'y. — ЗВО, т. XI, стр. 302—304.

56. Из книги царевича Багратa о грузинских переводах духовных сочинений и героической повести Дареджаниани. — ИАН, т. X, 1899, № 2, стр. 233—246.

57. Из поездки на Афон. О грузинских рукописях Ивера. — О св. Варлааме. — О древнегрузинских переводах с армянского. — ЖМНП, март, стр. 1—24.

58. Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Часть I. Исследование. СПб. 1899. XI + 594 стр. [см № 32 — магистерская диссертация].

59. К вопросу о задачах арменоведения. — ЖМНП, июль, стр. 241—250.

60 Возникновение и расцвет древнегрузинской светской литературы. — ЖМНП, декабрь, стр. 223—252.

1900

61. Армяно-сирийские словарные заметки. I. *վիշապ* ܬܢܝܢܐ. — ЗВО, т. XIII, стр. 033—034.

62. К вопросу о переводах с армянского на арабский язык. — ЗВО, т. XIII, стр. 035—038.

63. Ефрем Сирин. А. О днях празднования Рождества. В. Об основании первых церквей в Иерусалиме. Армянский текст с сирийскими отрывками в армянской транскрипции XII—XIII века. Исследование, издание и перевод. — ТР, кн. I, стр. 5—55.

64. Иосиф Аримафейский. Сказание о построении первой церкви в городе Лидде. Грузинский текст по рукописям X — XI веков [с 2 таблицами]. Исследование, издание и перевод. — ТР, кн. II, стр. 5—72.

65. Краткий каталог собрания грузинских рукописей, приобретенных Имп. публичной библиотекой в 1896 г. — СПб. 1900, 13 стр.

66. Грузинский поэт Шавтели. — КВ, январь.

1901

67. Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера. Часть I. Описание пяти пергаментных рукописей. — ЗВО, т. XIII, стр. 1—88. Часть II. Житие св. Варлаама Сирокавказского. (К вопросу о «Варлааме и Иоасафе»). — ЗВО, т. XIII, стр. 89—144.

68. Ипполит. Толкование Песни Песней. Грузинский текст по рукописи X века, перевод с армянского [с I палеографическою таблицею]. Исследование, перевод и издание. — ТР, кн. III, 6 ненум. + CXIV + 32 + ჲზ [67] [докторская диссертация].

69. Рец.: «Этюды по армянской диалектологии» Л. Мсерианца. Часть I. М. 1897. — ЗВО, т. XIII, стр. 0120—0134.

70. Рец.: M. Wardrop and J. O. Wardrop, Life of St. Nino (F. C. Conybeare, The Armenian Version of Djouanshêr). Oxford, 1900. — ЗВО, т. XIII, стр. 0134—0139.

1902

71. Об единстве задач армяно-грузинской филологии. — КВ, № 3, стр. 15—29.

72. Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам. — ЗВО, т. XIV, стр. 1—29.

73. Новооткрытый армянский текст «Паралипоменон» (К вопросу о переводах св. Писания на армянский язык). — КВ, № 4. стр. 1—18.

74. Древнегрузинские одописцы (XII в.). I. Певец Давида Строителя. II. Певец Тамары. — ТР, кн. IV, стр. VII + 114 + რო [170].

75. К столетию со дня рождения М. И. Броссе. — ЗВО, т. XIV, стр. 073—078.

76. Арабское извлечение из сирийской хроники Марибаса. — ЗВО, т. XIV, стр. 079—091.

77. Эриванская губерния [о разведочных раскопках в Двине] [с 6 рисунками]. — ОАК за 1899 г. СПб., 1902, стр. 90—94.

78. Рец.: М. Джанашвили, მწერლობა მე-IX—X საუკუნის. Тифлис 1891, стр. 118—136: «სასწავლო წიგნი». — ВВ, т. IX, вып. 3 и 4, стр. 461—465.

79. Рец.: М. Джанашвили, Драгоценные камни, их названия и свойства (из грузинского сборника X века). — ВВ, т. IX, стр. 466—469.

1903

80. Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб. 1903. XXXVIII + 303 стр. + 1 табл.

81. Рец.: Л. Мсерианц, Этюды по армянской диалектологии, ч. II, вып. I. — ТР, кн. V, стр. 1—29.

82. Рец.: Месроп Тер-Мовсесян, История перевода библии на армянский язык. — ТР, кн. V, стр. 29—53.

83. Критика и мелкие статьи: Мученичество отроков колайцев. Из «Письма Езника к Маштоцу». О святых, как помощниках и целителях. Армянская приписка XVIII века о расстрижении и ссылке католикоса Грузии Антония. Словарные заметки: 1) Персидские музыкальные термины в грузинском, 2) ვალაგი, იალე 3) ⴑⴈⴋⴑⴈⴋ ჭოთმეთი 4) ფეჴეზი, բեհեզ, 5) ասպետ, *asupaiti — ТР, кн. V, стр. 53—73.

1904

84. Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель—ноябрь). — СПО, т. XIV, ч. 2, стр. 1—51.

85. Физиолог. Армяно-грузинский извод. Грузинский и армянский тексты, исследование, издание и перевод. — ТР, кн. VI, стр. VXI + 130.

86. Заметка о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе [со снимком]. — ИАК, вып. 10, стр. 106—108.

87. Армянская церковь в Аруче. — ИАК, вып. 12, стр. 61—64.

88. Рец.: А. Аннинский, «Древние армянские историки, как исторические источники», Одесса, 1898, и «История армянской церкви» (до XIX века). Кишинев, 1900. — ЗВО, т. XV, стр. 0137—0150.

88. Рец.: Е. Такайшвили, «Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения», т. I, вып. I, Тифлис, 1902. — ЗВО, т. XV, стр. 0161—0162.

90. Рец.: Francisco Maria Esteres Pereira, Vida d. S. Gregorio, patriarcha da Armenia. — ЗВО, т. XV, стр. 0185—0187.

91. Рец.: M. Riedel, Katalog der christlichen Schriften in arabischer Sprache von Abu-l-Barakat. — ЗВО, т. XV, стр. 0187.

92. Рец : D. H. Freiherr von Soden, Bericht über die in Kubbet in Damaskus gefundenen Handschriftenfragmente. — ЗВО, т. XV, стр. 0187—0188.

93. Рец.: E. von Dobschütz, Joseph von Arimathia. — ЗВО, т. XV, стр. 0188.

1905

94. მეგრული ენა ['Мегрельский язык']. — ცნობის ფურცელი, 1905, №№ 2772—2773.

95. ორი სურათი ანისში. წმიდა ნინო და თამარ მეფე ['Два изображения в Ани: св. Нина и царица Тамара']. — ცნობის ფურცელი, 1905, № 2884.

96. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием. Арабская версия [с 4 палеографическими таблицами]. — ЗВО, т. XVI, стр. 63—211.

97. Из гурийских наблюдений и впечатлений (по поводу бакинских событий). Изд. Ал. Арабидзе. СПб., 1905.

1906

98. История Грузии (Культурно-исторический набросок). По поводу слова прот. И. Восторгова о грузинском народе. — Изд. «Амиран» Ал. Арабидзе. СПб., 1906.

99. Аркаун, монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. — ВВ, т. XII, №№ 1 и 2, стр. 1—68.

100. Рец.: А. С. Хаханов и И. А. Заозерский, Номоканон Иоанна Постника в его редакциях грузинской, греческой и славянской. — ВВ, т. XII.

101. Раскопки в Ани в 1904 г. [с I табл. и 13 рисунками]. — ИАК, вып. 18, стр. 73—94.

102. Краткий каталог Анийского музея [с 11 рисунками]. — Анийская серия, № 1 [на русск. и армянск. языках], III + 32 стр.

103. Учебный план факультета восточных языков по армяно-грузинской филологии (ныне армянско-грузинскому разряду), 10 стр.

104. Армянские слова в грузинских Деяниях Пилата. — ЗВО, т. XVII, стр. 24—29.

105. Этимология имени Мхит̄ар и глагола մխիթարել mq̇iϑarel 'утешать'. — ЗВО, т. XVII, стр. 30—31.

1907

106. Исторический очерк грузинской церкви с древнейших времен. К вопросу об автокефалии грузинской церкви. — ЦВед., 1907, № 3, прил., стр. 107—142.

107. Деяния трех святых близнецов-мучеников Спевсипа, Еласипа и Меласипа. — ЗВО, т. XVII, стр. 285—344.

108. О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. Предварительный отчет. С I в красках, 13 фототипическими и 3 цинкографическими таблицами и с 18 рисунками в тексте. — ТР, кн. X, IV + 64 стр.

109. Критика на брошюру проф. прот. Буткевича, составленную по поручению II Отдела Высочайше утвержденного при Святейшем синоде предсоборного присутствия: К вопросу об автокефалии грузинской церкви. Харьков, 1906. — ЦВед., 1907, № 2, прил., стр. 101—106.

110. Рец. на доклад проф. И. И. Соколова: «Грузинская церковь в XVIII веке». — ЦВед., 1907, № 6, прил., стр. 192—203.

1908

111. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908, 16 стр., I — XX табл.

112. Реестр предметов древности из VI [1907 г.] археологической кампании в Ани [с 10 рисунками в тексте]. — Анийская серия, № 2. СПб., V + 64 стр.

113. Происхождение из охотничьего быта двух грузинских терминов уголовного права: გერში gerш-i и სანახშირო sanaq̇шiro. — ЗВО, т. XVIII, стр. 0168—0171.

114. Рец.: И. Джавахов, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, т. I. СПб., 1905. — ЖМНП, май, стр. 200—223.

115. Отзыв о сочинении Е. С. Такайшвили, Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения», т. I, вып. 1—4. Тифлис, 1902—1904. — СбОПИАН за 1907 г. СПб., 1908, стр. 176—204.

1909

116. Барон В. Р. Розен и христианский Восток. Памяти барона В. Р. Розена. — Прил. к XVII т. ЗВО, стр. 8—30.

117. Яфетическое происхождение армянского слова margarey 'пророк'. — ИАН, 1909, стр. 1153—1158.

118. Антиох Стратиг. Пленение Иерусалима персами в 614 г. Грузинский текст исследовал, издал, перевел и арабское извлечение приложил. — ТР, кн. IX, VI + 82 + აჳ + 66 + 12 стр.

119. Иоанн Петрицский, грузинский неоплатоник XI — XII века. — ЗВО, т. XIX, стр. 53—113.

120. По поводу работы архитектора Т. Тораманяна: «О древнейших формах Эчмиадзинского храма». — ЗВО, т. XIX, 052—063.

121. Новые археологические данные о постройках типа Ереруйской базилики». — ЗВО, т. XIX, стр. 064—068.
122. К вопросу о ближайшем сродстве армянского языка с иверским. — ЗВО, т. XIX, стр. 069—072.

1910

123. Яфетический k в армянском языке. — ЗВО, т. XIX, стр. 0154—0159.
124. Об учреждении Анийского Археологического Института. — ИАН, 1910, стр. 438—446.
125. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой коже» Шоты из Рустава. Груз. текст, русский перевод и пояснения с этюдом «Культ женщины и рыцарство в поэме». — ТР, кн. XII. LVI + 54 стр.
126. Из поездки в Турецкий Лазистан. Впечатления и наблюдения. — ИАН, 1910, стр. 547—570 и 607—632 [с 30 рисунками].
127. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем. — МЯЯ, т. II, стр. VIII + XXVI + 240 (с таблицами).
128. Камень с армянскою надписью из Ани в Азиатском Музее [со снимком]. — ИАН, 1910, стр. 1149—1151.
129. Два яфетических суффикса -te (-tı → -t) в грамматике древнеармянского (ħайского) языка. — ИАН, 1910, стр. 1245—1250.
130. Надпись Епифания, католикоса Грузии (из раскопок в Ани 1910 г.) с фототип. воспроизв. — ИАН, 1910, стр. 1433—1442.
131. Яфетическое происхождение ħайского բերան beran рот. — ИАН, 1910, стр. 1491—1494.

1911

132. Сирийское происхождение ħайск. դամբարան dambaran [оссуарий;] могила; склеп. — ЗВО, т. XX, стр. 064—066.
133. Яфетические элементы в языках Армении. I. Происхождение ħайских слов: e-rkın небо, e-rkaϑ железо, arṫ-aϑ серебро, ħarıwr сто. — ИАН, 1911, стр. 137—145.
134. Яфетические элементы в языках Армении. II. Десибиляция яфетического начального ṭ в ħайском. — ИАН, 1911, стр. 469—474.
135. Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии). — ЗВО, т. XX, стр. 99—151.
136. Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст. Введение, издание, перевод с Дневником поездки в Шавшию и Кларджию [65 рисунков]. — ТР, т. VII, 012 + LXX + 151 + 216 стр.
137. Бог Σαβάζιος у армян. — ИАН, 1911, стр. 759—774.
138. Где сохранилось сванское склонение? — ИАН, 1911, стр. 1199—1206.
139. Грузинские приписки греческого евангелия из Коридии. — ИАН, 1911, стр. 211—240.
140. Об армянской иллюстрированной рукописи из халкедонитской среды. — ИАН, 1911, стр. 1297—1301.

1912

141. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. — МЯЯ, т. V.
142. Кавказ и памятники духовной культуры. Речь, читанная в торжественном собрании АН 29. XII. 1911 г. — ИАН, 1912, стр. 69—82.
[Переиздано отдельной брошюрой. Изд. Армянского Института в Москве. Петроград, 1919].
143. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства. — ИАН, 1912, стр. 423—432.
144. Яфетические элементы в языках Армении. III. К яфетическому r в ħайском. — ИАН, 1912, стр. 595—600.
145. История термина «абхаз». — ИАН, 1912, стр. 697—706.

1913

146. Фрако-армянский Sabadıos-aswaṫ и сванское божество охоты. — ИАН, 1912, стр. 827—830.
147. Яфетические элементы в языках Армении. IV. h. elıṭ > [elınt] elınd̂ крапива; h. erınd̂ телица > ard̂-ar крупный рогатый скот. — ИАН, 1912, стр. 831—834.
148. Тубал-кайнский вклад в сванском. I. ṫäш муж, ṫıшq̇ нога; — gyanṫw бузина. — ИАН. 1912, стр. 1093—1097.
149. След ἀγάπη у армян. — ХВ, т. I, стр. 41—42.
150. [О «Мире Ислама»] ХВ, т. I, стр. 95—96.

151. [Поправка к сообщению «Об армянской иллюстрированной рукописи из халкедонитской среды»] ХВ, т. I, стр. 96.

152. [О работе P. Peeters'a «La version géorgienne de l'autobiographie de Denys l'Aréopagite»] ХВ, т. I, стр. 96—97.

153. Рец.: К. С. Кекелидзе, Иерусалимский канонарь VII в. — ХВ, т. I, стр. 114—122.

154. [О hайском qaϑ, арм. qeϑ 'крест'] ХВ, т. I, стр. 238.

155. Рец.: Гарегин Овсепян, Ոսկերչական արուեստին մի նմուշ ժգ դարում (Խոտակերաց Ս. Նշան) ['Образчик золотых дел мастерства в XIII в.: св. знамение монастыря Хотакерац, т. е. Травоедов'] Тифлис, 1912. — ХВ, т. I, стр. 239—241.

156. Великий юбилей армянского письма и печати. — ХВ, т. I, стр. 348—349.

157. Санаhинская скульптурная группа ктиторов. — ХВ, т. I, стр. 350 [с таблицей].

158. Фресковое изображение парона Хутлу-буги в Ахпате (hАгбате). — ХВ, т. I, стр. 350—353 [с таблицей].

159. Рец.: P. Peeters, De codice hiberico Bibliothecae Bodleianae Oxoniensis. — ХВ, т. I, стр. 354—356.

160. Рец.: К. С. Кекелидзе, Древнегрузинский архиератикон. Тифлис, 1912, — ХВ, т. I, стр. 356—363.

161. Рец.: P. Peeters, Romain le Néomartyr (+ 1 mai 780) d'après un document géorgien. — ЗВО, т. XXI, стр. 093—0103.

162. Яфетические элементы в языках Армении. V. 1) арм. tat [← *tat$^e/_ı$] бабушка; h. hen-$^e/_ı$ (han-ık) > han бабушка; 2) h. mud- [< *mud-] угасание; mud-an-em гасну, mud-uϑ-an-em гашу. — ИАН, 1913, стр. 175—181.

163. Древне-грузинский словарь к 1—2 главам евангелия Марка. СПб., 1913.

164. Из лингвистической поездки в Абхазию (к этнологическим вопросам). — ИАН, 1913, стр. 303—334 [с 2 табл.].

165. Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 г.). — ХВ, т. I, стр. 1—36 [с табл.].

166. К вопросу об аркауне. — ХВ, т. II, стр. 144—145.

167. О новом списке сборника армянских церковных песнопений. — ХВ, т. II, стр. 145.

168. К вопросу об ἀγάπη в Армении. — ХВ, т. II, стр. 145—147.

169. О сирийских заимствованиях в hайском. — ХВ, т. II, стр. 147—149.

170. О начале христианства в Грузии. — ХВ, т. II, стр. 149.

171. О грузинских церковных облачениях. — ХВ, т. II, стр. 149.

172. О чудотворной грузинской иконе монастыря Бачково в Болгарии. — ХВ, т. II, стр. 149—150.

173. Болгарский ли царь Асень? — ХВ, т. II, стр. 151.

174. Рец.: А. А. Васильев, Карл Великий и Харун-ар-Рашид. — ХВ, т. II, стр. 161—162.

175. Яфетические элементы в языках Армении. VI. Расклинивание согласных гласными. — ИАН, 1913, стр. 417—426.

176. XI Анийская археологическая кампания. Приложение к труду — Книжная история Ани и раскопки на месте городища [с 2 табл. и 60 рис.]. — ТР, т. XIII, стр. 1—61.

177. Заимствование числительных в яфетических языках. — ИАН, 1913, стр. 789—790.

178. Заметки по текстам св. Писания в древних переводах армян и грузин. §§ 1—24, 25—37. — ХВ, т. II, стр. 163—174 и 263—274.

1914

179. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (Предварительное сообщение). — ЗВО, т. XXII, стр. 31—106.

180. Абхазское происхождение грузинского термина родства bida 'дядя'. — ИАН, 1914, стр. 143—146.

181. Яфетические элементы в языках Армении. VII. 1) h. heğd-ul || арм. qeğd-el душить; 2) h. eğt растление, разрушение; 3) h. ıgd гадание, колдовство, h. ogerd воздаяние, подношение. — ИАН, 1914, стр. 357—364.

182. Эчмиадзинский фрагмент древне-грузинской версии Ветхого Завета. — ХВ, т. II, стр. 378—388.

183. Синодик Крестного монастыря в Иерусалиме. Грузинский текст с 16 палеографическими рисунками. — Bibliotheca Armeno-Georgica, III, V — XXVIII + 1 + 78 стр.

184. Рец.: М. Церетели, Sumerian and Georgian в Сборнике გვირგვინი, 1912, стр. 26—117. — Газета თემი, 1914.

185. Из абхазских личных имен. — ХВ, т. II, стр. 400—402.

186. Об источниках деградации народного бога tarm-aϑ в грузинской среде. — ХВ, т. II, стр. 402—403.

187. К вопросу о сиринах. — ХВ, т. II, стр. 404.

188. К житию и мученичеству св. Антония Раваха. — ХВ, т. II, стр. 404 — 405.

189. Известная грузино-греческая рукопись. — ХВ, т. II, стр. 405.

190. Сирийская версия Возражений Тимофея Элура против Халкедонского собора. — ХВ, т. II, стр. 405—406.

191. ««Согдийская» версия св. Писания. — ХВ, т. II, стр. 406—407.

192. К датировке ктиторской надписи Текорского храма. — ХВ, т. III, стр. 56—71 [с 2 табл.].

193. Один вид грузинского криптографического письма. — ХВ, т. III, стр. 205—207.

194. Аспургианы. Приложение II к статье М. И. Ростовцева «Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа». — Древности (изд. МАО), т. XXV, стр. 27—31.

195. О происхождении имени Анапа. — Зап. разр. военн. арх. и археограф. Русск. Военно-Историч. Общ-ва, 1914, стр. 1—3 [отд. отт.].

196. О написании сложных слов и раскрытии титла (руководство для издателей древне-грузинских текстов), стр. 7. Пособие для работ по армяно-грузинской филологии. I. СПб. 1914.

197. Яфетические элементы в языках Армении. VIII. 1) q̇ənḓoyq (< q̇unḓ-oy-q) веселие, пир; 2) q̇əndal (< q̇ind-al < q̇und-al) радоваться, веселиться; 3) təq̇ur (< te-q̇ur) печальный, букв. невеселый; 4) q̇əraq̇ (< q̇ur-aq̇) превеселый. — ИАН, 1914, стр. 1235—1240.

198. О цова-тушинском в наречиях андо-дидойской группы. — ИАН, 1914, стр. 21—22.

1915

199. Заметки по текстам св. Писания. §§ 38—46. — ХВ, т. III, стр. 249—262.

200. К армянской надписи Санаһинского моста. — ХВ, т. III, стр. 314—315.

201. О религиозных верованиях абхазов (К вопросу об яфетическом культе и мифологии). — ХВ, т. IV, стр. 113—140.

202. К исследованию пещер Ахпата и Санаһина. — ХВ, т. IV, стр. 194—195.

203. Отрывок армянского пергаментного евангелия лапидарным письмом. — ХВ, т. IV, стр. 195—197 [с 1 табл.].

204. Из памятников Джульфинского кладбища. — ХВ, т. IV, стр. 198 [с 1 табл.].

205. Епископ Карапет. Некролог. — ХВ, т. IV, стр. 226—228.

206. Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). — ИАН, 1915, стр. 769—780, 821—852, 937—950.

207. Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа. — ИАН, 1915, стр. 1731—1738.

208. Записка о регистрации как вывезенных, так и брошенных на месте на произвол судьбы рукописей и древностей занятой нами части Турецкой Армении. — ИАН, 1915, стр. 1711—1719.

209. Программа для работ С. В. Тер-Аветисяна. — ИАН, 1915, стр. 1893—1894.

210. Рец.: И. А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка. — ЗВО, т. XXIII, стр. 208—216.

211. Кавказский культурный мир и Армения. — ЖМНП, июнь, стр. 280—330.

212. Памятники армянского искусства. Ани. Дворцовая церковь (под ред. Н. Я. Марра).

213. О Чалдырской халдской надписи. — ЗВО, т. XXIII, стр. 111.

1916

214. Заметки по текстам св. Писания. §§ 47—84. — ХВ, т. IV, стр. 229—245.

215. Еще о термине ხატი q̇atı 'образ', 'подобие'. — ХВ, т. IV, стр. 313—314.

216. Одна мелочь в арабской транскрипции имен в списках никеян. — ХВ, т. V, стр. 51.

217. Рец.: Н. Г. Адонц, Дионисий Фракийский и армянские толкователи. П., 1915. — ХВ, т. V, стр. 52—66.

218. Яфетические элементы в языках Армении. IX. 1) ṫal-el складывать, ṫal складка, ṫal-q складки; 2) ḣaw+at-q вера, ḣaw+as-tı верный, ḣaw+an [верование] убеждение; ḣam+oz-el убеждать. — ИАН, 1916, стр. 233—238.

219. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. — ИАН, 1916, стр. 1379—1408.

220. Отчет о командировке летом 1916 г. на Кавказ для охраны памятников в районе военных действий. — ИАН, 1916, стр. 1481—1483.

221. О знаках препинания при издании древне-грузинских текстов. — Пособие для работ по армяно-грузинской филологии, III. СПб., 1916, стр. 1—12.

222. К дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию. — ИАН, 1916, стр. 1689—1692.

223. Основные положения о Кавказском историко-археологическом институте. — ИАН, 1916, прил. к прот. IX заседания ОИФ. 18. V. 1916.

224. Кавказоведение и абхазский язык. — ЖМНП, май, стр. 1—27.

225. Описание Дворцовой церкви в Ани [с 14 рис.]. — Анийские древности, I. СПб., 1916, стр. 1—38.

226. Программа для собирания диалектических материалов по грузинскому языку. — Пособия для работ по армяно-грузинской филологии, IV. СПб., 1916.

1917

227. Отчет Анийского музея древностей за 1915 г. — Птг., 1917.
228. О вкладе христианского востока в древнерусское искусство. — ХВ, т. V, стр. 221—222.
229. О Пицунде и постройке Юстиниана в Абхазии. — ХВ, т. V, стр. 222.
230. Из современной арабской литературы. — ХВ, т. VI, стр. 87—90.
231. О «Набарнугии», мирском имени Петра Ивера. — ХВ, т. VI, стр. 95—97.
232. О транскрипции кавказских собственных имен. — ХВ, т. VI, стр. 97.
233. Непочатый источник истории Кавказского мира (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан 24 дек. — 12 янв.). — ИАН, 1917, стр. 307—338.
234. Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема. I. Племенная среда. II. Культурная среда и эпоха. — ИАН, 1917, стр. 415—446, 475—506.
235. О Кавказском историко-археологическом институте. — ИАН, 1917, стр. 962—994.
236. Доклад о подготовительной деятельности к открытию Кавказского историко-археологического института. — ИАН, 1917, стр. 1000—1006.
237. О халдском pul-ı «камень» || pıl-ı [«камень», «каменная труба»;] «водопровод», «канал». — ИАН, 1917, стр. 1279—1282.
238. Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению. — ЗВО, т. XXIV, стр. 97—124.
239. Обломки Делибабинской халдской надписи. — ЗВО, т. XXIV, стр. 123—132.
240. Отзыв о трудах Л. Г. Лопатинского. — ЗВО, т. XXIV, стр. 269—274.
241. О записывании абхазских текстов. — Пособия для работ по яфетическому языкознанию. I. II. 1918.

1918

242. Яфетические элементы в языках Армении. X. А. История ďğow-ar > ďğu-ar, основы груз. mo-ďgu-ar-ı [«передний», «вождь»] «глава» > «учитель». В. 1) арм. a-beð «трут», 2) h. and-re-w «дождь», 3) h. hər-deh «пожар», h. ḍah «пламя», «свет», «костер», «факел», «люстра», 4) h. ḍaw-n$^{e}/_{ı}$ «подношение», «освящение», 5) h. deym «лицо» и deyp [«лицо» >] «напротив», «навстречу» и т. п., 6) h. ḍew [«лицо» >] «вид», «образ», 7) h. ə-skəs-an-el «начинать», ı-skız-bən «начало», 8) h. tey-s «порядок», «правило», 9) h. ha-s «достигший», «постигший», «поспевающий», «зрелый», и пр., 10) h. ane-y-ṭq «проклятие». — ИАН, 1918, стр. 317—348.
243. Записка о Кавказском историко-археологическом институте. — ИАН, 1918, стр. 1410—1411.
244. О деятельности Кавказского историко-археологического института. ИАН, 1918, стр. 1472—1473.
245. К вопросу о реорганизации Лазаревского института восточных языков. — ИАН, 1918, стр. 1474—1490.
246. О Кавказском университете в Тифлисе. — ИАН, 1918, стр. 1496—1516.
247. Ossetica-Japhetica. I. ϕaqond-ı осетинских сказок и яфетический термин ϕaskund «маг», «вестник», «вещая *птица*». — ИАН, 1918, стр. 2069—2100.
248. Записка о преобразовании Специальных классов Лазаревского Института Восточных языков в Этнологическо-Историко-Филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского Института. — П. 1918, стр. 3—16.

1919

249. Яфетические элементы в языках Армении. XI. 1) h. ḅorot «прокаженный» и груз. ḅoroṭı «бешеный»; «гневный»; «злой»; «лукавый»; «больной» || a) груз. a-mrız+eb-ul-ı «разъяренный»| b) груз. ḅraz-ı «бешенство»; — 2) арм.-h. qayl «шаг» || qel-va «попирать ногами» и груз. gwale «ходить»; 3) арм. — h. ḍağq̌-el > ḍaq̌-el «удариться» || h ḍaḍḍaq̌-el «ломать», «крошить» и г. ḍaq̌+eb-a || «удариться» || чанск. on-ḍaq̌-u «бить», «колотить»; арм. ṭaq-el- || h. ṭeğq-el и груз. ṭeq-a: арм. traq-el и мегр. terq̌ || чанск. troq̌; 4) h. erkır paganel «бить [челом] землю» > «поклоняться», «целовать» и груз. ϑav-kuanıs-ϑema-y «головою землю бить» > «поклоняться». — ИАН, 1919, стр. 395—414.
250. Ossetica-Japhetica. I. Дополнение к статье»: ϕaqond-ı осетинских сказок и яфетический термин ϕaskund «маг», «вестник», «вещая *птица*». — ИАН, 1918, стр. 2307—2310.
251. Отчет о деятельности Кавказского Историко-археологического института за 1918 г. — СПб., 1919.
252. Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи на Чалдырском озере. Издание, перевод, исследование. — Записки Кавказского музея. Серия В, I. СПб., 1919, стр. 1—38+4 табл.
253. О реорганизации гуманитарных факультетов первого Петроградского университета [совместно с С. А. Жебелевым]. — П., 1919, 19 стр.

1920

254. Армянский термин arq-ay [маг» || «жрец» > «жрец-вождь» || «жрец-царь» > «вождь» || «царь». — ИАН, 1920, стр. 100—111.

255. Нарицательное значение термина ḉера в «митанских» женских именах (по яфетическим данным) — ИАН, 1920, стр. 121—127.

256. О яфетическом происхождении баскского языка. — ИАН, 1920, стр. 131—142.

257. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры. — МЯЯ, т. XI. Лейпциг, 1920 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 31—104] [Немецкий перевод см. № 296], 54 стр.

258. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (Рабочий проспект). — ТКИПС, вып. III, стр. 1—64.

259. Фрагмент халдской надписи из Алашкерта. — ИРАИМК, т. I, стр. 51—60.

260. Кавказ. Азиатский музей АН за 1818—1918. — Изд. АН, стр. 91—99.

1921

261. Надпись Русы II из Маку. — ЗВО, т. XXV, стр. 1—54.

262. Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. — ЗВО, т. XXV, стр. 229—256.

263. К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги». — ЗВО, т. XXV, стр. 301—336.

264. Рец.: M. Tseretheli, «Sumerian and Georgian». — ЗВО, т. XXV, стр. 453—464.

265. Ani, la ville arménienne en ruines d'après les fouilles de 1892—1893 et de 1904—1917. — Revue des Etudes Arméniennes, I, 4, стр. 395—410.

266. ṯam dam (Գաղափարագիր) ամուսին կառի յաբեթական ծագում ['Яфетическое происхождение термина 'супруг', идеограмма ṯam-dam']. — Հանդէս Ամսօրեայ, 1921. Вена, № 1—2, стр. 78—83, № 3—4, стр. 220—227.

267. Ճնճղուկ [ṭeṭǧuk 'воробей']. — Հանդէս Ամսօրեայ, 1921, № 3—4, стр. 227.

1922

268. Два грузинских архитектурных термина — «ачрдил» и «балавар». — ХВ, т. VI, стр. 285—298.

269. «Трон» или «икона»? — ХВ, т. VI, стр. 321—324.

270. Памяти И. А. и Д. А. Кипшидзе и С. Ломиа. — ХВ, т. VI, стр. 334—340.

271. О фрагменте грузинской версии «Детства Христа». — ХВ, т. VI, стр. 343—347.

272. Из гурийских народных преданий о постройке Зарзмского монастыря. — ХВ, т. VI, стр. 347—350.

273. Имена Бут и Иоасаф в армянском быту. — ХВ, т. VI, стр. 351—352.

274. Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям у кавказских яфетидов. — ХВ, т. VI, стр 352—353.

275. Извлечение из сванско-русского словаря (ა-ჭ, ხ-ჶ). — МЯЯ, т. X.

276. Талыши. — ТКИПС, вып. IV, стр. 1—24.

277. Кавказские племенные названия и местные параллели. — ТКИПС, вып. V, стр. 1—39.

278. Яфетические названия красок и плодов в греческом. — ИРАИМК, т. II, стр. 325—331.

279. Каппадокийцы и их двойники. — ИРАИМК, т. II, стр. 332—336.

280. Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа. — Петр., 1922. I — II + 1—63 стр.

281. Предисловие к ЯС, т. I. — ЯС, т. I, стр. I — IV.

282. Положение об Институте яфетидологических изысканий. — ЯС, т. I, стр. I — IV.

283. Du terme basque «udagara» 'loutre'. — ЯС, т. I, стр. 1—30.

284. К вопросу об яфетидизмах в германских языках. — ЯС, т. I, стр. 43—56.

285. К вопросу об яфетидизмах в албанском. — ЯС, т. I, стр. 57—66.

286. Термин «скиф». — ЯС, т I, стр 67—132.

287. 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени, и еще два этапа в его миграции. — ЯС, т. I, стр. 133—136.

288. Термин βασιλεύς. — ЯС, т. I, стр. 137—142.

289. Яфетический подход к палеонтологии семитических языков. — ЯС, т. I, стр. 143—145.

290. Яфетиды. — Восток. кн I, стр. 81—92 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 105—123; сокращенный немецкий перевод: Die Japhetiten. Der neue Orient, вып. 8, стр. 262—268; армянский перевод: Յաբեթականներ, Эривань. № 2, стр. 166—172].

291. La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pélasges. — Изд. АН, Петр., 1922, 7—48 стр.

292. Введение к труду «Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван». — Изд. Русск. Археол. Об-ва. Петр. 1922, стр. 1—4.

293. Надпись Сардура Второго из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Изд. Русск. Археол. Об-ва. Петр., 1922, стр. 25—68 + табл. A-G и I—XX.

294. К изучению современного грузинского языка. — Изд. ПИЖВЯ. Петр., 1922, стр. 22.

295. Место центральных музеев в культурном строительстве. — Известия ВЦИК, 6 и 13 авг. 1922 г. №№ 175/1614 и 181/1620.

1923

296. Der japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur. — Japhetitische Studien, вып. II. Лейпциг, 1923, стр. 76.

297. რით ცხოვრობს იაფეტური ენათმეცნიერება ['Чем живет яфетическое языкознание'; на грузинском языке и в яфетидологической транскрипции]. — Изд. ПИЖВЯ. Петр. 1922.

298. Предварительный отчет о командировке в пределы древней Этрурии и Баскии.—ИАН, 1921, стр. 725—739.

299. ქართლის ცხოვრება..., გამოცემული ლვ: წლით მ. ბროსსე, ნაწილი პირველი ა. რვეული. ხელმეორედ დაბეჭდილი აკადემიკოს ნ. მარის თვალმიდევნით. ['История Грузии... изданная по-грузински М. Броссе. Часть 1-я, I-й вып. (частично), переиздание Н. Марра']. Изд. АН. I + II + + 200 стр.

300. *Իմ սանող Տէրյանի յիշատակին («Ընձենաւոր-ի թարգմանութեան առիթով). Թարգմ. ռուսերէնից Քալանթար* ['Памяти моего ученика В. Терьяна (по поводу перевода «Витязя в барсовой шкуре»). Пер. с русского Калантара']. — *Նոր*, № 1, стр. 120—126.

301. Avant-propos к ЯС, т. II. — ЯС, т. II, стр. I—IV.

302. Записка об уточнении организации занятий ЯИ. — ЯС, т. II, стр. VIII—X.

303. Quelques termes d'architecture désignant 'voûte' ou 'arc'. — ЯС, т. II, стр. 137—167.

1924

304. К толкованию имени Гомер. — ДАН, 1924, стр. 2—5.

305. Индо-европейские языки Средиземноморья. — ДАН, 1924, стр. 6—7 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 244—245]

306. 'Север' и 'мрак' || 'левый' от Пиренеев до Месопотамии. — ДАН, 1924, стр. 8—11.

307. 'Смерть' ← 'преисподняя' в месопотамско-эгейском мире. — ДАН, 1924, стр. 12—14.

308. О 'небе', как гнезде пра-значений. — ДАН, 1924, стр. 23—26.

309. Из семантических дериватов 'неба'. — ДАН, 1924, стр. 27—28.

310. Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба'. — ДАН, 1924, стр. 29—31.

311. Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. — ИРАИМК, т. III, стр. 257—287.

312. Заметки по яфетическим клинописям. — ИРАИМК, т. III, стр. 288—304.

313. Об яфетической теории. — НВ, кн. V, стр. 303—339 [то же отд. изд. ВНАВ, М., 1924; перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 190—243].

314. Термины из абхазо-русских этнических связей. Термины «лошадь» и «тризна» (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения). — Изд. Наркомпроса Абхазии. Л., 1924, 57 стр.

315. ნაპერწკლები და შენიშვნები იაფეტური თეორიის შესახებ ['Искры и заметки об яфетической теории']. — მნათობი, № 5, стр. 231—237.

316 Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков μέγαρον, у римлян ātri-um. — ИАН, 1924, стр. 225—236.

317. Название этрусского бога смерти Kalu и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт-слепец'. — ИАН, 1924, стр. 183—194.

318. Шумерские слова с основой en в освещении одного из положений яфетической семантики. — ДАН, 1924, стр. 45—46.

319. Пережитки еще семантических групп 'Небо + Вода' из шумерского языка. — ДАН, 1924, стр. 63—64.

320. Из яфетических пережитков в русском языке. I. «Мяч». II. «Племя». III. «Красный». — ДАН, 1924, стр. 65—67.

321. Составной характер этрусского tusurϑı 'девушка', 'дочь'. — ДАН, 1924, стр. 113—115.

322. К вопросу о префиксовых образованиях в баскском. — ДАН, 1924, стр. 159—162.

323. Яфетидизмы в ассирийском из семантической группы 'небо' || 'гора' || 'голова'. — ДАН, 1924, стр. 163—164.

324. Новый абхазский алфавит. — Газета «Голос трудовой Абхазии». Сухум, 18, 19 и 20 IX 1924, №№ 208/944, 209/945 и 210/946.

325. Наука и Октябрь. — «Красная газета», веч. вып., 26 XI 1924, № 270/660.

1925

326. *Հայկական մշակոյթը, նրա արմատները և նախապատմական կապերը ըստ լեզուագիտութեան* ['Армянская культура, ее корни и доисторические связи по [данным] лингвистики']. — Париж, 1925.

327. Предисловие к ТРКФ, т. I. — ТРКФ, т. I, стр. I — III.

328. Вступительная лекция в Лазаревском Переднеазиатском Институте [К читавшемуся в 1919 г. курсу «Главнейшие этапы развития культуры Кавказа»]. — ТРКФ, т. I, стр. 1—13.

329. О кавказской версии Библии в грузинских палимпсестных фрагментах. — ТРКФ, т. I, стр. 50—65.

330. По поводу русского слова «сало» в древне-армянском описании хазарской трапезы VII в. (к вопросу о древнерусско-кавказских отношениях). — ТРКФ, т. I, стр. 66—125.

331. Analyse nouvelle du terme Pyrénées. — ДАН, 1925, стр. 5—8.

332. Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индо-европейских языков. — ДАН, 1925, стр. 9—10.

333. Les Pyrénées ou Monts Ioniens. — ДАН, 1925, стр. 15—18.

334. К этрусцизму индо-европейского термина 'дочь'. — ДАН, 1925, стр. 46.

335. Чувашские слова с основой «иу» в освещении одного из положений яфетической семантики. — ДАН, 1925, стр. 50.

336. Краеведение. — Изд. Асс. горск. краев. орган. Сев. Кавказа. Ленинград — Махач-Кала, 1925, 19 стр.

337. Краеведческая работа. — НР, кн. I, стр. 10—18. М., 1925.

338. ქართველ ერის კულტურული შუბლი ენათ მეცნიერების მიხედვით ['Культурный фронт грузинского языка с точки зрения яфетической теории']. — მნათობი, № 4(12), стр. 192—211, № 5—6 (13—14), стр. 289—328.

339. Материалы по хемшинскому наречию армянского языка. — ЗКВ, т. I, стр. 73—80.

340. Из грузино-персидских литературных связей. — ЗКВ, т. I, стр. 111—138.

341. К грузинским надписям из Месхии. — ЗКВ, т. I, стр. 228—232.

342. Из поездки к европейским яфетидам. — ЯС, т. III, стр. 1—64 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 124—189].

343. Postface к ЯС, т. III. — ЯС, т. III, стр. 165—177.

344. Грамматика древнелитературного грузинского языка. — МЯЯ, т. XII.

345. Основные достижения яфетической теории. — Изд-во «Буревестник», Ростов н/Д, 1925 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 246—277], стр. 9—30.

346. Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам. — ИАН, 1925, стр. 951—964.

347. Ольвия и Альба Лонга. — ИАН, 1925, стр. 663—672.

348. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий. — ИАН, 1925, стр. 673—698.

349. Прилагательные 'длинный' и 'короткий' (из доисторической семантики). — ИАН, 1925, стр. 797—812.

350. Отчет о командировке в Абхазию. — ИАН, 1925, стр. 992—993.

351. Сухум и Туапсе (кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья). — ИРАИМК, т. IV, стр. 299—310.

352. Академия наук и изучение народов Кавказа. — Заря Востока, 5 IX 1925, № 969.

353. Будущее Академии наук. — Журн. «Огонек», специальный номер, посвященный двухсотлетию Академии наук.

354. К происхождению языков. — «Красная газета», вечерний выпуск, 11 X 1925, № 247/935 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 278—283].

355. Язык будущего. — «Вестник знания», номер, посвященный двухсотлетию Академии наук.

356. Молодежь и научные библиотеки. — Библиотечное обозрение, кн. 2, стр. 119—120.

1926

357. Филистимляне, палестинские пеласги и расены или этруски (Из мира лошадей от Пиренеев до Малой Азии, до Руси). — Научно-литерат. сборн. «Европейская мысль», стр. 11—41. Л., 1926.

358. Предисловие к Восточному сборнику Публичной библиотеки. — ВС, т. I, стр. I—XVI.

359. Абхазоведение и абхазы (к вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы). — ВС, т. I, стр. 123—166.

360. Происхождение американского человека и яфетическое языкознание. — ВС, т. I, стр. 167—192.

361. Материалы к унификации библиотечной транскрипции письмен восточных народов. — ВС, т. I, стр. 193—200.

362. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике. — Чув. Госиздат, Чебоксары, 1926, стр. 22.

363. Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма). — Изд. ЛИЖВЯ. Труды, яфетического семинария, I. Л, 1926, 5—52 стр.

364. К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории. — ИАН, 1926, стр. 349—354.

365. Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия 'рыба'. — ИАН, 1926, стр. 385—397.

366. К определению племенного происхождения Георгия, сына Тамары. — ИАН, 1926, стр. 473—478.

367. Ueber die Entstehung der Sprache. — Unter dem Banner des Marxismus, Heft 3, 1926, Januar [русский текст — «О происхождении языка» — ПЭРЯТ, стр. 286—335].

368. Haima 'брат' || 'кровь'. — Сборник в честь С. А. Жебелева [рукописный], стр. 456—462. Л., 1926.

369. Яфетическая теория и семантика китайского языка. — ДАН, 1926, стр. 39 [перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 284—285].

370. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историею материальной культуры). — Изд. КИАИ, 1926, стр. 48.

371. Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии (с предисловием). — Ком. по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР. Л. 1926. Стр. 32.

2-е издание, исправленное и дополненное. — Научно-Исслед. Институт этнич. и национальных культур народов Востока СССР. Л., 1926, стр. 33.

372. Пособие для изучения живого грузинского языка, вып. I. — Труды яфетического семинария ЛИЖВЯ. Л., 1926, стр. I + VIII + 99.

373. Русское «человек», абх. аоуэ. — ДАН, 1926, стр. 81—84.

374. Предисловие к ЯС, т. IV. — ЯС, т. IV, стр. V — X.

375. Origine japhétique de la langue basque. — Сборник «Язык и литература», т. I, стр. 193—260. Изд. ИЛЯЗВ. Л., 1926.

376. Две новые работы Uhlenbeck'a по баскскому языку. — Сборник «Язык и литература», т. I, стр. 261—278. Изд. ИЛЯЗВ. Л., 1926.

377. О полигении семантики ('брат' и 'кровь'). — ИАН, 1926, стр, 781—786.

378. Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы'. 'Глаза' космические — 'солнце' и 'луна'. II. Числительное 'два' и глагол 'считать'. — ДАН, 1926, стр. 93—96.

379. К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова. — ВКА, кн. XVI, стр. 133—139.

380. Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево'. IV. 'Рыба' ← 'вода'. — ДАН, 1926, стр. 109—112.

381. Предисловие к Сборнику статей «По этапам развития яфетической теории» (ПЭРЯТ). — Изд. Инст. этнических и национальных культур народов Востока СССР, стр. I — VII. Л., 1926.

382. Скифский язык. — ПЭРЯТ, стр. 336—387.

383. Чуваши-яфетиды на Волге. — Изд. Чув. Госиздата. Чебоксары, 1926, стр. 74 + 1.

384. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры. — СГАИМК, т. I, стр. 37—70. Л., 1926.

385. Не страшны землетрясения, не страшны вражеские удары. — «Красная газета», веч. вып., 18 XI 1926, № 273/1277.

386. Le Synaxaire géorgien, réd. ancienne de l'union arm.-géorg., publié et traduit d'après le manuscrit du couvent Iviron du Mont Athos. — Patrol. orient., XIX, fasc. 5. Paris, 1926.

387. Отчет о лингвистической поездке к вол-камским народам. — ИАН, 1926, стр. 1825—1832.

388. Китайский язык и палеонтология речи. V. Берская 'лошадь' от моря до моря. — ДАН, 1926, стр. 129—132.

389. Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории). — ДАН, 1926, стр. 133—134.

390. От шумеров и хеттов к палеоазиатам (по енисейско-остяцким материалам И. В. Анучина). — ДАН, 1926, стр. 135—136.

391. Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе. — Изд. Акад. абх. языка и литературы. Л., 1926, стр. LV + 159.

1927

392. Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории. — «Книга о книге». Изд. Института книговедения, стр. 45 + 82. Л., 1927.

393. Из до-истории Индии и Вол-камья по названиям городов. — Вост. Зап. ЛИЖВЯ, стр. 223—234. Л., 1927.

394. К пересмотру распределения шумерского словаря. I. mu. — ДАН, 1927, стр. 7—12.

395. Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении. — «Краеведение», т. IV, вып. I, стр. 1—20. Л., 1927.

396. Государственная академия истории материальной культуры. — НР, 1927, № 2, стр. 27—36.

397. Задачи секции научных работников. — НР, 1927, № 2, стр. 69—73.

398. К палеонтологии речи по грузинской лексике. § 1. 'Ларец' moʒǫe и 'рай' (← 'сад') sa-moʒǫe [← 'дерево', resp. 'деревья' || 'лес']. — ДАН, 1927, стр. 79—82.

399. Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § 1. 'Пить' ← 'вода'.— ДАН, 1927, стр. 82—84.

400. К вопросу о топонимике Крыма (к его методологической постановке). — Изв. Таврич. Общ. ист., арх. и этногр., т. 58, стр. 115—118. Симферополь, 1927.

401. Секция научных работников и советская общественность. — НР, 1927, № 3, стр. 17—23.

402. Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке [читанного в Азербайджанском гос. университете]. — Изд. Восточного факультета Азербайдж. гос. университета имени В. И. Ленина. Баку, 1927.

403. Грузинские поправки и дополнения к палеонтологии речи. — ДАН, 1927, стр. 97—101.

404. Предисловие к книге: Гумреци, Н. Ф. Тигранов и музыка Востока. — Л., 1927, стр. VII — X.

405. Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка. — ДАН, 1927, стр. 143—147.

406. Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским). — ДАН, 1927, стр. 148—150.

407. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков. — Под знаменем марксизма, 1927, июнь, № 6, стр. 18—60.

408. Предисловие к ЯС, т. V. — ЯС, т. V, стр. V — XII.

409. Иштарь (от богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы). — ЯС, т. V, стр. 109—178.

410. Предисловие к сборнику статей «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. V — XIII. — Л., 1927.

411. В. Б. Томашевский, как работник новой лингвистики. — Сборник статей «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. XV — XVIII.

412. О числительных (к постановке генетического вопроса). — Сборник статей «Языковедные проблемы по числительным», т. I, стр. 1—96.

413. 'Зима' || 'смерть' (из палеонтологии речи). — ИАН, 1927, стр. 325—332.

414. О слоях различных типологических эпох в языках прометеидской системы. — ИАН, 1927, стр. 333—344.

415. Предисловие к Известиям КИАИ, т. II, стр. III — V. — Известия КИАИ, т. II, Л., 1927.

416. К Rusthaveliana. — ИАН, 1927, стр. 361—368.

417. Готтентоты-средиземноморцы. — ИАН, 1927, стр. 405—416.

418. Ossetica-Japhetica, II. 1. os. jabät 'пята'; 2. os. dur 'камень'. — ИАН, 1927, стр. 433—440.

419. Государственная академия истории материальной культуры. — Печать и революция, 1927, кн. 7, стр. 285—292.

420. Булгарский язык. — БСЭ, кн. 8, стр. 30—32.

421. Автобиография. — «Огонек», № 27/223.

1928

422. К вопросу об едином языке [Предисловие к книге Э. Дрезена «За всеобщим языком»] стр. 3—9. — ГИЗ, М., 1928 [переиздано в Известиях ЦЕКСЭСР, март—апрель 1928, № 3—4 стр. 66—71].

423. Яфетическая теория. — Изд. Вост. факультета Азербайджанского гос. университета имени В. И. Ленина. Баку, 1928. Стр. VIII + 156.

424. La langue géorgienne. — Revue de l'Orient chrétien, 3-e série, т. (XXVI) VI, №№ 1 et 2, стр. 3—21.

425. Из Пиренейской Гурии (к вопросу о методе). — Изв. КИАИ, т. V, стр. 1—62.

426. Задачи и методы исследовательской работы по археологии и искусствознанию. — НР, авг.—сент. 1928, № 8/9, стр. 10—24.

427. Орудийный и исходный падежи в кабардинском и абхазском. — ДАН, 1928, стр. 219—226.

428. М. Н. Покровский (к шестидесятилетию со дня рождения). — НР, 1928, октябрь, № 10, стр. 3—7.

429. Ученый-революционер. К шестидесятилетию М. Н. Покровского. — Лен. Правда, 25 IX 1928, № 249.

430. Постановка изучения языка в мировом масштабе и абхазский язык. Изд. ЛВИ имени А. С. Енукидзе. Л., 1928. стр. 63.

431. Отчет о командировке в Баку. — ИАН, 1927, стр. 1708—1710.

432. In tempore Ulutorum (из этногонии к скифо-кельтскому вопросу). — ДАН, 1928, стр. 321—327.

433. Отчет о третьей лингвистической поездке заграницу (19 VIII 1927 — 3 III 1928). — ИАН, 1928, стр. 531 — 544.

434. Отчет по весенней (14 апреля — 3 мая 1928) командировке в Абхазию. — ИАН, 1928, стр. 544—549.

1929

435. Предисловие к сборнику «Языковедение и материализм». — Изд. ИЛЯЗВ. «Прибой», Л., 1929, стр. V — XII.
436. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. — Сборник «Языковедение и материализм». Изд. ИЛЯЗВ. «Прибой», 1929, стр. 1—56.
437. Абхазский язык. — ЛЭ, т. I, стр. 18—23.
438. Привет III Всесоюзному съезду научных работников. — НР, № 2, 1929 г., февраль, стр. 3—9.
439. Б. В. Фармаковский. — СГАИМК, т. II, стр. I — IV.
440. Карфаген и Рим, fas и jus. — СГАИМК, т. II, стр. 372—415.
441. Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории. — Изд. Коммунистической Академии. М., 1929, 9—32 стр.
442. Суоми-карельские и семех-картские языки (предварительный отчет). — ДАН, 1929, стр. 29—33.
443. Балкано-сванское скрещение. — ДАН, 1929, стр. 45—46.
444. Арабский термин ḥanīf в палеонтологическом освещении. Предварительный набросок. — ИАН, 1929, стр. 85—95.
445. Речь на открытии III Всесоюзного съезда научных работников. — НР, 1929 г., апрель, № 4, стр. 17—20.
446. Напутствие к «Сборнику аспирантов ГАИМК», стр. 1—10. Л., 1929.
447. Die georgische Sprache. — Das neue Russland, 1928, вып. 5—6, стр. 35—54.
448. К молодежи. По поводу смерти В. М. Фриче. — «Смена», 8 IX 1929.

1930

449. К отчету о заграничной командировке (17 III 1929—22 VI 1929). — ДАН, 1929, стр. 321—327.
450. Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии. — ИГАИМК, т. VI, вып. 1. 36 стр.
451. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. — Труды Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. II. стр. 267—292 [переиздано отдельной брошюрой].
452. Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию марнев. — Изд. Марийского научн. об-ва краеведения. Л., 1930. 42 стр.
453. Язык и письмо. — ИГАИМК, т. VI, вып. 6, стр. 1—23.
Второе издание, исправленное и дополненное — 1931 г., стр. 1—24.
454. Родная речь — могучий рычаг культурного подъема. — Изд. Восточного института имени А. С. Енукидзе. Л., 1930, стр. 1—75.
455. Яфетидология в Лен. гос. университете. — Известия ЛГУ, т. II, стр. 47—68.
456. Яфетические зори на украинском хуторе. (Бабушкины сказки о Свинье-Красном Солнышке). — Ученые записки Института народов востока СССР, т. II, стр. 1—86.
457. К задачам науки на советском Востоке. — Просвещение национальностей, 1930, № 2, стр. 11—15.
458. Стадия мышления при возникновении глагола 'быть'. — ДАН, 1930, стр. 73—78.
459. Язык и письмо. — Просвещение национальностей, 1930, № 3, стр. 50.
460. Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений. — Сборник «На боевом посту». ГИЗ, 1930, стр. 361—384.
461. Готское слово guma 'муж' (к увязке готов с яфетическими народами Кавказа). — ИАН, 1930, стр. 441—465.
462. Основные вопросы культурного строительства в национальных областях. — Известия ЦИК СССР, 29 VII 1930, № 207/4054.
463. Яфетическая теория — орудие классовой борьбы. «Юный пролетарий», 1930, № 17/18, стр. 19—20 [полностью включено в № 475].
464. К реформе письма и грамматики. — «Русский язык в советской школе», 1930, № 4, стр. 44—48.
465. რა წილი აქვს ქართულს ენისშექმნის და განვითარების მსოფლიო ისტორიაში ['Место грузинского [языка] в мировой истории созидания и развития языка']. — Изд. Академии наук ССР Грузии. Тифлис, 1930, стр. 3—29.
466. Предисловие к книге Б. Ковалевского «Страна снегов и башен. Свания». — Изд. «Прибой», Л. 1930, стр. 5—9.
467. Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (к датировке Адышского евангелия и опять к вопросу о скифах-русах). — ДАН, 1930, стр. 168—176.
468. Предисловие к книге Леви-Брюля «Первобытное мышление». — Изд. «Атеист», 1930, стр. XIV — XV.
469. Грузинский язык. — БСЭ, т. 19, стлб. 608—618.
470. Стихийное бедствие. — «Природа и люди», 1930, № 30.

1931

471. К вопросу о происхождении арабских числительных. — ЗКВ, т. V, стр. 611—645.
472. В погоне за живой водой. — СГАИМК, 1931, № 1, стр. 2—6.
473. В. В. Бартольд. — СГАИМК, 1931, № 1, стр. 8—12.
474. К семантической палеонтологии в языках не-яфетических систем. — Известия ГАИМК, т. VII, вып. 7—8, стр. 1—57+2 табл.
475. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. — Изд. Научно-иссл. Института народов советского Востока. Центриздат. М., 1931, стр. 1—126+2 табл.
476. Язык и мышление. — Соцэкгиз, 1931, 3—64 стр.
477. Предисловие к работе М. П. Чхаидзе «Вторая марийская яфетидологическая экспедиция». — Изд. Марийск. обл. об-ва краеведения. Л., 1931, стр. 3—6.
478. Новый поворот в работе по яфетической теории (из результатов научной командировки в Германию). — ИАН, 1931, стр. 637—682.
479. Предисловие к изд.: Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов «Вишапы». — Труды ГАИМК, т. I, стр. 9—56 [русское и французское издание].
480. Доклад в Русском археологическом обществе «Вишапы». — Труды ГАИМК, т. I, стр. 79—105 [русское и французское издание].
481. Яфетические языки. — БСЭ, т. 65, стлб. 827—849.
482 Что дает яфетическая теория истории материальной культуры. — СГАИМК, 1931 г., № 11—12, стр. 7—24.
483. Больше жизни, больше здорового смеха. — Стройка, декабрь, № 36, стр. 15—16.

1932

484. Предисловие к ЯС, т. VII. — ЯС, т. VII, стр. 1—8.
485. Рец.: И. И. Мещанинов, Халдоведение. — ЯС, т. VII, стр. 190—211.
486. К бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме. — Изд. АзГНИИ. Баку, 1932, стр. 3—46+I—III.
487. Нужно ли знать факты (Мысли по осмыслению вежливых способов обращения в современной Персии). — Зап. ИВ АН СССР, 1932, № 1, стр. 201—211.
488. Предисловие к работе И. И. Мещанинова «Язык ванских клинописей». — Труды ИЯМ, т. I, 1932 г., стр. I—II.
489. N. Marr et M. Brière, La langue géorgienne. 1931. Paris, стр. V — XVI + 852 + 2 карты.
490. Предисловие к статье Д. С. Лотте «Упорядочение технической терминологии». — Социалистическая реконструкция и наука, вып. II. Изд. НКТП СССР, 1932 г., стр. 139—142.
491. Предисловие к «Амран». — Изд. Academia, 1932 г., стр. 7—12.
492. Производящий, мыслящий и говорящий Ленинград. — Однодневная газета Лен. дома ученых имени М. Горького «За советскую науку», стр. 3.
493. Вступительное слово на торжественном заседании АН СССР по поводу 40-летия литературной деятельности Максима Горького. — Вестник АН СССР, 1932 г., № 10, стр. 6—18.
494. Язык и современность. — Известия ГАИМК, вып. 60, 3—40 стр.
495. Verba impersonalia, defectiva, substantiva und auxiliaria (mit einer russischen Zusammenfassung). — ИАН, 1932, стр. 701—739.

1933 (по 1 сентября)

496. Ленинизм — оружие советских ученых. — Красная газета, веч. вып., № 18 (3296), 21 I 1933.
497. Академик С. Ф. Ольденбург. — Известия ЦИК СССР, № 42/4973, 12 II 1933.
498. Предисловие к сборнику статей «Этнография на службе классового врага». — Библиотека ГАИМК, № 11, Л. 1933 г., стр. 3—4.
499. Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия (извлечение). — «За социалистическую науку» (газета АН СССР), № 2 (14), 25 II 1933 г.
500. Записка об ученых трудах Н. С. Державина. — Записки об ученых трудах д. членов АН СССР по ООН, избранных в 1931 и 1932 гг., стр. 12—15.
501. Записка об ученых трудах И. И. Мещанинова. — Записки об ученых трудах д. членов АН СССР по ООН, избранных в 1931 и 1932 гг., стр. 20—24.
502. В тупике ли история материальной культуры. — Известия ГАИМК, вып. 67.
503. Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, Гидротехническое строительство и история материальной культуры. — «Гидротехническое строительство», 1933 г., № 3—4, стр. 32.
504. Дружба наук. — «Вечерняя Москва», № 166 (2896), 22 VII 1933 г.
505. Одомашнение собаки.—«Проблема происхождения домашних животных», вып. I, Труды лаборатории генетики АН СССР, стр. 63—76.
506. Сдвиги в технике языка и мышления. — Труды ноябрьской юбилейной сессии АН СССР, стр. 518—535.
507. Письмо и язык.— Письменность и революция. Сборн. I, изд. ВЦК НА, М.-Л., 1933, стр. 14—25.

Предисловие к первому тому

I

Первый том «Избранных работ» Николая Яковлевича Марра является по существу вторым, несколько измененным по составу статей, но не общему плану и заданию, изданием сборника его статей, вышедшего в 1926 году под названием «По этапам развития яфетической теории». Вполне естественно поэтому, что и в качестве общего названия для первого тома настоящего издания избрано наименование «Этапы развития яфетической теории».

В предисловии к первому изданию, которое помещается в качестве первой статьи этого тома, Н. Я. Марр писал, что «ни ... о последнем этапе, ни вообще об яфетической теории в целом настоящий сборник не может иметь претензии дать полное представление. Это — сборник иногда целых отчетов, иногда случайных статей, как случайно бывает темной ночью прорыв лунного сияния из-за плотно облегающих небо туч. Но эти отчеты и случайные статьи всегда общего значения, всегда с посильной для автора формулировкой тех или иных научных положений яфетической теории на определенном этапе ее развития. При характере произведенного подбора статей неизбежно встретиться не раз с рядом яфетидологических аксиом, особенно в вводных частях, повторным изложением одних и тех же элементарных сведений, как необходимых предпосылок. Нельзя было избежать и повторения ретроспективных взглядов на пройденный теорией путь или во всяком случае возвращения в ряде статей к вопросу о пройденных стадиях ее развития».

Сказанное сохраняет полную силу и по отношению ко второму изданию — первому тому «Избранных работ». И здесь в намеченные по плану задачи первого тома не входит развернутая картина нового учения о языке в систематическом порядке. И здесь много положений останется для читателя без доказательства, поскольку в статьях более общего характера приведены общие выводы и результаты, а не вся та длинная цепь доказательств и огромный арсенал фактов, которые позволили прийти к этим итогам. Последовательно знакомясь с материалом включенных в первый том статей, читатель не раз должен будет констатировать повторное изложение тех или иных моментов, не раз натолкнется на возврат к уже разобранным раньше проблемам. Это является неизбежным, так как основная задача первого тома — познакомить с диалектикой развития нового учения о языке, показать смену его проблем, фактических материалов, методов исследования, проследить основные стадии научного пути Н. Я. Марра по его собственным работам обобщающего характера, в которых он резюмировал опыт прошлых лет, намечал программу будущих изысканий.

Недоучет приведенного нами здесь указания Н. Я. Марра на этот специфический характер сборника статей, объединенных общей темой — «По этапам развития яфетической теории», на практике нередко приводил многих, впервые знакомившихся с новым учением о языке по этому сборнику к неправильным в корне представлениям о противоречивости взглядов Н. Я. Марра, об априорном характере и слабой доказанности его основных утверждений, о порочном круге

самого развития яфетической теории, которая все время разрушает свои же собственные достижения, как бы двигаясь по замкнутой сложной кривой из одного тупика в другой.

Именно эти моменты чаще всего фигурируют и в качестве основных доводов в аргументации многочисленных противников нового учения о языке, которые пытаются таким путем дискредитировать теорию, революционизирующую всю науку о языке.

Между тем достаточно лишь самым беглым образом учесть необходимость исторического подхода к тем пяти сотням с лишним трудов, в какие откристаллизовалась сорокапятилетняя научная деятельность Н. Я. Марра, чтобы сразу стало ясным, что развитие нового учении о языке представляет собой единый непрерывный процесс исследовательской работы. Неутомимое добывание все новых и новых фактов, вовлечение в орбиту исследования на каждой новой стадии все новых вопросов, увязывание одной группы проблем с другой взаимно оплодотворяет исследование, которое непрестанно синтезирует добытые положения, проверяя теоретические результаты железной критикой практики фактов.

Само собой разумеется, что долгие годы теоретического формирования и развития нового учения о языке Н. Я. Марра характеризуются не только гигантской работой по привлечению все новых и новых языковых фактов и их научному анализу, но также, и это самое главное, непрерывным изменением содержания самой теории, которая, прилагаясь к все растущему, и количественно и качественно, материалу, неизменно преобразовывалась, углубляя свои построения, меняя общую методологическую базу.

Выдвигая в процессе своего исследования один за другим целые полчища новых, из многочисленных языков добытых фактов, привлекая самые разнообразные научные материалы, развивая с неумолимо строгой логической последовательностью добытые обобщения — положения нового учения о языке, Н. Я. Марр принужден был менять и свою методологию, переходя от формального, метафизического, идеалистического метода, который господствует в буржуазном сравнительном языкознании, к методу диалектического материализма.

Начав свою работу в области языка со строгого следования основным канонам сравнительноисторической науки о языке, хотя и выступая уже на первых шагах своей самостоятельной деятельности как нарушитель догмы об изолированности грузинского языка (догмы, кстати сказать, санкционированной в лингвистике лишь послеклассического периода, в языкознании эпигонов-младограмматиков), Н. Я. Марр в настоящее время активно работает над коренной перестройкой своих лингвистических взглядов на основе диалектического материализма. Тем самым и яфетическая теория, которая на заре своего развития возникла как одно из многочисленных компаративистских построений о родственных связях двух конкретных групп языков, в итоге длительного совершенствования превратилась в развернутую антитезу буржуазного учения о языке, вплотную приблизившись к основам марксистско-ленинского языкознания.

Этот процесс изменения и развития яфетической теории только в очень условном смысле слова может быть назван эволюционным. В действительности

переход к каждой новой ступени выражался в формах катастрофических, революционных. Непрерывное творческое горение Н. Я. Марра приводило его очень часто к тому, что он принужден был собственными руками разрушать им же самим построенные стены научного здания, чтобы из их материалов и на их месте возводить новые сооружения. Так, во вступлении к прочитанному 9-го июля 1920 г. на публичном собрании Академии истории материальной культуры докладу «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» Н. Я. Марр, заявляя о переходе яфетической теории к новому, средиземноморскому этапу, говорит: «Для ученого в моем возрасте и положении, ведь, в порядке вещей, сугубо надлежит твердо отстаивать то и письменно держаться того, что он давно открыл или усвоил и что он защищал и укреплял десятки лет. В этом смысле мой сегодняшний доклад может вызвать разочарование. Если бы я разделял точку зрения незыблемости раз установленных, когда-то совершенно правильных, научных достижений, то это было бы убийственным ударом по всему моему научному прошлому. Я вынужден сам изменить всю основу, если не выбросить, то перевернуть и переместить тот фундамент, на котором, заложенном усилиями моих слабых рук да усилиями немногих моих учеников-работников и временных, случайно набегавших сотрудников, эволюционно возводились ряд за рядом — кладки, слой за слоем — стены нового здания — яфетического языкознания. В этом смысле сегодня если я не вынимаю из всей моей тридцатилетней научной работы душу, то разрушаю все ею одухотворенное, архитектурно сотворенное, опрокидываю все построение, как оказывающееся несостоятельным, неадэкватным полноте знания ставших впоследствии известными яфетидологических материалов».

Не менее решительно, скачкообразно и революционно совершался переход от старого к новому и на других фазах развития нового учения о языке. В уже цитированном выше предисловии к первому изданию сборника «По этапам развития яфетической теории» Н. Я. Марр говорит: «Чтобы получить представление о все-таки пройденном уже пути, достаточно взглянуть на формулировку в первой статье родства грузинского языка с семитическими, когда вопреки утверждению академической науки об изолированности «кавказских языков» вообще, в том числе и грузинского, приходилось доказывать существование связанных с ними сородичей в лице одной из установленных в науке семей языков, семитической, и сравнить эту формулировку с положением об яфетических языках, как субстрате языков Средиземноморья, в статье «Третий этнический элемент», и еще далее, сравнить с утверждением об единстве происхождения всех языков мира, независимо от «рас», отрицанием всяких расовых по возникновению языков, что постепенно слагается в монистическое построение учения об языке».

Общий итог этим относительно частым ломкам и перестройкам новой лингвистической теории подведен самим же Н. Я. Марром в его бакинском университетском курсе лекций по новому учению о языке. «За этот долгий исследовательский путь, — говорит он там, — мы вынуждены были расстаться с целым рядом представлений, прежних, как казалось, незыблемых научных положений о расо-

вых языках, о существовании кустарно строившегося праязыка, о вне исследуемой лингвистической среды за горами за долами находившейся прародине тех или иных народов, да еще прародине с райским бытьем фантастического праязыка, о меж-языковых китайских стенах, о хронологизации языковых явлений на основании письменных памятников и сосредоточении исследовательского внимания на письменных, особенно мертвых языках, в ущерб и умаление бесписьменных и живых, представляющих громадное значение для науки об языке, об исключительном значении морфологии, о неважности, во всяком случае второстепенности, лексического материала сравнительно с грамматикой, о национальной или первородной племенной чистоте языков и т. д. и т. д. Пришлось постепенно расстаться со всем этим абсолютно не нужным, вредным багажом. Пришлось перенести бремя доказательства и направить острие интереса на другие явления и предметы, как то изначальное скрещение в звуковой речи, вместо простоты и чистоты, система вместо расы, живые языки вместо мертвых в первую очередь, идеологический анализ вместо формального, более того, качественное улучшение исследования формальной стороны идеологическим ее обоснованием, выдвижение вперед значения материальной культуры, хотя бы самой примитивной, вместо художественной стороны» . . .

Совершенно неправильно было бы, однако, как уже отмечено выше, рассматривать развитие яфетической теории как метание из одного тупика в другой, как замену одних несостоятельных гипотез другими, не более обоснованными. Напротив, если внимательно проследить все этапы процесса, то диалектическое развитие яфетической теории предстанет как строго последовательное и закономерное. Только вникнув в качественную сторону соответственно фазам исследовательской работы привлекавшихся Н. Я. Марром лингвистических и других научных материалов, только уяснив себе все сложные взаимодействия личной его деятельности с общим процессом развития всей языковедческой науки и всею совокупностью общественных отношений последнего полустолетия, можно полностью понять внутреннюю закономерность эволюции взглядов творца яфетической теории, осознать долгий субъективно-диалектический процесс формирования новой лингвистики, все более и более совершенно отображающей объективно-диалектический процесс, протекающий в реальной действительности — общественности, объективную диалектику языковых явлений.

Вместе с тем, в процессе ознакомления с диалектикой развития нового учения определится и отношение последнего к старому учению о языке — индоевропейскому языкознанию. Этот вопрос также совершенно неверно трактуется противниками лингвистических взглядов Н. Я. Марра, а между тем он вполне точно и правильно сформулирован самим Н. Я. Марром в утверждении, что «яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно-сложенной и скроенной научной среде, более того, — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы, и 2) с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы».

Процесс сперва расхождения по частным вопросам, затем отход уже и по основным кардинальным моментам, перешедший в полный разрыв и непримиримую борьбу нового учения о языке с господствующей индоевропеистской лингвистикой, проходит красной нитью через все работы Н. Я. Марра, обусловливая смену этапов в развитии его языковых воззрений. В свою очередь в основе этого процесса лежит непрерывный поток накопления конкретного материала и расширения научного горизонта, и что вызывает резкие, но вполне закономерные изменения в постановке и разрешении той основной проблемы, вокруг которой концентрируется исследовательская работа Н. Я. Марра. Этой важнейшей проблемой является вопрос о месте и взаимодействиях грузинского и армянского языков в кругу других языков мира.

Если сначала Н. Я. Марр рассматривает эту проблему как основную для всей своей деятельности и, разрешая ее средствами формальной компаративистики, устанавливает родство грузинского языка с семитическими, армянского с кавказскими, то уже на втором этапе мы можем констатировать значительное изменение и расширение в трактовке этого вопроса. Здесь последний превращается в проблему не только внешних, но и внутренних — общекавказских — взаимоотношений грузинского и армянского языков, еще доминирующих в силу их древнеписьменности и относительно большей разработанности в кругу впервые зарегистрированной в науке яфетической семьи, но уже нуждающихся для их дальнейшего анализа в исследовании бесписьменных, никем почти не изученных собратьев-языков мегрельского, чанского, сванского и так наз. «горских» кавказских языков Причерноморья и Дагестана. То, что на второй стадии развития яфетической теории прослеживалось в плоскости соотношения материалов древнеписьменных яфетических языков, на следующем этапе — передне-азиатском — берется уже под другим углом зрения, и наблюденные связи, расхождения и схождения рассматриваются в приложении к давно угасшим мертвым яфетическим языкам, сохранившимся лишь в клинописных эпиграфических памятниках. Живая речь современных яфетидов помогает расшифровать мертвую загадочную речь погибших цивилизаций переднеазиатского культурного мира, причем эта мертвая речь в свою очередь выявляет глубокую древность массового народного устного языка, помогая яфетической теории разбить оковы мертвящего филологизма.

Октябрьская революция дает новые творческие импульсы исследовательской работе Н. Я. Марра, побуждая его снова бросить смелый вызов догмам индоевропейского языкознания. Оторванный революционными бурями от своего родного кавказского мира, Н. Я. Марр как раз в годы революции и гражданской войны, вооруженный накопленными материалами, решается взяться за одну из манивших его еще в юности проблем — вопрос о происхождении и связи мертвого этрусского и живого баскского языков, которые остаются загадкой для идеалистической сравнительноисторической науки о языке. Одержанная здесь им победа — выяснение яфетического характера обоих этих языков — влечет за собой первую генеральную перестройку яфетической теории, которая из теории кавказоведческой превращается в теорию средиземноморскую. Огромный историко-культурный кругозор, открывающийся перед Н. Я. Марром на этом этапе,

сковывается, однако, слабостью методологической базы — по сути дела все того же формального сравнительного метода, на этот раз лишь в оболочке этнологизма.

Широко пользуясь построениями буржуазной этнологии, которая своим учением о расах, этнических культурах, миграциях, первичных очагах и ареалах позволяет ему увязать яфетические языки Кавказа, Пиренеев и Памира их общим расовым происхождением и сложными переселениями древних яфетических племен из кавказской прародины на отдаленную периферию, Н. Я. Марр на следующем «этнологическом» этапе развития яфетической теории охватывает своими изысканиями всю Европу и древний классический Восток. Сохранившееся до наших дней компактное ядро яфетических языков на Кавказе и два уцелевших реликта — язык басков в Пиренеях и вершиков на Памире — объясняются теперь Н. Я. Марром как островки, сохранившиеся в трансформировавшемся виде от потонувшего материка яфетической речи Средиземноморья. Труды Н. Я. Марра этого периода приводят к тому, что «третий этнический элемент» в процессе созидания средиземноморской, resp. общеевропейской, культуры — яфетиды — постепенно вскрывается в разных областях европейского культурного мира, как древнейший расово-культурный пласт, перекрытый сверху семито-хамитическими и индоевропейскими позднейшими отложениями.

Таким образом, по своему идейному содержанию и методологии этот этап теснейшим образом примыкает к предыдущему и отличается от него лишь дальнейшим стремительным ростом круга охвата изучаемых языков и, одновременно, все усиливающимся интересом к древнейшим историческим стадиям развития языков Средиземноморья. Отчетливо намечены здесь и новые пути, на которые переключаются искания Н. Я. Марра — палеонтология речи и семантика.

Переход от «этнологического» к современному этапу в развитии нового учения о языке снова начинается с катастрофы.

Чем больше яфетических напластований нащупывает исследовательский взор в различных языках европейского мира, чем глубже уходит он в анализ древнейших пережитков первобытного мышления, откристаллизовавшегося в речи, — тем все больше лишается прежней убедительности и доказательности в его собственных глазах «этнологическая» концепция, становятся мнимыми и лишними и расовая природа языков, и древние очаги культуры, и бесконечные запутанные миграции. Стремительно растущему под напором неумолимой логики фактов разрыву с позициями «этнологической» лингвистики Н. Я. Марр дает сжатую, но убедительную формулировку в исключительно важном для дальнейшего роста новой теории сообщении «Индоевропейские языки Средиземноморья».

Именно здесь, на двух коротких страницах этого сообщения, перейден рубеж буржуазного языкознания — связь расы и языка — отделяющий пропастью новую, уже материалистическую и подлинно-историческую науку от самодовлеющих, формальных формул, за которые цепко держится одряхлевший идеалистический компаративизм в его мнимо-исторических построениях. Именно здесь Н. Я. Марр оставляет далеко позади себя всю нестройную группу диссидентов индоевропеизма (Г. Шухардт, А. Тромбетти, К. Оштир, И. Карст и многие другие), с которой до настоящего дня пытаются его сопоставить близорукие критики.

На смену этнологическим мифам выступает теперь уже материалистически-обществоведческая постановка лингвистических вопросов. Правда, она не в достаточной мере еще отработана и продумана до конца, на ней немало еще следов мучительного процесса высвобождения от шор узкого буржуазного мышления, но вопросы уже поставлены и поставлены по-новому так, что всякий возврат к прошлому уже невозможен.

Начиная с названной нами работы «Индоевропейские языки Средиземноморья», все дальнейшие исследования Н. Я. Марра идут под знаком полного отказа от старых положений, от старого метода, от старой формальной техники, заменяемой анализом по элементам.

На последнем этапе происходит и разделение яфетической теории на конкретное учение об особой яфетической системе языков и на общее учение о языке. Проблема родства грузинской речи, которая на предыдущих этапах прошла две первых стадии своего развития — стадию кавказской и стадию средиземноморской ориентаций, теперь превращается в проблему древнейших стадий единого процесса глоттогонии. Вопросы стадиальности и специфической закономерности отдельных фаз развития языка, проблема происхождения человеческой речи и, наконец, проблема языка и мышления — вот тот круг вопросов, над которыми работает теперь Н. Я. Марр и которые делают органически неизбежным его приход, сначала им и неосознаваемый, к позициям марксизма-ленинизма.

Само собой разумеется, что намеченный здесь в общих чертах путь нового учения о языке было бы неправильно рассматривать как движение, которое осуществлялось Н. Я. лишь в силу давления все накоплявшегося фактического материала. Для нас неприемлема буржуазная, идеалистическая точка зрения, по которой история науки выступает как независимый в основном процесс, где одна стадия, в силу лишь одних внутренних логических законов, в порядке абстрактной филиации идей, порождает другую, где в лучшем случае анализ должен считаться только с возможным влиянием — заимствованием из других, также вполне автономных сфер человеческой культуры. В действительности, вопрос о развитии, о движущих силах какой-нибудь теории, в данном случае — нового учения о языке, является гораздо более сложным и сводится в конечном счете к глубоким общественным корням.

Подходя под таким углом зрения к процессу развития яфетической теории, мы должны будем констатировать, что создание нового учения о языке и его сорокапятилетний путь развития ни в коем случае не являются личным делом его творца, как это настойчиво пытаются доказать многочисленные противники и некоторые идеалисты-друзья нового учения о языке, а выступают как критический результат предшествующего развития языкознания и сложных общественных взаимоотношений последнего полустолетия. В частности значительную роль в развитии нового учения о языке сыграло движение того сначала окрашенного в националистические цвета буржуазно-демократического слоя грузинской интеллигенции, одним из представителей которой выступил Н. Я. Марр. Все время выступая против реакционного шовинистического разжигания национальной ненависти на Кавказе, которое, однако, практиковалось и русским само-

державием и местными помещичьими и буржуазными партиями, все время чутко прислушиваясь и присматриваясь к процессам, протекавшим в родной ему среде грузинского крестьянства, Н. Я. Марр в своем научном творчестве отразил в конечном счете сложные пути, приведшие грузинское крестьянство к победоносному союзу с революционным пролетариатом, еще в 1905 году четко выразив свои симпатии молодому тогда большевизму в гурийской революции, резко клеймя шовинистический сепаративизм в 1917 году, решительно и бесповоротно перейдя в советский лагерь сразу же после Октября, целиком отдав себя строительству новой общественности. Вместе с передовой частью трудящихся Грузии Н. Я. Марр проделал длинный и нелегкий путь от позиций мелкобуржуазного народничества к марксизму-ленинизму, отраженный в его научной работе, являющейся сейчас неотъемлемой частью одного из участков культурного фронта — социалистического языкового строительства народов СССР.

II

Руководствуясь заданиями, намеченными общим планом издания «Избранных работ Николая Яковлевича Марра», мы включаем в состав первого тома лишь те работы, которые в своей совокупности развертывают общую картину развития нового учения о языке, характеризуя отдельные этапы и фазы этого процесса.

Том открывается уже упомянутым в начале «Предисловием» к сборнику «По этапам развития яфетической теории», которое mutatis mutandis может быть рассматриваемо и как авторское вступительное слово к нашему изданию, поскольку поставленные там вопросы, в частности о судьбах яфетидологии, о ее соотношении с индоевропеистикой, о противоречиях в кругу самих сторонников нового учения о языке и на сегодняшний день являются актуальными, а данное им разрешение также не утратило своего положительного значения.

Чтобы ознакомить читателя с основными конкретными фактами жизни и деятельности Николая Яковлевича Марра, мы перепечатываем его «Автобиографию», которая в 1927 г. была помещена в журнале «Огонек». Ряд дополнений к ней дают довольно многочисленные замечания в других работах, включенных в этот же том.

Работы первого периода в развитии яфетической теории начинаются первой печатной статьей Н. Я. Марра, тогда еще студента III курса, «Природа и особенности грузинского языка», которая является одновременно первым манифестом яфетической теории, декларируя вопреки традиционным взглядам индоевропеистической науки органические связи грузинского языка с семитическими. Ее положения обосновывает и развивает «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими», напечатанное в «Основных таблицах к грамматике древнегрузинского языка», вышедших в 1908 году, когда новая теория официально выступила в академическом мире.

«Предварительному сообщению» мы предпосылаем речь «К вопросу о задачах арменоведения», читанную Н. Я. Марром (уже приват-доцентом) в публич-

ном заседании факультета восточных языков Петербургского университета 23 мая 1899 г. перед защитой своей магистерской диссертации «Сборники притч Вардана». В этой речи, которая обосновывает новый взгляд и новые пути в востоковедении, создавая новую по существу научную дисциплину — армяно-грузинскую, впоследствии кавказскую филологию, Н. Я. Марр высказывает целый ряд положений, в которых уже намечены основные контуры его борьбы с индоевропеистическим формализмом. Углубленный комплексный подход к изучению широко очерченной им области арменистики, задача которой «раскрыть условия сформирования армянской национальности и выяснить в исторической последовательности самобытные ее проявления, как бы они слабы ни были, на том общем фоне политической и культурной жизни Армении, который создавался под влиянием сильных внешних воздействий», заставляет Н. Я. Марра заявить в этой речи, что «арменоведение не может обосновываться на одной филологии в тесном смысле этого слова. Археология с ее служебными дисциплинами и этнография с фольклором, отнюдь не менее должны интересовать арменista, чем лингвистика и литература». В связи с этим он резко отмежевывается от старых гибельных методов индоевропейской филологии, противопоставляя ей свою яфетидологическую концепцию: «Можно питать глубокое уважение,—говорит он,—к лицам посильно трудящимся над лингвистикой, археологией и фольклором Армении без непосредственного и основательного знания ее языка, литературы и жизни, но до сих пор не представлялся случай, чтобы относиться к результатам их работ без большой дозы скептицизма. Как же быть иначе, когда, например, неожиданно для догматической лингвистики, спокойно занятой научным выяснением места армянского языка в кругу индоевропейских с помощью извне привносимых готовых звуковых законов в армянском языке вскрывается коренной слой, роднящий его с соседним грузинским языком и влиявший, конечно, на дифференциацию действительно сильного в нем, интересующего всех арийского слоя, или когда грузинский язык, научно признанный не находящимся в родстве ни с индоевропейскою, ни с семитическою семьею языков, фактически оказывается в безусловно генетическом родстве с семитическими языками. С другими специальными науками дело обстоит не лучше. Так, в частности, похвальные усилия в чтении ванских клинообразных надписей, немых свидетельниц древнейшей истории Армении, при всей научной обстановочности, не перестанут снабжать нас камнем вместо хлеба, пока исследователи клинообразных надписей не вооружатся действительным знанием местных языков и действительным пониманием местных древностей». Чрезвычайно характерно, что красной нитью, проходящей через всю эту работу Н. Я. Марра, является подчеркивание взаимосвязей и общности истории народов Кавказа и указание на необходимость изучения своего родного прошлого для развития национальной культуры.

Из работ последующих этапов кавказоведной ориентации нового учения о языке мы даем предисловие к «Грамматике чанского (лазского) языка» — «О чанском языке» (1910 г.) и введение к исследованию «Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания» (1913 г.), а также в значительной степени резюмирующую стре-

мления и методологические установки этого периода работу «Кавказоведение и абхазский язык». Основное значение этих работ формулировано самим Н. Я. Марром в 1924 г. в «Основных достижениях яфетической теории»: «Занятия обломками архитектурных памятников в раскопках городища Ани, а также наличие во всех обследованных мною там храмах перестроек и трансформаций наострили мое внимание на искусственно, человеком общественно производимое строительство в самой речи. Я обратился от классических литературных языков армян и грузин к диалектам, вообще живым языкам и бесписьменным, сначала близко родственным с грузинским, чанскому и мегрельскому, затем дальнему, сванскому, и еще более от грузинского отдаленному, абхазскому. Здесь я почувствовал с ужасом, что филологические занятия одними письменными языками Кавказа, армянским и грузинским, извращали все кавказоведение, мешали правильной его постановке, и я дал резкое выражение этой мысли в работе «Кавказоведение и абхазский язык». Не лишним будет отметить, что, несмотря на исключительные трудности и грандиозность открывшихся новых перспектив и связанную с этим необходимость внести значительные изменения в программу и методику исследовательской работы, Н. Я. Марр заканчивает свое сообщение бодрыми, полными оптимизма словами: «Очень сложная и ответственная работа. Но есть путь, есть метод; следовательно, достижения обеспечены. Надо бесстрашно итти вперед по пути. Как не раз приходилось мне утверждать, кавказоведению открыты перспективы колоссальных культурно-исторических работ. Многоязычность Кавказа, именно то, что для жизни было, быть может, одним из главных тормозов развития общекавказской культуры и его закрепления и устойчивости, без страха возврата к одичанию, теперь призвано послужить опорой для научного рычага, имеющего поднять непосильное иначе и наиболее утонченной и наиболее искушенной европейской научной мысли бремя разрешения неразрешимых, казалось, проблем по мировой истории древнейшего культурного человечества».

Как было сказано выше, новые факты, добытые яфетическим языкознанием — определение яфетического происхождения баскского, этрусского и вершикского языков и творчески-бодрящее влияние Октябрьской революции в своей совокупности определили переход нового учения о языке от кавказской ориентации на позиции ориентации средиземноморской. Из работ Н. Я. Марра этого периода мы включаем в состав первого тома итоговый и программный для новых исследований доклад «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры» (1920 г.).

Следующий за ним период развертывания яфетической теории на основе методологии этнологической лингвистики отражен обобщающей же статьею «Яфетиды» (впервые напечатана в журнале «Восток» в 1922 г., переведена на немецкий и армянский языки), специальным исследованием по населению докельтской Франции — «Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии — этруски и пеласги» (1922 г.), предисловием к немецкому изданию (в переводе проф. Ф. А. Брауна) работы «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент» (ноябрь 1922 г.) и, наконец, докладом «Чем живет яфетическое языкознание» (прочитан

весной 1921 г. в Париже и Берлине, напечатан в 1922 г.). Последние три работы опубликовываются на русском языке впервые здесь.

Последующей работой — сообщением «Индоевропейские языки Средиземноморья» — начинается цикл работ уже современной фазы нового учения о языке. Все углубляющийся разрыв с индоевропейским сравнительноисторическим языкознанием, переходящий в непримиримую борьбу, в основном может быть прослежен по перепечатываемым нами здесь работам: сообщению «Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков» (1925 г.), которое непосредственно примыкает к предыдущему, полемическому (против Ж. Вандриеса) «Послесловию к третьему Яфетическому Сборнику» (1925 г.; на русском языке появляется впервые), обобщающему популярному докладу «Основные достижения яфетической теории» (1924 г.), предисловию к «Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии» (1926 г.) и, наконец, речи, читанной в торжественном заседании Ленинградского университета, «Яфетидология в ЛГУ» (1929 г.). Непосредственно к ним же относятся и включенные в эту же группу: статья «К происхождению языков» (1925 г.), лекция «Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении» (1927 г.) и «Предисловие к пятому Яфетическому Сборнику» (1927 г.), в которых развиваются те же идеи отказа от идеалистической реакционной методологии компаративизма, необходимости изучения языковых явлений как общественно-исторических, на основе уже не формального, но прежде всего идеологического анализа, всесторонне связывающего язык с мышлением, общественностью, производством.

Последние работы, включенные в первый том, — вводная часть доклада «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык», статья из «Большой Советской Энциклопедии» «Яфетические языки» и, наконец, отчетное сообщение «Новый поворот в работе по яфетической теории» — охватывают 1930—1931 гг.; в них дан разбор ряда основных проблем, над которыми сейчас работает Н. Я. Марр и которые являются узловыми для всего дальнейшего развития нового учения о языке. Чрезвычайно важно подчеркнуть актуальность всех этих работ для развертывающегося социалистического строительства народов СССР. Особое значение имеет здесь тот вывод, сделанный Н. Я. Марром в итоге изучения путей развития немецкого языка, которым он заканчивает этот том работ: «Немцами сделан в культурном своем хозяйственном развитии и соответственном уровне просвещения громадный скачок без прохождения всех ступеней развития, проделанных языками более позднего склада. Есть ли что рискованное или сомнительное в успехе культурного сдвига весьма мало просвещенных многочисленных народов СССР, имеющих совершить громадный скачок и в просвещении? И на это могу сейчас ответить: конечно, никакого риска, и не может быть никакого сомнения в успехе, если не будет искусственных препятствий извне и внутреннего вредительства. Но разве, при обширности наших природных ресурсов, не зависит и устранение этих помех от силы, коллективной воли, энергии и целесообразной организации труда, труда да еще труда и соответственной непримиримой борьбы на всех фронтах обороны для отстаивания этого качественно в корне нового труда, особо же непримиримой без абсолютно недопу-

стимого в науке соглашательства, беспощадной борьбы на культурном фронте, где соответственно требуется и более усовершенствованное, технически возможно безукоризненно отлитое в глубине движущихся знаний и более тонкое и умелое в сложнейших условиях современности смелое и твердое руководство».

III

В приложениях к тому мы даем ряд указателей (1 — упоминаемых литературных работ и источников, 2 — разбираемых или упоминаемых терминов, 3 — именной, 4 — мифологических имен, 5 — географических названий и 6 — предметный).

Переводы работы «Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии — этруски и пелазги», предисловия к немецкому переводу «Яфетического Кавказа» и «Послесловия к ЯС, III» сделаны В. А. Миханковой, перевод с грузинского «Чем живет яфетическое языкознание» — В. Д. Дондуа.

В. Аптекарь

Москва
6 августа 1933 г.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЯФЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Предисловие к сборнику „По этапам развития яфетической теории“[1]

Итак, мы идем к концу. Настоящий сборник свидетельство о начале конца. Составляется своего рода «букет» из павших листьев, уже завядших. Это все перепечатки. Впервые печатаются лишь русский оригинал появившейся раньше на немецком языке статьи «О происхождении языка»[2] и «Скифский язык».[3]

Увидеть сборник собственных статей, отражающих в большинстве давно или хотя бы недавно минувшие взгляды, для нас в значительной мере одинаково уже отмершие и покойницкие, это то же, что увидеть собственный гроб, в который очень любовно и дружески собираются уложить. Пора бы, действительно, и честь знать. Но предел курьеза кажется превзойденным, когда самому приходится держать надгробное слово о себе. Попытка переложить этот труд на учеников и последователей потерпела фиаско.

В среде учеников, пошедших было на то, чтобы составить предисловие к настоящему сборнику, произошел диалектический процесс. Произошел внутренний раскол. Это нас оживило. Мы почувствовали, что не все еще кончено. Раскол — признак жизни. Однако раскол имелось в виду академически погасить или прикрыть соглашательством. Не может быть и не должно быть никакого соглашательства. Соглашательство — худший выход. Это более зловещий признак застоя, злокачественного застоя, чем когда рвутся назад. Лучше, да оно неизбежно, одни пойдут в одну сторону, другие — в другую сторону, и не без того, что кто назад, а кто вперед. Шаг-другой назад, это порой необходимая подготовка для большого прыжка вперед. Но налицо угроза свалиться в бездонную пропасть, если успел кто подняться к ее краю, или очутиться на мрачном дне, кто, все еще карабкаясь вверх, не дошел до света. Помимо образа из известной притчи, вложенной в уста Будды, претворенного в христианского святого Балавара-Варлаама, передо мною, как палеонтологом речи, встают мифические существа, пленители красавиц истин — вишапы, извергатели вод, огнедышащие драконы, шипящие мудрые змии и бесшумно ядовитые скорпионы. Но эти легионы не страшны. Это одна видимость исчезающих занявшейся уже зарею ночных сил. А яфетидология или яфетическая теория? Конечно, к свету, к свету и безбрежному простору — вперед, вперед! Не может она остановиться, не может она остановить не борьбы и споров (они не нужны), а собственного строительства, отныне единственного способа разрушения всего отжившего, в чужом ли это стане или своем.

Диалектический процесс начался давно. Первое распадение, это отход мнимых и действительных учеников-националистов с Кавказа. Яфетическое языкознание

[1] [Сборник статей Н. Я. Марра «По этапам развития яфетической теории» (в дальнейшем ПЭРЯТ) вышел в 1926 г. в издании Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР. Москва — Ленинград.]

[2] Unter dem Banner des Marxismus, 1926. Heft 3, Jan., стр. 558—599.

[3] [ПЭРЯТ, стр. 336—387.]

и национализм в изжитом буржуазном или феодальном восприятии, это две антитезы. Яфетическая теория пошла вперед облегченно и, как нам кажется, с бо́льшим успехом. Струя интереса к яфетической теории из национальной, вернее националистически (где мертвяще-феодально, где разлагающе-буржуазно) настроенной среды стала переливаться в более широкий круг кавказоведов, за пределами грузиноведения и арменистики. Такой перелом совершился тоже не особенно давно, как можно видеть по работе автора «Кавказоведение и абхазский язык».[1] Струя интереса затем влилась и в круг представителей академической чисто теоретически-научной привязанности к предмету исследования. Естественно расхождение яфетидологов из кавказоведов и не кавказоведов. Этот диалектический процесс, однако, прихватывает отчасти и принципиальное теоретическое расхождение филологии с лингвистикой, первой с письменными языками в главе угла теоретического построения, второй — с живыми, хотя бы и бесписьменными языками на тех же правах.

От нас абсолютно не ускользает громадное для науки об языке значение исследований всех вообще работников, по специальности часто не лингвистов, а этнологов, работников по бесписьменным языкам, все равно кавказоведы ли они, ирановеды, со включением памирских диалектов в область своих изысканий, романисты с интересом к баскам, хотя бы басковеды, или финноведы, палеазиаты, американисты, африканисты. Их работы, думают ли они об этом или нет, это материально живая вода на мельницу яфетической теории, но из этого абсолютно нельзя делать вывода, что с ними у яфетидологов может быть органическая увязка, поскольку они остаются при старом научном построении, следовательно, с мировоззрением индоевропейской теории, ибо несогласие наше с индоевропеистами вовсе не потому, что они занимаются «индоевропейскими» (прометеидскими) языками, хотя бы и мертвыми, а из-за метода. Наоборот, общий метод может привести и уже приводит к увязке яфетидологии с историей материальной культуры.

И вот, это главнее всего. Вопрос не в споре между языковедами, филологи они или лингвисты какой бы то ни было системы языков, а между формальным методом и общественно-материалистической постановкой науки об языке. Естественно, теоретическое расхождение еще более обострится. Пока это «буря» в стакане воды, в тесном кругу лиц, расхождениям которых, при всей правильности общественного их осмысления, мы не имеем основания придавать столь широкое да глубоко принципиальное значение. Действительное расхождение пойдет глубже по всем линиям, когда в новое дело вступят хозяевами обществоведы. Такой диалектический процесс на чисто научной почве еще предстоит. Тогда будет уже настоящий бой, в корне принципиальный, в среде самих ученых-яфетидологов, без всяких природных или фахмановских связей с Кавказом или Чукотским носом, Египтом или Памиром, Китаем или Пиренеями, Америкой и Океаниею или Средиземноморьем, славянами, германцами и романскими народами или бушменами и полинезийцами, когда нам всем, не исключая и учителя, при-

[1] ЖМНП, 1916, № 5.

дется быть выкинутыми из имеющего неминуемо стать мощным неуклонно растущего течения яфетической теории. Для этого нехватает вступления социологов, в первую очередь марксистов, в ряды работников по яфетическому языкознанию, и чем раньше это произойдет, тем быстрее сократится сизифов труд по медленному нащупыванию живой действительности, этот долгий путь, еще более долгий от откатывания назад, казалось бы, верных ее ратников.

Чтобы получить представление о все-таки пройденном уже пути, достаточно взглянуть на формулировку, в первой статье, родства грузинского языка с семитическими,[1] когда вопреки утверждению академической науки об изолированности «кавказских» языков вообще, в том числе и грузинского, приходилось доказывать существование связанных с ними сородичей в лице одной из установленных в науке «семей» языков, семитической, и сравнить эту формулировку с положением об яфетических языках, как субстрате языков Средиземноморья, в статье «Третий этнический элемент»;[2] и, еще далее, сравнить с утверждением об единстве происхождения всех языков мира, независимо от «рас», отрицанием всяких расовых по возникновению языков, что постепенно слагается в монистическое построение учения об языке.[3]

Таков последний этап в развитии яфетической теории, причем ни об этом последнем этапе, ни вообще об яфетической теории в целом настоящий сборник не может иметь претензии дать полное представление. Это сборник иногда целых отчетов, иногда случайных статей, как случаен бывает темной ночью прорыв лунного сияния из-за плотно облегающих небо туч. Но эти отчеты и случайные статьи всегда общего значения, всегда с посильной для автора формулировкой тех или иных научных положений яфетической теории на определенном этапе ее развития.

При характере произведенного подбора статей неизбежно встретиться не раз с рядом яфетидологических аксиом, особенно в вводных частях, с повторным изложением одних и тех же элементарных сведений, как необходимых предпосылок. Нельзя было избежать и повторения ретроспективных взглядов на пройденный теориею путь или во всяком случае возвращения в ряде статей к вопросу о пройденных стадиях ее развития. Некоторые из таких статей опущены в настоящем сборнике, так как они и без того доступны, ибо недавно появились, напр., «Происхождение американского человека и яфетическое языкознание»,[4] или только что появляются в печати, напр., «Чуваши яфетиды»[5] и др. Приходится сожалеть, что на этом основании в сборнике не нашли места работы, посвященные и увязке языкознания с историею материальной культуры и общественности.[6]

[1] См. здесь, стр. 14—15.

[2] См. здесь, стр. 79—124.

[3] Начало этого учения не в схематической, а конкретной трактовке автор усматривает в наблюдении, вызвавшем появление на свет статьи о нерасовом происхождении «индоевропейских языков» (см. здесь, стр. 185—186). Детально вопрос трактуется в читаемых им же курсах по общему языкознанию.

[4] Восточный Сборник Гос. Публ. Библ. в Ленинграде, I, стр. 167—192.

[5] Издание Гос. издат. Чувашской АССР.

[6] Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Изд. КИАИ, Ле.н., 1926; Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историею материальной культуры. СГАИМК, I, стр. 37—70.

Совершенно опущены работы о взаимоотношениях яфетических языков с так наз. инорасовыми, даже с таким наглядно связанным с ними прометеидским («индоевропейским») языком Кавказа, как осетинский: статья на эту тему Ossetica-Japhetica[1] могла бы представить в ряде мест, с вовлечением народных сказаний в орбиту исследования, общий литературоведческий интерес. Замолчано вовсе то, что достигнуто по дешифровке клинописных языков и истолкованию текстов на них.[2] Языки эти мертвые, и интересы с ними связаны специальные.

Не могли, естественно, в сборнике найти место наблюдения последних месяцев и недель. Речь идет не о подробностях в роде общности отдельных терминов, как, напр., 'дерево', 'вода', 'лошадь', у дальневосточных народов с населением западной Европы, Средиземноморья и т. д.,[3] а включение в текущие яфетидологические изыскания за китайским и японского, в связи же с этими моносиллабическими языками и тибетского. В той же линии наметился недавно открытый среднеазиатский язык Хаза («Ḫaza»), как материально прямой объект исследования яфетического языкознания, судя по обнародованным пока данным, почти исключительно числительным.[4] Все это в направлении в ширь. В направлении же в глубину по связи с эволюциею общественности — наблюдение, что местоимения возникли после осознания права собственности[5] и т. п.

По части увязки с живой общественностью актуальный интерес представляет естественная смычка яфетидологии с жизненным национализмом советского порядка. Яфетическое языкознание есть теория прежде всего живых языков, доселе гонимых в науке, в лучшем случае терпимых на ее задворках, как на задворках просвещения, а часто и в полном мраке, держали до Октябрьской революции все говорящие на этих языках народы. Это народы «культурно отсталые», тогда стоявшие в очередях на вымирание и мало кого интересовавшие, не всегда интересовавшие даже миссионеров для их профессиональных «обращений», а теперь оказавшиеся научно как бы совсем беспризорными, это в наши дни, когда народности, говорящие на них, призваны к активности и самообслуживанию и в научно-просветительном отношении: у старушки-науки готовых кадров компетентных работников по этим языкам не оказалось, да и те немногие специалисты, которые действительно компетентны по некоторым из этих языков, стали таковыми только потому, что за царский режим они, просвещенные люди с жаждой общественно-научных исканий, выселялись в районы с подобным многоязычным «вымирающим» населением. Дело не возникало в порядке теоретического развития науки, не начиналось с осознания каким-либо учением об языке первоочередной его необходимости. И потому, если индоевропейская лингвистика страдает изжитостью своего общего построения, то в этом отношении по указанным

[1] I Faqond-ı осетинских сказок и яфетический термин ϕaskund 'маг', 'вестник', 'вещая *птица*'. ИАН, 1918, стр. 2079 сл.

[2] [См. здесь, стр. 50—58.]

[3] [См. Китайский язык и палеонтология речи. I—II, ДАН В, 1926, стр. 93—96; III—IV, там же, стр. 109—112; V, там же, стр. 129—132.]

[4] [См. Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории), ДАН В, 1926, стр. 131—134.]

[5] [См. Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений. Сборник «На боевом посту», М., 1930, стр. 361—384.]

беспризорным языкам — пустыня. Даже по наиболее разработанным из них, уже зарубежным, американским и африканским, в смысле общего построения имеем или использование приемов той же индоевропейской теории, или пустыню с гипотезами, миражами по научному обоснованию, хотя нельзя не признать, что в них, этих сказочных гипотезах, немало жизненной правды, и это едва ли от свежести и обилия своеобразного материала, а скорее от молодости научных изысканий по названным заморским беспризорным языкам. И научная правда порой вещает устами, увы, не старцев, а младенцев.

Самая мысль об издании сборника возникла по практической потребности, именно в целях дать аспирантам Института по изучению этнических и национальных культур народов Востока СССР, в Москве, статьи общего характера, рекомендуемые для первоначального ознакомления с новой теорией в изданном впервые тем же институтом «Классифицированном перечне печатных работ по яфетидологии».[1]

Однако, издавая этот сборник, институт предполагал, не знаю, насколько основательно, что помещенные в нем работы послужат удовлетворению интересов не одних аспирантов.

В заключение да будет мне позволено засвидетельствовать здесь публично глубокую благодарность тем, кто во исполнение постановления института взяли на себя редактирование сборника и целиком весь тяжкий труд по его корректированию в порядке срочности, именно С. Л. Быховской, К. Д. Дондуа и И. Г. Франк-Каменецкому.

[1] Ленинград, 1926, 1-е издание и 2-е, исправленное и дополненное.

Ленинград.
6 декабря 1926.

[Автобиография] [1]

Рождение мое, да и детство, почти легендарно, если повторять рассказы моей матери. Отец мой — старик-шотландец, мать — молодая грузинка из Гурии (Озургетский уезд Кутаисской губернии). Родился я в городе Кутаисе, на правом берегу реки Рион, на так называемой «Ферме», где отец руководил сельскохозяйственной школой. Здесь отцом был разбит огромный сад из образцов субтропической флоры. Магнолии составляли здесь целую рощу.

Мать с очень скромным домашним образованием, отец — с университетским, естественноисторическим. Больше всего отец интересовался ботаникой. В тяжелые годы нужды он занялся насаждением на Кавказе садоводства. Он первый произвел на Кавказе удачный опыт посадки чайного дерева в Гурии.

Хотя в числе родных по отцу были и французы, и русские, и испанцы (родные его первой жены), но все мое детство прошло исключительно среди грузин. Очень рано мы переехали в город Озургеты, в дом бедного отпрыска грузинских феодалов; и здесь на память мне приходят встречи с грузинскими артистами, поэтами, как местными, так и заезжими известностями, и общение с «челядью» — конюхом и сокольничьими, всегда окруженными борзыми и лягавыми собаками. Тут же, во дворе, мальчики-турки и их родители, чаще матери, захваченные с «кордона» (в нескольких верстах была турецкая граница). Все время проводил в игре в мяч и бегах, не имея в этом отношении соперников. У себя дома девушка из грузинской деревни регулярно каждый вечер, на сон грядущий, рассказывала все новые и новые, неисчерпаемые грузинские сказки, напоминающие сказки Шехеразады. А тут же, рядом — отец, с английской газетой или за чтением английской книги. Впоследствии из ядовитых заметок на полях одной из оставшихся мне от отца книг, «Речей» Маколея, я узнал, что отец был консервативных взглядов, но об этом я не мог судить тогда, в детстве, когда не читал подобных книг, да и выучился читать по-английски я значительно позже. От отца я получил единственное напутствие: «Ничего дельного из твоих рук не выйдет». Это было сказано после внимательного наблюдения над моими играми с самодельными игрушками. У матери, наоборот, были преувеличенные надежды на ее сына. Она видела во мне все, что считала хорошим и даже идеальным. Так, например, ей, повидимому, больше нравились белокурые, и поэтому она убеждала окружающих, что я почернел только от летнего загара, но что будто бы я был всегда белым и даже с каштановыми волосами (я себя помню всегда смуглым, даже черным).

Мать и отец не имели общего языка. Отец, кроме своего родного, английского языка, свободно изъяснялся и на французском; мать знала только грузинский. Общение на формально скрещенном языке, на своеобразной «смеси» ломаных русских и грузинских слов, положило известный отпечаток и на мой лексикон, но в общем я могу считать моим родным языком грузинский или даже, точнее,

[1] [Напечатана в журнале «Огонек», № 27 (223) от 3 июля 1927 г.]

гурийский говор. Первая грамотность моя — грузинская. Затем занятия по французскому языку с отцом, с использованием грузинской транскрипции французских слов. Первые школьные занятия в уездном училище отличались шалостями и особенно отчаянными припадками смешливости, заражавшими весь класс, за что регулярно по нескольку раз в неделю оставался без обеда. Техника этого наказания была такова: у меня отбиралась фуражка, и я оставался в школе без присмотра; но это не удерживало меня, и я отправлялся домой с непокрытой головой к обеду, после чего незаметно водворялся назад в училище, в ожидании возвращения мне шапки.

Восьми лет я потерял отца. Его похоронили с большой помпой. Я с матерью остались фактически беспризорными. Все считали меня обреченным на невежество, неучем, неспособным даже читать отцовские книги. Кстати, последние постигла жестокая участь: библиотека отца была сложена на чердаке нашего дома, а затем использована частью на растопку камина, частью на оклейку стен, вместо шпалер. Родные вскоре выгнали нас из дому. За заслуги отца по сельскому хозяйству матери удалось определить меня в классическую гимназию. В гимназию я был принят, несмотря на неподготовленность, особенно по закону божию. В этом отношении меня спасло заявление директора гимназии, что я англичанин. Первая моя письменная работа по русскому языку произвела потрясающее впечатление: там было столько ошибок, сколько слогов, если не букв. Но преподаватель русского языка Благодаров почему-то обратил на меня внимание, усмотрев в безграмотном мальчугане способного ученика. Слава моя пошла по другой части, по которой обычно происходило буквально избиение младенцев, — это по-латыни. В классе, состоящем почти исключительно из грузин, никто ничего не понимал, обучаясь этому неизвестному мертвому языку с помощью не более известного им русского языка. Я же, неожиданно для себя, оказался лучшим латинистом. Мне приходилось писать работы за неуспевающих товарищей и исполнять их экстемпоралии по-латыни. За отказ от этого или за неудачное исполнение — подвергался жестоким избиениям, а однажды даже получил удар ножом в бедро. Время от времени учителя ловили меня на месте преступления, за что я подвергался карцеру, который помещался рядом с учреждением, запах которого до сих пор остро вспоминается.

Первая прочитанная книга на грузинском языке была сборником сказок, а на русском (уже в гимназии, во втором классе) — «Робинзон Крузо». Книги открыли мне новый мир. К этому времени мать моя, молодая еще, красивая женщина, вышла замуж за мегрела. Она посильно продолжала следить за мной, но все же пансион и книги были тем миром, в котором я главным образом жил. Мой необузданный характер доставлял много неприятностей хорошо относившимся ко мне учителям. За каждую мою выходку меня могли бы вышвырнуть из гимназии с волчьим паспортом, но мне все это прощалось, так как, кроме всего прочего, меня ценили, как певчего с хорошим голосом и участника гимназического оркестра (я играл на кларнете). Надо сказать, что и здесь, на спевках и сыгровках, дело не обходилось без очередных и внеочередных скандалов, отзывавшихся на моих отметках за поведение.

Я продолжал увлекаться бегом, что не привело к добру. Однажды я вывихнул ногу. Болезнь осложнилась, и, по компетентному решению консилиума специалистов, мне собирались отрезать ногу. Только по настоянию матери, не давшей согласия на ампутацию ноги, я не остался калекой на всю жизнь, и с помощью местного хирурга, своего рода костоправа, вылечился. Все же почти полгода занятий было пропущено. Мать была без средств и без крова. В это время в школе ввели греческий язык, и я уже собирался бросить гимназию и сделаться телеграфистом, чтобы таким образом прокормить себя и мать. Но мать на это не согласилась. Греческую премудрость за пропущенное время пришлось догонять зимой, на рождественских праздниках, в грузинской сакле, в домике без пола и потолка, в холоде, при слабом свете жалкого костра, дрова на который родные нам не давали. Все же мне удалось возобновить занятия и, вернувшись в гимназию, я смущал преподавателей древних языков тем, что предвосхищал вслух их толкования. Для этого я достал немецкие комментарии, по которым они сами готовились. В гимназии изучал французский, итальянский, немецкий, английский, греческий и латинский языки, и, пользуясь репутацией успевающего ученика, переходил из класса в класс, занимаясь в общем больше чтением, чем подготовкой к урокам. Мои несуразные ответы, в результате ли неподготовленности или полного невнимания, обычно объяснялись одними капризами. Я увлекался литературной деятельностью на грузинском языке, писал стихи и издавал гимназическую газету, что и помогло мне освоиться с техникой грузинской речи, ставшей впоследствии предметом моей специальности. Так, например, в числе газетных статей поместил толкование названия гор. Батума, т. е. смело разрабатывал вопрос из доисторической топонимики, ставшей моей специальностью в последние годы. Одновременно в числе газетных статей, в ответ известному грузинскому поэту Акакию Церетели, написавшему о событии 1 марта 1881 года (убийство Александра II) «Радостную песнь прилетевшей с севера птички», поместил стихотворение «Призыв» к действию, вместо чириканья.

Чтение классиков на французском и немецком языках сменилось чтением романтической литературы, а также Зола («Семья Ругонов»). Большое впечатление на меня произвело прочтение в немецком оригинале популярной в то время книги Шерра «Комедия всемирной истории». Упомяну о двукратном бегстве из гимназии. В первый раз бежал в Тифлис, в Ботанический сад, из желания работать по ботанике. Но, оставшись без всяких средств, принужден был стать библиотечным работником. Гимназическое начальство прислало мне рекомендательное письмо, обращенное к властям и учреждениям, с просьбой оказывать мне содействие, как командированному для занятий. В другой раз я бежал из гимназии ввиду нежелания держать на аттестат зрелости, имея даже в перспективе возможность получить золотую медаль. Я так увлекался греческим языком, что хотел овладеть им вполне раньше, чем поступить в университет, где я предполагал выбрать медицинский факультет. Этому решению предшествовало чтение книги Шлейдена «Море», где имелось много цитат из греческих авторов, и я решил усовершенствоваться в греческом настолько, чтобы овладеть им. И вот, в эпоху насильственного насаждения классицизма в гимназии, мое желание

остаться в гимназии еще на год для изучения греческого языка было признано доказательством психического расстройства, и я был исключен из гимназии.

Решительный поворот от естественных наук и медицины к филологии и в частности к кавказоведению происходил, несомненно, под влиянием учителя истории Стоянова, занимавшегося этнографией Кавказа и путешествовавшего в Свании, и учителя французского языка Нарбута, посвятившего меня в подробности изучения романских языков и в отношение этих так называемых новых языков к латинскому.

Принятый снова в гимназию, я с успехом окончил ее и решил, вопреки всем советам, поступить на факультет восточных языков. Учителя и кое-кто из товарищей отговаривали меня. «Не зарывай, мол, таланта, не губи себя, — ведь, что в лучшем случае выйдет из тебя? — Учитель грузинского языка, следовательно, сельский учитель — и только». С тех пор я привык слушать всех, кто давал мне советы (а их так много), чтобы тем резче часто сделать совершенно противоположное. Еще тогда я задался целью разъяснить происхождение грузинского языка, еще тогда сопоставлялся он мною с единственно известным мне (из общения с живыми людьми) соседним восточным языком, турецким. Мысль эта, впоследствии временно отпавшая, на самом деле одна из животрепещущих научно-общественных проблем, выдвигаемых ныне яфетической теорией; для нас, впрочем, это уже не проблема, а бесспорное в основе положение, требующее лишь детальной проработки на турецком материале.

Занимался я в университете по трем разрядам: кавказскому, где тогда были лишь армянский и грузинский языки, арабско-персидско-турецкому и семитическому, где были языки — еврейский, арабский и сирийский, заключенный тогда в группе так называемых халдейских наречий. На второй же год занятий арабским, в 1886 году, меня поразило родство грузинского языка с семитическими. Мое заявление об этом наблюдении встречено было более чем скептически. Известный ориенталист Розен (арабист) предсказывал мне полное фиаско, сказав, что если бы это было верно, то не ждали бы приезда кого-либо с Кавказа, и давно это стало бы известно. Не лучшее отношение я встретил к поставленной мною проблеме и в среде товарищей. Мне пришлось углубиться в изучение семитических языков и в лингвистическую литературу по этой области. В национальной среде кавказского студенчества меня поддержали прежде всего грузины, относившиеся с доверием ко мне еще по воспоминаниям из гимназии. Впоследствии, когда я в значительной степени случайно занялся раскопками городища Ани, армяне из университетских товарищей также стали поддерживать меня. С грузинами меня объединяла еще общественная мысль. Мы мечтали об освобождении Грузии на путях национального движения. Помню, как, будучи студентом, с одним моим еще гимназическим товарищем мы давали друг другу взаимные клятвы «не слагать оружия», пока не освободим Грузию. Он впоследствии стал директором банка, а я академиком.

В 1888 году появилась первая формулировка моей работы «О родстве грузинского с семитическими языками», произведенной в одиночестве, в своего рода научном подполье, напечатанная на грузинском языке в газете под заглавием

«Природа и свойства грузинского языка». С того времени окружающие условия академической жизни не позволяли мне открыто заниматься разработкой этой проблемы до защиты докторской диссертации в 1903 году. Только в 1908 году появилось изложение так называемой яфетической теории в статье под названием «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими». Статья представляет введение к «Основным таблицам грамматики древнегрузинского языка» и первый опыт расшифрования основ структуры глаголов в названном языке. Труд посвящен памяти моего руководителя, профессора-семитолога Розена, которому я главным образом обязан научной школой и тем, что был сохранен в научной среде университета. Он скончался дня три спустя после того, как мне удалось прочесть ему уже отпечатанное предисловие к работе «О родстве грузинского языка с семитическими». Он не раз прерывал меня во время чтения восклицаниями: «Да у вас все продумано и проработано, да у вас все ясно и доказано!» А ведь он-то и предсказывал мне фиаско.

Еще на студенческой скамье я стал невольным виновником огорчений моего профессора по грузинскому языку, который не мог переварить ни моих лингвистических, ни моих литературно-исторических выводов, и он стал дискредитировать мою дипломную работу. Он видел во мне претендента на его кафедру, хотя я на кафедру совсем не зарился, а мечтал о работе на родине. Но антинациональная политика Кавказского учебного округа, рассматривавшего изучение грузинского или армянского языка как акт национальной гордыни и всячески насаждавшего идеологические раздоры в среде народов Кавказа, также не создавала нормальной обстановки для работы. Мне было предложено Кавказским учебным округом в 1889 году совершить поездку в Сванию; но в грузинской среде я почувствовал нарастание недовольства за мое утверждение о связях грузинской литературы с персидской, о персидском происхождении фабулы гениального грузинского поэта Шоты из Руставы, недовольства, превратившегося в бурю негодования, когда я стал выяснять факт перевода первого памятника грузинской письменности — Библии — с армянского. Пришлось вернуться в Петербург и согласиться на предложение, сделанное мне арменистом профессором К. П. Паткановым, готовиться к профессуре по армянской словесности, языку и литературе.

Решению окончательно заняться специально армянским я обязан гебраисту Д. А. Хвольсону, отцу ныне здравствующего профессора физики. Я занял кафедру по армянскому языку, несмотря на отказ профессора, ответственного за кафедру, от участия в моем магистерском экзамене и на просьбу депутации армян не приглашать на армянскую кафедру не армянина.

Пора прервать сообщение биографических фактов, так как они в дальнейшем связаны с лицами и учреждениями, сейчас актуальными. Следует указать только на ряд экспедиций, совершавшихся для накопления материала по различным языкам, с оговоркой, что приписываемое мне глубокое знание всех кавказских языков есть совершенно ненужная легенда, как, с другой стороны, не легенда, а подлинная действительность, что все мои творческие языковедные мысли суть не результат работ в кабинете, а зарождались и оформлялись в обще-

нии с людьми и природой, на улицах, торжищах, в пустынях и на морях, в горах и степях, у рек и родников, верхом или в вагоне, но только не в кабинете.

Проблем было много, сменявших одна другую: изучение Кавказа, его культурной истории, языка, литературы и памятников материальной культуры. Начав с грузинского и армянского языков, круг изучаемых предметов поставленной задачи постепенно расширялся целым рядом внекавказских языков, связанных одни с грузинским, другие с армянским. Одна проблема, которая красной нитью проходит через все работы и остается до сих пор, это проблема о языке, изучавшемся сначала в пределах интересов литературных, армянских и грузинских, а затем и лингвистических. Интересы историко-литературные были заменены интересами археологическими, нашедшими себе материал в раскопках в Ани, средневековом городище Армении, имеющем исключительное значение для изучения всех народов Кавказа, хотя первоначально крепость и основное население были там армянскими. Здесь же была создана лаборатория по изучению древностей Кавказа. Однако шаг за шагом вопрос о происхождении кавказских языков вырос в проблему о возникновении звуковой речи человека.

К предельному разрешению поставленных проблем толкали меня сами материалы, знание которых у меня накопилось без ограничения исследовательских интересов к одному или другому языку, а также игнорирование тех перегородок, которые были созданы господствующим учением об языке.

Разрешению поставленной проблемы в частности благоприятствовало и скопление на одном факультете всех основных языков Востока. Кроме перечисленных выше языков, я занимался также санскритским, древнеперсидским и пехлеви. Из основных самостоятельно-культурных языков мира, когда теория выяснила необходимость знать и их, мне приходится в последнее время дополнить свои языковедческие знания только дальневосточными языками.

Яфетическая теория, обнимающая в настоящее время все языки мира, завершилась постановкой вопроса об увязке языкознания с историей материальной культуры и общественности и положением, что как все культуры Востока и Запада, так и все языки являются результатом одного и того же творческого процесса. Отпали не только религиозные, но и национальные деления, как творческие факторы создания языков. Считавшиеся различными по расовому происхождению языки оказались созданием только различных эпох. Каждая расовая семья языков оказалась отличной не по своему происхождению группой, а новой системой, представляющей развитие предшествующей системы. Исчезла не только изолированность грузинского языка, но даже изолированность китайского языка. И в последние моменты мы присутствуем при установлении факта, что начиная от Японии и Китая и до берегов Атлантического океана основные термины культурной и доисторической жизни одни и те же. Все слова всех языков сводятся к четырем элементам.

Для проработки этого положения, в частности по каждому языку, требуется еще углубленная работа; одновременно требуется изучение не привлекавшихся или привлекавшихся лишь частично языков Африки и Америки. Но сейчас чисто

теоретическая очередная проблема заключается в том, чтобы установить хронологию возникновения различных систем языков и нарождения в языках различных систем различных частей речи, первоначально не существовавших, в увязке лексического словарного материала с хозяйством, с историей материальной культуры и общественных форм.

Вследствие войны и прекращения сношений с Кавказом мною временно прекращены были работы над кавказскими языками и приступлено к разработке вопроса о происхождении западных языков, средиземноморских и, в частности, единственного пережитка доисторических языков Европы — баскского языка. Получив возможность съездить на Запад, во время изучения баскского языка я установил ряд признаков родства языка басков с мертвым этрусским и с яфетическими языками Кавказа, но отказался от нарождавшейся было мысли связать происхождение яфетических языков с одним баскским, также как и от того, чтобы считать Кавказ прародиной этих древнейших языков.

Незаметно для себя, в ходе разрешения проблемы о происхождении вообще языка, т. е. происхождении человеческой речи, я вскоре оказался обладающим данными, вынуждающими центр тяжести исследовательской работы перенести с мертвых языков на живые и установить даты и последовательность языковых явлений по пластам, имеющим своего рода геологические давности. Это — палеонтологический метод. Он получает свою проверку в том, что намечающиеся в процессе работы пробелы заполняются изучением на местах новых, раньше не изучавшихся, языков Кавказа, языков или соседних, или сродных с грузинским и армянским. Эти же положения находят свое оправдание в языках, которые я при создании своей теории не знал и не думал изучать.

Выяснение процесса развития человеческой речи, имеющего историю движения от многочисленных несовершенных языков к менее численным совершенным языкам и намечающего пройденными этапами своего пути неизбежное в будущем слияние языков воедино, поставило новую проблему и выявило новое значение языкознания, как науки, которая должна заниматься не только прошлым языка, но и его будущим, и которая должна поставить себе задачей осознание и руководство процессом развития человеческой речи, происходящим уже много десятков тысяч лет и ведущим к единству человеческой речи.

Вернувшись из первой поездки к баскам, я был вынужден признать, что для углубленного и систематического исследования проблемы о яфетических языках мне не охватить всех знаний, которые необходимы для исследования даже одного баскского языка, неразлучимого ни с романскими языками, ни с языками Запада вообще, также как и с языками Востока.

Академия Наук СССР, идя навстречу моему обращению, основала Яфетический институт для работ над соответственно широко поставленными нами задачами. Все языки мира оказались результатом человеческого творчества, произведением созидательной работы единого процесса, и этот процесс нельзя выяснить иначе, как проработав каждый язык не как монолитный массив, а как результат скрещения ряда слоев. Изучение этого явления с точки зрения яфетической теории, нахождение места каждого из этих слоев, а не языков, установление их

хронологии — возможно только при большом организованном коллективе, который взял бы в свои руки все это дело, я же один оказался бы бессильным. Но, поддержанному коллективом, можно деловито засучить рукава для гигантской работы, можно строить новое и беспощадно разрушать старое, отжившее. Цель ясна — единство будущего человечества как в речи, так и в хозяйстве и общественности; ясна и основная актуальная проблема по моей специальности: уточнение выяснения процесса происхождения речи и усовершенствование его отдельных видов, чтоб осознанной целесообразной техникой облегчить процесс нарождения единого совершеннейшего орудия общения человечества и коллективно-сознательно закончить то, что коллективно-инстинктивно возникло и претворялось в новые формы многими и многими тысячелетиями. А пока что, посильно двигаясь вперед, не покладая рук, трудиться в пути над подготовкой соответственных исследовательских сил для коллективов, в организованной работе которых только и перестанут индивидуальные достижения становиться бесцельными и никому ненужными.

Природа и особенности грузинского языка[1]

(ბუნება და თვისება ქართულის ენისა)

(Заметка)

В № 62 газеты «Иверия» была напечатана статья г-на П. под заглавием: «Седьмой съезд ориенталистов в Вене 1886 г.». В ней, между прочим, имеются следующие строки: «Самое главное то, что ученые до сих пор не могут притти к определенному решению относительно грузинского языка, они не в состоянии решить, к какой группе языков он может быть отнесен. Бопп в 20-х годах причислял его к индоевропейской семье языков, Макс Мюллер и Фридрих Мюллер — к семитической (т. е. к языкам арабов, евреев, халдеев), — и почти на этом остановилась мысль европейских ученых. Иное предположение было высказано проф. А. Цагарели: по его мнению, грузинский язык принадлежит к особой самостоятельной группе языков, относительно которой, однако, наука пока не располагает необходимыми сведениями».

В этих приблизительно двадцати строках, мне кажется, допущено около четырех неточностей: 1) в 20-х годах Бопп вовсе еще не устанавливал какой бы то ни было связи грузинского с той или иной семьей языков. Его работы по данному вопросу впервые появились только в сороковых годах, именно: «Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms», 1842 г. (вторым отдельным изданием эта работа вышла в 1847 г.) и «Bericht des Hrn Bopp in Bezug auf Hrn Dr. G. Rosen's Einsendung über das Lasische», 1843 г.; 2) взгляды Макса Мюллера и Фридриха Мюллера на природу и особенности грузинского языка никогда не были тождественными: a) Макс Мюллер вовсе не утверждал, будто бы грузинский язык является семитическим; он одно время[2] считал его туранским, а после обходил этот вопрос совершенным молчанием;[3] b) точно также и Фридрих Мюллер не сближал грузинский язык с семитическими, следовательно, и опровергать что-либо в данном случае не могло быть повода у нашего уважаемого проф. А. Цагарели. В своей новой работе[4] Фр. Мюллер довольно обстоятельно выявляет факт взаимного родства грузинского, мегрельского, лазского и сванского языков, утверждая вместе с тем, что северо-кавказские языки решительно ни в чем не проявляют сходства с вышеупомянутыми языками. Но, утверждая так, он, однако, не сближает их ни с одной из известных в науке семей языков; 3) взгляд проф. Цагарели по данному вопросу не заключает в себе ничего оригинального: мысль о принадлежности грузинского к особой самостоятельной группе языков принадлежит еще Клапроту, ее в 60-х годах развивал Фридрих Мюллер, пользуясь теми же самыми доводами, какими в 70-х годах проф. Цагарели обосновывал свой взгляд на природу и особенности грузинского языка. Естественно поэтому,

[1] [Первая печатная работа Н. Я. Марра по вопросу о грузинском языке. Была напечатана в тифлисской грузинской газете «ივერია» («Иверия») в № 86 за 1888 г. на грузинском языке.]

[2] 1855, The languages of the seat of war in the east, стр. 124.

[3] Lectures on the science of language.

[4] Grundriss der Sprachwissenschaft, III Bd., II Abteilung, Wien, 1897, стр. 48 и 186—223.

если и выводы обоих уважаемых профессоров получились вполне тождественные. Приведу в доказательство те самые места из работ проф. Цагарели и Фр. Мюллера, которые опровергают утверждение г-на П., будто бы эти ученые расходятся между собой по обсуждаемому вопросу.

В 1872 г. г-н Цагарели писал:[1] «Грузинский язык (равно как и другие кавказские языки) не имеет генетической связи с индоевропейскими языками, но не может быть причислен и к урало-алтайским. Он, подобно баскскому в Европе, по всей вероятности, есть остаток некогда весьма многочисленной группы языков, распространенной на Кавказском перешейке еще до прихода семитических, арийских и урало-алтайских племен на Кавказ и на юг от него». А вот что пишет венский профессор Фр. Мюллер в 1864 г. по тому же вопросу:

«Die kaukasischen Sprachen hängen mit den indogermanischen Sprachen nicht zusammen, sie können aber auch nicht zu dem ural-altaischen Sprachstamme gezählt werden. Sie scheinen — ähnlich dem Baskischen in Westen Europa's — den Überrest einer vor der Ausbreitung der semitischen, arischen und ural-altaischen Stämme in den Gegenden des Kaukasus und südlich davon verbreiteten ehemals bedeutend grösseren Sprachgruppe zu bilden».[2]

Мысль о родстве грузинского с семитическими в науке высказывалась и раньше, но вскользь и без хотя бы той попытки обосновать ее, какая понадобилась ученым для доказательства мысли о близости и родстве нашего языка с урало-алтайскими или индоевропейскими. Первая подобная попытка оказалась не безрезультатной. Еще года три тому назад я напал на след, чтобы вскрыть характерные особенности грузинского языка. По ознакомлении с арабским языком я окончательно убедился, что у нашего языка много родственных черт с семитическими. Придя к такому выводу, я немедленно приступил к изучению еврейского и сирийского языков. С тех пор с каждым днем все более и более накапливается у меня материал и растет число данных для доказательства с большей убедительностью и оправдания высказанного мною предположения. К слову пришлось и, думаю, было бы кстати здесь же вкратце изложить ту мысль, которую в будущем мне предстоит обосновать. Она сводится к следующему:

Грузинский язык по плоти и духу, т. е. в отношении корнеслова и грамматического строя, находится в родстве с семитической семьей языков, однако связь его с упомянутыми языками не столь тесная, как связь этих последних между собой. Повидимому, грузинский язык (собственно грузинский, мегрело-чанский и сванский[3]) происходит из одного праязыка, столь же почти походившего на семитические языки, как семитические похожи друг на друга.

[1] ЖМНП, IX; это же самое место повторно приводится в работе г-на Ц-ли «О грамматической литературе грузинского языка» [СПб., 1873], стр. 76.

[2] [«Кавказские языки не связаны с индогерманскими, но они также не могут быть причислены к урало-алтайскому стволу языков. По всей вероятности, они являются, подобно баскскому в зап. Европе, остатком одной некогда весьма значительной языковой семьи, распространенной до прихода семитических, арийских и урало-алтайских племен в местностях Кавказа и южнее».] Orient und Occident, стр. 535.

[3] Скудость материалов по сванскому языку, особенно лексических, является наиболее ощутительной. Поэтому я от всей души пожелал бы, чтобы оправдались, в интересах всех лингвистов, недавние слухи о том, что г-ном ბესარიონ ჯ[illegible] [псевдоним Бесариона Нижерадзе] уже составлен сванско-грузинский словарь и что он предполагает его печатать.

К вопросу о задачах арменоведения[1]

Установленный порядок диспута требует от меня слова. В таких случаях обычный предмет речи — вопрос о выборе темы, но этот вопрос иной раз способен поставить диспутанта в затруднение. В мало обследованной области тема, взятая для диссертации, часто дает результаты непредвиденные; диссертант, при продолжительности собирания материалов и их изучения, успевает создать себе новые научные интересы, в круг которых невольно вовлекается также старая тема, и побуждения, натолкнувшие исследователя на мысль об известной работе, в значительной степени теряют почву. В таком случае диспутант или должен выдать за первоначальные побуждения научное настроение, овладевшее им к концу работы, или откровенно говорить о первоначальных мотивах, имеющих значение только для него. Вопрос о выборе темы все же может еще иметь смысл, поскольку с ним стоит в связи своевременность данной работы или потребность в ней. Но диспутант, естественно, всегда окажется расположенным и сумеет найти данную им работу своевременною. В этом отношении гораздо более любопытно выслушать мнение других, менее заинтересованных судей. Правда, сегодня, как, впрочем, не раз бывало и раньше, официальными ценителями приходится выступать представителям иных специальностей, но это нисколько не умалит авторитетности их суждений: нас разделяют материалы, особые по каждой специальности, но зато нас единят общие в корне научные интересы и безусловно общие научные приемы. Если не может быть дана обстоятельная оценка моим драгоманским способностям в качестве переводчика армянских подлинников; если не может быть указано филологическое и лингвистическое значение изданных мною текстов для моей же специальности и удостоверена степень проявленной мною в них акрибии, то в книге предложено известное построение, и вопрос о научности его подсуден ученому востоковеду любой специальности.

Мне с своей стороны хотелось бы только коснуться слегка интересов, связанных с арменоведением, и указать, на какое звено в их цепи отвечает моя работа о вардановских сборниках. В каждом специалисте предполагается существование особых руководящих научных интересов, объединяющих его разрозненные работы. Особые научные интересы арменист вытекают из взгляда на арменоведение как на самостоятельную науку. Задача этой науки раскрыть условия сформирования армянской национальности и выяснить в исторической последовательности самобытные ее проявления, как бы они слабы ни были, на том общем фоне политической и культурной жизни Армении, который создавался под влиянием сильных внешних воздействий.

Но какими путями достигнуть того, чтобы распознать биение пульса внутренней древнеармянской жизни? Первое условие — отказаться, если можно так

[1] [Речь, читанная приват-доцентом Н. Я. Марром перед защитой магистерской диссертации «Сборники притч Вардана» в публичном заседании факультета восточных языков С-Петербургского университета 23 V 1899 г. Напечатана в ЖМНП, 1899 г., № 7, июль, стр. 241—250.]

выразиться, от научных предрассудков. Отказаться от мысли, что армянское прошлое можно понять с помощью приемов иных, чем какие признаны надежными при изучении более крупных политических и культурных единиц, отказаться от мысли, что суждения о культурной и политической жизни армян в прошлом, ввиду ее второстепенного значения, можно составлять без специальной подготовки и с ограниченною осведомленностью. Армения находилась в таком узловом пункте различных цивилизаций, что только заведомая предвзятость может относиться к ней как к чистой доске, на которую позволительно наносить любое теоретическое построение, не справившись основательно с письменами, глубоко начертанными уже на ней в несколько слоев.

Бесспорно, средства должны быть соразмерны с целью, но раз единственная прямая цель арменоведения определяется его научным интересом, то не может быть речи о большей или меньшей значительности цели, как нет по существу разницы между научным интересом, питаемым к крупным, хотя бы притом и важным, частям данного тела и к менее значительным его частям.

Результаты исторического изучения человечества в одних крупных его проявлениях могут дать красивые картины для эстетического наслаждения, могут удовлетворять потребности в преходящих теоретических построениях, но отнюдь не призваны быть удовлетворительным ответом на вечный научный запрос, на непреоборимое стремление человеческой природы к абсолютной правде, имеющей отразить в себе жизнедеятельность всех народов и всех времен в нелицеприятной гармонии.

Конечно, существуют и побочные основания, делающие желательным процветание арменистики и родственной с нею отрасли востоковедения, особенно в России. Грустно мириться, например, с тем, что древности Грузии и Армении не находят серьезных исследователей в России, что почти за целое столетие, истекшее по присоединении Грузии и затем значительной части коренной Армении, на Кавказе, сплошь покрытом обломками различных культур различных эпох, не основалось прочно ни одного научного общества, ни одного научного органа местной археологии или древней письменности или древней истории, что на всем Кавказе и до сих пор нет фактически ни одного музея древностей.

Совсем неутешительно, что лучшие труды по кавказской археологии принадлежат французским и немецким ученым, наиболее ценные работы по армянской лингвистике изданы немецкими и французскими профессорами, история и литература Армении нашли авторитетных ценителей не только в классической стране филологии, но и во Франции, Англии и Италии. Даже элементарными учебниками по армянскому языку и армянской литературе нас успевают снабжать иностранцы, пока мы в касающейся нас науке бездействуем из равнодушия и только в печати порываемся именем «науки» горячо засвидетельствовать свое высокомерное отношение к тому, что нам неведомо. Нужно ли доказывать, что для русского государства не может быть безразличным понимание прошлого народностей, как бы малы эти народности ни были, раз они входят в его состав или силою вещей к нему тяготеют, что русская история и археология, в частности история древнерусского искусства, непосредственно заинтересованы во

всестороннем выяснении прошлых судеб Грузии и Армении, где культурная жизнь в значительной степени слагалась под теми же восточными и византийским течениями, как и в древней Руси. Наконец, честь русского востоковедения требует, чтобы ему принадлежала руководящая роль в изучении по крайней мере тех областей Востока, которые составляют часть самой России.

Я скажу еще более, хотя и с риском, что в моих словах усмотрят увлечение специалиста. Для армян и грузин в частности государство имеет основание видеть прекрасное воспитательное средство в арменоведении и в грузиноведении, так как, бесспорно, ими можно развивать и укреплять просвещенную любовь и уважение к родине, а едва ли кто будет оспаривать положение, для меня аксиому, что кто безучастен к судьбе родного края, тот не может глубоко воспринять более отвлеченное, более сложное чувство к отечеству; в ком подавлены или заглушены врожденные чувства привязанности к родным древностям и к родным сказаниям, в ком эти святые чувства не получили естественного развития еще в семье или школе, в тех, при полном господстве в самом обществе житейски материалистических взглядов, не должны удивлять нас отсутствие духовных запросов и равнодушие вообще к гуманистическим занятиям.

По какой бы системе ни воспитывать характер, каким бы идеальным подбором образовательных наук ни упражнять ум, искусственный разрыв с родным культурным прошлым неизбежно ведет громадное большинство к духовному вырождению. Не пробуждая научного интереса к тому, что близко лежит к сердцу, мы тем самым притупляем благороднейший стимул самодеятельности, подрываем в корне возможность искренних сознательных симпатий к колоссальным историческим задачам нашего обширного отечества и дело плодотворного к ним приобщения целых народностей. Однако указанные пункты прикладного значения нашей специальности и лучшем случае могут расширить круг интересующихся ею, но они не изменяют нисколько положения дела с научной точки зрения. Для ученого потребность в арменистике вытекает из самого существа ее, из того, что арменоведение есть самостоятельная ориенталистическая наука. Эта самостоятельность, впрочем, должна еще быть завоевана, так как армениста, если и чувствуют потребность в известной независимости, обыкновенно не возводят этого чувства в степень ясно сознанного руководящего начала. Между тем только при таком сознании арменоведение становится наукою и притом наукою, располагающею услугами ряда других филологических наук.

Арменоведение не может обосноваться на одной филологии в тесном смысле этого слова. Археология с ее служебными дисциплинами и этнография с фольклором отнюдь не менее должны интересовать армениста, чем лингвистика и литература.

Временная трудность, скажу более, рискованность научного положения армениста состоит именно в том, что пока при наличности немногих рабочих сил ему приходится самому принимать непосредственное участие в разработке касающихся его отделов одновременно нескольких специальных наук. В свою очередь ни у одной из подразумеваемых специальных наук не может оказаться прочных успехов в изучении материалов, открываемых на армянской почве,

без руководящих начал, ожидаемых от арменистов. Можно питать глубокое уважение к лицам, посильно трудящимся над лингвистикой, археологией и фольклором Армении без непосредственного и основательного знания ее языка, литературы и жизни, но до сих пор не представлялся случай, чтобы относиться к результатам их работ без большой дозы скептицизма.

Как же быть иначе, когда, например, неожиданно для догматической лингвистики, спокойно занятой научным выяснением места армянского языка в кругу индоевропейских с помощью извне привносимых готовых звуковых законов, — в армянском языке вскрывается коренной слой, роднящий его с соседним грузинским языком и влиявший, конечно, на дифференциацию действительно сильного в нем, интересующего всех арийского слоя, или когда грузинский язык, научно признанный не находящимся в родстве ни с индоевропейскою, ни с семитическою семьею языков, фактически оказывается в безусловно генетическом родстве с семитическими языками. С другими специальными науками дело обстоит не лучше. Так, в частности, похвальные усилия в чтении ванских клинообразных надписей, немых свидетельниц древнейшей истории Армении, при всей научной обстановочности, не перестанут снабжать нас камнем вместо хлеба, пока исследователи клинообразных надписей не вооружатся действительным знанием местных языков и действительным пониманием местных древностей. «Среда местных древностей», как справедливо заметил недавно выдающийся знаток древнерусского искусства, «должна осветиться собственным внутренним светом знания».

Из тожественного положения приходится исходить и при изучении древнеармянской литературы. Совершенно не приемлем взгляд, негласно сказывающийся в работах арменистов, будто древнеармянская литература представляет случайную коллекцию памятников, имеющую ценность постольку, поскольку в них нуждаются представители других филологических наук. Соглашаясь вполне с тем, что переводы древних армян восполняют значительные пробелы в литературах соседних народов, в то же время нужно настаивать на том, что пользованию даже древнеармянскими переводами в научных целях должно предшествовать освещение их с точки зрения истории древнеармянской литературы; в этой истории переводные памятники являлись выразителями определенных местных течений, которые могут помочь не только в установлении даты переводов, редко известной и еще реже верно известной, но и в объяснении уклонений армянских текстов от их оригиналов.

Взгляд на арменоведение как на самостоятельную науку с своими собственными задачами освобождает нас между прочим и от односторонности, — от изучения в армянской литературе исключительно историков. Армянские историки получили преимущественную известность только потому, что в доставляемых ими сведениях нуждались специалисты по истории, естественно, торопившиеся воспользоваться новыми армянскими источниками. Изучение исторических сочинений, как и других специальных родов армянской письменности, должно быть поставлено на почву их взаимных литературных соотношений и подведено под армянистический угол зрения. Для выработки армянистического угла зрения

недостатка в данных нет. Внутренний мир древней Армении отнюдь не представляет гладкой поверхности стоячей воды. Армения внутри жила с интенсивностью, поразительной для нас, усвоивших созданное западноевропейским тщеславием ходячее мнение о неподвижности восточных народов. Правда, темп армянской жизни ускорялся под влиянием внешних факторов, но наличность особых местных условий и их реагирующая на ход событий роль не может подлежать сомнению.

Нельзя же не считаться исследователю древней Армении с такими фактами, как слияние в армянской национальности двух основных расовых течений, одного — арийского и другого — родственного семитическому, именуемого мною яфетидским, взаимодействие многочисленных армянских племен и сопутствовавших им диалектических разновидностей, переживания двух, одинаково родных дохристианских культур: местной, стоящей в связи с клинообразными надписями, и вносной, иранской, аристократический родовой строй жизни, тормозивший утверждение в Армении сильной светской власти, экономическо-культурное значение армянских городов, как, например, Ани, подолгу оставшихся национальными и по переходе их в руки завоевателей, постепенный упадок аристократического уклада и вырождение землевладельческой знати, возвышение других общественных типов с образованием или выступлением на арену новых классов, падение национального духа и эмиграционное движение части армянского населения, как результаты воцарившегося в Армении курдского, татарского, турецкого варварства и вызванного им экономического кризиса, смена могущественных жрецов христианским духовенством, усиление последнего и приспособление его по очереди к каждой внутренней, в частности сословной эволюции, сосредоточение просвещения и национальной мысли в богато наделенных монастырях, получивших широкое развитие, возобладание церкви, подготовлявшее низведение национальности в религиозную общину, систематический разгром материально цветущих монастырей инородным и иноверным пришлым элементом, зачатки обратного светского движения, возникшего в низших народных слоях и в колониях, наконец, неизбежная своеобразность скрещивавшихся в такой среде различных занесенных извне мировоззрений и отражавшихся в ней внешних политических событий.

Не говоря о других, перечисленные характерные явления армянской жизни достаточно любопытны, чтобы следить шаг за шагом за хотя бы самым слабым отложением их в письменности.

Однако, при всей основательности желания уделить местным тенденциям господствующее значение в истории древнеармянской литературы, к ним будет возможность подступить лишь по отвлечении всего того, что вносилось в нее извне. Но и здесь нам нужны не одни статистические данные о заимствованиях, — нам нужна прагматическая история переводов на древнеармянский язык с указанием путей, какими они входили в нее, условий, благоприятствовавших такому, а не иному выбору, и потребностей, каким они были призваны удовлетворить.

Три литературные течения — сирийское, византийско-эллинистическое и национальное, представляющие три момента в развитии древнеармянской литературы,

должны получить свое первое обоснование на указанного характера изучении армянских переводных памятников. Самое древнее, сирийское, течение представляет наиболее трудную для разрешения задачу, но для этого вопроса мы находим неожиданную помощь в солидарности древнегрузинской литературы с древнеармянскою в известное время, когда новообращенные армяне и грузины жили в сфере тожественных религиозных интересов, исходивших из Сирии безо всякой политической окраски и потому щедро дававших жизнь местной письменности. Начало влияния армянской литературы на грузинскую, по всей вероятности, положено в этот именно период с момента перевода св. писания с армянского на грузинский язык, и разыскания в области переводов с армянского языка на грузинский, a priori можно утверждать, окажут обратную услугу, бросив свет на начальный период армянской письменности.

Конечно, результаты такого документального изучения древнейшей эпохи армянской литературы не позволят и впредь придерживаться современного представления о внутренней жизни древних армян, основанного в значительной степени на легендах. Но те же результаты не позволят нам огулом отбросить все армянские литературные и исторические предания, так как они дадут и уже дают возможность совлечь легендарные наслоения, своего рода научные освещения позднейших эпох, с действительных фактов, составляющих зерна тех преданий. Сами легендарные наслоения получат значение культурно-исторического материала для характеристики эпох, когда они возникали. Легендарные предания армян, как оказывается при проверке, сохранили нам любопытнейшие данные, и наша задача не отрицать их, а объяснять. Конечно, время их окончательной формулировки значительно удаляется от описанных в них событий. Известная доля в созидании легенд, несомненно, принадлежит средним векам. Это обстоятельство побуждает нас не ограничивать интереса к армянской литературе древним ее периодом.

Оставление в тени умственной жизни армян в средние века придает многим явлениям древнеармянской литературы характер загадочности, отчасти объясняющий сказавшиеся в последнее время печальные крайности отрицательной критики. На средние века принято смотреть как на период безжизненного консерватизма, когда занимались лишь сохранением завещанных от предшествовавших поколений идей. Действительно, средним векам и обязаны мы почти исключительно дошедшими до нас списками памятников древнеармянской литературы. Но тогда же внесены в письменность многие новые жизненные начала.

В средние века заботились не только о списывании древних памятников, но и о возможно большем распространении их в народе и большей доступности их пониманию всех грамотных; в связи с этим явлением находится выработка более легких видов армянского письма; в связи с тем же явлением находится сближение завещанного книжного армянского языка с разговорною речью. В средневековой армянской письменности вскрываются значительные следы попыток к совершенному обновлению литературного языка и устаревшей орфографии.

В то же время армянской литературе, получившейся в итоге трех течений — сирийского, византийско-эллинистического и национального, было дано новое

направление, усилившее в ней светские и национальные элементы. Внешними виновниками этого направления явились два цикла новых идей, внесенных, с одной стороны, путем общения с Европой при посредстве Киликии и Крыма, с другой — из мусульманского мира, преимущественно, как он сложился на полуродственной иранской почве. Все это способствовало переходу литературных интересов из тесного круга духовенства и родовитого сословия, постепенно исчезавшего в Армении, в другие, отчасти вновь нарождавшиеся слои общества, а вместе с тем и увеличению в народе грамотности. Новый, более обширный круг читателей предъявил свои особые запросы к литературе, и появились новые памятники или новые редакции старых памятников, удовлетворявшие этим запросам. Эти и другие подобные явления умственной жизни армян в средние века придают ей цену, не зависимую от вопросов, возбуждаемых памятниками древнеармянской письменности. Средневековая армянская литература представляет самостоятельный научный интерес.

Одним из памятников этой любопытной эпохи является предмет моей диссертации, так называемые «Сборники притч Вардана»,[1] корнями стоящие в связи с древнеармянскою литературою, но стволом и ветвями принадлежащие позднейшим временам...

[1] [Издана в 1899 г. в СПб. «Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Часть I. Исследование. XLI+594 стр. Часть II — текст — и часть III — Приложения — были изданы в 1894 г. СПб. XVI+344 и X+202 стр.]

Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими[1]

Грузинский язык является характернейшим представителем особой лингвистической ветви, которая в свою очередь находится в генетическом родстве с семитическою ветвью языков. В эту особую ветвь, родственную с семитическою, входят, кроме грузинского и братски связанных с ним живых наречий, т. е. кроме так называемой картвельской или иверийской группы (точнее: картской, иверской и сванской групп), еще мертвые теперь языки. Из таких мертвых языков одни, пока, впрочем, гипотетически сближаемые с грузинским, доступны нашему исследованию лишь в эпиграфических памятниках, как, напр., сузский (эламский), сохранившийся в клинообразных надписях, другие — в составе наличных языков мешаного типа, как, напр., доарийский язык Армении, сильными и многочисленными переживаниями отложившийся в языке, известном в широкой публике, да и в науке — только под названием «армянский».[2]

Вновь выясняющаяся лингвистическая ветвь условно называется мною «яфетическою», термином, применявшимся некогда для обозначения «индоевропейской» семьи языков, но в этом смысле не привившимся и давно вышедшим из употребления.[3] До появления арийцев («индоевропейцев») в Передней Азии яфетическая ветвь непосредственно соприкасалась южными своими представителями с семитическими языками. Я нарочно пользуюсь термином «ветвь», а не «семья», так как семитические языки, как и яфетические, сами по себе суть обособившиеся части, ветви, одной семьи: семитическая ветвь с яфетическою лишь вместе составляют одну лингвистическую семью, для которой название еще должно быть установлено, если не пожелаем для последовательности именовать ее «ноэтическою», продолжая опираться на библейскую терминологию, откуда взяты термины «семитический» и «яфетический».[4]

[1] [Начало работы: «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими», СПб., 1908, стр. 1—10.]

[2] Сами армяне себя называют «hай»ами (hay-q) и свой язык — «hай»ским (hayerēn) или «hайк»ским (haykakan). Испокон веков неизменные их соседи, грузины, армян называют «сомех»ами и армянский язык «сомех»ским (somḳuri). Живущие среди них курды армян называют «фелэ» или «філ», армянский язык — «фелекі зімані» и Армению «філістан».

[3] Против введения того же термина в предлагаемом мною значении можно выставить основательные возражения традиционно-генеалогического свойства, но все же новую в науке лингвистическую ветвь приходится поневоле называть яфетическою, пока родственная с нею ветвь именуется семитическою, и пока последний термин, также условный и по существу неправильный, общепринят. Напомню, впрочем, что древнейшие представители таких бесспорно карто-иверосванских народов, как иверы (спир-ы, тибар-ен-ы, тубал-ы) и месхи (месех-и, мосох-и), именно Тубал и Мосох, и по библейскому родословию (Быт. 10,2) — сыновья Яфета, брата Сима.

[4] В состав той же семьи, повидимому, входит и хамитическая ветвь, поскольку некоторые ученые стараются доказать родство хамитических языков с семитическими. В частности, вопрос о родстве семитических языков с египетским и коптским и посейчас *sub judice*, как выразился еще Wright (Lectures, стр. 33). Спорный вид родства с семитическими проявляют и остальные так называемые хамитические языки, как то: кушитский, берберский, нубийский и др. Но, насколько пока выясняются основания такой возможной связи, давно находящей признание и со стороны более трезвых исследователей (Ad. Erman, Das Verhältniss des Aegyptischen zu den semitischen Sprachen в ZDMG, XLVI (1892), стр. 93—129; Th. Nöldeke, Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft, Страсбург, 1904, стр. 29, прим. 1, ср. Brockelmann, Grundriss, I, стр. 3—4), родство

Лингвистические основания генетического родства грузинского языка с семитическими вкратце могут быть изложены в трех следующих общих положениях:

1. Фонетика грузинского языка родственна с фонетикой семитических. Между прочим, грузинский язык, представляя, подобно семитическим, пример подавляюще преимущественного развития согласных, разделяет с ними богатство и разнообразие гортанных звуков. Имея в себе соответствие и семитическому ע (ع) в древнем твердом его произношении, он разделяет с ними и наиболее характерные звуковые законы, напр., перебой нёбнозубных в гортанные, как צ (resp. ض) = წ ṭ в ע (ع) = კ k̇ и т. п. Грузинский разделяет с семитическими и систему гласных: основными и в грузинском являются три простых гласных, a (с его двойником e), i (с его двойником e), u (с его двойником o), и служащие в определенных условиях полугласными слабые согласные y, w.

2. Принципиальное родство в морфологии выражается в том, что в грузинском гласные служат показателями этимологических категорий, что же касается корней, то они состоят исключительно из согласных, как обстоит дело и в семитических языках. Подобно семитическим языкам, грузинский язык в морфологии пользуется не только суффиксами, но и префиксами.

3. В корнеслове грузинский язык роднит с семитическими и то основное положение, что коренными служат лишь согласные, и то характерное явление, что грузинские корни трехсогласные или, что бывает реже, двухсогласные.[1]

И, что решающе важно, грузинский язык роднится с семитическими не только тем или иным теоретическим положением в предложенной общей формулировке касательно фонетики, морфологии и корнеслова, а также, конечно, синтаксиса,

хамитических языков, даже египетского и коптского, с семитическими кажется более дальним, чем выясняемое мною родство яфетических с теми же семитическими. Можно подумать, что выделение хамитов, в числе их и египтян, из общей семьи произошло значительно раньше разделения ее впоследствии на яфетидов и семитов.

[1] Отступления от этой нормы или в сторону единства, или в сторону множества объясняются позднейшею историею грузинских звуков: в одних случаях присутствие двух тождественных согласных, сливавшихся в один, сводило трехсогласность на двухсогласность, или при наличии в корне слабых согласных, постепенно исчезавших, число коренных уменьшалось также до двух, даже до одного согласного, а иногда устранялся и этот последний представитель корня, оставляя налицо лишь один гласный элемент, характер известной грамматической категории; в других случаях удвоение твердых согласных, в грузинском раздвоение, именно образование определенной гармонической группы, напр., из двух антиподных согласных, как-то — წკ ṭk̇ из კ k̇, ძღ d̓ğ из ღ ğ, ტყ ϑq̇ из ყ q̇, а также вовлечение согласных формативов в корень, врастание их в коренные, увеличивало число коренных до 4-х или даже более согласных. Один пример удвоения, resp. раздвоения q̇ в ϑq̇ [вм. q̇q̇]: груз. riϑq̇w (← архаич. riϑq̇ow-y) *исчисление, число* и груз. raϑq̇a (← *raϑq̇wa) *считал*, можно подумать, восходят к четырехсогласному корню rϑq̇w, на самом же деле это — именная и глагольная формы трехсогласного корня rq̇w с удвоением 2-го коренного q̇ в q̇q̇, resp. ϑq̇. Кстати, 2-й коренной здесь перемещен с первоначального места (3-го): в rq̇w предлежит, ввиду беглости в грузинском w || v, случай перестановки коренных вм. wrq̇, resp. vrq̇, что подтверждается иверскими закономерными эквивалентами, напр. лаз. goroϑq̇ (← *ɛoroϑq̇) *считать*. Ивер. g при карт. w объясняется как закономерный подъем ɛ, эквивалента w: в ивер. g, значит, свидетельство законности формы корня *ɛrq̇ и в яфет. ветви. В самом корне rq̇w (← wrq̇), resp. *ɛrq̇ имеем яфетический эквивалент семитического wrq̇, resp. yrq̇ и ɛrq̇: саб. ورخ (Hommel, Süd-ar. Chr., § 87 *месяц*, эф. ወርኅ: id., араб. أرّخ и ورّخ [отымен. глаголы], откуда تاريخ *дата, летосчисление*, евр. יֶרַח *луна*, евр. יָרֵחַ, сир. ܝܪܚܐ *месяц* и т. п.

но и самыми реалиями. Так, родство грузинских корней с семитическими не останавливается на указанных в положении 3-м принципиальных явлениях; оно идет глубже, обнимая все отдельные лексические факты, насколько, с одной стороны, семитическими, с другой — грузинским языком сохранены одни и те же корни, которых удалось мне пока отожествить около одной тысячи на основании особо выработанной яфетическо-семитической сравнительной фонетики. Так, в области морфологии такое реально-генетическое родство устанавливают определенные гласные, характеризующие те или иные ее категории, и фактическая группировка морфологических элементов, напр., в грузинском не только три основных падежа, как и в арабском, в наиболее чистом виде сохранившем семитическое склонение, но и гласные характеры этих падежей тождественны: именит. i (из u[1]), род. i (первоначальный) и дат., resp. винит., a. Грузинское склонение разделяет не только тожество гласных характеров падежных окончаний, но и наличие в них замыкающего согласного, причем на основании яфетическо-семитической сравнительной фонетики в грузинском замыкающим согласным является ს s, закономерное соответствие семитического h, который, таким образом, быть может, не следовало бы считать лишь орфографическим явлением в еврейском падежном окончании ה־. Кроме того, в той же роли грузинский в качестве переживаний сохранил и другие согласные, именно ნ n, как в арабском (нунация), მ m, как в еврейском (мимация, ср. то же явление диалектически и в арабском, именно в «химьяритских» надписях южной Аравии, Hommel, Süd-ar. Chr., § 57), ვ v, как в ассирийском, сказали бы мы, если окончания uv, iv, av (Wright, Lectures, стр. 144) сами ассириологи не решили читать непременно применительно к еврейской мимации: um, im, am (Fr. Delitzsch, AG², § 92), и т. п. Точно так же в грузинском не только существуют две основные формы причастия страдательного залога, как в семитических, но и гласные характеры одной «u», другой «i» тождественны или явно родственны с тем, что находим в семитических языках (ū, ī), напр. в арабском مَفْعُول, resp. فَتُول (ср. евр. קָטוּל и т. п.), فَتِيل (особ. сир. ܩܛܝܠ). Или еще: грузинский не только пользуется в морфологии префиксальным образованием, как и семитические языки, но и сами элементы этого образования в грузинском языке тождественны или родственны с семитическими эквивалентами, например, форматив მ m, в сопутствии с тем или иным гласным, иногда и без гласного, служащий образовательным префиксом причастий, а также имен действующих лиц и т. п.

Лучшею проверкою утверждаемого мною родства, наиболее доказательным особенно для нас, грузиноведов, доводом в его пользу является то, что, только

[1] Звук i в грузинском часто является, как в данном случае, позднейшим закономерным перебоем гласного u, что наблюдаем и в семитических языках (Brockelmann, Grundriss, I, стр. 144 — 145, 150—151). Между прочим в переживаниях падежных окончаний еврейский язык проявляет такой же звук i, resp. ī в падеже, по всей видимости, именительном, который, однако, семитологи толковали (Barth, CRH, стр. 594), пожалуй, напрасно, как родительный падеж, ввиду случайного тожества, позднейшего совпадения с его гласным характером, первоначальным i. Не касаемся специфически своеобразного толкования самого Barth'a (ц. с., стр. 595 сл.).

опираясь на него, и удалось постичь наконец строй грузинского языка и распутать наиболее сложные, казалось, неразрешимые вопросы грузинской грамматики, так, напр., спряжение грузинских глаголов. Ссылаюсь примерно на глаголы, так как полноту разработки их легко можно усмотреть и из близкого ознакомления с предлагаемыми ниже [подразумеваются «Основные таблицы» etc.] таблицами (№№ IX—XX).

Само собой понятно, что в грузинском языке много, и очень много такого, что удаляет его от семитических. Потому-то и нельзя считать его семитическим: он лишь родственен с семитическими в известной степени, именно: тогда как семитические — братски родственны друг с другом, наличные представители яфетической ветви, в том числе и грузинский, с семитическими находятся в отношениях двоюродных братьев, детей двух родных братьев, т. е. прасемитического и праяфетического языков. И в этой более отдаленной степени родства яфетических языков с семитическими лежит особенная ценность выясняемого явления: отдаленность родства открывает перспективы для более плодотворных работ и по теории семитического языкознания. Чрезмерно близкое родство семитических языков между собою до сих пор являлось главным тормозом в деле развития сравнительного метода в применении к семитическим языкам. Силу указанного тормоза некоторые ученые, напр., Brockelmann (Grundriss, I: стр. Zur Einführung [2], 35). стараются умалить, признавая его отрицательное значение лишь для несколько пренебрегаемого ныне вопроса о семитическом праязыке, но никто не отвергает его наличия. Этот тормоз устраняется теперь или, правильнее будет сказать, устранится с момента, когда непосредственное изучение наших языков, связанных узами более дальнего родства с семитическими, и спокойно-деловое использование вскрывающихся в них непривычных материалов и чуждых на первый взгляд звуковых явлений дадут реальную возможность семитическому языкознанию развиваться при новом, более широком кругозоре.

После признания самого факта родства грузинского с семитическими для правильной и всесторонней разработки этого весьма сложного вопроса ближайшею теперь очередною задачею мне представляется установление в возможной полноте особенностей яфетической ветви языков. Выполнению этой задачи в свою очередь должно предшествовать детальное изложение грамматики каждого ее представителя. Что грузинская грамматика в этом отношении на первых порах должна занять наше преимущественное внимание, это не подлежит сомнению, поскольку в грузинском языке и представлены наиболее архаично и с наибольшею полнотою лингвистические материалы. Родственные, по всей видимости, языки, язык ванских клинообразных надписей, а также язык сузских (эламских или так называемых мидийских) клинообразных надписей все еще не дешифрованы фонетически-точно.[1] Посему из всех яфетических это единственный срав-

[1] Впрочем, сама фонетическая точность чтения в свою очередь зависит от правильного определения происхождения языка. Кстати, по вопросу о сузском заслуживает внимания коротенькая заметка de Charencey «Le pronom de la 1-re personne en géorgien et en susien» (Journal Asiatique, X (1907), стр. 170—181): не в пример другим исследователям, de Charencey старается предварительно установить полноту грузинских форм указанной категории и лишь в обладании ею обсуждать вопрос. Автору как будто и удается кое-что схватить. Но нужно ли говорить, что в таких

нительно в чистом виде сохранившийся культурный язык:[1] грузинский (картский) представлен не только диалектически в живых говорах, гурийском, имеретинском, карталинском и т. п., как родственные с ним сванский — в своих говорах и иверский — в своих диалектах, лазском и мингрельском, с их говорами, но и исторически, на протяжении по крайней мере четырнадцати веков, в многочисленных письменных памятниках сначала духовной литературы, а с X—XI века и светской.

Дополнительные примечания

I

Говоря о грузинском соответствии определенного звука одного из семитических языков, я еще не касаюсь вопроса о сравнительной древности того или другого. Так, грузинское s, как замыкающий согласный в падежных окончаниях, нельзя еще считать позднейшим явлением сравнительно с параллельным еврейским h, если даже признать правильным наш взгляд на этот согласный элемент эквивалентного еврейского суффикса.[2] Напротив, в грузинском мы наблюдаем тенденцию, повидимому, позднейшую, к перебою сибилянтов в спиранты, resp. в слабые согласные, впоследствии исчезающие бесследно, если они не спасаются подъемом или чередованием, так, напр.:

1. شمس, שמש *солнце;* ܫܡܫܐ id.; ܫܡܫ *служил*

сем. шms ‖ яфет. *smh { карт. zmh } → smq̇
∼ { ивер. jmh → jmr
*smy → zmn:

1. груз. mze (← *zmeh), гур. bze,[1] мингр. bja[1] (← *jmah), лаз. mjora (← *jmoh-a) *солнце.*
2. груз. msaq̇uri (← smaq̇-ver-i) *слуга* с производными: emsaq̇ura *служил ему,* samsaq̇uri *служба* и т. п.
3. груз. samq̇ari (← samq̇-ar-i [*солнечный,* отсюда]

ответственных случаях мало даже твердого знания элементов грузинской речи, недостающего de Charencey, судя по тому, что он, напр., не отличает предлога შე от корня ყრ, resp. ყრვ и в форме შემიყრავს префикс მი принимает за «infixe», или не разбирается еще в значениях объективных префиксов მ, მი, მა, მე и в их употреблении. Для установления генетической связи между аналогичными явлениями или созвучиями грузинской и сузской речи требуется знакомство, на первых порах хотя бы какое-нибудь, с историческою грамматикою грузинского языка, как она теперь выясняется благодаря яфетическо-семитической теории. Будь de Charencey сколько-нибудь осведомлен в исторической грамматике грузинского языка, он мог бы привести значительно больше фактов в подтверждение собственной мысли, робко высказываемой им в цитованной заметке.

[1] Совершенно особо стоит армянский язык, обследовавшийся до сих пор лишь в части индоевропейских его элементов, как пришлых, так коренных, и, естественно, непосвященным в дело, в том числе и арменистам не нашей школы, кажущийся чисто индоевропейским. О своеобразном положении этого языка в корне мешаного типа в кругу языков яфетической ветви пока см. в Предисловии моей «Грамматики древне-армянского языка» (СПб., 1903, стр. XXX, прим., и XXXI—XXXII).

[2] См. выше, стр. 25.

a) *полдень, полдник,*
b) с суффиксом названий стран eϑ: samq̇reϑi (←samq̇ar-eϑ-i) *солнечная, южная сторона, юг,* в противоположность ṭdiloeϑi или ṭdilo *теневая, темная сторона, север* (яфет. ṭdl || сем. ṭll: арб. ظلّ *тень* и т. п.).

4. груз. mzina (←*zmina) *светил, блистал,* вульг. bzina.[1]

2. ܫܦܪ *ласкал* (Wright, The Book of Kalīlah and Dimnah, стр. 13,15 et pass., ср. стр. LVII)

сем. шφr || яфет. ꞓφr: груз. eφera (←*e-ꞓφera) *ласкал его.*

В другом значении (שָׁפַר *б. прекрасен* ܫܦܪ id.) корень и в яфет. проявляет ш (сем. шφr || яф. шvr > шvn): mшveni *украшающий,* шvenieri *прекрасный,* с отрицанием u — uшveri *безобразный.*

3. שַׁעַר *ворота;* библ. арам. תְּרַע id.; *порта, дворец*

сем. шkr || яфет. ꞓḳr (→ꞓgr): груз. kari (←*ꞓḳar-i) *дверь; дворец,* gar (←*ꞓgar), gare (←*ꞓgar-e) *на дворе, вон; прочь, от-, у-.*

4. شديد *крепкий, сильный*

сем. шdd || яфет. ꞓdd:
1. груз. didi (←*ꞓdid-i) *великий.*
2. груз. diadi (←*ꞓidad-i) *великий, величественный.*

5. شعير *ячмень,* שְׂעֹרָה

сем. шkr || яфет. ꞓḳr (→груз. ꞓgr) груз. qeri (←*ꞓgeri) *ячмень* (ср. арм. gari *ячмень*).

6. *שְׁבִיל (только во мн. ч.) *стезя,* سبيل *путь,* ܫܒܝܠܐ id.

сем. $\frac{\text{шbl}}{\text{sbl}}$ || яфет. $\frac{\text{ꞓbl}}{\text{hvl}}$:
1. груз. biliki (←*ꞓbil-ik-i) *стезя, тропа.*
2. груз. vla *ходить* (←*hvla, но и без перебоя: svla *ходить*).

[1] Подъем m в b явление самое обычное и в древнегрузинском, как, напр.: a) buq-i *буря* и *mveq [яфет. mvq ←*mwg || сем. mwg]: араб. ماج *бушевал,* موج *волна,* b) banal-i *волос* из *manal-i, о женском окончании al см. ниже [яфет-. mnꞓ || сем. mnꞓ]: сир. ܡܢܬܐ *волос,* c) berṫ-i, *бесплодная* (женщина) из *merṫ-i, resp. *meшt-i [дела не касается, что в данном случае m не коренное, корень предполагается ܥܩܪ]: сир. ܥܩܪܬܐ (*бесплодное* животное), d) atkbo *усладил* из *atkmo, tkbil-i *сладкий* из *tkm-il-i [яфет. tkm. || сем. mtḳ]: эф. መጠቀ: *сладкий,* евр. מתק *б. сладок,* араб. تمطّق *нашел* (блюдо) *вкусным,* e) belat-i *плешивый, лысый* из *melat-i, но и melot-i id. [яфет. mlt || сем. mlt]: эф. መለጠ: *соскоблил, ощипал,* араб. ملط *б. без волос,* f) суффикс вульгарного мн. ч., выработавшегося в груз. из двойственного, именно eb (←*aib), точный эквивалент евр. ַ◌ יִם (ср. Brockelmann, Grundriss, §§ 224d, 244e, f), g) tkub-i *близнец* из *tkum-i [яфет. tkm || сем. ϑꞓm]: евр. תְּאוֹמִים *близнецы,* сир. ܬܐܡܐ, араб. تَوْءَم *близнец.*

7. שבע *клялся*

сем. šbk || яфет. [ʿbṫ] ʿbď (→ ʿpϑ): груз. piϑa[1] (← *ʿpiϑa) или puϑa (← *ʿpuϑa) *клялся*, мингр. puϑi *клятва*.

8. שבץ Pi. *ткал, плел,*
Pu. *б. вправленным* (о драгоценных камнях)

сем. šbṫ || яфет. ʿbď (→ ʿpϑ):

1. груз. bade (← *ʿbaďe) [*плетение*, именно] *сеть, сеточка, кружево, паутина.*
2. груз. bude (← *ʿbuďe) [*плетеное, свитое*, именно] *гнездо* (для птиц); *гнездо* (для драгоценных камней); *футляр.*
3. груз. paϑeri[1] (←*ʿpaϑ-er-i) [*плетение*, именно] *плетенка, корзина для ловли рыб,* нечто в роде *верши, мрежи;* груз. paϑer-kod-i *тенета.*

9. גְּוִיָּה *тело.*

сем. gwm || яфет. gʿm: груз. gu[ʿ]ami *тело.*

10. שְׂעָרָה *буря,* סַעַר id.

сем. skr || яфет. hḳr (→ hgr):

1. груз. qari (←*hgar-i) *ветер.*

[2. б. м.; груз. girgali (gir-gar-i) *буря,* ср., впрочем, сир. ܓܪܓܠܐ *буря,* сир. ܣܓܪܓܠܐ *сумятица*].

Груз. qariiqali *буря с дождем, вьюга* представляет слово, сложенное из того же qar-i и iiqal-i, формы iḳtal от корня šql (←*ql) || сем. ql, от которого библ. арам. נְהִשְׁתּוֹל, сир. ܣܗܫܬܘܠ *буря,* «*tempestas,* spec. *agitatio undarum*».

11. سرب *стадо*

сем. srb || яфет. hrv: груз. arve (←*harve) *стадо.*

[1] Падение h в p сравнительно с семитическими в грузинском обычное явление, как, напр., а) pre *колодезь* из pʿre [яф. pʿr (→ pq̇r) || сем bʿr (bwr)]: בְּאֵר, чаще בּוֹר, ܒܐܪ; яфет. корень pq̇r появляется в груз. pq̇ra *рыл, вырыл*, b) pšva *благоухал* [яф. pšv || сем. bsm]: сир. ܒܣܡ *б. приятен*, ܒܘܣܡܐ *запах*, манд. בוסמא *сладость*, манд. בוסמאניא *благоухающие растения* и т. п., c) pq̇ana *тер, чесал* [яфет. pq̇n || сем. bq̇n]: בָּחַן *испытал, исследовал* (металл, собств. *потер*), сир. ܒܚܢ id., ср. араб. بحن. Впрочем, и на семитической почве, напр., в сиро-палестинском, как и вообще в арамейском, отчасти в евр. также замечено уже появление в начале слов ס вм. ש (Nöldeke, Chr.-pal., стр. 462—463), ср. аналогичное явление в ливанском сирийском (Nöldeke, Antil., стр. 193), а также в мандейском в слове פת (Pognon., Inc., стр. 292) и др. (Nöldeke, MG, § 51). Кстати, из двух приводимых Nöldeke, случаев соответствия еврейского פ араб. ب в одном (פשט = بسط) и груз. проявляет p: paϑo (← *paϑ-o, o sϑ → rϑ см. ниже, стр. 20) *широкий, просторный*, а в другом (פרעש, ܦܪܥܘܫ = برغوث) груз. язык дает двоякое соответствие, именно p (а не p) и b: prṫkili (← *puṙtkin-i) и brṫkili (← *buṙtkin-i) *блоха.*

Что корень слова, означающего *гнездо*, и в яфетической ветви также был трехсогласный, видно из мингрельского слова ʿvaḍe *гнездо*, с подъемом ʿ в g: ogvaḍe *место для гнезда, гнездо* (ср. груз. saḅude [←*saʿbuḍe], saḅudari [←*saʿbuḍ-ar-i]).

12. סִפֵּן *настилал, покрыл,* ср. и שִׁפֵּן
сем. sφn || яфет. hφn: груз. φina (←*hφina) *настилал.*

То же самое, перебой сибилянтов в спиранты, наблюдается и в семитических языках (ср. напр. южноарабские, именно минейские формы местоимения 3-го лица, Hommel, ц. с., § 13—14). Конечно, вопрос о хронологическом соотношении спирантов и сибилянтов в яфетическо-семитической фонетике рано еще поднимать: он, пожалуй, разрешится положением о совместимости в праязыке безразличного в одно и то же время употребления любого сибилянта и точного его эквивалента из спирантов в качестве коренного. Но возможно, что в тех случаях, когда яфетические языки проявляют сибилянт в соответствие семитическому спиранту, следует отстаивать первенство яфетической формы корня, как, напр., в следующих примерах соответствия грузинскому s семитического h (ה, ح), который в различных представителях семитической ветви успел дифференцироваться, то чередуясь с ʿ (ا) или γ (غ), то усилившись в q̇ (ח, خ) или k (ע ع):

1. הֶבֶל *дыхание*
сем. hbl || яфет. $\frac{svl}{svn}$:

1. груз. suli (←*svel-i) *душа, дыхание.*
2. груз. suni (←*sven-i) *дыхание, запах.*

В яфетической же ветви, именно в иверской ее группе, этот корень представлен закономерно с ш вм. s в качестве первого коренного в виде яфет. ɯvl (ивер. ɯvr) и ɯvn → ɯmn:[1]

3. мингр. ɯuri (*ɯver-i) *душа.*
4. арм. ɯunə̇ (←*ɯven-ə̇) *дыхание.*
5. груз. [заимств. из ивер.] ɯuʳvʲina, resp. ɯumina *дышал* (см. Н. Марр, ТР, III, стр. 41).

Как часто и в остальных случаях, я опускаю здесь другие примеры, параллели того же корня (сем. hbl || яфет. svl) или производные от него слова.

2. манд. הידותא *невестка; невеста,* הידויא *жених; зять* (подробности см. Nöldeke, MG, стр. 119 и прим. 4)
сем. hdə[2] || яфет. sd̆d:

[1] Звук ш (груз. ჳ) обыкновенно является точным яфетическим перебоем семитического ʿ, напр. ɯvn, resp. ɯbn корень грузинского слова ɯvil-i (←*ɯvin-i) *сын,* есть точный яфетич. эквивалент семит. *ʿbn, от которого, следовательно, и происходит араб. ٱبْن *сын* и т. п. Не место здесь обсуждать теоретический вопрос о первичном составе данного корня; я лишь констатирую новые факты, в том числе как то, что от того же корня ɯvn в груз. образованы глаголы ɯva (←*ɯvna) *родил* с прич. ɯobil-i (←*ɯobin-i) *рожденный* и ɯona (←ɯovna) *обрел* (букв. *родил, произвел себе*), так и то, что яфет. ветви не чужд вид этого корня с ʿ вм. ш, как свидетельствует об этом лаз. bere (←*ʿver-e) *сын, мальчик* и др. (пока см. еще Н. Марр, ТР, V, стр. 25).

[2] Если не hdy, resp. q̇dy [тогда бы в яфет. sd̆y, resp. sd̆w], против чего Nöldeke. Основное значение корня, разнообразно представленного и в семитической и яфетической ветви, будет выяснено в свое время в «Грамматике».

1. груз. sd̆al-i (← *sd̆d-al-i; один из видов яфетического эквивалента женского окончания полной формы at, resp. et, с историею: at → ad [al] → aə, resp. et → ed [el] → eə и т. п.) *невестка; невеста.*
2. груз. sid̆e (← *sid̆de) *жених; зять,* мингр. sinḍa id.
3. груз. sid̆-va (← *sid̆d-va) *блуд* (невенчанных).

Вульгарная форма груз. rd̆ali *невеста* объясняется позднейшею историею группы sd̆ → rd̆ на грузинской почве. Такого происхождения между прочим rd, resp. rə в груз. числительном erəi (← ʿerəi, мингр. arəi из ʿarəi) *один,* восходящем к более древнему груз. *ʿesəi (мингр. *ʿasəi, ср. сван. ešqu из *ʿešqu), и это яфет. s является эквивалентом семит. h (أحد *один* и т. п., в некоторых языках, напр., в евр. и арам. с твердым вм. слабого h эквивалентом q̇, что̀ в равной мере поддерживается его точным яфетическим перебоем: ə̀, см. стр. 28 сл.), но в семитических в данном случае также проявляется сибилянт: ассир. ištên [ištēn] *один,* евр. עַשְׁתֵּי (в связи с *десятью*), что отнюдь не есть искажение אחד; оно, быть может, и не заимствование из аккадского [хотя бы яфетического], а скорее, пожалуй, драгоценное переживание формы слова с первоначальным сибилянтом вм. спиранта. К первоначальному sd восходит rə, resp. rd и в грузинской основе qarə, от которой произведены груз. qarə-ul-i *грузинский,* груз. qarə-l-i *Грузия* (*Карталиния*), сван. qyarə, resp. qyarə-l id., мингр. qorə-u *грузин,* сван. mqyarə, resp. m-qyart-l id. В самом грузинском языке для обозначения *грузина* nomen gentile с соответственным суффиксом el образовано от той же основы в форме не единственного числа, а архаического иверского мн. числа на iv — qarə-iv и звучит qarəveli (← qarəiv-el-i). От последнего происходит сравнительно новое географическое название в форме имени места: saqarəvelo *Грузия.* Таким образом основа (qarə) этого названия грузин восходит к более древней форме qasd, с суффиксом мн. числа — qasdiv, точную передачу которого мы имеем в евр. כַּשְׂדִּים, арам. כַּשְׂדָּי. Я опускаю здесь иные довольно многочисленные разновидности этого же этнического названия, возникшие на диалектической почве яфетической ветви, в том числе и qald (→ qawd [арм. qawd-eay *астролог*] и т. п.), откуда и халд-еи. С последним словом, однако, ни в каком случае нельзя смешивать созвучное арм. ḳaḷ-ti, лишь у поздних греков по недоразумению χαλδαῖοι, название также одного яфетического племени, но далеко на Западе, у юго-восточного побережья Черного моря (Н. Марр, Грамм. древн.-арм. языка, § 109,8).

3. חָם, حم (حمو) *свекор,* в арабском вообще *родственник мужа по отношению к жене* (см. П. Коковцов, Ибн Б., стр. 103—104).

сем. hmw || яфет. smv → smm: 1. груз. simauri (← simav-er-i), resp. simavri *тесть*.
2. груз. simamri (← simam-[e]-r-i) id.

4. חוֹל *песок,* ܚܠܐ, манд. היללייא *пыль*
сем. q̇ll < hll || яфет. sll: груз. sila (← *silla) *песок*.

5. הַר *гора*
сем. hrr || яфет. srr: 1. груз. seri (← sayr-i ← *sarr-i) *гора, вершина горы*.
2. арм. sar (← sayr ← *sarr) *гора, вершина горы*.

6. ܗܘܐ *был,*
היה (הוה, см. Barth, Et. St., стр. 71)
сем. hww || яфет. svv: груз. esva (← *e-svva) *у него был*.

Впрочем, этот корень и в грузинском появляется с перебоем s в h, откуда между прочим форма mivis (← *mi-hvi-s) *у меня есть он*.

7. حكم *прочно, крепко сделал,*
חכם [теоретически] *был толст, плотен*
сем. hkm || яфет. skv (→ карт. sq̇v), шkv (→ ив. шq̇v): 1. груз. sisq̇o (← si-sq̇va) *плотность, толщина, величина*, мингр. maшq̇va id.
2. груз. sq̇vili (sq̇v-il-i), resp. msq̇vili *толстый, плотный*.

Тот же корень в грузинском, как и в семитических языках, значит «был мудр», «был умен», но в последнем значении яфетический язык дифференцировал корень закономерным подъемом первого коренного s в ṫ, resp. ивер. ш в ṭ (яфет. шkv → карт.-ив. ṭkv). В таком виде корень сохранился лишь в слове означающем *ум*, и в производных от него, в форме ḳtela (ср. семит. قَتْلَة: араб., حِكْمَة *знание, мудрость*, сир. ܚܶܟܡܬܳܐ *мудрость* и т. п.) и соответственно звучит груз. ṭkua (← *ṭkeva) *ум*, ṭkū-iani (← *ṭkev-iani), мингр. ṭkv-eri *умный* и т. п.

8. חלק *б. гладок, льстив*, Hiph. *гладил, льстил*, اخلق *гладкий*, ср. حلق *брил* (см. П. Коковцов, Ибн Б., стр. 103).
сем. q̇lḳ ← *hlḳ || яфет. *slḳ → *slq (груз. slq): груз. sleqa *гладить, делать мягким*, отсюда ena-mosleqili *с приглаженным языком, льстивый*.

Перебой s в h, resp. в ивер. ш в ع, допускал этот корень и у яфетидов (hlq, resp. عlq), судя по арм. слову с иверскою огласовкою: oḷoq (← *عoḷoq) *лесть, моление*. Иверская форма корня сохранилась и без перебоя опять-таки в арм. шoḷoq-orə *льстивый*.

9. אֹהֶל *палатка, дом,*
اهل *семья.*
сем. عhl ← *hq̇l || яфет. sq̇l:
1. груз. saq̇li *дом, род, семья*.
2. груз. sasaq̇le *дворец*.

Корень этот существовал и в яфетическом с перебоем s в h, resp. в иверской группе с перебоем ш в ع в форме hq̇l (⟶ ивер. عq̇r), и потому-то имеем яфетические слова:

3. мингр. oq̇ori (⟵ *عoq̇or-i) *дом,* в лазском диалектически и okori (⟵ *عokor-i), от него отыменный глагол мингр. q̇orua (⟵ *⌜ع⌝oq̇orua) *строиться,* а отсюда maq̇oroba *домостроительство, поселение, хозяйство,* ср. груз. mosaq̇loba id.
4. мингр. doq̇ore (⟵ *doعoq̇ore) *дворец.*
5. арм. [с картскою огласовкою] aḷq̇ (⟵ *haq̇l) *домочадец; скарб.*
[6. *heq̇al (ha-yq̇al ⟵ *ha-عq̇al || груз. sa-saq̇le) *дом, дворец,* слово заимствовано сирийским (ܗܝܟܠܐ), еврейским (הֵיכָל) и ассир. (hekallu), повидимому, из южного представителя яфетических языков с особою диалектическою огласовкою (нахожу лишним приводить здесь предлагаемую кое-кем, напр. G. Evans'ом, EA, стр. 29, фантастическую этимологию этого слова из так называемого аккадского языка)].

10. ܐܣܕܘܗܝ (Быт. 28,11 Сеr.) ед. ч. ܐܣܕܐ *изголовье,* وساد, ср. евр. סוד

сем. wsd (swd) ⟵ *sdw || яфет. stv (stm) ⟶ sϑv (sϑm)

префикс сем. ع, resp. h || яфет. s

1. груз. sasϑauli (⟵ sa-sϑu⌜v⌝-al-i) *изголовье.*
2. гур. sastumali (sa-stum-al-i) id.
3. груз. sasϑumali (sa-sϑum-al-i, Быт. 28,11, Житие св. Нины, Такайшвили, стр. 16) *изголовье.*

Впрочем, по существу (фонетически) годности примера не умалит, если в начальном сир. ع видеть семитологически не префикс, а коренной звук.

Кстати, здесь можно будет указать, что в породах глаголов, где теперь в семитических находим أَ, например, в арабском أَقتل, элиф, судя и по грузинским материалам, есть эквивалент h, в котором в свою очередь мы имеем перебой звука s. Грузинский язык в спряжении глаголов также допустил перебой s, согласного элемента в характере (sa) той же породы, в звук h (ha), впоследствии исчезнувший (ha ⟶ a), но отглагольные имена той породы, заведомо более архаичные окаменелые образования, в грузинском сохранили первоначальную форму его характерного префикса, именно sa (ср. Hommel, Süd-ar. Chr., §§ 11, 23 и т. п.).

11. أَىّ *какой? кто? что?*

أَين *где?*

الى اين *куда?*

من اين *откуда?*

сем. ʿy, resp. *hy || яфет. sy (→ карт. sn):

1. груз. sada (← *say-da) *куда? где?* Вульгарно: sad, sa.
2. груз. sayə (← say-ə ← *say-d) *куда?*
3. saidgan (← say-iə-gan) *откуда?*
4. груз. sanam (← san-am) *покуда.*

Звук d в sada, sad *куда* с его падением ə в sayə (←*say-d) является эквивалентом семитического предлога l. Мимоходом отмечу, что перебой d в l в нашем формативе допускает и яфетическая ветвь в иверских ее представителях, напр. в мингр. sole *куда:* so-le = груз. sa-da. Важнее следующее явление: как и семитическое l (араб. ل, resp. ـلِ, евр. לְ, сир. ـܠ), груз. d с различными гласными (da, de, di) или без всякого гласного в именах служит для усиления винительного, resp. дат., падежа [отсюда направит. падеж!], в глаголах — для образования особого времени, resp. наклонения и т. п., с тою, однако, разницею, что в грузинском оно является не префиксом, а суффиксом, в связи с тем общим положением, что вместо предлогов в грузинском при именах и местоимениях обыкновенно имеем послелоги. Впрочем, и это последнее явление не совсем чуждо семитическим языкам, так, напр., новосирийскому: тот же предлог ـܠ, эквивалент груз. d, в урмийском диалекте обращен в послелог, почему имеем форму ܥܕ̰ *вплоть до* из ـܠ ܥܕ̰ вм. ܥܕ̰ـܠ, ср. также предлог урм. ـܥܕ̰ вм. ـܥܕ̰ܢ (Nöldeke, NS, § 87, стр. 173 и 174), то же самое в отношении предлога ـܒ замечается еще в древнесирийском и в языке «Мишны» (Nöldeke, NS, § 87, стр. 174,2).

12. אֱוִיל *глупый, глупец;*

ср. сир. ܗ̰ܒܠ *пыль, пустота, тщета*

сем. ʿwl, resp. *hwl || яфет. swl (груз. svl): груз. suleli (←svel-el-i) *глупый.*

13. אבד *погиб;* Hiph. *погубил, уничтожил.*

сем. ʿbd, resp. *hbd || яф. spl → spw (груз. spv): груз. spola *уничтожил, искоренил.* 2. груз. spo (← spva) id.

14. אזן, מאזנים *весы,* Pi. *взвесил;* وزن

сем. ʿzn, resp. *hzn || яфет. str (→ htr): 1. груз. stori *уравновешенный, ровесник, равный, прямой, гладкий,* 2. груз. sastori *весы.*

В значении stori и яфетический допустил также в корне перебой s в слабый h, притом h этот в мингр. tori (Ал. Цагарели, МЭ, I, стр. 19,4–5) исчез (←*htor-i), но в грузинском сохранился диалектически подъемом в q в гур. говоре, где слово звучит qtori. С другой стороны, тот же корень и в яфетической ветви проявляет слабый звук w вм. спиранта, как в арабском (وزن), но в качестве 2-го коренного: груз. tona (←tvana, resp. *twana из *wtana) *взвесил; вес.* Впрочем, тождественная по существу перестановка w с первого места

на второе наблюдается в новоарабской разновидности того же корня в Сирии, с перерождением w в y: زان *весил* (Landberg, PD, I, стр. 453, хотя здесь дается, стр. 215, иное, чисто-механическое объяснение).

15. أَيْن *усталость, утомление*

сем. ʿyn, resp. *hyn || яфет. syn: 1. груз. seni (← *sayn-i) *немощь, болезнь.*

16. هب *дул ветер,*

هُبوب *дуновение, веяние ветра*

сем. γbb, resp. *hbb || яфет. svv: груз. sio (← *sivva) *легкое дуновение ветра, зефир.*

17. هرب *бежал*

сем. γrb, resp. *hrb || яфет. srb (→ груз. hrb): груз. srba *бежал*

Грузинский также допустил в этом случае перебой s в h: rbis (← *hrbi-s) *бежит.*

18. هرس *растолок, раздробил*

сем. γrs, resp. *hrs || яфет. srs: груз. srisa *раздавил, истолок.*

19. عفر *выпачкал землею, запылил*

сем. k̬p̬r ← *h̬p̬r || яфет. svr: груз. svara *запачкал.*

20. قعل *сел,* вульг. араб. عقل (Landberg, PD, I, стр. 270).

сем. k̬kd ∞ *k̬k̬d ← *hkd || яфет. skd (→ sq̇d): груз. sq̇da (с предлогом dasq̇da) *сел.* В этом корне иверская группа также допускает перебой s в h (*hq̇d → q̇d): лаз. q̇ed *садиться,* лаз. qodobq̇edi *я сел,* мингр. qigedoq̇odə *он сел.*

II

В констатировании особенностей яфетической ветви надо быть в высшей степени осторожным. Напр., в наличном грузинском языке определитель предшествует определяемому; о древности этой конструкции в грузинском свидетельствуют и сложные слова, названия родства, но в этих же словах находим переживания иной конструкции, фактические указания на законность постановки определителя за определяемым. С указанным явлением однороден переход предлогов в послелоги. Или еще: наличный грузинский, как и родственные с ним языки, не знает вовсе грамматического рода. По более интимном ознакомлении с реалиями грузинской речи, однако, оказывается, что в ней сохранился в качестве мертвого уже инвентаря суффикс женского рода, богато представленный в целом ряде диалектических разновидностей, при том как в полной форме, то сильной $\left(\frac{at}{et} \rightarrow \frac{ad}{ed}\ \left[\frac{al}{el}\right] \rightarrow \frac{a\vartheta}{e\vartheta}\right.$ и т. п.$\Big)$, то слабой $\left(\frac{ak}{ek} \rightarrow \frac{ag}{eg}\ \left[\frac{aw}{ew}\right] \rightarrow \frac{aq}{eq}\right.$ и т. п.$\Big)$, так и в усеченной $\left(\frac{a}{e}\right)$. Таким образом, напр., полное ж. окончание al имеем в груз.

q̇rm-al-i *меч* [яф. q̇rm || сем. q̇rb]: חֶרֶב (ж. р.!) *меч,* араб. حَرْبَة *копье* (см. П. Коковцов, Ибн. Б., стр. 106); напротив, груз. deda-y (диал. dede-y) *мать* представляет основу ded с усеченным женским окончанием a, resp. e; та же основа сохранилась и с полным окончанием ж. рода al: dedal-i *самка.* Сама основа ded (←*wded) представляет причастие действительного залога в форме ktel (←ktēl) от слабого трехбуквенного корня wdd, яфетического эквивалента семит. wld (араб. ولد *родил,* евр. ילד и т. п., ср. араб. وَالِدَة *родительница,* сир. ܝܠܕܬܐ *мать*). В яфетической ветви первый звук w, resp. v, этого корня также появляется, но с подъемом в b (bdd), напр., груз. bada (←*badda) *родил.* Женское окончание грузинский проявляет иногда в названиях лиц мужского пола, как наблюдается это и в семитической ветви. В яфетических языках и слово *отец* появляется с женским окончанием, притом усеченным: груз. mama-y, мингр. muma; с полным женским окончанием al (ивер. ol, resp. ul) то же слово означает *самца, петуха:* груз. mamal-i, мингр. mumul-i. Но и в этом явлении нельзя видеть чего-либо исключительно яфетического: и в семитической ветви, напр., в еврейском языке אָב *отец* также проявляет женское окончание хотя бы только во мн. числе: אָבוֹת. Грузинская основа mam (←*ꞔmam) образована от трехсогласного корня ꞔmm (→ꞔbb) = *ꞔmw (→ꞔbw), яфетического эквивалента семитического корня ꞔbw, откуда араб. ابو, resp. ابى, арам. אבא, сир. ܐܒܐ, евр. אָב и т. п. В яфетической ветви также появляется то же слово без женского окончания, в сванском самостоятельно: mu (←*ꞔmu) *отец,* а в грузинском лишь в сложных словах в виде bo (mo), resp. bi: груз. bida-y (*ꞔbi-ďa-⌜m⌝-i) *дядя,* букв. *брат отца,* bo-kuer-i, resp. bo-q̇uer-i *львенок* (вторая часть kuer, resp. q̇uer происходит от корня яфет. kwr || сем. gwr, resp. kọr: евр. גּוּר *львенок,* сир. ܓܘܪܝܐ, сюда же כְּפִיר *молодой лев* и др.). С другим видом полного ж. окончания eϑ (ивер. oϑ), также очень распространенным в яфетической ветви, сохранилось слово груз. ǧmerϑ-i (←*ǧerm-⌜e⌝ϑ-i) *бог,* сван. ǧerm-eϑ, resp. ǧerb-eϑ, мингр. ǧoron-ϑi (←ǧorom-ϑi вм. ǧormo-ϑ-i), лаз. ǧorm-oϑ-i (с падением ǧ в исчезающий спирант γ: ormo-oϑ-i вм. *γorm-oϑ-i) [яфет. grm←*krm || сем. ṭlm]: евр. צֶלֶם *образ,* صنم *статуя, идол,* сир. ܨܠܡܐ *образ, статуя, идол,* но и с ж. окончанием — ܨܠܡܬܐ и др., особенно пальмирская и мандейская формы. Вымирание грамматического рода в грузинской речи имеет ближайшую свою параллель в полном исчезновении его и в армянском языке, который, казалось бы, должен был сохранить эту категорию, как неотъемлемую часть хотя бы арийского ядра своей природы. В обоих случаях наличие поразительного лингвистического явления свидетельствует о бесспорном переломе в психике народов, говорящих на этих языках: в судьбе их, очевидно, произошел какой-то чрезвычайный переворот, вызвавший пертурбацию в родной речи и разрушение ее первоприродного грамматического строя. Смещение органического развития яфетических языков из русла первичной расовой психологии, омертвение исконной морфо-фонационной их жизни, по всей видимости, находится в связи с имми-

грацией чуждой им тогда арийской расы в те части Передней Азии, в Малую Азию и Армению, которые составляли основную территорию расселения яфетических племен. Если протоармяне, автохтоны, подверглись лингвистическому ариизованию в особенно сильной степени, то это еще не значит, что грузины и ныне ближе родственные им племена нисколько не потерпели в том же отношении. Вторжение арийцев между прочим отрезало яфетический мир от семитического, отбросив менее пострадавших представителей первого в бассейны Куры, Чороха и Риона. В семитических языках намечаются лингвистические отложения, в частности лексические заимствования той глубокой древности, когда яфетиды соприкасались непосредственно с семитами. Чтобы привести здесь хотя бы один еще возможный пример (ср. выше стр. 32, **9**,6), нужно сослаться на существование следующего звукового закона: по яфетическо-семитической сравнительной фонетике семитическому ḳ соответствует яфетич. ȣ̇, так, напр.:

1) сир. ܚܕ, библ. арам. חד *один* [сем. ḳd || яфет. *ȣ̇d → ȣ̇l]: ȣ̇al-i *один; один экземпляр,* ȣ̇al-ke *в одной стороне; отдельно* (диалектически корень ḳd и в яфет. проявляет ḳ (ḳl): груз. [с иверскою огласовкою] mḳolo *единый, один только*),

2) араб. خويدم, уменьш. от خادم *евнух* [сем. ḳdm (←*ḳdn) || яфет. ȣ̇dn]: груз. ȣ̇uedan-i (диал. ȣ̇odan-i) *мужчина, неспособный к деторождению* (и этот корень в грузинском имеется с ḳ, resp. q вм. ȣ̇: quedna *холостил, скопил*),

3) араб. خلع *снял, совлек* (ср. евр. חָלַץ и т. п.) [сем. ḳlk || яфет. ȣ̇lɛ]: груз. mo-iȣ̇ila *снял с себя,*

4) араб. خلى *был, стал пустым, уединенным* [сем. ḳlw || яфет. ȣ̇lw]: груз. mo-iȣ̇ala *уединился, удосужился,* груз. ȣ̇alier-i (←*ȣ̇alw-ier-i) *пустой, порожний,*

5) араб. خلى *резал, косил свежую траву* [сем. ḳly || яфет. ȣ̇ly]: груз. ȣ̇ela *косил* (траву), груз. ȣ̇el-i *коса,*

6) сир. ܡܨܐ *fermentatus est* (ср. сир. ܡܨ *был кислым,* араб. حمض, евр. חָמֵץ) [сем. ḳmk || яфет. ȣ̇mɛ]: груз. ȣ̇om-i (←*ȣ̇omɛ-i) *закваска* (Матф. 16,6); *тесто,*

7) араб. خان *обманывал, поступил* (с ним) *вероломно* [сем. ḳwn || яфет. ȣ̇bn (ȣ̇bl)]: груз. ȣ̇buna *соблазнил,* груз. ȣ̇bili (←*ȣ̇bin-i) *ложь, заблуждение,* siȣ̇bil-i (←*siȣ̇bin-i) id., груз. ȣ̇b-ier-i (←*ȣ̇bn-ier-i) *вероломный,*

8) араб. حمى *охранял, защищал* [сем. *ḳmy || яфет. ȣ̇vy]; груз. aȣ̇o (←*a-ȣ̇va) *закрыл,* da-iȣ̇va *защитил,*

9) араб. حوى *собрал; овладел, заключил* [сем. *ḳwy || яфет. ȣ̇vy]: груз. iȣ̇av-s *содержит,* mo-iȣ̇o (←iȣ̇va) *занял,*

10) араб. خاط *шил* [сем. ḳyt || яфет. ȣ̇wd]: груз. ȣ̇uda (←*ȣ̇weda) *шил на живую нитку, небрежно,*

11) евр. חָגָב *саранча* (ср. חגב *прыгал, скакал*) [сем. ḳgb ←*ḳkb || яфет. ȣ̇kv]: груз. iȣ̇ekva *плясал,*

12) евр. חרף *срывал, собирал плоды,* חֹרֶף *осень,* араб. خريف id. (П. Коковцов, Ибн Б., стр. 9) [сем. ḳrp || яфет. ȣ̇rv]: груз. ȣ̇ureva *срывать, собирать плоды после первого сбора* (к этому корню лишь примыкает арм. joḷov (←*jorov, огласовка иверская!) *собрание:* для яфет. jrv по яфетическо-семити-

ческой сравнительной фонетике в качестве точного семит. эквивалента требуется корень yrb, существование которого в значении *собрания, множества* подтверждается такою параллелью, как евр. רב (кор. רבב) *толпа, множество, совокупность, величие* (ср. сир. ܪܒ *был велик, величав*); того же корня (сем. yrb. ‖ яфет. yrv, resp. jrv) арм. yolov (←*yorov) *множество, много,* также заимствованное из ивер., судя по огласовке, да и появлению l вм. r.[1] В яфетических языках точный эквивалент сем. q̇rḟ сохранился и с гортанным k, resp. g в качестве первого коренного: груз. kriḟa *срывал, собирал плоды:* груз. kreḟa *сбор винограда,* отсюда в просторечии kreḟa-ze *осенью,* груз. kreba *собирание, собрание,* лаз. gorofua *собирать*),

13) араб. حال *изменился* [сем. hwl←*q̇wl ‖ яфет. ϑ̇vl]: груз. ϑ̇vala *переменил, изменил,*

14) араб. خطئ *совершил грех, ошибку* [сем. q̇tϵ ‖ яфет. ϑ̇dw (ϑ̇ϑm)]: груз. ϑ̇da *промахнулся,* груз. ϑ̇oda (←ϑ̇wada←*ϑ̇adwa) *согрешил,* груз. ϑ̇ϑoma *ошибаться,* ϑ̇ϑa *ошибся, соблазнился,*

15) араб. خدع *обманул* [сем. q̇dk ‖ яфет. ϑ̇dy (ср. ϑ̇dw под № 14)→ϑ̇dn]: груз. ϑ̇dena *соблазнять,* aϑ̇dina *соблазнил.* Другой вид последнего корня в груз. звучит ϑ̇ϑn, но обе разновидности (ϑ̇dn, ϑ̇ϑn) в отношении второго коренного, судя по истории зубных в яфетической ветви (t→d→ϑ), могут быть позднейшими перерождениями корня *ϑ̇tn, и вот в связи с этим напрашивается мысль произвести от яфет. вида корня семитическое название диавола «сатана», т. е. признать возможным, пока хотя бы лишь лингвистически, что семитами слово (сир. ܣܛܢܐ, евр. שָׂטָן, араб. شيطن, см. D. H. Müller, SZ, стр. 10) заимствовано от какого-либо южно-яфетического народа, и в таком случае первоначально оно означало «соблазнитель», «искуситель» (к литературе о происхождении этого слова по мнению семитологов см. Praetorius, ÄE, стр. 619—620).

[1] К ряду соответствий ивер. l, resp. арм. l̦, сем. r: груз. [из ивер.] kunduli (←*kūdul-i) *остров,* арм. kəl̦zi вм. kəzl̦i из kəzəl̦i (←*kuzul̦i, Н. Марр, Гр. др.-арм. яз., § 54, 2,1) id. [яф. kzr (ив. kzl, ‖ сем. gzr]: араб. جزيرة *остров,* сир. ܓܙܪܬܐ id.

О ч̣анском языке[1]

Разработка теории о родстве грузинского, собственно кар̣тского языка, с семитическими выдвинула на очередь вопрос об изучении живых говоров. Нельзя ограничиваться одними письменными источниками, памятниками литературного языка, хотя бы и с древнейших пор. Живые грузинские говоры сохраняют часто более архаичные явления, чем язык древнейших памятников грузинской письменности. Подробное изучение этих говоров еще впереди, но посильное ознакомление с их реалиями выяснило ныне же невозможность довольствоваться диалектическими материалами одного грузинского.

Сугубый интерес представляют родственные с грузинским языки, составляющие с ним одну яфетическую ветвь, ту яфетическую, которая и находится в генетическом родстве с другою ветвью, семитическою. Сугубый интерес родственных яфетических языков состоит в том, что они при сличении с одной стороны с грузинским, а с другой с семитическими дают возможность двойной проверки наших фонетических законов. В этих целях мною направлены были разыскания в сторону мингрельского и ч̣анского (лазского), которые до побывки в Лазистане мне казались двумя наречиями одного языка.[2]

Лингвистический интерес к мингрело-ч̣анской группе языков или, как по недостаточной выясненности называл я тогда, иверскому языку усиливался у меня оттого, что в яфетическом составе обоих языков Армении, и hайского и армянского, я стал замечать элементы ближайшего сродства именно с мингрельским и ч̣анским.[3]

[1] [Напечатано, как предисловие к «Грамматике ч̣анского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем», в 1910 г. в серии Академии Наук «Материалы по яфетическому языкознанию», вып. II, стр. IX—XXIII.]

[2] О равенстве терминов «чан» и «лаз» и исконности первого см. Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григориеи (Арабская версия) в ЗВО, т. XVI (1905), стр. 155—166 и «Из поездки в Турецкий Лазистан (Впечатления и наблюдения)» в ИАН, 1910, стр. 548, 607. Там же в связи с этим устанавливается неизбежность и закономерность термина «тубал-кайнский», ц. с., стр. 548.

[3] Приходится повторить, что некогда простонародный, и ныне живой, армянский, легший в основу новоармянского литературного языка, есть особый язык, отличный от другого армянского языка княжеского, живого языка древних армянских феодалов, легшего в основу литературного языка древней Армении. Армяне до сих пор этот княжеский язык называют «письменным» (grabar), а так как древнеармянская письменность была исключительно духовной, то, в противоположность так называемому «письменному», собственно княжескому языку простонародный язык у армян принято называть «светским» (ašxarhabar). Однако в лингвистической терминологии устарелые названия (grabar письменный, ašxarhabar светский) не могут быть долее удержаны; их породила судьба письменности в древней Армении, не зависевшая от качества того или иного языка, а ныне, после постигших армянскую литературу превратностей, названия те не имеют оправданий и с точки зрения сравнительной характеристики живой речи и литературной. Не приемлемы и более реальные термины «княжеский» и «простонародный»: они характеризуют не языки, а социальные отношения различных классов Армении, говоривших на интересующих нас двух языках, притом в известный период, и можно подумать, что речь идет лишь о двух стилях, высоком и низком, одного и того же языка. Потому в лингвистической терминологии остается использовать два существующие названия, одно местное национальное, «hайский язык» (հայերէն), унаследованное от княжеского слоя населения Армении и нынешними ее сынами, другое — общеизвестное, «армянский язык», и применять первое для обозначения так называемого древне-армянского, который в известный период был княжеским и потом письменным, другое для обозначения так называемого новоармянского, который существовал и в древности, тогда был простонародным и с известной поры стал светским, вообще единственным живым языком.

Հайский язык, называвшийся всеми нами до сих пор армянским, как и менее, впрочем, обследованный действительный армянский, лишь по глубокому недоразумению признается учеными не нашей школы чистым индоевропейским; арменисты старой школы не усваивают фактического сродства հайского с грузинским, так как не имеют представления об исторической грамматике грузинского языка, не имеют представления о сравнительной грамматике яфетических языков, в частности о фонетике их, между тем выступили новые факты, которые неожиданно для нас вскрывают дальнейшую картину сложности самого яфетического ядра հайского языка, внушают мысль о том, что в հайском языке, помимо арийского, отложились несколько яфетических языков; в связи с этим в հайском языке не только обозначились органические яфетидизмы, но получилась возможность их ближе характеризовать, подойти к вопросу об установлении их более тесного родства с тем или другим определенным яфетическим языком. От этого, естественно, чувствовалась лишь сильнее потребность в мингрельских и чанских материалах.

То немногое, что было в нашем распоряжении, вызывало на преимущественные разыскания в Лазистане прежде всего потому, что собранные чанские материалы были не только незначительны, но, что особенно беспокоило, заведомо ненадежны.[1] Чанский манил еще тем априорным соображением, что в нем чище должны были сохраниться своеобразные явления, чем в мингрельском: мингрельский сильнее подвергся грузинскому влиянию; здесь сказались непосредственное соседство грузин и долгое их политическое господство.

Лично меня манило к чанскому еще то, что из яфетических языков в нем я находил и продолжаю находить больше всего точек соприкосновения с языком так называемых сузских надписей, между прочим в суффиксе мн. числа — ре (→ чан. ფე ფქ). В нем же намечались грамматические явления, дающие опору для методологически-научного, а не гадательного лингвистического анализа до сих пор не опознанного языка клинообразных надписей Армении.

Были и другие культурно-исторические вопросы, возбуждавшие интерес к лазам.

О них речь в цитованных уже путевых заметках: «Из поездки в Турецкий Лазистан». Там же дан перечень сел Турецкого Лазистана, говорящих по-чански. Там же названы пункты, городки и села, где я бывал и изучал язык, поименованы мои учителя и вообще лазы, принимавшие ближайшее участие в моих занятиях их родною речью.

В настоящий момент на западе крайний пункт распространения чанской речи Кемер. Лазы, говорящие по-лазски, или, что то же, по-чански, занимают

Кстати, древние армяне сами «простонародный» язык называли армянским (ṙamkakan, см. Н. Марр в рецензии на «Государственный строй древней Грузии и древней Армении, I» И. А. Джавахова, ЖМНП, 1908, стр. 213.

[1] В 1904 г. во время путешествия по Шавшетии я убедился фактически, что трудом г. Аджарянца, точнее Ачаряна [Étude sur la langue laze (Extrait des Mémoires de la Société de linguistique de Paris, 1899, т. X, стр. 145—160, 228—240, 364—401, 405—446, 447—448)], посвященным лазскому, надо пользоваться с крайнею осторожностью и в фактической части (Н. Марр, Дневник поездки в Шавшетию и Кларджетию, стр. 30, прилож. к Житию Григория Хандзтийского. ТР, VII).

прибрежную полосу от Кемера на западе до Сарпа на востоке. Сарп находится уже в России, в трех часах езды от Чороха на запад (по воздушной линии $16^1/_3$ версты от Батумского маяка). На указанной узкой полосе размещается чанский язык с двумя диалектами и рядом говоров и подговоров.

Однако язык или наречие — чанская речь? Приходится признать, что язык.

Взгляд на чанский как на детище мингрельского или, наоборот, как на родителя мингрельского совершенно ненаучен.[1] Сами лазы свою родную речь считают испорченным мингрельским языком и себя производят от мингрельцев, но это ни на чем не основано, или основано на таких же соображениях, ничего общего с лингвистикой не имеющих, в силу каких мингрельский некогда, да и тогда не в круге специалистов-лингвистов, признавался испорченным грузинским.

Более того: приходится отказаться и от прежней мысли рассматривать чанскую и мингрельскую речь как два наречия одного языка, иверского. В лингвистическом отношении сам термин «иверский» — видовой: он эквивалент лишь мингрельского, как «чанский» — эквивалент того, что теперь принято называть лазским.

Спора нет, что чанский и мингрельский не только родственны друг с другом, но и чрезвычайно близки: они стоят ближе друг к другу, чем к грузинскому. Эта сравнительная близость мингрельского к чанскому выступала бы еще более ярко, если бы каждый из них не был дифференцирован под особым соседским влиянием.

Как в мингрельском сказывается сильное грузинское влияние, так в чанском велико влияние турецкого. Порою кажется, что турецкий на чанский язык повлиял значительно сильнее, чем грузинский на мингрельский. Правда, на чанский язык влияние турецкого, как неродственного, сказывается почти исключительно в словаре; но нет лаза, не говорящего по-турецки; почти каждый лаз лучше говорит по-турецки, чем на родном чанском языке.

Естественно, я не мог наблюсти наиболее чистую речь. Лучше всего знают чанский язык женщины, притом не городские, к коим относят себя и жительницы таких местечек, как Атина, Хопэ и т. п., а сельские. Женщины же соблюдают строже древние обычаи. В общем сельская речь чище городской. Впрочем, булепец Али-реиз основательно утверждал, что Башкой, крайнее на верху Атинского ущелья лазское селение, так же не может похвастаться чистотою чанской речи, как и городок Атина. В селах по Атинскому ущелью более или менее одинаково имеют пристрастие к турецким словам и оборотам. Лучшая чанская речь, по его мнению, в семи-восьми часах пути от моря по ущелью Фортуны. Здесь в селах говорят чисто, без такой, как в Атинском ущелье, примеси турецких слов.

Однако без помощи турецких слов в данный момент и нельзя вести беседу с лазом из Турции на родном его языке. Говоря точнее, нет лаза, говорящего вообще на лазском или чанском языке. Современный лаз способен говорить лишь на каком-либо чанском говоре, в лучшем случае наречии, но никогда на чанском

[1] У Erckert'a в «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» лазский назван прямо-таки «диалектом мингрельского главного диалекта»: «lazischer Dialect des mingrelischen Hauptdialectes»!

языке, так как при отсутствии ч̆анской литературы, при отсутствии общей родной культурной или политической жизни нет и языка общеч̆анского. Когда я старался, пользуясь средствами различных ч̆анских наречий и говоров, вести беседу на чистом ч̆анском языке, без примеси турецких заимствований, меня не понимали.

Касательно заимствований из турецкого одно замечание: они в громадном большинстве самим турецким восприняты из персидского или арабского, отчасти греческого. С другой стороны, не всегда общие ч̆анскому и турецкому слова представляют заимствования из турецкого в ч̆анский. Но этот чреватый последствиями вопрос находится в девственном состоянии. И это вполне естественно, раз, при продолжающемся господстве навыков схоластической филологии, лоскуток пергамента или папируса с несколькими нечитаемыми по дефектности строками мертвого текста вызывает более общепризнанный интерес среди ученых, чем богатейшая живая старина — пережитки народностей древнейшего культурного мира с их неисчерпаемым разнообразием живых лингвистических материалов.

Кроме турецкого, на ч̆анский из неродственных языков влиял греческий. Греческих слов и теперь довольно много, их было в ч̆анской речи, надо думать, еще больше, но они вытеснены в качестве ч̆анских турецкими.

Я все не теряю надежды, что яфетические языки рано или поздно сделаются предметом научного интереса вообще филологов. Специалисты тогда обратят внимание на ч̆анский язык по вопросу о греческих в нем заимствованиях.[1] Весьма вероятно, греческих заимствований окажется несколько более, чем мне удалось отожествить в Словаре. Мимоходом лишь замечу несколько особенностей ч̆анской передачи греческих звуков: γ передается ч̆анским ღ ǧ, υ — უ u, resp. ი i,[2] ξ — სკ sk, resp. ს s,[3] φ — ჶ f [а не ph = φ], ψ — მს ms или სა. Имена существительные или прилагательные на os появляются с окончанием ონ on, как, напр., თერმონი θermon-i *кисель* (букв. *горячий*, ср. в Словаре ტეცა). Любопытно, что слово это встречается и в сочинении католикоса Арсения «О [церковном] разделении Армении и Грузии» в значении «*теплоты*» св. причастия.[4]

Влияние hайского языка незначительное и более позднее, быть может, через армянскую речь хемшинов. Особенно сильно могло бы сказаться такое позднеармянское влияние на ат̆инском говоре: по Ат̆инскому ущелью и происходит

[1] Пока остается поражаться и тому, что до сих пор вопрос о несомненных тесных узах, связывавших древнюю Россию с Кавказом, не привлекает ни одного серьезного исследователя русского языка. Казалось бы, стоило труда найти опровержение или подтверждение этого факта в заимствованиях русского из яфетических языков. Ч̆анские материалы часто и особенно резко наталкивали нас на этот вопрос. Дело, конечно, не в единичных созвучных словах, быть может, и случайно совпавших, в роде, например, ჯვაბუ jvabu *лягушка, жаба*, в котором Rosen (ц. с., стр. 29), приведя неизвестную мне форму ჯაბუ ḓabu, склонен был признать «славянское» заимствование!

[2] Появление ი i в восточном наречии в таких случаях объясняется тем, что этому наречию вообще свойственен перебой u в i.

[3] Исчезновение კ k находится в связи с судьбою яфетического ყ k̇ на ч̆анской диалектической почве.

[4] Ф. Жордания, ქრონიკები და სხვა, Тифлис 1893, стр. 328: «არა გჳამს თერმიდი ბერძენთა და არცა ვხედ- თქმანი მათი».

постоянное движение деятельных хемшинов для общения с внешним миром через море.

Однако не всякое сходство между hайским и ч̔анским следует учитывать в качестве армянского влияния. Бывают случаи обратного влияния, т. е. влияния ч̔анского на hайский язык, как было показано мною примерно на слове ճանճ ṭanṭ *муха*.[1] Кроме того, надо помнить, что hайский язык, как и армянский, в известной мере генетически родственен с ч̔анским: он сам доброю своею частью — яфетический язык. Более того: доарийские языки Армении, отложившиеся в hайском и армянском, как будто ближе стояли к сванскому и даже мингрельскому и ч̔анскому, чем к грузинскому, хотя бы в некоторых существенных явлениях.

Таким образом, если учесть позднейшие влияния на ч̔анский язык армянского, греческого и особенно турецкого, сходство ч̔анского с мингрельским будет еще более значительно, они окажутся в еще более тесной близости, и, тем не менее, ч̔анский и мингрельский не два наречия одного языка, а два языка.

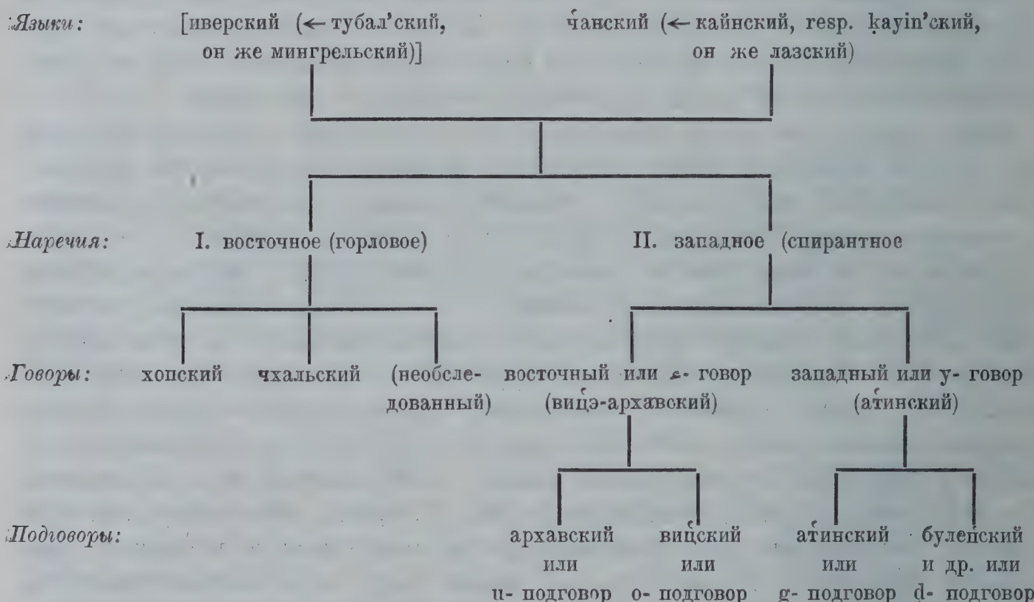
Учету подлежит не только дифференциация, исторически возникшая под влиянием чуждых языков, но также исторически развивавшееся сближение или взаимное уподобление мингрельского и чанского языков, тысячелетиями живших в непосредственном соседстве. Сравнительно недавнее явление — нынешнее состояние, когда Мингрелию от Лазистана отделяет полоса с грузино-христианским и грузино-мусульманским населением, — т. е. полоса с гурийцами, кобулетцами, аджарцами, шавшето-имерхевцами и тао-кларджетцами, из коих мусульманская часть в значительной степени отуречена и в языковом отношении. Грузинское же влияние связано с иммиграцией грузин, точнее — к̔арт̔ов, начало которой положено лишь в конце VIII века по р. Х. Но и по образовании грузинского средостения тесное общение ч̔анов с мингрельцами не прекращалось: оно поддерживалось объединявшим их морем, на берегах коего живут как мингрельцы, так лазы или ч̔аны. Взаимное влияние мингрельского и ч̔анского усиливалось еще оттого, что мингрельцы с лазами часто образовывали одно политическое целое: то мингрельцы господствовали, и под их властью объединялись с мингрельцами лазы (Мингрелиею тогда называлась страна от северного предела настоящей Мингрелии до Трапезунда), то гегемония находилась в руках лазов, и страною лазов, или Лазикою, т. е. Лазистаном, считалась та же страна от западных пределов настоящей Лазики до Абхазии. И эта географическая номенклатура, отражавшая местные политическо-племенные отношения, усваивалась языком такого государства, как византийское, в сферу влияния, порою даже в состав которого входили названные страны целиком или частично.

Наконец сближение ч̔анского или лазского с мингрельским вызывалось общим грузинским влиянием: грузинская речь оказала влияние не только на мингрельский, но и на чанский язык. В обоих языках одинаково усвоены даже чисто-грузинские или к̔арт̔ские грамматические явления, так, напр. дательный к̔арт̔ский на ს (§ 16, d). Точно также замечается грузинское влияние и в лексике

[1] К вопросу о ближайшем родстве армянского [следовало бы: hайского] языка с иверским [следовало бы: с тубал-кайнскими языками]. ЗВО, т. XIX, стр. 071, отд. отт. стр. 3.

ч̆анского языка. Конечно, несравненно больше грузинских заимствованных слов в восточном или горловом наречии ч̆анского языка и еще больше в окраинных говорах этого наречия, расположенных на рубеже по линии соприкосновения с грузинской речью, но некоторыми грузинскими словами или формами вытеснены ч̆анские эквиваленты на всем протяжении ч̆анской речи, напр. к̆арт̆ская (грузинская) форма ცა ϑ̇а *небо* вытеснила одинаково и в Мингрелии и в Лазистане местный или родной тубал-кайнский облик того же слова, именно ჩა ϑ̇а, сохранившийся, однако, как, переживание в названии *четверга*: ჩა-ჩხა ϑ̇а-ϑ̣̇а или ჩა-შხა ϑ̇а-шϑ̣̇а буквально *день неба*.[1]

I. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЧАНСКИХ НАРЕЧИЙ И ГОВОРОВ



Если учтем таким образом и эти наносные общие черты, придающие ч̆анскому языку еще более сходства с мингрельским, перед нами предстанут два давно индивидуализованных языка, хотя и весьма близко стоящих друг к другу, но все же самостоятельных.

Что, однако, дает право ч̆анской речи считаться самостоятельным языком?

Ч̆анский язык отличает от мингрельского главным образом глагол: в нем — образование будущего, совершенно неизвестное мингрельскому (§ 87, b, A, 1); в нем особое образование аориста, именно исключительно на ი i (§§ 80, 84), и в ч̆анском таким образом одно спряжение; в нем настоящее образуется лишь с двумя гласными характерами ა a и უ u (→ ი i), и в ч̆анском спряжении, следовательно лишь два класса (§ 81); в нем «масдар»ное образование отглагольных имен (§ 103), так — от корня ჭრ ṭr *писать* при мингрельском неопределенном

[1] О самостоятельном появлении ჩა ϑ̇а диалектически см. Словарь.

ჭარწა ṭarwa чанский «масдар» — ონტარუ onṭaru. Сейчас нет надобности останавливаться на иных различиях — в местоимениях, особенно указательных, в существительных и прилагательных.

Самостоятельность же чанскому языку придает то, что у него свои наречия и говоры, при всем разнообразии объединяемые единством или общностью лингвистических норм.

Наречия самого чанского языка иногда настолько разнятся друг от друга, что сами лазы, говорящие на двух различных наречиях одного родного чанского, не понимают друг друга.

Два наречия чанского языка географически расположены одно на востоке от Сарпа до границы Хопской казы с Вицкою, другое — на западе от упомянутой границы до поселка Кемер на западе от Атины.

В районе восточного наречия теперь лишь один городок: Хопэ. Исследователи говорят еще о батумской лазской, resp. чанской речи. Это такое же недоразумение, как если бы в настоящее время признали ризскую чанскую речь. Как в Ризе, так и в Батуме лазы или чаны живут, но это пришлые из различных частей Лазистана жители, в Батуме — преимущественно из Хопэ и вообще района восточного наречия, и говор большинства их хопский или одного из пунктов с восточным наречием.

Особый говор восточного наречия существует у чхальцев. Чхала (Нчхала-су пятиверстной карты) — левый приток Чороха в русском отрезке современного Лазистана, на три-четыре версты ниже р. Мургула, также левого притока Чороха. Чхальцы сейчас имеются и в Турецком Лазистане в числе ста домов: они, переселившись в Турцию, обосновались за хемшинскими селами.

В районе западного наречия три городка, наибольший — Атина, резиденция каймакама, главы Атинской казы, затем Вицэ и Архава или, как называют сами лазы по-чански, Аркаб-и.

Западное, сравнительно широко раскинувшееся, наречие распадается на два говора, географически определяемые терминами атинский (A) или западный и вицэ-архавский (V) или вицкий, он же восточный.

Атинский или западный говор западного наречия распространен вдоль ущелий рек Атины и Фортуны с перечисленными нами в другом месте лазскими селами и поселками, причем к ним примыкают с востока Арташен, а с запада все селения до Кемера, включая и его.

Атинский или западный говор крупных делений не имеет, но он распадается на подговоры, приурочиваемые к отдельным селам. Так существует булейский подговор (b) в селении Булеше на речке того же имени, на восток от р. Атины.

Вицкий говор, или восточный говор западного наречия, распространен по ущельям рек Вицэ, Абу-цкари, Сумлы и Архавы с перечисленными уже, насколько я мог осведомиться, лазскими селами и поселками.

Вицэ-архавский говор, он же восточный говор западного наречия, распадается прежде всего на два крупные подразделения: 1) виcкий подговор и 2) архавский подговор.

От подробной диалектической карты чанского языка мы, конечно, стоим еще далеко, но все же намечаются уже сейчас пределы географического распространения двух наречий и говоров, отчасти также подговоров западного наречия.

На таблице I (стр. 44) дана генеалогия чанских наречий, говоров и подговоров в том виде, как она представляется теперь, после нашей поездки в Турецкий Лазистан. Географическое распределение соответствует в точности диалектическому делению чанского языка на наречия, говоры и подговоры по чисто лингвистическим признакам.

Основное различие восточного и западного наречий состоит в том, что, во-первых, восточное наречие сохранило горловой яфетический звук ყ k̇ или в непочатой сохранности, или в степени отупения — ქ k, лишив k̦, тубал-кайнский эквивалент картского k̇, аспирации ჴ ϙ, а западное — нет: оно, наоборот, лишило k̦ твердого элемента, сохранив его аспирацию ჴ ϙ, которая затем исчезла после согласных или исчезает везде, можно сказать, на наших глазах, напр. на восточном наречии ყონა k̇ona *пашня*, на западном ჴონა ϙona, resp. ონა ona, на восточном наречии მჭქო m-ṫko *лавровишня*, на западном — ჭუ (A), на восточном наречии მაჭქუნენ matkun-en *у меня болит*, на западном — მაჭუნენ (A); во-вторых, будущее в восточном наречии образуется с помощью глагола მინონ minon *я хочу*, напр. ბტარამინონ bṭaraminon *я напишу*, а в западном — с помощью суффикса რე re, напр. ბტარარე bṭarare *я напишу*.

Различие восточного (или вицэ-архавского) и западного (или атинского) говоров западного наречия в том же фонетически-кардинальном вопросе сводится к тому, что в восточном говоре, так в Вицэ, долго сохранялся спирант ჴ ϙ, ныне вымирающий, в непочатом виде, в западном говоре — его заменял ჲ y, также вымирающий, напр., вост. მიყონუნ *у меня есть* в Вицэ — მი⌈ჴ⌉ონუნ mi⌈ϙ⌉on-un, в западном говоре — მიჲონუნ miyonun, вост. ყონა — в Вицэ ჴონა, в западном говоре — ონა ona (← *ჲონა *yona).

Надо, конечно, учесть перекрещивание диалектических явлений, прежде всего взаимное влияние смежных говоров, так, напр. восточное влияние из Хопэ доходит не только до Архавы, но и до Вицэ, где теперь почти господствует ქ k вм. ყ k̇, resp. k̦. Весьма возможно, что в самом восточном наречии ყ k̇ вм. k̦ держится под влиянием картского, а также мингрельского, и в таком случае иногда этим ყ k̇ вытеснен местный k (← k̦), успевший, однако, перекочевать в Вицэ, где он сохранился, напр., сейчас ტყუბი tk̇ub-i *близнецы* звучит в восточном наречии, ტქუბი tkub-i — в восточном говоре западного наречия и ტუბი tub-i — в западном говоре западного наречия. Конечно, имеются и другие фонетические особенности у наречий и говоров, так — в отношении гласных восточное наречие характеризуется перебоем უ u, resp. ო o, в ი i, напр. ნუსა *nusa новобрачная* в восточном наречии ნისა nisa, а в восточном говоре западного наречия вместо უ u появляется ო o, напр. მტქორი m-tk-or-i *дикий* вм. მტქური m-tk-ur-i, resp. მტური m-t-ur-i.

Западный и восточный говоры западного наречия друг от друга отличаются прежде всего тем, что местоименный префикс 1-го л. в одном говоре, именно вицэ-архавском звучит и перед гласным ბ b, а в другом говоре, атинском, — ვ v, напр. *я есмь* на западном говоре ვორე v-ore, а на восточном — ბორე b-ore.

В подговорах аṫинского говора, напр. в булейском, наблюдаем такие фонетические изменения, как перебой ქ k, собств. ḳ в ტ ṭ, გ g [←g̬] — в ძ ḓ или — ქ q [←ყ q̣] — в ხ ϑ̣ и т. п.

Еще более резкие диалектические различия замечаются нередко в лексике, напр. *стул* на восточном наречии — თრონი ϑron-i, на западном в восточном говоре — ორძუ ordŭ (архавский подговор), resp. ოდძო ordo (виц́ский подговор), в западном говоре — კული kul-i; *говорю* на восточном наречии — ვიღარღალაფ viğarğalaf̣, а на западном наречии в восточном говоре по архавскому подговору — ბიპარამითამ biparamiϑam, по виц́скому подговору — ბისინაფამ bisinaf̣am, в западном же говоре — ვიხაპარ viq̂apar.

Сообразно со сказанным вместо географической терминологии по странам света или по названиям мест в диалектологическую номенклатуру ч́анского языка можно бы ввести чисто лингвистические термины, так, чанский язык разделяется на два наречия: горловое и спирантное; из них спирантное наречие подразделяется на два говора — говор-ɕ (ც) и говор-у (ძ); в свою очередь говор-ɕ подразделяется на подговор-u и подговор-о, а говор-у — на несмягченный подговор с g и смягченный подговор с ḓ и т. п.

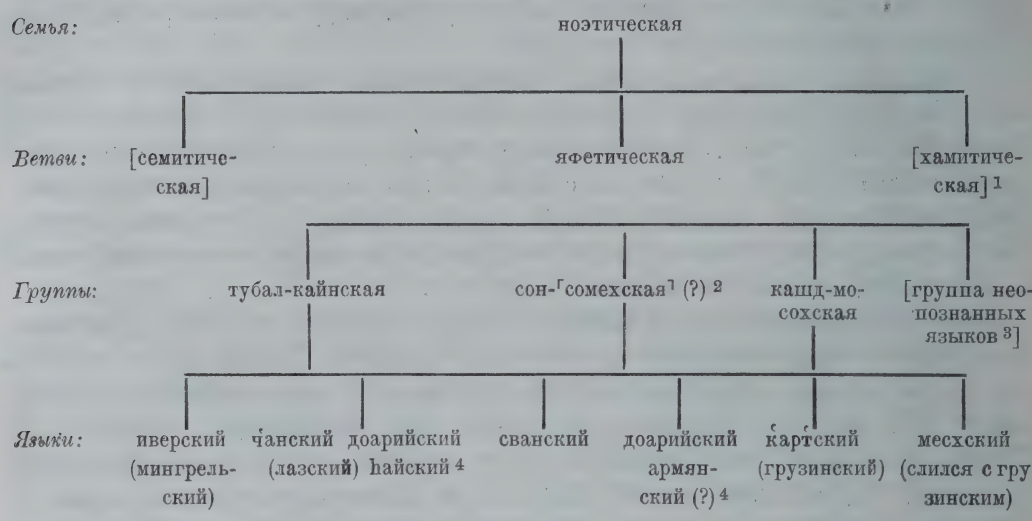
Более близкое знакомство с ч́анским нам дает возможность яснее представить внутренние соотношения между яфетическими языками. Прежде представлялось так, что яфетическая ветвь разделяется прямо на языки грузинский, сванский, иверский (с лазским и мингрельским наречиями), языки доарийской Армении и т. п. И тогда было видно, что отношения между родственными языками грузинским, сванским и мингрельским довольно дальние и во всяком случае неодинаковые.

Теперь для нас стало ясно, что, сопоставляя грузинский, сванский и иверский, мы сравнивали друг с другом не просто языки, а группы языков или представителей различных групп. Яфетическую ветвь языков надо делить не прямо на языки, а на группы, и лишь представителя той или иной группы и усматривать в том или ином наличном языке. Сейчас фактически установлено, что мингрельский и ч́анский, два самостоятельных языка, настолько близки друг с другом, что составляют особую тубал-кайнскую группу. В грузинском языке, в котором, как известно, слились два языка, ка́рт́ский и месхский, столь же близко родственные друг с другом, имеем представителя кашд-мосохской группы. В сванском языке наличие двух довольно характерных наречий, княжеского и свободного, также способно поддержать нас в мысли, что и здесь имеем дело с группою языков уже на пути слияния, но вопрос о сванской группе осложняется тем, что нынешнее географическое положение сванов отнюдь не может считаться исконным. В географической номенклатуре на рубеже с Арменией, именно в области, называвшейся у армян Гугарами, вскрываются лингвистические явления, находящие свое объяснение в сванском языке. Прежде всего — это суффикс мн. числа არ ar, наличный между прочим в названии той же области Gugar-q.[1] В яфетической ветви ни одна другая группа не сохранила этого пока-

[1] q (ք, ქ) в hайском языке есть показатель множественности; он — также яфетического происхождения. Следовательно, в термине Gug-ar-q имеем случай наслоения двух окончаний множ. числа, причем первое, сросшееся с основою, принято за часть самого корня (ср. Н. Марр, Грам. др.-арм.

зателя мн. числа: его имеем еще в армянском, в котором особенно резко бросаются в глаза яфетические переживания, из армянского же он еще в древности успел проникнуть в hайский, и когда более основательно будут изучены сванский, hайский и армянский языки в их взаимных отношениях, то, быть может, сванский язык придется соединить в одну группу с одним из языков доарийской Армении, именно, с доарийским армянским.

II. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЯФЕТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ



На таблице II показана генеалогия яфетических языков, как она представляется нам теперь, после посильного обследования ˌчанского языка.

Само собой разумеется, что здесь мы даем лишь общие выводы, что же касается подробностей, основанных на собранном и предлагаемом в настоящей работе материале, они сохраняются для труда, посвященного специально сравнительному изучению яфетических языков. Мы, естественно, хотели бы тем вре-

языка, § 109,8). В яфетических языках, так, напр., в качестве переживания в грузинском, существует и ˌбˌ en, как показатель множественности, и его находим в греческой форме Γωγ-αρ-ην-ή, представляющей также случай наслоения двух окончаний мн. числа. К наслоению двух окончаний мн. числа параллели имеются и в чанском языке (Грам., § 48, e, 2, 3).

1 Судя по тому, что пока выяснено по вопросу об отношении хамитических языков к семитическим, яфетическая ветвь стоит ближе к семитической, чем хамитическая. Потому позволил я себе переменить в настоящей таблице традиционный порядок в перечне трех братьев: Сима, Хама и Яфета, resp. Иафета.

2 Вопрос ставлю лишь в отношении того, правда ли дошедший до нас ˌсонский, resp. сванский язык, составлял одну группу с сомехским, успевшим исчезнуть в составе ˌкартского, а также армянского. Так то сванский — бесспорно яфетический язык, а также, по всей видимости, яфетическим был сомехский.

3 Подразумеваются языки вне пределов древней Грузии и древней доарийской Армении, относительно которых пока имеется лишь более или менее основательная презумпция в пользу родства их с яфетическими, как то сузский и клинообразных письмевах и др.

4 Под вопросом находится сейчас не родство языков доарийской Армении с яфетическими, а точное их место в кругу языков яфетической ветви, ближайшее родство доарийского hайского и доарийского армянского языков с той или иной ее группой.

менем лично или через других пополнить и исправить собранные данные, особенно — преумножить чанские тексты.[1]

В Хрестоматии у меня приведены сочинения лучшего современного чанского поэта — Решид-hилма Пеhлеван-оглы, но я не имел случая видеть «странствующих певцов Лазистана и Понтийских гор», по словам К. Коха, «в самом деле имеющих некоторое сходство с средневековыми трубадурами».[2]

Наши чанские разыскания на месте были кратковременны и неизбежно поверхностны. Их достаточно разве для того, чтобы подготовить почву для серьезного исчерпывающего исследования в будущем. Так смотрю я и на издаваемую здесь Грамматику чанского языка с хрестоматиею и словарем. Но в итоге и сейчас наличное изучение чанского языка плодотворно настолько, чтобы с чувством убеждения высказать следующее руководящее положение: если учение о родстве яфетической ветви языков с семитическою и его широкие обобщения и способны были лишь вызвать реальный, осмысленный интерес к таким частностям, как грузинские и сродные диалекты, выработать в нас чуткость для систематического восприятия жизненно-разнообразных фонетико-морфологических фактов в их закономерных соотношениях, то, с другой стороны, только с преумножением надежных материалов по живым говорам, в том числе и чанским, и углубленным их изучением может получить должную разработку и окончательное, бесспорное утверждение сама общая наша лингвистическая теория.

[1] Результаты летней поездки И. А. Кипшидзе, именно лингвистические наблюдения по чхальскому говору и запись нескольких текстов, появятся в настоящей серии.

[2] Reise von Redut-Kaleh Trebisond в «Die Kaukasischen Länder und Armenien», Leipzig, 1855, стр. 103.

Введение к работе „Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания“

(Предварительное сообщение)[1]

§ 1. Двести лет прошло с тех пор, как в Европе появилось печатное сведение об Ахеменидских надписях, в том числе об интересующем нас языке второй категории.[2] Спустя сто с лишним лет, именно в 1836 году, о загадочном языке, тогда еще называвшемся мидийским, как и о двух других, древнеперсидском и ассирийском, существовали еще, по выражению Eugène Burnouf'a, лишь «смутные и малоудовлетворительные сведения».[3] С тех пор теми же памятниками языка второй категории занимается, вот уже второе столетие, длинный ряд ориенталистов. Здесь нет надобности повторять их имена. Настойчивые и систематические изыскания после Oppert'a[4] завершились исчерпывающим и наглядно представляющим все завоевания науки в этой области до 90-х годов прошлого века трудом Weissbach'a[5] и дающим прекрасные снимки скульптур и надписи Дария с английским переводом изданием совместных усилий King'a, Thompson'a и Budge'a.[6] Все, что могли сделать энтузиазм европейцев, их непоколебимая верность раз зачатому научному интересу, недосягаемая для нас легкость организации коллективной работы, систематичность, хорошая школа и ее традиции, все было сделано, все было проявлено, и все-таки ныне вопрос об интересующем нас языке по существу стоит в том же положении, какое некогда охарактеризовал Burnouf словами: «смутные и малоудовлетворительные сведения».

§ 2. За решением вопроса обращались и продолжают обращаться к так называемым «кавказским» языкам прежде всего и больше всего к одному из них, именно к грузинскому. Но это обращение по существу не привело ни к каким реальным, ни к каким прочным результатам. И. А. Джавахов дал обстоятельный отчет об этих работах в статье «Обзор теорий и литературы о происхождении грузинского языка».[7] По обыкновению, статья грузиноведа, написанная по-русски, не обратила на себя ничьего внимания, а в кругах, где могли ее прочитать, мне приходилось слышать некоторый упрек в недостаточно почтительном отношении автора к известным европейским ученым, пользующимся авторитетом. Между тем мишенью для удара была выбрана не степень авторитетности ученых, а количество

[1] Доклад, читанный в Восточном Отделении Русского Археологического Общества 26 апреля 1912 г. [Напечатан в ЗВО, т. XXII, вып. I—II.]

[2] Chardin, Voyages en Perse etc., Париж, 1811, XIII, стр. 244, прим. 2.

[3] Langlès, Mémoire sur deux inscriptions trouvées près d'Hamadan, Париж, 1836, стр. 2: des notions vagues et peu satisfaisantes.

[4] Основная работа Jules Oppert'a по данному вопросу — Le peuple et la langue des Mèdes, Париж, 1879.

[5] Die Achämenideninschriften zweiter Art, Лейпциг, 1890.

[6] The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the rock of Behistūn in Persia. A new collection of the Persian, Susian and Balylonian texts, with english translations, etc., Лондон, 1907.

[7] ЖМНП, новая серия, XVI (1908, № 8), отд. 2, стр. 241—258.

знания того языка, которым они думали пользоваться как ключом для определения загадочных языков клинописи различных систем. Правда, речь шла о грузинском языке, почти никому в Европе научно не известном, и менее всего кунеологам. Но это обстоятельство и заставляет нас вспоминать о необходимости, чтобы исследователь удовлетворял известным требованиям. Никому в голову не придет публично, устно или печатно, требовать, чтобы языковед при пользовании, примерно, греческим языком или санскритом знал из данного языка по крайней мере склонение, отличал бы в нем 1-е лицо аор. или настоящего от 2-го лица и т. п., не придет в голову говорить о таких требованиях, так как, если бы исследователь, заведомо нуждающийся в таком наставлении, основывал решение какой-либо научной проблемы целиком на греческом или на санскрите, его книги, кроме автора и разве еще личных его друзей, никто и в руки не взял бы; между тем из грузинского языка хотели сделать ключ к разрешению одной из труднейших задач современной филологии лица, незнакомые с элементами грузинской грамматики, и из этих хотений создавалась и создалась целая как бы научная школа, и когда в таком грехе повинны авторитетные ученые, он от этого не становится более легким, а наоборот, более тяжким. И в этом смысле я не только готов разделить с И. А. Джаваховым упрек, направленный против него, но и склонен упрекнуть его в слишком снисходительном отношении к авторам подобного рода работ. Мысль, на которую они напали, была естественна: отыскать для неизвестного языка, явно не имевшего, по общему признанию, ничего общего ни с семитическою, ни с индоевропейскою, ни с турецкою или, как не туркологи продолжают именовать, урало-алтайскою семьею, ключ в языке, также, казалось, ни с одною из перечисленных семей не имевшем ничего общего. Но путь, которого они упорно держались и держатся, антинаучный, ибо наглядно демонстрируется законность решения проблем высшей математики без элементарного знания арифметики. В результате получилось такое положение, что не только толкование таких кунеологов не получило общего признания, но они возбудили основательное сомнение в плодотворности самой идеи. Один из скептиков, именно Weissbach, указал даже на ряд лингвистических оснований против возможности родства языка 2-й категории с «кавказскими», по устарелой терминологии, языками. И никто из кунеологов-«грузиноведов» не мог возражать на замечания Weissbach'a, так как в так называемых «кавказских» языках они были столь же компетентны, как Weissbach, который в числе своих возражений — одно (мы попутно, быть может, коснемся и других) формулировал так: «в кавказских [как он называет] языках большая бедность в гласных»[1] при богатстве согласных. Это в известной мере правда в отношении грузинского, где, однако, излюбленные группы согласных допускаются лишь в начале слов, но и там, как теперь выяснено, это результат исторической жизни данного языка, именно грузинского, где долгие и двугласные сократились в краткие и простые, а простые и краткие сократились в полугласные, которые или исчезали бесследно, или заменялись

[1] Ук. с., стр. 46 (на основании Müller'a): «In den Kaukasischen Sprachen ist die grosse Armut an Vocalen . . .»

плавными. «Кавказские», как именовал Weissbach, или, правильнее, яфетические языки из числа кавказских (речь идет о них), отнюдь не исчерпываются грузинским. Из них в сванском наблюдается богатейшее развитие гласных, в нем сохранена долгота и краткость,[1] в нем сохранены полугласные, в нем обыкновенно избегается стечение согласных так называемым иррациональным звуком ə, как в языках Армении и т. п. Этого мало. Из чистых яфетических тубал-кайнские, представляющие раздвоение ш-языка, тем и характеризуются, что в них излюблено полногласие, например: 1) к̔. ďağl-i *собака* — м. и ч̔. ḓoğor-i, св. jeğw, 2) к̔. ṫabl-i *каштан* — м. и ч̔. ṭubur-i, св. (с переменой значения) heb, шх, гл, тх yeb (|| *hebw), *черешня,* 3) к̔. kreba — м. korobua, св. li-q̇wri (тр *собирать плоды*) и др., 4) к̔. ϑ̇reml-i *слезы,* — т.-к. ϑ̣ilamur-i, св. qim (вм. *qirm ∾ qimr, мн. qimr-a̋r). Это одно из элементарных сведений по яфетическому языкознанию, теперь известных уже студентам 3-го семестра. Правда, Weissbach имел еще оправдание: он ссылался на Fr. Müller'а, но, ведь, те кунеологи- «грузиноведы», мнение которых оспаривалось таким путем, должны же были обладать столь элементарными сведениями независимо от работ, имеющих библиографическое значение для одних антикваров!

То, что было достигнуто в этом направлении независимо от яфетидологических работ, лучше всего можно видеть из заключений наиболее ревностного и часто остроумного толкователя языка 2-й категории и вообще «эламского» на основании грузинского. «В принадлежности эламского к кавказскому стволу языков», писал он еще в 1905 г. в OLZ,[2] «более не может быть никакого сомнения, за это ручается поразительное сходство структуры. Вопрос иной, не скрывают ли кавказские языки в себе еще другую, исчезнувшую семью языков. По отношению к эламскому это можно утверждать с достаточной уверенностью, так как первоначально в стране говорили по-сумерски». Не находя, однако, в своих изысканиях опоры для установления более близкого или хотя бы сколько-нибудь ясного соотношения с грузинским языком, Hüsing писал (ц. с., стр. 552): «что касается кавказского родства, мы не должны забывать огромный промежуток времени, который отделяет древнеэламский от нынешних остатков древних кавказских языков. Древнейший текст на эламском языке (из Бушеhра) имеет возраст около $4^1/_2$ тысяч лет. С 1200 года до р. Хр. язык не был уже в согласии с письмом. Следовательно, мы можем ждать лишь единства строя с кавказскими языками, не более». Это не мешало, однако, Hüsing'у пытаться сравнивать и слова, хотя бы и с риском стать смешным (ц. с., стр. 552). В конце концов и он выражал желание, чтобы «кавказское языковедение» обратило внимание на Элам,[3] но никто не чувствовал потребности предварительно озаботиться научной постановкой теоретического изучения тех языков, которыми хотели воспользоваться как ключами, никто не интересовался выяснением их исторической и срав-

[1] Долгие гласные сохранились диалектически и в грузинском, напр., в «м̔иульском» говоре, как только-что наблюл А. Г. Шанидзе.

[2] Zur Elamischen Genitiv-Konstruction, стр. 558.

[3] Ук. с., стр. 550: «Heinrich Winkler hat vollkommen recht gehabt als er das Elamische den Kaukasussprachen zugestellte und es wird nun endlich Zeit, dass auch die Kaukasische Sprachforschung sich um Elam bekümmert».

нительной грамматики, без чего и у специалистов по «кавказским» языкам, в том числе и грузиноведов, не могло быть авторитетного мнения.

Впрочем, в некоторых языковых материалах клинописи, случайно привлеченных при сопоставлении с грузинским, всплыли разительные сходства, иногда действительные, иногда мнимые; в общем они продолжали поддерживать и поддерживают все-таки интерес к вопросу о связи языка 2-й категории с грузинским. И даже такой скептик в данном отношении, как Weissbach, не доверяя, очевидно, познаниям кунеологов-«грузиноведов» в нужных ему языках Кавказа, ставил вопрос грузиноведам-некунеологам, чтобы они высказали свое авторитетное мнение.

§ 3. Грузиноведы не откликались и откликнуться не могли, так как, во-первых, грузинский сам по себе не представляет данных, на которых можно было бы легко обосновать определение языка 2-й категории. Здесь приходится повторить, списывая букву в букву, начальные строки моей работы «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических»,[1] если желаем характеризовать истинное положение дела:

«Вопрос о родстве... с яфетическими не мог раньше научно быть поставлен. В науке не только термин «яфетический» был еще неизвестен, но не существовало определенного и ясного представления о самих языках, грузинском и родственных с ним, составляющих яфетическую ветвь ноэтической семьи».

Можно себе представить, как была бы затруднена задача кунеологов, если бы для разбора древнеперсидских клинообразных надписей специалисты располагали лишь эмпирическим знанием одного новоперсидского языка, или если бы толкование ассирийской клинописи приходилось обосновывать на традиционном знании одного эфиопского языка. Как для ассириологии, как никак, надо было опереться на грамматику, по возможности сравнительную, семитических языков, как для дешифровки персидского столбца Ахеменидских клинообразных надписей единственной прочной базою являлась сравнительная грамматика арийских языков, так без сравнительной грамматики грузинского и родственных с ним языков и думать нельзя было ответить на обращенный к ним кунеологами вопрос.

С другой стороны, обоснование этой сравнительной грамматики или яфетического языкознания, совершенно независимо от кунеологов, вело нас постепенно к клинописи и, наконец, поставило перед нами вопрос, которому посвящено настоящее сообщение.

§ 4. Достигнутые пока успехи яфетического языкознания не то, чтобы облегчили, они в первый момент затруднили дело. Манившие и манящие исследователей созвучия оказались случайными явлениями или заимствованиями. Во всяком случае они потребовали проверки путем как исторической, так особенно сравнительной грамматики; только последняя, устраняя миражные отожествления, вскрывает новые, уже прочные нити родства благодаря образованиям, не бросающимся в глаза первому встречному, и словам, отнюдь не созвучным, но для восприятия их требуется нечто иное, чем один слух, удовлетворяющийся созву-

[1] Материалы по яфетическому языкознанию, V, § 1.

чием. Нужно знание всей весьма сложной гаммы яфетических звуковых переходов, чередования или движения, как то переозвончения (нисхождения и восхождения), падения и подъема, отупения (дессибиляции и дезаспирации) и обострения (ассибиляции и аспирации), раздвоения согласных (играющего роль удвоения), перебоя или взаимообмена антиподных звуков и т. д. Звуковые явления, подводимые под эти отвлеченные категории, как они ни обычны в яфетических языках, незнакомым с ними, с этими языками, кажутся невероятными, и отсюда недоверие и сомнения в состоятельности наших теоретических категорий; одни они, эти категории, не должны бы вызывать сомнения только потому, что в них отражается без всяких теоретических урезок, без прикрас, действительность, как она есть. Не наша вина, что в яфетических языках существуют такие «невероятные» явления. Казалось бы, более невероятно, чтобы голословно опорочивались утверждения, основанные на почти четвертьвековых все возраставших и в ширь и в глубь наблюдениях и над письменным и над устным материалом; невероятно, чтобы бросались их автору обвинения в том, что у него будто все звуки переходят во все звуки. Я очень жалею, что такое тяжкое обвинение, где-то кем-то произнесенное и до меня доходившее окольным путем, до сих пор не было формулировано научно и не высказывалось печатно. Переходы звуковые действительно разнообразны, но не в пределах одного языка и не в пределах одной эпохи, а в пределах разных яфетических языков и разных эпох; приняв же во внимание эти источники разнообразия, мы не можем не удивляться, наоборот, простоте и, если можно так выразиться, шаблонности той схемы звуковых соотношений, которые констатируются с одной стороны между различными группами, между различными языками и их различными наречиями и говорами, с другой — между каждой из них в отдельности и семитическими.

§ 5. В данный момент вопрос об отношении яфетических к семитическим нам не нужен, но два-три звукосоотношения яфетических между собою полезно привести, чтобы показать, до каких звуковых расхождений достигают живые, дошедшие до нас те истые представители яфетической ветви, в родстве которых, по общему впечатлению от сродных явлений, никто не сомневался. Уже приведены примеры соответствия ќартского ṫ — тубал-кайнскому t ќартского ď — тубал-кайнскому ḍ, ќартского ϑ̇ — тубал-кайнскому ϑ̣. Если ограничиться указанием аналогичных соответствий в сибилянтах и спирантах, то достаточно вспомнить:

Сибилянтная группа		Спирантная группа[1]
s-язык (ȷ̌артский)	ш-(тубал-кайнские: мингр., ч̆ан.)	коренной слой сванского
sul-i — *душа* (‖ sun-i)	м. шur-i, диал. шunḍ̂-o[2]	qun (resp. *q̇un ← *hun) → раздв. qwin

[1] ʒ-группа, она же спирантная, представлена коренным слоем сванского языка, да и здесь спирант, соответствующий картскому сибилянту s и тубал-кайнскому сибилянту ш, — двоякий в зависимости от отложения в нем двух языковых разновидностей — h-языка и y-языка: h сохранился подъемом в q̇ → q, а «y» преобразился по закону чередования в n → l.

[2] Эта диалектическая разновидность сохранена в яфетическом слое hайского и армянского языков շունճ шunḍ̂ → շունչ шunϑ̣.

sam-i — *три*	м. шom-i → шum-i	*q̇em (← *hem[1])
с перебоем ш → ҫ	‖ с подъемом ш → d̂	
преф. sa-	*шo → { 1) диал. d̂o → do: 2) *ҫo → o[2] }	na- (← ya-) → la-
sa-reϑ̇-el-i *постель*[3]	м. do-rϑ̣-el-i	la-rшi-ϑe для постлания
sa-sϑum-al-i — *изголовье*	м. o-rϑum-el-i	нет[4]

Вспомнить разве еще о характерном сванском соответствии, именно спиранте h, resp. «y» при ќарҭском ṫ и тубал-кайнском ṭ (см. § 11):

yr (li yr-i → līri)	ṭr (ч̓. on-ṭaru, м. ṭarua)	ṫr (ṫera) *писать*
hd-w (hadw)	нет	ṫd-l (ṫadili) *желание*

Так же шаблонны звукосоответствия в других рядах согласных, а также в огласовке.

Эти звукоотношения, однако, осложняются, когда мы считаемся с наречиями, еще более при привлечении говоров; осложнение это в начальной стадии разработки сбивало нас еще тем, что диалектическими разновидностями говора или наречия данного языка часто вытеснялись его основные закономерные формы, и это нарушало общую систему звукосоотношений; между тем проследить до наречия и до говора такие врезывающиеся в стройную систему диссонансом явления не всегда можно путем наблюдения, так как многие из таких наречий и говоров исчезли под влиянием различных факторов; особенно пострадал в этом отношении ќарҭский язык, лежащий в основе грузинского литературного языка и под влиянием последнего утративший все свои наречия. И можно себе представить, какое разнообразие звуковых явлений представляла Грузия в эпоху сохранности ее диалектов, если в маленькой Свании, протяжением в 5 верст по воздушной линии в длину, сейчас имеем возможность наблюсти четыре наречия, почти каждое наречие с рядом говоров и подговоров.[5]

Этого, однако, мало. Скрещение диалектических явлений происходило не только в пределах каждого языка особо; скрещивались различные языки одной и той же группы, скрещивались и языки различных групп, в языке одной группы отливались диалектические явления других групп. При этом в одних случаях скрещивавшиеся элементы оказывались в таких соотношениях, что получался яфетический язык мешаного типа: таков, прежде всего, напр., сванский язык, в котором

[1] სემ sem представляет по 1-му согласному заимствование из ќарҭского, см. Н. Марр, Заимствование числительных в яфетических языках, ИАН, 1913, стр. 789.

[2] Перерождение «а» в «о» явление чисто тубал-кайнское, но не исконное, что же касается перебоя сибилянта в спирант, как позднейшее явление, он не может считаться исключительной особенностью ш-языка, диалектически он свойственен и s-языку, именно грузинскому, напр., в ингилойском наречии, где как раз префикс sa-представлен одним гласным элементом а- (М. Джанашвили, საინგილო, Древняя Грузия, II, стр. 231), очевидно, восходящим к *ha-. Если, однако, перебой шо- в ҫo мингрельского и ч̓анского языка считать древним, то его придется признать результатом влияния спирантной группы, в частности мингрельский и ч̓анский.

[3] Буквально «служащий для постлания».

[4] В сванском вместо утраченного эквивалента имеются заимствования, одно из ќарҭского: sastaw-il, другое из тубал-кайнских: o-ϑül. Впрочем, последнее слово, судя по префиксу, скорее спирантной группы (см. прим. 2).

[5] Н. Марр, Из поездок в Сванию, ХВ, II, стр. 16.

коренной слой спирантной группы, сродный с яфетическим слоем абхазского, успел самальгамироваться с слоем тубал-кайнским, т. е. с слоем ш-языка сибилянтной группы. В других случаях влияние иной группы хотя и не достигало такой степени, но все-таки преображало значительно его морфологию, как, напр., влияние какого-то яфетического языка, как раньше казалось, одного из тубал-кайнских, именно ш-языка на грузинский в образовании мн. числа.[1] Значительно в свою очередь влияние грузинского или карт'ского на языки общей с ним группы и на языки другой группы. И вообще нет яфетического языка, который не подвергался бы в той или иной степени влиянию другого яфетического языка не только в лексике, но и в грамматике. Дело исследователя осложняется еще тем, что, с одной стороны, некоторые яфетические языки заведомо вымерли, или не оставив никаких следов, или сохранившись в переживаниях языков особого мешаного типа, когда с яфетическим сливался индоевропейский, куда относятся, напр., оба языка Армении, и hайский, и армянский, или когда с яфетическим, притом мешаного типа, смешивался язык, на первый взгляд, какой-то иной семьи, куда относится, напр., абхазский. С другой стороны, в чистых или пока кажущихся таковыми представителях яфетической ветви, так, напр., в грузинском, замечается такой лингвистический слой или во всяком случае такие лингвистические материалы яфетического происхождения, которые ни одному из дошедших до нас яфетических языков нельзя никак присвоить. Естественно было оглянуться, для выяснения этих наносных яфетидизмов, на неразгаданные языки клинописи, когда-то господствовавшие в таком близком соседстве. Отсюда наш вновь народившийся интерес к клинообразным надписям. Занимался я ими давно, почти со студенческой скамьи, но путь сличения их с грузинским языком, освещенным лишь его материалами, не приводил меня, как и следовало ожидать, ни к каким прочным результатам.[2] Только опираясь на данные яфетического языкознания, в котором грузинскому отводится лишь одно место, хотя и весьма почетное, но все-таки одно из многих, можно было достигнуть того, что пока достигнуто. Но и по разработке яфетического языкознания не сразу удалось стать на правильный путь. Обращаясь от современных представителей яфетической ветви, древнейшие памятники на которых не идут глубже VI—V века по р. Хр., к языкам клинописи, к языкам VI, а то и VIII—IX веков до р. Хр., а иногда значительно более древним памятникам, я первое время мнил найти в них большую сохранность, полноту форм, наглядное оправдание всех тех недостающих звеньев, теоретически восстанавливаемых, которых не досчитывались. напр.,

[1] Речь идет о так наз. вульгарном мн. ч. на -eb.

[2] Можно только сожалеть о напрасной трате труда и времени, когда и в настоящее время, при существовании яфетидологической литературы, возникают такие наивные попытки, имевшие некоторое оправдание четверть века тому назад. В соответствии с современным положением науки может показаться работа Мих. Церетели, ხუმერული და ქართული «Сумерский и грузинский» (ივერია, Тифлис, 1912, стр. 27—117), более пространно имеющая появиться на английском языке, однако и в основе ее не лежит действительное знание яфетидологии, и, по моему глубокому убеждению, она на Западе посодействует прежде всего восприятию неправильного представления о степени лингвистической разработки грузинского языка. Статья настоящая шла к сверстке, когда я увидел, что начало названной работы М. Церетели уже появилось в английской переработке (Journal of the Royal Asiatic Society, 1913, окт., стр. 783—821: Sumerian and Georgian: a Study in comparative Philology).

в грузинском. И только сравнительное изучение наличных яфетических языков и их диалектов, углубление в анализ их состава выяснило, что и для яфетических языков новый период, период разложения, наступил за тысячелетия до р. Хр.,[1] что самые первые культурные представители яфетических языков наиболее пострадали морфологически, что и тут оказались такие же соотношения, какие наблюдаются в области семитических языков, где языки древнейших памятников отнюдь не могут поспорить по богатству форм, по их сохранности, с таким молодым по культурности языком, как арабский. Грузинский язык оказался среди яфетических в известной степени в положении арабского среди семитических. Таким образом для работы открылась совершенно новая перспектива; в то же время, понятно, мы вовсе не искали и не ищем в неразгаданных языках клинописи ни грузинского, ни мингрельского, ни чанского, ни сванского, ни абхазского, ни тушинского (цова-тушинского) или чеченского (кистинского), а, наоборот, недостающих нам по нашим лингвистическим данным самостоятельных и лишь родственных языков. И эти два обстоятельства поставили все дело на новые основания, и потому-то достигнуто кое-что существенное не только в отношении языка 2-й категории Ахеменидских надписей, но и в отношении языка ванской клинописи, в отношении последнего, может быть, еще больше, но я выбрал для предварительного сообщения загадочный язык Ахеменидских надписей, так как текст, написанный на нем, сопровождается переводом на двух определенных уже языках, да и чтение сравнительно прочнее установлено.

Еще одно замечание относительно реальной позиции, которую заставляет принять яфетическое языкознание, не только вопреки традиционному грузинскому взгляду о первенстве грузинского языка, но и вопреки школьным или научным традициям. Дело касается не одного грузинского, не одного сванского, не одних мингрельского или чанского или иных еще реликтовых представителей того же лингвистического типа, отложившегося более или менее яркими слоями на севере в абхазском, тушинском, чеченском, ингушском и к ним примыкающих языках; все это лишь остатки громадной ветви языков, яфетической, широко расстилавшейся на юг до семитического мира, а на восток и на запад до пределов, которые хорошо намечаются и теперь — при наличном развитии яфетидологии, но прочно могут быть отвоеваны лишь дальнейшими ее успехами. При такой перспективе распространения яфетидов естественно предполагать влияние их на языки древнего мира, и нас не должна смущать наличность яфетических материалов в не яфетических языках и за пределами Армении и вообще территории клинописных памятников; при этом, быть может, такие материалы найдут объяснение в наслоении простых заимствований, но, быть может, и там, как в Армении, они представят собою переживания яфетических элементов, отложившихся в языках этнических новообразований седой древности, народов, возникших в незапамятные времена от смешения пришлых не-яфетидов с аборигенами яфетидами.

§ 6а. Язык 2-й категории я воздерживаюсь называть каким-либо этническим термином. Лишь после выяснения степени родства с яфетическими и установле-

[1] Н. Марр, Кавказ и памятники духовной культуры. ИАН, 1912, стр. 81.

ния места его среди них придется дать решение вопроса о действительном его названии, обоснованное не на свидетельствах классиков, мало осведомленных в сложных лингвистических условиях края, а на реальных языковых данных. Быть может, тогда нам и без условности придется вернуться к старому покинутому термину. Первоначально его называли мидийским, затем скифским, затем опять вернулись было к названию «мидийский», но предпочли именовать сузским, а теперь считается наиболее научным термин «новоэламский», хотя не знаю, насколько научно закреплять новое название за предметом, который сам по себе, по существу, загадочен. Что в языке этом имеем речь великого культурного народа, игравшего и политически большую роль, это видно не из места только, второго после языка поздних победителей, которое написанные на нем тексты занимают в трехстолбцовых надписях. К этой же мысли возвращает нас и обсуждение некоторых сторон его лексики, напр., соприсутствие диалектических разновидностей, усвоенных им, как общим литературным языком, от многих родственных, т. е. яфетических племен и народов. Особенно характерно в этом отношении появление бесспорно яфетических терминов, напр. itu (§ 65), в качестве идеограмм.

§ 6b. Вопроса о транскрипции клинописи, о значении клинообразных начертаний сейчас не касаюсь. Готов примириться пока с чтением, которое кунеологи часто устанавливали наугад, особенно в подробностях. Я хочу только оговориться, что или начертатели клинописи не в совершенстве передавали наличный звуковой состав языка 2-й категории, соблюдая, однако, известную систему, именно давая одно начертание не только для трех звуков одного ряда, напр., глухого, звонкого и среднего зубного ряда, но и для ассибилованной линии каждого ряда, или язык уже тогда вымирал в звуковом отношении, притом — в строго систематическом направлении. Я сейчас не останавливаюсь на явлениях в пользу того или иного решения. На таблице под рубрикой «IV. Звуковой состав языка 2-й категории» иллюстрируется фактическое положение в чтении кунеологов: в скобках полных и полускобках помечены звуки, или утраченные языком 2-й категории, или, быть может, не нашедшие точного выражения в клинописи.[1] Точно также не решается пока вопрос, есть ли «pp» явление чисто начертательное (графическое) или также фонетическое.[2] Единственное уклонение в транскрипции, чисто формальное, состоит в том, что сибилянт š я передаю согласно яфетидологической системе через русское начертание ш, не нуждающееся ни в каком над- или подстрочном дополнительном значке, совершенно недопустимом в изображении простых спирантов или сибилянтов.

[1] Звонкий *g* находим раз в слове igi (§ 63, b).

[2] Об этом, впрочем, придется еще говорить при обсуждении слов appa *что* (§ 23), hupappi *господа* (§ 36).

Кавказоведение и абхазский язык[1]

I. Этнографический и археологический интерес Абхазии. II. Абхазский язык, работа над ним и сотрудничество абхазов. III. Ненормальные условия развития кавказоведения и запоздалое изучение абхазского языка. IV. Яфетическая теория и абхазский язык. V. Роль письменных языков в количественном соотношении представителей спирантной и сибилянтной ветвей яфетических языков. Аварский язык, албано-аланский вопрос и абхазский язык. VI. Этапы развития яфетической теории, приведшие к изучению абхазского, и толчок от абхазского. VII. Абхазы-мореходы. VIII. Абхазы и кавказское сказание о Прометее. IX. Помощь абхазского в изучении мертвых яфетических языков. X. Очередная программная работа по яфетическому языкознанию.

I

Как с изучением языка и литературы древних народов с национальной письменностью в настоящее время неразрывно связана археология, так с изучением языка и литературы древних народов без письменности рука об руку должно итти исследование этнографии, в частности и прежде всего исследование литературы и культа. Я вовсе не обмолвился, упомянув о литературе бесписьменных народов. Литература не только бывает у народов без письменности, но часто она является более надежным и богатым источником для изучения языка, этой души народа, чем обширная искусственная литература с письменностью, обыкновенно состоящая из сплошных переводных памятников и в большинстве, если не исключительно, подражательных к ним сочинений. Правда, древние письменные литературы кавказских народов с одной стороны создали общественные ценности, общие литературные языки, еще с V века по р. Х. Они сохранили в себе отложения прошлой жизни. В них мы находим драгоценный источник, например, для истории христианской церкви не только местной, но и общей. Без помощи древнеармянской и древнегрузинской литературы теперь не может обойтись ни один самостоятельно работающий по источникам историк древнехристианской церкви: эти народы в своих переводах сохранили исчезнувшие оригинальные памятники христианской религии громадной важности.

Но и устная литература носит в себе все качества создательницы общего языка. В частности в абхазской устной литературе и сейчас, когда работа только что начата собиранием ее памятников, мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык; что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразительной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древнейшей религии не одного Кавказа, а всего древнего Востока, колыбели европейской

[1] [Напечатано в ЖМНП, 1916 г., № 5, май, стр. 1—27]. «Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа» обратилось ко мне с просьбой сделать сообщение о моих исследованиях в Абхазии. Предложение это я получил на месте в последнюю рождественскую поездку (1915—1916) в Гудауте, где в это время я был занят проверкой материалов по бзыбскому наречию, очередной работой в скромных моих начинаниях в области изучения языка древнейших обитателей этого благодатного края, его аборигенов.

Набросанное в пути под свежим впечатлением девственных материалов живой речи, глубже ставшей открываться, сообщение обратилось в лекцию и дало повод коснуться ряда общих вопросов по кавказоведению, освещение которых с яфетидологической точки зрения может представить интерес и для более широкого круга лиц.

цивилизации, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за абхазоведением самостоятельное существование в ряде исторических научных дисциплин, входящих в состав кавказоведения. Источником наиболее значительным по этому древнему культу из живых народов и племен Кавказа являются соседи абхазов, мингрелы и сваны, да еще на Востоке грузинское племя — хевсуры. У остальных кавказских народов и племен этот культ где или сохранился в ничтожных переживаниях, или совершенно исчез под влиянием национальной церкви, а где — денационализирующей на Кавказе мусульманской религии. Но пальма первенства по полноте сохранности этого архаичного культа принадлежит все-таки абхазам.

Абхазский народ заслуживает, однако, самого серьезного внимания и историка христианской культуры на Кавказе. Абхазский народ в лице его передовых слоев, преимущественно знати, был долгое время, веками, сподвижником носителей христианского света и его проповедников в соседних странах. Языческим племенам христианизованная часть абхазского народа могла нести евангельское учение, а христианским народам с восточнохристианской культурой — греческое просвещение. С этой точки зрения требует пересмотра и намечавшееся мною освещение личности абхаза Иоанна, «весьма близкого человека и стойкого единомышленника греческого философа Иоанна Итала». Пересмотр требуется в сторону прямого этнического толкования термина «абхаз» (а не культурно-исторического взамен «грузин») в устах И. Итала, называющего именно абхаза Иоанна *ученейшим*. Мы раньше как будто старались, наоборот, замести след значения абхазского народа, как проводника византийско-христианских начал в кавказский мир, использовав и это столь ясное упоминание в пользу грузинского народа.[1] Родной край абхазского народа представляет археологический интерес для исследователя не только христианского искусства, но и памятников значительно более древних эпох. Греческие колонии и взаимодействия античной и греческой культуры и местной и восточной, а не только влияние греков на абхазов, представляют первостепенный интерес. Наступает эпоха, когда одностороннее искание всегда и во всем греческого влияния должно найти поправку в выяснении того, как относились греки к верованиям Востока: сохраняя по именам своих богов и богинь, не наделяли ли их чертами, а в культ не вносили ли особенностей, местное восточное происхождение которых в принципе уже не оспаривается?

Великая торговля с толмачами на десятках языков в абхазском городе привлекала, надо думать, всякого типа искателей наживы, но, с востока или запада, отовсюду они приходили из культурных стран, и происходил обмен не только товаров, но и идей.

Археологические разыскания в крае по этому вопросу могли бы многое осветить, но для этого требуются большие раскопки и большие средства, а главное — кадр специально подготовленных ученых. Между тем не только зарытые в земле древности, но и доступные изучению памятники на поверхности земли мало, я бы сказал, нисколько не исследованы, т. е. не исследованы, как того требует современное понимание научного дела. Не изучены специалистами даже

[1] Н. Марр, Иоанн Петрицский, грузинский неоплатоник XI—XII вв. (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. XIX, 1909), стр. 108—109 = отд. отт., стр. 56—57.

христианские памятники, более многочисленные. Единственная научная работа это маленький этюд в несколько страниц, принадлежащий проф. Д. В. Айналову. Он посвящен обломкам алтарной преграды, найденным в имении г. Воронова в Цебельде и ныне находящимся в Москве. На них весьма интересная резьба, рельефы сцен из святого писания, которые графиня Уварова предполагала отнести к XII—XIII векам, но проф. Айналов вполне основательно определил их значительно более древнее время: его смутили некоторые подробности, не то он готов был отнести их к VI веку, однако, не признав их столь древними, он выяснил, что они во всяком случае не могли появиться позднее IX века. В числе рельефов есть один, представляющий жертвоприношение Исаака: Авраам приносит в жертву сына Исаака, а по близости находится жертвенный баран. Но баран не стоит, запутавшись рогами в ветвях деревьев или захваченный ими, а повис на дереве рогами. Такое изображение не согласуется с ходячим текстом св. писания и не имеет аналогии ни с одним из известных многочисленных древнехристианских и вообще христианских скульптурных или иных изображений той же самой ветхозаветной сцены.[1] Между тем с такой именно подробностью («баран повис рогами на дереве») находим скульптурное изображение жертвоприношения Авраама на Дворцовой церкви в городище Ани. Армянский рельеф также определяется временем не позднее IX века, но он может быть, если не считаться с моей гипотезой о перестройке, и произведением VI века,[2] так как Дворцовая церковь построена была в этом столетии. Способная смутить исследователей византийских и вообще западных древностей подробность, именно висящий рогами на дереве баран, объясняется тем, что вопреки греческому тексту Ветхого Завета в древнейших восточных версиях, именно в армянском и грузинском переводах, рассказывается, что «баран висел на дереве рогами». Следовательно, указанная подробность в рельефе художником была внесена не по недомыслию, а в согласии с св. писанием по восточной версии. В Армении такая версия св. писания существовала с начала насаждения христианства, так как в ней христианство насаждали не греки, а сирийцы. В Абхазии, наоборот, такая версия появилась лишь по вытеснении греческой церковности грузинской, что до IX—X века не имело места. Следовательно, скульптурная работа на обломках алтарной ограды абхазской церкви ни в каком случае не может быть древнее IX века.[3]

Я нарочно остановился на этой подробности, чтобы показать, во-первых, как трудно даже специалистам определять памятники христианского искусства на Кавказе, без знакомства с историей древней кавказской христианской культуры, а также, во-вторых, как даже в таких мелочах научное решение вопроса должно быть построено с общекавказской культурно-исторической перспективой, тесно связывающей страны Армении на юге до, по крайней мере, Абхазии на севере.

[1] Любопытно, что единственный западноевропейский рельеф с такой же разработкой сюжета находим в одном исключительно редком памятнике галльской христианской церкви. Подробнее по вопросу см. Н. Марр, Описание Дворцовой церкви в Ани (Анийские древности, I), стр. 9, прим. 3, 28, 34.

[2] Н. Марр, ц. с., стр. 1.

[3] См. Н. Марр, ц. с., стр. 34 сл.

Ясно, что абхазский народ, не только имевший общение с просвещенными народами в продолжение многих веков, но и творчески принимавший участие в древности в развитии общекавказской христианской культуры, как народ с историей, заслуживает внимания историка Кавказа, тем более археолога.

II

Однако мое внимание было приковано в настоящую поездку, как и в предыдущие, только к одному предмету — живой абхазской речи. И хотелось бы мне выяснить, насколько это возможно, основательность этого исключительного интереса к абхазскому языку.

Ознакомление с чисто технической стороной работы я изъемлю из сообщения. Как ведется работа, какие трудности представляет для записи язык без письменности, какое облегчение или, наоборот, помеху приходилось встречать в наличных записях или предшественников моих по записи живых абхазских текстов в научных целях, или работников по изложению на абхазском языке переводных или оригинальных произведений, т. е. предшественников по записи в литературных и вообще просветительных целях, когда тексты предназначаются для чтения знающих абхазский язык и т. д. Все эти и иные еще подробности могли бы представить интерес в тесном кругу интересующихся абхазским языком или лингвистов, занимающихся диалектологическими изысканиями по бесписьменным языкам.

Еще менее, думаю, было бы уместно входить в лингвистические подробности работы, излагать хотя бы в общих чертах выясняющийся грамматический строй абхазской речи или останавливаться на ее синтаксисе, имеющем основное значение для правильного понимания абхазского языка, в котором синтаксис играет роль морфологии, т. е. строем речи, той или иной в ней расстановкой слов, выражается то, что в других языках выражают формы самих слов, падежные окончания. Не приходится останавливаться, например, и на союзах и наречиях, самой труднейшей для восприятия европейца части речи в абхазском языке. Достаточно сказать, что настоящих союзов по происхождению или составу своему, похожих на наши союзы, в абхазском предложении не видать; они присоединены неотделимо к словам или, что еще затруднительнее уловить, помещены внутрь самих слов; правда, обыкновенно оказывается, что это не одно слово, а целый комплекс их, сошедшихся вокруг глагола, одни в конце глагола, другие в начале, третьи между предлогом и темой глагола, четвертые внутри самой темы глагола, которая часто оказывается составной из двух глагольных основ.

Другие союзы и наречия стоят самостоятельно, но при анализе оказывается, что они представляют собой глагол в определенной форме. И в русском ряд союзов и наречий глагольного происхождения, напр., слова «хотя», «почти», и эти русские слова также совершенно утратили глагольное значение. Но многочисленность таких выражений сильно затрудняет анализ абхазской речи, ибо если не все, то громадное большинство союзов и наречий хотя глагольного происхождения, но сами абхазы не чувствуют уже их происхождения, а когда

налицо целый комплекс частиц и основ, образующих одно целое, абхаз великолепно понимает целое и может даже безукоризненно перевести на другой язык, но при вопросе о частях, входящих в состав комплекса, он совершенно теряется, а когда пытается дать объяснение, дает сбивчивые указания, притом каждый по-своему.

Тем не менее помощь интеллигентных абхазов весьма существенна. На первых порах без этой помощи пришлось бы много потерять времени, и я считаю долгом здесь засвидетельствовать о необычайно предупредительном отношении к работам по абхазскому языку со стороны всех без исключения абхазов, с кем занятия меня сталкивали, не исключая простых крестьян в селах, поражавших меня обходительностью, деликатностью и искренним совершенно бескорыстным старанием всячески содействовать изысканиям, требующим порой большого терпения от объекта исследования.

Надо заметить, что по самой природе абхазской речи абхазский народ настроен, как ни странно может это звучать, очень «грамматически»; он чрезвычайно чуток к малейшему звуковому дефекту или изменению формы, и по этому поводу у абхазов всякого возраста, даже детей, бывают горячие споры, доходящие иногда до серьезных столкновений. Но в этих спорах, а также в вопросах о происхождении слов, в которых рядом с интеллигентом, часто с большим природным филологическим остроумием, охотно принимает участие и простолюдин, один большой дефект: у абхазов полная уверенность, что происхождение всех абхазских слов можно и следует объяснить из абхазских же слов, притом из абхазских слов в том виде, в каком они доступны сейчас нашему наблюдению. Должен оговориться, что так предполагали толковать абхазские слова и наиболее внимательные и авторитетные энтузиасты-исследователи не-абхазы, прежде всего незабвенный по заслугам в изучении нелитературных языков Кавказа барон Услар, а за ним и самородный лингвист Петр Чарая. Оба они пошли дальше и признали в абхазской речи в том виде, как она дошла до нас, первобытный язык, тогда как, совершенно наоборот, абхазский язык лингвистически стоит на одной из самых высоких ступеней развития человеческой речи. Он среди родственных с ним языков занимает ту ступень, какую английский занимает среди европейских. Абхазский язык представляет наиболее изменившийся, наиболее новый по своему наличному состоянию тип. Абхазы чрезвычайно помогли и продолжают помогать и в собирании лингвистических материалов.

Я не говорю уже здесь о личных работах Н. С. Джанашии, лучшего знатока абхазской этнографии, имеющего крупную заслугу по собиранию этнографических материалов, особенно касательно абхазского культа и абхазских религиозных верований.[1]

Я остановлюсь на работах Бзыбского комитета общества распространения просвещения среди абхазов. Эта работа, между прочим, и вынудила меня совершить поездку в столь неудобное для мирных занятий время. Еще зимой в 1913 г.,

[1] На русском языке появилась пока работа его «Религиозные верования абхазов» (ХВ, IV, стр. 72—112), имеющая быть продолженной в том же органе.

когда я занимался в Гудауте, абхазская местная молодежь, входившая в состав Бзыбского комитета, выразила желание сотрудничать со мной посильно. Я предложил собирать памятники абхазской устной литературы, в первую голову сказки, и дал некоторые указания. В настоящее время собрано более ста сказок исключительно на бзыбском наречии. В моем распоряжении уже год находились 74 сказки. При работе над этими ценными текстами стало ясно, что записыватели задались целью, несколько понижающей ценность материала для очередных научных изысканий: они старались по возможности свести все свои записи в отношении языка к одному общему типу, отстраняя местные особенности говоров или подговоров тех сел, откуда они происходили. Нужно ли прибавлять, что для лингвиста важны именно эти особенности, раз дело идет о воссоздании истории языка. К счастью, природу выгоните в окно, она войдет в дверь, и в доставленных мне записях различных лиц я подметил значительное число закономерных отступлений, явно представлявших вторжение в сглаженный текст форм природных говоров записывателей, и надо было столковаться с сотрудниками для дальнейшего направления работ их в русло научных требований.

Распространяться обстоятельнее о дальнейшем ходе совместной работы моих бзыбских сотрудников со мной я не буду. Я думаю также было бы бесцельно в статье не специально лингвистического значения сообщать о диалектическом богатстве абхазской речи, о различных наречиях, говорах и подговорах и т. д. К тому же, это и не своевременно.

Прежде всего для этого нужно располагать по другим наличным в пределах этнографической Абхазии наречиям абхазского языка хотя бы таким количеством материала, каким располагаем сейчас по бзыбскому наречию. Удастся ли в районах этих других наречий организовать сотрудничество местных сил по собиранию памятников абхазской народной словесности или нет, покажет будущее. Отстранив сейчас все эти специальные общелингвистические и диалектические стороны, я хотел бы дать представление о более общих научных задачах, связанных с изучением этой живой, весьма богатой лексически речи, обходившейся без письменности до XX столетия.

III

За кавказоведением в частях его, посвященных народам с древней национальной письменной культурой, именно армянам и грузинам, крупный грех. Это — полное равнодушие, если не сказать более, к научной разработке исторических судеб бесписьменных народов Кавказа, коренных его обитателей. Отмеченное равнодушие в кавказоведении присуще в силу одной особенности, представляющей громадное препятствие к дальнейшему успешному его развитию по научным путям: она ставит преграду использованию добытых уже научных положений в разработке культурно-исторических материалов, представляемых Кавказом во всей их совокупности, в том виде, как волею судеб сохранились они на Кавказе, независимо от тех или иных местных националистических освещений. Эта роковая

особенность состоит в том, что кадр специалистов по гуманитарному кавказоведению до сих пор пополняется исключительно представителями местных народов, и это не дает кавказоведению научно развернуться с тем широким размахом, которого оно заслужило не только по богатству и разнообразию материалов, но и по запросам науки к кавказоведению, по высокому значению общечеловеческих и культурно-исторических проблем, ищущих и намечающих в них, в этих кавказских материалах, опоры для своего правильного освещения, а иногда и решений. Представители местных народов по разным причинам, касаться которых сейчас не место и не время, не могут отрешиться и в науке от своих действительных или мнимых жизненных национальных интересов. Кавказская национальная злободневность, законный и вначале невинный источник стимула к кавказоведным занятиям, обращается в направляющий их руль: воспринимая в лучшем случае технически усовершенствованные приемы по специальности и в этой мере укрепляя свои позиции, она неминуемо содействует гашению духа — двигателя научных исканий, свободной критики основ традиционных исторических построений. Это говорится без всякого осуждения. Я лишь утверждаю факт, с которым связана наша научная область и от которой терпит она сейчас и, быть может, зависит ее будущность не на одном Кавказе. На месте националистическое направление устраняет возможность расцвета кавказоведения, являясь камнем преткновения на пути сосредоточения полноты его дисциплин и естественного чисто научного взаимодействия его представителей. Вне Кавказа неизбежным вполне заслуженным уделом научной области, построенной на националистической основе, и впредь будет равнодушие серьезных ученых кругов, невозможность найти для нее место в какой-либо научной востоковедной школе. Указанной особенностью одностороннего состава кадра специалистов по истории и литературам местных народов, одно время имевших созданную ими блестящую культурную жизнь, объясняется то, что в смежных научных областях, в арменоведении и грузиноведении, специалисты до сих пор не имеют или, лучше сказать, не расположены иметь общий научный язык, общее научное мышление. Той же роковой особенностью объясняется и то, что ни одна из этих специальных отраслей кавказоведения, давно получивших возможность развиваться научно и, вовлекая в научную работу использованные материалы, расширять научный кругозор, не выдвинула своевременно ни одного специалиста по изучению громадной части кавказского населения, именно так называемых кавказских горцев. Не только не было проявлено научного интереса к более дальним с бытовой точки зрения народностям, каковы, например, черкесы, чеченцы с ингушами и многочисленные языки Дагестана, но даже к абхазам. Между тем факт, что история абхазов есть начало грузинской Багратидской царской династии и в то же время тесно сплетается в IX и X веках с историей армянских Багратидов, имевших столицу в городе Ани, прекрасно устроенном, по свидетельству византийских греков, ныне подтверждаемому раскопками в этом уже городище в развалинах.

Естественно, что весь этот обширный бесписьменный район кавказского мира, именно без письменности на народных языках, с его богатейшими и разнообразнейшим языковыми и этнографическими материалами был предоставлен силам

немногочисленных любителей и энтузиастов. Это обстояло так даже в исходе XIX века, на пороге нашего столетия, когда научное искание в лице западных европейцев, сначала англичан и французов, а затем и более всего немцев, задолго еще до начала настоящей мировой войны старалось рядом строго продуманных и богато снаряженных экспедиций оторвать от наших научных наблюдений естественно к нам тяготеющие и нам более доступные по нашей теоретической подготовке области древневосточного культурного мира, как, например, Ван и его древности, когда немецкие исследователи и путешественники стали постепенно наседать с юга через Турцию на Кавказ, силясь охватить его кольцом своих научных экспедиций, а мы беспечно спали.

Не естественно ли, при таком положении, представителям русской университетской академической науки спешить вовлечь своевременно в научный обиход втуне лежащие у нас же сокровища и, если нет возможности сделать то, для чего требуются организованные силы научных работников, специалистов, то подготовить условия для выработки таких сил.

IV

Но, независимо от этих внешних поводов, кавказские горцы, и в первую голову абхазы напрашивались на возможно поспешное изучение по причинам внутренним, внутренним с точки зрения истории самой разработки науки о коренных кавказских языках и постепенности нарождавшихся в ней научных запросов и задач.

Эта сторона дела находится в связи с новой теорией о происхождении и классификации кавказских языков, именно с яфетической теорией. Общеизвестно, что из многочисленных языков мира наука успела выделить и сделать объектом усиленной сравнительной и исторической разработки три семьи — ариоевропейскую (индоевропейскую), семитическую и турецкую. Едва ли читатели настоящих страниц нуждаются в перечне состава этих трех семей.

Изучение языков Кавказа установило существование еще одной семьи, дало возможность выделить особую четвертую семью языков, яфетическую, которая не имеет родства ни с ариоевропейской семьею, ни с турецкой семьей, но находится в кровном родстве с семитической семьею языков. Родство это настолько тесно, что основатель этой теории, автор настоящих строк, первоначально и долго еще, почти до 1910 года предполагал, что семитические языки с яфетическими и хамитическими составляют лишь три ветви одной общей семьи языков. Может быть, это так и окажется со временем, но в настоящее время так разросся состав яфетических языков, что приходится их делить на две большие ветви и объединить их в одну самостоятельную семью — яфетическую.

Ветви эти отличаются друг от друга тем, что в одних и тех же по происхождению словах одна из ветвей закономерно обнаруживает звуки свистяще-шипящие или сибилянты в противоположность придыхательным звукам или спирантам другой ветви. Отсюда названия этих двух ветвей яфетической семьи: одна ветвь

названа сибилянтной, т. е. свистяще-шипящей, а другая спирантной, т. е. придыхательной.

От сибилянтной ветви яфетических языков сохранились, ее теперь составляют языки грузинский и мингрельский с лазским или чанским. Утеряны целые группы этой ветви и утеряна цельность сохранившихся двух групп картской, к которой принадлежит грузинский язык, и тубал-кайнской, к которой принадлежит лазский, он же чанский, и мингрельский, в древности иверский язык.

Спирантную ветвь составляют многочисленные горские коренные языки Кавказа, распадающиеся на ряд групп. Начиная с востока — это лезгинские языки со сродными преимущественно в Дагестанской области, куда относятся, помимо наиболее распространенных, именно аварского и казикумукского, до десятка языков андо-дидойской группы. Затем ближайше к ним примыкает не только по местонахождению, но и по сродству чеченская группа с языками нахчайским или собственно чеченским, ингушским и тушинским главным образом на северном склоне Кавказского хребта и прилегающих равнинах в Терской области и, наконец, абхазо-адыгейская группа с абхазским и черкесским, или адыгейским, языками и их наречиями и говорами с многочисленными промежуточными, стоящими между адыгейским и абхазским языками. Некоторых из последних наука наша не досчитывается в пределах нашего государства только потому, что в силу превратностей судьбы говорящие на них, ныне выселенцы с Кавказа, находятся в числе обитателей Турции, так в числе прочих убыхи с родным убыхским языком.

Эти многочисленные языки не порождение условий кавказской жизни и не случайные разрозненные последки, как предполагалось, великих переселений через Кавказ, а вклад постепенного оттеснения ветвями (если не всей семьей на Кавказ, с незапамятной и для древней Европы эпохи, народов древнейшего культурного мира на юге, в пределах Ассиро-Вавилонии и Месопотамии и прилегающих к ним с севера и запада в Малой Азии странах. Здесь и жили первоначально в непосредственном соседстве с родственными семетическими просвещенными народами и в общении также с родственными хамитическими просвещенными народами яфетические народы, создатели древнейшей в мире культуры, сооснователи той именно цивилизации, которую дальнейшие судьбы переработали в нашу европейскую цивилизацию, отодвигая в этапах ее развития постепенно на запад, в Грецию, Рим и в среду новейших народов Европы, тогда и долго еще не сложившихся в культурно-политические образования.

На культурной прародине яфетических народов с момента появления первых ариоевропейских племен просвещение стало падать. Они-то и разобщили семью сродных языков, называемых теперь нами семитическими и яфетическими, оттеснив членов ее, чистых или уже тогда еще нечистых мешаных яфетидов и заставив передвинуться главной массой в пределы Кавказа, а некоторых из них выселиться, по всей видимости, далеко на запад, так как есть показатели, что этруски, обладавшие письменностью, были яфетического происхождения: язык их письменности, пока неразгаданный, обнаруживает некоторые черты сродства с яфетическими языками, и если опыты западноевропейских ученых в этом

направлении — норвежца С. Бугге[1] и гениального датчанина В. Томсена,[2] дешифрировавшего турецкий язык орхонских надписей, не привели к прочным или окончательным результатам, то прежде всего по дефекту метода, по желанию разобрать неизвестное неизвестным, так как кавказские языки, которые они хотели использовать как ключ, им так же мало были известны в научном отношении, как этрусский. И здесь одна из очередных задач кавказоведения — пересмотреть этрусский вопрос на основании яфетического языкознания, его сравнительной грамматики, и дать окончательный ответ. Насколько пока осмыслены этрусские языковые материалы, ответ намечается положительный.

От яфетических народов в пределах самого очага древнейшей родной их цивилизации, в пределах Ассиро-Вавилонии и прилегающих стран, можно бы было думать, что ничего не осталось, раз не осталось на месте самих яфетидов. Но в надписях на глиняных плитах и на скалах сохранились до наших дней языки вытесненных оттуда яфетических народов, и посейчас с напряжением, при международном научном соревновании, происходит работа над разбором всех этих языков, успехи в понимании которых зависят от успехов в правильном историческом освещении живых яфетических языков, покрывающих поныне Кавказ. Эти надписи, конечно, на мертвых языках, эламском, древнем и новом, а также сумерском. Принадлежность эламского языка к яфетическим ныне вне спора. Вопрос о сумерском представляется пока недостаточно выясненным даже в пределах предположительных определений.[3]

От яфетических народов на путях их длительного движения на север, от пределов Ассиро-Вавилонии и Месопотамии к Кавказу, можно бы было думать, ничего не сохранилось, но успехи сравнительной граматики яфетических языков в этой части сказались особенно ярко.

Прежде всего получилась возможность разъяснить язык ванских клинообразных надписей, язык халдский, язык народа или племени халдов, поклонявшегося богу Халду. Надписи эти обнимают эпохи между началом тысячелетия и VII—VI столетием до р. Хр., и постепенное разъяснение на основе яфетического языкознания с помощью живых кавказских языков материалов многих десятков надписей на скалах, на частях дворцов, храмов и крепостей, на утвари и т. п. не только реальнее нас знакомит с деяниями халдских властителей Вана и их военными, религиозными и архитектурными предприятиями, но открывает новые перспективы во взаимных отношениях самих живых яфетических языков, языков Кавказа.

[1] Dr. Sophus Bugge, Etruskisch und Armenisch. Sprachvergleichende Forschungen, Christiania, 1890. По примеру западноевропейских армянистов S. Bugge не отличал в языках Армении, к тому же принимавшихся за один, яфетических элементов от ариоевропейских, и уже от этого смешения у него ряд недоразумений.

[2] Vilh. Thomsen, Remarques sur la langue étrusque (Extrait du Bulletin de l'Académie Royale des scienees et des lettres de Danemark, 1899, № 24, стр. 373—398). В свою очередь Томсен брал свои доказательства из многочисленных (яфетических) языков Кавказа, не имея представления ни об истории наиболее разработанных из них, ни об их взаимоотношениях.

[3] Последний труд талантливого автора M. Церетели Sumerian and Georgian; a study in comparative philology (Journal of the Royal Asiatic Society, 1913, стр. 783—821 и т. д.) мог бы лишь дискредитировать нашу теорию, если бы кто его признал построенным на яфетидологической основе или находящимся в связи с яфетидологическими началами.

Еще более показателен следующий успех, вскрытие яфетических осадков в живой речи населения того края. Надо знать, что в речи населения Армении, которая признана была наукой чисто ариоевропейской, вскрыты органически ей присущие яфетические слои. Выяснилось, что у армян не один язык, распадающийся лишь по степени древности или не древности на древнелитературный армянский и новый армянский, а органически различных два языка, один гайканский (hайский), ныне вымерший, другой — армянский, и в обоих из них вскрылись пласты яфетических языков: в одном основной пласт оказался от яфетического языка спирантной ветви, в другом — от яфетического языка сибилянтной ветви. Ни один язык Армении, ни гайканский или hайский, ни собственно армянский, не оправдал в полной мере теории западноевропейских ученых: ни один из них не оказался чистым ариоевропейским. И тот, и другой оказались языками так называемого мешаного типа, именно языками ариоевропейско-яфетическими. Таким образом армяне и этнически и по языку половиной своей природы находятся в тесном родстве с яфетическими народами Кавказа.

Но и яфетические языки в наличном виде отнюдь не представляют чистых типов.

Уже установлено, например, что сванский язык представляет тип мешаный между яфетическими ветвями: один слой в нем есть вклад яфетического языка спирантной ветви, но, по всей вероятности, именно того языка месхского, с которым особенно приходится считаться при определении места абхазского языка среди яфетических, а другой слой в сванском есть вклад яфетического языка сибилянтной ветви, именно так называемой тубал-кайнской или шипящей группы, т. е. языков мингрельского и лазского.

Далее, в языках северной полосы нынешнего яфетического мира, в городских коренных языках Кавказа, представителях спирантной ветви яфетических языков, замечается, что дело имеем с языками мешаного типа, причем выясняется органическая примесь какого то не яфетического языка, но здесь работа не достаточно еще углублена, а о гадательных положениях сейчас не место говорить. Занятия абхазским языком между прочим имеют целью подготовить основу для более плодотворной работы над этим вопросом. Абхазский язык также представляет мешаный тип, в составе которого рядом с яфетическим органическим слоем, вкладом и спирантной и сибилянтной ветвей, отложился слой не поддающегося пока определению языка, по всем видимостям северного племени.

Я избегаю входить в более обстоятельные разъяснения, предполагая, что при новизне предмета и его специальном характере и сказанное может явиться перегружением сообщения, хотя без этой предпосылки было бы более чем трудно сколько-нибудь наглядно представить смысл исследований, направляемых мною в сторону интересующего нас сейчас вопроса об абхазском языке.

V

Я ограничусь еще лишь одним общим замечанием касательно яфетической семьи языков: ветви, на которые делится она, спирантная и сибилянтная, оказы-

ваются в высшей степени несоразмерными по численности входящих в состав каждой языков. Сибилянтная ветвь весьма бедна в этом отношении: всего две группы, карт̀ская (свистящая) и тубал-кайнская (шипящая), при том у картской группы всего один представитель, именно грузинский, при том ни в грузинском языке, ни в мингрельском нет собственно наречий, лишь одно по существу наречие со многими, но далеко не столь многочисленными говорами и подговорами. Спирантная же ветвь — сейчас еще — представлена тремя обширными группами, в которых насчитывается десяток-другой языков, десятки резко расходящихся наречий, почти языков, и сотня или сотни говоров и подговоров.

И это объясняется не только тем, что сибилянтная ветвь оказалась на юге, на месте более открытом сильным южным инородным, ариоевропейским влияниям, но и по внутренним причинам. Врагом естественной жизни языков является письменная литература. Литература письменная уничтожает народное творчество в языке. Она сглаживает, примиряет все диалектические расхождения живых наречий, говоров и подговоров. Она вовлекает в этот разрушительный процесс не только свои наречия, но и языки родственные и их наречия, приобщая их к искусственному литературному языку и пуская его формы в обращение среди них, как всем доступные ходовые монеты. Всю эту разрушительную работу произвела грузинская письменность. Это, конечно, свидетельствует об интенсивном ее развитии и большом распространении, но она уничтожила грузинские наречия, она на половину сократила площадь распространения мингрельской речи и свела на сохранившейся ее площади расхождения мингрельских наречий, можно сказать, к нулю, тогда как, например, в Лазистане, оставшемся вне столь же интенсивного влияния грузинской христианской культуры и ее письменного языка, в лазском языке, двойнике мингрельского, на пространстве не более одной трети Мингрелии, мы имеем три резко различающихся наречия и десятки говоров.

Горские коренные языки Кавказа сохранением своего диалектического богатства, множеством языков, наречий и говоров, обязаны тому факту, что ни на одном из них в пределах нынешнего их распространения не возникла и не развивалась длительно литература и ни один из них не навязывался как общий язык, объединяющий все горские ближайше родственные народы. Одно, впрочем, исключение приходится сделать для аварского языка в Дагестане. Родной язык Шамиля — lingua franca для многих племен Дагестанской области, имеющих каждое свой родной язык, но общающихся друг с другом на аварском. Но и это чрезвычайно любопытное, в горских языках исключительное явление можно объяснить не новой жизнью аварского языка, а как наследие от весьма древней эпохи. Дело в том, что работа над аварским языком начинает выдвигать вопрос о необходимости отожествить его с языком кавказского народа, который жил еще до X века самостоятельной церковной жизнью, а в V—VI веках отстаивал христианскую веру, борясь бок-о-бок с армянским и грузинским народами за крест против персидского государства и его национальной тогда зороастровской религии. Народ этот были албаны, страна их называлась Албанией. На албанском языке существовала литература, и если оправдается дальнейшими изысканиями, что в аварцах мы имеем потомков албанов, то станет вполне понятным замеча-

тельная литературная выработанность живой аварской речи, ее естественное господство и преобладание над языками, не проходившими литературного искусства.

Албанский вопрос в свою очередь сам по себе представляет громадный интерес уже не для юга, а для севера Кавказа. С ним связан неразрывно вопрос об аланах. Аланы это уже история не только Кавказа, но и юга России. В них заинтересованы представители различных областей отечественной истории. Но и этот капитальный вопрос не может быть правильно освещен без разъяснения родственных связей кавказских горцев на основе изучения прежде всего их языков и родства последних. И в этом вопросе, как и во всех мимоходом затронутых в настоящем изложении, абхазские материалы имеют сказать свое слово.

VI

Основы яфетического языкознания, возможность выдвинуть все эти вопросы, частью осветить, а частью лишь наметить то или иное их решение, были заложены учением о родстве яфетических языков с семитическими. Основные положения этого учения, зревшего десятки лет, мною были обнародованы в 1908 году.

С первого же момента по появлении работы с этими положениями, озаглавленной «Основные таблицы к Грамматике грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими», стало для меня ясно, что временно надо бросить дальнейшую разработку части об яфетическо-семитических соотношениях. Надо было направить все усилия на расширение и углубление изучения самих яфетических языков. В первую очередь были намечены яфетические языки, ближайшие родственные с грузинским, тогда поневоле занимавшем центральное место.[1] Первая лингвистическая кампания была проведена лично мною в Лазистане, в ныне уже занятых нами Хопэ, Архаве, Виц̌э и Атине и их окрестных селах: результаты ее составили вторую книгу Материалов по яфетическому языкознанию, серии, издаваемой Императорской Академией Наук.[2] В Мингрелию, язык которой значительно больше изучен, была возможность направить молодого грузиноведа И. А. Кипшидзе, ныне приват-доцента Петроградского университета, сделавшего крупный вклад в яфетическое языкознание своим капитальным трудом о мингрельском языке.[3] С 1911 г. были предприняты лингвистические мои поездки в Сванию, давшие в результате дальнейшую разработку первоначальной схемы яфетической теории, прежде всего родословной

[1] В дальнейшем кратком обзоре яфетических работ замалчивается новое освещение истории грузинского языка по данным яфетического языкознания.

[2] Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем, СПб., 1910; см. также И. Кипшидзе, Дополнительные сведения о чанском языке (Из лингвистической экскурсии в Русский Лазистан), СПб., 1911 (МЯЯ, III).

[3] Появился лишь в 1914 г. в той же серии (VII): Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем; см. рецензию Н. Я. Марра в Записках Вост. отделения Имп. Русского Арх. Об-ва (XXIII, 1915, стр. 203—216). Интерес для характеристики степени разработки этого языка в Западной Европе представляет рецензия И. А. Кипшидзе в тех же Записках (т. XXII, стр. 239—246) на Th. Kluge, Beiträge zur Mingrelischen Grammatik (Memnon, Zeitschrift für die Kunst- und Kulturgeschichte des alten Orients, 1913, т. VII, тетр. 1/2, стр. 46—63).

таблицы языков, и указавшие на необходимость расширить ее основы привлечением в изучение более дальних по родству языков.[1] В первую очередь был намечен абхазский язык, в котором были усмотрены особые точки соприкосновения с сванским языком. Отчасти вовлечению меня в занятия абхазским посодействовало редактирование в академическом издании работы Петра Чараи о родстве абхазского с грузинским.[2] Пользуясь наличным в печати абхазским материалом, я дал свое определение абхазского языка в освещении яфетической теории. Работа появилась в той же академической серии.[3] Нужны были непосредственные наблюдения над живой абхазской речью, но археологические работы и поездки в Сванию летом не оставляли свободного времени. Летом 1912 года я попытался переездом верхом из Свании в Абхазию ускорить наблюдения над абхазской речью. Переезд отнял массу времени, и я имел возможность использовать как объект для исследования лишь одного случайно встретившегося по дороге пастуха из селения Джегерда. Тогда я решил посвящать лингвистическим поездкам в Абхазию рождественские вакации. Уже первый приезд, направленный мною в сел. Джегерд, дал ряд ответов по многим из затронутых вопросов, и число ответов стало расти.[4] Стали нарастать и новые вопросы, потребовавшие лингвистических кампаний к тушинам, к чеченцам с ингушами и племенам Дагестана. В ожидании появления более обстоятельного грамматического труда помощника попечителя Л. Г. Лопатинского об адыгейском языке, Академией Наук было постановлено командировать автора, именно Л. Г. Лопатинского, в Турцию для собирания материалов по убыхскому языку, занимающему по своей природе место промежуточное между абхазским и адыгейским. По разным обстоятельствам исполнить это поручение пришлось д-ру Дирру, известному своими материалами по бесписьменным языкам восточного Кавказа. Лично мне абхазский язык дал особенно сильный толчок для приступа к работам по восточнокавказским горским языкам. Для меня стало ясно, что все направление и грузиноведения и арменоведения, в частности мое, было в корне неправильно по крайней мере в лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая в той или иной из названных специальностей, не могла быть правильно поставлена и тем менее решена без общекавказских перспектив, в частности без соответственно глубокого изучения всех горских коренных языков и пересмотра вопроса о них с точки зрения яфетической теории и на основании новых наблюдений и проверки старых записей на местах лицами, прошедшими яфетидологическую школу.[5]

[1] Пока в печати заметки мои: Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 г.) (ХВ, т. II, стр. 1—36); Где сохранилось сванское склонение? (ИАН, 1911, стр. 1199—1206); Фрако-армянский Sabadios-asvat и сванское божество охоты (ц. ж., 1912, стр. 827—830); Тубал-кайнский вклад в сванском (ц. ж., 1912, стр. 1093—1098); Заимствование числительных в яфетических языках (ц. ж., 1913, стр. 789—790).

[2] Об отношении абхазского языка к яфетическим (МЯЯ, IV, 1912).

[3] МЯЯ, V (1912)—К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических; см. также Яфетическое происхождение абхазских терминов родства (ИАН, 1912, стр. 423—432).

[4] В печати пока заметки мои: История термина абхаз (ИАН, 1912, стр. 697—706), О религиозных верованиях абхазов (К вопросу об яфетическом культе и мифологии) в ХВ., 1915, стр. 113—140.

[5] Пройденные яфетидологией этапы развития не могли не отозваться на существующей формулировке родства яфетических языков с семитическими. Намечаются факты, требующие пересмотра

VII

В отношении грузинского выяснилось, что он чрезвычайно слабо повлиял на абхазский в христианские исторические эпохи; влияние выражается главным образом в заимствованных словах, но есть и обратные заимствования из абхазского в грузинский, иногда весьма поучительные. Так, например, грузинское слово àφ̣ra *парус* представляет заимствование из абхазского. Это уже имеет не только словарное, но реальное культурно-историческое значение: выходит, что абхазы, как мореходы, передавали соседям свои морские термины. И хотя современный быт абхазов не согласуется с таким утверждением, но абхазская речь и абхазские предания полны воспоминаний интимного общения абхазов с морем. В сравнительно недавнем прошлом, именно в XVIII веке, абхазы, ныне оттиснутые от берегов моря в глубь края, продолжали пользоваться славой древних эниохов, опасных для ближайших соседей и вообще для путешественников. Грузинский географ Вахушт пишет:[1] абхазы «по морям ходят на судах «oleṭkandar», в которые они садятся по сту, по двести и по триста человек, и нападают[2] в пути на суда османлисов и лазов-ч̔анов и чаще всего у побережья Одиши (Мингрелии) и Гурии. В боях (на суше) абхазы слабы и быстро уступают, но на море — стойки и могущественны».[3] Как, однако, вымирают и в абхазской среде переживания древнего быта, интересно наблюсти на судьбе следующей характерной абхазской пословицы:

zàшq̥a ϑòw yàщ̥a ђ̥ə̀
«В чьей лодке сидишь, того песню пой».

Эта пословица была записана мною в январе 1914 года в селении Калдахваре со слов старика 70-ти лет. Ее знают,вероятно многие абхазы, значительно более молодые. Тем не менее, интересно отметить следующий факт: в январе текущего года один из моих молодых сотрудников в Гудауте, 22-х лет, устно передавший эту пословицу, откровенно заявил, что он не знает значения слова

этого основного вопроса внесением в его освещение нового момента, изучения роли скрещения и значения мешаных типов. Как раньше было и с яфетическими языками, наука в семитических языках считается лишь с так наз. «основными» или «коренными» пластами, т. е. предпочитает иметь дело с отвлеченностями и идеальными их соотношениями, тогда как яфетидология ставит вопрос о необходимости разграничить классификацию идеальных соотношений «основных» пластов (и их прототипов) от классификации реальных языков в наличном их виде в целостности каждого из них, в совокупности присущих ему действительных пластов и наслоений.

[1] Description de la Géorgie . . . publiée d'après l'original autographe par M. Brosset, S. Pétersbourg, 1842, стр. 408.

[2] Dauq̇debıan буквально «встречают (в пути)» или «устраивают засаду», а не mouq̇debıan, что можно было бы перевести одним глаголом «нападают», как то сделал в своем переводе Brosset («attaquent»).

[3] Следует отметить, что термин, употребленный Вахуштом, для обозначения абхазской военной лодки, не абхазское, а мингрельское по своему типу слово, хотя мингрелы также не сохранили его. В термине можем иметь сложное слово ole-ṭkandar, в котором первая часть в таком случае должна быть понята в значении предлога *через, поперек*, а ṭkandar — прич. *кованый* (м. ṭkudu-a *ковать*), следовательно, полностью — *окованный* (ср. г. garda-ṭed-ılı). Толкование ole- в указанном значении предлагает И. А. Кипшидзе в связи с м. ole-ket-ı *засов*. Грузинский лексикограф С. Орбелиани приводит две формы того же термина — olaṭkander-ı (s. v.) и oleṭkandur-ı (s. v. nav-ı), но ни одна из них по существу не привносит ничего нового. Данное толкование, однако, требует еще поддержки, особенно в отношении первой части (ole- || ola-).

àшԛa *лодка,* а присутствовавший тут же другой сотрудник мой, сверстник его, не только не знал значения слова àшԛa, но и самого слова, кстати, имеющегося и в абхазском переводе Евангелия, не слыхал, но пословицу знает, однако, в ином варианте, именно zàшəaw ɜòw zàцa ћə̀ «на чьем дворе находишься, того песню пой». Так гибнет на наших глазах живая старина.

VIII

Впрочем, абхазско-грузинские отношения представляют большой интерес для более поздней эпохи, именно с IX—X веков и позднее. С ними связаны и вопросы по христианской археологии Абхазии. Но для реально-народных отношений имеются весьма интересные группы вопросов, так между прочим вопрос о сказаниях, связанных с древним яфетическим культом. Одна из таких легенд из яфетического мира докатилась до Греции, где она претворена в сказание о Прометее. В родной среде та же легенда выработалась в сказание в Армении о Məher'e, в Грузии об Амиране, в Абхазии об Abərskıl'e. Какому бы яфетическому племени ни принадлежала честь создания этого сказания, та редакция, в которой оно распространено в Грузии и Армении, несомненно прошла через абхазскую среду. Я сейчас не имею возможности остановиться на сопоставлениях имен абхазского Abərskıl, грузинского Amıran и армянского Məher; это требует чересчур специальных разъяснений. Кроме того, сам сюжет сказания значительно видоизменен в Грузии под наносным влиянием героической повести персидского происхождения «Амиран-Дареджаниани», в Армении — осложнением его чертам из христианских легенд, тогда как это на самом деле есть одно из древнейших яфетических сказаний о боге солнце, превратившемся в героя. Само имя Амиран, собственно A-məra или A-mər, представляет абхазское название солнца à-mra или à-mər, как последнее появляется в сложных абхазских словах. Из абхазских языковых материалов наметилась возможность осветить ряд подробностей в мифе, впоследствии сказании о солнце-герое.

Этот солнце-герой, изобретатель огня священного или, по греческой версии, его похититель с неба, тесно связан своей судьбой с кузнею, в частности с абхазским культом кузни. Он вместе с двойником своим героем-ковачом, в абхазских народных сказаниях отделившимся и лучше сохранившимся, дают ученому то прикосновение к земле, от которого великан Атлант, по греческим сказаниям, своими плечами мог поддерживать небо: с абхазскими материалами о двойниках Амирана-Мыhера, о культе кузни и металлургии и связанной с ними магии с кудесниками-жрецами при массе переживаний-терминов в самой живой абхазской речи ученый получает, наконец, прочную почву не только для поддержания, но в значительной степени для создания теоретического построения с широким горизонтом и глубоко уходящими в незапамятную седую древность перспективами как о самом любопытнейшем сказании, так о культурном мире, в котором оно впервые возникло и развилось.

IX

О значении абхазского языка для выяснения яфетических пластов в языках Армении кое-что уже напечатано. Каждая поездка приращает этот материал. Укажу мимоходом, что до привлечения к делу абхазского языка оставалось необъясненным в гайканском языке (ныне мертвом), древнелитературном, образование мн. числа на звуки q и ǯ, слова-термины земледельческого быта, подробностей устройства дома и т. п. Эта общность с целым рядом других объясняется тем, что армяне усвоили сказанные формы грамматической категории и некоторые термины культурной земледельческой жизни или из абхазской речи, значит, от абхазов, или вместе с абхазами взяли от аборигенов Армении, также яфетидов, слившихся впоследствии с ариоевропейскими племенами и образовавших с ними армянский народ. В первом случае мы могли бы заключить, что в абхазах, именно в их коренном яфетическом слое мы имеем отпрыск народа, жившего в приараратской стране, где впоследствии народились ариизованные армяне. Но и во втором случае приходится признать, что некогда абхазы жили в близком соседстве со страной, где впоследствии, по появлении ариоевропейцев, сложился армянский народ. И в том, и в другом случае приходится сделать вывод, что абхазы-яфетиды первоначально жили на юге в пределах архаичного культурного мира близ его центра, если не в его центре.

Это теперь многими данными устанавливается: более или менее прослеживается путь, каким с такого далекого юга передвигались эти яфетиды, ныне и с IV века по р. Х. известные под названием abasg'ов или в позднейшей грузинской его форме — абхазов, уже на этом приморском побережьи, где они занимали значительно более обширный район, доходя на севере, по всем видимостям, до Анапы.[1]

Правда, передвижение их не представляло сепаратного одинокого явления: оно совершалось в системе общего великого передвижения многочисленных яфетических народов и племен, начавшегося за много сотен лет до р. Х. с великого распада яфетическо-семитического культурного мира, когда стали появляться в Передней Азии ариоевропейцы. Абхазы могли быть захвачены этим великим переселением в числе прочих ближайше родственных с ними народов и племен, не только адыгейско-черкесских, но и нахча-чеченских и аварских и примыкающих к ним дагестанских, однако и в одних абхазах, сейчас нас интересующих, имеем основание, как в драгоценном обломке целого, до нас не дошедшего, видеть часть древнего переднеазиатского культурного мира и, следовательно, редкий живой источник для освещения известных культурно-исторических вопросов далекой Ассиро-Вавилонии и непосредственно прилегающих стран — вопросов, связанных с ролью не семитических и не ариоевропейских народов в их жизни. И потому вполне естественно, что абхазский язык начинает

[1] См. заметку мою: О происхождении имени Анапа, приложенную к работе Н. И. Бесловского (Зап. разр. военной археологии и археографии Имп. Русск. Военно-Исторического Общества, СПб., 1914.

оказывать помощь в разборе до сих пор не понимавшихся клинописных памятников этого мира не только Армении, но и Мидии и Элама.

Значение абхазского языка для определения и правильного толкования новоэламского языка посильно раскрыто уже в работе моей «Определение языка 2-й категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания».[1] Еще при издании названной работы в моем распоряжении было значительно больше фактов в пользу значения абхазского языка в этом вопросе, чем мог я внести в уже печатавшуюся статью. С тех пор каждая поездка приращает факты того же значения. Здесь не только местоимения и числительные, но и глагольные основы и особенно формы стали ясны и были поняты в освещении абхазских материалов.

Сейчас ведется работа над древнеэламским языком в памятниках, древнейший из которых относят к пятому тысячелетию до р. Х. И помощь абхазского языка тем более усиливается, чем более удается установить его сравнительноисторическую грамматику. Не меньшая, если не большая помощь оказывается абхазским языком в определении халдского языка клинообразных надписей ванских царей — надписей, рассеянных не только по Вану и его окрестностям, но и по Макинскому ханству Персии, по Эриванской губернии вплоть до Гокчайского озера на северо-востоке и Чалдырского озера на северо-западе, уже в Карской губернии.

В этой научной области абхазский язык дает живой материал не только для установления значения глаголов и имен, как, например, aguni *он принес* при абхазском àgara *приносить*, aruni *он привел* или *заставил* прийти, при абхазском arrà *ходить*, ba *дворец* или *крепость* при абхазском a-bǎá *дворец*, вообще *значительная каменная постройка* и т. п.

Абхазский язык дает переживания религиозных терминов халдского народа, поклонника бога Халда. Этот бог ḳald, как теперь выяснено, представляет разновидность религиозного термина ḳat, сохранившего до сих пор значение *боженьки, святыни* у грузин-горцев, например хевсурсов, тогда как в общегрузинской речи под влиянием христианского литературного языка термин ḳat-i получил значение «иконы».[2] В абхазском, конечно, по законам абхазской фонетики, от этого термина сохранена лишь начальная часть ḳa-, но зато она появляется в том сочетании, в каком это божество появляется в халдских клинописных памятниках с звуковым чтением идеограммы an, означающей «бога». Сам термин an *бог* налицо в форме мн. числа в абхазском слове anʔa *бог*, в котором ʔa — окончание мн. числа, а начальное «а» — абхазский определительный член сравнительно нового происхождения. Следовательно, основа слова по-абхазски представляет n, и, как ванские цари за 1000 и более лет до р. Х. обращались с молением к национальному богу своего народа Халду, изображая его в клинописи терминами an ḳald («бог Халд»), так ныне еще истый абхаз обращается к своей наиболее чтимой святыне, именуя ее тем же сложным термином nə-ḳa бог Ха, т. е. бог Халд, получивший в новейшее время под влиянием

[1] Зап. Вост. Отделения Имп. Русск. Арх. Об-ва, т. XXII, СПб., 1914.
[2] Н. Марр, О религиозных верованиях абхазов, стр. 125 сл.

христианских представлений значение *иконы*, как и у грузин его более полная форма ḳat-i.

Конечно, здесь пока речи не может быть о том, будто доказано, что абхазы остатки или халдов, или эламов. Достаточно пока того, что оказались бесспорные факты сродства, и налаживается работа истолкования памятников древнейшей и древней культуры человечества с помощью в строго определенных случаях абхазского языка.

X

Чтобы эти факты из абхазской речи, при том не первые попавшиеся под руку, не случайные, а исторически освещенные и проверенные, возросли, надо много поработать. Абхазский язык должен быть изучен по всем трем наречиям: самурзаканскому, абжуйскому и бзыбскому и по их говорам и подговорам. Должны быть использованы в работе и говоры абхазов, выходцев в Турцию. Но этого мало. Должно быть выделено из нее, из абхазской речи, все, что наносно в ней хотя и с незапамятных времен. Лингвистическая палеонтология в кавказских языках дает возможность вскрывать поразительную историю взаимоотношений, в корень подрывающую националистические или традиционные построения истории народов Кавказа в более древние и древнейшие эпохи. Лингвистическая палеонтология постепенно дает средства докапываться в абхазской речи до ее первичных слоев. Но этого мало. Предстоит еще более трудная, еще более сложная работа — путем сравнения подлинного первичного пласта абхазской речи с более близкими по родству языками, именно с другими коренными горскими языками Кавказа, с одной стороны, выяснить историю и этого слоя абхазского языка, а с другой, — доискаться до первичных общих форм всех горских языков. Само собой понятно, что вся эта работа должна быть построена на данных сравнительноисторической грамматики горских языков, от отсутствия которой сильно страдает общая сравнительная грамматика яфетических языков. Трудность этой работы не в многочисленности языков и наречий (одних языков Дагестана несколько десятков): наоборот, в этом именно надежное ручательство правильности и прочности примиряющих все факты и их освещающих конечных выводов, которые лягут и уже ложатся в основу всего построения. Трудность состоит в том, что если черкесы или адыгеи еще сохранили с абхазами в речи более близкое сравнительно сродство, оба они, с одной стороны, и горские языки восточного Кавказа, с другой, значительно разошлись. Лингвистически сейчас уже устанавливается, что названные народы и племена занимали непрерывно всю горную полосу от Черного моря до Каспийского, распространяясь на юг и север от хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ироны-арийцы, но и грузины-яфетиды в этой полосе новые сравнительно с горцами обитатели. Позднейшие победители ироны, карачайцы, грузины занимали именно главные проходы хребта и прилегающие к ним районы, и тем, сделав брешь в непрерывной ближайшей цепи родственных племен, разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских и лезгинских народов и племен. Правда, в самом

разобщающем лингвистически средостении, в самом, например, сванском народе и горском ныне грузинском племени хевсуров сохранились следы культа, общего с культом разлученных ими восточных и западных кавказских горцев, в частности с культом абхазов, но сейчас в вопросе об языке нам приходится считаться с тем фактом, что обе разобщенные половины, западная и восточная, горцев Кавказа подверглись чужеродным влияниям, каждая особым. Эти сторонние влияния где уже определились, их надо только выделить, но где и не поддаются определению. Очень сложная и ответственная работа. Но есть путь, есть метод; следовательно, достижения обеспечены. Надо бесстрашно итти вперед по пути. Как не раз приходилось мне утверждать, кавказоведению открыты перспективы колоссальных культурно-исторических работ. Многоязычность Кавказа, именно то, что для жизни было, быть может, одним из главных тормозов развития общекавказской культуры и его закрепления и устойчивости, без страха возврата к одичанию, теперь призвано послужить опорою для научного рычага, имеющего поднять непосильное иначе и наиболее утонченной и наиболее искушенной европейской научной мысли бремя разрешения неразрешимых, казалось, проблем по мировой истории древнейшего культурного человечества.

Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры [1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий доклад был прочитан 9 июня текущего года на публичном ученом собрании Российской Академии Истории Материальной Культуры, учрежденной в Петрограде в 1919 г. взамен упраздненной Археологической Комиссии. Естественно, потому оставлена в неприкосновенности и заключительная часть, имевшая специальное, казалось бы, преходящее значение в момент организации работ учено-исследовательского учреждения, председателем которого я имел честь состоять до выезда заграницу. Несмотря на несомненное отношение излагаемых в ней мыслей к археологии, и этнологической и культурно-исторической, работа в целом, построенная на результатах лингвистических изысканий, на данных коренных языков Кавказского края, органически связана с руководившимися мною предприятиями Российской Академии Наук по кавказоведению и просилась в один из выпусков издаваемых ею «Материалов по яфетическому языкознанию», на что и было испрошено одобрение Академии Наук. В сложных условиях выезда, со спешностью в настоящем и неизвестностью в предстоявшем, мне не удалось захватить с собой материалы, которые дали бы возможность придать изданию требуемую внешность выпуска названной серии. Надеюсь на снисходительное к этому невольному недочету отношение как Академии Наук, так и заведующего ее издательством непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга.

О недочетах доклада по существу говорить не приходится. Обнародование работы такого характера, как настоящий доклад, или не происходит вовсе, или осуществляется с заведомыми и для автора дефектами. Больше приходится сожалеть, что не печатались раньше работы обобщающего характера по яфетическому языкознанию. Еще больше приходится сожалеть, с точки зрения интересов правильного восприятия наших положений, о том, что читателю, вероятно, вовсе неизвестны мелкие работы по яфетидологии, особенно по явлениям гибридного типа, и не скоро попадет в его руки ряд последних заметок автора, имеющих прямое отношение к теме, как, напр., статья об яфетическом происхождении этнических терминов «этруск», «расен» «пеласг» и т. п.[2] Делу правильного усвоения помогли бы его же заметки по клинописным не определенным языкам, равно материалы, сообщаемые попутно даже в столь далеком от протоисторических исканий этюде, как «Русское слово «сало» в древнеармянском описании хазарского пира VII века».[3] Работа эта предполагалась к изданию рядом с на-

[1] [Доклад, прочитанный на публичном собрании Российской Академии Истории Материальной Культуры 9 июня 1920 г. Напечатан отдельной брошюрой в серии изданий Академии Наук «Материалы по яфетическому языкознанию», XI, в Лейпциге в 1920 г.]

[2] [Имеется в виду статья «К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги» (ЗВО, т. XXV, стр. 301—336).]

[3] [По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. (к вопросу о древнерусско-кавказских отношениях). См. Тексты и разыскания по кавказской филологии, т. I, стр. 66—125.]

стоящим докладом, но затруднения, встреченные автором при въезде в западную Европу, и связанные с ними тяжелые переживания вынудили его выбросить за борт попутно предполагавшиеся научные предприятия. Был момент, когда, казалось, исчезает возможность исполнить основные его научные задачи, ознакомление с этрусскими древностями и особенно надписями на их родине и непосредственное наблюдение живой басской речи. Автора, как ученого, напавшего наконец на реальный путь определения этрусского языка и стремившегося к объекту своего исследования в природной его среде, глубоко потрясло, что на его горячие мольбы разрешить въезд для этрускологических работ во Флоренцию не нашлось никакого отклика у власть имущих представителей народа, так дорожащего своей исторической культурой, вышедшей, по выражению одного из славных его ученых сынов, из «этрусской колыбели».

Тем более приходится автору ценить дружескую поддержку с различных сторон, давшую ему возможность спокойно вести научные работы, в европейских странах имеющие виды на внимание, повидимому, разве в будущем, но, надеюсь, понятные и сейчас в своем значении для материального тыла яфетического культурного мира, для Кавказа, особенно для высшей школы в Грузии, для университета в Тифлисе. Приношу глубокую благодарность представителю Грузинской республики, родного мне края, д-ру В. Ахметели за оказанное содействие по устранению всяких препон на моем мирном научно-исследовательском пути. Сугубо приятно отметить совпадение моего приезда в гостеприимный Лейпциг с пребыванием в нем известного германиста проф. Ф. А. Брауна: физическая встреча с дорогим коллегой на чужбине открыла духовную встречу с ним на почве наших научных изысканий, общих теоретических проблем в фактически различных областях, казалось бы, материально не имеющих ничего общего друг с другом. Одновременно не могу не выразить признательности фирме Spamersche Buchdruckerei за готовность и уменье в непривычно короткое для меня время дать появиться в свет настоящей работе. При всех недостатках она, думаю, способна дать хоть частично представление о тех общих перспективах, с какими связана в частности предстоящая работа над мертвым этрусским и живым басским языками, оказавшимися родными членами яфетической лингвистической семьи и имеющими восполнить пробелы, существующие в картине ее сравнительного изучения. Что работа по так широко развертывающейся яфетидологии в дальнейшем требует организованного сотрудничества многих специалистов, притом рассеянных по различным странам, это не подлежит ни малейшему сомнению. В этом смысле заключительная часть доклада, обращенная к Российской Академии Истории Материальной Культуры, по существу продолжает сохранять свое значение, но вопрос, где сложатся условия для образования первой рабочей ячейки такой международной научно-исследовательской организации.

Об одном необходимо быть предупрежденным. Достигнутым в кавказоведении положением дела уже осужден допускаемый западноевропейскими учеными обычный способ использования данных из кавказских языков, поскольку речь идет об языках Кавказа яфетических чистого или мешаного типа. Эти языки уже освещаются внутренним светом сравнительной их грамматики. При сравни-

тельно грамматическом знании яфетических языков не было бы повода увлекаться индоевропеизмом так называемого хеттского языка Арзавских писем из-за созвучий в окончании «вин.» падежа -an (resp. a[1]), местоименных аффиксах -mi и т. п.: общеяфетический характер объективного падежа (вин. + дат.) «а» с согласным показателем n для определенной ветви давно установленный факт в элементарной части сравнительной грамматики яфетических языков, а форма mi присуща яфетическим языкам, напр., грузинскому, в качестве местоименного префикса именно род. падежа, функционально получающего и значение дательного. Знай последнее обстоятельство проф. Delitzsch, он, быть может, не счел бы нужным свое совершенно основательное недоверие индоевропеизму названного языка ослаблять оговоркой «trotz der bestechenden Wörter für «mein» и т. д.[2] Особенно достается армянскому языку, которым все-таки больше занимались в Германии. Исследователи не учитывают вовсе чрезвычайно поучительной методологически двурасовой гибридности языков Армении (кстати, их, совершенно различных по типу, два), им она и неизвестна, и в доказательство индоевропеизма из того или другого армянского языка они приводят часто, бывает по случайности и удачно, материал, принадлежащий именно не индоевропейскому, а яфетическому их слою. Существующие работы по этрусскому, да и по неопределенным языкам клинописным и неклинописным, мертвым и живым, кишмя кишат такими несуразностями, когда авторы опираются на армянские языковые материалы. Я уже не говорю о таких с ветра берущихся анализах, как когда в составе Πελασγοί по созвучию предлагается признать арм. azg *народ*,[3] слово, кстати, также яфетического происхождения. Когда речь заходит о греческом языке, равно латинском, вопрос уже о совершенно особом исследовательском подходе, не дающемся и действительному армянисту и хотя бы грузиноведу, если он не располагает яфетидологическим теоретическим знанием о взаимоотношениях языков. Конечно, можно только приветствовать, что наконец истые ученые с вероятностью улавливают, как заимствования в греческом и латинском, одну-другую группу культурных терминов[4] или доходят до указания на какой-то один неведомый материально язык Малой Азии, как на источник целого ряда заимствованных слов.[5] Но перед нами уже иная проблема — о массовом в своей родной среде насыщении обоих классических языков тем же «неиндоевропейским» добром, как их конструктивной частью: оно, предполагается, в них лежит морфологически зиждительно, психологически творя по наследию и усвоению от скрещенных с греками и римлянами обитателей Средизем-

[1] A. Torp в «Die zwei Arzawa-Briefe. Die älteste Urkunde indogermanischer Sprache» von J. A. Knudtzon mit Anmerkungen von Sophus Bugge und Alf Torp, стр. 123.

[2] Sumerisch-akkadisch-hettitische Vokabularfragmente, aus d. Abh. d. Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaften, 1914, phil.-hist. Kl., № 3, Einzelausgabe, стр. 41.

[3] Die zwei Arzawa-Briefe, стр. 77.

[4] Meillet, De quelques emprunts probables en grec et en latin (Mém. de la Soc. de Linguistique, XV (1908), стр. 161—164; A. Cuny, Les mots du fonds préhellénique en grec, latin et sémitique occidental (Rev. des Ét. Anc., XII, 1910, стр. 154—164), его же L'hypothèse préhellénique et le gr. βασιλεύς, hébr. ba al, etc. (ц. ж., XIV, 1912, стр. 262—266); особенно ценна фонетическая часть последней работы, которой автор, не гадая об этом, льет воду на мельницу яфетидологии.

[5] Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, I (1909), стр. 627.

номорья одной семьи, но различных языков, спаянной неразрывными узами речи с народами той же семьи в Передней Азии.

Дело не в выражении мысли, намеченной еще в 1853 году, что eine besondere weder indogermanische noch semitische Rasse grosse Gebiete von Vorder- und Kleinasien, Kreta, die Inseln des Ägäischen Meeres und auch das Festland von Griechenland bevölkert habe und in Europa in den oben schon genannten Völkern fortsetze.[1] Этого мало по существу, а главное, дело не в высказывании общего положения, а в способе его реальной формулировки, вскрывающей одновременно указание на место и пути добычи порождающих его материалов, конкретно выявляющей научный подход к вопросу. Иначе — опять тот же Сизифов труд по прорубанию ворот в непроницаемой скале к разрешению загадки, напр. об этрусском, подходом от мертвых письменных языков, то же невнимание к живым языкам, менее всего внимания к языкам Кавказа. Этим вовсе не утверждаем, что ex Oriente lux. Свет технически остается в Европе, он — европейский, но и для научного света необходимо сырье, нужны научно добытые и самоосвещающиеся материалы, основные залежи которых на Кавказе, нужна опять-таки организация для непрерывной планомерной их добычи в масштабе разрастающихся яфетидологических и предъявляемых смежными областями знания к яфетидологии вопросов.

Лейпциг, 10 ноября 1920 г.

I

Настоящий доклад — продолжение; я в нем продолжаю вслух, публично, обращаясь к вам, членам и работникам молодой академии, работу свою по дальнейшему посильному развитию яфетидологии, учения о не признававшейся до последнего момента в науке, но существовавшей и существующей в природе семье яфетических народов, яфетических языков. Вам уже известно, что яфетические языки — это языки коренного населения Кавказа. Единственное гнездо яфетических языков было и есть, казалось, Кавказ, как то все знаем и как то знает история или, отныне вернее будет сказать, как в этом глубоко ошибалась вместе со всеми нами и эта наилучше осведомленная в прошлом наука. Яфетические языки ныне намечаются и среднеземноморские, а с ними мы уже в историческом или протоисторическом очаге европейской культуры не по греческим мифологическим рассказам и библейским преданиям евреев, направляющим нас за протоисториею на Кавказ, а по памятникам материальной культуры, вскрытым раскопками XIX века.

То, что вскрыли раскопки XIX—XX веков по вопросу — сказочно. Греческие мифы и легендарные сказания, как и библейские предания о Кавказе, сами по себе уже формально сказки. А что говорит сам Кавказ? Или ничего, или

[1] A. Kannengiesser, Ist das Etruskische eine hettitische Sprache. Programm des Gymnasiums zu Gelsenkirchen, 1908, стр. 4.

тоже, моими устами, сказку. Вот эту сказку, трудно сказуемую сказку жизни, начальную ее страницу, я решил изложить в настоящем собрании; но для меня эта сказка — действительность: без нее, без этой сказки, мы в разрыве с творческими материалами, вне которых один призрак, а не действительность научной работы.

Итак, я продолжаю в сегодняшнем докладе посильное развитие учения об яфетических языках, того учения, с возникновением и обоснованием которого получилась наконец возможность и для ученых действительно видеть то, что существовало в природе, но не замечалось. Человек замечает и видит то, что он знает, а ученые тоже люди.

По современным понятиям, семей языков не три, четыре или пять, а значительно бо̀льшее число. Сравнительно в последний час определившаяся семья, яфетическая, в порядке известности ученым не могла бы притязать на звание «третьей». Если, с другой стороны, говорить об этнических элементах по дате участия в творчестве средиземноморской культуры, то определение «третий» было бы уместно присвоить индоевропейцам, следовавшим за язычно-культурно объединяемыми сродными семитами и хамитами, яфетиды же могли бы притязать на звание первого этнического элемента. И все-таки третьими пока именуем их по дате выявления археологической наукой третьего племенного элемента в составе творцов средиземноморской и связанной с ней переднеазиатской культуры.

При подходе к той же большой проблеме со стороны моих специальных знаний, языковедных, именно, данных яфетического языкознания, естественно, предполагается, я суммирую существующие в печати яфетидологические достижения. В освещении их, можно ожидать, опираясь на прежние мои общие положения о месте яфетического племени среди других рас, я буду искать его признания в качестве третьего элемента в составе творческого племенного населения по побережьям Средиземного моря. Для ученого в моем возрасте и положении, ведь, в порядке вещей, сугубо надлежит твердо отстаивать то и неизменно держаться того, что он давно открыл или усвоил и что он защищал и укреплял десятки лет. В этом смысле мой сегодняшний доклад может вызвать разочарование. Если бы я разделял точку зрения незыблемости раз установленных, когда-то совершенно правильных, научных достижений, то это было бы убийственным ударом по всему моему научному прошлому. Я вынужден сам изменить всю основу, если не выбросить, то перевернуть и переместить тот фундамент, на котором, заложенном усилиями моих слабых рук да усилиями немногих моих учеников-работников и временных, случайно набегавших сотрудников, эволюционно возводились ряд за рядом — кладки, слой за слоем — стены нового здания — яфетического языкознания. В этом смысле сегодня если я не вынимаю из всей моей тридцатилетней научной работы душу, то разрушаю все ею одухотворенное, архитектурно сотворенное, опрокидываю все построение, как оказывающееся несостоятельным, неадэкватным полноте знания ставших впоследствии известными яфетидологических материалов. Это тем более может смутить, что первая моя работа, определенно излагающая основы этого построения, появилась всего двенадцать лет

тому назад. В 1908 году была напечатана работа «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими».[1] Однако общие положения теории о родстве грузинского, как одного из яфетических языков, с семитическими, были известны, обнародованы мною еще в 1888 году на грузинском языке в тифлисской газете.[2] Как студент, тогда я не мог рассчитывать на помещение сделанного моего наблюдения ни в каком ином органе в пределах обширнейшей в мире империи. За ее пределами еще менее можно было рассчитывать на гостеприимство для новой мысли о коренных языках Кавказа, так как никогда к ним в западной Европе не было проявлено серьезного непосредственного интереса, а кто ими интересовался, даже и профессиональные ученые, в кавказоведении были только дилетантами, худшим видом сотрудников во всяком серьезно поставленном научном искании, опаснейшими союзниками. Более того, в России в alma mater я на десять лет был отброшен от возможности открыто заниматься своей теорией, даже грузинским языком, с большим трудом допущенный к преподаванию армянского, который, к тому же, я был тогда очень далек чтобы знать в мере грузинского, хотя диплом имел превосходный. Понадобилось 20 лет непрерывной, с тяжелыми душевными переживаниями, работы, случайно упрочившей мое положение, как ученого по специальностям, или не захватывавшим меня, или тем более отвлекавшим меня от основной моей работы, чем глубже они захватывали, чтобы получить возможность напечатать плод давнишних изысканий в виде предварительного сообщения и основных таблиц к грамматике древнегрузинского языка. Таблицы, как и вся работа, были построены целиком на основе первых еще студенческих наблюдений и из них вытекавших общих положений о родстве яфетических языков с семитическими. Понятно, если теория, возникшая в такой изолированности, с первых же шагов должна была ждать поправок. Надо было искать этих поправок от изысканий в трех направлениях, от работ трех категорий: 1) углубления теоретической основы яфетического языкознания, именно, родства яфетических языков с семитическими, 2) подготовки учеников, вообще работников, свободных от царивших односторонних общепринятых лингвистических воззрений, разделявшихся и мною, — работников молодых, более смелых, более независимых мыслителей и 3) регистрации чисто яфетических языковедных фактов на пространстве кавказского яфетического мира.

Углубление теории о родстве яфетических языков с семитическими всецело зависело от объединения в работе с яфетидологами семитологов, от участия семитологов в яфетидологических изысканиях. Оно не последовало. Подготовка молодых работников тормозилась составом притекавших в аудиторию аспирантов, всегда имевших свои или национальные задачи, это у кавказцев, или не этнокультурные, а историко-культурные интересы. Немногие, единичные исключения всегда малочисленной аудитории растворялись в трудах по удовлетворению разнообразных специальных потребностей тем временем разраставшегося и ослож-

[1] [См. здесь стр. 23—28.]
[2] [См. здесь стр. 14—15.]

нявшегося кавказоведения. На долю яфетического языкознания, требовавшего к тому же особо сложных знаний и особо утонченной теоретической подготовки, не оставалось от молодых сил ничего, или почти ничего, сравнительно с необъятностью, если не росших материально, то открывавшихся перед нами теоретически не по дням, а по часам, его задач. Источником этого роста, нарастания новых задач и, особенно, их чрезвычайного осложнения оказалась работа третьей категории — это регистрация яфетидологических данных, наблюдение и фиксирование языковедных фактов из различных эпох, пережитых исторической жизнью отдельных районов Кавказа, на пространстве в пределах территории Кавказа, а затем и за ее пределами.

Эта регистрация получила возможность быть нормально поставленной только в условиях работы Академии Наук, в члены которой я имел честь быть избранным адъюнктом в 1909 году. Без соответственной организации, как семя, попавшее на каменистую почву, каждая живая мысль, как бы она ни была верна или плодотворна, обречена на бесплодие, на гибель. Уже в 1910 году была возможность начать в изданиях Академии Наук серию «Материалы по яфетическому языкознанию», начать с труда регистрационного по существу характера провинциального работника, без всякого формального научного ценза.[1] Но лишь в 1911 году я имел решимость публично говорить об яфетической теории в академической речи «Кавказ и памятники духовной культуры»,[2] и здесь уже намечался уклон интереса в сторону освещения этой теорией внутреннего мира кавказских яфетидов, в сторону постановки на очередь внутренней яфетидологической работы, без отношения к семитическому миру. Но и тогда, и даже четыре года спустя, в работе, предназначенной для более широкого круга читателей, я еще стеснялся громко говорить о том, что я знал, пользоваться термином «яфетический» и лекцию «Яфетический культурный мир и Армения», перед выступлением с нею публично (1914—1915), а затем при сдаче в печать (1915), я был вынужден переименовать, по совету моих друзей и к глубокому моему огорчению, в «Кавказский культурный мир и Армения».[3] В то же время начавшееся уже раньше, в связи с академическими предприятиями, накопление яфетидологически наблюденных и научно описанных и регистрированных фактов делало свое дело: сами эти материалы несли с собою свое теоретическое освещение, и попутное зафиксирование, в свою очередь, этих частных или отдельных освещений фактического материала стало, независимо от воли автора, подводить мину под первое общее построение, обнародованное в 1908 году. Восемь лет спустя, следовательно, в 1916 году, в результате первых столкновений с живыми бесписьменными языками Кавказа я вынужден был решиться, наконец, пойти на разрыв с прошлым своим научным подходом, когда я исходил в своих изысканиях от мертвых письменных языков; и разрыву этому, весьма опасному для моей научной репутации, я тем более смело мог дать выражение в публич-

[1] [Илья Чкония, Грузинский глоссарий (Матер. по яфет. языкознанию, I, СПб., 1910).]
[2] [Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 69—82. Отдельной книжкой «Кавказ и памятники его духовной культуры» эта речь появилась в издании Армянского института в Москве, Птгр., 1919).]
[3] [ЖМНП, 1915, № 3.]

ной лекции «Кавказоведение и абхазский язык»,[1] что слушателем ее был не ученый мир, а сухумская публика, с немногими благожелательно к теме настроенными абхазами в ее среде. Тогда уже пришлось братское родство яфетических языков с семитическими, как то выявлялось в 1903 году, заменить не точно определенным «кровным» родством яфетических языков с семитической семьею языков; в разъяснение положения, «что семитические языки с яфетическими и хамитическими составляют лишь три ветви одной общей семьи языков», мне пришлось делать следующую оговорку: «Может быть, это так и окажется со временем, но в настоящее время так разросся состав яфетических языков, что приходится их делить на две большие ветви и объединить их в одну самостоятельную семью— яфетическую». Две большие ветви, определившиеся тогда в составе яфетической семьи, были отвлеченно-теоретически воспринимаемы и отвлеченно-теоретически названы лингвистическими терминами, одна — сибилянтной, другая — спирантной, по соответствию свистящих с шипящими звуков одной ветви придыхательным звукам другой ветви. Вскоре наметилась необходимость таким же путем выделить из состава спирантной или придыхательной ветви отвлеченно-теоретически самостоятельную ветвь — сонорную (из носовых и губных с плавными), т. е. признать одну яфетическую семью сложившеюся из трех ветвей, и мы сейчас находимся в процессе работы над формулировкой этого выделения; но еще больше пришлось уделить внимания, отвлекшись от отвлеченно-теоретического восприятия речи, учету реальных, в самой жизни сложившихся, взаимоотношений яфетических языков, повести аналитическую работу над материально существующими типами, всегда скрещенными, яфетических языков. Сосредоточение внимания на яфетических языках и носителях их типологических свойств, хотя бы по скрещению с ними, на гибридных языках, яфетическо-индоевропейских, уточнило яфетидологические методы, углубило яфетидологические перспективы и открыло этно-культурные слои истории Кавказа, совершенно опрокинувшие наши общепринятые представления об исторических народах Кавказа, о казавшейся судьбе одних и тех же племен быть непрерывно носителями кавказской культуры. Яфетидологические перспективы установили в этой роли смену различных племен, прикрытых единством по наследству получаемого этнического названия.[2] Они же опрокинули наши общепринятые представления о влиянии внешних культурно-исторических факторов на жизнь Кавказа, вскрыв во всем первичное господство яфетических норм и большой диапазон их воздействия, значительный радиус круга или объема их обратного влияния на прилежащие страны. В частности, пришлось отказаться от положения об очевидном иранском влиянии Персии на Кавказ в предполагавшихся раньше размерах. Вслед за учеными: М. М. Ковалевским по обычному праву Кавказа, К. А. Иностранцевым, привлекавшим кавказские бытовые религиозные верования, и примыкавшим к ним историком И. А. Джаваховым, учеником моим, нашедшим во мне в этом отно-

[1] [См. здесь, стр. 59—78].

[2] В первый момент я невольно ограничивал смены культуроносных народов Кавказа кругом племен определенной нации, как это можно видеть по брошюре публицистического характера «История Грузии (культурно-исторический набросок)». СПб. 1906.

шении полную поддержку, и я успел иранистическим разъяснением грузинского пантеона, установлением иранского происхождения названий языческих богов Грузии, казалось, доказать полную историческую несостоятельность начальной «сказочной» части грузинских летописных сведений о родной грузинской этнической религии. Это представлялось параллелью того, как петроградский ученый арменист К. П. Патканов, опираясь на данные европейской ученой литературы об иранских богах и иранских мифах, отрицал какое бы то ни было значение армянских народных преданий, сохраненных историком Хоренским, попутно опровергая все построение московского армениста Н. О. Эмина, между тем Эмин лишь восстанавливал армянский эпос на основании тех же сказочного характера народных преданий у армянского национального историка Хоренского, т. е. на основании фольклора древней Армении. Научный аппарат, вся научная техника была на нашей стороне, на стороне тех, кто утверждал положение об иранском происхождении явлений социального порядка в жизни народов Кавказа, об иранской основе их верований и эпических сказаний, равно всей соответственной терминологии. Но при углублении наших знаний яфетического этнического мира, этой племенной основы и подосновы населения Кавказа, иранизм оказался или миражом, или результатом позднейшей адаптации местных или вообще переднеазиатских исконных яфетических этно-культурных явлений и форм под цвет или масть позднейших иранских культурно-исторических наслоений. В связи с этим, как то и заявляю в работе, предназначенной уже второй год к напечатанию в Известиях Академической комиссии по изучению племенного состава населения России,[1] и в культурно-исторических вопросах я поставлен был в необходимость не только разойтись с собой в толковании ряда грузинских терминов, но совершенно отказаться от такой, нашедшей общее признание кавказоведов, работы, как «Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам», с иранистическим их разъяснением.[2] Источником такого переворота в научном мышлении явилось опять-таки накопление новых фактов, более экстенсивная и интенсивная регистрация яфетидологических явлений. Этот источник, пока главным образом, если не исключительно, языковедный, вскрыл сначала элементы, а затем целые пласты обратного влияния в языках народов, не только соседящих, но значительно отдаленных от Кавказа. Тот же источник вскрыл иное соотношение в родстве яфетических языков с семитическими, чем то устанавливалось в первом печатном изложении яфетической теории. Тот же источник, — что самое важное, — сделал необходимым пересмотр, пока печатно даже не заявленный, классификации самих яфетических языков. В результате намечается совершенно новая картина взаимоотношений яфетидов не только с иранцами Персии и за пределами Персии, а также единоприродными по языку семитами, но, что

[1] [См. Кавказские племенные названия и их местные параллел Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России, № 5].

[2] Факты, вынудившие отказаться от прежней точки зрения, отчасти выступают в готовой для печати работе по Комиссии изучения племенного состава касательно отложения племенных названий в географической номенклатуре Кавказа [см. Н. Я. Марр, Кавказские племенные названия и местные параллели. Труды КИПС'а, № 5, Петр., 1922].

к сегодняшнему докладу имеет прямое отношение, и с народами, расположенными в пределах возникновения и развития средиземноморской культуры. Опереть эту картину во всех частях на специальные исследования или в какой-либо части на исчерпывающие вопрос труды, нет пока возможности по обстоятельствам, мною откровенно изложенным.

Открывающиеся перспективы, пусть пока лишь проблемы, пусть для непосвященных в самые материалы — сказки, мой долг не таить, хоть и с риском для моей ученой репутации: может быть, сказки нашего времени не менее полезны, чем сказочные предания древних, для освежения воздуха и правильной постановки конкретных работ, когда нас начинает объединять в научном интересе средиземноморский мир с его привходящими частями, этот исторический очаг не европейской лишь, а единой мировой культуры.

Как ни древен старый мир, как ни проникнуты и сами члены этого старого европейского мира потребностью жить молодостью и творить, естественным стремлением обновить себя, т. е., если не свою природу, то, во всяком случае, свое традиционное понимание мировой общественности, но переместить очаг возникновения европейской культуры, мировой, в далекие страны до сих пор не удавалось и как будто никогда и не удастся. Востоковедам бесспорно принадлежит пальма первенства не только в расширении мирового культурно-исторического кругозора, но и в открытии новых, казалось бы, экзотических центров мировой культуры; однако более углубленное, более конкретное изучение колыбели особого культурного мира постепенно вскрывало, что все казавшееся экзотическим в мире человеческих существ, как и в животном мире, как и в физическом, выявлялось как часть общего движения, имеющая неразрывные связи со старым мировым культуротворчеством Европы. Кто ныне будет отстаивать, что ассиро-вавилонское культурное строительство есть особый культурный мир, а не хронологический этап все того же единого мирового культурно-исторического творчества, получившего прочную оседлость в Европе не со дней, понятно, греков и римлян, а с эпох, когда этих в свое время великих, ныне исторических творцов мировой культуры не было еще в природе? Даже в отношении первоначального населения Америки ученые, притом весьма трезво смотрящие на вещи и особенно в корни вещей, не считаются уже в своих изысканиях с изначальной отрезанностью этой страны, как в какой-либо мере с непререкаемым фактом. Положения вещей не меняет, что эпигоны европейского населения вновь открыли миру эту страну лишь в конце XV в., впрочем, фактически значительно раньше, насколько это открытие связано не с одними легендарно воспринимаемыми деяниями Христофора Колумба. Конечно, в отношении Китая, вообще так называемого Дальнего Востока, у нас господствует и сегодня взгляд, точно это район с особым также изначальным центром независимого культуротворчества, точно от западного культурного мира он в своем зарождении и развитии отделен непроницаемыми стенами, но еще вопрос, природны ли эти китайские стены в культурном строительстве человечества, или они искусственное сооружение, возведенное нами, нашими общественными взглядами и, в зависимости от них, научно-теоретическими знаниями.

Как обстоит дело с достижениями исторической культуры Африки, этого вопроса следовало бы коснуться особо. Речь идет не об Египте и прилежащих районах, а о части Африки, казалось бы, вовсе отрезанной от европейского культурного мира, о более южном и крайне западном районе, о Конго и об Атлантиде. Если не останавливаться сейчас на известных, отмеченных печатью седой современности сказках, носящих в себе зерна действительности, и совершенно отвлечься от современных уже нам фантастических ученых измышлений, памятники исторической материальной культуры говорят о новых сказочных вещах устами уже не яфетидолога-лингвиста, а специалиста по вещам: они, эти вещи, сами по себе говорят не только о связи указанного района вообще с историческим средиземноморским очагом культуры, но именно с культурной работой того третьего этнического элемента, которому мы со своей стороны посвящаем сегодняшний доклад, как предмету нашей лингвистической специальности. Но в отношении Африки особое положение создается, когда дело касается доисторической, так называемой первобытной, этно-культурной жизни. Здесь сразу не призрак, а действительность цветных народов, именно, черноцветного племени, как будто ставит перед нами преграду в вопросе об единстве происхождения человеческой речи. Однако и это зависит лишь от наших общественных представлений, а не вызывается доводами об обследованности материальных данных, которыми определяется возникновение соответственного вида. Наша общественность, не русская лишь, но вообще современная, и связанные с ней атавистические представления в корне подрывают всякий реальный интерес к возможности вскрытия родства, генетического родства чернокожих с нашей психикой, с нашей речью. Даже известный английский этнолог Keane, допуская возникновение различных видов человеческого рода от скрещения, готов был согласиться, да и соглашался с тем, что языки могут быть рассматриваемы как различные виды (или типы), хотя и подверженные изменчивости, но «абсолютно независимые друг от друга, неспособные к скрещению для производства новых видов».[1] Будущего и настоящего мы не касаемся. Процесс этногонии первичного типа, натурального, человечеством как будто пережит. Но кто смотрит так, как Keane, на пройденные этапы человеческой речи, тот стоит, позволяю себе утверждать, в явном противоречии с бесспорными фактами, вскрытыми яфетическим языкознанием. Существующие типы языков есть создания не первотворчества, даже не перевоплощения или самостоятельные видоизменения прототипных задатков речи, а воплощение плодов творческой работы человечества на каждом отдельном этапе его развития, на котором скрещение играло исключительно важную роль. Первичный аморфный синтетический строй языка, присущий ныне так называемым моносиллабическим языкам, напр. китайскому, второй, агглутинативный строй, отличающий, напр., турецкий язык, и третий, флективный строй, с каким является, напр., русский, это не три параллельных, а три хронологически последующих друг за другом типа. При творческой живучести еще флективного типа два предшествующих являются пережиточными

[1] Keane, Asia, стр. 697—698.

от ранних эпох глоттогонии, эпохи творчества языковых видов, реликтовыми видами. Творчество по созданию языковых видов не прекращалось с возникновением первого типа речи, в жизни его самого возникали материальные данные и ими вызывавшиеся стимулы к новотворчеству, нарождавшие новые виды прежде всего от скрещения и метисации. Человечество и в отношении речи не есть лишь пассивное создание вне его пребывающей предвечной воли, оно само себе творец: мы себя творим. Не только наша судьба, но и наш облик, наша психика, наша речь есть создание самого человечества, как наше настоящее есть наше создание. И отпавшие от процесса новотворчества в формах, от так называемого усовершенствования, реликтовые типы могут говорить не о множественности происхождения речи, а о равнодушии преуспевающего человека, пользовавшегося плодами общечеловеческой творческой работы, к судьбе неуспевших, о равнодушии его к судьбе отброшенных общественностью успевших видов от общей работы.

Сами по себе реликтовые типы отнюдь не были обречены ни на прозябание, ни тем менее — на вымирание. Тому свидетели раннее высокое развитие китайского племени, несмотря на синтетичность его родной речи, равно сильная творческая энергия турецкого племени, несмотря на агглутинативность родной речи. И ныне эти представители реликтовых по глоттогении типов вовсе не внушают мысли о потере ими жизненной энергии.

Вообще и термин «вымирающий» в отношении племени или языка столь же несостоятелен, как и «поглощаемый», поскольку вымирание и поглощение понимаются в смысле бесследного исчезновения одной породы и мистически-отвлеченно представляемого торжества другой. Оба термина понятны лишь как выразители общественности, прогресс человечества видевшей в утверждении своего вида уничтожением другого; но, как показывают факты, выявляемые яфетическим языкознанием, виды, даже виды языков, не погибали так примитивно, языки одни не поглощались другими с той упрощенностью жизненного процесса, какой отличается ясность отвлеченной по вопросу мысли, а материально скрещивались друг с другом, и в этом скрещении уничтожаемые общественностью виды находили свое спасение, часто торжество, претворяя в свою природу, казалось бы, бесследно поглощавшие их языки. Наблюдения яфетидолога таковы, что, если не говорить противоположного его материальным знаниям, он должен утверждать следующее: «Ничто само по себе не подвержено гибели, ничто не погибало, все языки дошли до нас в отложениях в составе наличных современных языков, как типов всегда скрещенных, иногда гибридных, в большинстве же метисованных не двукратно, а многократно. Если же языки до природного их удела — метисации и скрещения, неизбежного по закону прогресса человечества, исчезали, то не как вымирающие по природе (таких языков нет), а как истребляемые человечеством, главным образом культурным человечеством». Истребление так называемых вымирающих видов европейцами совершалось обыкновенно в Азии, особенно в Африке и Америке. Но оно происходило и в Европе по настойчивому требованию просвещеннейших для своего времени классов европейских народов, как то мы видим на усилиях уничтожить

европейский яфетический народ, каковым оказались баски. История басков по источникам европейской истории начинается с VI—VII века по р. Х., и это история их угнетения и уничтожения европейцами. Угнетали иереи, феодалы, цари. В 699 году епископ Пуатье писал Галакторию Фортунату: «Пусть скитающийся vaskon, т. е. баск, трепещет перед твоим оружием и не доверяется поддержке, которую он находит в скалах Пиренея».[1] С 627 по 766 год баски заняли весь край между Гаронной и Эбро: король Пипин отбросил их в Пиренеи. Затем, по словам возмущенного спокойным повествованием подлинных документов французского исследователя басской эмиграции в Америку, «королевские пиратства суверенов опустошили эти обширные плоскогорья Наварры, где чисто басские названия отмечают лишь безлюдные урочища, так как баски вынуждены были покинуть страну с вырубленными лесами (déboisé), ограбленную и разгромленную этими блестящими бандитами (par ces splendides bandits)».[2] Автор этого резкого выпада Lhande, судя по фамилии баск, повидимому, не представлял, что эти «блестящие бандиты» средневековья делали дело, которое не прекращалось и в XIX веке. В просвещенном веке, разумеется, истребление непосредственно плоти заменяется умерщвлением духа, искусственным искоренением речи намечаемой жертвы: это уже к концу XIX века «испанское правительство заинтересовано уничтожить (faire disparaître) известные традиции басков, их привилегии, называемые fuero, и одно из средств, им применяемых, — война, объявленная басской речи; кастильский становится обязательным даже для обучения катехизису».[3] Мы могли бы из районов расселения яфетидов уже на Кавказе поведать как утонченные приемы заглушения живой речи, умерщвления народной психики, так опустошение страны и уничтожение населения, также искавшего спасения в эмиграции; и все это находило поддержку, продолжает находить ее не только в умонастроении «блестящих бандитов», но и в нашем научном восприятии мирового культурного строительства. Выкапывая из-под почвы с ликованием пергаментные или папирусные лоскутки с обрывками мертвых языков и с энтузиазмом работая над созданием музеев для этих драгоценных памятников, мы были свидетелями, в лучшем случае равнодушными, того, как искоренялись целые живые языки и губились и живые творческие силы, и ничем незаменимые источники исключительного культурно-исторического значения.

Теория культурно-исторического миропонимания развивалась шаг за шагом, и первые шаги были скованы предпосылками религиозного миропонимания, всегда в конце концов конфессионального. По природе своей оно вводило в единство происхождения общечеловеческой культуры веру не столько в божественность творческого начала, сколько в избранность воспримлющего его племени.

[1] Fortunat., Miscell., liber X, carm. XXIII. Migne, т. 88, стр. 346, по цитате, у Pierre Lhande'a, L'émigration basque, Histoire — Economie — Psychologie. Préface de Carlos Pellegrini, ancien président de la république Argentine, Париж, 1910, стр. 13.

[2] P. Lhande, ц. с., стр. 13—14.

[3] L. Castailhac, Quelques notes sur les Basques (Revue des Pyrénées. т. V, 1893, стр. 58 сл.) на основании доклада д-ра Guilbeau, из Saint-Jean-de-Luz, на конгрессе Французской Ассоциации в По (Pau).

Культурно-историческая конструкция в общественности, основанной на началах религии, естественно подрывала идею об органически присущем человеческому культуротворчеству единстве происхождения и развития; она на практике укрепляла и углубляла разность происхождения человеческой культуры, а в связи с этим, в нарушение даже своей основной догматической тезы, содействовала развитию теории о разности происхождения народов, о разности их врожденных качеств и способностей и, следовательно, о разной степени их прав в распределении благ, создавшихся общечеловеческой культурой.

Поправка, вносившаяся в это религиозное восприятие мирового культуротворчества европейским гуманизмом, идеалистически основанным на возрождении форм мышления европейского так называемого античного мира, собственно, древнего средневековья, с его общественно освященным рабством, по существу не перерождала старого мировоззрения в нас интересующей области. Она давала лишь новое орудие для более расширенного применения старого понимания мирового культуротворчества.

Революционно, а не эволюционно наметился перелом в развитии культурно-исторического миропонимания благодаря совершенно неожиданному открытию лингвистического родства массы европейских народов с частью народов Средней и Передней Азии. Начало перелома было обосновано на изучении иранских языков и санскрита, на материалах, не бывших раньше в распоряжении ученых Европы и опрокинувших все прежние эволюционно полученные достижения в области изучения языка. Однако открытие застало ученый мир гуманитарной области знаний врасплох, неподготовленным; общественность пореволюционная, с ее романтическими переживаниями и реставрационными вожделениями, не давала условий для углубленного и в то же время расширенного использования лингвистического метода, к тому же не созданного органически в самой лингвистической науке, а полученного извне: лингвистика использовала заимствованные из естественных наук приемы. В этой неблагоприятной для нормального роста среде сложилась и развилась индоевропеистическая лингвистика с ее сравнительной грамматикой индоевропейских языков. Эта наука в области проблемы, нас интересующей, естественно, усвоила миросозерцание религиозно построенной общественности, религиозного восприятия мирового культуротворчества; она не вернулась к ней, а углубилась в нее, так как не успела выйти из нее. Индоевропеистическая лингвистика лишь заменила на религиозных основаниях возникавшие деления человеческих объединений лингвистическими, выделила индоевропейский круг языков и отдалась исключительному углублению сепаратного изучения индоевропейских народов и лишь тому, что имело очевидную, с точки зрения подготовки ее работников, связь с ними. Она перенесла на них, на индоевропейские народы, на индоевропейскую расу, взгляд конфессиональной теологии на избранное племя, своими разновидностями наполнявшее главным образом европейский мир. В 70—80-х годах индоевропеистическая лингвистика достигла зенита своего творческого периода и вскоре стала подводить итоги, составлять катехизисы с догматическим изложением завершенного, казалось, здания — учения об языке. Случайно ли в 70—80-х годах? И, наоборот, не сказалось ли

на существе таких катехизисов, что вся эта работа по подведению итогов совпала с эпохой после 70—80-х годов, и главная их масса была плодом общественности Германии?

Факт то, что эта лингвистика, как этнологическая наука, ищущая происхождения речи и ее видов, иссякла и замерла; она, возникшая на естественно-историческом сравнительном приеме, отошла от работы над более расширенным использованием методов естественных наук и углубилась в недра отдельных культурно-исторических миров.

Техническое развитие приемов и средств исследования языков, если не всецело, то в подавляющей значительности, принадлежит именно индоевропеистической лингвистике; за ней громадные исторические заслуги по важнейшей культурной работе — научной охране памятников человеческой речи и их старо-музейного типа классификации, точно так же, как у представителей папской власти неисчислимые исторические заслуги по культурной работе в отношении наследия древней европейской цивилизации; но можно ли провести знак равенства между творческими силами на дальнейших посредневековых этапах развития европейской культуры и творческой деятельностью пап?

Несмотря на громадные успехи в своей области, вообще по изучению человеческой речи, бесспорно, общие достижения индоевропеистической лингвистики, ее вклад в экстенсивное изучение языков оказался весьма ограниченным, а в занимающей нас проблеме, проблеме о процессе развития мировой культуры лингвистический индоевропеизм оказался роковым орудием, мертвящим тормозом. Известные слова, произнесенные французским археологом Reinach'ом, может быть, слишком сильно сказаны, — он назвал индоевропейскую теорию для археологической науки бедствием, — но едва ли эти слова уравновешивают подавлявшую силу сопротивления, которую оказывало завладевшее полновластно всеми университетскими кафедрами и академическими креслами по общей теории языка индоевропеистическое языкознание проявлению самостоятельных изысканий, независимых от индоевропеистической догмы, хотя бы в кругах языков, самими индоевропеистами-языковедами отнюдь не изучавшимися.[1]

Дело в том, что в материализованных отложениях культуры древнего человека и в черте расселения индоевропейцев, стали всплывать памятники, требовавшие определения их хозяев-творцов, иных, чем семиты (с хамитами) и индоевропейцы. Приемы археологического, равно историко-художественного и этнологического в бытовом, духовном и вещественном разрезе подхода одинаково удостоверили присутствие работника-племени, не семитического и не индоевро-

[1] Даже так поздно, как 1899 год, в брошюре Zur heutigen Sachlage der Ethnologie, с широкой постановкой вопроса о привлечении в круг глубокого научного ведения этнографически ценного материала по представителям первобытной культуры, Бастиан жаловался, что 37 существовавших тогда санскритских и индогерманских профессур исключительно посвящали себя филологии, т. е., говоря лингвистически, ставили в главу угла научного изучения человеческой речи мертвые языки. Жизнь, конечно, старалась делать поправки к завещанной постановке дела в школе, и в Индии создавалось руководящее общество по живой этнолого-лингвистической работе в лице Asiatic Society of Bengal, накоплявшего драгоценный материал, также у нас, в Тифлисе, в несколько ином порядке, именно, административно, при Кавказском учебном округе в виде серии «Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа», но это делала жизнь под давлением своих требований, а не школа

пейского, и везде одного и того же племени. Вот откуда название его «третий этнический элемент»: третий элемент в Малой, да и вообще Передней Азии; третий элемент на островах Средиземного моря, равно на полуостровах Балканском и Апеннинском; все тот же третий элемент и на крайнем западе Европы, на Пиренейском полуострове; третий элемент и на юге России, на берегах Понта, продолжающих прибрежья Средиземного моря. Словом, подосновой или прямотаки основой средиземноморской культуры, исторического очага мирового культуротворчества, стал намечаться этот неизвестный третий этнический элемент, это искомое археологами-вещеведами, исследователями исторической материальной культуры, племя; его происхождение лишь затемнялось разъяснениями индоевропеистической лингвистики: теоретическими отвлеченностями своей догмы она притязала на распределение памятников исторической материальной культуры между различными племенами и на присвоение главной творческой роли индоевропейцам, проявив в то же самое время себя бессильной разрешить прямую, ей по специальности выпадавшую, задачу-загадку о происхождении не только эгрусского языка, но и, хотя бы, греческого типа индоевропейской речи.

Только обращением к вещам, к памятникам материальной культуры и независимым их изучением была поставлена на место индоевропеистическая лингвистика, умерены ее притязания. Индоевропеистическая лингвистика, мнившая построить индоевропейский праязык, оказалась просмотревшей или недооценившей иррациональные творческие элементы и в речи, и в культуре средиземноморских народов, выводившейся ею из прародины индоевропейской расы и получавшей разъяснение как наследие расовой природы, как дальнейшее лишь органическое развитие завещанных природных задатков индоевропейской расы. Едва-едва допускалось культурное влияние одной семитической расы (с хамитами), а о третьей еще исторически тогда неведомой расе если и возникала мысль у отдельных самостоятельных мыслителей-работников, она замирала бесплодно. Между тем наука о вещах, история материальной культуры дошла вскоре — весьма давно — до конкретной постановки не терпящего отлагательства вопроса о третьем этническом элементе в мировом культуротворчестве. Его у нас впервые формулировал В. В. Стасов почти полстолетия тому назад в статье, посвященной «одной бронзовой фигурке птицы с человеческой головой и руками, найденной в Ване».[1] «Подобного рода фигурок, служивших ручками бронзовым котлам архаического периода, известно теперь много и из раскопок в древнейших греческих святилищах, и из гробниц Эгрурии, и из Армении; о них создалась на Западе некоторая литература с довольно противоречивыми, конечно, мнениями: одни считали фигурки эти египетскими, другие ассирийскими или вавилонскими, третьи финикийскими». Изложивший такое положение дела безвременно скончавшийся товарищ наш Я. И. Смирнов разрешение мнил найти в нашей теории. Отметив редко кем упоминавшуюся названную статью В. В. Стасова, Я. И. Смирнов писал: «В этой прекрасной для своего времени работе В. В. Стасов пришел к категорическому заключению, что рассматри-

[1] Mélanges Asiatiques, т. IV, 1872, стр. 493—523 (tiré du Bulletin, т. XVI, стр. 526—548).

ваемая им фигурка переднеазиатского происхождения не принадлежит к произведениям ни семитического, ни арийского искусства; он замечал в ней «третий элемент, чуждый и семитическому и арийскому», но не мог тогда «определить, какой национальности элемент этот принадлежит»; в науке того времени не существовало нужного ему слова, и слово это — «яфетический» произнесено в наши дни»...[1]

Почему, однако, яфетидологии, так мало разработанной и еще менее известной, если вообще кому-либо известной, выпала такая великая честь слышать из уст одного из наиболее скептических мыслителей нашего круга бодрящие слова «дерзай и твори»? И здесь дело в естественных условиях, в которых приходилось слагаться яфетическому языкознанию, прежде всего и главнее всего — в характере, в самой природе яфетических языков и их взаимоотношений, а затем, понятно, в той научно-творческой возбуждающей среде и в е жизненно настроенной атмосфере, которые были созданы петроградской школой востоковедения, что является делом не только факультета восточных языков нашего Петроградского университета, но и Академии Наук: залог успеха в естественно-органически возникавшем объединении их востоковедно-лингвистической научно-исследовательской и научно-учебной работы. Следовательно, менее всего тут значения имели сами работники по яфетидологии, если исключить, может быть, их этническое, именно яфетическое племенное происхождение. Это случайное обстоятельство могло осложнить их научный подход к вопросу, их чисто формальные теоретические искания, независимо от их воли и их индивидуальных качеств, природным сродством с обследуемым материалом, внесением, хотя бы инстинктивным, невольным, психологического элемента в исследовательскую работу, в иной момент научного творчества.[2] Вся сила вещей лежит, таким образом, не в индивидуальных данных ученых-яфетидологов, а в природе яфетических языков, в самих исследуемых материалах и, конечно, в особенностях научной среды, наличии востоковедной исследовательской организации, да и то лишь потому, что отнюдь не случайно она соответствовала сложности яфетических материалов, — не случайно, а в зависимости от разнообразия восточного племенного состава населения бывшей русской империи.

Материалы сами по себе определяли теоретический успех яфетидологии, как, другой стороны, эта именно материальная часть осуждала на невольный

[1] ЗВО, т. XXIII, 1916, стр. 410—411.

[2] Однако это психологическое сродство исследователя с объектом изучения не является нисколько решающим моментом в успехе исследовательского дела, и в этом смысле не могу вполне согласиться с H. S. Wells'ом, когда он пишет (The Outline of History, стр. 93—94): «арийская (т. е. индоевропейская или ариоевропейская) семья языков значительно лучше понята, чем какая-либо другая, по той простой причине, что она была более сродна (familiar) и доступна европейской науке. Другие семьи были менее проникновенно (thoroughly) исследованы, так как их не изучали исчерпывающе люди, привычно пользующиеся ими, с мышлением, построенным так, чтобы быть ключом их строя. Даже к семитическим языкам подходим в неблагоприятных условиях, так как мало иудеев, мыслящих по-еврейски». Трудно согласиться в полной мере с автором этого мнения, так как еще не установлен факт (не для меня одного сомнительный), будто индоевропейская семья языков лингвистически значительно лучше понята. Ею, правда, несравненно много занимались, но лингвистический успех и неуспех в исследовании не столько зависит от психологического сродства исследователя с исследуемым материалом, сколько от правильного метода, создаваемого в конце концов природою исследуемого объекта.

неуспех столь усердно и с неослабной энергиею развивавшуюся теоретически область языкознания, как индоевропеистическая лингвистика. Вопрос не в том, что у индоевропеистической лингвистики не было или творчески сильных живых рабочих сил, или рабочей организации, а в том, что материалы сами не выносили специалистов за пределы индоевропейских племенных интересов; наоборот, они, эти материалы, захватывали их в глубь отдельных культурно или политически важных исторических миров, оставляя от их сил немного для документированного на фактах углубления до этнологических основ работы над общими генетическими вопросами хотя бы самого индоевропейского лингвистического мира.

Семитическое языкознание, по материалам самодовлеющее, замкнутое в себе, по культурно-историческому их освещению естественно еще более отвлекалось даже от общесемитического, так как что ни группа, а иногда и подгруппа семитических языков, то особая религиозно выделенная среда, в большинстве религиозно же творческая, создательница мировых религий. Замкнутый в себе чересчур близким, явным и наглядным до очевидности родством составляющих его языков и распадающийся на противоборствующие ярко-религиозные общественности, семитический лингвистический мир не мог содействовать выработке специалистов по чересполосным реальным лингвистическим связям, за пределами семитической расы.[1] Потому до сего дня остаются недоследованными до глубин даже семитическо-хамитические родственные отношения, в основе признанные самими семитологами.

Туркология, научная хозяйка материалов, захватывающих обширнейшие территории, имела соприкосновение с самыми различными типологическими видами человеческой речи, более того — турецкая речь вкрапливалась струями или вливалась массами в кавказскую среду, кое-где образуя и подвиды скрещенного типа. Тем не менее и она, туркология, в лингвистической области знания замыкалась в себе или проявляла интерес лишь к тем реликтовым типам агглютинативного строя, которые представляли собою типологически явное подобие турецких языков, именно, угро-финским. Да и в этом вопросе активность в деле общего интереса принадлежала угро-финноведам, а не туркологам. Проблемой о родстве турецких языков с монгольскими едва ли мы выходим за круг тех же лингвистических интересов к простым видам, к воображаемым примитивам. Была эпоха, довольно длительная, когда с турецкими языками ученые сближали по мнимому типологическому сродству языки Кавказа и объединяли их под одним родовым названием «туранские языки», не имея представления о действительном строе языков коренного населения Кавказа, яфетических языков. В последние годы в одном из «полукавказских» или гибридных яфетических языков именно, в армянском, ряд ученых, с той же подготовкою по кавказским языкам, стал открывать общие черты, особенно слова, искони общие с турецкими, в связи с предполагавшимся турецким вторжением с незапамятных времен в страны архаической переднеазиатской культуры. Во всяком случае, турец-

[1] [По этому поводу см. также «Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими». Здесь, стр. 23—38].

кий мир остается в стороне от нашего исторического очага мирового культуротворчества, от средиземноморского культурного мира древности.

Культурно-историческая заинтересованность яфетического мира Кавказа в том же историческом очаге мирового культуротворчества, наоборот, была и раньше вне спора, хотя бы в мере доселе ожидающейся взаимности на запросы античного мира по разъяснению его мифологических связей с Кавказом.

С другой стороны, в занятиях яфетическими языками, при первом же приступе к их лингвистическому анализу, выявилась невозможность углубить над ними исследовательские работы, не осветив и не развязав узлов их скрещения с иноязовыми языками. У яфетической семьи языков оказались не только культурно-исторические, но и этно-культурные генетические связи, то изначальные общие, то позднейшие частичные, с тремя семьями языков: семитической, индоевропейской и даже турецкой.

На родстве с семитическими языками, притом родстве изначальном, построено все лингвистическое учение об яфетических языках. Без вхождения в языковую природу яфетидов, путем освещения, получившегося от сравнительного изучения яфетических языков с семитическими, мы не имели бы сравнительной фонетики, этой базы яфетической теории, у нас не было бы опоры объективной стороны в установлении истории яфетических языков. Но, возросши на теории генетического родства с семитическими языками, яфетическое языкознание переросло прежнюю свою формулировку этого родства, и ныне уже собственными материальными данными стремится определить место семитической семьи языков в ее родстве с яфетической.

Интерес к генетической связи с турецкими, уже не изначальной, а по скрещению, вызывается такими отдельными конкретными языковыми типами, как, напр., табасаранский язык, бесспорно гибридный яфетическо-турецкий.

Генетическая связь с индоевропейскими, опять-таки по скрещению, это именно путь, который нас привел с нашей стороны, совершенно независимо, к той основной культурно-исторической проблеме, к которой с своей стороны, также независимо, давно подошли вплотную археологи. Это путь выявления и окончательного утверждения третьего этнического элемента в творцах культуры Средиземноморья, этого исторического очага мирового культуротворчества. Освещающей начинание звездой, методологическим проводником по прокладке этого пути послужила армянская группа языков, собственно два из них, древнелитературный армянский и другой — армянский, живой по сей день, каждый в отдельности типичнейший представитель особого скрещенного вида языков, яфетическо-индоевропейского.

Необходимость в работе над скрещенными типами еще более усилила значение живых яфетических языков, выдвинутых на первый план тем, что без них нельзя было строить сравнительной грамматики яфетических языков: древнейшие письменные яфетические языки, начертанные фонетически менее определенно — клинописью, оказались более изношенными, менее богатыми составом звуков и форм, чем позднейшие, носители уже христианской культуры. К тому же эти письменно позднейшие яфетические языки, литературно известные лишь из

памятников-отложений древнехристианской культуры, нуждались в разъяснениях с помощью ближе стоявших к ним живых яфетических языков, и, наконец, в живых бесписьменных языках оказались представлены целые группы отдельных ветвей яфетической семьи, одна ветвь (спирантная) даже вся целиком, хотя и она в реальности с большой примесью по скрещению элементов другой ветви.

Привлечение живых языков в основу разработки яфетической теории несло с собою необходимость напряженного внимания к реалиям, материальной обстановке среды изучаемой живой речи. Яфетическое слово оказалось не только выражением в удовлетворение психологической потребности, но и образом вещи, неразрывной его частью; яфетическое слово, самое отвлеченное, начало становиться понятным реально в зародыше, как вещь, как предмет физического мира.

Яфетическое языкознание, таким образом, стало обосновываться на изучении живых языков, притом со внесением реального, особого конкретного для каждой эпохи общественного восприятия речи в ее материальном быту, и на изучении скрещенных лингвистических видов. Сравнительная грамматика яфетической семьи языков стала воздвигаться не на примитивах, а на трансформированных отложениях примитивов, выделяемых из скрещенных типов, и на вещественно освещаемых материалах живой речи, обыкновенно в процессе скрещения.

Это обоснование яфетического языкознания, такое его построение дало совершенно неожиданный результат общего интереса, независимо от значения яфетических материалов для проблемы о третьем этническом элементе в историческом очаге мирового культуротворчества.

Работа вскрыла далекие перспективы в вертикальном направлении, в глубину времен. Яфетические языки выявились как носители, действенно или пережиточно, трех периодов языкового творчества: аморфно-синтетического, агглютинативного и флективного. Органические словообразовательные частицы, приставки и окончания, оказались изношенными или истертыми служебными элементами агглютинативного периода, а в этих служебных элементах в свою очередь вскрылись цельные самостоятельные слова синтетического периода, тогда одновременно игравшие и служебную роль. С различением периодов языковой жизни по общему формальному ее строю совпали этапы развития самих служебных частиц или элементов, первоначально — служебных элементов. В префиксах и суффиксах агглютинативного периода наметились термины родового строя, названия членов семьи. Морфология речи, как выяснилось, отразила морфологию общественного строя. Язык рассматривался как родовое общество, состоящее из его семейно воспринимаемых членов. «Отец» или «мать», семасиологически первоначально не различавшиеся, как и понятия «брат» и «сестра», наметились в роли выразителей действующих лиц; «сын» («дети») — служебным словом то для образования мн. числа, то для выражения определительного отношения или родительного падежа и т. д.

Служебные слова синтетического периода оказались анатомическими терминами, названиями членов тела. В тот период язык рассматривался как тело, состоящее из частей, повторяющих в своих взаимоотношениях отношения членов тела друг к другу или ко всему телу. Впоследствии эти служебные слова, озна-

чавшие «лицо», «лоб», «глаз», «нос», «рука», «бок» и т. д., обратившись в предлоги или послелоги, стали означать «вперед», «в присутствии», «через» и т. п.

В ряде служебных элементов яфетические языки дали осветить и местоимения, вскрыть их историю, их происхождение и этапы развития соответственно трем периодам. Местоимения тесно связаны если не с возникновением, то с развитием склонения, вообще флексии до исчерпывающей полноты. Местоимения сыграли особую роль в переходные времена от одного периода к другому. Первый тип склонения представлял изменение не самого слова, а стоявшего рядом местоимения, впоследствии слившегося с ним. За агглутинативный период местоимение долго продолжало сохранять положение дела эпохи родового восприятия лица или еще более архаического — стадного восприятия. Восприятие лица в ед. числе — позднейшее явление. Яфетические местоимения сохранились в формах мн. числа и для ед. числа, хотя сами яфетиды ныне и давно этого уже не чувствуют. Индивидуальное восприятие одного лица и затем одного из трех лиц — это результат долгой эволюционной работы. В первый период слово, ставшее впоследствии личным местоимением, означало сложный индивид, тело или душу (эти два понятия еще не различались), и такое лицо-индивидуум, вернее, лицо-родовое в своем самосознании, семья, противополагалось не другим лицам, а стаду-племени.

Чем древнее, тем менее было в словах, в восприятии самих яфетидов, понятий и отвлеченностей и больше физической или образной природы, материальной реальности и представлений. Числительные выявились, так же, как физические предметы, как пережитки слов, обозначавших и обозначающих члены тела: для представления «один», как и для представления «два», бралось одно и то же слово, не «голова» («*одна* штука»), а или «рот», воспринимаемое как один («один рот») и два («пара губ»), или «рука», воспринимаемое как один («одна рука») и два («пара рук»), число «четыре» оказалось словом «ноги», в связи ли с представлением о четвероногом животном или, быть может, в зависимости от того, что руки еще продолжали служить передними ногами, когда блеснула творческая мысль о «четырех», пять выражалось словом «кулак» («пятерня») и т. п. Первоначальное исчисление единиц доходило то до пяти, то до шести, свыше этого было слово «много», представление о котором давалось двумя руками, как носительницами многих единиц пальцев, числовое восприятие которых, однако, не было еще доступно. Когда праяфетид дошел до представления о десяти, то то же слово «рука» во мн. числе, собственно две руки с «десятью пальцами» стали выражать «десяток», а промежуточные числа выражались с помощью остальных то прибавкой к пяти и шести единицы, двойки, то вычитанием из десятка той же единицы, двойки и другими еще приемами исчисления.

Вообще одно слово, всегда в физическом или материальном восприятии возникавшее, являлось выразителем десятков различных понятий, собственно, давало представление о многих десятках предметов, с нашей теперь точки зрения, материальных и духовных, но в те доисторические эпохи не различавшихся. «Рука» давала представление, говоря проще — означала не только «руку» и ряд чисел

(1, 2, 10), но «мощь», «власть»; «право», «долг»; «милость», «благодать»; «богатый», «могущественный»; «сторона», «страна»; «опора», «помощь»; «подобный», «подобно»; «через», «до»; «держать», «ловить»; «получать»; «давать», «поручать»; «терпеть»; «побеждать» и т. д. и т. д. В линии развития понятия о «мощи» «рука» служила основой для образования терминов, означающих носителей власти, как то: «властитель», «правитель», «князь», «царь», а в линии ассоциации представлений в плоскости этно-культурной религии «рука» означала «бога», именно племенного «бога» и названия соответственного племени. Таково, между прочим, название яфетического племенного бога ванских халдов — «халд».[1]

В первобытные эпохи не существовало различных частей речи, не было наиболее из них отвлеченной части — глагола. Глаголы в зародыше те же существительные, притом части опять-таки плоти или тела и тогда, когда глагол совершенно отвлеченного значения, как, напр., «быть» или «иметь». Глагол, означающий «имеет», собственно «у него есть» (груз. a-qu-s ← a-qun-s, пр. a-qu[n]-da || h-qon-da), в зародыше значит «у него *жир*»: «жир», «избыток» воспринят как избыток или нечто присущее плоти, т. е. «быть», «существоват», «иметь». Жир, как бы оклад плоти, воспринят как слово, означающее «одевать» или «одеваться»: «он одет», напр., по-грузински — a-ǯvi-a, с буквальной точностью первично означало «на нем *жир*».[2]

В правильном понимании столь разнозначащих слов существенную роль играла мимика и главным образом рука, т. е. жест, а также повышение и понижение голоса, удлинение и укорачивание звуков, их долгота или так называемое удвоение и краткость, наконец, самый тон, т. е. вся та часть речи, которая может быть изучаема лишь в работе над живыми языками, если реально хотим учесть ее значение.

Объединению в одном слове многих десятков, а с производными — и многих сотен значений в соответственные первобытные эпохи содействовала недифференцированность миров материального, общественного и духовного, недифференци-

[1] У нас много помех в работе этой, в установлении связи между словами по ассоциации не понятий о предметах, а форм их и представлений о них и в выяснении ограниченности самой фонемно-материальной части словаря первобытной речи. Наибольшее препятствие чинит не трудность самих изысканий или недостаток в наглядных данных, а наше научное мышление, скованное традиционным филологическим или культурно-историческим мировоззрением, не воспитанное на этнолого-лингвистическом восприятии живой речи, ее безбрежно свободных творческих переливов. Потому-то в самом начале настоящего доклада я выдвигаю как потребность момента — создание работников, свободных от устаревших лингвистических воззрений, вполне независимых и, естественно, более смелых мыслителей-яфетидологов на смену нам, неспособным смотреть на явления вне традиционных шор. До чего и мне, перед которым открывался впервые этот новый мир, трудно было и не удавалось не быть ниже положения, я мог бы иллюстрировать на целом ряде примеров. Остановлюсь на одном случае из работы, только что выпущенной в свет, — «Надпись Русы II из Маку»: почти целую страницу (стр. 23—24) посвящаю вопросу, так и не решенному, какое из двух созвучных, но различных слов, означающих и «рука», и «бог», употреблено в разбираемом месте, тогда как мне следовало сразу же признать, что это не два различных, а одно и то же слово, именно «рука» и «руки» и оно же значит «бог», собственно, «боги».

[2] Также основы в a) q̇sen — глагола q̇sen-eb-a упоминать, докладывать. b) q̇sov — глагола q̇sov-n-a помнить, от корня q̇sn (|| q̇sl) → q̇sv, — существительное «ухо»: «я помню», «мне вспоминается» — (ma-q̇sov-s, me-q̇sen-eb-a) собственно значит «у меня ухо», «у меня делается ухо» (яф. корень q̇sn, ср. сем. ʿẑn || ʿǎn, напр. арб.; أذن ʿuǎn *ухо* и т. п.).

рованное представление о них в восприятии религиозном, почему одним и тем же словом называлось «небо» и «земля», «животное» и «дерево», или «звезда», «свет», «искра», «мысль», «правда», «справедливость», «колдовство» и т. д. и т. д. То или иное значение присуще было каждому данному слову не индивидуально, а в определенном положении, в составе определенного контекста живой речи: употреблением в каждом отдельном конкретном случае определялось значение слова.

Рядом с такой многообъемлющей прегнантностью отдельных слов первобытной речи, дающей возможность возвести богатый яфетический словарь к весьма ограниченному числу прототипов-слов действительно существовавшего праязыка, мы наблюдаем такую же недифференцированность первичных звуков, совмещавших в себе ряд впоследствии, по их разложении, выделившихся простых сложных звуков обычной человеческой речи. Пережиточные или атавистически возникшие подобия, но отнюдь не подлинные первичные звуки такого реального праязыка сохранились в ряде яфетических языков, напр., в абхазском, лезгинском и др. К ним примыкают те африкаты, вообще сложные звуки, которые вместе с гортанными так резко обособляют яфетические языки. Но с подлинными первичными не вполне расчлененными звуками этого порядка мы достигаем грани между очеловеченными звуками социальной речи и нечленораздельными звуками природного общения животных в стаде. Туда доводят нас первичные формы яфетической морфологии и первичные звуковые комплексы, весьма немногочисленные, яфетического словаря.

Исключительное значение яфетических языков по этому вопросу в том, что в них с нарождением новых потребностей и удовлетворяющих их форм, типологически принадлежащих иному строю, строю второго и третьего периода, первичные, психологически уже пережитые формы материально не убирались из живого инвентаря, а дошли до нас отложившимися в наличных яфетических языках. Преимущественное и особо благоприятное положение яфетической теории не в ее незыблемых началах, не в количестве или в качестве сильных умом ее работников, а в творящих ее, воспитывающих ее работников материалах, пережиточно-наследственно накопленных из дояфетического состояния речи за все пройденные периоды в самих яфетических языках во свидетельство о каждом периоде. Яфетические языки, как они есть, носят в себе с исключительной наглядностью отложения всех трех периодов. Достигая, как сказочный герой Атлант, головой, своею языковой психологиею, высоты неба, яфетиды, способные мыслить, говорить и творить в уровень с современностью каждой из эпох культурной истории человечества, даже с текущей ныне современностью, туловищем, морфологической структурой речи не отрываются от доисторической почвы; наоборот, по сей день упираются в нее, точно вросши в нее ногами, и непрерывной цепью трансформаций за ряд периодов сохраняют связь с состоянием того же языка на грани очеловечения животной речи.[1]

[1] Наглядность и яркость доисторических переживаний, периодов первобытности физико-психологической и социально-психологической, в языках яфетической семьи вовсе не означает, что яфетическая семья, флективная, одновременно и аморфно-синтетическая и агглутинативная. Будучи флективной, эта семья лишь с этим третьим флективным периодом и получила свое яфетическое

Таким образом, в яфетическом мире Кавказа получается лингвистический микрокосм. Его нет никакой возможности признать образовавшимся, как то представляют себе ученые, от случайных залетов или разношерстных этнических обломков, попутно брошенных в крае различными народами, проходившими Кавказ в своих переселенческих движениях.

Бесспорно, налетавшие на Кавказ чуждые этнические массы в этом цельном мире образовывали позднейшие вкрапления, как районы с иранским и турецким населением позднейших эпох, или содействовали нарождению скрещенных видов и, по всей видимости, содействовали также расхождению отдельных групп одной яфетической семьи, но они не были в силах разбить его цельность.

Для нашей проблемы о прикосновенности яфетидов, как третьего этнического элемента, к историческому очагу мирового культуротворчества на Средиземном море эти перспективы в вертикальном разрезе, в глубь времен, конечно, имеют значение, но лишь постольку, поскольку может возникнуть вопрос о принадлежности речи тех яфетидов к тому или иному периоду жизни яфетических языков. Но несравненно более важное, более существенное значение имеет для того же вопроса об определении третьего этнического элемента горизонт, открываемый перспективами семьи яфетических языков в ее горизонтальном разрезе, в связи с распространением яфетического населения по территориальному расширению, в связи с вызывавшейся таким распространением встречей с другими расами и процессом их взаимодействия. С ним непосредственно связан и вопрос о появлении яфетидов с их языками на Кавказе и их прародине, и вопрос о миграциях яфетических языков, о путях этих миграций в те или другие стороны и об определяющих эпохи миграций морфологических типах в составе языков переселения.

II

Вне спора, что в настоящее время и с весьма отдаленных эпох на кавказской территории сосредоточено громадное число языковых видов яфетической семьи, в числе их и виды исключительной важности для нашего вопроса — виды скрещенного типа. Однако есть естественное основание сомневаться, имел ли возможность цельный кавказский языковый мир, ныне выступающий перед нами как яфетический, находить в себе самом, замкнутом в пределах Кавказа, стимулы и черпать материал для троекратной типологической трансформации языка, или три этапа на пути коренных перерождений человеческой речи, первые два, разумеется, в составе не одних праяфетических, тогда отдельно

рождение, с ним она и выделяется из общего ствола в то время социально-психологически переживавшегося периода агглутинативного состояния. Вопрос другой, как называть за этот агглутинативный период весь ствол языков, в числе которых прегнантно находились и яфетические, равно — как называть его за предшествующий еще раньше пережитый период развития человеческой речи, аморфно-синтетический, когда не выделившиеся яфетические и родственные с ними еще до флективности языки составляли один ствол еще более многочисленных языковых групп, семью с еще большею чреватостью по предстоявшим образоваться и выделиться из нее представителям человеческой речи.

и не существовавших, им совершены в другой, более благоприятной для такого творчества среде. Множество яфетических языков на Кавказе и их не совпадающее со степенями родства расположение на площади этого края побуждают искать прародину кавказских яфетидов в другом месте и на более обширной территории. На той ли прародине расстались семиты с яфетидами, или была еще другая стоянка, общая у яфетидов с семитами, также особая проблема, но у нас нет никаких данных, чтобы приурочивать эту общую стоянку к Кавказу. Родство семитических языков с хамитическими, так и не доследованное до этнологических глубин, в искании прародины яфетидов направляет наши мысли в сторону Африки, с хамитическим населением которой ученые находят лингвистическое родство аборигенов Пиренейского полуострова, ныне определившихся как яфетиды. С другой стороны, намечающийся облик яфетических языков, очевидно, до их выделения из общего ствола человеческой речи, за синтетический и агглутинативный их периоды, типологическое сродство их в те эпохи с языками дальневосточными и среднеазиатскими требуют внимания к глубинам Азии. К тому же, археологи, занимавшиеся протоисторическими вещественными древностями Кавказа, особенно в связи с металлургическим вопросом, склонны кавказскую протоисторическую яфетическую культуру произвести от металлургических знаний той глубокой Азии, связать с алтайскими месторождениями соответственных руд.

Спору не подлежит одно важное обстоятельство: расхождение семитов с яфетидами произошло по наступлении флективного периода, а это для нас еще лишний довод в пользу того, что яфетиды прибыли на Кавказ, достигнув флективности речи, что агглутинативный и синтетический периоды яфетическими языками, соответственно выделявшимися из общего ствола, были пережиты в состоянии невыделенности, если не изжиты вне пределов Кавказа.

Правда, семиты, не захватившие с собою в речи таких наглядных фактов и характерных явлений из языковой жизни, пережитых с яфетидами, — следовательно, в их составе, за прежние дофлективные периоды, сохранили нам от тех доисторических эпох предания о мироздании, неразрывно связанные с яфетическим миром. Я имею в виду не исторический путь заимствования евреями библейских сказаний о сотворении мира и первом человеке из месопотамских ассиро-вавилонских источников, где семиты сходились с яфетидами. Я имею в виду доисторические и лишь этнологически прослеживаемые связи тех преданий с яфетическим миром, с яфетической речью. Утверждаю, что не только «сатана», играющий столь существенную роль в сказаниях о первых днях по сотворении мира, но и ряд терминов и названий начальных глав Библии, этой действительно мировой книги, чисто яфетического происхождения. Так, яфетического происхождения 1) термин Yahve, название бога, у яфетидов сохранившееся со значением духа злого, 2) яфетического происхождения — имя Ева, означающее на яфетических языках «жена». Более того, ряд библейских мифологических рассказов, как, напр., рассказ о происхождении женщины, в буквальном смысле миф, основанный на естественной игре слов в яфетической речи, именно на том, что одно и то же слово у яфетидов означает и «бок» или «ребро» и «женщину»

или «девушку» и т. п. Яфетическое языкознание дает возможность не только разъяснить ряд таких моментов и существенно важных терминов библейской мифологии, но и определить те типы яфетических языков, которым принадлежат привлекаемые для разъяснения материалы, т. е. определить точнее яфетическую среду возникновения прототипов библейских преданий в целом или в частях.

Мы, понятно, понимаем, насколько наши утверждения могут показаться сказками, но нас более интересует то, что эта яфетидологическая сказка находит поддержку в самой Библии, указывающей на территорию яфетического Кавказа как на место, к которому приурочены те или иные библейские сказания, так, напр., сказание о потопе; нас более интересует и то, что к тому же Кавказу приурочивают и греки не только древнейшие свои сказания, но и предание, сходное с библейским, о создании человека из глины Прометеем, сыном Титана Иапета. Самое сказание о создании человека из праха или глины опять-таки находит естественное объяснение в том, что на языке яфетидов «глина» и «человек» называются словом одного и того же корня (kə̀ по свистящей группе сибилянтной ветви), одним и тем же словом (kaə̀ || keə̀ с позднейшей перегласовкой по спирантной норме вм. kaə̀). Надо, наконец, считаться и с тем, что в пределах именно Кавказа у самих яфетидов народно существовали до V в. до р. Х., вероятно, и позднее, предания о потопе, о деяниях титанов, совершенно независимые от каких-либо книжных источников, существовали они как памятники далекой старины, и также приуроченные к кавказской территории.

И все это еще больше укрепляет нас в убеждении, что библейские сказания о мироздании и ближайших событиях, дошедшие до нас в письменном предании евреев, чисто яфетического происхождения. Прототип дошедшей до нас редакции библейских сказаний о мироздании нашим этнолого-лингвистическим подходом определяется культурной эпохой металлов, более того — эпохой железного века. Материально-реальное представление о небе-тверди, как то рассказывается в библейской легенде о мироздании, мы получаем лишь с яфетидологическим разъяснением термина rḳīaḳ ↘ rḳīa ʕ (רקיע), что̀ значит «железо», а не «распластанное» или «расширенное» в связи с семитическим корнем глагола «топтать», «расширять».[1] Следовательно, «небо-твердь» буквально означало «небо-железо» И с той же разновидностью яфетического корня, вклада спирантной ветви яфетической семьи, находится в генетической связи племенное название Каун, в Библии появляющееся совершенно правильно в качестве названия яфетического народа-

[1] Евр. rḳīa' [rḳīaʕ ↙ rḳīaḳ] в st. c. происходит от яфетического корня, эквивалента яфетических же по спирантной ветви разновидностей — корней rkn || rkd (← rkd̆) → rkə̀ (→rkr || ʿhʾkn) и т. д., откуда не только многочисленные яфетические термины материальной культуры, названия железа и железных, resp. металлических предметов, но и, напр., армянские названия неба — erkin, букв. (небо-) *железо* (это же слово и у самих чанов в форме erkina в составе названия вторника), и земли — erkir, букв. (земля-*железо*) и т. п. (Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении I. Происхождение hайских слов: e-rkin *небо*, e-rkaə̀ *железо*, ari-aə̀ *серебро*, harıwr *сто*. Изв. Ак. Наук, 1911, стр. 137—145, но и здесь материалы даны частично, и изложение сделано согласно теперь пережитому уже кругозору и устаревшими отчасти терминами). С этим разъяснением вовсе не отпадает связь термина rḳīaʕ с сем. корнем rḳʕ (רקע) «топтать», «бить и расширять» и лишь в форме Pi «ковать», но этот глагольный корень вовсе не первичный, сам он нуждается в разъяснении, как отыменный, с нашим же названием мѐталла связан, как вскрывает сравнительная фонетика яфетических языков, другой семитический корень — kə̀ə̀ *ковать*.

железа в составе гибридного эпонимного имени Тубал-Кайна, первая часть которого — также яфетический этнический термин — есть название яфетического народа-меди. С таким содержанием и в таком материально наглядном изложении библейские сказания не могут служить доказательством того, что прародина яфетидов, общая стоянка их с семитами, была на Кавказе. В пределах Кавказа мы вообще не находим и типов скрещения яфетическо-семитических, которые свидетельствовали бы о раннем и глубоком вхождении уже давно отделившихся семитов в яфетическое население кавказской территории.

Совершенно иное отношение наблюдаем мы с индоевропейцами. Они здесь, на Кавказе, не только проникают в толщу яфетического населения, но проникаются его природными этническими элементами, что̀ содействует нарождению гибридных яфетическо-индоевропейских видов речи. Имеется в виду не только армянский язык, этот бесспорно яфетическо-индоевропейский язык, но и греческий, как он, во всяком случае этнографически, был, в одной стадии своего развития, на Кавказе и как представлялся соседям-кавказцам, яфетидам.

Гибридность не только армянского, но и греческого племени, кавказский яфетический мир запечатлел в документе непререкаемого значения — в этнических терминах, названиях того и другого племени: в точном переводе на общепонятный язык эти составные племенные названия каждого народа в отдельности гласят: армянского — ионо-баск, а греческого — иверо-ион или иверо-понянин.[1] Эти названия сами по себе выявили не простую гибридность, но особую двухрасовую — яфетическо-индоевропейскую. В обоих терминах выразителем индоевропейского слоя, цельного или еще раньше скрещенного, служит ион или понянин. Ион по изначальному происхождению также яфетид, и чистые яфетиды до наших дней сохранились, под тем же названием, в составе современного населения Кавказа, но ионы или иоияне на Кавказе сделались носителями индоевропеизма, образовав не только бесспорно гибридное армянское племя, но и яфетидам Кавказа также не казавшееся спорным гибридное греческое племя, значительно раньше, чем началось колонизационное движение эллинов из эллинского мира в Понт: к VIII в. эти иоияне, уже не яфетиды, а эллины или, вернее, обэллинившиеся яфетиды Понта, составляли особое государство с царем во главе, носившим греческое имя, как то свидетельствуется клинообразной надписью царя халдов Сардура II.

Но каков был тип скрещенного еще на Кавказе вида яфетическо-индоевропейского языка, как он предлежал в том иверо-понском языке, который впоследствии в глазах кавказцев отожествился с эллинским языком? Дело в том, что виды скрещенного яфетическо-индоевропейского типа были различные, помесь

[1] «Ионо-баск» и «иберо-ион», точнее йон-баски ибер-йон представляют этнолого-лингвистически (а не, разумеется, культурно-исторически) точную и формально- и материально-реальную передачу, более известными в научной среде эквивалентными этническими терминами, гибридных племенных названий, сохраненных яфетическим миром Кавказа, первый — племенного названия «со-мех» (← šo-mehq || son-mesq) армянин, второй — племенного названия «бер-дзен» (← hiber-dzen) грек, см. Марр, Армянский термин arqay [«маг» || «жрец» → «жрец-вождь» || «жрец-царь» → «вождь» || «царь», его же «Об армянском названии Ориона [Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян», ЗВО, т. XXV, стр. 229—256].

бывала с различной степенью участия в ней элементов яфетических и индоевропейских.

В армянской группе, для примера, армянских языков два, и в них обоих яфетический слой выступает ярко; наоборот, затрудняется выявление их ариоевропейского слоя среди ариоевропейских языков, тогда как у третьего яфетического племени той же армянской группы, курдов, язык прекрасно определяется в его индоевропейской части как иранский, тогда как яфетический его слой менее ярко выступает. Это — два типа скрещенного вида, хронологически свидетельствующие о двух этапах процесса скрещения.

Здесь-то и выступает конкретная сторона стоящей перед нами проблемы, часть большой проблемы, возникает специальный вопрос: были ли племена, переселявшиеся с Кавказа на Запад, на побережья и острова Средиземного моря, если они составили действительно искомый третий этнический элемент его населения, — были ли они чистокровными яфетидами или метисами, именно, скрещенным с индоевропейцами типом, яфетидо-ариоевропейцами? Нас касается лингвистическая часть вопроса, следовательно, речь идет о том, были ли языки этих переселенцев простыми или скрещенными «меж-яфетическими» видами при внедрении в Средиземноморский район, или они представляли особые скрещенные виды яфетическо-индоевропейских языков, хотя бы армянского типа, еще до возникновения новых языковых видов в устах эллинов и римлян с их античной речью, до вторжения в тот же район новых волн чистых индоевропейцев.

Для ответа на этот вопрос нам уже недостаточно Кавказа, недостаточно кавказоведения. Опорой в подготовке этого ответа должно быть Средиземноморье и его материалы с яфетидологическим их освещением в условиях европейского быта. В первую очередь надо опросить сами языки, имеющие прямое отношение к так называемому пеласгскому, этрусскому и, как в последний момент стало известно, басскому.

Источники осведомления как будто мало красноречивы. От пеласгов не осталось ни одной строки, а этрусский язык сохранился лишь в известном числе сотен ртрок мертвого инвентарного характера. И на основании этого скудного матесиала более смелые европейские аргонавты, прошедшие индоевропейскую лингвистическую школу, все более и более вынуждались направлять исследовательское судно к берегам Кавказа. Но лингвистических материалов гораздо больше, и мертвого, и живого с точки зрения теории яфетического языкознания. Нет вовсе самостоятельно дошедших до нас пеласгских материалов.[1] Мало очень этрусских материалов в самостоятельном языковом виде. А в составе греческой речи, мертвой и современной живой? А в составе латинского языка и современных романских языков? Яфетидология не признает отвлеченностей в натуре, никогда не существовавших в действительности теоретических примитивов, отвлеченно воспринимаемых и соответственно воссоздаемых: она ищет мате-

[1] Об яфетическом происхождении самого племенного названия pelasg см. Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруск» и «пеласг», где намечается к разъяснению и то, в какой неразрывной связи находится с этническим термином Pelasg греческое название аиста — πελαργός — не только формально, но и реально.

риально-реальных примитивов и находит их следы пережиточно в трансформированных слоях состава скрещенных типов и определяет в них неумирающие творческие элементы. Или наши сближения и доказательства генетического родства кавказских яфетических языков с яфетическими или яфетидоидными языками Средиземноморья, с языками его доиндоевропейского населения, мираж или в языках этого мира, возникших впоследствии — по затоплении его новыми миграционными волнами индоевропейцев, мы имеем новые скрещенные виды с пережиточными яфетическими элементами, т. е. в эллинском и латинском языках, а еще более в новогреческом и романских языках мы должны вскрыть и действительно начинаем вскрывать яфетические элементы, имеющие обратиться, есть основание утверждать, в целые творческие слои.[1] Вопрос об яфетических элементах в эллинском языке, однако, осложняется тем, что здесь не одни пеласги намечаются носителями яфетидизма и не одни ионяне, гибридизованные, повидимому, еще на Кавказе, а ряд других племен, вошедших в составе эллинского племенного типа.

В отношении латинского дело обстоит как будто лучше: его использование в яфетидологическом освещении этногонического вопроса о населении Апеннинского полуострова, разумеется, облегчается этрусским языком.

Что достигается яфетическим языкознанием по вопросу об этрусском?

Во-первых, яфетическим языкознанием подтверждается и скрепляется, по незначительной прочистке, все то, что добыто каторжной работой этрускологов в части достижений, составляющей предмет общего их признания, все, что они успели разъяснить, идя ощупью и от субъективных догадок, в общем, шаблонно-мертвенно и для исследовательского творчества плане, но в научно-творческих подходах к отдельным деталям. Яфетидология начинает обосновывать это подтверждение на базе материально-теоретического знания яфетических языков, на знании их исторически освещенных фактических данных.

Во-вторых, яфетическое языкознание, перенося этрускологию на материально сродную почву, освобождает от массы излишних блужданий, от непроизводительной траты труда, вооружает ее исследовательской техникой, необходимой для работы над языками той природы, которая присуща этрусскому.

Пока яфетидологиею в отношении этрусского, путем разъяснения его фонетики и морфологии, а также группы слов, достигнуто то, что устанавливается его гибридность, скрещенность в нем двух основных яфетических племенных языков с примесью третьего: эти основные племенные языки в составе этрусского опре-

[1] Для наблюдателей социальных явлений через призму жизни, равно творимых самой жизнью памятников материальной культуры, отнюдь не может представить какой-либо ошеломляющей новизны яфетидологическое наблюдение неустранимой в речи живучести унаследованных психологических элементов (а с ними, поскольку дело касается языка, — фонетических и морфологических явлений). В этом смысле для нас интересно утверждение известного итальянского археолога о значении этрусского племени, по нашим изысканиям яфетического, в деле тосканского возрождения искусств: S. A. Milani (Il. R. Museo Archeologico di Firenze, т. I, 1912, стр. 19): ché la vita et l'eredità etrusca non cessa con la battaglie del Vadimone (309 e 283 a. C.), nè con la caduta di Volsini (265 a. C.) e di Falerii (241 a. C.). Essa continua anche dopo la conquista dei Romani e la conseguente assimilazione: anzi la scintilla atavica degli Etrusci dura e resiste latente attraverso tutta l'età romana, fa capolino di quando in quando perfino nella barbarie del Medioevo, e infine si sprigione anche una volta libera, dandoci la vita e l'arte del Rinascimento toscano».

деляются как принадлежащие: один — к сонорной ветви, а другой — к шипящей группе сибилянтной ветви, с примесью свистящей и спирантной. Повидимому, шипящий язык это собственно этрусский, свистящий слой идет из расенского; для сонорного и спирантного слоев в Италии пока мы не находим источника.

Новой только что открытой опорою в обосновании яфетидизма третьего этнического элемента в средиземноморском населении являются баски, наиболее ценные тем, что они дожили до нас и сохранили свою речь в живых диалектических разновидностях.[1] Это также гибридный язык, спирантно-сибилянтный, притом сибилянтный шипящей группы, словом, по составу того же типа, как сванский язык. Есть и примесь иных еще групп, так сонорной ветви.

[1] Про басский язык теперь нельзя уже говорить, что в нем объединяются два неблагоприятных для его изучения условия: во-первых, то, что он изолирован, и, во-вторых, то, что исследователи могут изучать его лишь за ограниченный промежуток времени (W. J. van Eys, Dictionnaire basque-français, стр. 11). Однако дело совсем не в том, что нами высказывалась бы новая безотносительно мысль. Как уже указано в предварительном сообщении о результатах моих яфетидологических наблюдений (прот. VIII заседания Отд. Исторических Наук и Филологии Росс. Академии Наук 28 апреля 1920, стр. 76), сближение басского языка с одним из кавказских (яфетических) языков имеет давность более одного столетия. И последние годы на Западе предпочитали возвращаться к той же мысли о кавказском родстве басского. Любопытна новейшая постановка того же вопроса в западной Европе по прошлогоднему выпуску популярного сводного труда H. G. Wells'a «The Outline of History», с которым, благодаря любезности акад. Шахматова, я имел возможность ознакомиться по изготовлении настоящего доклада. Английский ученый пишет (стр. 92): «Долго басский язык был источником глубокого смущения ученых. Характер его строя внушил мысль, что у него может быть отношение к какому-либо американскому языку. A. H. Keane в «Man Past and Present» группирует основания, чтобы спаять его родством, хотя бы и дальним, с берберским языком северной Африки и через берберов с общим стволом хамитических языков, но эта связь оспаривается (is questioned) другими филологами. Последние находят большее сродство басского с некоторыми подобным же образом заброшенными следами речи (similarly stranded vestiges of speech), находимыми в Кавказских горах, и они склонны рассматривать его как очень изношенный, принявший своеобразный вид пережиточный последний член широко раскинувшейся группы прахамитических языков, в остальной части света вымерший (extinct). На этом-то, предполагают они, говорили главным образом народы той средиземноморской расы (люди с кругло-курганными погребениями — round-barrow men), которая занимала некогда большую часть западной и южной Европы и западной Азии. Вполне возможно, что по западной и южной Европе 10 000 лет тому назад распространены были группы языков, совершенно исчезнувшие перед арийскими языками. Позже, затем, мы должны мимоходом отметить возможность трех утраченных языковых групп, представленных 1) древнекритским, лидийским и подобными (однако касательно древнекритского, лидийского и им сродных Sir H. H. Johnston говорит, что они могли бы принадлежать к басско-кавказско-дравидийской (!) группе), 2) шумерским и 3) эламитским. Высказана была также мысль, и это не более, как догадка, что древний шумерский мог бы быть связующим звеном между первичной басско-кавказской и первичной монгольской группами. Если это правда, то в этой басско-кавказско-дравидийско-шумерско-монгольской группе мы имеем еще более древнюю, раннюю систему еще более дальней прародительской речи, чем основная хамитская. Мы в ней имеем речь «элиолитической культуры». — И в этом «последнем» слове западноевропейской науки, таким образом, опять витание в области общих типологических сближений без материального обоснования на частных конкретных данных, на определяющих обсуждаемые виды речи фактических явлениях. У нас же получается возможность определить материально-реальный басский язык, как таковой, и уже определяем его с указанием той группы, к которой басская речь относится, точнее — тех наличных кавказских представителей этой группы, с которыми басская речь находится в особо тесной первичной генетической связи. Об отношении басского языка к яфетическим пока можно получить представление по цитованному выше моему сообщению в Академии Наук под заглавием «Об яфетическом происхождении басского языка». О положении дела до этого момента более ясное представление можно получить по следующим строкам G. Wilke (Südwesteuropäische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient, Würzburg, 1912, стр. 157): «Столь же мало, как и антропология, смогло языкознание рассеять мрак, покрывающий древнейшие отношения населения Иберии. Правда, античные писатели передают нам некоторые иберские слова, с которыми, однако, не много можно предпринять, ни к чему не привели до сих пор и весьма многочисленные, хотя и скудные данными, иберийские надписи, которые остаются почти полностью неистолкованными, да к тому же они содержат большей частью одни имена. Совершенно не ясно еще, куда по языку относятся баски, которые себя

Затруднение с басским состоит в том, что как будто не разрешим пока вопрос, произошла ли гибридизация на Кавказе, или на Пиренейском полуострове. Коренным первичным слоем в басском является спирантный язык, а другой основной отложившийся в нем слой принадлежит языку шипящей группы. Была эпоха, когда один из языков шипящей группы, ныне мегрельский, назывался иверским, и скрещение с ним басского, спирантного, и определяет его вид. Но, имея в виду, что иверы, или иберы, находились и на Пиренейском полуострове, соседили с басками, не исключается местное, уже пиренейское происхождение факта наблюдаемой в басском основной гибридизации.

Вероятнее все-таки, что басский был метисован на Кавказе, как сванский и как древнелитературный армянский, последний в скрещении дополнительно с индоевропейским.

По морфологическому строю басский принадлежит отнюдь не к агглютинативному, как предполагают басковеды: он флективного переходного времени, переходного от агглютинативного к флективному, когда флексии, напр., в склонении подвергалось собственно лишь местоимение, в таком флективном оформлении сраставшееся с именем существительным.

Значение басского исключительное для проблемы о третьем этническим элементе, а равно для специальных лингвистических изысканий в области как кавказских, так европейских яфетических языков, в частности — этрусского. Вклад басского в испанский и французский языки обещает значительно большую жатву, чем до сих пор собрано материалов. К числу баскизмов во французском может относиться термин pilote кормчий, у басков означавший знахарь, врач, так как, судя по кавказским яфетическим соответствиям, это прежде всего звездочет, собственно «(руководящийся) звездами», кудесник, да и врач.[1]

называют Eskaldunak'ами или Euskaldunak'ами (т. е. людьми, говорящими на языке Euskara), и язык которых наиболее поддается сравнению с индейскими языками Америки из-за, можно сказать, чрезмерной агглютинации (Whitney, Leben und Wachstum der Sprache, стр. 275). Отмечено, что проф. Rhys старался вскрыть родство пиктского, по его взгляду не индогерманского языка, с басским на основании некоторых, конечно, весьма скудных древнебританских надписей, приписываемых древним пиктам, причем это мнение получает известное подтверждение в том, что, как у иберов, так у пиктов (Zimmer, Zeitschr. für Rechtsgesch., 28, стр. 209 сл.) природно существовал матриархат, ни у одного индоевропейского народа пока недоказанный».

[1] Pilot-u-a, resp. pilot-u ← *polot-ur от *polot (шип. muruϑq̇- (← *moroϑ̣- ‖ свист. marg- (mask-‖ vask-) звезда, откуда, помимо м. masq-ur *гороскоп*, др.-л. г. me-marg-e *звездочет, кудесник, пророк* и др.-л. арм. marg-ar-e-y [*звездочет, кудесник*] *пророк* (см. Н. Марр. Яфетическое происхождение армянского слова margarey *пророк*, а также «Армянский термин arqay и т. д.») и отложившееся в языках же Армении, рядом с margarey, bəȷɯk (← burɯk, resp. *borouk) врач, собственно «(руководствующийся) звездой», следовательно, и «кормчий», с каким значением басский термин отложился, следовательно, во французском. Современные баски слова уже не знают: его сохранил своим толкованием Biard, Relation de la nouvelle France Париж, 1616 (стр. 80—81: Pilotoy-s), да у него же — Reuben Gold Thwaites в одном месте «a Basque word, meaning sorcerer, corresponding to the native aoutmoin» (Примечания ко II т.), в другом — «Basque appellation of medicine-man» (Index, стр. 235). Выследивший столь ценный термин P. Lhande, отмечая неизвестность этого выражения (expression) в современном басском, его отсутствие в словаре Azkue объясняет гадательно тем, что сходство с французским pilote смущало, могло вызвать сомнение в действительной принадлежности слова басскому: «peut-être n'a-t-elle pas eté exclue de ce consciencieux recueil que pour son inquiétante ressemblance avec le mot français *pilote*» (ц. с., стр. 47). Сопоставление с греч. πηδόν *весло*, собств. πηδάλιον *руль*, πηδαλιοῦχος *рулевой* отпадает семасиологически (значения «знахарь», «кудесник», «врач» при такой этимологии не понять), помимо того, что оно представляет фонетические затруднения, да к тому же вообще само πηδόν с πηδάλιον «неизвестного происхождения» (L. Meyer, Hb. d. Gr. Et., s. v.), если не держаться линии — все в греческом объяснять во что бы то ни стало из греческого же

Территориальное начало миграционного движения яфетидов на Запад мы вынуждаемся лингвистической палеонтологиею приурочить также к пределам Армении, идет ли речь о пеласгах, расенах и этрусках или о басках.

Это та страна кавказского мира яфетидов, откуда шло миграционное движение уже многократно скрещенного армянского народа и значительно позднее в средние века, начавшись с VI—VII вв. по р. Х. и усиливаясь с XI—XII вв.

Движение средневековых армян не относится к переселению народов этногонического значения. Это — миграция исторической эпохи, совершавшаяся в культурно-исторических путях. В движении на Запад, по основании армянского царства в Киликии и его разрушении, и вслед за тем — по разрушении последнего политического их пристанища на Кипре, эти пути довели их до Италии, до культурного гнезда в Венеции — братства мыхитаристов.

В движении древних яфетидов приходится также особо выделить случаи переселения культурно-исторического значения, а не этногонического порядка, и такой случай мы, по всей видимости, имеем в одном слое этрусков или расенов, которых соседи называли этрусками по кровному их родству, по принадлежности их к племенным разновидностям одного и того же народа. Эти расены-этруски, также происходящие из пределов Армении, с этой своей родины двинулись по разрушении урартского царства, задолго до основания халдами в IX в. до р. Х. на Ванском озере халдского царства, которое ассирийцы по старой памяти продолжали называть Урашту (вместо Урушту) или Урарту, т. е. страной расов или расенов. Эти переселенцы расского, точнее — рушского племени могли нести с собою не только племенные особенности и этно-культурные стяжания, но и знания и искусства, вообще навыки вполне развившейся уже на Востоке исторической культуры с письменностью.

Для миграции яфетидов в доисторические эпохи средиземноморской жизни яфетидология намечает лингвистической палеонтологиею в области племенных названий два пути: один морской южный, через Малую Азию и острова Средиземного моря и полуострова, другой — северный, материковый, по северному побережью Черного моря и югу Европы с вторжением на полуострова или со встречным выходом в Эгейское море и на Архипелаг. Этрусское племя шло и в доисторическую эпоху обоими путями. Этрусков было два народа: с юга Ванского бассейна рушский, он же, собственно, этрусский народ совершил, пройдя Малую Азию со стоянкой в Лидии, морской путь, со стоянками на островах, и кончил свое переселенческое движение на Апеннинском полуострове, куда с севера влился того же племени народ расенский, собственно расский. Северный расенский народ того же племени, двинувшись с берегов Аракса на север, имел долгую стоянку на северном Кавказе, где от него остались до наших дней лезгины, точнее — «ласги» или «лесги», население прикаспийского бассейна. Расы на севере Кавказа расслоились в две народности — пеласгов и расенов. Пеласги оседают на Балканском полуострове (не потому ли, что они двигались первые?).

и индоевропейских материалов, хотя бы ценой такой этимологии, какая, напр., предложена у Prellwitz'a (Et. Wb. d. gr. Sprache, s. v.). Впрочем, до сих пор не имеет удовлетворительной этимологии даже κυβερνάω ‖ guberno!

Расены влились в Апеннинский полуостров, где они смешались с этрусками, под названием коих они были известны соседям.[1]

Баски из того же ванского района Армянского плоскогорья имеют стоянку на аракской или арасской долине, одно время достоянии расов, откуда перемещаются в бассейны Куры и Риона. На восточном побережье Понта, около Сухума, расстаются с Кавказом, чтобы очутиться в конце концов на Пиренейском полуострове в соседстве с теми же иберами или иверами, с которыми они соседили и на Востоке, сначала в Малой Азии и на юге Армении и впоследствии на Кавказе.

Каков путь иверов, морской южный или сухопутный северный, это еще вопрос. Судя по некоторым быговым чертам и протоисторическим памятникам материальной культуры, у Пиренейской Иберии устанавливается связь с восточными островами Средиземного моря, которые и могли служить стоянками на их, допустим, морском пути из Малой Азии. Они бесспорно были и на Кипре, и

[1] См. Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги». Во избежание недоразумения прибавлю здесь, что русские прилагательные к племенному названию «этруск», как и «баск», произвожу от их чистой основы — «этрус»- (‖«этрур»-), «бас», почему и получаются формы «этрус-ский», «бас-ский»; я не решился, однако, соответственно и для «пеласг» произвести по-русски прилагательное от его основы «пе-лас-»: «пелаасский». Мне известно, в какой степени наше яфетидологическое освещение переселенческого вопроса об этрусках-расенах-пеласгах идет в разрез с историческим построением Эд. Мейера, с его твердым решением, во что бы то ни стало, причислить пеласгов к индоевропейцам, опорочив показание Гекатея об их варварском происхождении. Однако со многими другими, отнюдь не яфетидологами, S. Reinach, и сам далекий от каких-либо яфетидологических знаний, отстаивает не без основания достоверность Гекатея ссылкой на ряд подтверждающих его данных и писателей, не исключая и Геродота, как то наглядно выявляет следующий отрывок из заметки французского археолога по поводу работ E. Meyer'a: Forschungen zur alten Geschichte, Halle, 1892, и II тома Geschichte des Alterthums, Stuttgart, 1893 (Anthrop., 1893, т. IV, № 5, стр. 594, 595): «В глазах Геродота дорийцы единственные чистые эллины, так как их родословие восходит к Дору, сыну Эллина. Все другие греческие племена имеют доэллинских предков — Инаха в Аргосе, Пеласга в Аркадии, Кекропа в Афинах и т. д. Следовательно, вначале все эти народы были пеласги, и это высказывается открыто касательно афинян, ионян, эолийцев Азии, аркадян, обитателей Додоны. Дети Эллина только и сделали, что эллинизовали пеласгическую Грецию. Геродот же знает в Кортоне (?), Плакии и Скилаке (на Мраморном море) людей, не говорящих по-гречески. В действительности, это тирсены, как, напр., население Лемноса, но Геродот их определяет как пеласгов и из этого заключает, что они варвары. Судя по его словам, дело обстоит так, точно все обитатели Греции вначале были пеласги, что они, эллинизуясь, разучились говорить на родном языке». «Если такому пониманию природы пеласгов, их первичности в составе населения Греции и в связи с этим их первобытности, их роли, как первых инициаторов цивилизации, как то и явствует из слов Геродота, не вполне вторят греческие писатели, то, кроме Гомера, Геродота, Эсхила и прочих, имеются сами слова греческого языка, имеется географическая номенклатура. Если пеласги просто-напросто греческое племя Фессалии, как происходит то, что его название необъяснимо? Как объяснить то, что Ларисса, Аргос, Лемнос не менее упорно сопротивляются этимологиям, чем названия, которые мы встречаем в Греции, на островах, по побережью Малой Азии? Это целая серия названий мест со странными окончаниями, не имеющими абсолютно ничего общего с греческим (Pauli, Eine vorgriechische Inschrift aus Lemnos, 1886). Древние неоднократно отожествляли пеласгов, лелегов и карийцев; новая филология признает, что этим термином следовало обозначать говорящие на языках одной семьи племена, единство которых свидетельствуется топонимикой, ей удалось быть в состоянии установить, благодаря лемносской надписи, что эти языки, вероятно, были сродны с этрусским. Следовательно, когда древние отожествляли этрусков с пеласгами, они не делали комбинации с ветра, и презрение Мейера к их науке, быть может, не делает чести его собственной науке в той мере, в какой он то думает». Нужно ли прибавлять, что мы не можем мириться с тем, чтобы пеласги трактовались как не определенный яфетический народ, и мы не можем именовать так все негреческие варварские племена в составе населения Греции, хотя бы из круга поддающихся определению, как яфетические. Такому унитаризму не дает основания и геоэтническая терминология греческого культурного района, когда мы рассматриваем ее под яфетидологическим углом зрения и подходим к ее анализу с яфетидологическими приемами и средствами.

в Сицилии. В использовании Страбона яфетидологу во всяком случае трудно итти за G. Wilke, находившим литературную поддержку для своего положения о миграции иберов наоборот, с запада на восток, в этом географе, но смело можно пользоваться из того же географа утверждением Эфора, что иберы — «первые насельники Сицилии» (VI, 2, 4). Сицилия, при принятии морского пути, могла быть последним этапом их движения в Испанию. Существа дела не менял спор о правах на автохтонность между иберами и сиканами, поскольку сиканы — вселенцы из Италии, имеющей свои счеты с Кавказом через этрусков-расенов, тем более, что сиканы, вскрываемые яфетической номенклатурной палеонтологиею в числе народов Кавказа, уже здесь переплетались с восточными сородичами иберов и этрусков-расенов. Однако путь мог бы быть и сушею, но иной — через Африку, по южному побережью Средиземного моря, испытанный не впервые завоевательным движением творцов средневековой культуры, арабов. С Кавказа ли, из Армении, как этруски, или из более южного яфетического края, хотя бы Двуречия, иберы — ранние выходцы из Передней Азии в Средиземноморье, может быть, не через Малую Азию, а через Палестину. В Передней Азии иберы или иверы один из древнейших народов яфетической семьи. На Кавказе они под тем же названием иберов или иверов; сначала это народ с яфетическим языком шипящей группы, а потом так называются грузины-картвелы, народ с яфетическим языком свистящей группы. Но какова была их доисторическая этническая сущность, их первоначальная природная речь, шипящая, свистящая или вовсе не сибилянтная, а спирантная? Это еще надо установить. Племенные их названия известны в многочисленных разновидностях не только по сибилянтному типу — Sumer (Шumer) ↗ Θobel || Θubal → Tibar-en, но и по спирантному типу — Ber, собственно Hiber, а, как теперь выясняется материалами баскской речи, первоначально — Humer ↗ Kuper. Название их яфетически, как то разъясняется сочетанием баскских данных с грузинскими, означает «сын», или «дети», обычное слово, используемое у яфетидов для образования племенных названий. Для нас важнее отметить, что это племя имеет тотемом, судя по племенному его названию, в светилах, повидимому, «солнце», а не «луну», если не разлучать с ним Θobel || Θubar (Θubal), по кажущейся связи с созвучными яфетическими словами, означающими «луну», «месяц», а в металлах «медь», по скрещении же с другим родственным племенем — «бронзу».[1]

[1] Нашей настоящей тезы в ее культурно-исторической обстановке не касается непосредственно, что «кажущаяся» связь может оказаться и действительной, если докапываться этнолого-лингвистически до начальной истории термина в ту эпоху, когда луна и солнце представлялись двумя разновидностями одного явления, братом (луна) и сестрой (солнце), «когда оба светила являлись очами, одно — «*оком* небес ночным», другое — «*оком* небес дневным», и потому солнце с луной могут быть известны под одним и тем же названием; в связи с этим и вообще требуется пересмотр дававшихся уже яфетидологических толкований, раньше лишь формальных, Tibar-en и т. п., со включением Sispir || Ispir (←Hispir), а равно с разъяснением отношения к ним металлургического грузинского термина ვიე-ფერ (←ვეე-ber) ↘ ვიე-ფერ (←св. ვიე-ber) *желтая медь, латунь*. Слово с самого начала казалось составным, и, исходя из грузино-мегрельской лексики, мы понимали его в смысле «металла цвета (г. ფერ) луны (м. ვიე-а *месяц*)»; мы предполагали, что достигли настоящего смысла термина, переведши его с первоначальным значением ფერ←ber *дитя, сын* — «дитя || сын луны». Лишь в самое последнее время для нас стало ясно, что составной термин находится в связи с разносоставностью сплава металла латуни (меди и латуни); что же касается самого наречения, для него прежде всего, если оно первобытно, мы должны искать тотемное происхождение, т. е. усмотреть в нем на-

Среди наметившихся пока миграций яфетических народов нет ни одной, свидетельствующей о переселении от синтетического или агглутинативного периода; к тому же все эти пока упомянутые миграции идут с Кавказа, разве за исключением иберов.

Пережитки яфетидов, вершики, они же бурешки или буришаски, открытые в Средней Азии на Памире, в своей речи выявляют следы соседства с армянами, с индоевропейским слоем гибридных уже языков Армении.[1]

звания племен с тотемами-металлами, входящими в состав сплава. Вторая часть ber→φer это «ивер» или «ибер» и в то же время «медь», первая часть, не переставая быть светилом «луной», могла означать «мягкий металл» — «олово» (ср. диалектически г. ɔoɔ-o *мягкий, нежный*, св. ɔoɔ→ ɔoɔ *молодой, нежный*, напр., дитя, яйцо, сыр и т. п.). Что же касается этнического ее значения, то разъяснение его требует весьма сложных сопоставлений с привлечением фактов, выходящих за пределы интереса настоящего доклада. К тому же пересмотр требует дополнительного собрания материалов, равно предварительного появления в свет подготовленных к печати выпусков моей работы по племенному составу населения Кавказа [Н. Я. Марр, Племенной состав населения Кавказа (Труды КИПС'а, № 3, Пград, 1920)]. Надо только упомянуть об одном: с этническим термином spir (||ʿhʾber) находится в связи первая часть другого составного металлургического термина г. spil-end (||ʿhʾpil-end), арм. pəǧ-ind или pəl-ind (←*spir-end) «медь + цинк (?) || олово» (см. Талыши. К вопросу об их национальном самоопределении, Труды Комиссии по изуч. плем. сост. нас. России, № 5, стр. 9, где вопрос затрагивается также мимоходом, но материалов яфетических дано в нем больше, хотя и там не исчерпываются): у армян и грузин термин означает то «медь», в частности «красную медь», то «бронзу», но это собственно бронза, и термин — разновидность прототипа bronzo и т. п. Следует, пожалуй, сейчас же еще оговориться, что яфетическое языкознание поддержало бы и того, кто связал бы медь, да и бронзу с пберами, как бывшими на Кипре, был ли этот остров их стоянкой на пути движения прямо морем или в обход сухим путем через Африку. В этом смысле весьма возможно, что такие европейские названия меди, как Kupfer, cuivre связаны с названием Кипра, но дело здесь не в самом острове, а в воспринятом им племенном названии народа, отнюдь не пригвожденного к Кипру. Потому S. Reinach так же ошибается, возводя «le cuivre» к Кипру, когда европейский термин яфетического происхождения «бронза» он производит, как многие другие, от названия города Brindisium (Le Mirage oriental, в L'Anthropologie, т. IV, 1893, стр. 567). Для яфетидолога такой прием по существу не многим отличается от того, как если бы argentum вздумали производить от Аргентины. Западноевропейские ученые иберов склонны порой считать то «неолитической средиземноморской расой» (H. G. Wells, The Outline of History, стр. 91, см. также ниже у нас), то объединяют их с басками, кавказцами, дравидами, шумерами и монголами в одну группу, в котор й готовы видеть «носительницу элиолитической культуры» (H. G. Wells, ц. с., стр. 91, см. выше, стр. 108).

[1] Как ни древне выселение бурешков с Кавказа или разлучение их с кавказскими яфетидами, это племя из лексического состава своей речи получает свидетельство в том, что оно выселенец той эпохи, когда индоевропейцы были уже на Кавказе, и индоевропейские элементы успели уже преобразиться в формы и виды, адаптированные к языковым психологическим потребностям местной яфетической среды: в памирском яфетическом языке, бурешкском или вершикском, наблюдены индоевропейские слова армянского облика. Казалось бы, и на самом Кавказе сваны, один из народов, стоящих половиной своей природы, для него основной, в ближайшем родстве с басками, древними мошохами или, как произносили ассирийцы, мушками, из тех же пределов Армении двинулись, захватив с собою в живой речи, в весьма отдаленные времена, индоевропейские элементы армянского языка, как то разъясняется в специальной работе моей: «К дате миграции мосохов (мошохов) из Армении в Сванию» (ИРАН, 1916, стр. 1689—1692). Равно в самом архаичном местном литературном языке, халдском клинообразном, мною улавливались некоторые, казалось бы, индоевропейские лексические элементы, как то разъясняется в работе об откопанной И. А. Орбели на Ванской скале надписи Сардура II. Однако в числе этих слов имеется термин ir (||er←her) *отец, мужчина, самец*, равно *войско*, откуда и г. er-i *народ, войско*, он же эквивалент, казалось, др.-л. армянского аур (←har-i) *мужчина, муж* и т. п., а с ним неразрывно связано не только абх. аг *войско* и т. п., а также в составе сложных слов «самец», но и, как теперь стало известно, басское слово ar со значением «самец» (mâle), и мы теперь не решились бы на свидетельстве одного-другого слова, да еще с недоосвещенной историею строить столь ответственное заключение, как нахождение индоевропейцев уже на Кавказе, более того — преображение индоевропейских слов в армянские формы тогда еще, когда баски находились на кавказской прародине. У меня, наоборот, возникает сомнение, не имеем ли в термине чисто яфетическое слово, случайно встречное по созвучию с индоевропейским эквивалентом, потому именно отлившимся впоследствии в эту разновидность в армянской лингвистической среде. Приходится не спешить пока ни с тем, ни с другим выводом.

Хронологическое начало, terminus a quo, миграционного на Запад движения древних яфетидов доисторических эпох этногонического значения, также нельзя датировать временем ранее периода флективного строя яфетической речи, т. е. временем, когда яфетиды и не были выделившимися. С другой стороны, само собой разумеется, ни в одном случае не может быть вопроса о племени-примитиве среди яфетидов, переселенцев с Кавказа: это все скрещенные или гибридизованные типы яфетических племен, и в этом опять-таки у нас известная опора для яфетидологического лингвистического выяснения даты начала движения яфетидов на Запад с Кавказа.

Но скрещения на Кавказе — мы уже знаем — имеются двух категорий: чисто яфетические и яфетическо-индоевропейские.

Кардинальный вопрос, вопрос первой очереди — были ли чистыми яфетидами, хотя бы и скрещенными, или яфетидо-индоевропейцами все наметившиеся средиземноморские яфетиды, т. е. не только пеласги, этруски и баски, но и ионы или ионяне и иберы?

Что касается пеласгов, этрусков и басков, у нас есть возможность использовать известное этнологическое явление для их ближайшей датировки: это их одинаковая принадлежность к эпохе народов-k, т. е. носящих племенные названия с яфетическим окончанием мн. числа k, и, в связи с этим установлением единства эпохи их появления, отнести пеласгов, как и этрусков и басков, к чистым яфетидам на основании анализа древнеписьменного этрусского яфетического языка и живой басской яфетической речи.[1]

Остающихся иберов и ионов не объединяет и морфологический облик их племенных названий, если держаться тех форм этих этнических терминов, под которыми они искони известны на Западе. Эти народы терминологически сближает лишь то, что их названия «ибер», «ион» входят в состав гибридного кавказского этнического термина «иберо-ион», названия, очевидно, гибридного яфетидо-индоевропейского племени, впоследствии уже просто эллина. «Ибер» сочетается с «ионом» для образования названия яфетидо-эллинской помеси, впоследствии эллинского племенного объединения, как в другом случае с «ионом» сочетается «баск» для образования названия яфетидо-армянской помеси, впоследствии армянского племенного объединения. Иберы с басками, имеющие, как яфетиды, свои внутренние особые соотношения близости и расхождения, в приведенных составных племенных названиях являются определителями одинаково яфетического племени.

Но как быть с ионами, в отношении которых вопрос о двурасовой гибридности, о принадлежности к народам яфетическо-индоевропейского скрещенного типа стоит особо остро? Ион впоследствии, понятно, означает просто эллина или грека, но иное дело в эпохи, о которых идет речь, и в крае, где тот же термин «ион», равно ряд его разновидностей, служит племенным названием чистокровных яфетидов. Да и в составе гибридных племенных названий — ионо-баска, впоследствии названия армян, и иверо-иона, впоследствии названия эллина, ион

[1] Касательно басков, однако, надо хранить долю сомнения в связи с разъяснением, данным в предыдущем примечании.

в отдельности, очевидно, означал не эллина, как и не армянина, а носителя индоевропейского этнического элемента, и вопрос именно в том, в виде ли чистокровного яфетида, или уже скрещенной с индоевропейцем помеси появлялись ионы на Кавказе, и какие дары этнической культуры могли нести с собою ионы, как яфетиды, и к какой, следовательно, эпохе относится их движение на Запад.

Это — вопросы, требующие освещения уже данными истории материальной культуры. Яфетидолог-лингвист может напутствовать археолога-вещеведа разве некоторыми сведениями из языковых данных эпохи племенного творчества: ионское яфетическое племя, по самому его названию в местных яфетических разновидностях, связано неразрывно, как с тотемом, в металлах — с «железом», а в животных — с «конем»: это яфетическое племя «железа» и «коней», т. е. позднейшей культуры. То же племенное название служит названием и печати-перстня; одновременно связанное с яфетической лингвистической почвой, откуда происходит и русский термин «печать»,[1] слово это — печать-перстень — является родственным и с ковким металлом, и с пальцем: «ковкий металл», буквально — «пальцем образовываемый предмет», «глина» и потом лишь, по замене — «железо». Та же основа означает «рождение», «сын», «дитя», «быстрый», «река». Если остановимся на терминах, выражающих плоды человеческого творчества, племенной культуры — железо и конь, то получаем определение времени. Конь — это, понятно, не изначальное стяжание яфетической культуры. Даже при халдских царях, на Кавказе, впоследствии славившемся как богатый источник коневодства, кони более ограничены численно; по статистике военных добыч, это не столь значительный процент животного инвентаря кавказских яфетидов. У всех яфетических народов Кавказа название коня имеет одну и ту же основу, основу названия нашего племени, и это племя — носитель гибридизации, важнейшей для нашей проблемы, именно, яфетическо-индоевропейской гибридизации. Это племя — в спирантных разновидностях его названия ḥоны || йоны, ḥайн'ы (из ḥan + ı) → ḥай и ḥen'ы: это — эллины, это — армяне . . . Железо — с гибридизации яфетидов с индоевропейцами, а до гибридизации медь? бронза? Племя медь — иверы; они еще, значит, чистые яфетиды. Мы намечаем, ничего здесь не утверждаем. Мы можем утверждать одно, и то в отношении лишь речи, о басках и этрусках, народах не только меди и бронзы, но и народах с явно чисто яфетическими в основе языками.

Следовательно, с яфетидами можно углубиться в культурные пласты Средиземноморья лишь до начала третьего периода языковой их жизни, до начала флективного периода, до переходной его эпохи, когда завершалась первая формация флексии с помощью местоименных элементов. Социально яфетиды были пережившими не только начальные стадии общественности с аморфным синтетическим строем речи, но и первичный родовой или племенной быт с подлинным агглютинативным строем речи. Вещественно с яфетидами мы спускаемся до бронзового и медного века, можем углубиться с ними в районе средиземноморской

[1] Н. Я. Марр, Талыши. Труды КИПС'а, № 4, стр. 8.

культуры до неолита, но кому в таком случае принадлежат памятники предшествующих эпох в том же районе, памятники палеолита или элиолита? Придется ли очистить место в те начальные эпохи хамитскому племени, населяющему южное побережье Средиземного моря, и на северном побережье или в те отдаленные периоды не только семиты, но и хамиты не были выделившимися из одной семьи с яфетидами, переживая еще с ними, нераздельно, или чистый агглутинативный, или лишь аморфно-синтетический период своей психики и художественного творчества, куда мы относим не только творчество в звуках, творчество речи, но и творчество в линиях, творчество рисунка-орнамента и письма, тогда изобразительного, идеографического? Это выходит за пределы нашей специальности, относясь к области материальной культуры, и мы ставим лишь вопрос; это тоже большая проблема о до-флективно-яфетическом населении очага средиземноморской культуры. С нею неразрывно связан и вопрос о происхождении евреев и финикиян. Они семиты по языку, но это не решает происхождения их физического типа, как не решает вопроса об языке то, что антропологически баски более всего сближаются, по некоторым работам, с финикийцами.

Размах яфетических этно-культурных сил вширь мы также сдерживаем в пределах, намечаемых определенными лингвистическими проблемами, связывающими страны и народы Средиземноморского культурного района с Кавказом, более того — совершенно конкретными яфетидологическими материалами. Для основной тезы, пожалуй, безразлично, представляют ли соответственные народы чистых яфетидов или скрещения того или иного типа, именно, первичного с перевесом яфетической природы в речи, как, напр., армянский народ, или вторичного с перевесом индоевропейской природы в речи, как, напр., эллинский народ. Пусть разностепенны по причастности к яфетидизму малоазийские народы — фригийцы, ликийцы, карийцы — и европейские полуостровные народы этруски с пеласгами, баски с иверами. Все-таки это круг народов-языков, в котором нам дают полное право действовать наши лингвистические данные: скудны или обильны фракийские, ликийские, карийские, критские, этрусские и живые до современности басские языковые факты, разъясняемые на яфетидологической конкретной лингвистической основе генетического родства с языками современного, древнего и архаичного Кавказа, в числе их и клинописными, они действительно бросают совершенно новый свет на третью, не индоевропейскую и не семитическую, этническую подоснову в средиземноморском творчестве мировой культуры.

Когда же мы обращаемся к памятникам материальной культуры, то они не только поддерживают нашу лингвистическую, казалось бы, сказку, а ведут нас дальше: вещевыми свидетельствами о динамике, о творчестве той же этно-культурной среды они выводят нас за очерченные пределы и на Восток, и на Запад, но опять-таки в строго соблюдаемой связи с линиею морского побережья.

Впрочем, на Западе памятникам материальной культуры вторят и языковые наблюдения, поддерживая, на основании добытого материала о дальнейшем распространении то иберов (по вещественным предметам), то басков (по родству

в языке), мысль о необходимости яфетидологических исканий и на Британских островах.[1]

На Среднеазиатском и Дальнем Востоке иной счет с яфетидологическими данными, как они вскрываются лингвистической палеонтологиею на Кавказе. Три хронологических типа, два из которых пережиты яфетической семьею в единении с другими, тогда еще не выделившимися из нее языковыми группами, три строя речи характеризуют три периода ее творческой жизни: аморфно-синтетический, агглутинативный и флективный; типологически сближается Кавказ в плоскости флективного состояния с Западом, с средиземноморским населением Европы, а в агглутинативной и синтетической плоскостях со среднеазиатским и дальневосточным населением. Ограничивалось ли это сродство с языками населения Средней Азии и Дальнего Востока типологическими нормами, или оно включает в себе, как в отношении средиземноморского населения, и материальное родство морфологических воплощений? При наличных пока лингвистических методах исследования это не поддается учету, это лишь проблема, и мы оставляем ее в покое, оговорившись лишь, что тот или иной ответ на вопрос о миграции человечества, в частности и о первоначальной родине яфетического племени, уже выделившегося, в значительной мере зависит от решения этой проблемы.

На связи же внутри круга, очерчиваемого компетенциею яфетического языкознания, памятники материальной культуры вещественно поддерживают лингвистически устанавливаемые связи средиземноморских народов на единстве их племенной подосновы, этого третьего этнического элемента. Если от звуковой вирации перейти к движениям в играх, — вот игра в мяч, народно-национальная, общая у европейских яфетидов, так басков, не только с переднеазиатскими яфетидами, особенно на Кавказе, но и со среднеазиатскими яфетидами на Памире, на «индийском Кавказе». Яфетическое языкознание утверждает о скрещенном типе яфетических языков Европы, в числе их и басского; независимо от яфетического языкознания, о мешанности племенного типа басков, в связи с весьма ранним скрещением, говорят этнографы, уже о скрещении физическом говорят и антропологи.

В иберском племени антропологи признают этническое скрещение тройное, брахицефальных с двумя видами долихоцефальных, и вторым долихоцефальным типом население Пиренейского полуострова объединяется с такими средиземноморскими островами, как Корсика, Сардиния и Сицилия.

Пережиточно проявляется в зрелищах этнографического порядка, также объединяющих Пиренейский полуостров с островным этапом прохождения яфетидов-иберов на Запад, культ быка. Разумеется, не общий характер культа быка, а определенные районы его распространения и особые типологические его признаки, наблюденные в отражающих его памятниках материальной культуры

[1] Для нашего подхода от языка не столько интересен факт распространения, на основании памятников материальной культуры, «неолитической средиземноморской расы, иберийской расы» факт ее «распределения по Великобритании и Ирландии» (Wells, ц. с., стр. 91), сколько языковые наблюдения Rhys'a, принимаемые благоприятно Wilke (см. выше, стр. 108, прим.), отнюдь не яфетидологом, более того — даже не поборником значения Востока в средиземноморской культуре.

Испании и Крита, могли бы поддержать связь Средиземноморья с яфетическим миром Кавказа и вообще Передней Азии, где тот же культ едва ли можно разлучать с тем, что «бык» у яфетидов означал, как устанавливается лингвистической палеонтологиею, и душу.

Не естественен ли первый порыв — провести знак равенства между народом, положившим конец микенской эпохе внесением железа на смену бронзе в южную и западную Европу, и яфетическим племенем-железом, ионянами, скрещенными уже с индоевропейцами или еще чистыми?[1]

Можно поддерживать лишь вещественными памятниками связь движения яфетидов-металлургов бронзового века с вселением иберов в пределы Пиренейского полуострова, ярко роднящегося с Критским и вообще Эгейским районом в памятниках бронзового века, т. е. материализованных отложениях на тех этапах переселенческого движения, которые были пройдены яфетидами, не только иберами, но и этрусками, на пути их миграции на запад, морем прямо или с вхождениями с южного материкового пути в островные его пункты.[2]

Те же лингвистически утверждаемые связи Средиземноморья с яфетическим Востоком вскрываются, наконец, и типом погребений и реальными чертами таких общественных явлений, как матриархат с господством женского начала не в одном пантеоне, с полиандриею, оберегающей от кровосмешения, а также с разыгрыванием мужчинами родов — couvade, характерной бытовой древностью, отмечаемой у иберов западных (Страб., III, 4, 17) и восточных, малоазийских тибаренов (Аполлон., II, 1013). О той же связи говорит подбор культовых животных, не исключая и коз, тотемных четвероногих, играющих большую роль не только на Крите, в районе эгейской культуры и в западной Иберии, но и в определенных приморских полосах Востока, так, напр., у абхазов, этих кавказских пережитков народа басков. Сюда же относится и техника с частностями — формами орнаментов, фигурами из бронзы — и сам материал.

С металлами да и драгоценными камнями, яфетиды несли и «слоновую кость», название которой, даже латинское ebur, яфетического происхождения, в основе означающее, в какой бы звуковой разновидности его мы ни имели, одинаково —

[1] Правда, вопрос о вкладчиках железа в европейскую среду как будто решается в пользу кельтов, но далеко не по единодушному мнению археологов, да и, что главное, не в полном согласии с фактами. Пересмотр вопроса с точки зрения яфетидологии неизбежен. Железо столь древнее на Востоке стяжание яфетического мира, куда тяготеет терминология семитического изложения библейских сказаний, что трудно себе представить, после его изобретения, движение яфетидов на Запад, в простом ли виде или скрещенном, без несения с собою железных дел мастерства. Во всяком случае, нет надобности в объяснении появления железа на Западе, если оно идет с Востока, прибегать к посредничеству семитов, хотя бы финикиян. С пуническим вкладом в дело развития железного мастерства в Европе тем более следовало бы быть осторожным, что сами факты материальной культуры в него примешивают этрусков.

[2] Материально выступающее соучастие иберов в каждом из проявлений металлургической культуры на Западе, при яфетидологическом освещении вопроса о происхождении их языка, требует сугубой осторожности в обращении с вопросом об изначальности в Европе того или иного типа культуры, связанного с металлами. Такая особая чуткость тем более нужна, что история материальной культуры, независимо от яфетического языкознания, также вскрывает теснейшее родство иберов с шумерами (сумерами) или шумирами. И едва ли было целесообразно, с точки зрения объективных интересов науки, учитывать это в пользу северного населения Европы, германского, на том основании, что раз антропологические типы шумиров разлучают их с монголами и семитами, то в них, следовательно, можем иметь этнический элемент лишь индоевропейского происхождения.

«зуб».[1] И, когда речь о вкладе яфетидов в культуру Запада, вопрос не в самом веществе, а в знании вещества, в его первом определении-термине и техническом использовании, т. е. актах, порождениях потребностей и развития металлургической жизни, с которой яфетический мир спаян неразрывно всеми фибрами своей природы-речи, да и всеми объективными свидетельствами, из каких бы только мирового значения источников, не исключая литературных, ни шли относящиеся к вопросу показания. Это знание, вытекавшее из самой этно-культурной еще их жизни, из потребности раздобыть материал-пищу для самого своего существования, и могло только двинуть яфетидов в переселенческий путь определенного направления. Яфетиды, народы-металлурги вне спора, нуждавшиеся в металлах прежде всего для различных видов своего племенного хозяйства, в особой степени — земледельческого, по исчерпании залежей руд у себя, в родной стране, или по обнаружении их технически-качественной недостаточности, в поисках новых шли на запад (да и на запад ли только?), двигались, как пастушеские кочевые племена в поисках за пастбищами. Это была эпоха не великого переселения народов, а великого расселения яфетического племени, с длительным процессом стоянок на определенных пунктах и лишь, по использовании очередного пункта, как этапа, с возобновлением движения и дальнейшего расселения. Яфетиды двигались, расселялись и утверждались там, где находили месторождения потребных металлов и девственно-богатые природные условия для всего того сложного хозяйственного уклада жизни, который был связан с основой-источником их племенной материальной культуры, металлургией, взрастившей их общественность, их религию, их психологию. Но мы уже и без того слишком ушли в область не нашей специальности: это памятники материальной культуры Средиземноморья. Правда, памятники материальной культуры первые вынудили ученых заговорить о третьем этническом элементе, об яфетическом племени, о связи их с Кавказом, и пусть и далее специалисты по вещественным памятникам доскажут то, о чем они первые заговорили.

Наше построение можно бы поддержать, пожалуй, не единичным литературным свидетельством из подлинных источников истории, насколько у подлинной истории хватает памяти для таких углубленных в протоисторичность и доисторичность отдаленных времен, но было бы не стильно, не выдержанно с нашими сказками ссылаться на достоверную историю. Нам к лицу более опираться на сказки.

Наиболее авторитетный в делах прошлого человечества средиземноморский народ первые достижения, самое начало культуры — изобретение огня — в своих сказках связывает с Кавказом, яфетическим, судя по названиям, Кавказом.

Металлургия, медь, бронза, железо и т. д. присваиваются опять-таки изобретательному яфетическому Кавказу и по преданиям того же средиземноморского

[1] [Подробнее об этом см. Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, Л., 1926, стр. 13 сл.].

народа, эллинского, и по живой старине еврейского населения Палестины, которое также нельзя исключить из числа средиземноморских народов.[1]

И греческий и латинский мир Запада в связи с металлургическим значением огня сохранили нам родные для них имена Гефеста и Весты, божества огня и очага; и вот, как эти собственные имена, так стоящие с ними в неразрывной генетической связи нарицательные имена, греческие и латинские термины материальной культуры, названия очага и т. д., объясняются яфетическим языкознанием как яфетические корни, яфетические формы, яфетические слова, означающие светило, пламя, огонь, очаг и т. п.[2]

Огонь, искра в представлении яфетидов не только тот элемент, без которого невозможна физическая работа над добыванием и обработкой металлов, но и тот элемент, без которого невозможна умственная работа, т. е. человеческое существование. «Искра» и «мысль», «свет» и «мудрость» по яфетическому корнеслову одно и то же слово. Изобретение огня, похищение его искры с неба, под таким в корне углом зрения яфетического Кавказа, откуда происходит сказание о Прометее, можно бы понять как стяжание разума, сотворение мыслящего человека.

Сотворение человека по библейской сказке, находящей параллель, согласное изложение в независимой греческой передаче кавказского яфетического сказания, вообще страницы Библии о мироздании представляются происходящими из яфетического фольклора.

Распределение народов, первое после потопа, приурочивается к Кавказу. Это, конечно, сказка, как и то, что ковчег остановился на горе Арарате в Армении. Это настолько невероятная сказка, что мы, ученые книжники, не обращая внимания на относительную высоту вздымающегося на равнине Арарата, хотели гору-устой сказочного ковчега создать из менее бросающейся в глаза горы на юге позднейшей исторической Армении, из горы Карду, лишь бы приурочить и ковчежную гору, и ковчег к нашим готовым научным, в корне анахронистическим представлениям о первенстве «семитической» Сирии. Между тем гора Арарат на месте есть гора яфетидов-халдов, или карду, и гора яфетидов-басков, как до сего дня называют армяне Араратскую гору, в армянской разновидности — Масик || Масис, приурочивая название «Арарат», т. е., значит, «Урарту» или «Расен» || «Этруск», к равнине, над которой возвышается, как предвечный страж, ковчежная гора.

Столпотворение также сказка: «На всей земле были один язык и одно наречие» (Быт. II, 1). «И сказал Господь: вот, один народ, и один язык у всех» (Быт. II, 6). «Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого» (Быт., II, 7).

Но эта сказка — сказка яфетической действительности. На всей известной культурному тогда миру земле, от Кавказа и Малой Азии до Пиренейского

[1] Кроме иеговистической и элохимистической частей, вскрытых в тексте Библии, бесспорно сильно переделанном, этнологический подход отмечает в нем и древние фольклорные элементы от эпохи, предшествовавшей возникновению представления о боге личном или человекообразном.

[2] Разъяснение этих терминов составит особую работу.

полуострова, был один язык, язык одной яфетической семьи, с семитами не были еще разобщены, хотя и они были выделены. Удар по единству яфетического мира был нанесен, может быть, и раньше, но последний «уничтожающий» удар — coup de grâce — индоевропейское вторжение, за которым последовали смешение с процессом гибридизации, нарождения новых скрещенных языковых видов и иссякание взаимного понимания.

Процесс так называемой индоевропеизации, на самом деле новотворчества в языках, подлинной глоттогонии, происходил одинаково как на Востоке, в Передней Азии с Кавказом в ее пределах, так на Западе в присредиземноморской Европе. Здесь процесс осложнился, усилился позднее, когда семиты с хамитами были уже давно выделившимися из семьи яфетидов, новыми волнами индоевропейцев. Средиземноморье разбилось на восточное, черноморское, и западное, с Эгейского моря на запад. Малоазийские, островные и полуостровные яфетические языки европейского Средиземноморья, языки народов-творцов той культуры, которая предшествовала нашествию индоевропейских варваров, на вид уничтоженные, не отошли в мир небытия, не умерли, а, использованные в процессе новой этногонии и новой глоттогонии, ушли в быт и природу-речь, естественно, и в психику вновь народившихся народов. Созидатели доэллинской и доримской средиземноморской культуры не переставали участвовать в созидании всей европейской мировой культуры. По данным яфетического языкознания, ничто раз созданное не погибает в мире: скрещение и гибридизация до сего дня сохранили, в трансформированных видах, и психологию и речь третьего, т. е. яфетического, элемента в составе как древних — эллинов, римлян, — так позднейших — романских — народов, этих столпов в творчестве европейской мировой культуры.

Я вскользь упомянул о внешней формальной типологической связи, роднящей кавказский и вообще яфетический мир с населением Средней Азии, Дальнего Востока, а на юге — с Африкой. «Яфетиды» тех пережитых эпох собственно были не яфетиды, а собрание многоплеменной семьи: эта семья носила в себе и яфетидов и родственные с ними группы, она не разрешалась еще ими. Я ни слова не проронил о том, что интимно роднит Россию, ее юг с средиземноморской мировой культурой, ее первичным созидателем-племенем, подлинным яфетическим этническим элементом, без межи соседящим с Россиею, третьим этническим элементом на ее юге, т. е. не проронил я ни слова о протоскифском, протосарматском, протохазарском и тому подобных вопросах. В них, в работах о них, тот запас материалов, в которых естественно рождаются без чужого призыва стимулы к исканиям и научному творчеству. Ведь и истина высекается не из ученого, а из материалов.

Проблема — большая, эта проблема в целом, как она связана с яфетическим языкознанием. Да и одна средиземноморская этническая проблема обширна по открываемым ее яфетидологическим освещением перспективам и по возникающим в связи с ними многочисленным вопросам, а еще больше по необъятным, самым разнородным материалам, насыщенным искрами возбуждающего творчества. Работа, нужно ли говорить, не по плечу никакому ученому — один в поле не воин.

Нужна большая целесоответственная исследовательско-научная организация.[1] Опять новый проект института? Да сохранят нас небеса. А вот Академия Материальной Культуры? Совершенно верно выразились про мою теорию ценившие мою археологическую деятельность академики В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов: «слово сказано». Слово сказано, но дело не сделано, да и слово не досказано. Сделать дело — значит восполнить исследованием исторической материальной культуры лингвистическое освещение проблемы, дать жизнь сухому скелету. Но этого мало. Предстоит еще гораздо более тяжкий труд: долг наш освободить умы, не подготовленные знанием яфетидологических материалов, к конкретному восприятию теоретических построений яфетического языкознания, от естественной для них необходимости даже в указании на повседневную европейскую действительность азиатского происхождения видеть лишь мираж Востока, тем более, когда речь о мало или вовсе неизвестном ученому миру яфетическом Востоке.

Не думают ли мои коллеги, что разряда Академии Истории Материальной Культуры «Кавказ и яфетический мир» достаточно, чтобы справиться с такой обширной проблемой, в каком бы ни было скромном сечении или отрезке? Если так понимать назначение Академии Истории Материальной Культуры, то моему вступлению в ее состав нет никакого оправдания: для индивидуальных предприятий более чем превосходно устроен ученый работник в Академии Наук, где в этом отношении идеальная постановка дела.

Но организация Академии Истории Материальной Культуры рассчитана на совершенно иной тип работы, на коллективное разрабатывание научных вопро-

[1] Искать опоры в существующей довольно богатой количественно литературе по вопросу значит обречь себя на бесплодный Сизифов труд. Здесь мы находим, крайнее ли это увлечение Кавказом, или, наоборот, полное к нему пренебрежение, отношение к делу, одинаково исходящее из чего хотите, но не из знания фактического положения археологических данных на Кавказе в их целокупности или в исчерпывающей до глубин полноте источников по отдельному кругу памятников исторической материальной культуры. Исчезает различие между S. Reinach'ом и de Morgan'ом, одинаково становящимися жертвой владеющих ими мыслей, торжество которых покупается ценой нарушения основных методологических приемов. S. Reinach категорически утверждает: «Ничто из древностей Кавказа не дает впечатления, чтобы эта страна была отправным пунктом движения на Запад» (Le mirage oriental, стр. 562)... «Ничто из древностей Кавказа» (rien dans les antiquités du Caucase...)! Да разве S. Reinach исчерпывающе опросил все виды древностей Кавказа? Да и вооружен ли он, или кто другой, для любопытного опроса, чтобы с такой решительностью что-либо отрицать или утверждать в отношении «древностей Кавказа»? Ведь сам он признает, что в этой области знания, так блестяще им разрабатывавшейся, без лингвистической палеонтологии нельзя решать ничего. Или Reinach не только не подозревает значения языковых древностей на Кавказе, но и не допускает мысли об их существовании? Да и в вещественных памятниках исторической материальной культуры разве на наличную степень археологической обследованности (не говорю уже изученности) Кавказа можно взваливать бремя разрешения такого мирового исторического вопроса, как проблема об источнике возникновения металлургической культуры в Европе? Самое искание этого источника и, допустим, нахождение его на Кавказе разве решало бы отрицательно возможность дальнейшего выслеживания первоисточника в другом, а еще более раннего источника — в третьем месте? Когда работы во всех категориях древностей, не исключая и мифологических сказаний древних, нас приводят к Кавказу, вопрос о последнем должен быть доработан до конца исчерпывающим опросом самих кавказских древностей не с точки зрения отвлеченно-теоретического интереса к праисточнику, а по необходимости археологического обследования Кавказа, неразлучимого ни с Передней Азией, ни с югом России, как ближайшего этапа, неизбежного средоточия, во взаимодействиях Запада с Востоком, откуда бы и куда бы, смотря по эпохе, то или иное движение ни направлялось. Не считаться с таким завещанным от первоисточников преданием, не разъяснив его, только потому, что естественникам не удается пока отыскать место залежей олова, впервые эксплуатированных человечеством,

сов, на вхождение в исследовательский процесс не специалисту-руководителю лишь с его ассистентом и сотрудниками, а всем ученым Академии по степени касательства вопроса к их специальности. Здесь объединение не лиц, а самих работ еще в процессе их развития. В Академии Истории Материальной Культуры как будто уже налаживается такая коллективная работа даже между натуралистами и гуманитаристами.

Институт Археологической Технологии — это учреждение, показывающее в деле флаг, под которым должен плыть и наш исследовательский корабль. На корабле Института нашелся уже коллективный дух-рулевой, берущий направление, которое надлежит взять и нам. У Академии Истории Материальной Культуры еще много дела по своей организации. Творя исследовательское дело, имея в одной руке то добывающую материалы раскопочную лопатку, то дробящий, анализирующий молот, другой она не может не владеть созидающим молотом, не творить научных ценностей по истории материальной культуры, а это ей указывает совершенно определенное место в общем строе республики: Российская Академия Истории Материальной Культуры, связанная с материалами прежде всего российскими, исследует и научно способствует исследованием охране памятников исторической материальной культуры нашей страны; но она же созданными ею научными знаниями содействует более совершенному художественному и техническому творчеству нашей же страны, входя в живое общение с ее производственными пунктами, с которыми у ней должны образоваться целесообразно организованные способы взаимообщения. Это единственный путь для Академии внедрить себя в состав существующей общественности, не

это безусловно преувеличивать значение натуралистов в области археологической науки. Вопрос совсем не в том, что, как узнаем из ясно выраженной мысли Reinach'a, французский археолог просит людей доброй совести повременить своими научными исканиями до «дня, когда тот или иной компетентный путешественник представит какой-либо Академии надежное доказательство древней эксплуатации олова в центральной Азии, и утверждаемое им естественно будет видоизменено», а «до тех пор иметь смелость принять его мнение». В области истории материальной культуры изыскания никогда не могут базироваться на разъяснении одного частичного вопроса, хотя бы столь важного, как вопрос о древнейше известном месторождении олова: ни один добросовестный ученый не может и не должен прерывать очередной в пределах его компетенции работы, диктуемой имеющимися в его распоряжении знаниями. Отступать от такой необходимой исследовательской задачи в частности по Кавказу, конечно, нельзя потому, что на пути к ней мы встретим столб с надписью: «Mais rien, dans les antiquités du Caucase, ne donne l'impression que cette contrée ait été le point de départ d'un mouvement vers l'ouest». Эта надпись сама по себе интересна ныне лишь как этап, уже пройденный, на пути исследовательской работы по общей истории материальной культуры. Сам автор этой надписи не вполне был, надо думать, уверен в магической ее силе, когда для поддержания владевшей им мысли обращался к содействию осетинского языка, как определяющего неазиатский характер кавказских древностей (Le mirage oriental, стр. 562): «Tout cela se conçoit d'autant mieux que les Ossètes appartiennent encore aujourd'hui, par leur langue, à la famille aryenne, qui n'est pas d'origine asiatique». Совершенно забыт им же преподанный урок по кельтскому вопросу, что язык кельтов, индоевропейский, отнюдь не говорит ничего о происхождении их культуры, их мифологии. Но Reinach идет еще дальше в самораскрытии, отожествляя Осетию с Кавказом: для него, можно подумать, существует лишь осетинский Кавказ (ц. с., стр. 562): «ni la Babylonie touranienne ou sémitique, ni le Caucase ossète n'ont pu être la patrie de la métallurgie du bronze européen» ... Чем при таком воспринимании Кавказа S. Reinach отличается в отношении метода от de Morgan'a, для которого Кавказ существует армянский, индоевропейский армянский (см. Н. Марр, Талыши, стр. 10 сл.). Основной же дефект общего характера в подходе научно более осмотрительного S. Reinach'a в том, что и в протоисторические эпохи мировой культуры между Средиземноморским и Переднеазиатским в частности, Малоазийским и Кавказо-Южнорусским районами он видит такое же противоположение Востока и Запада, как в античную пору и позднее.

остаться вне жизни, вне возможности в полном объеме осуществлять свои научно-исследовательские задачи. И для оправдания возлагаемых и моментом и общей ее конструкциею задач в первую голову надо найти ось своего независимого научного вращения, движения и прогресса, как для своей внутренней организации, так для вовлечения не только своих разрядов, но и вне ее стоящих однородных с нею учреждений, в это единое, мощное научное движение-творчество, предоставляющее место для параллелизма лишь отсталым, реликтовым элементам. Академия сама должна найти пути и стать твердо на них, чтобы положительными результатами, плодами своей творческой работы, вносить вклад красоты и историческим опытом проверенного технического совершенства в экономическо-хозяйственную жизнь страны, чтобы самостоятельные свои научные искания расширить заданиями непосредственно жизненного значения. Несомненно, для такой деятельности нужны не только новые, но и свежие силы, свежий воздух. Воздух сперт у нас и душно в научном мире, особенно в мире духовного изучения материальной культуры не извне, а внутри. Наша даже творческая на вид, призывающая к дерзанию речь становится мертвой фразеологиею, так как в нас уже по возрасту сидит ищущий покоя человек, ветхий мыслитель. И вот почему в полном убеждении, что Российскую Академию Истории Материальной Культуры, имеющую за собою лишь год бурного организационного существования, ожидает громадное будущее, а ее настоящее должно немедленно перейти в руки имеющих остаться и в будущем ее работников, т. е. молодых сил, отъезжая или собираясь уехать, я с удовольствием вспоминаю завет грузинского поэта, также яфетида, кавказского баска или месха: «Когда час пробил ухода, то не следует временить, не медля надо уйти».

Яфетиды[1]

«Визири ответили: О, эмир правоверных, ты не сможешь снести этого дворца, а если ты его разрушишь, то славы тебе от этого не будет, ибо разрушать труднее, чем создавать».

Ф. А. Розенберг, Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде, стр. 2.

I

«Разрушать труднее, чем создавать» — это лишь частичное отражение правды. К непокрытой правде будем ближе, если скажем: «разрушать не только трудно, но нет никаких сил». Это чувствовал величайший архитектор, легендой обращенный в сына плотника, когда он, творец одной из мировых религий, наиболее философски продуманной и наиболее этически построенной, говорил: «Разрушьте сей храм, и я построю его в три дня». Это вызывало недоумение и даже насмешки в окружавшей его среде, но факт то, что старое так и не было разрушено: старая языческая религия культурного Средиземноморья, также мировая, нашла свое целостное органическое продолжение в нем, этом новом учении: оно лишь претворило ее, преобразив ее, но разрушить не могло.

Успешно идет лишь разрушение видимостей, но существо, природа, сила вещей нерушимы. Но даже в мире невидимостей разрушать труднее, чем строить. Всякое теоретическое учение есть, конечно, видимость, безразлично, касается ли оно явлений природы или общественности.

Бесспорные положения теории, научные истины — это видимости, плоды восприятия человеческим умозрением, под определенным углом зрения, не подлежащих сомнению фактов и закономерной связанности. Новые факты, раньше не наблюденные, и вызываемая ими потребность в новом угле зрения, т. е. условия, объективно необходимые для возникновения всякого вновь зарождающегося теоретического учения, создают почву для плодотворной работы и открывают далекие перспективы полного успеха в новом строительстве, но, чтобы создать по-новому, надо располагать и субъективными условиями, общественным мышлением, вытекающим из материально сложившейся жизни; и здесь на страже против новшества стоят людское настроение и интересы общества, сжившегося с воздвигнутым в великолепие дворца восприятием фактов, хотя бы объективно потерявших прежнее исключительное для науки значение, и такой старый дворец разрушать, конечно, гораздо труднее, чем строить свободно новый. И если так обстоит дело с видимостями — теоретическими учениями об явлениях природы, особенно общественности, — то бесконечно труднее разрушить самую реальность, особенно же столь реальное явление, как человеческая речь, — это создание общественности еще в большей степени, чем религия. В частности, не было никаких сил разрушить и уничтожить речь древнейшего населения культурного

[1] [Напечатано в журнале «Восток», 1922, кн. I., стр. 82—92.]

мира, какой она была еще до возникновения греков и римлян на севере и даже египтян и семитов на юге и востоке того моря, которое соединило Европу с Африкой и, врываясь Черным морем в Азию, имеет дальнейшие с нею связи озерами, именуемыми морями Каспийским и Аральским. А это древнейшее население составляли яфетиды, речь его была яфетическая, целый ряд яфетических языков.

Кто такие яфетиды? Это племя в составе многочисленных народов, по основным названиям не менее семи. Игнорируя его, нельзя сделать ни шагу далее в вопросе о составе и происхождении первоначального населения Средиземноморья и древнего Востока, т. е. всего древнего мира. Без учета не только культурного, но и этнического наследия яфетидов нет материальной возможности реально разъяснить и сложную культуру древних исторических народов Средиземноморья и их племенной состав, также очень сложный. С тем же племенем начинает связываться органически проблема о происхождении человечества, поскольку человеческий род определяется как собрание существ, «одаренных» не только разумом, но и речью. Эта одаренность людей, казалось бы изначальная и природная, есть плод затраты громадных естественных (неосознанно) и культурных сил на пути созидания общественности, орудием которой и явилась впоследствии произносимая и слышимая, т. е. звуковая, речь.

Чем выявляется такая ответственная роль яфетидов? Лингвистикой, учением об яфетических языках.

Откуда и почему появилось общее наименование племени яфетидами, а их языков — яфетическими?

Это наследие первой ступени развития яфетического языкознания, когда оно было основано исключительно на признании родства раньше никак не определявшейся группы языков, расположенной на Кавказе, с языками семитическими.

В 1908 г. вышли «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими».[1] В таблицах раскрыта вся природа морфологии грузинской речи, особенно дотоле, казалось, неразъяснимого строя грузинских глаголов и их спряжения, которым посвящена большая часть труда (табл. VIII—XX). На десяти страницах основного текста предисловия кратко сообщены решающие характерные черты, общие у грузинского языка с семитическими, в числе их образование слов с помощью префиксов, своеобразное распределение гласных, как элементов, служащих для образования форм, а согласных, как корней, трехсогласность корней, сродство самих звуков и т. п. Там же приводились примеры. В одном из них — образчики звуковых и иных семитическо-яфетических соотношений в словах. Труд в целом — результат двадцатилетней работы, еще тогда дававшей возможность опираться в положениях, на которых покоятся основные таблицы, на сравнительную грамматику языков яфетических с семитическими. Столь длительная предшествовавшая работа ушла на филологическую разработку грузинского и — лишь культурно-исторически связывавшегося

[1] В издании факультета восточных языков Петербургского университета [см. здесь стр. 23—38].

с ним — армянского языков, единственно дошедших до нас богато и в письменном виде кавказских языков из круга яфетических или изначально соприкасавшихся с яфетическими. С этой работой связано создание особой армяно-грузинской филологии, возникшей на общности культурных основ двух ныне разрушенных цивилизаций, армянской и грузинской, на создание которых оказывали свое влияние в области письменной речи, литературы, искусства и вообще исторической общественности культуры других мировых государств. Естественно, в то время для сравнения с семитическими языками приходилось пользоваться почти исключительно языком грузинским, и это в подборе предложенных образчиков дало недостаточно точное распределение материалов; материалы разъяснялись как грузинские, тогда как они грузинским языком были усвоены из тех или иных родственных с ним языков. Но факты оставались тем не менее фактами, и за немногими исключениями они поныне не теряют значения в установлении того положения, что яфетические языки родственны с семитическими.

Раз родство грузинского и родственных с ним языков с семитическими было установлено, а с семитическими языками приводились в родство хамитические, не оставалось другого выхода, как назвать вновь определявшуюся группу языков, расположенную на Кавказе, по имени третьего оставшегося брата — Яфета. Это можно было сделать тем легче, что лингвистически такое общее название ни к чему не обязывает. В такой, совершенно условный, термин можно вносить все то значение, которое определится успехами исследований, и в зависимости от них совершенно менять его смысл. Это уже произошло. Обрисовавшееся вначале братское родство яфетических языков с семитическими и хамитическими, дававшее право их общий праязык именовать — также условно — ноэтическим, с первых же шагов оказалось под сомнением: выяснилось, что хамитические языки отстоят значительно дальше от семитических, чем эти последние — от яфетических.

Но в отношении яфетическо-семитического родства, остающегося незыблемым, применение определения «братское» все более и более теряло почву по мере развития учения об яфетидах.

II

Яфетическое языкознание ныне переживает в себе, в своем внутреннем развитии, пятую и как будто для него уже последнюю ступень развития. На первой ступени, когда все исследовательское внимание сосредоточилось на взаимоотношениях яфетических языков с семитическими, правильному восприятию задач яфетического языкознания мешали два обстоятельства: с одной стороны, царившее научное положение, что круг кавказских языков, связанных узами родства (т. е. языков, новой теорией именуемых яфетическими), составляют, из живых, лишь четыре южнокавказских языка: — грузинский (в долинах верхних и средних течений Куры и Риона), мегрельский с чанским или лазским (по восточному и южному побережьям Черного моря, именно чаны по узкой полосе от Хопэ.

близко от Батума с запада, до Атины, на довольно удаленном пункте от Трапезунда с востока) и сванский (на верховьях Ингура и Цхенис-Цхала по-грузински, а по-свански — Лашха, в древности по-гречески «Хиппоса», т. е. Конской реки или Лошади-реки). Не было еще ясного представления о принадлежности в какой-либо мере к тому кругу даже абхазского языка. Разумеется, и такой тесный круг родственных языков еще более сужался от горизонта, создавшегося в нем благодаря господству норм одного лишь исторически культурного языка, грузинского. С другой стороны, не только обширность занимавшейся семитами площади, но и древность исторической культуры семитических народов, органически связанных с хамитическим Египтом, и значительность роли каждого из семитических народов в создании мировых исторических культур, а также наличность у некоторых из них изначально национальных древнейших традиций относительно мироздания и доистории, — все это (да, конечно, и самая многовековая разработанность семитической филологии) невольно вовлекало исследователя в оценку доисторических племенных отношений семитов и яфетидов опять-таки с точки зрения явлений исторической культуры. Невольно приходилось рассматривать яфетидов как племя, представленное молодыми народами, а его значение определять его родством с семитами. Яфетические языки приходилось считать сохранившимися, не в пример семитическим, в обновленном виде, со многими, казалось, новшествами, отделявшими их от архетипной речи, строившейся первое время по историческим нормам лучше разработанных семических языков, всегда письменных, но по образу и подобию их.

Вторая ступень в развитии яфетического языкознания начинается сосредоточением изысканий в кругу самых яфетических языков. Изолированность грузинского языка в аргументации яфетическими данными стала отпадать. Усиленное привлечение других яфетических языков Кавказа, бесписьменных, вызвало переоценку значения живых и мертвых языков, к каковым относится и грузинский древне-литературный язык. Возникло учение о двух ветвях яфетической семьи языков, сибилянтной и спирантной, с делением первой на две группы (свистящую и шипящую). Чрезвычайно сложные и тонкие, но прозрачные, слухом воспринимаемые соотношения бесписьменных языков содействовали выяснению факта скрещенности многих яфетических языков и возникновения их в результате смешения. Усилился теоретический интерес к скрещенным типам, прежде всего чистых яфетических языков, первым образчиком которого явился сванский язык, метис языка шипящей группы с языком спирантной ветви.

Признаки процесса скрещения постепенно вскрылись во всех яфетических языках, но наибольший теоретический интерес представил так называемый «армянский язык», собственно два языка Армении: один древнелитературный, другой в древности бесписьменный, но и ныне наличный. Оба они оказались скрещенными типами исключительного значения, гибридами — яфетическо-индоевропейскими. В эту область вводят работы специального характера, под заглавием «Яфетические элементы в языках Арме-

нии»[1] (более общего характера некоторые страницы статьи «Кавказский культурный мир и Армения»).[2]

Но круг привлекавшихся в яфетидологическое освещение живых яфетических языков продолжал расширяться, и работа прервана в стадии вхождения ее в гущу многочисленных яфетических языков Каспийского бассейна в пределах Кавказа. Работа прервалась в 1916 году.

Третья ступень развития яфетического языкознания началась с обнародования работы «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания».[3] Эта работа вызвала неизбежность вовлечения в яфетидологические изыскания древнейших клинописных яфетических языков — халдского в доиндоевропейской Армении, шумерского в Месопотамии и древнеэламского. Поразительное и основное приобретение этих, отнюдь не законченных, изысканий состоит в том, что, хотя литература по крайней мере на одном из них, эламском, существовала задолго еще до возникновения шумерской письменности, а давность сохраненных в клинописи яфетических языков на много тысячелетий древнее возникновения всякого письма, тем не менее живые яфетические языки Кавказа, в числе их и грузинский, представляют, как оказалось, древнейший тип яфетической речи в лучшей сохранности.

Четвертая и пятая стадии, протоисторическая и палеонтологическая, в развитии яфетического языкознания составляют текущее дело последних лет, и по ним нет еще печатной работы, в какой-либо мере ориентирующей читателя в этом вопросе. Статья «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры»[4] намечает это положение в общих чертах, но все это — в призме кавказоведа, неспособного отделить факт давнишнего скопления яфетических народов на Кавказе (явление частичное и случайное) от явления общего и, в мировом масштабе, органического, каким надо считать факт нахождения яфетидов, за пределами Кавказа и Месопотамии, на дне, в роли начальных яфетических слоев и наличия в них единого племенного субстрата населения всех исторических народов так называемого древнего Востока и Европы.

С четвертой стадии, начинающейся открытием яфетического языка вершикского на Памире и определением европейских яфетических языков, живого баскского на Пиренеях и мертвого этрусского на Апеннинском полуострове, яфетидология перестает быть кавказоведной наукой. Яфетидологическую науку, развившуюся, хотя и не доработанную, на этнических материалах Кавказского района, приходится далее развивать в иных этно-культурных районах, в первую очередь среди двух других Кавказов: Кавказа среднеазиатского, у Гиндукуша и Памира, и крайне западного европейского Кавказа — в Пиренеях. Яфетидологическую науку, начавшую было слагаться на сочетании лингвистического

[1] [Печатались с 1911 г. по 1919 г. в Известиях Академии Наук: I — ИАН, 1911, стр. 137—145; II — ИАН, 1911, стр. 469—474; III — ИАН, 1912, стр. 595—600; IV — ИАН, 1912, стр. 831—834; V 1—2 — ИАН, 1913, стр. 175—181; VI — ИАН, 1913, стр. 417—426; VII, 1—3 — ИАН, 1914; стр. 357—364; VIII, 1—4 — ИАН, 1914, стр. 1235—1240; IX, 1—2 — ИАН, 1916, стр. 233—238; X A, B 1—10 — ИАН, 1918, стр. 317—348; XI, 1—4 ИАН, 1919, стр. 395—414.]

[2] [ЖМНП, 1915, № 6, июнь, стр. 280—330.]

[3] [См. здесь стр. 50—58].

[4] [См. здесь стр. 79—124].

изучения живых яфетических языков Кавказа с лингвистическим изучением мертвых яфетических языков Вана и Месопотамии, приходится переносить в Этрурию для изучения ее языка, также мертвого, не только сравнительно с яфетическими, но и сравнительно с ближайше соседившими индоевропейскими языками, так как гибридные типы в роде ныне хорошо известных кавказских гибридов, двух языков Армении, в той или иной степени намечаются во всех языках культурных народов Европы, в том числе в громадном большинстве у так называемых индоевропейских народов. У каждого из народов, оставшихся в одиночестве, не только у басков, некогда живших с иберами, этрусками-расенами (ретами) и другими яфетидами во Франции и Испании и имевших ответвления на Британских островах, но и у вершиков в Средней Азии и этрусков-расенов в Италии были сородичи-яфетиды, разнообразная речь которых отложилась в племенных и языковых новообразованиях соответственных районов: иранского, латинского, романского и др.

С палеонтологией возникает сомнение, можно ли относить в яфетидологию открывающиеся перспективы изысканий в области глоттогонии: процесс созидания речи и ее типологических перерождений протекал, разумеется, до выделения яфетидов в особую семью, и человеческий род в дояфетическом состоянии требует иного наименования. Однако бесспорен факт, что яфетические языки сохранили наиболее осязуемо материалы изжитых этапов развития человеческой речи, в них наглядно прослеживается процесс отложения как элементов, так и целых слоев языка на начальной и примыкающей к ней древнейших ступенях его развития. В этом смысле особенно плодотворной и показательной оказалась сравнительная работа с яфетическими языками в различных плоскостях, то в плоскости сопоставления яфетических языков с семитическими, то в плоскости сопоставления одних яфетических между собой как в пределах Кавказа, так и со включением внекавказских языков, среднеазиатского и пиренейского, а также и в том и в другом случае сопоставления их с метисами и гибридами различных типов.

Сравнительная работа в нескольких плоскостях вскрывает невероятную глубину времен зарождения человеческой речи, поскольку эта глубина освещается не последовательностью фактов одних звуковых перерождений исторической длительности в одной какой-либо типически сложившейся семье языков, а непрерывной цепью пройденных этапов типологических переоформлений, каждый этап длительности геологического процесса, при этом рядом с фонетическими и морфологическими, вообще, чисто языковыми, перерождениями приходится учитывать соответственное естественноисторическое развитие общественности и перерождения социальных типов бытия, прослеживая их на языковых фактах, особенно в морфологии и семантике, в глубь времен, за пределы семьи в обычном родовом восприятии, через матриархат к тотемическому строю и далее. Следовательно, дело не только лишь в том, что, в порядке последовательного развития одного типа из другого, языки флективные, агглутинативные и синтетические или аморфные образуют непрерывную хронологическую цепь в пределах одной и той же семьи яфетических языков. Дело и не в том, что трехсо-

гласный состав яфетических корней, вторящий такому же положению в семитических языках, вскрывается как результат развития более раннего состава из двух согласных и т. п. Дело в том, что в явлениях языка закономерно отражается общественность с ее психологией различных эпох, в том числе и древнейших. Формы множественного числа оказываются нормальным состоянием имен, так как еще не было представления об индивидуальном существовании в наличной общественности стадного периода. Лица не различались в речи даже тогда, когда уже появилась потребность различать их: одно и то же слово служило для выражения каждого из трех лиц. То же самое слово, обратившееся в личное местоимение, долго еще носило форму множественного числа, так как восприятие единой личности было все еще чуждо господствовавшей общественности. Особенно ярко наблюдается пропасть, отделяющая те доисторические времена от исторических эпох, в значимости слов или семантике. В доисторические времена существовали не только иные значения, но совершенно иные основы словотворчества и словоупотребления, — в зависимости от общественности и неразрывно связанной с ней психологии. В яфетических языках наблюдаются отложения словотворчества из эпох восприятия мира в образах космических и микрокосмических явлений, когда небо, земля и вода представлялись одним предметом, по всей видимости живым существом, существом, находившимся в трех плоскостях, верхней, земной и преисподней, а члены его тела представлялись повторением такого же космического восприятия физического строения человека. Все это давало возможность выражать мысли небольшим запасом средств звуковой речи, получавшей гражданство взамен начальной — изобразительной (или жестами, или мимикой). Яфетические языки вскрывают, что «слово» первоначально воспринималось не как нечто произносимое, а как орудие взаимоосведомления; яфетическая звуковая речь сохранила такое восприятие речи, между прочим, в термине «говорить», собственно означающем «осведомляющий устами» или «лицом» (сравн. pir-utkv-i «бессловесное, животное», буквально, «не умеющий осведомлять устами или лицом»). Состав первых произносимых слов, естественно, скудный, определялся прежде всего вкладом тотемно-организованной племенной жизни (как бы ни понимать тотем: как религию клана, комплекс социального, психологического и обрядового элементов, или еще иначе). При примитивном племенном тотемизме, когда одним именем или эмблемой обозначалось и племя, и «священные» для него предметы, словарное обогащение звуковой речи могло наступить только при образовании отдельных кланов из различных племен на тотемных началах, путем социализации индивидуальных тотемов. С этим связана неизбежность скрещения языков, процесса, столь же необходимого вначале для зарождения вообще человеческой речи, как впоследствии для выработки новых более совершенных ее типов и для зарождения новых многочисленных видов и подвидов.

Таким образом, язык определяется как создание общественности, плод человеческого творчества, на первых порах хотя бы и бессознательно-непроизвольного, как завершение неимоверно долгих стараний и затраты громадных сил, приспосабливавших и произносительные органы в воспроизведении звуковых элемен-

тов, повторяющих элементы общественного строя и их соотношения в психологическом восприятии тех бесконечно далеких эпох. Потому не только отпадает самое основание для искания реального праязыка в обычных филологических приемах его воссоздания, но и в действительно живом праязыке, впоследствии сложившемся, отпадает основание для нахождения понятия «отец». Наоборот, подготовленного этнологической школой языковеда не поразит нисколько, что в яфетических языках вскрывается общность одного и того же термина для каждого самца, будет ли он муж или брат; ему будет понятен факт созидания, в сравнительно также древнюю эпоху, слов и форм по женским образцам, усвоение, например, активного значения в строе речи элементам женского рода, в связи с матриархатом. Естественен и тот факт, что в первобытной речи собственно вовсе не существовало категории глаголов, обыкновенно принимаемых за коренную или основную часть словаря: действия или состояния предметов, интересующих говорящего, выражались определенным порядком в расположении имени, выражавшего основной предмет, и обреченных стать местоимениями служебных слов, обозначавших другие предметы, связанные тем или иным отношением с действием или состоянием основного предмета. Отсюда то кажущееся ныне излишним скопление местоимений в спряжении и богатство глагольных форм, которое поражает начинающих изучать лучше сохранившиеся яфетические языки, например, грузинский или баскский. Само собой ясно, наконец, что при таком фактическом положении реальной истории языка, до объединения человеческих существ в общественные ячейки тотемного характера не могло быть и одной общей речи. Само единство отдельных языковых семей есть стяжание общественности. Начало человеческой речи не идет от какого-либо изначального единого языка, и праязык, воспринимаемый в этом смысле, есть не научное положение, а фикция, в основе отражающая наивное восприятие библейского повествования о мироздании, рассчитанного, однако, при всей сказочности формы, на более глубокое разумение.

III

Каждая из вышеуказанных пяти стадий развития яфетического языкознания имеет свои задачи, часто не только не исчерпанные, но и вовсе не тронутые действительной работой. Так, например, только намечен путь (и то пока лишь с подходом от яфетидологических материалов) к связи славянских языков, в частности и русского, с яфетическими языками, повидимому, через скифский. Что скифы были первоначально яфетидами, это ясно видно из их названия «скиф» и национальной скифской его разновидности «сколот», получающих одинаково и формальное, и реальное толкование на почве яфетического языкознания.[1] Однако дело не в одних скифах-яфетидах, но и в русах-яфетидах и ионах-яфетидах, из коих последние отложили свой тотем, племенное название «дон» (означающее опять-таки «конь» и «река») и его разновидности, в названиях главных рек той

[1] [См. Термин «скиф». ЯС, т. I, стр. 67—132; Скифский язык. ПЭРЯТ, стр. 336—337.]

же территории. Правда, названия эти разъяснены как иранизмы, но это сделано без учета их палеонтологии, равнодушие к которой ныне вытекает из уверенности специалистов не востоковедов, предполагающих, что иранский мир сам по себе является чем-то совершенно определенным и разъясненным даже и в плоскости его генезиса. Относительно скифов-яфетидов недавно вскрылся новый материал из исторической древнерусской и древнеармянской литературы и дал, по связи яфетического Кавказа с Русью, тему для речи, произнесенной в Академии Истории Материальной Культуры: «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси (скифское предание в яфетидологическом освещении)».[1] Чтобы воспринять, однако, яфетидологическое освещение этого предания, требуются соответственные знания и особенный интерес к девственной еще палеонтологии русской речи, к вопросу об ее составе *в целом* и ее разноначальном происхождении. Без этого не могут притязать ни на малейшее плодотворное внимание указания яфетидолога на то, что ряд морфологических (общих или не общих с прочими славянскими языками) явлений в русском языке имеют яфетическое происхождение, что из яфетического источника происходят такие слова, как: «собака», «пес», «псица», «конь», «лошадь», «медведь», «куница», «слон», «пила», «зуб», «глаз», «рука», «книга», «печать», «баня», «мыть», «мыло», «купать», «перед», «первый», «берег», «речь», «щавель», «пахнуть», «пахать» и т. д. Здесь идет речь не о заимствованиях культурных терминов или названий экзотических предметов, к которым, допустим, можно бы отнести «печать», «книга», «баня», «слон». Дело также и не в случайных совпадениях нескольких отдельных созвучных слов, а в строго систематической выделяемости из русской речи имен (да и глаголов), тоже составляющих ряды, — каждый ряд из группы слов по особой области терминологии, как то: фауны, флоры, земледельческой культуры и т. п., с палеонтологией каждого из терминов и определением их места в яфетической семье языков.

Намечен путь и к связи германских языков с яфетическими в работе проф. Брауна на немецком языке «Первоначальное население Европы и происхождение германцев».[2]

Все эти и другие еще частности требуют чрезвычайно сложной работы, раньше чем определить исчерпывающе физиономию яфетидов и их вклад в общечеловеческое творчество не только по языку, но и по культуре, не только в Европе, но и в Азии и в Африке, где вопрос об исконной этнографической связи с египтянами требует предварительного уточнения вопроса о родстве семитов с хамитами. Поскольку этническая связь американских аборигенов с населением Старого Света все более и более упрочивается в сознании ученого мира, точки соприкосновения и исключительное сродство некоторых туземных языков Америки с языком басков также не могут не обращать на себя серьезного внимания языковедов с общей палеонтологической точки зрения, но, понятно, не в строго очерчиваемых пределах подлинных яфетических языков. Впрочем, и о значении

[1] [ИГАИМК, т. III, стр. 257—287.]

[2] Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen (Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens), Berlin — Stuttgart — Leipzig. Verlag von W. Kolhammer, 1922.

яфетидов для Европы приходится лишь говорить, а не работать, но это лишь потому, что на Западе до сих пор не было известно ни слова об яфетической теории, и специалисты даже к таким явлениям, как двадцатиричная система исчисления в кельтском языке, подходили как к черте, определяющей будто бы исконный индоевропеизм этого европейского гибрида, т. е. кельтского языка.

В этом районе Европы об яфетидах могли бы вспомнить не раз и те, которые, исследуя народные элементы в сказании о Грале или при выяснении поэтических форм и романтизма в провансальской литературе, в поисках за их корнями обращались к письменности кавказских народов, в частности грузин, или к местным на Западе народным традициям. Точно так же у нас, кавказоведов, не раз возникал вопрос о происхождении творения грузинского поэта Шоты из Рустава и поэтической его формы и культа женщины, не находящих себе объяснения в восточных литературах. Когда не могли быть установлены культурные пути для взаимодействия с Провансом и стало несомненно наличие корней этих явлений в местных кавказских народных общественных условиях и поэтических преданиях, приходилось невольно мириться с тем, что в одинаковых условиях рождаются схожие явления. Но не нужно ли к одинаковости условий рядом с общностью культурно-исторических источников, влиянием мусульманских литератур (арабской, а в Грузии еще сильнее персидской) и средневекового христианства отнести и этнографическое сродство — наличие яфетических переживаний в народных преданиях обоих давно разлученных культурных районов Запада и Востока?

Лингвистическая палеонтология при реальной постановке яфетического языкознания естественно врывается во все области исторического изучения общественной жизни, не только в литературную, но и в религиозную, правовую и т. п., отмечая в доступных ее исследованию реликтовых языковых отложениях пройденные этапы доисторической жизни. А за яфетическими языковыми материалами поднимаются живые фигуры самих яфетидов и их доисторическая общественность. Учет переживаний такой яфетической общественности дает конкретное содержание отвлеченным положениям науки об языке; так, напр., положение о гибридизации языков, основном начале в творчестве речи и в размножении ее видов, связано с неизбежной метисациею различных племен, которой в свою очередь предшествует скрещение таких общественных явлений, как религиозные представления, в частности социализация выражающих их терминов. О племенной метисации грузин, мегрелов с чанами (лазами) и сванов с неизбежным скрещением их первоначальных племенных языков свидетельствует тот факт, что тотемное божество сарматского племени (основного слоя в племенном составе грузинского народа) — tarmaƏ стало общим для этих чистых яфетических народов различных ветвей и различных групп, у каждого с природной для его группы огласовкой, но с заменой начального согласного сибилянтных групп (ṫ || ṭ) спирантным (ğ) по образу сванского ğermeƏ. В эту же тотемную племенную организацию входил армянский народ, сохранивший в качестве величайшей святыни священное имя того же тотема в виде «Карапет» с перенесением его на предтечу Иоанна Крестителя. Это тоже показатель скрещения, гибриди-

зации яфетического племени с индоевропейским, явствующий и из двуприродного состава армянской речи. Не может не наводить на мысль о такой же гибридизации той же яфетической тотемной организации с индоевропейским племенем в греческом народе факт усвоения греками того же божества в виде Гермеса. Из тотемных божеств не один только Гермес является объединяющим эгейский мир с яфетическим Востоком и прежде всего с Малой Азией и Кавказом. Посейдон (с основой «сейд» || «сид»), яфетическое божество металла и моря (специально ионийского моря или Понта), также вклад тотемного объединения яфетических племен с ионянами, знаменующего еще более сложное этническое скрещение в греческом народе, также оправдываемое яфетическими элементами его речи. В племенном составе греков больше связи с Малой Азией и Кавказом, чем с римлянами, у которых для тех же божеств, Меркурия и Нептуна, имеются другие связи также с тотемными яфетическими божествами. Да и самое единое божество, возглавляющее Пантеон всего культурного Средиземноморья, известное и Востоку, — Зевс — не представляет ли, вследствие своего экзотического, не индоевропейского происхождения, достаточно зрелый плод для того, чтобы первый же молодой серьезный яфетидолог сорвал его по своей компетенции (на то имеются весьма красноречивые лингвистические основания) и положил в корзину яфетического наследия?

IV

К части перечисленных вопросов, выдвинутых и уже освещаемых яфетическими языками, независимо подходили на Западе, но подходили, побуждаемые к тому или памятниками материальной культуры из доистории Европы (и особенно Эгейского мира и Египта), или лингвистическими загадками, какими являлись: мертвый этрусский язык или живой баскский язык, — оба одинаково заброшенные в среду чуждых, казалось, им языков, первый в Италии, второй на пиренейских отрезках Испании и Франции. Свои сближения с кавказскими языками, армянским, грузинским, иногда и горскими, исследователи то одного, то другого из названных европейских языков производили с усердием не по разуму. К тем же языкам обращались за помощью и толкователи (Борк, Хюзинг) надписей на неопределившихся языках Месопотамии и Малой Азии. За последние годы за такой помощью обратился один из исследователей (Кюни) двухязычной арамейско-лидийской надписи в ее лидийской части. Но все работали в полном неведении сравнительной грамматики яфетических языков без представления о реальных родственных связях, определяющих взаимоотношения кавказских яфетических языков. Незнакомство или недостаточное знакомство с этим учением делало малоплодотворными усилия наиболее серьезных специалистов, знавших материально ту или иную часть чистого яфетического мира, обыкновенно грузинский язык. Подходили и к вопросу о влиянии языка первоначального населения Эгейского мира на греческую речь, но работа велась в узких пределах, ограничиваясь подбором слов из культурных выражений (termes de civilisation).

Разумеется, как ни далеки изыскания западноевропейских ученых от средств и горизонтов яфетического языкознания, вскрывающего на конкретных фактах массовое отложение в греческом языке языков первоначального населения (в пределах Эгейского мира), работы этих ученых явно свидетельствуют о самом факте существования такого доисторического, доэллинского языка в восточном Средиземноморьи. На Западе идею о таком творчески важном доисторическом языке (в связи с иберийским, лигурийским и живым баскским) отстаивали некоторые кельтологи и романисты с этнографическим подходом к проблеме. Обобщению таких местных фактов не могли не содействовать частичные лингвистические или археологические изыскания, обнаруживавшие более или менее убедительно связи то Пиренеев с Египтом и Кавказом (Шухардт), то Египта с Францией или Эгейского мира с Испанией, Лидии с Эгрурией, Этрурии в особенностях речи с Германией, юга России с Хетской Малой Азией и Кавказом (Фармаковский), Кавказа с Месопотамией. Эти изыскания давали материал для обнаружения общих корней с Малой Азией и Египтом, и получалась возможность воспринять мысль, кое-кем формулируемую уже как научное положение, что, вообще, европейские народы взошли на иноплеменном субстрате первоначального населения всего Средиземноморья. И это независимо от яфетического языкознания. Однако сущность яфетического языкознания не в том лишь, что оно, как новое теоретическое учение, естественно снабжает нас новыми средствами для утверждения той же тезы и ее уточнения с помощью языковых данных. За новым теоретическим учением, то растущим и крепнущим, то по отсутствию рабочих сил останавливающимся в росте и изнемогающим в борьбе с заливающим его обилием поразительных доселе неведомых в их целости материалов, стоят совершенно конкретные живые фигуры яфетидов, древних, как ветхие деньми герои мировых сказок о сотворении вселенной, и молодых в перевоплощении последних племенных новообразований. Для народов европейского культурного мира они продолжают быть запасами первобытно-девственных творческих сил, находясь в племенной их консистенции в путях скрещения. И они-то, эти яфетиды, хорошо известные как бесспорно самые ранние творцы металлургических знаний, вынуждают ковать учение, совершенно новое по самой постановке. При впервые открывающихся перспективах действительной палеонтологии человеческой речи, это учение требует расчистки почвы там, где оно будет прочно строиться, если вообще найдутся условия для своевременного и прочного построения.

С яфетидами дело, ведь, не в одном языкознании, не одному языкознанию придется испытать все неудобства неизбежного коренного переустройства, может быть, лишь кажущегося внезапным и неожиданным или даже неприемлемым.

Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии — этруски и пеласги[1]

(La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pélasges)

Посвящается Азиатскому обществу
по случаю его столетия (1822—1922).
Твоя от твоих.

Столетие Азиатского общества, — событие особенно памятное для той ветви востоковедения, которая посвящена гуманитарному изучению Кавказа. Годовщина знаменитой корпорации французских ученых совпадает с первыми, во Франции, шагами кавказской филологии, которая с самого начала стала на верный путь, путь трудный и долгий. По искусной и творческой мысли она была основана для того, чтобы организовать лингвистические и исторические труды, перенося их с почвы национальной, которая на Кавказе изменяется от одного народа к другому, в общую область высшей науки, увязывая арменоведческие изучения с разысканиями над грузинским и даже над халдским языком клинописных ванских надписей. Достаточно вспомнить три имени: Сен-Мартена, Шульца, Броссе, которые хотя и весьма разнятся, но все трое тесно связаны с Азиатским обществом и его знаменитым органом — «Journal Asiatique». Достаточно этих трех имен, чтобы распознать составные элементы этого союза, столь необходимого для правильного развития и успеха гуманитарных исследований Кавказа и стран, родственных с ним по этническим связям. И хотя это было только эмбриональное начало системы, но зародыш быстро развивался, он пускал плодотворные ростки, из которых один был перенесен на берега Невы, в страну языковедного труда «Митридат». Он привился в недрах Российской Академии Наук благодаря Мари-Фелисите Броссе-младшему, автору многочисленных вкладов в «Journal Asiatique» и с того времени члену Российской Академии Наук.

Вот к каким фактам восходит источник одного из одинаковых проявлений деятельности и Азиатского общества и Российской Академии Наук. Отсюда идет также наследственная преемственность идей в той же области, которые общи для двух ученых учреждений. Если мы не продолжаем непосредственно идей Сен-Мартена, Броссе, Гюйара, Гаттейрия, то мы, несомненно, продолжаем их дело. И этот юбилей, конечно, обязывает нас не упустить случая выполнить наш сыновний долг по отношению к обществу, столь почтенному по возрасту и заслугам, и предложить ему со стороны наиболее юного из учреждений Российской Академии Наук последнюю научную мысль, символ молодости его чувств, к которому присоединяет и свои, не менее горячие, старая мать — Академия.

[1] [Напечатано отдельной книжкой на французском языке в серии изданий Яфетического института Российской Академии Наук, Петроград, 1922].

Мало понятые народы и поэтому объекты пренебрежительного отношения, эти бедные народы этруски и пеласги испытали судьбу льва из басни, который не имел певцов для восхваления его доблести и должен был примириться с тем, что слава человека его затмила.

Зато этруски и пеласги были одарены многочисленными названиями, что является, впрочем, уделом всех яфетидов. Между тем, ни один из ученых, интересовавшихся историей этих народов, не подумал отождествить их этнические названия с понятием благородства или мужества, как это часто делается по отношению к индоевропейским народам, обычно в ущерб подлинной истории, наименее известной историкам, когда дело идет о названиях народов, так как этот вопрос, предмет изучения доисториков, требует независимых методов исследования и специальных знаний.

Впрочем, я не собираюсь этим наброском возвеличивать славу названий этого загадочного народа, поскольку он вскрывает этрусское или пеласгское происхождение целого слоя римского народа, скорее низшего его общественного слоя «plēbs'a» (плебеев). Этот вопрос тысячи раз обсуждался, и следующая точка зрения принята в так хорошо изученной истории римлян: «Частный быт плебеев обнаруживает такие резкие отличительные черты, которые заставляют видеть в плебеях особый этнографический элемент, существенно отличный от патрициев и их клиентов».[1]

Более того, этнический элемент, представленный плебеями, совершенно иного порядка по своей социальной организации: у них — когнатическое право, и в их среде господствует матриархат. Вот как русский ученый, автор приведенных выше строк, заканчивает изложение поддерживаемого им мнения: «Все данные говорят в пользу того, что обособление класса плебеев не есть дело случая, а коренится глубже во всем укладе их жизни. Бытовые особенности доказывают, что это был особый этнографический элемент, отличный от индоевропейского типа господствующего класса патрициев».[2]

И это именно яфетиды, этническая структура которых характеризуется матриархатом. Наша этимология, следовательно, лишь несколько уточняет факты, имеющие отношение к этому этническому элементу: она определяет его название.

[1] И. В. Нетушил, Обзор римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на Харьковских высших женских курсах, Харьков, 1916, стр. 12. Я совершенно не касаюсь вопроса о плебеях, обсуждаемого вне яфетической почвы, как, например, у R. S. Conway, который заключает следующими строками свой разбор морфологии этнических названий Италии, в его глазах всегда индоевропейских: «Возникает вопрос, не надо ли держаться того мнения, что римские плебеи принадлежат примитивным вольскам, тогда как патриции происходят от сабинской крови» (Due strati di populazione indoeuropea del Lazio et dell'Italia antica». Rivista di storia antica, т. VII, 1903, стр. 424). Наконец, поскольку действительное происхождение термина plēbs вскрыто, ясно, что нельзя отождествлять плебеев с лигурами, как то делают Conway и Ridgeway («Who were the Romans?» Proceedings of the British Academy, т. III). Скорее прав был T. E. Peet, утверждавший, побуждаемый к тому археологическими данными, что «лигуры и народ свайных построек образовывали два и, вероятно, единственные два элемента древнего римского населения. Мне кажется сомнительным, чтобы эти народы можно было отождествлять один с патрициями, другой — с плебеями» («Who were the Romans?». A note on some recent answers, Annals. of Archaeol. and Anthr. issued by Institute of Archaeology. University of Liverpool, т. II, 1909, стр. 193).

[2] Ук. соч., стр. 14.

Разрешим себе повторить здесь индоевропейские этимологии термина plēbs. В нем хотят видеть 'множество народа', 'толпу', 'массу народа', 'массы народа' в противоположность 'знати'; корень слова отожествляют с корнем слова plēnus и т. д.[1] Между тем plēbe-s ‖ plēb-s своей основой p-lē+be ‖ p-lē+b представляет не что иное, как два варианта одного и того же слова, один с губным суффиксом множественного числа с огласовкой — -be, другой без огласовки — -b. Отсутствие огласовки характерно и для префикса p- (ср. pe- в слове «pelasg»).[2] Это явление наблюдается, равным образом, во многих этрусских словах, как, напр., P+les+tin-us, P+les+tin-a, P+les-ou-tei, P+les+ti-a и т. д.[3]

Огласовка префикса изменяется в соответствии с группой яфетических языков: рядом с «e» спирантной группы (pe-) появляется «o» шипящей (po-) и «a» свистящей (pa-). Такое же распределение огласовки у восточных яфетидов, т. е. прежде всего у яфетидов Кавказа. Что касается согласного, т. е. префикс ли он или суффикс, отношения западных и восточных яфетидов определяются, равным образом, выбором вариантов по следующей формуле: w ‖ m ↗ p → b → φ, где p характеризует эламский язык (-pa ‖ -ap), φ — мегрельский и чанский (-eφ ‖ -φe) и b — современный грузинский (-eb ‖ -be, диал. -eφ), в то время как древнее w ‖ m в живых языках появляется спорадически.

Остается основа lē; она не что иное как стянутый архетип *leh ‖ ley ~ les, эквивалент las (← ras) ‖ loш (→ luш) ← гош (→ гиш). В этом ряду мы находим ту же основу les. Она же именно засвидетельствована на востоке Кавказа с суффиксом множественного числа k → g в разновидностях les-g → les-k (груз.) и в их спирантизованных двойниках le-k (в груз. вместо *lē-k) ← *leh-k (→ leg, греч. λῆγες) → le-g (le-leg, греч. λέλεγες, с сонорным префиксом le- ← ne-. Та же спирантизованная основа в архаическом множественном числе (mn) встречается, как основательно подсказывает молодой яфетидолог А. Генко, в названии эгейского острова λῆ-μν-ος ‖ λᾶ-μν-ος, что бросает новый свет на сделанное там открытие известных надписей этрусского типа.[4] Опуская формы, не имеющие прямого отношения к нашему вопросу,[5] мы не можем обойти молчанием одну форму той же основы, но свистящего типа les-, также происходящую из эгей-

[1] Walde, Lat. Etym. Wörterbuch, s. v., 2-е изд.

[2] Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги». ЗВО, т. XXV, стр. 320.

[3] Вторая часть tin (‖*ten → ti ‖ te), десибилованный вариант *tin → til ↙ (tul ‖ шип. ṭul, resp. ṭur и т. д.), значит 'дитя', также 'детеныш' (животного, ср. груз. ti-til ‖ ṭu-ṭul 'цыпленок') и в то же время дает возможность разъяснить происхождение этрусского термина tin, 'Ζεύς' 'Зевс'.

[4] Н. Марр, Кавказские племенные названия и их местные параллели. Труды КИПС, 1922, стр. 3.

[5] Что касается общего вопроса о яфетическом происхождении терминов «пеласг» и «этруск», см. Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги». Я не могу не вспомнить некоторые факты в книге August'a Fick'a «Vorgriechische Ortsnamen. Quelle für Vorgeschichte Griechenlands», Gött., 1905. Мы находим lē- не только в Lē-te (-te лишь зубной суффикс мн. ч.), скорее Lē-ssa (ук. соч., стр. 105) или *Lē-ta или *Lē-ша (-ша множественное число шипящей группы), как в слове θάλα-σσα 'море' и т. д. (ср. Le-sa в Гурии, также с свистящим s вместо шипящего ш, в этом последнем случае, может быть, потому, что этот район, некогда населенный мегрелами и чанами, теперь совершенно грузинировался). Для Fick'a не существует ничего, кроме предположения, что Lēssa, по примеру Lēte, может быть пеласгским словом (ук. соч., стр. 35), равным образом и Лемнос (ук. соч., стр. 66).

ской среды.[1] Без префикса, как lez-g (← les-k) на Кавказе, в губном оформлении множественного числа les-b, (как plē-b), она сохранилась в слове λέσ-β-ος. Этот остров, населенный пеласгами, в отдаленные времена назывался πελασγία; «пеласги, первые обитатели Лесбоса, одни занимают этот остров в течение семи поколений», утверждает отнюдь не яфетидолог, впрочем, опираясь на древний текст.[2] Итак, λέσβος — лишь вариант термина «пеласги», строго соответствующий основным законам яфетической фонетики и морфологии. Другой вариант больше приближается к хорошо известному в Италии типу, т. е. «этруск». Огласовка его основы rus, архетип rush → rosh, измененная соответственно закону падения u ↘ ı, дает вариант rıs (вместо rıs), который имеет много вариантов, иногда снабженных префиксами или суффиксами (также наследие яфетической морфологии). Мы можем не настаивать на том, что имя жреца Brise, отца Бризеиды, означает именно «этруск». Для этого мы не располагаем еще реальным обоснованием, хотя отожествление было бы безупречно с точки зрения и фонетики, и морфологии. Но эту же форму основы в значении «пеласг» или «этруск» с сонорным губным префиксом мы встречаем в названии одной местности около горы на юго-востоке Лесбоса. Дериваты этой основы rıs-, resp. rıss-, налицо, иногда с префиксом a-, как в A-ras-k (Ἀράξης) в Армении[3] и др., и с губным показателем множественности, как plē-be и les-b, именно A-rıs-be ‖ A-rıs-ba, названии города на том же острове (по Геродоту),[4] иногда с сонорным префиксом, как le-le+g (λέλεγες), La-rıss-a, название нескольких городов пеласгского происхождения, равно и нескольких рек.[5] Что касается острова Лесбоса, где мы, впрочем, находим λαρισσαῖαι πέτραι, то он сохранил тот же корень rs этнического названия «этруск», с огласовкой «e», с префиксом также «e-» (ср. E-ras-t, E-ras-q̇, халдск. E-ra-q̇ˈınˈ-ı[6] в Армении) в E-ress-os ‖ E-res-os, ныне E-rez-o, название одного города на западном берегу.

Можно было бы отметить еще несколько случаев сохранения нашего этнического термина на самом Лесбосе, в том числе варианта с префиксом po- → pu- или скорее его деривата pw (во французском языке py-, например, Py-r[h]én-ée-s, Py-rg-os, ср. πυ-ργ-ος ‖ πέ-ργ+αμον и т. д.), но мы укажем замечательный образец архетипа этого префикса (чтобы несколько отдохнуть от этрусков) в ионском тотеме с произношением сибилянтной ветви: shon- ↘ shen- ‖ shed-, именно в имени *Po-sheyd-ōn ↗ *Po-ṭeyd-on (ποσειδῶν, ποσείδάων, ποτείδων), расширенная основа которого seyd-(вероятно, *sheid ↗ ṭeid), эквивалент sed-(скорее shed- ↘ ṭed-) ‖ sid ‖ sın и других форм, является лишь этническим тер-

[1] См. также Fick, Vorgriechische Ortsnamen, стр. 105: Lēssa.

[2] Диодор, кн. V, гл. 81, изд. Didot-Müller, т. I, стр. 305—306.

[3] Мы его, вероятно, имеем также в τὸν Ἄραχα надписей, представляет ли основа спирантный эквивалент *A-rah-k, как в Армении E-ra-q̇ˈınˈ-ı, сибилянтной основы A-ras-k, или же последний вариант в обычном воспроизведении греков Ἄραξ, принятом ими за именительный падеж, естественно дал в других падежах основу Arak- (Ἄρακα). Для Fick'a это название горы — хеттское, как, впрочем, и λέσβος (ук. соч., стр. 30, 62).

[4] I, 151 (Ἀρίσβαν).

[5] Aug. Fick, Vorgriech. Ortsnamen, стр. 105. Напрасно Fick силится сочинить хеттское происхождение для La-rws-ı- (λαρύσιον ὄρος в Лаконии), более древнего варианта La-rıss-a и т. п., и отделяет их друг от друга.

[6] Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги», стр. 327.

мином и обозначает в то же время племенного тотема — 'лошадь', 'железо' (также 'металл'); вообще он охватывает своим тотемическим кругом целый ряд предметов, принадлежащих небесным телам или космическим элементам. Достижением яфетической теории является уже ее неизбежное проникновение в Средиземноморье с помощью металлов, верховых и упряжных лошадей и то, что к ее колеснице (согласен, пока бедно оборудованной) прибавляется растительный тотем исключительного значения — 'вино' ('виноградная лоза'+'виноградник'), священное растение по преимуществу. С этим инвентарем доисторической культуры яфетидов мы имеем дерзость перенестись во Францию, прежнюю Галлию. Однако, если хотят исправлять мои выражения, требуя большей точности в этнической терминологии Франции, и, раз уже исторические границы перейдены, назвать прямо целью моего топонимического экскурса «страну лигуров или иберов», я согласен это сделать и охотно принимаю эту необходимую поправку. Однако я имею свои основания для не менее неотложного дополнения. Тот же район в те отдаленные эпохи, о которых у нас идет речь, мог бы называться «страной басков», «страной этрусков» или страной каких-нибудь им родственных племен, т. е., одним словом, речь может итти об определенных, хорошо известных яфетических племенах, повсюду и во все времена неразлучных.[1]

Конечно, H. Gröhler отстаивает лишь лигурийский язык, когда вопрос касается Сены; вот что он говорит по этому поводу:[2] «Sēquăna, древнее название Сены, приведенное впервые Цезарем, не выглядит галльским, потому что галльский язык с самого начала не знает звука q. Он заменяет индоевропейское q, как и греческий, через p, ср. лат. equus 'лошадь', греч. ἵππος, галльск. epos в собственном имени Eporedorix; petor- лат. quattuor в petorrita 'четырехколесная колесница'. Судя по этническому названию Quariates и по собственному имени Quiamolius, представляется, что лигурский язык имел q. Sēquăna, следовательно, по всем вероятиям, лигурское название, и оно же появляется, может быть, в названии реки Yucar в Испании, называвшейся в древности Sicanus.[3] Мы находим отражение этого также во Франции, и вплоть до нашего времени его эхо звучит еще там. Сона называется у Цезаря и других писателей Arar, но лишь много позднее появляется впервые название Sauconna, переделанное в течение веков в Saône. Долгое время слово это было в употреблении народной среды рядом с официальным Arar, введенным завоевателями-галлами, пока, наконец, древнее имя не одержало верх. Итак, Sauconna, повидимому, не что иное, как трансформация Sequana, произошедшая, очевидно, в устах народа. Это произошло, вероятно, при помощи названия Sēquăni, живших еще во вре-

[1] Основные мысли d'Arbois de Jubainville по вопросу об этнических связях Средиземноморья и Кавказа слишком устарели, чтобы мы считались с его тенденцией отвергать предание о родстве населения западной Европы с Кавказом, присутствие лигуров в Колхиде и т. п. («Les premiers habitants de l'Europe», 2-е изд., т. I, стр. 383—393, § 11: «Были ли лигуры в Колхиде на восточном побережьи Черного моря?»).

[2] Über Ursprung und Bedeutung der französischen Ortsnamen, ч. I. Ligurische, Iberische, Phönizische, Griechische, Gallische, Lateinische Namen. Гейдельберг, 1913, стр. 13—14.

[3] Спешу предупредить, что Sicanus, или, скорее, этническое название Sicani, представляет собой яфетическую форму с префиксом si — Sikan, как и Si-kul (Sicilia), Si-kel и мн. др.; основа kan (Si-kan-us) не имеет никакого отношения к Sēquani. *Н. М.*

мена Цезаря на левом берегу реки и имя которых предпочитали связывать скорее с Соной (ср. Garumni и Garumna), чем с далекой Сеной, как это происходит всегда и в наше время. Правда, установить фонетические и, особенно, тонические взаимоотношения обоих слов, представляет большие затруднения. Разве галльское произношение для Sēquăna было бы Sequána? Страбон и Птолемей пишут же Σηκοάνας. Одна деревня в департаменте Сарты и теперь называется Saosnes или Saônes, Saugonna в IX веке, Sagonna в 802 г.; g этой формы является смягчением первоначального c, так что и здесь более древний тип Sauconna служит основой, повидимому, для названия реки, как и в первом случае, равным образом река, на берегу которой расположена эта местность, и поныне еще называется Saonette».[1]

Приводя слова equus || ἵππος, чтобы подтвердить индоевропейское соотношение q || p (греч. и кельтск.), Gröhler не чуял, что лат. equus представляет прямой интерес для освещения основы названия нашей реки. Sēquan-, название реки, не что иное, как остаток этнического термина с окончанием мн. ч. -an; его чистая основа sēqu-, resp. *sēqw- восходит к архетипу sesqw (←*sewsq, первично *šewsq), сохранившемуся в мегрельском в варианте zesqw со значением 'дрозд' и в латинском в виде equ (←*hehqw ~ sesqw) 'лошадь',[2] даже sequ- в производных sequere ['бежать', 'гнать'] 'бросаться', 'преследовать', 'следовать',[3] наконец, sequester (ср. equester 'всадник' ['посланный', 'нарочный' →] 'посредник', 'арбитр'.

Архетип этого слова звучит *sewsq || *sawsq (*šewsk || *šawsk), а изменение q зависит от его истории, хорошо известной в яфетических языках (k → g → q). Древняя форма *sawsk налицо в основе sauc- (←*sauhk- ~ *sausk-) названия

[1] См. также H. d'Arbois de Jubainville «Les Druides ou les dieux celtiques à forme d'animaux». Париж, 1906, стр. 16—19. Здесь мы читаем (стр. 19, примечание): «Название реки Sequana и его дериват Sequani, название народа, жившего сначала на берегах реки, не служат доказательством сохранения некоторыми галлами индоевропейского q. Sequana — предшествующее галльскому завоеванию название, сохранившееся в Галлии; его можно сравнить с Donau, названием, предшествующим германскому завоеванию, но тем не менее существующим в странах с немецким языком Donau = Donnuius, Danube». Никогда в преисторические времена этнические названия не производились от названия реки, совсем наоборот. Конечно, Sequana, как и Dan-ub || Don-au, предшествует галльскому и германскому завоеваниям, оба они яфетические термины: Danub || Donau является также названием хорошо известного яфетического племени (ср. Н. Марр, Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении. Известия ГАИМК, т. III). Что касается приведенного нами в тексте отрывка, он весьма поучителен как построение из тщательных и остроумных замечаний, он безупречен с научной точки зрения, но обречен рухнуть целиком, как только палеонтология первоначальных языков этой страны раскроет действительные связи топонимики, пережитка доисторического периода, пережитка всегда яфетического.

[2] Н. Марр, 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа его миграции (ЯС, т. I, стр. 133—136). Из литературы, посвященной так наз. турецкому происхождению русского слова «лошадь», яфетидолог имеет особые основания отметить статью проф. Фасмера «Лингвистические заметки по славянским языкам» (Живая старина, т. II, 1908, стр. 147—148), в которой недостает лишь одной детали яфетической морфологии (-at ~ -ak → -a), чтобы узнать подлинную основу слова — lош-.

[3] Не безынтересно для этого семантического ряда сопоставить следующие факты, приводимые De Charencey в его статье «Deux termes argotiques de provenance orientale» (Journal Asiatique, 1906, VIII, стр. 191—192): «В самом деле можно привести немало примеров глаголов движения, произведенных от названий животных. Вспомним, напр., франц. serpenter и в народном языке limacer, т. е. 'двигаться медленно как улитка'. Можно добавить к ним выражение арго se cavaler 'убегать', 'мчаться изо всех сил', т. е., несомненно, 'убегать с быстротой галопирующей лошади'».

Sauconna → Sagonna,[1] откуда произошло франц. Saône. Но последняя форма может на почве яфетической фонетики восходить к другому архетипу, именно шош || гош, через посредство Saos-ne.

Отсутствие долгого гласного в латинском (equus, sequor и т. д.), равно в греческом (ἵππος || *hēp:[2] ἕπομαι) [~ *sesw ← sos] может восходить к яфетическим диалектам независимо от колебания, которому подвергались долгие гласные в греческом и, особенно, в латинском. Впрочем, название реки Sēquana || Σηκοάνας восстанавливает нам законную долготу.

Между тем, несомненный факт, что формы *sesqw ← *sewsq || *sawsq свойственны диалекту шипящей группы, т. е. группы языков мегрельского и чанского, что, следовательно, вынуждает нас отнести их к лигуро-иберской группе, поскольку можно судить о положении вещей по этническим названиям и некоторым лингвистическим явлениям. Даже в случае, если эти сближения правильны, столь дифференцировавшиеся термины могут принадлежать к названной группе лишь в своей фонетической части. Что же касается их материальной сущности, эта пара sewsq || *sawsq, как и их диалектический двойник шош ~ гош, того же шипящего типа, а также их эквивалент по свистящей группе ras представляет собою лишь тотем племени расенов или урартов (← u-ras-tu), т. е. пеласгов или этрусков.

Следовательно, эти слова по одной лишь своей сущности свидетельствуют о существовании в первоначальные эпохи этрусского племени в бассейнах рек, о которых здесь идет речь. Что касается лигуров, то они дали словам лишь свое произношение. Пребывание этрусков-расенов в бассейне Сены свидетельствуется также другим названием реки Saône, т. е. Arar, и если оно в самом деле было введено галлами, это не мешает ему быть не менее древним, чем Sequana или Sauconna. Конечно, слово Arar является эквивалентом основы seqw (← sesqw ← ← *sewsq || шош, resp. гош) лишь согласно фонетическим нормам свистящей группы (свистящее ras || шипящее гош), затем следуют естественным образом префикс a- и трансформация конечного коренного s (с последующим некогда гласным по яфетической морфологии или без него) в результате ротатизма в r, что произошло с той же основой ras в незапамятные времена на Востоке, прежде всего в Армении: достаточно красноречивым свидетельством этому служит термин Ay-rar-at (*Ya-ras-at), у армян название долины, Ἀραξενόν πεδίον и Ararat (← A-ras-at), название знаменитой горы, которую сами армяне уже издавна называют лишь именем Masiq, также этническим термином, названием басков или мушков (Mushk). Таким образом, так наз. галльское наименование реки Arar лишь один из дериватов архетипа Aras, одна из его фонетических трансформаций.

[1] Эти два варианта Sēqu-an (← *Sesqu-an, resp. *Sewsk-an) и его безупречный эквивалент (e || a и u || o) *Saqu-on, сохранившийся в более древней форме Sauc-on (← * Sawsk-on) дадут нам случай в другом месте исправить нашу этимологию национального названия басков, именно Eusku + alduna и т. д. (см. мое «Предварительное сообщение об яфетическом происхождении баскского языка». Приложение к прот. VIII засед. ОИФ Росс. Акад. Наук, 23 апр. 1920 г. ИАН, 1920, стр. 131—142 и его французскую редакцию, переданную R. M. de Azkue для издания на испанском или баскском языке), вообще расширить и уточнить яфетическую основу топонимики пограничных областей Франции и Испании.

[2] В первом слове двойное pp, повидимому, свидетельствует о потере долгого гласного (ī || ē).

В вопросе о Лютеции мы отправляемся от последней попытки толкования, изложенной у того же Gröhler'a,[1] соединяющего в той же заметке толкования названия Парижа и интересующего нас термина. Он пишет «Parisii[2] по Zeuss'у 'efficaces', 'strenui', т. е. 'энергичные', 'доблестные' вместо *Quarisii, производного от глагольной основы *qari, *qariu, др.-ирл. cuirim 'я ставлю', 'я помещаю', 'я кладу', кимрск. peri с суффиксом -isio, так в Alisia, Carisius, Tarvisius и т. д. Цезарь называет их столицу Лютеция и сообщает о ней: «Oppidum Parisiorum positum in insula fluminis Sequanae».[3] Страбон[4] ее называет Λευκοτοκία, Птолемей[5] Λευκοτεκία. Holder рассматривает Lutecia как сокращение Lucotecia, Lucotocia и соответственно переводит это слово как 'место жительство Lucotios'. В Подорожной Антонина она называется Lutitia Parisiorum (это же название дается один раз Цезарем); имя Parisii появляется впервые в применении к городу в Tabula Peutingeriana. В одном отчете о парижском соборе 360 г. читаем:[6] «fides catholica exposita apud Parisiam civitatem ab episcopis Gallicanis».[7] У Аммиана:[8] «Acturus hiemen revertit Parisios Caesar».[9] Этот писатель употребляет всегда форму apud Parisios вместо локатива. Позднее Parisius встречается как несклоняемое имя существительное, так впервые в Not. dign. occ. 42, 23. Григорий Турский употребляет также то же название Parisius без изменений во всех падежах, кроме родительного, и Longnon основательно разъясняет это явление как варварскую форму вместо Parisios, которая часто употребляется».

Эта цитата заставляет нас повторяться. С точки зрения палеонтологии недопустимо толковать названия местностей как нарицательное имя, тем более, когда речь идет об этнических терминах. Мы рискуем стать на вдвойне гипотетический путь, собственно говоря, рискуем играть роль гадателей, подсказывая объяснение, основанное на современных представлениях или на представлениях исторических эпох, хотя бы наиболее отдаленных. Parisii по-французски означало бы тогда лишь 'доблестные мужи'. Мне напомнят, наверное, толкование другого слова, принятое в ученом мире как факт, не подлежащий сомнению: толкование, считаемое окончательным, этнического термина Ἀριανοί, ārya и т. д., который значил, мол, 'благородные' или 'господа', 'domini'. Но это же оскорбление законов палеонтологии, если можно так выразиться, — первородный грех в трактовке восточной топонимики, и он будет только усилен прибавлением нового образчика, принадлежащего на этот раз западному миру.[10] В конце концов мы

[1] Ук. соч., стр. 85.
[2] Cesar, Bell. gall., VII, 57 pass.
[3] [«Город Лютеция расположен на острове реки Секваны».]
[4] IV, 194.
[5] II, 8, 10.
[6] Holder, стр. 934.
[7] [«Католическая вера, изложенная в Париже епископами галльскими».]
[8] XVII, 2, 4 года 357.
[9] [«Вернулся в Париж Цезарь, чтобы провести зиму».]
[10] Э. Мейер повторяет толкование Ἀριανοί с оговоркой (Gesch. des Altertums, 3-е изд., 1913, т. I, стр. 898, § 572): «... Arier (ârja) ... т. е., вероятно, 'благородные' или 'господа', в противоположность чужим и ими покоренным и порабощенным или истребленным племенам» (ср. стр. 651, § 548). И, тем не менее, если бы мы приняли в этнологии такой процесс создания племенных названий

оставляем пока в стороне название Parisii, происхождение которого будет определено в дальнейшем, заметив все-таки, что, по нашему мнению, это очень древний термин, этнический и местный, наследие доисторических эпох.

Вопрос, следовательно, теперь о другом местном доисторическом названии, названии Лютеции. Когда дело идет о доисторических вопросах, термин «местный» отнюдь не исключает существования органических связей, могущих соединить предмет нашего изучения, расположенный во Франции, с самыми отдаленными странами и с доисторическими слоями их населения. После случая с Sēquana-Seine и Arar-Saône удовольствуемся мимоходом одним примером жизненности этнических традиций в названии города Генуи. Последнее историческое событие мирового значения, имевшее там место в наши дни, бросает на историю этого города свет тем более поучительный, что с этим названием мы попадаем в доисторический период жизни Европы и Азии. Конечно, эти два континента разъединены с незапамятных времен, более того — и тот, и другой находятся в состоянии «исторического» расчленения или разложения. И, что еще более плачевно с точки зрения интересов науки, — это забвение, которое за этим следует, забвение общности рас, уз, связей, которые объединяют органически историческое население Европы с доисторическими народами Европы и Азии. Опуская изменения, которые испытало название «Генуя» в новейших этнических образованиях, я ограничиваюсь указанием на отрывок, посвященный этому термину в работе H. Gröhler'a, где этот термин признается лигурским и, следовательно, необъяснимым.[1]

Итак, Gen+av-a (Γενόα, Γένουα, Genua), ср. Gĕnăva (→ Genua || Genève) (→ Genf) представляет своей формой совершенно нормальное множественное число губного типа, как с точки зрения яфетической морфологии названий местностей, так и с точки зрения самих элементов яфетического образования.[2] Доказывает ли это, что мы имеем в данном слове лигурское наследие? Может быть, мы были бы вынуждены ответить утвердительно, если бы мы должны были учитывать только губной показатель множественности. С образованием сибилянтного типа, пережившим во французском эквиваленте (Gênes), вопрос осложняется. Мы не спешим его разрешать, ни даже исчерпать сейчас трактовку этой детали, что нас привело бы к использованию массы яфетидологических данных и наблюдений, что несовместимо с специальной целью настоящей статьи.

или даже названий мест, естественный с точки зрения политической истории и нашего современного мировоззрения, было бы покончено с топонимикой, самой важной отраслью науки, непосредственно соприкасающейся с «доисторией» и равно с ее пережитками, к несчастью, все еще не признаваемыми и пренебрегаемыми, вопреки лучшим намерениям ученых, поскольку они руководствуются предвзятыми мнениями историков.

[1] Ук. соч., 51: «О значении слова, как почти всегда бывает с лигурскими названиями, следует сказать: «неразрешимо» (non liquet)».

[2] О доисторических данных о Женеве см. новейшую статью Louis Blondel «Notes d'archéologie génevoise», особенно гл. VI (L'oppidum de Genève), где, давая отчет о случайных раскопках, произведенных в этом городе весной 1919 г., с 12 марта по 9 апреля, службой путей сообщения и несколько ранее этого управлением телефонной сети, автор пишет: «Город Женева сложился во вторую латенскую эпоху, вероятно, на развалинах укрепленной деревни неолитического времени, т. е. около 200 г. до хр. э.» (Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie de Genève, 1922, стр. 394). Я предполагаю, что имя восходит по крайней мере к «временам основания» этой «укрепленной деревни неолитического времени».

Что касается основы термина gen-, следует выяснить, является ли гласный долгим, как, например, во французском Gên-. Так как оба гласных не что иное, как вклад одного из яфетических языков доисторического населения, мы обращаемся к их фонетическим законам и восстанавливаем *gewn- (→ gēn-) || gwen- (→ gen-).[1] Нехватает лишь придыхания первого коренного (g ← ğ), чтобы узнать хорошо известную форму весьма распространенного названия, именно Yones || Hones, то нетронутую — ğwen- (ğwin-), то с падением аффриката или его полным исчезновением (ğ ↘ γ → -) — wen- (win-). Во всех этих формах мы имеем только один тотемический термин этого знаменитого яфетического племени. Дело идет о 'вине'.[2] Потеря придыхания и слабого коренного w — две черты, характерные для сванского типа яфетических языков (son || soan), — могут быть для этого района Европы вкладом баскского или одного из близко родственных ему языков. Но на востоке у гуннов (hun-z)-яфетидов или аваров-яфетидов Дагестана тот же этнический термин служит также для обозначения города с суффиксом мн. числа сонорного типа (r) — -or → -o: Gen-o (→ *gen-or).[3]

Если современем оправдается предложенный анализ термина Gênes по данным яфетического языкознания, то не будет ли позволено сделать замечание, что генуэзцы, уже романизованные, лишь физически наследовали понянам в путях их великой торговли и их великих открытий? Нельзя ли тогда обоснованно спросить себя, не унаследовали ли они психические особенности своих предшественников для реализации своих великих предприятий по примеру своих предков?

Итак, Лютеция реально связана с восточноевропейским миром. Термин представляет своим архетипом Λουκοτεκία, Λουκοτοκία — составное слово из Lu+k[r]o[1] и tek- || tok-. Последняя часть то же, что баскск. *teki (→ tegi) || tok-i 'место', 'местность' (ср. арм. teği 'место'; это также и двухсогласный грузинский корень dg 'поместить', 'положить'), а основа lu-k, форма мн. числа от *luʁ-k ~ luш-k, является хорошо известным вариантом термина «этруск», его первоначальной основы rum- → luш-. Мы еще будем иметь случай проследить многочисленное появление этого варианта в топонимике как западной, так и восточной Европы. Азиатский Восток дает нам блестящий пример этого варианта в термине Lukki и его дериватах λύκειος и т. д.,[4] точно так же как в его не менее известных эквивалентах, которые, заменяя показатель множественности k показателем зубного ряда (t → d → ȣ) или другими, сохраняют нетронутой основу lu- (← *luʁ- ~ luш-). Эта основа, вариант термина, с подъемом h ↗ q̇ (по формуле

[1] Утрата w в этом слове характерна для всех яфетических наречий, сколько-нибудь находившихся под влиянием первичного баскского, т. е. месхского или мошохского языка, напр., чанск. gən-i (вицский диалект) 'вино', арм. gin-i 'вино', арм. ay-gi 'виноградник', 'сад', баскск. (европ.) ay-hen (↙ *ay-ken → *ay-gen), 'лоза', лаб. в Guétary: 'ветви лозы', нижне-нав. 'дикая лоза' (всегда с префиксом ay, как в арм. ay-gi).

[2] После установления тотемического происхождения растения и его продукта все разъяснение его истории, данное раньше, должно быть пересмотрено (ср. Н. Марр, ЗВО, т. XXV, стр. 7—8).

[3] Подробнее см. Н. Марр, Кавказские племенные названия и их местные параллели, ТКИПС.

[4] Недопустимо создавать из племенного названия Cheta или Chatti родовое понятие и спешить применять его к всему стволу, которого эти самые хетты являются лишь частью (ср. A. Fick, Vorgriech. Ortsnamen, стр. 2, где дело идет и о Lukki).

ẖ ↗ k → ğ → q̇, с падением аспирата — k → g → q) выплывает в одном из этнических названий Армении урартской, т. е. этрусской, эпохи (также халдской эпохи), представленной эпиграфическими памятниками. Мы имеем в виду термин ванских клинообразных надписей Luqiuni (чит. Luquni). Остается разъяснить один вопрос, а именно, представляет ли двойное kk слова Lukki попытку точной транскрипции первичного фонетического значения показателя множественности (k = kk: Lukki = Luki), или же мы имеем здесь слияние двух различных k, из коих одно — часть основы Luk- (← *Luk- ↖ *Luh- || *Lus-), другое — суффикс ki. Среди других многочисленных примеров я выбираю случай, кажущийся наиболее сомнительным, и ставлю, таким образом, на обсуждение вопрос, заслуживающий разработки для разъяснения происхождения данного термина, с риском ошибиться в моем предположении. На Востоке, точнее в России, устное предание и его отражение в средневековой письменности сохранило ценную форму топонимического термина «Лукоморье». Я имею основание предполагать, что и сами русские не понимают его, они довольствуются этимологией, если не ошибаюсь, народной, как будто мы имеем производное от «лука» или «лукома» в смысле 'неровности', 'складки'. Я полагаю, что имею основание подвергнуть сомнению индоевропейское происхождение самого слова «лука», а также терминов «лук», «луч», «лучина» и т. д. и образования производного «лукома». Однако сейчас достаточно отметить, что «Лукоморье» есть название Черного моря, ранее называвшегося также «рушское море», т. е. 'этрусское (пеласгское) море' или море доисторических русских. Исторические русские славяне (ранее в доисторические времена русские-скифы-яфетиды), сохранили в своем слове «Лукоморье» этническое название, даже став через скрещение индоевропейцами.[1] Так называли то все море,[2] то его часть (залив) и даже прибрежную полосу. Называли половцами лукоморскими (т. е. понтийскими) племя, жившее на берегах Азовского моря.[3]

Наконец, в отношении Франции можно во всяком случае с уверенностью утверждать, что в районах Сены и Соны мы имеем более древний, чем лигуры, этнический слой, т. е. пеласгский или этрусский. Таким образом, реликтовые черты их можно найти в самом центре современной Франции, некогда 'местности этрусков' (Lutèce). Следовательно, даже здесь, в этой столице, озаренной достижениями высшей цивилизации, пережитки этнической культуры пеласгов и этрусков следует искать не только в прославленных музеях. Жизнь масс этого же центра, конечно, местных, с их материальной обстановкой, могла бы, даже теперь, послужить девственной почвой для подобных исследований. Более того, нельзя ни в коем случае исключать из круга подобных исследований жизнь цивилизованных до утонченности классов нашего времени с их сложной

[1] Слово проникло из русских народных сказок в поэму «Слово о полку Игореве»: термин этот эпический и, вероятно, доисторический.

[2] См. употребление слов Pont, Pelag ~ Pelasg и т. д. Н. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. ИГАИМК, т. III.

[3] И. И. Срезневский, Словарь, s. v.: «Посла Рюрикъ сына своего Ростислава противу лукоморьскымъ(Половцамъ)», Ип. л., 6701; «От Царяграда по лукоморію ити 300 верст до великого моря» Дан. иг. (нор. 5).

психологией. Наследие яфетидов должно быть определено в этнических слоях нации, в элементах ее творческой силы. В самом деле, достаточно ли проследить древнюю Секванию только до эпохи Франш-Конте или, в лучшем случае, до простых или однородных этнических индоевропейских элементов — галльских, франкских, римских? Достаточно ли этого, чтобы понять во всей полноте душу этой изобретательной и тонкой расы, «с терпеливым и гибким духом, великой поставщицы талантливых людей, которая дала Франции» — правильнее было бы сказать «всему миру» — «двигателей идей, Кювье и Пастера, Валлетт и Бюнье, Фурье и Прудона, Клезингера и Курбе, Шарля Нодье и Шарля Бернара»?[1]

[1] Victor du Bled, La Franche-comté. Revue des deux mondes, 1893, т. CXVII, стр. 337—338.

Предисловие к немецкому изданию работы „Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры“[1]

(Vorwort zur deutschen Ausgabe «Der Japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur»)

Когда около двух лет тому назад я выпускал эту книгу на русском языке, я поставил вопрос, возможно ли вообще и где лучше всего организовать коллектив ученых сил разных областей знания, которые могли бы взять на себя разработку труднейших проблем, выдвинутых изучением кавказских языковых материалов. Эти проблемы еще тогда переросли силы изолированных в научном мире яфетидологов старой кавказоведной школы: сил нехватило бы, даже если бы мы располагали в этой области знания большим числом активных работников, а не единицами. После моей научной командировки в страну басков, так тесно увязанных в культурно-историческом отношении с романскими народами, мне стало впервые совершенно ясно, как трудно передать широким научным кругам те знания, обладание которыми возлагает на нас, яфетидологов, такую тяжелую ответственность. Во мне наросло сознание, что силами одних яфетидологов не справиться с все возрастающими задачами. Я дал выражение этим мучительным думам в докладе на грузинском языке, прочитанном в Берлине и Париже грузинским студентам.[2] С тех пор внешние условия, в которых ведутся яфетидологические исследования, в одном отношении изменились: в Петербурге основан Научно-Исследовательский Институт Яфетидологических Изысканий Академии Наук. Этим дана возможность объединить немногочисленных яфетидологов в совместной работе с целым рядом испытанных научных сил, а также с начинающими исследователями в области языковедения всех направлений, этнологии и археологии. Само собою разумеется, что пока нащупываются лишь пути, на которых представители господствующей лингвистической школы могли бы согласовать свои воззрения на языковые факты, выработавшиеся в замкнутом кругу индоевропейской лингвистики, со взглядами яфетидологов, и работать с ними в постоянном общении. Нельзя еще пока дать оценку результатов этой совместной работы, так как пока появился лишь первый выпуск серии, издаваемой Институтом, почти весь состоящий из работ одного яфетидолога.[3] Даже печатающийся в настоящее время второй выпуск не может считаться достаточным для окончательной оценки. Он состоит, в противоположность первому, почти исключительно из исследований не яфетидологов, разра-

[1] [Напечатана вторым выпуском серии «Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens im Auftrage des Japhetitischen Forschungsinstituts der Russischen Akademie der Wissenschaften herausgegeben vor F. Braun und N. Marr, Berlin — Stuttgart — Leipzig, N. Kohlhammer Verlag, 1923.]

[2] Этот доклад в ближайшее время появится во II выпуске одной из серий, издаваемых Петербургским институтом живых восточных языков под названием «Riϑ ϑqovrobs ıaφeturı enaϑmeϑ-mereba», т. е. 'Чем живет яфетическое языкознание' [см. здесь, стр. 158—184.]

[3] ЯС, т. I, Петроград, 1922.

батывающих важные для яфетидологии теоретические и исторические проблемы в рамках входящих в их компетенцию восточных и западных языковых материалов. Так, напр., вопрос языковой гибридизации касается не только западноевропейских языков в их скрещении с яфетическими, но также и восточных не индоевропейских языков, частично также турецких, и их скрещения с яфетическими и неяфетическими языками. Весьма интересные наблюдения общего значения (о скрещении по формуле (a+b → c) сообщает монголист проф. Б. Я. Владимирцев. Турколог проф. А. Н. Самойловичу удалось выявить в названиях дней недели некоторых турецких языков, как на Кавказе, так и за его пределами, разнородные элементы, яфетическое происхождение которых не может оспариваться и которые не могут быть сведены к простому влиянию соседящих кавказских яфетидов. Ф. А. Розенберг, член Яфетического института, на материалах одного иранского языка Средней Азии (согдийского) определяет как яфетический морфологический вклад образование множ. числа при помощи зубного суффикса, свойственное и некоторым другим иранским языкам. Здесь следует напомнить, что единственный живой доныне на Памире яфетический язык — вершикский или буришкский, — очевидно, является пережиточным остатком целой позднее иранизовавшейся яфетической группы языков, также как и баскский, или евскарский в Пиренеях представляет собой остаток большой группы яфетических языков, позднее романизовавшихся. Но и эта только годичная работа Яфетического института, это трудовое общение яфетидологов и не яфетидологов над поисками общих путей дальнейших исследований, уже показали невозможность для индоевропеистов усвоения даже бесспорных и очевидных положений яфетической теории без овладения материалами яфетических языков. В Петербурге наблюдается поэтому ободряющее стремление именно у наиболее зрелых ученых, не только иранистов, но и романистов и филологов-классиков, самостоятельно приступить к изучению этих языков, в первую очередь грузинского. Вместе с тем и собственная работа немногих яфетидологов, число которых, впрочем, уже увеличивается притоком молодых сил, шагнула вперед. Она далеко превосходит положения, выставленные в предлежащей работе, как в ее общетеоретической части (в отношении генетических проблем языкознания, особенно в вопросах языкового скрещения, семантики, словотворчества и вообще палеонтологии речи), так и в ее исторической части (в отношении территориальных группировок чисто яфетических и скрещенных яфетическо-индоевропейских языков). Скрещение не аномалия, но нормальный путь, объясняющий происхождение видов и даже так наз. генетического родства. Первичное единство возникновения человеческой речи уже больше не рабочая гипотеза, в роде так наз. индоевропейского праязыка, который уже предоставлен в распоряжение ученых и реальность которого теперь не станет утверждать ни один серьезно мыслящий лингвист. Само собою разумеется, что существуют фактические языковые семьи, каждая из которых объединена особыми признаками, так сказать, материального, а не голо-типологического родства, но это результат творческой деятельности человеческих обществ, которая имеет за собою длительность многих геологических эпох. Яфетидология прекрасно различает типологическое

и материальное, так наз. генетическое родство и решает вопрос об языковом родстве никак не на основе голого типологического сходства. Она не торопится, например, устанавливать генетическое родство с американскими языками, хотя здесь налицо поразительные типологические аналогии, можно сказать — тождество, не только, как раньше казалось, с баскским, но вообще с яфетическими языками, включая и кавказские, притом не только в образовании глагольных форм, не в одной только морфологии, но и в отношении состава звуков и семантики. Но, с другой стороны, яфетидология не может и исключать a priori родства американских индейских языков с европейскими яфетическими. Ничто не отвергается заранее, наоборот, все должно быть вовлечено в исследование, но только в зависимости от фактической внутренней вероятности и теоретического назревания вопроса. Поэтому является лишь глубоким недоразумением, когда яфетидологам бросается упрек в игнорировании нитей, которые связывают баскский язык с хамитическими. Пробудившийся теперь в Европе живой интерес к хамитическим языкам находит свое объяснение в мнении, укоренившемся среди западноевропейских ученых, что в научном отношении Азия исчерпана, и что разъяснение целого ряда генетических, как лингвистических, так и культурно-исторических вопросов следует искать в той части Африки, которая является в этом отношении девственно нетронутой почвой. На самом деле, совершенно невозможно объяснить посредством одного только хеттского очага все то, что в Европе бесспорно (казалось бы — органически) увязано с Передней Азией, начиная с ее архаической топонимики, имен богов, матриархата, вплоть до архитектуры ахенского собора, рыцарского культа женщины, культа мадонны — все то, что на самом деле налицо на Востоке (попутно говоря, не у арабов или персов, но у кавказских яфетидов, в Грузии),[1] не имея возможности исторически проследить пути его распространения. Прямо-таки невозможно все это и еще многое другое объяснять лишь хеттским после того, как уже и так поторопились объявить хеттский язык индоевропейским и привести в доказательство этого термин Митра, бесспорно яфетического происхождения. Никому, повидимому, не приходит в голову, что сама Европа обладает этническим субстратом, увязанным с самого начала как с Азией, так и с Африкой; до наших дней он проявляется в творческой работе Европы во всех областях культуры, не говоря о наследии, которое исторические народы древнего мира получили от него в готовом виде, притом не только в форме целых слоев (а не просто единичных элементов языка) своего языка, но также, повидимому, целого эпоса и отдельных сказаний. Творения Гомера, чуждые индоевропейцам до их скрещения, по всей видимости, появились в их первичном виде на яфетическом языке эгейского мира и Трои. Объяснение общности легенд о рождении не только Моисея, но и Ромула и Саргона,[2] следует искать не в путях исторического заимствования, а этнического скрещения различных слоев населения.

[1] Н. Марр, Вступительные и заключительные строфы грузинской поэмы «Витязь в барсовой шкуре». ТР, т. XII.

[2] King, Chronicles, стр. 87—96.

Приходится жалеть, что западноевропейские ученые не читают по-русски, т. е. не знают того живого языка, на котором почти исключительно печатались до настоящего времени яфетидологические работы. Тогда не возникла бы легенда о моем безразличии к хамитическим языкам. Кроме того, созданию этой легенды способствовало и то, что моя французская работа о происхождении баскского языка, посланная для напечатания уже два года тому назад, до сих пор не появилась в печати.

Дело, однако, в том, что, с одной стороны, яфетическое языкознание построено на теории генетического родства яфетических языков с семитическими,[1] с другой стороны, чрезвычайно важная проблема семитическо-хамитического родства, которую следует в первую очередь разрешить, до сих пор окончательно не разрешена. В ожидании углубленной разработки этой проблемы признающими это родство семитологами яфетидолог не имеет никакого повода проходить мимо фактов, увязывающих яфетические языки, в том числе и баскский, с хамитическими; наоборот, яфетидологу удается установить более тесное родство, чем могли бы то сделать другие исследователи, сравнивающие хамитические языки с одним баскским или вообще с одним из пиренейских доиндоевропейских языков (иберским или другими) на основании надписей и топонимики Африки и Испании. Дело обстоит, однако, не так просто, как это обычно думают. Северное побережье Африки входит, само собою разумеется, в район средиземноморского мира, и язык ее населения также включается, следовательно, в рамки того процесса скрещения, который пережил чистый индоевропейский язык островов и северного побережья Средиземного моря, когда он появился в этих населенных яфетидами районах. Только в Африке процесс мог произойти и ранее. Мысль о подобном же скрещении с первоначальным яфетическим языком Средиземноморья относится и к таким семитическим языкам, как финикийский и еврейский, что подтверждается не только археологическим, но и этнологическим материалом и топонимикой. Давно признано, что начала египетской культуры ведут в Месопотамию, но пути, которые ее увязывают с шумерами, еще совершенно не выяснены, не говоря уже о доисторических или общих этнографических фактах. Здесь также ничего нельзя объяснить без привлечения всего комплекса народов, увязывающего басков и вообще пиренейских яфетидов с кавказскими и месопотамскими вплоть до Персидского залива. Отнюдь не случайно, что термины месопотамской клинописи ur 'собака', tur 'сын', itu 'луна' и другие прослеживаются у всех этих однородных народов, и притом не только в качестве условных письменных знаков, но как живые слова, вплоть до современного баскского и других родственных ему языков. Случайно только то, что мы все еще повсюду носим с собою старые представления о взаимоотношениях Востока и Запада и никак не можем освободиться от привычных культурно-исторических шаблонов — выведения всего самобытного из экзотической дали, хотя там, где эти интересующие нас явления появляются и развиваются, полнота материалов исчерпывающе не изучена. Я сам находился

[1] См. ниже в тексте статьи.

в плену этих представлений и выводил басков и расенов с востока, даже с Кавказа (см. дальше в статье). Теперь я не могу больше считать это положение правильным.

По этому и другим подобным основаниям следует с особой осторожностью подходить к вопросу о родстве хамитических языков с яфетическими, особенно с яфетическими языками Пиренейского полуострова (в том числе, естественно, с баскским и иберским), иначе нам грозит опасность принять результаты позднейшего скрещения за факты более древнего родства.[1] Если мы на время оставим в стороне других яфетидов, то, повидимому, иберы так же обитали на африканском берегу, как в Испании и Франции.[2] Во всяком случае в доиндоевропейскую эпоху — независимо от того, были ли это действительно доисторические или протоисторические времена — все Средиземноморье было заселено яфетидами. Точный палеонтологический анализ топонимики и других терминов, отложений доисторической жизни народов, побуждает нас отказаться от исторической постепенности в понимании того, как заселяли яфетические племена различные районы Средиземноморья, и не соглашаться с тем, что они появились в тот же самый период, когда они завоевали политическое господство. Естественно, что то или другое территориальное единство дошло до нас в большинстве случаев с названием лишь одного племени. Так, например, мы встречаем от Востока до Запада названия пеласгов или этрусков, называвшихся также расенами, в различных оформлениях того же названия, с определенного характера префиксальным

[1] Я просил бы pro domo mea, различать кавказоведов, специалистов по армянскому и грузинскому или другим, бесписьменным языкам Кавказа, от яфетидологов, независимо от их согласия или несогласия с нашими утверждениями. Яфетидологическое языкознание предполагает не только действительное знание особого языкового материала, но и обладание особым теоретическим мировоззрением. Th. Kluge (Versuch einer Beantwortung der Frage: Welcher Sprachgruppe ist das Sumerische anzugliedern? Leipzig, 1921, стр. 2, прим.) пишет: «Лучший пример этому баскский и абхазский — два языка, стоящие на почти одинаковой ступени развития, но о родстве которых не должно быть никакой речи — это ошибочное представление, которое раньше разделял и я». Я могу понять эти слова, но только при одном условии, именно, при предположении, что автор вообще не знает или баскского, или абхазского языка. Иначе совершенно непонятно, как он может утверждать, что эти языки в их современном состоянии стоят в какой-либо мере на одинаковой ступени развития.

[2] Когда Schulten (Numantia, I, стр. 36) пишет: «Кажется даже, что названия иберов и берберов тождественны. Основа удвоенного Berber — ber; эта же основа налицо и в I-ber-i, где i, кстати сказать, является иберским начальным звуком», — то он сам не знает, что он не только совершенно прав, получая сильнейшую поддержку и подтверждение от яфетической теории, но не знает и того, что Li-bu-es и Ἐλ-βέσ-τι-οι (Стефан Византийский, s. v.), морфологические эквиваленты с точки зрения яфетической теории (префикс li- || le- ∞ el-, суффикс мн. числа -ti), совпадают (коренные согласные те же b[h] ∽ bs), различаясь лишь огласовкой (by[h] ∽ bes), и что это не что иное, как вариант того же названия иберов (bes ∽ ber). Schulten доказывает то же самое, но на основании исторических свидетельств и топонимики Африки, ни на африканском, ни на пиренейском материале исторически не прослеживаемой, поэтому и висящей в воздухе. Из этого отнюдь не следует, что первоначальная местная топонимика была сплошь иберской: претензию на нее предъявляют наравне с иберами также и другие яфетические народы, которые населяли подобно им тот же самый африканский берег. В этом отношении следовало бы внимательнее отнестись к возражениям Schuchardt'a (Iberische Deklination, стр. 34); не следует нагружать иберов не принадлежащим им, как то свидетельствуют лингвистические материалы, достоянием; не следует ни иберов, ни лигуров отожествлять с басками или турдетанами (см. H. Schuchardt, Baskisch = Iberisch oder = Ligurisch, Mitteil. der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XLV, стр. 109 и его же, Die iberische Inschrift von Alcoy. Sitzungsberichte phil.-histor. Klasse, 1922, стр. 83, прим. 1). Для окончательного разрешения вопроса не обойтись и здесь без сравнительной грамматики яфетических языков.

образованием и суффиксом мн. ч.;[1] они, эти названия, обозначают страну филистимлян (φι-lɪш-tɪ- || pa-les-t-), Крит (K-rē-ta ∽ -res-ta), Корсику (Ko-rs-, ср. Ko-rt-on-a, K-rot-on-a), Сардинию (Sa-rd- || *шo-rd-), Пиренеи (Py-r[h]-en ∽ *Pu-rs-en), даже Британские острова (← *P-ru[h]-t- ∽ K-ru[h]-t-en, ср. B-re[h]-t-an). Пеласги или этруски (расены) были расселены и на Балканском полуострове и на островах Эгейского моря и передали сложившееся у них при тотемическом мировоззрении название море (πε-λα[h]-γ-ος ∽ pe-las-g) позднее появившимся грекам.[2] Они занимали также Апеннинский полуостров и оставили отчетливые следы своего племенного названия в термине p-lē-be (из *p-les-be), наличном в составе позднейшей римской общественности.[3] Они расселились по европейскому континенту и далее на север, с одной стороны во Франции, с другой — в России, но постоянно в неразрывной связи с другими также яфетическими племенами, первичные, повсеместно выплывающие прототипы племенных названий которых устанавливаются в числе пяти или семи. Так, например, на Пиренеях в соседстве с басками и иберами встречаются не только этруски, но и ионы, идентичные сванам (отсюда и географическое название в его яфетической форме I-span-ıa),[4] морфологически однородное не только с I-ber-ıa и I-tal-ıa, но и Θe-ṫal-ıa (т. е. греч. Θεσσαλια) и др. Изолированное присутствие того или другого племени, вернее того или другого племенного названия — чисто историческое явление: оно ни в коем случае не определяет ни доисторического положения вещей в соответственном районе, ни позднейших этнографических особенностей данного исторически засвидетельствованного народа. Этнология не может строиться лишь на исторических свидетельствах, и исследователи Европы не находят в доступных им материалах достаточно ясно говорящих документов для проверки легенд и отложений доисторических эпох. Так заходят они в тупик, в котором без искажения нельзя освещать ни общих вопросов, ни частностей, иногда весьма существенных. Для примера возьму один весьма поучительный случай, именно то место у Плиния (N. H., III, 8), где он называет, по Варрону, древнейшими обитателями Испании рядом с иберами еще и персов. Эти «персы» (Persae) считаются искаженным словом. A. Schulten, наиболее осведомленный в археологии Испании, так как он сам производил там раскопки,[5] дает следующее пояснение: «Так как Плиний перечисляет народы в хронологической после-

[1] Ни в части префиксов, ни в части суффиксов мн. числа мною не исчерпано все многообразие фактически наличных и теоретически устанавливаемых согласных образовательных частиц. Так, я не касаюсь, говоря о префиксах, вариантов с зубными, напр., ta- || to- → tu- (↖ sa- || шo- → ɯu-) и др., равным образом со спирантами, напр., he- (→ e-) || h1- (ı-) и т. п., независимо от того, являются ли они позднейшим перебоем зубного (p ∽ h) или первоначальным спирантным соответствием сибилянтному s. О яфетической морфологии племенных названий см. Н. Марр, Кавказские племенные названия и местные параллели. Труды Комиссии по изучению племенного состава. Изд. Академии Наук, 1922; его же, Происхождение термина «скиф», ЯС, т. I.

[2] Н. Марр, Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении. ИГАИМК, т. III.

[3] N. Marr, La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pélasges. Петр., 1922, стр. 12—17 [Русский перевод этой работы см. здесь, 137—148.]

[4] Древнейшая форма та, которая позднее передана римлянами, именно H1-span-ıa, где h- ни в коем случае не «римский вклад», как утверждает A. Schulten (ук. с., стр. 19, прим. 4), а первичный согласный элемент, соответствие сибилянтного s (sı- || se-).

[5] Numantia, I, Die Keltiberer und ihre Kriege mit Rom. Мюнхен, 1914, стр. 17.

довательности следует видеть в искаженном слове «персы» очень древний народ. Почти можно вспомнить тартессийцев и предложить чтение терсы (Полиб., 3, 33, 9: Θερσῖται). В поддержку персов можно привести во всяком случае Sallust. Jug. 18, где по греческим источникам дается сведение, что на океане, против Испании, жили персы (остатки войск Геркулеса)».

В действительности в тексте Плиния ничто не искажено, и в то же время совершенно прав Schulten, когда он, хотя и с колебанием, сопоставляет «персов» через «терсов» с тартессийцами,[1] потому что ре- в Плиниевых «персах» такой же префикс этнического обозначения, как ta- || to- || te- → ϑe- (the-). Крайние члены этого ряда налицо в двух привлекаемых Schulten'ом названиях. При этом te- первичная форма, наличная с метатезой и в слове Et-rus-k,[2] а корень слова, с огласовкой u (rus ← гош) или без нее (rs ↗ rṫ → rd → rϑ, resp. rt → → rd → rϑ), является этническим термином, обозначением действительно древнего племени — пеласгов, связанного с персами тем же префиксом ре-, или этрусков, resp. расенов, племени, которое в те доисторические времена (повидимому, и тогда уже в различных вариантах), было широко распространено от Пиренейского полуострова до Балкан и до Палестины и дальше в глубь Передней Азии, где впервые оно выступает в истории у Ванского озера под именем урартов (← U-raш-tu, resp. Hu-ras-tu)[3] или, что то же, руштуниев.

Это племя жило здесь в непрерывном общении с мушками-басками и тибаренами-иберами, также как и на Кавказе. Чтобы правильно вести подобные исследования, необходимо реконструировать не только яфетические языки Пиренейского полуострова, но европейские яфетические языки вообще во всем их многообразном составе. Но баскский язык, более доступный для лингвистического изучения и окончательно определенный как яфетический, должен быть в первую очередь сделан предметом изучения яфетидологов, особенно в отношении его положения в яфетической семье языков, что в свою очередь должно содействовать более глубокому изучению яфетических языков Кавказа. Как бы недостаточно, неполно и неравномерно ни были изучены эти последние, их изучение составляет пока единственно правильное введение в изучение яфетического языкознания вообще.

Утверждают, что между индоевропейской лингвистикой и яфетическим языкознанием лежит пропасть. Если хотите, — да, и эта пропасть может казаться даже непроходимой. Пропасть налицо, но она не так глубока, как широка. Через нее можно перекинуть только один мост — усвоение, хотя бы элементарное, наиболее типичных яфетических языков в освещении яфетической теории.

[1] Кроме того, -ησσ- в Ταρτ-ησσ-ις никак не окончание, прибавленное греками, точнее фокейцами (ср. Schulten, ук. с., стр. 34), а яфетический суффикс, эквивалент яфетического суффикса мн. ч. в греч. θάλασσα 'море', который равным образом полностью заимствован греками у яфетидов. История обоих суффиксов идет по формуле: -as || -es ↗ -at || -et → -at || -et и т. д. (ср. ук. с., стр. 37, прим. 5).

[2] Н Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пеласги». ЗВО, т. XXV.

[3] Это t появляется и на Иберийском полуострове с огласовкой u (← o): to - ← tu-, что и теперь еще переживает в кавказской Иберии, у мегрел в морфологии обиходной речи в префиксе o- или do-, в баскском отмершее u-, реже du-.

Для этого надо только иметь готовность изучить хотя бы один чистый яфетический язык — грузинский — и один гибридный яфетическо-индоевропейский язык — армянский, в его двух самостоятельных вариантах (см. ниже). Эти два языковых типа особенно важны методологически для усвоения сравнительной грамматики яфетических языков и яфетической теории вообще. Только идя по этому пути, будет возможно положить конец бесплодному спору по принципиальным вопросам, уже разрешенным яфетическим языкознанием.

Я обращаюсь здесь прежде всего к тем лингвистам, археологам и этнологам, которые ищут в лингвистике ответа на вопросы, поставленные этим наукам историей материальной культуры доисторической Европы. Среди археологов я имею в виду особенно тех, которые подобно Evans'у, Schulten'у и другим, производили самостоятельные систематические раскопки и при научной разработке добытых материалов и наблюденных фактов вынуждались искать в лингвистических работах разъяснения важнейших явлений социальной жизни, нравов и обычаев. Вышедшие из-под их пера работы часто выявляют, хотя они и сами того не осознают, что они работают в путях яфетической теории также и в языковых вопросах. Так, Evans всюду выдвигает заслуживающие внимания соображения об языковом скрещении, или Schulten при анализе племенных названий приводит, сам того не зная, яфетические морфологические факты, как, напр., в случае с названием иберов (см. выше). Однако эти строки специально обращены к тем молодым растущим научным силам, для которых завоевание новых знаний представляет меньше труда и которых не пугает тернистый путь нового учения, которым поэтому трудно удовольствоваться мудростью пресыщенного знанием Соломона и его словами: «все известно». Тот же, кто убежден, что индоевропейское языкознание с накопленными им материалами, его теоретическими положениями и изумительно разработанной методикой вполне удовлетворяет поставленным перед ним требованиям, о которых мы говорили выше, и что только оно одно в состоянии дать на них удовлетворительный ответ, тот, естественно, не должен обременять себя изучением яфетических языков; тот лучше пусть не читает таких работ, как работа моего друга Ф. Брауна «Über die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen» (Japhet. Studien, I), имеющую целью только дать общую ориентировку в теории и наметить некоторые отдельные проблемы; тем менее ему следует читать предлежащую книгу, переводом которой на немецкий язык я обязан тому же моему ученому коллеге.

Но факт остается фактом: речь идет уже не о дравидических языках далекой Индии и о важности их изучения для разъяснения глоттогонического процесса в этой стране (вопрос, который мало кого интересует): дело идет о самом происхождении европейских культурных языков. Не слишком ли забросили европейцы себя и лежащее в их близости, когда они так упорно и успешно набросились на изучение чужого и дальнего? Может быть, это было методологически необходимо для развития гуманитарных наук? Во всяком случае уже упоминавшийся немецкий исследователь писал еще недавно касательно Испании (Numantia, I, 15): «археология нового времени вплоть до последних дней повер-

нулась лицом к Востоку и отвернулась от Запада. В то время как одна нация соревнуется с другой в открытии на Востоке все новых исторических поселений, Испания в археологическом отношении оставалась terra incognita. Теперь это положение изменилось».[1]

Но изменилось ли дело с изучением первоначальных местных доисторических языков Испании или Франции, напр., баскского, единственного оставшегося пережитка первоначального населения страны? И будет ли дело обстоять иначе (и где именно) с неразрывно с ними увязанными яфетическими языками Средиземноморья, сохранившимися пережиточно на Кавказе? Вероятно, в конце концов это положение изменится где-нибудь и когда-нибудь. Пока же мы должны продолжать в меру наших сил работу почти в полном одиночестве и призывать не к вынужденному соглашению или компромиссу (наука не торгашество и не политиканство) и не к отвлеченной дискуссии. Нет, наш призыв обращен к товарищам по специальности, чтобы они ознакомились с нашими достижениями, проверили их и в дальнейшей конкретной работе помогли бы усовершенствовать эти наши достижения и заполнить остающиеся пробелы.

[1] На то же отставание изучения западной Европы по сравнению с Востоком указывал еще в 1910 г. покойный остроумный Zimmer (Über alte Handelsverbindungen Westgalliens mit Irland, Sitzungsber. d. Preuss. Ak. d. Wiss., 1910, стр. 1105, прим.). Его слова звучат пессимистически, хотя и облечены в шутливую форму: «Для изучения древней истории Востока, как все соглашаются признать, надо знать больше чем латинский и греческий, чтобы сказать свое слово. Солнце, действительно, восходит на западе позднее, чем на востоке, хотя Падди упорно и крепко верит, что нигде солнце не восходит раньше, чем в Ирландии («No sun ivir riz anywhere before it did in ould Ireland»); будем надеяться, что солнце научного познания взойдет и над западной Европой до начала нового тысячелетия».

Лейпциг,
14 ноября 1922 г.

Чем живет яфетическое языкознание?

Rıϑ ϑ̇q̇ovrobs ıaφeturı enaϑmeϑ̇nıereba?[1]

Его основные проблемы и выдвинутые им научные вопросы, его общенаучное и общественно-практическое значение и достижения и переживаемое им в настоящем испытание.

ЕДИНЫЙ КАВКАЗ, ОДНО ПИСЬМО

(Вместо предисловия)

В настоящее время нас не может не интересовать переход всего Кавказа на один общий алфавит, в особенности тех кавказских народов, которые имеют чистое или по смешению племенное родство с яфетической семьею.

Единый Кавказ — один алфавит, отлитый в формы в соответствии с природой яфетических языков. Может, наш яфетидологический алфавит, приспособленный для научных целей, общественной жизнью будет отвергнут, но все-таки и он пригоден для примера, даже с его помощью легко видеть, насколько облегчится для всего культурного мира изучение, например, грузинского, при пользовании им, тем более, если органически слить с основными частями букв отдельно над ними или под ними стоящие знаки.

Как образчик для транскрипции выбрал я доклад о современном положении яфетидологии, прочитанный весной 1921 года грузинам-студентам в Париже и в Берлине. Обнародование его, быть может, посодействует и своим содержанием ознакомлению широких в Грузии кругов с новой лингвистической теорией, касающейся непосредственно и грузинского языка.

Н. М.

3 февр. 1922 г. Петроград.

Не соответствовало бы действительности, если бы я стал утверждать, что будто бы мы, яфетидологи, выступаем с совершенно новыми, оригинальными мыслями, что будто бы яфетическое языкознание выдвинуло проблему, какая еще никогда не выдвигалась и которая никому до сих пор еще не известна была во всем мире.

Наоборот, то, что мы говорим, по своему содержанию не представляет никакой новости. Та основная проблема и тот ряд конкретных вопросов, которые нас интересуют, давно уже, и независимо от нас, обратили на себя внимание ученых и служат, до известной степени, объектом разработки.

Основная культурно-историческая проблема — это происхождение средиземноморской цивилизации и племенной состав ее первых созидателей, тех ее творцов, которые предшествовали грекам, а также, конечно, римлянам в своей культурно-творческой деятельности.

С нею, с этой основной проблемой, связан ряд вопросов, каждый из которых представляет собою принципиальной важности проблему и нередко подразделяется

[1] [Доклад, прочитанный весной 1921 г. студентам-грузинам в Париже и Берлине. Напечатан отдельной брошюрой на грузинском языке грузинским гражданским письмом и в яфетидологической транскрипции в серии изданий Института живых восточных языков. Петр., 1922 г.]

на множество частных трудных вопросов, настолько трудных, что каждый из них стоит того, чтобы создать соответствующую самостоятельную специальность. Схематизируя, мы получаем следующий ряд вопросов:

I. Древнейший культурный язык Междуречья (Месопотамии) и языки первых клинообразных надписей.

II. Местные языки клинописей, наличных на Кавказе и в смежных с ним районах.

III. Древнейшие местные малоазийские языки.

IV. Древнейшие местные восточно-средиземноморские языки.

V. Древнейшие местные западно-средиземноморские языки.

VI. Взаимозависимость между перечисленными древнейшими языками с одной стороны и к их кругу относимыми, до нас дошедшими древними и новыми индоевропейскими языками с другой.

VII. Взаимозависимость между древними неизвестными культурными языками и языками местными кавказскими.

Конечно, яфетическое языкознание те или иные вопросы ставит иначе, может быть, с большим углублением и с большей смелостью, оно выдвигает и некоторые принципиальные теоретические проблемы, — это видно будет сегодня же, — но в рамках упомянутых вопросов яфетическое языкознание легко находит себе удовлетворение. Когда вы, в процессе работы, будете постепенно знакомиться с достигнутыми пока результатами, скоро удостоверитесь, что многое уже давно подготовлено, и что яфетидологу в иных случаях остается только дать новое освещение приведенному в порядок материалу, бросить яркий свет на то, что подверглось пока все еще слабому обследованию.

Но следует отметить также, что уже проведенная работа в ее положительной части не имеет большой истории, она относится ко второй половине прошлого столетия. В предшествующий период времени над такими вопросами или вовсе не ведется исследовательской работы, или, если она и ведется, то она остается без заслуженного внимания.

Великое творческое движение XIX в. по изучению прошлого захватывало три области науки: языкознание, востоковедение (ориентализм) и археологию. В изучении нашей главной проблемы и в связи с нею выдвинутых вопросов своя доля принадлежит только ориентализму или востоковедению и археологии. Этим-то двум областям науки принадлежит честь как постановки перечисленных вопросов, так и защиты идеи научной проработки этих вопросов в их увязке, разумеется, с этнографией и этнологией, которые, в свою очередь, вносят в дело свой собственный творческий свет и живой материал. Что касается отвлеченного языкознания, этой основной новой науки, то оно, хотя и явилось творением XIX в., однако совсем отстало от содружных с ним наук в деле проработки наших проблем. В напечатанном на русском языке докладе «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры»[1] я уже охарактеризовал причины, вызвавшие отставание в этом деле возникшего в XIX в.

[1] Лейпциг, 1920 [см. здесь стр. 79—124.]

языкознания, индоевропейского языкознания. Главной из них уже в 1911 г. касался мимоходом копенгагенский профессор Möller в предисловии к своему «Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörtertuch» (стр. V, прим.), это — искание исключительно в материалах собственного круга при пренебрежительном отношении к смежным кругам. Проф. Möller выразил мысль так: «Индогерманское языкознание, замкнувшееся в своих стенах, должно своевременно постараться пробить стену в каком-либо месте . . .»

Востоковедение и археология сами собой стали развиваться и продолжали расти, находя себе пищу в неисчерпаемом материале. Не только богатство, но и непрерывный рост материала, многообразие его имеет то объяснение, что археология обрела новый живительный источник — раскопки культурной почвы: раскопками открываемые памятники обязывали археологов и востоковедов (речь о востоковедах, исследующих клинописи) к постановке новых вопросов, к прокладке новых путей исследования. К исканию новых методов обязывало и то обстоятельство, что памятники были материальные, и надписи составлены на языках иной природы, языках неизвестных. Отвлеченное языкознание теоретически развивалось в путях изучения индоевропейских языков, но раскопки не обнаруживали ни одного индоевропейского языка в древнейшем наслоении культурной почвы, и университетская лингвистика в области теории оказалась оторванной от великого научного движения второй половины XIX в. и его направления, находившего опору в тех новых вещественных памятниках. Она оторвалась и от другого источника научного творческого роста — источника, созданного соединенным силами обществоведов и естествоведов в их стремлении осветить вопросы о происхождении человечества. Естествоведы вопросы о происхождении человечества ставили соответственно с развитием их области в ее отвлеченной части, поскольку они не могли не считаться с дарвинистической теорией происхождения видов или с полемикой и сомнениями, которые возникали в связи с этой теорией; вместе с тем, к более осторожной и более углубленной проработке таких уже поставленных вопросов обязывало естествоведов общее течение жизни человечества, поскольку выявлялся неисчерпаемый новый материал. Общение между странами, вызванное современной экономической жизнью, с такой конкретностью показало ученым этническую разноцветность человечества (в его составе так наз. дикие народы с их признаками первобытности) и все богатство этого многообразия, что естествоведные отвлеченные вопросы усвоили характер и значение практических исканий. Возникли и стали развиваться антропология, этнология и связанные с ними учения. Понятно, в этой области знания более заинтересованными оказались там, где больше или ближе был сам материал, и общественно этнология вошла в свои права особенно в богатой колониями Англии, а также в Америке — в стране сограждан «диких» народов, обращенной в колонию. Вместе с тем, современная жизнь содействовала расширению круга культурных народов, наряду с интересами научного любительства вообще явился стимул изучения своего прошлого. Этот общественный стимул исканий явился не только у народов, которые, переживая упадок, хранили, однако, воспоминания о своем былом величии, но и у народов и малочисленных племен,

лишенных всяких исторических традиций, после испытанных политических и экономических ударов забывших свое прошлое, не сохранивших никаких памятников пережитой культурной жизни за исключением того, что относится к кругу этнографических и диалектических языковых материалов. Они выказали исключительную способность в деле собирания этого живого материала, а то и теоретической их проработки. В этом отношении преимущественное положение занимают финны и вообще разного происхождения маленькие народы бывшей России. В проработке этнографии, в особенности фольклора, им принадлежит, несомненно, значительная доля.

Индоевропейское отвлеченное языкознание, развивая в таком своем изолированном положении технику и углубляясь в изучение индоевропейских языков, тем самым все более и более отдалялось от вновь возникавших культурно-исторических вопросов.

И наоборот, привыкшие одерживать легкие победы на своем поприще, где, оставаясь в тесных рамках материалов своей компетенции, не встречали сопротивления, занимавшие положение единственных представителей общего языкознания в университетах и академиях индоевропеисты-языковеды выказывали равнодушие или насиловали новую научную мысль, по инерции ведя борьбу против всяких ее устремлений и оберегая во имя чистой и незапятнанной научной теории раз усвоенные идеи и проторенные пути.

Представителей разных областей науки, которые силились сделать самостоятельные шаги, отвечающие новым запросам времени, на первых порах обрекали на молчание или оттесняли назад.

Но накопившиеся постепенно неисчерпаемые материалы воспитали новых специалистов, на этом свежем материале выросли получившие новые навыки, окрыленные новыми надеждами историки, археологи, вскормленные новыми материалами языковеды.

Но и здесь, в кругу нового научного движения, каждая область науки имела свой недостаток, по существу, с самого же ее возникновения ей присущий. К означенному кругу работников науки историки присоединялись по преимуществу извне: исторический метод, основанный на показаниях древних классических писателей, на их выборе и согласовании, был лишен той творческой силы, которая прямо вытекала из новых источников — вещественных памятников и вновь открытых древнейших иноплеменных языков. Археологам, чистым археологам, принадлежат весьма большие заслуги в деле развития творческой научной мысли, в особенности тем из них, которые достаточно были вооружены знанием в области искусства. Назову из круга исследователей памятников малоазийской культуры хотя бы один пример, вернее сказать, двух соратников: — Perrot и Chipiez. Известный их труд в области архитектуры и по сей день сохраняет свое великое значение. Археологам вообще принадлежат большие заслуги в отношении выработки мысли об единстве средиземноморской и малоазийской культур, постановки принципиальных вопросов о взаимоотношениях племен, создавших эти культуры. Но им, археологам, недоставало теоретических языковедных методов исследования. Не было подготовлено языковедной почвы с проторенными

дорогами в области языков, представлявших для них специальный интерес. Конечно, их самостоятельные суждения и принужденные упражнения на языковедной арене были запечатлены своеобразной печатью, но дело их рук ни в коем случае не было прочным и плодотворным.

В свою очередь, вновь открытые надписи, обогатив эпиграфические памятники, создали языкознание, получившее большой опыт в их объяснении и определении, ставшее практическим переводческим, воспитанное на новых вещественных памятниках; или, вернее сказать, стоящие в зависимости от разнообразия означенных неизвестных языков отрасли материального языкознания выработали и свои теоретические положения, они в иных случаях создали даже целый теоретический кодекс применительно к явлениям языка. Но здесь не было настоящей общей почвы, на которой могло бы возникнуть общее языкознание: здесь не видно было и той базы, какую индоевропейская лингвистика успела нащупать со дня же своего возникновения под индоевропейскими языками, объединяемыми общим родством. Здесь не было и общих идей. Наоборот, царила и продолжает царить крайняя разноголосица между научными положениями, равно и между исследователями, которые в своей работе исходили из них. Вскрытые раскопками надписи в одних случаях устанавливали факты одновременного сосуществования культурных совершенно неизвестных родственных народов, в других же они обогащали культурное достояние исторически известных народов, в разрезе языковой культуры до того остававшееся неизвестным. Каждый новый памятник, как какую-нибудь неразрешимую загадку, предлагал исследователям новый материал, когда эти последние для разрешения данной загадки по незнанию языков совсем не были подготовлены, потому что подготовка их по языкознанию ограничивалась или европейскими языками, или семитическими, между тем как подлежавшие исследованию языки принадлежали к совершенно иной семье языков. Кроме того, и сами ученые работники, почти все, мало того, что теоретически не в состоянии были постичь психологию этих языков, она оставалась недоступной для них и в силу того обстоятельства, что иной была психология самих природных им языков, так как эти ученые были европейцы. Работа сама собой направлялась таким образом, что представляла жалкое зрелище. Каждый исследователь в работе над данным языком, чуждым для него и недоступным, копошился в своем собственном обособленном гнезде, питался собственными вещами: одни исследовали шумерский, другие — ванский халдский, третьи хеттский или какой-либо другой малоазийский, четвертые — этрусский, иные еще иберский, испанский иберский, особо еще баскский. Понятно, что в таких условиях не только создать общий научный горизонт — засевшие каждый в своем гнезде исследователи языков затруднились бы увидеть его, этот природно существующий горизонт, если бы и открыл его кто-нибудь. Это одно. С другой стороны, не менее значительной их слабостью было то, что исследователи этих неизвестных культурных языков все были напрактикованы на мертвых языках и объяснить эти мертвые погибшие языки, письменные языки, они мнили путем сравнения с другими точно такими же мертвыми погибшими письменными языками. Воспитанным на древней классической филологии, на которую по реакции оперлась наконец

и индоевропейская лингвистика, им совершенно чуждо было этнологическое языкознание, сознание того, какое решающее значение имеют живые языки для их проработки; эти ученые не в состоянии были по достоинству оценить и использовать вскрываемые в живых языках крайне древние пережитки, как это имеет место в работе этнолога, которому в современных этнографических условиях удается собирать для исследовательской работы неисчерпаемый материал, бросающий свет на раннюю жизнь человечества, в окаменелом пережиточном виде дошедший до нас от древнейших времен.

Несмотря на такую неподготовленность, в лагере заинтересованных этими вновь открытыми материалами не один ученый заговорил и сделал соответствующий шаг, чтобы разработка этих материалов была поставлена на верный путь.

Мысль о родстве первого культурного языка Междуречья, некогда известного как аккадский, теперь же как шумерский, с грузинским впервые, как известно, высказал еще Ленорман, а у него были и свои последователи. Мысль о родстве с грузинским халдского, языка ванских клинописей, высказывали, при самом же начале его изучения, и Ленорман и Сэйс,—не забудем и про Gatteyrias,—которые опять-таки имели своих последователей-единомышленников. Что же касается мысли о родстве эламского с грузинским, то ведь она, по зову Gatteyrias, привлекла к себе особое внимание в Германии, где ее дальнейшей разработкой занялся целый ряд ученых, начиная от историка Гоммеля, который народам Кавказа вообще и их языкам придавал особенное значение для правильной постановки проблемы о племенном составе первых обитателей всей Передней Азии и их языках. То же самое и Борк, Хюзинг, Винклер и др. Эламский язык, или, вернее, язык, который принято называть эламским, представляет собою два языка: один — позднейший, времен персидских Ахеменидов, VI в. до н. э., другой — древнейшей поры, относящейся к четвертому или к пятому тысячелетию до н. э., оба же языка считали родственными с грузинским или с языками, стоящими с последним в ближайшем родстве, точно так же один из родственных с грузинским языком, именно армянский, рассматривали как родственный с другими яфетическими языками. Немецкий востоковед Jensen не только выставил, но и доказал, как это ему представлялось, то положение, что прославившийся в древности малоазийский народ — хетты — по языку родственен с армянами, что армянский язык, как это выходило, по его мнению, изобилует пережитками хеттского, хотя немецкий ученый и не ставил вопроса о том, какое положение занимает по отношению к прочим местным языкам Кавказа армянский язык в целом или та его прослойка, которая представляет интерес для него же, Jensen'a, как автора данного утверждения.

Немецкие же ученые или ученые вообще германской национальности ставили вопрос и о родстве этрусского с местными языками Кавказа, причем они известное участие приняли в разработке его. Но в то время как одни из ученых-шведов, начиная от Софуса Бугге, этрусский признавали за родственный с армянским, который, в свою очередь, как он, так и его последователи рассматривали как индоевропейский, тем самым защищая положение об индоевропейском

происхождении и древнего культурного народа этруссков, известный шведский ученый Вильгельм Томмсен, с другой стороны, поддерживал ту мысль, что этрусский родственен вообще с языками Кавказа, самой природой размежеванными между собою, именно с грузинским, мегрело-чанским и с северокавказскими. Вопрос о первых обитателях Испании связывается с таковым о басках, и вопрос о родстве баскского опять-таки с грузинским уже давно как поднят. К несчастью, ни один из тех, кто защищал мысль о родстве с «кавказскими», как принято называть, языками перечисленных главных неизвестных языков, не знал в достаточной мере ни одного из этих так называемых кавказских языков, чтобы они могли, в интересах утверждения этой мысли или собственными силами вести соответствующую исследовательскую работу, или других побудить к таковой. Дело не только в практическом незнаньи, им недоставало знания самой психологии кавказских языков и отражающего ее языкового вещественного материала, вообще знания природной и исторической взаимозависимости, какая существовала между этими языками. Что одно практическое знание языка вопроса не решало, это мы могли бы показать не на одном примере.

А европейских ученых бессильными делала двойная неподготовленность: чтобы глубоко разработать свою мысль, в этом им служило помехой отсутствие должного практического знания; чтобы свою мысль поднять на высоту теоретического положения, для этого у них недоставало, помимо материального знания, и понимания общих и частных характеристических особенностей так называемых кавказских языков.

Несмотря на такую уже двойную неподготовленность, эта мысль, сама по себе выражавшая истину и потребность осветить обильный материал, какой представляли неисследованные языки, не только давала силу многим ученым громко говорить в интересах постановки вопроса на верный путь, эта мысль и эта потребность некоторых из этих ученых приводила в такое восторженное состояние духа, что они в работе, попутно, с личной отвагой брались и за все местные языки Кавказа; изучая посильно, они с остротой своего ума давали характеристики этих языков, чтобы на такой теоретической почве, так на скорую руку подготовленной, утвердить незыблемым признававшееся научное положение.

Таким заслуживающим, и не в одном только отношении, внимания трудом является небольшая, но содержательная книга немецкого профессора Heinrich'a Winkler'a «Баскский язык и переднеазиатско-средиземноморский круг народов и культур».[1]

Особо касаюсь слабых сторон этой книги в статье, имеющей появиться в ближайшее время;[2] в этой же статье я принужден был изобличить ту большую несправедливость, какую допустили ученые в отношении совершенно правильного

[1] Das Baskische und der vorderasiatisch-mittelländische Völker- und Kulturkreis. Breslau, 1909.

[2] Она была преподнесена 8 мая 1921 г. профессору Rez. Mar. de Azkue. Поводом к ней послужил вопрос о происхождении баскского языка. Статья, написанная на французском языке, печататься будет на испанском или на баскском. [Эта статья была напечатана по-французски в сборнике «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, изд. ИЛЯЗВ, Ленинград, 1926 под заглавием «Origine japhétique de la langue basque (Notice préliminaire rédigée conformément à l'état actuel de développement de la théorie nouvelle)», стр. 193—260.]

положения Winkler'a: последний доказывал, что баскский язык родственен с кавказскими.

Его упрекали в незнании кавказских языков. И действительно, у Winkler'a не было, как это мы понимаем, глубокого знания яфетических языков, в частности по грузинскому он не проходил и начального обучения, и все-таки у его противников не было и той доли понимания языков Кавказа, какою обладал Winkler; потому и случилось, что в их рука́х бесплодным оказался для научных исканий труд Winkler'a, имеющий важное значение для правильной постановки нашего вопроса и правильного освещения ряда явлений.

Winkler'у мешало главным образом то, что он, как и все другие языковеды, представляющие господствующее учение, был в поисках одного простого родства, и в баскском тоже, как и в кавказских языках, усматривал простые типы, не имея представления о типах скрещенных языков, ни о том, как можно обеспечить правильный их анализ и ни о том, что факты скрещения языков подлежат исследованию как в кругу языков одной и той же расы, так и в кругу языков разных рас. Поставлен вопрос о встрече и скрещении семитов с яфетидами на стороне, противоположной Пиренейскому полуострову, на восточном побережье Средиземного моря. Были ли финикийцы в своем составе антропологически, соответственно и лингвистически, чистыми семитами, или семито-яфетидами, или семитами с примесью яфетических элементов, — для постановки этого вопроса у нас имеются свои соображения, их я уже касался мимоходом в книге «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры». С тем большим удовольствием отметим, что независимо от нас высказана мысль, что первые насельники Финикии, первые финикийцы, были не семиты, что они были коренными обитателями Средиземноморья и Передней Азии, т. е. что они, по нашей терминологии, были яфетидами. Защитник этой мысли, молодой ученый Autran,[1] пока что служит только мишенью для его судей из противного лагеря.

Идя по следам скрещивания, мы достигнем и круга романских народов, круга самих романских языков. Но какое отношение имеет к романскому языку яфетический?

В родовом, если не в видовом отношении, яфетические языки с романскими имеют то самое общее, что и с армянским, например. Конечно, до того, как в странах романских языков появились народы индоевропейского происхождения, надо полагать, на малоазиатском Востоке и, в частности, в Армении были представлены иные яфетические языки, но, возможно, и не столь своеобразные, как это, может быть, мы склонны думать. На Пиренейском полуострове, как известно, представлены два языка: испанский и португальский. Сколько на полуострове было яфетических языков до появления там индоевропейцев, это подлежит еще выяснению. В науке теперь принято считать, что два языка, во всяком случае, существовали: один иберский и другой — баскский: баскский в известной своей части и по сей день сохранил чистоту, но тот же баскский в большей своей

[1] C. Autran, Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire de la Méditerranée. Paris, 1920.

части, а иберский язык весь прекратили свое обособленное существование с тех пор, как они стали служить материалом для новых языков Пиренеев, романских, осваивавших этот материал как при возникновении, так и в дальнейшем своем развитии. Также и в Италии распространен был не один только этрусский, но и несколько других яфетических языков, в результате смешения с которыми и произошли в древности известный латинский, а впоследствии итальянский. Остается еще вопросом, какой яфетический язык процветал во Франции до появления там индоевропейцев и какие там господствовали племена. Баскский и здесь проникал гораздо глубже, чем это видно в настоящее время. И теперь, когда исследование вопроса еще и не начиналось подобающим образом, знатоки баскского языка уже имеют известные достижения, им уже удалось выявить в гасконском баскскую прослойку. Гасконцы те же баски, их язык — язык, выработавшийся в результате смешения латинского и их родного. Гасконский — не диалект, он является вполне самостоятельным языком, таким, каким и французский; а некогда существовала и гасконская литература, и было время, когда гасконский язык еще мог стать литературным во всефранцузском масштабе. Но плечом к плечу с знатоками баскского должны будут тянуть лямку и яфетидологи не только для того, чтобы исследовать баскскую прослойку во французском и его диалектах. За яфетидологией большой долг, ей предстоит тяжелая работа по исследованию французского языка, в этом языке должны быть выявлены и исследованы иберские или лигурские (ligustica)[1] элементы.

Участие яфетических языков в выработке германских языков уже исследуется. Петроградский профессор Браун давно как вел обследование германских древностей, в частности языковых. У него был свой взгляд на вопрос о составе германских языков, в них он усматривал одну прослойку, не индоевропейскую, или, если применить принятый в Германии термин, не индогерманскую. Но за счет какой семьи языков отнести эту не индоевропейскую прослойку? Он был не в силах решить этого вопроса. Профессора Брауна в прошлом году пригласили в Лейпцигский университет на кафедру немецкой палеонтологии языковых древностей, и случай нас с ним, давнишних товарищей по Петербургу, свел и подружил здесь, на чужбине, на научной почве. С рвением занявшись яфетической теорией, ее положениями, ознакомившись с вопросами о взаимоотношениях между яфетическими языками, об их значении, с их сравнительной грамматикой и техническими средствами, профессор Браун в семье этих языков обнаружил не индоевропейские элементы германских языков. Как ставился вопрос Брауном, об этом можно судить на основании следующих одиннадцати тезисов его вступительной лекции.[2]

[1] Имя лигур. при префиксе ли- и, следовательно, корне гур, эквиваленте корня в названии нашей Гурии (гурийцы), обозначает то же, что и ибер (|| гивер → гур). Но какую пищу давали носители этого имени созидателям речевой культуры в западной Европе, это покажет углубленная работа.

[2] Читанная несколько раз в разных ученых обществах в Лейпциге и потом еще проработанная, она под заглавием «Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen», теперь печатается в Германии первой книгой серии Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens herausgegeben von Braun und N. Marr. Berlin (Stuttgart), W. Kohlhammer [теперь уже напечатано (1922)]. Наш доклад имеет в виду тезисы (уже напечатанные отдельно), выставлявшиеся проф. Брауном вначале.

1. Во всех исторически известных индогерманских языках наличны морфологические и лексические элементы, которые при современном состоянии науки или совсем не могли бы быть объяснены на основании индогерманских языков, или основанные на этих языках объяснения были бы неубедительны.

2. Это обстоятельство обязывает нас признать, что индогерманцы в известных исторических районах своего распространения, когда они туда вселялись, застали иноязычные племена, первых обитателей, от языка которых и должны происходить означенные, наблюдаемые в индогерманских языках элементы.

3. Так как то же следует сказать и о предках немцев (т. е. об индогерманцах, которые должны были онемечиться впоследствии), то, следовательно, нужно отвергнуть гипотезу, что будто бы настоящей родиной индогерманцев была средняя или северная Европа.

4. Как видно из общих оснований, соответствует действительности положение, что предполагаемое первое население Европы принадлежало к одной единой семье языков.

5. Исследования профессора Марра доказали, что существует резко очерчиваемая семья яфетических языков, наиболее чисто сохранившиеся члены которой представлены в лице современных кавказских языков и к которой относятся также баскско-иберский, этрусский и пеласгский языки. Этим путем, прямым или косвенным, оправдываются предположения (Vermutungen) Тромбетти, Дирра, Винклера, Шухардта, Бугге, Пауля, Мейе, Кюни и др.

6. Можно предположить также, что местные обитатели средней и северной Европы, населявшие эту страну до появления там германцев (т. е. до появления индоевропейцев), принадлежали к той же (яфетической) семье языков.

7. Это предположение находит опору в оценке (Erwägungen) лингвистических явлений и материалов. Первоначальный немецкий язык, который и морфологически и лексически больше проявляет насыщенности не индогерманскими элементами, чем другие индогерманские языки (за исключением армянского), следует рассматривать как продукт скрещения догерманского яфетического и ранне-германского индогерманского. На почве такого скрещения получает объяснение без малейшей натяжки так называемое первичное перемещение звуков (Lautverschiebung), немецкое повышение голоса (акцент); такое морфологическое явление, как чрезмерное обилие h-корней, выработка претерита (прошедшего времени) через посредство дентального суффикса и т. д. Из догерманского языка произошли такие, теперь немецкие слова, как Erbse 'фасоль', Gerste 'ячмень', Rind 'бык', Schaf 'овца', Hand 'рука', See 'море', Hütte 'хижина' и многие другие, также имена, как то: Abnoba Шварцвальд, Tuhle, Asen, Erde (богиня земли), Tuisto и т. п.

8. Следовательно, мы должны признать, что первые германцы произошли путем скрещения догерманцев и предков германцев. Решающее значение для выработки соматических и духовных особенностей, habitus'а первых германцев, конечно, имели более многочисленные аборигены, т. е. догерманский элемент.

9. Когда произошло скрещение германских племен, этого вопроса пока нельзя твердо решить, но, может быть, не следовало бы исканий вокруг него отклады-

вать на такое далекое будущее, как это имеет место в вопросе об индогерманизации Греции и Италии.

10. Антропологически предков германцев нужно рассматривать как светлорусую (blonde) длинноголовую «колониальную разновидность (Varietät) белой расы», которая произошла после потопа (diluvium) и связь которой с расой, имеющей распространение по южной Европе, Передней Азии и северной Африке, должна быть признана.

11. Индогерманская проблема может быть решена после освещения «проблемы об аборигенах» или в увязке с нею.

Конечно, все положения проф. Брауна и все его научное построение представляют еще проблему, научную проблему, но зато четко поставленную; для освещения этой проблемы, для ее положительного разрешения яфетическое языкознание раскрывает соответствующие теоретические горизонты, дает и богатый материал, частью уже собранный, частью — в главной его массе — подлежащий собиранию. Словом, и здесь предстоит большой, колоссальный труд, нужна и соответствующая подготовка. Этот вопрос, понятно, и не так легко разрешим, как это может показаться после доклада проф. Брауна. Большое достоинство, конечно, когда подход к делу отличают ясность и простота, но само дело не может быть низведено до такой простоты. То же нужно сказать касательно вопросов о родственных связях и всех других языков.

Если дать теперь перечень — в соответствующей нашему нынешнему пониманию редакции — всех семи яфетидологических частных вопросов (с исключением основной проблемы), перечисленных в начале доклада, то придется заметить что каждый из них представляет не меньшую сложность и многосторонний интерес.

Взять хотя бы из пятого вопроса только проблему баскского языка.

Теперь уже мало сказать, что баскский принадлежит к яфетической семье языков и родственен, между прочим, с яфетическими языками Кавказа, например, с грузинским, мегрельским, сванским, абхазским, бацбийским (цова-тушинским), лакским и т. д. Одни народы Кавказа, говорящие на яфетических языках, составляют часть басков или месхов, как, например, абхазы и бацбии, или цова-тушины, и понятно, что их языки стоят в более близком родстве, теснее связаны с баскским. Другие говорящие на яфетических языках народы Кавказа представляют помесь с басками или месхами, например, грузины и сваны, оттого и их языки в известной своей части теснее связаны с баскским, особенно близки к нему, и, конечно, требуют соответственно сложного анализа. Баскский язык пережиточно сохранился в виде особого слоя, основного слоя, в двуприродном (гибридном) яфетическо-индоевропейском древнелитературном армянском языке, в том hайкском языке, который по сие время сохранил за собою имя «баск», поскольку «баск» и «hайк», как это уже доказано, одно и то же слово.[1] Для выявления баскских элементов в таком сложном по своей природе языке, каким является древнелитературный армянский, конечно, требуется еще более углубленная

[1] Н. Марр, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян. ЗВО, XXV, стр. 229 и сл.

работа. Кто не в курсе дела, тому работа по выявлению баскских элементов в языках Кавказа покажется легкой. Об этом нужно предупредить, имея в виду не только то обстоятельство, что баскские элементы, впитанные грузинским, армянским и другими языками, подвергшись действию фонетических законов этих последних языков, видоизменились, но и то обстоятельство, что баскский, в реальности сохранившийся до нас, является таким же сложным по своей структуре, скрещенным языком, так что баскский как таковой в этой сложности составляет только один, скажем, основной слой, и то, конечно, уже видоизмененный.

В баскском уже теперь четко выявляются, по крайней мере, два племенных языка: один подлинный баскско-месхский и другой иберский, подлежащий объяснению на почве языков мегрело-чанской группы. Один ряд ученых баскский и иберский рассматривали как один и тот же язык; с этим взглядом проф. Schuchardt покончил окончательно в своем исследовании, только баскский, повторяю, представляет собою не простой тип первоначального племенного языка, он является сложным, скрещенным языком, в котором один слой составляют иберские элементы, просачивающиеся в баскский. Но на Пиренейском полуострове иберы и баски были не единственными носителями яфетических языков. Как видно из ономастики полуострова, в особенности из палеонтологической истории этнических и отсюда происшедших топонимических названий, на почве Пиренеев жили и многие другие яфетические племена, в том числе представители этрусского и сванского племен. О былом существовании там этрусков и сванов говорит то обстоятельство, что уже вскрыты соответствующие названия, в их разновидностях, в топонимических названиях Пиренеев, как вскрыты и факты влияния этрусского и сванского языков в местных до нас дошедших языках. В испанском ряд характеризующих его фонетических явлений находит объяснение только в сванском.[1] Само имя «Испания» производится от корня имени сванов. В баскском то же имя «сван», измененное по фонетическим законам данного языка, именно hawn (↗ qawn) || gawn значит 'господин', что свидетельствует о былом господстве сванов над басками, когда, повидимому, сваны представляли господствующее над басками сословие. Именно тогда могли сваны пробить своему тотему богу «сван» путь к баскскому, на языке которых то же слово и теперь значит 'бог', 'господин'. Подобная общественно-религиозная взаимная близость, совместное житье-бытье сванов и басков, чистых яфетидов, на Пиренейском полуострове заслуживает тем более внимания, что и на востоке между ними — сванами и месхами — была тесная связь. Потому там от сванов и басков, как от ставших сонами шонов и месхов произошел двуединый или гибридный народ сон-месх или сон-мех, — народ, который вначале был опять-таки чисто яфетическим.

Какая была взаимозависимость между баскским и целой группой этих на Пиренейском полуострове представленных яфетических языков, и как обнаружить следы яфетических же языков в испанском, португальском и вообще в романских языках, этот вопрос, как будто, простой, однако может быть пред-

[1] Между прочим, o → we («ue»): *conta → cuenta, *poblo → pueblo.

методом только сложного обследования, подвергшись которому он, этот простой вопрос о расовой природе баскского, неизбежно перерастет в целый круг других всевозможных вопросов. И одна его часть, например, вопрос о родстве баскского и pikt'ского языка, живущего на Британском острове, требует знания и труда, нужных для решения сложной проблемы. Такой же, если не более сложной работы требует и исследование этрусского языка. С вопросом об этрусском тесно связан целый ряд других вопросов, касающихся малоазийских языков, в том числе карийского и лидийского, на севере — языков обитателей Альпийских гор, а также вопрос о возникновении, с одной стороны, лигурского, с другой же — самого латинского, особо же итальянского и его диалектов.

Исследование еще более осложняется на Балканском полуострове, поскольку здесь от действия жестких законов гибридизации не уцелело ни одного яфетического языка, до нас не дошло ни одного, живого или мертвого, из древней литературы известного, чисто яфетического языка.[1] Зато здесь яфетические языки рассосались в греческом, в котором, таким образом, обнаруживаются прослойками пеласгский, ахайский, ионский, гральский и др., причем каждый из последних имеет свой эквивалент в яфетических языках Кавказа. При этих условиях легко представить, какого знания и какого осторожного подхода требует, скажем, один пеласгский язык, когда этот язык, с одной стороны, на западе, оказывается в родственных связях с этрусским, с другой же, на востоке, с таким языком, как лезгинский или лакский и древнеурартский в Армении;[2] здесь пеласгский в особенно тесных родственных отношениях с рядом других языков, поскольку, в результате скрещения, пеласгская прослойка выработалась и в этих других языках, в частности в двух до нас дошедших языках Армении, в сложных яфетических, по происхождению, наслоениях этих двух языков.

Таким образом, выясняется, что яфетическая постепенная закваска имела распространение далеко за пределами Средиземноморья; она объединяет страны, начиная от Пиренеев и до Междуречья, если не сказать пока большего, и в круг ее распространения включаются опоясывающие это пространство с севера народы, считая и скифов. В этих пределах вначале была представлена одна единая яфетическая семья. Языки первых насельников этих стран, конечно, и в те времена были различными, они и тогда были сложными, уже скрещенными по своей природе, но, связанные между собою тесными узами родства, в сплошном своем строе составляли одну семью человечества, яфетическую семью языков. На юге расположились хамитическая и семитическая группы. Эти группы тоже были в изначальном родстве с яфетической семьей, семитическая — в более тесном, но, поскольку речь о средиземноморской культуре, мы

[1] [Албанский язык, яфетическая природа которого вскрыта в последнее время, тоже является гибридным не в меньшей, чем армянский, степени, хотя албанский глагол яфетическую особенность сохранил лучше, чем армянский].

[2] [В последнее время выяснилось, что, во-первых, мной ошибочно рассматривался термин «лаз» как производный — при префиксе «ла» — из «зан» (будто бы раньше был ла-зан); «лаз» (← лаз || лаш) оказался разновидностью корня из «лаз-г» и «пе-лас-г»; во-вторых, и «plēb^{r}e^{1}», ранее «п-лес-бе», оказался разновидностью того же племенного названия; см. H. Mapp, La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges, стр. 8—15] [см. здесь, стр. 137—148.]

касаемся лишь той эпохи, не выходим за пределы той эпохи, когда и хамиты и семиты уже были обособлены от яфетической семьи. Тогда уже яфетиды в материальном отношении составляли передовую семью: имея давнишнюю историю собственной неолитической культуры, они уже успели сделать новые культурные завоевания, переступив через порог века, отмеченного изобретениями, в частности металлов, после бронзы и меди — железа, золота, серебра и др. У яфетидов на высокой ступени развития стояли, кроме торговли и ремесел, искусства, в том числе письмо, яфетидами созданное и ими же занесенное не только в Месопотамию, но, повидимому, и в Египет, если не выработанное и здесь, в Месопотамии и Египте, усилиями местных яфетидов. В эту эпоху индоевропейцы обитали где-то на далеком севере Европы. Греки и римляне, в которых раньше видели созидателей древней европейской культуры, еще и не появлялись на свете. В какой части круга своего распространения выработали яфетиды впервые универсальный тип высшей культуры тогдашнего человечества, в восточной ли части, в пределах Междуречья, или в западной, это еще предстоит исследовать.[1]

Но уже установлено, что яфетическая семья, яфетическая письменная среда создавала и развивала первые основы современной цивилизации, что смешение с яфетидами сообщило культурное благородство индоевропейской расе, скрещение с ними произвело греков и римлян, рано вышедших на мировую арену гражданственности, также и в последующие времена исторически известных романцев и германцев.

Но как происходил этот всемирный культурный переворот, как протекал процесс рушения и нового восстановления мировой культуры?

Эта основная проблема, легко себе представить, должна уподобляться колеснице, еще более сложной по содержанию, чем Ноев ковчег. С нею, как видим, сопряжено множество вопросов, каждый из которых по своей влекущей силе равен по крайней мере силе одного строптивого коня. Было счастливое время, когда я замечал одну только незначительную часть экипажа и, владея ею, с отвагой гнал вперед не более как трех пристяжных, передававших силу тяги одному лишь, в моем обладании остававшемуся, краю колесницы. Путь впереди казался широко открытым, и я мнил, что послушные мне кони будут нести меня вперед стремительно. Я и не чувствовал, какое море материала лежало в экипаже, какая невидимая тяжесть давит сам экипаж, насколько величава колесница, сколько в нее впряжено строптивых коней и сколько знания, зоркости глаза и силы в руках требуется для умелого управления ею.

Перечисленные вопросы еще не исчерпывают всего значения яфетической теории, взятой хотя бы с одной научной ее стороны. Напротив того, вопроса о значении яфетической теории для общего языкознания, мы сегодня и не затрагивали. Мы в этой части вопроса отметим только два момента. Один из них — проблема происхождения или возникновения человеческой речи. Яфетическая семья языков даст возможность путем сравнительного их изу-

[1] [Теперь этот период их созидательной работы я склонен приурочить именно к Западу].

чения достигнуть той эпохи, где лежит грань между человеческим и животным языками.

Как само по себе, так и для подлинного выяснения, путем сравнительного изучения, взаимоотношений между языками существенное значение приобретает такое всестороннее освещение истории языка. Интерес заключается в том, что изучение различных эпох нас приближает к тому отдаленнейшему моменту древности. Мы так достигаем той эпохи, когда существовало общество, но не было брака. Понятия — 'брат' и 'муж' выражались одним и тем же словом, так как все 'братья' были мужьями одной женщины, своей 'сестры'. К этому времени относится отделение шумеров от общей семьи. Было время, когда несложный язык простого племенного объединения заключал в себе какой-нибудь десяток слов, и ими выражались несложные духовные потребности членов племени, их общественные отношения. Было, конечно, время, когда еще не знали о вине. К этому времени отделились баски. Слово ღვინო[1] народами всей Европы и Передней Азии усвоено от яфетидов. Это слово плод словотворчества яфетидов, но оно произведено народом, говорившим на языке спирантной ветви яфетической семьи, от которого это культурное приобретение с терминами ღვინო,[1] ვენახი[2] и так далее унаследовали и грузины, представители свистящей (сибилянтной) ветви. Есть и подлинное грузинское, следовательно, свистящее соответствие данного слова, это слово წვენი,[3] также и ტვინი.[4] Но нам известно значение წვენი[3] и ტვინი[4] и самую разновидность именно означенного слова, спирантную его разновидность ღვინო-ვენახ[5] · баски, представители преимущественно спирантной ветви, употребляют в значении 'мозг'. Установлено, что народы спирантной ветви тоже не знали еще о вине, когда баски отделились от яфетической семьи.

Другое важное положение это то самое положение, которое яфетическое языкознание точно также иллюстрирует живыми примерами: это положение о пройденном пути размножения языков, о происхождении их разновидностей и об их развитии путем скрещения. Происходит ли это явление в Передней Азии, или средиземноморском кругу, или еще в полосе, с севера окаймляющей Средиземноморье, процесс по существу остается одним и тем же.

Новые образования языков путем скрещения вырабатываются и на Востоке и на Западе в две очереди. Сначала, на Востоке, с народами-аборигенами скрещиваются семитические народы, другими словами, с яфетическими языками языки семитической группы. Продукт такого скрещения, признанный за чисто семитический ассирийский язык, — позднейшее оружие письменного выражения междуреченской культуры. В другую очередь — те же местные древнейшие племена, чисто яфетические или уже смешанные с семитами, захлестывают волны вновь ворвавшихся племен — индоевропейских, — и получают начало

[1] [ǧvino, груз. 'вино'].
[2] [venaḳ-i, груз. 'виноградник'].
[3] [tven-i, груз. 'сок'].
[4] [tvin-i, груз. 'мозг'].
[5] [ǧvino-venaḳ, груз. 'вино' и 'виноградник'].

новые образования скрещенных языков, в том числе армянский, который представляет сложный яфетическо-индоевропейский тип языка.[1]

На Западе, правда, наблюдается простой процесс, но и здесь он протекает повторно. В первую очередь, как результат его, произошли два культурных народа древности — греки и римляне, во вторую же очередь — романские и германские народы. И в том и в другом случае одна и та же основная племенная закваска производит новые образования скрещенных языков. И в том и в другом процессе возникает яфетическо-индоевропейское образование. Явление и по существу и по роду остается одним и тем же, будем ли мы рассматривать продукт ранней эпохи — греков и римлян, или признанных продуктом позднейшей эпохи романцев и германцев. По существу, состав типа не меняется оттого, что окружающие племенные типы позднейшей, якобы, эпохи являются продуктом более сложного процесса, что в скрещении романских языков видное место занимает латинский язык, который сам по себе представлял уже сложный скрещенный яфетическо-индоевропейский тип языка, а не первичный несложный чисто европейский; что, например, в словарный состав французского языка входит кельтский, тоже по-иному сложенный, индоевропейский племенной фермент — все равно все уже во множестве представленные языковые образования, допустим, и позднейшей эпохи, являются только двуприродными, яфетическо-индоевропейскими. Это во-первых. Во-вторых, и о тех индоевропейских языках, которые произошли в древнюю эпоху, тоже не можем мы пока решительно сказать, что они — продукт менее сложно протекавшего процесса, что в их кругу имело место однократное скрещение только лишь чисто яфетических или индоевропейских элементов и на этом закончился процесс скрещения, так, например, в законченном образовании греческого языка. У нас есть основание поставить вопрос и о том, где произошло первое скрещение индоевропейских и яфетических элементов, давшее новое образование языка — будущего греческого; может статься, что мы и ответ найдем, что это простое скрещение впервые имело место на черноморском побережьи, на Кавказе, и, когда на Балканский полуостров хлынули все новые и новые волны индоевропейских племен, то последние там застали не чисто яфетическое, а скрещенное уже с яфетическим индоевропейское племя, в этой своей сложности называемое ионским и в этой сложности с южного побережья Черного моря достигшее, может быть, сухопутно, через Малую Азию, до Балкан. Такой же простой вид индоевропеизации яфетических племен мы вынуждены отметить и для северных берегов Черного моря. Многочисленные скифские племена, которых ученые археологи и сегодня знают как иранских индоевропейцев, только иранизированы, притом дело иранизации в господствующих кругах царей и высших сословий выпало на долю первым насельникам края, яфетидам. Скифы, или сколоты, как они себя называют, или саки, как они известны на Востоке, язык которых относился

1 Об иранских языках ничего не говорю, так как исследователи персидского языка разных эпох нарочно отрезали себе руки, которые могли протянуть к яфетическим языкам, мы же не можем справиться и с своими прямыми обязанностями [Несмотря на это, см. первую ласточку, доклад Ф. А. Розенберга о согдийском. Печатается во II книге Яфетического Сборника (уже напечатан)].

к одному слою мегрело-чанских и эламских или к шипящей (chuintant) группе языков. Яфетической части их, северных скифов, не следует искать только в среде древних иранизованных скифов. Те скифы в силу законов скрещения и теперь существуют, они не переводились. Их природная закваска, яфетические элементы, несомненно, возымела свое действие: признаки того и сейчас видны и в процессе зачатия и возникновения славянской группы народов. Что в племенном составе славян или склавов, индоевропеизированные яфетиды также присутствуют, об этом говорит не одно их имя. Имя это уже разъяснено: «склав» представляет собою яфетическое слово в форме множественности и означает то же, что სკ̇ვ̇თ[1] или «сколот», или тот же «сак».

Вопрос о северных яфетидах при анализе скрещенных типов нас приведет в соприкосновение также и с урало-алтаями, в том числе с венграми или мадьярами.

Следовательно, помимо племенного различия, заслуживает быть отмеченным и характер самого процесса, является ли он простым, протекшим в один крат, или сложным, повторным, может быть, протекавшим не в две очереди, а многократно, так как соответствующим образом должно вестись и исследование, должны осложниться исследовательские приемы и средства. Сложность характера процесса отлична от сложности состава, когда налицо скрещения и смешения не одной, но двух различных групп, двух, может быть, и трех различных семей языков, благодаря чему произошли не простые по составу, но двуприродные или более сложные языки. Господствующее языкознание положение о процессе скрещения языков считает неприемлемым,[2] но материал нас вынуждает принять его.

В силу этого приходится считать плодом полного невежества, между прочим, когда признанное языковедное учение утверждает, что язык от языка, якобы, усваивает лишь слова, но никогда не морфологические особенности. Поскольку дело касается внешнего влияния, которое приводит к заимствованию культурных или каких-нибудь иных слов, его и мы не отрицаем, но когда происходит не искусственно-культурное сближение, а этно-культурное соединение — смешение племен, говорящих на разных языках, т. е. протекает процесс этногонический, то здесь осуществляется усвоение от одного, также и от другого языка, как слов, так и морфологических явлений безразлично, конечно, и фонетических особенностей; в каком соотношении и в какой соразмерности, это уже особо нужно исследовать по каждому из данных языков в отдельности. Часто происходит и столкновение двух течений, а в результате — захирение и окончательная гибель данного определенного звука или явления.

Вообще относительно скрещения языков яфетическим языкознанием устанавливается ряд законов или поставлены проблемы, подлежащие исследованию, но уже теперь ясно, что нескрещенного языка вообще и не бывает, в выработке как самого языка, культурного языка, творческих в нем начал, огромную

[1] [Skuɜi, груз. форма «скиф»]
[2] Голос проф. Schuchardt'a в защиту той же мысли остался голосом вопиющего в пустыне.

роль играет момент скрещения. Простой по составу язык, как слабое существо в борьбе за жизнь, обрекался бы на гибель. Если, между прочим, грузинский язык жив и сегодня, то его живучесть надо отнести за счет многообразных и богатых возможностей, источник каковых его качеств — его природа, обогащенная в результате неоднократного его скрещения. Подразумеваю не факты заимствования материалов от чужих языков, относящиеся ко времени, когда усваивалась чужая культура, а материальное и психологическое соединение-смешение различных языков в одной психологической единице. Отсюда происходит, скажем, то, что грузинский язык характеризуется двоякостью ритма; оба ритма одинаково постоянно зависимы от двух ударений, падающих, считая с конца слова, на второй или третий его слог. В том же грузинском языке мы различаем два слоя, один, основной его слой, относящийся к свистящей группе сибилянтной ветви языков, другой слой, также органический, относится к спирантной ветви; например, ხელი[1] (отсюда — ვხლებ,[2] ვეხები[3] и др.) относится к спирантному слою, доля, внесенная в грузинский при его зарождении и возникновении языком спирантной ветви. Свистящее соответствие данного слова, разновидность его, выработанная по определенным законам, грузинский язык сохранил по сие время, только эта разновидность служит для выражения другого понятия. Свистящим соответствием слова ხელი[4] был бы ძალი-,[5] и грузинское слово ძალი[5] (отсюда ძლევს,[6] ვძლევ,[7] также — ვსძლევ[8]) то же самое слово, которое раньше, как и ხელი, значило только 'рука'. Вопрос весьма сложный, он представляет для нас интерес, но не останавливаюсь на нем, чтобы успеть кончить доклад.

Общественного интереса также не лишена яфетическая теория. Понятно, что каждый яфетический народ должен питать интерес к учению, которое освещает вопросы об его появлении на земле, о происхождении и развитии его родной речи, о взаимозависимости этой речи с другими языками. Но мы здесь не говорим о таком естественном эгоцентрическом интересе. Мы заостряем внимание на более широком общественном значении яфетической теории, взятом — сперва в мировом масштабе, затем — если не совсем в мировом, то, во всяком случае, в европейском, наконец — в местном, но во всекавказском.

Под водительством яфетического языкознания, мы, с одной стороны, на материалах одних лишь яфетических языков, с освоением вопроса о последовательной смене трех языковых систем: синтетической, агглютинативной и флективной — прослеживаем вообще жизнь языка, начиная с самого зарождения речи, достигаем в самом начале его истории линии, соединяющей пределы мира не говорящих и мира говорящих, и далее следуем по пути развития речи, по его ступеням, оставаясь на почве доистории; с другой же стороны, новообразования сложных

[1] [ǰel-i].
[2] [vaǰleb 'трогаю'].
[3] [veǰeb-i 'касаюсь'].
[4] [ǰel-i 'рука'].
[5] [ǰal-i 'сила'].
[6] [ǰleva 'осилить'].
[7] [vǰlev 'осиливаю'].
[8] [vaǰlev 'даю'].

языков, выработанные путем скрещения с яфетическими языками, в особенности языка европейского, так называемого индоевропейского происхождения, открывают нам возможности проследить прогрессивное развитие вообще языка до нашего времени и наперед учесть условия и творческие возможности, при каких он будет развиваться в будущем. Таким образом, мы получаем возможность непосредственно наблюдать процессы зарождения человеческой речи и ее роста, видеть путь дальнейшего ее развития; мы уже и видим, что в процессе сотворения и развития языка особенным творческим моментом является скрещение; что, чем сложнее скрещение, испытываемое языком, тем шире размеры его роста, тем более универсальным он делается, причем в процессе роста языка ослабевает значение природного инстинкта. Больше места остается рефлекторным моментам, естественный этнический рост языка переходит в процесс искусственного его созидания живыми силами его носителей, когда созидающим началом выступает уже общественное сознание. Поскольку, таким образом, не сегодня, так завтра, должны полностью раскрыться перед нашими взорами законы выработки и роста языка, ясно, что перед нами встает практическая проблема — проблема выработки универсального языка, языка международного, который не то, чтобы достигал цели лишь механически, как эсперанто, но и психологически служил бы выражением языкового опыта всего человечества, его душевного мира. Это та же проблема создания живого языка, такого всемирного языка, который по строению будет живым, хотя и искусственно сконструированным. Эта проблема, совершенно практическая, имеет и большое научное значение, потому что само исследование языков надо поставить на совсем новую почву и, чтобы это наладить, требуется коренное изменение методов исследования. Языкознание будет иметь целью не одно исследование в древности господствовавших языков, большею частью мертвых, но и изучение сложной, безгранично богатой возможностями природы языка, имеющего явиться в будущем как всемирный, содействие научными путями тому, чтобы такой язык стал живой реальностью, что само собой положит конец властвованию языка того или иного случайно ставшего господствующим народа и навсегда освободит человечество из того тесного, замкнутого круга, который тормозит его психологический рост.

Еще. Нам всем хорошо известна творческая сила подлинной наследственности и генеалогии. Но мы не должны скрыть и тот очевидный факт, что во взаимоотношениях между народами сильный эффект дает искусственное, не учитывающее подлинной наследственности освещение вопроса о происхождении. Правда, общественные ценности вырастают на экономических корнях, и на такой материально-реальной почве развиваются, вместе и видоизменяются в действительности унаследованные естественно-духовные влечения, но свое делает и влечение на генеалогию, искусственно выработанное и веками прививаемое, по внушению усвоенное. Возникшую на материальной почве общественную жизнь оно облекает в такие общечеловеческие отношения, идейного оправдания которым всякий невольно ищет и находит в сфере генеалогического происхождения, или прославляемого и долженствующего быть прославленным, родственных связей, этно-лингвистического наследия. У европейцев созданы собственные

генеалогии, как общая, так и частные по народам. Эти генеалогии яфетическая теория расшатывает в самой основе, расшатывается опора не только романо-германского, но и всеевропейского, всеиндогерманского эгоцентризма.

Яфетидами, имевшими распространение от Месопотамии до Пиренейского полуострова, столько внесено этнических и культурных элементов в тектонику и искусства или просвещение народов средиземноморского круга, как и народов, с севера напиравших на этот круг, что представляется беспочвенным учение, допускающее выделение европейцев из того же яфетического происхождения народов-аборигенов Малой Азии, признающее их расовое преимущество, основывающееся на материально незримом отвлеченном индоевропеизме; и оно, как мистическое учение или сказка, должно будет бесследно рассеяться. Преимущество прогресса в древней истории Малой Азии, от Средиземноморья и до Месопотамии, характеризует не одних европейцев, оно характеризует весь великий и широкий этнический круг, который охватывает все европейские и переднеазиатские народы, независимо от их родства с индоевропейцами. Оно характеризует все человечество, образующее круг, в который включились народы, как передовые в условиях современного просвещения, так и имеющие стать таковыми. Что некоторые народы культурно отстали от такого всемирного единения, это явление не так меняет сущность этно-лингвистического вопроса, на совершенно иной почве следует объяснить и самый факт деления национальных единиц на культурные и культурно мало состоятельные или вовсе некультурные классы или сословия. Такое соотношение сил зависит скорее от воли более передовых, чем от какой-то природной неодаренности отсталых, относимой за счет этно-лингвистической их родословной. Если бы все-таки человек, колеблясь в суждении о превосходстве индоевропейской расы, попытался дать историческую оценку культурному ее, чисто европейской расы, вкладу, взятому в отдельности, то он отчетливо бы увидел, что она, наоборот, принеся с собою варварство, разорила расцветшую до ее появления культуру. Впоследствии силами тех, которые уцелели от ударов, и тех, которые получили подлинное наследие первых, культура вновь была поставлена на ноги. Но и тогда окрепшее многосложное по своей природе человечество атавистически, во имя торжества индоевропейского варварства, которое оно в себя вобрало, именно оно навязывает народам, имеющим не менее, а то и более прав на культурное наследие предков, чем какие имеют так называемые индоевропейские народы, учение, не согласующееся с истинным положением вещей, якобы индоевропеизм является естественной привилегией народов, традиционно называемых индоевропейскими, будто бы унаследовавших эту привилегию по праву прямого наследования. Так, материальному порабощению не индоевропейских народов предшествует моральное их порабощение. Не могу не привести здесь одного примера, как таким путем порабощают и угнетают народ. Лет тридцать назад в научном немецком журнале[1] ученый Miguel de Unamuno на испанском языке писал о басках следующее:

[1] Zeitschrift für Romanische Philologie (1893, XVII), стр. 33.

«Так как единственным памятником, на основании которого можно хоть в какой-нибудь да мере ознакомиться с древними басками, является баскский язык, в иных же памятниках — ни археологических, ни в легендах и преданиях — мы не находим никаких следов древней баскской культуры, то не понимаю (non sè), как мог г. Ampère в своей Histoire littéraire de la France avant le XII siècle, не имея на то основания, — если таковым не считать одного двусмысленного (amfibologico) слова, — сказать, что баски были ведущим народом в истории цивилизации, или как может говорить о тех же басках г. Blanc de Saint-Hilaire (Les Euscariens), что баски сыны цивилизации и правды прошедших времен, или Whitney, что баскский народ является, видимо, остатком западноевропейской цивилизации, разрушенной вторгшимися индоевропейцами. Возможно ли такое разрушение цивилизации, чтобы от нее не осталось и следов? Баски составляют народ, не имеющий почти истории до VIII в. н. э., а подобные мысли и претензии характеризуют увлекающихся писателей, в особенности поэтов с их выдумками и фантазиями, но не ученых исследователей. Подобные мысли и у нас не ходки, а иностранных ученых обыкновенно удивляют».

Подумаете, что ученый г. Unamuno — инонациональный злонамеренный деятель, идущий по следам барона Брамбеуса, доказывавшего, что до XIII в., якобы, не видно было и следов существования грузинского народа. Напротив, Unamuno настоящий баск, любящий свою народность, но в такой мере он выродился, до такой степени он утратил дар национального самосознания и понимания вещей, что может не стесняясь и вопреки всякой истине писать (стр. 147): «Что касается меня, природного баска, всегда в Баскии жившего и говорящего по-баскски, то я не находил еще никакого памятника этой претенциозной культуры, тем более, что вся наша культура латинская [?!]». Вам предоставляю судить о том, в одной ли Баскии возможна такая деградация национального самосознания, и не имеет ли подобное духовное падение народа общественного значения.

На месте не менее значения имеет естественно-психологическое родство народов Кавказа. Наше новое лингвистическое учение ведь правильно освещает это их единство. Эта психология, живым ключом бьющая из природы насельников края, ее источник, вскрытый языкознанием, чему учат? Они создают новую идейную почву для единения народов Кавказа, его обитателей, они делают совершенно осязательной психологическую необходимость такого единения. В его необходимости убеждает нас и экономическое изучение природных сил края, о такой необходимости говорит и неоднократно повторявшаяся на протяжении веков дававшая блистательные результаты попытка устроения жизни Кавказа общими усилиями его населявших народов. Но естественно-психологическое родство требует и культивирования, его рост и развитие должно быть поддержано искусственным путем; сознанием своего родства должен проникнуться каждый из народов Кавказа, значение его, как необходимейшего естественноисторического фактора прогресса, должно быть осознано в первую очередь народами наиболее передовыми, более свободомыслящей их частью, молодежью, подлинным инициатором будущего.

Общественного значения исторических учений никто не может отрицать, как нельзя отрицать силы внушения. Старые общества имели идеологию, основанную на священном писании. В новой Европе, после большого переворота во Франции, с падением влияния и ценности церкви, восторжествовала общественная идеология, основанная на началах индоевропеизма. Это в Европе. В Грузии искание исторической базы для общественной идеологии шло иными путями. В средние века сначала, когда просвещение и литература были в руках представителей церкви или под их влиянием, грузин, во всяком случае, сближали с евреями, Багратиды генеалогически связывались с царем-псалмопевцем Давидом. Но дворянско-княжеская историческая идеология, проложив путь через местные предания, выдвинула родоначальника hАйка, прародителем не только грузин и армян, но и всех прочих народов и племен Кавказа признала героя hАйка (ჰაოს),[1] т. е. эпонима баскского или месхского племени. Такое учение, имевшее корни в прошлом, когда уже было осознано значение солидарности, во всю историческую эпоху расцвета Грузии оставалось жизненным, отвечающим современному положению вещей, потому что Грузия и раньше не умещалась в границах этнографической Карталинии, а начиная со времени, отмеченного победами Давида Строителя, и до эпохи Тамары и ее преемников, в особенности, было осуществлено объединение народов Кавказа, основанное на началах сотрудничества по удовлетворению психологических и экономических запросов каждого из союзных народов. Это многосоставное объединение обеспечило, между прочим, возникновение и развитие вольных городов, выдвинуло свою местную буржуазию. Один пример: никогда такого действительного расцвета национальной культуры, такого развития подлинно национальных форм в искусстве не переживала Армения, какого достигли в г. Ани и именно тогда, когда город входил, как часть, в государственные рамки Грузии. Хотя и вызванная требованиями жизни, историческая теория, связывающая грузин с эпонимом hАйком, не была вовсе выдумкой или, как это представлялось профессору Патканову, плодом фантазии какого-нибудь невежественного монаха, сочинившего ее ради уничижения грузинской нации. Она проистекла из недр древних этнических преданий. Что она не продукт армянской злонамеренности, об этом говорит уже тот факт, что «hАйк» сам по себе равнозначен этническому термину 'баск' или 'месх'. И, независимо от огромных заслуг месхов в истории культурного строительства Грузии, кто бы теперь мог решиться отрицать значение тех же месхов также и в истории зарождения и выработки грузинского этнического типа?

У Грузии и в настоящее время есть потребность психологическое единство, которое проявляется естественно, укрепить путем реально-исторического его осознания. Но может ли быть теперь у грузинского народа менее широты мысли, чем в XI — XII вв., и менее способности критически подходить к явлениям, чтобы могло его удовлетворить предание старины, выработанное ученымилетописцами в средние века, и чтобы мог он с общественным сознанием повернуться спиной к яфетической теории, когда она, вооруженная новым оружием

[1] [Наоs — форма, в какой это имя налично в грузинской исторической литературе.]

науки, доказывает, что весь Кавказ населен народами одного происхождения или племенами, смешанными с ними, что, если вторглись иноплеменные элементы, в течение веков они тоже яфетидизовались в результате скрещения?

Новое учение о языке рано или поздно должно привести неизбежно и к одному практического порядка результату, и было бы лучше прийти к нему раньше, чем позже. На Кавказе движению вперед сильно препятствовало всегда многоязычие. Конечно, чем многочисленнее языки, тем и сильнее выступает психологическое разнообразие, богаче духовные особенности. У представителей одного родственного объединения многообразнее формы выражения мысли и чувств, имеющие быть приведены в известную культурную стройность; и для такой малочисленной семьи современных яфетидов, какая представлена на Кавказе в составе местных народов, поныне уцелевших, переход к одному языку, каким бы передовым он ни был, с игнорированием моментов разноцветности и разнообразия, был бы равнозначен оскудению того клада, того сокровища, откуда беспрепятственно должен черпать свои силы каждый из народов Кавказа, когда он завоевывает себе независимость не только ради материального своего преуспеяния, но и для того, чтобы, пользуясь ею, как всеобщим благом, дать свободно появиться духовному богатству данного родственного коллектива, ьтобы внести свою творческую долю в общечеловеческую культуру. Но в данный момент мы не выясняем этого сложного вопроса, вопроса будущего, хотя яфетическое языкознание и здесь ожидает общественный подвиг: оно углубленным исследованием местных языков облегчит всякому сознательному местному элементу их изучение, поможет преодолеть все то пестрое разнообразие материальных и духовных явлений культуры, в каком выступает общерасовая психология.

Мы сейчас коснемся одного лишь предмета, который сильно мешает тому, чтобы общественной жизни могло быть дано внешнее единство: яфетическое языкознание уже создает единый по общему типу письменный алфавит, выработанный на общенаучных основаниях. То нынешнее положение на Кавказе, в котором этот вопрос находится, которое характеризуется максимальной неупорядоченностью, прямо говорит об исторически завещанной отсталости. Сколько передовых народов, столько же разнствующих букв даже для передачи равноподобных звуков. Я хорошо понимаю, какое чувство может вызвать такое высказывание у народов с древними культурами. Но это вопрос не чувства, а осознания исторического момента, и грузинский народ легче может понять всю преходячесть алфавита, чем другой иной. Грузины не раз меняли свой алфавит. В эпоху древней церковной культуры грузины применяли алфавит «хуцури».[1] Когда выработалась феодальная светская культура, алфавит был создан совершенно иного типа для всего высшего сословия, военно-служилого, а впоследствии он же стал национальным, сословно-национальным алфавитом средневековья, выделяющим грузинский народ от других народов. Но в наступившую эпоху, когда Грузия воспринимает мировую культуру — переживающую в Европе трудное положение

[1] [По-грузински буквально 'священнический', т. е. 'церковный'.]

культуру, — ей нужно более глубокое и более широкое, отвечающее запросам современности понимание национальности, и ей вменяется в обязанность соединенно со своими соседями обеспечить дальнейшее движение вперед воспринятой мировой культуры; чтобы быть ей в состоянии найти в реальной действительности полное, вещественно-осязательное выражение своему национальному духу, для нее необходимо также, понятно, иметь современный по характеру, научно составленный алфавит, основанный на психологическом анализе яфетической природы звуков и согласный с соответствующей концепцией, с виду оформленный по образцам основных букв, всемирно употребительных; на ней лежит обязанность стоять на защите, с принятием букв — наследия средиземноморской мировой культуры, латинских букв единого всеобщего алфавита, который бы в пределах всего Кавказа давал выражение местным национальным особенностям с соблюдением общего закона в изображении букв. Пока этого не будет достигнуто и пока, таким образом, культурная тяга объединенного Кавказа не обретет хотя бы вещественно, внешне, всеобщего, в известном смысле мирового, значения, до тех пор на кавказской почве в деле культурного господства впереди будут все иноземные литературы с мировым значением, литературы, получившие количественное превосходство и имеющие претензии быть мировыми.

Если учесть хотя бы одно только научное значение яфетического языкознания, станет ясным, что нужно его защищать и развивать, углублять и расширять его базу, пропагандировать его, но каким путем? Старых путей недостаточно. Созданное с опозданием учение, раскрывающее самые широкие горизонты, не может быть двигаемо вперед силами одного человека или отдельных единиц. Этого было бы мало. Работа должна быть ведена соединенными силами, коллективно; поэтому 1) здесь не буду я останавливаться непременно на вопросе о будущем мирового масштаба институте языка, который со временем неизбежно должен быть создан; в просвещенной западной Европе в нынешнее время торжествует принцип трусливой национальной замкнутости и воинствующего человеконенавистничества, и она открещивается от всякого объединения, имеющего целью уничтожение гнета и несправедливостей прошлого, а в России условия физического существования лишают ученых возможности, если бы и организовали такой институт, в скором времени приступить к нормальной работе.

Но, во всяком случае —

2) рано или поздно, скорее рано, чем поздно, должен быть создан отвечающий нашим запросам международный яфетический институт где-нибудь, в этом «где-нибудь», где для науки есть европейская почва, выгодно подготовленная. По какому типу будет построен институт, это вопрос технического порядка. Но там должно быть обеспечено научно-теоретическое и научно-практическое исследование всех яфетических народов, их письменных и вещественных древностей, так как теперь поставлена большая проблема о средиземноморской культуре и о создавшей ее расе; постановка этого конкретного, живого дела требует собирания специалистов соответствующих отдельных дисциплин, чтобы вперед не распыленными, а соединенными силами совместно работали, прислушиваясь

друг к другу и помогая один другому, исследователи баскского, грузинского, мегрело-чанского, сванского, абхазского, адыгейского, цова-тушино-кистино-чеченского, халдского языка ванских клинописей, древнеэламского клинописного языка, языков шумерского, хеттского и всех малоазийских, какие представлены в различных надписях, также этрусского и с ними связанных других языков, вроде армянского и т. д.

3) Пока еще не организовался на такой широкой базе основанный институт, яфетидологический, у которого, конечно, будет свой периодический орган, свои труды и серии, нужно, чтобы теперь же была организована международная серия, которая будет доставлять европейцам, пока еще не подготовлены новые, более сильные кадры, на одном или на ряде языков, господствующих и для европейцев более доступных, все то, что до сегодняшнего дня опубликовано или подготовлено для публикации касательно яфетических языков и яфетической теории. Одно такое издание уже осуществляется под немецким заглавием «Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens» проф. Брауном, и меня по-товарищески вовлекшим в дело.

4) Четвертое, что предстоит еще наладить, и тоже без промедления, — это организация местных исследовательских институтов у передовых яфетических народов: одного в Грузии, одного в Баскии, возможно, в Сен-Себастьяно, где теперь существует вновь учрежденная Академия баскского языка, одного, если найдем сочувствие и понимание дела в армянских научных кругах, в Армении; один местный исследовательский институт, имеющий иные особые задачи и соответствующим образом устроенный, должен быть учрежден в Италии, где этого требует не только то обстоятельство, что там богато представлены материалы этрусского языка, но и тот интерес самих итальянцев, который они питают к своеобразности родной культуры, к одному естественному мощному источнику самого их собственного искусства.

В Грузии — в Тифлисе — уже был создан институт, основанный на научных интересах яфетической теории, но он в начале же своего существования приблизился к концу, как об этом узнал я теперь, по моем приезде в Париж.

В данное время яфетическая теория в большой опасности, яфетическое языкознание в данный момент переживает крайние затруднения; если бы не вера в науку, условия сами по себе сложились так неудачно, что готов сказать, что погибает молодая отрасль науки.

Не касаюсь вопроса, почему яфетическая теория не признана и не принята в Европе. Достаточно указать на тот факт, что по сей день ни в одном из университетов в западной Европе нет даже кафедры грузинского языка и кому же там пещись о сложных запросах яфетической теории и о должной организации дела изучения всего множества потребных языков кавказских и не кавказских? Здесь, в западной Европе, если бы появился в современных условиях какой-нибудь специалист грузинского языка, то пришлось бы ему итти по следам Мари Броссе, чтобы найти себе приют и удовлетворить свои научные запросы, — вам известно, что Мари Броссе, чтобы удовлетворить свои возвышенные научные стремления, утолить жажду к исследовательской работе, из Парижа пере-

ехал в Петербург. Тому назад насчитывается сотня лет, а за это время во Франции, в самом Париже, не продвинулись вперед ни на шаг, напротив того, дело, видать, пошло назад, а в Петербурге гнездо, созданное руками Мари Броссе, сегодня грозит превратиться в место плача Иеремии, а плоды, принесенные в Тифлисе, в частности в грузинском университете трудами взращенных в петербургском гнезде, но вылетевших в Тифлис соколов, ведь могут стать предметом оценки только в будущем. Нас же интересует настоящий момент. Баски, есть надежда, заинтересуются. Автор знаменитейшего баскского словаря de Azkue весьма сочувственно встретил новое открытие яфетического языкознания, о чем уже доложено им Академии баскского языка, и в сентябрьский «день басков», когда, в два года раз, устраивается их общее собрание, читается специальный доклад на баскском или испанском языке о яфетическом происхождении баскского языка; возможно, у кого-нибудь появится желание заняться новым учением, но где учиться и у кого?

«Лиси язвины имут, и птицы небесные гнезда; сын же человеческий не имать где главы преклонить», или, как это переведено басками:

«Haserik badituste silhoak eta seruko hegaztinek ohanẑeak, gisonaren semeak es du ordean non eẑan burua».

Понятно, мы в вопрос не вносим личного элемента, обходим совершенно и материальную его сторону, которая не интересует нас.

Мы заостряем внимание на самом яфетическом языкознании, на вопросе о том, как обеспечить нормальную его работу, создать соответствующую обстановку для научно-исследовательской работы, создать нужную организацию.

Мы уверены, что фонд Marjory Wardrop в Оксфордском университете, где в мае (в эти последние дни) приглашен американец Robert Blake, мой ученик, читать курс древней грузинской литературы,[1] принесет свои плоды; не будет безрезультатной и работа учрежденного в Вене востоковедческого исследовательского института, где с интересом изучают грузинский и мегрельский, с увлечением взялись, в числе других ученых и Hüsing, вообще за кавказские языки, в особенности в целях должного исследования древнейших языков клинообразных надписей. Верю и в блестящую будущность грузинского университета в Париже, какая его ожидает в интересующей нас области, если он, поняв международность науки, реализует свои богатые возможности стать университетом для всего, без ограничения для всего Кавказа. Нет сомнения, что то там, то здесь будут появляться защитники нашей проблемы, как это имело место раньше, в западной Европе. С датой 17 апреля (1921 г.) пишет мне страсбургский профессор Иосиф Карст о том, что и он тоже заинтересовался вопросом о баскском и вообще о средиземноморской культуре, и он также ставит баскский в родственную связь с кавказскими и делится со мной некоторыми соображениями, как новыми, несомненно, правильными и уже давно нашедшими место в русской печати, в Петербурге, только у него четче и убедительнее выраженными. Таким образом, есть надежда, что в будущем солнце-правда яфетического языкознания во всем своем

[1] Через г. О. Уордропа мне стало известно, что Блейк уже исполнил свое обещание: им были прочитаны лекции и в Оксфорде, и в Америке.

блеске воссияет на небосклоне науки всего мира, но в данное время и то сиротливое гнездо, где дана была жизнь этой молодой отрасли науки, развалено и доведено до полного опустошения, то самое гнездо, где на протяжении ста лет, как плод беспрерывной исследовательской работы, возникла и процветала единственная на земном шаре, имевшая собственное направление исследовательская школа кавказских основных языков.

Так, согласитесь, есть у меня основание сказать, что это дело, яфетическая теория, целая вновь явленная область языкознания, сегодня в крайней опасности.

По моем возвращении из заграничной поездки, в 1921 г. в Петрограде основался Яфетидологический институт Российской Академии Наук, спустя год переименованный в Яфетический институт. В конце полугодия своего существования институт издал первую книгу «Яфетического Сборника», за которой последует сданная в набор вторая книга сборника, в которую вошли труды сотрудников института. Начинает проявлять себя и получившее подготовку в нашей области молодое поколение. Но мы не должны обмануть себя внешней победой. Заодно пробуждается гидра научной реакции и представителей яфетидологии, в особенности новое их поколение, ожидает не раз Голгофа. Дело великое, и жертва требуется великая, больше моральная, чем материальная. Посмотрим. А если нам и не суждено увидеть результата, то конечное торжество истины вне всякого сомнения. И теперь уже фактически нам принадлежат, в компетенцию яфетидологии входят не только Грузия, но и весь Кавказ, все Средиземноморье и еще много чего, за его пределы выходящего. Жатвы много. Не будем спорить с нашими неизбежными противниками, не о чем с ними говорить. Будем слушать и работать. Трудитесь. Работать и работников нужно нам.

Индоевропейские языки Средиземноморья[1]

Работа последних месяцев над палеонтологиею речи на основании разъясненных фактов самих яфетических языков и усвоенных из них элементов в неяфетических языках неожиданно для меня вскрыла положение, более чреватое последствиями, чем все до сих пор высказывавшееся мною о значении яфетидов и их роли в созидании средиземноморской культуры в доисторические и протоисторическую эпохи. Утверждаю, что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или тем менее восходил к какому-либо расово особому праязыку. Кстати, вначале был не один, а множество племенных языков, единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция. Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве, может быть и в сопутствии привходящих пермутаций физической среды; индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это дальнейшее состояние тех же яфетических языков, в Средиземноморьи — своих или местных, на определенной стадии их развития, в общем новая по строю формация. Такие более наглядные гибриды, как, например, языки Армении, отчасти и албанский язык, не воплощение позднейшего скрещения индоевропейских языков с яфетическими, а представители переходного состояния на промежуточном этапе между чистыми яфетическими и совершенными индоевропейскими языками; это — языки, отошедшие от доисторического состояния яфетической семьи и не дошедшие до полного индоевропеизма.

И в самых совершенных индоевропейских языках имеются менее тронутые, как бы реликтовые яфетические слои, не захваченные общим процессом переработки яфетических в индоевропейские, так особенно в области культа, не говоря о топонимике, как вообще и самостоятельные яфетические языки, не только современные живые, но древнейшие, ныне мертвые, известные из письменности даже V тысячелетия до нашей эры, являются целиком реликтовыми представителями доисторического состояния яфетических языков, хотя и здесь замечается различная степень окаменелости в их типологической структуре. Не имея ни малейшего притязания доказывать эти мысли кому бы то ни было, разве в тесном кругу посвященных в основы яфетидологии и располагающих элементами материального знания по ней, я считаю не только долгом, но насущной потребностью дать огласку выдвигаемому мною положению, как оси яфети-

[1] [Доложено в Отделении Историко-Филологических Наук Академии Наук 21 ноября 1923 г. Напечатано в ДАН-В, 1924 г., стр. 6—7.]

дологических работ в дальнейшем, особенно во всех тех случаях, когда в них будет затрагиваться в каком бы то ни было отношении вопрос об яфетических элементах в индоевропейских языках, так как не учитывать положения, которое признать мы вынуждаемся и количеством, и качеством наблюденных фактов, по нашему глубокому убеждению, значит заведомо обрекать себя на получение нарочито искаженных или вовсе недействительных выводов. Почему прошу конференцию о напечатании в наших Докладах настоящего моего заявления. Более обстоятельное предварительное сообщение о том же предполагаю сделать в зависимости от возможности своевременного напечатания.

Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков[1]

Почти ровно год тому назад в заметке «Индоевропейские языки Средиземноморья»[2] мною было сделано заявление об яфетическом происхождении индоевропейских языков, о том, что индоевропейские языки представляют собою лишь новую формацию тех же яфетических языков и в частности индоевропейские языки Средиземноморья ни с какими племенами особой расы не являлись откуда бы то было: они тут же в пределах Средиземноморья и возникли в яфетической племенной среде. Постепенно в процессе работы над их палеонтологиею, яфетические языки все ярче начали вскрывать доисторическую подоснову индоевропейских языков. Еще более уточнилось это положение выяснением принадлежности чувашского языка по ступени своего развития к той же семье языков доисторического населения Европы. Все более и более намечается роль чувашского языка и органически связанных с ним, а не только по названию, то по первой части их наименования (кимеро-, оно же иберо- или, что то же, бол-+-гаро-), то по второй части термина сармат (-мат ~ -мар[3]) болгаро-скифской и хазаро-сарматской племенных яфетических языковых групп и формаций, в частности русского и вообще славянских языков; все более и более растут количественно и все резче и резче выступают качественно, как нормирующие фонетически и морфологически наследственные факторы, отложения скрещенно разных яфетических языков или в отдельных группах индоевропейских языков, или одинаково во всех их. Одновременно выясняется, что очень часто скрещение захватывает не подбор лишь слов данного племенного языка, нарушая его ожидаемую девственную простоту схождением различных племенных самостоятельных слов; скрещение врывается в отдельные слова, сливая любое из них, звуковой комплекс определенного племени-примитива, с звуковым комплексом другого племени-примитива, уже позднейшим, иногда лишь оформляющим этническим признаком, впоследствии становившимся признаком той или иной грамматической категории, как то: мн. числа, имени действующего лица, ласкательных или уменьшительных слов и т. п.

В связи с этим перед нами встал вопрос о первичных и в то же время общих всем индоевропейским языкам яфетических отложениях по племенным признакам. С другой стороны, с установлением социального происхождения человеческой речи на основании данных яфетических языков, когда лингвистическая палеонтология в ней вскрыла отображения общественного строя и общественного мировоззрения, в лексическом составе языка выявилось вообще творчество совершенно отличного от нашего восприятия мира доисторического мышления; доисторическому мышлению, дологическому, была присуща отличного характера связан-

[1] [Доложено в Отделении Историко-Филологических Наук Академии Наук 19 ноября 1924 г. Напечатано в ДАН-В, 1925 г., стр. 9—10.]

[2] ОИФ 21 XI 1923. ДАН В, 1924, стр. 6—7.

[3] Ср. национальное название черемисов: «мэрэ», «марэ», «мары» и «мари» (П. Глезденев. К вопросу о научной разработке языков: мари, удмурт и коми. Изв. Вятского Научно-исслед. Инст. Краев., Вологда, 1922, I, стр. 47).

ность представлений, выражавшихся звуковыми символами, словами. В них, этих словах первобытное человечество нуждалось для выражения именно того, что убегало от материального восприятия; они, эти слова, прежде всего были использованы в наименованиях терминов социальных категорий, а не в выражениях физических взаимоотношений. И в связи с этим в частности основные термины родства оказались выразителями ab ovo не родственных отношений, а общественных, почему название общественного типа, получившее впоследствии значение 'матери', перешло на лицо, в историческую эпоху воспринимаемое как 'отец' и т. д. В результате анализ основных терминов родства индоевропейских языков вскрыл, что в них мы имеем идеологически слова, выражающие общественные взаимоотношения с наследованием 'отца' в роли 'матери', равно 'братьев' и 'сестер' в роли 'родителей' с использованием космических терминов или во всяком случае с совпадением с ними. Материально же, т. е. по звуковому составу, основные индоевропейские термины родства оказались в оправе племенного оформления салов или, что то же, альпов, фессалов или италов (-tar ‖ -ter, с оканием -tor ⌣ [h]or ‖ -ʿhˀer), отложениями племенных слов иберского (трехсогласно ğbar ∾ → bğra- («bhara»-), с утратою начального и исходного согласных: φa- (↘ fa-) ← ba- ← pa- вм. pā- (↘ ma-) ← par ↘ mar ∾ vra, fra-, bra- с оканием: bro- → bru-, с сохранением одного лишь коренного φ, этрусского (duш- ⌣ dur-, *duh- ↗ duq̇- (← duğ → dwg-a) ← *d̨uш- ⌣ rош → *ош-, resp. us) и также италского, т. е. салского и т. п. (sor-, a-del ← *del), причем эти термины родства оказались разновидностями яфетических эквивалентов.

Оставляя техническую сторону обоснования настоящего утверждения с примерами для подготовляемой к печати специальной работы, сейчас спешу отметить, что схождение в формации перечисленных терминов иберского, этрусского и италского племенных слов, вторя утверждающемуся, если не утвердившемуся уже, независимо от яфетидологии, представлению об автохтонности в Европе иберов, равно этрусского и альпийского племени (а последнее то же, что салы, фессалы и италы), во всяком случае о доисторическом их нахождении в ней, об их исконности, тем же самым свидетельствует о территориально-европейском происхождении индоевропейских языков.

„Послесловие к Яфетическому сборнику", т. III [1]

(Postface)

Г. Вандриес констатирует,[2] что яфетическая теория «ставит трудный методологический вопрос. Она противоречит самым принципам, на которых до сих пор покоится сравнительная грамматика индоевропейских языков. Она примешивает [sic] этнографию к лингвистике, утверждая, что смешение языков есть неизбежное следствие скрещения рас». Прекрасно сказано, если исключить два термина: «примешивать» и «неизбежное», когда дело идет о тесно увязанных этнологических явлениях, об общественной жизни какого-либо племени и его языке, о их нераздельном происхождении; нельзя говорить о смешении двух разнородных объектов, поскольку лингвистические факты приводят нас к объяснению органических связей между общественным строем и структурой языка. Равным образом скрещение племен и скрещение их языков является необходимым условием общественной жизни человечества, неизбежным условием ее начала и совершенствования на заре истории; это единственный залог развития языка, но никак не последствие мистического рока.

Другое дело, что уважаемому профессору Сорбонны не удалось убедить себя в правильности нового учения. Нам хотелось бы высказать скромное пожелание: иметь желание хорошо понять и знать материально то, о чем идет речь, прежде чем перейти на сторону убежденных. Но г. Вандриес спешит сделать мало известному учению, яфетической теории, замечания по существу. Он считает, что «одно критическое замечание может быть к ней [яфетической теории] обращено: именно то, что она опирается в первую очередь на словарь. Данные словаря всегда «своеобразные» и «единичные», хорошо согласуются с теорией, которая отводит так много места случайностям (contingences). Морфология имеет строгие рамки, которые не позволяют так свободно с ней обращаться. Поэтому многие лингвисты убеждены, что лишь факты морфологии пригодны в качестве основ для сравнения. Эти же лингвисты считают, что, придерживаясь словаря, г. Марр выявляет уязвимое место своего метода». Не из числа ли этих лингвистов г. Вандриес? Выводы не оставляют никакого сомнения, хотя в приведенной цитате об этом говорится загадочно. Ну, что ж, и эта цитата также не вызывает возражений, в ней все может остаться, за исключением имени Н. Марра: он не имеет ничего общего с теорией, которая не базируется на морфологии. Однако морфология, которая ему служит точкой опоры, включает в себя не только так называемые грамматические категории, но также и «словарь». Мы, яфетидологи, не рассматриваем данные словаря как явления «своеобразные» и «единичные»: они — произведения общественной жизни, я бы сказал, что сами они — факты общественные, определяемые действующими в ней законами, общественными законами, настолько более сложными, что это и не представляют себе учителя индоевропейской лингви-

[1] [Напечатано на французском языке в ЯС, т. III, 1925, стр. 165—177.]
[2] Revue Celtique, т. XLI, № 1—2, Париж, 1924, стр. 392.

стики. Эти законы, разумеется, весьма жестки, но зато они с необходимостью соответствуют всем изгибам общественной жизни, всем ее диезам и бемолям, следовательно, они жестко строги и в то же время относительны. И эти законы семантики затрагивают ближе всего сущность морфологии, потому что было бы не достаточно сказать, что в морфологии лишь отражается состояние общественной организации, — само состояние образования этой организации и ее общественных идей отлагается в морфологии. Да, это факт, что «морфология имеет строгие рамки, которые не позволяют так свободно с нею обращаться» и, прибавлю я, обращаться так просто, как то делают любители случайных этимологий. Однако это положение сохраняет свою основательность (мы вынуждены это повторить) по отношению не только к грамматике, но также и к словарю, к значениям слов, к их стоимостям. У семантики существует своя грамматика с ее морфологией. Для г. Вандриеса баскское слово udagara есть частное явление словаря, для яфетидолога — никогда. Оно прежде всего морфологическое данное. Даже еще больше: специальная морфология, наука, посвященная разъяснению флексии, образования грамматических категорий и возникновения слов, имеет свою историю, которая и показывает нам, что с диахронической точки зрения сама морфология заключает в себе элементы изменчивого [de contingence], что она отнюдь не стабильна. Яфетическое языкознание настаивает на этом пункте, оно уже разоблачило неопровержимыми фактами невозможность стабильности типологии. Грамматическая морфология равным образом преходяща и когда «многие лингвисты убеждены, что лишь факты морфологии пригодны в качестве основ для сравнения», они почти не ценят действительность французской пословицы: «сравнение не есть основание». Сравнительный метод лишь констатирует факты, якобы видимые, он никогда не говорит и не будет говорить ни о действительном происхождении этих фактов, ни о процессе их образования, ни, особенно, об их изменениях. Палеонтология языка приходит нам на помощь для укрепления сравнительного метода на реальной базе. И яфетическое языкознание обосновывается как раз на морфологии, укрепленной палеонтологическими исследованиями совершенно особого порядка. Как так? Разве индоевропеисты не пользуются тем же методом палеонтологии речи? Почему же предпочитать яфетическую палеонтологию? Да просто потому, что эта палеонтология располагает исключительными материалами, подлинными ископаемыми человеческой речи. Яфетические языки, кроме того, позволяют нам иметь диахроническую перспективу позднейших слоев новых образований, наложенных друг на друга, что отсутствует даже в языках так наз. «низших» рас. А на Западе именно эти яфетические языки и являются наиболее неведомыми, даже в науке. В науке тоже следует быть не только ученым, но и справедливо-точным [juste], хотя бы по отношению к материалам. У меня нет никакого основания оспаривать то, что существуют лингвисты, даже большая школа лингвистов, которые сами себя подвергают опасности получить выговор за невнимание к строгим законам морфологии. Это факт, который нельзя отрицать, но с наименьшим правом подобный выговор может быть адресован яфетидологу. Но г. Вандриес идет еще дальше.

Здесь я вынужден привести цитату почти полностью (стр. 292—293). Чтобы разоблачить «слабое место» нашего метода (см. выше), г. Вандриес снова берется за пример, когда он пишет: «исходя из баскского udagara 'выдра' (слово в слово 'воды собака' = 'водяная собака'), он [Н. Марр] пускается в ряд сближений, которые не внушают уверенности. Оказывается [?!], что баскское наименование 'выдры' имеет ту же этимологию, что груз. m-ṫav-daǧl-ı (слово в слово 'воды собака'), и что подобное же сложное слово существует в современном армянском языке в виде ḏrı-ɯun вместо древней формы ɯən-ḏrı (ɯən-ḏruk в зейтунском диалекте).[1] Надо ли добавлять, что и в кельтских языках название 'выдры' состоит из слов 'собака' и 'вода': ирл. «dobor-chú» («cù uisci» Sanas Cormaic, № 424, изд. К. Мейера), галльск. совр. «dwfrigi», корн. «doferghi» (гл. lutrius в Словаре)? Можно ли из этого общего названия делать вывод о первоначальной общности всех этих языков или даже о воздействии одних языков на другие? В данном случае дело идет о полунаучном термине, который может передаваться из страны в страну, может переводиться и вызвать подражания без наличия тесного контакта между языками. Но это лишь единичный факт!» Г. Вандриес правильно делает, что добавляет свои наблюдения, основанные на изучении кельтского материала. Кельтские языки также, по их данным, входят в круг языков приближающихся к яфетическому стволу языков. Морфология кельтских языков много бы выиграла, особенно в части глагола, если бы кельтологи приняли во внимание историю так наз. относительного спряжения в яфетических языках. В нашем распоряжении имеются еще другие факты, отнюдь не изолированные, которые нас побуждают обратить внимание на яфетические переживания в кельтских языках. Мы находим эти переживания даже среди кельтских слов, означающих 'собаку', 'воду' и т. д. Но согласно яфетической теории невозможно рассматривать кельтские языки в их наличном виде как языки первобытные. Откуда же, однако, появилась мысль заставить нас говорить обратное нашим научно установленным данным о кельтских языках? Мы сознательно не касались кельтских языков в нашей статье о баскском слове udagara. Впрочем, сам автор осведомляет нас о том, что он хочет сказать, предлагая два вопроса: «Можно ли заключать из этого общего наименования о первичной общности всех этих языков? Или хотя бы о воздействии одних языков на другие?» Если эти вопросы ставятся нам, то наш ответ короток, и всякий яфетидолог, даже начинающий, его повторит: «отнюдь нет!» И, действительно, поскольку речь идет лишь о типологической общности, эта общность нам сигнализирует лишь состояние первобытного мышления, общность ступени развития, а никак не тождество рас, тождество языков или их родство. Вообще яфетическая теория отрицает изначальное материальное родство. То родство, которое мы устанавливаем, есть не что иное, как позднейшее социальное явление, и, чтобы установить подобное родство, необходимо выявить тождество или родство фонетических комплексов, выявляющих типичное явление, фонетическое и морфологическое соответ-

[1] Армянские и грузинские слова воспроизведены в Revue Celtique с ошибками; я их даю в яфетидологической транскрипции.

ствие самих слов, что и было сделано на примере баскского слова udagara для каждой составной его части, как для dagar — 'собака' (м. doğor и т. д.), так и для u ← hur 'вода' ~ ur ↖ dur || dal (трехсогласное груз. tkal и т. д.). Эти формулы — плоды сравнительной грамматики, они подтверждаются рядом фактов, отнюдь не изолированных. Изолированные в чужом окружении (вернее, трансформировавшиеся) данные баскского языка выходят из этой изолированности, примыкая к кругу фактов, родственных материально, а не только типологически. Правда, мы обсуждали случай с баскским словом отдельно, потому что нас заинтересовал баскский термин для 'выдры', но имеются сотни «совпадений» того же порядка, исключающих изолированность этого слова. Это слово, естественно, кажется изолированным тем, кто не считается с совокупностью наших работ. Речь идет и не об исторических взаимоотношениях языков, «о воздействии одних языков на другие». Доисторические взаимоотношения языков много сложнее того, что представляют себе в мирном лагере индоевропеистов. Там продолжают себя чувствовать в хорошем состоянии, в то время как наука о «глоттогонии» страдает от скрытой болезни своих лучших слуг, пережитка покойного романтизма. Несколько недель тому назад мне пришлось слышать в заседании этнологической секции Ассоциации Востоковедения в Москве хорошо проработанный доклад одного научного работника, Р. О. Шор, о кризисе индоевропейской лингвистики. С деликатностью и чувством справедливости, свойственными молодой женщине, Р. О. Шор имела намерение без предвзятого мнения прийти на помощь новому учению о языке; она показала, что хотя некоторые основные положения этого учения, особенно в части социального происхождения языка, восходят к XVIII в., это не значит, что они устарели. Известные специалисты индоевропейского языкознания, выдающиеся умы, уже с начала XX в. и в наши дни возвращаются к тем же идеям. Из этого можно было бы заключить, что яфетическая теория продолжает эту линию исследований, что она лишь углубляет те же идеи, как бы находясь в зависимости от своих предшественников. Я не мог не возразить, что такое понимание наших положений противоположно тому, что в действительности имеет место: наши положения исходят не из философии наших предшественников, а из новых фактов, доселе почти не изученных. Я не собираюсь отрицать преемственности идей на протяжении от XVIII в. до нашего времени, мы разделяем общность этих идей, сами того не замечая, но эти идеи проистекают не из нашей философии, а из общественной жизни. В XVIII в. готовилась революция, и значение общественной стороны даже в вопросе о происхождении языка было хорошо понятно; в XIX в. образование науки о языке совпало с одной стороны с развитием естественных наук, чем обусловлена теория психо-физического происхождения языка, с другой стороны — с романтизмом, характерным для общественной реакции, для господствующих классов и для национальных движений того времени. Но в то время как романтизм мало-по-малу испарился из всех отраслей науки, даже из искусства и литературы — это умершая идеология — она остается почти нетронутой у лингвистов индоевропейской школы. Достаточно напомнить основу их сравнительной системы, существование праиндоевропей-

ского языка, из которого происходят, мол, как норма, все законные члены так наз. индоевропейской семьи, как языки, так и диалекты. Пагубное влияние этой теории дает себя знать во всяких лингвистических работах, она запутывает не только общие вопросы, но и так наз. диалектологические исследования: к изучению диалектов приступают с предвзятой идей, лучше было бы сказать — с навязчивой идеей рассматривать всякое различие в говорах страны как последующее изменение предполагаемого первоначального типа, как отклонение от него. В этот тупик загнаны не только исследования далеких иранских диалектов Средней Азии, но также и новых языков культурной Европы; даже французский язык и его диалекты считаются хранителем священного наследства девственного индоевропеизма. Не желают обращать внимания на доисторические языки Франции, хотя бы в той мере (и то в гомеопатических дозах), в какой изучается догреческий язык эгейского мира. Первостепенной важности вопрос, вопрос о не индоевропейских языках Галлии, мало озабочивает даже кельтологов. Georges Dottin довольствуется следующими строками: «Мы почти вовсе не осведомлены, из-за незнания языков народов, обитавших в Европе до прихода индоевропейцев, о лингвистических связях кельтов с народами, не говорившими на индоевропейских языках».[1] Вот и все. Обходя факты просачивания баскского (т. е. яфетического) языка в кельтские, факты, считавшиеся простыми заимствованиями, он спешит вернуться к более близким предметам: «в отношении индоевропейских народов, — говорит он, — эти связи возможно установить, хотя это и весьма трудно».[2] Интересуясь случаями сходства, эта доктрина, естественно, равнодушна к многочисленным явлениям, не входящим в искусственные рамки воображаемого родства. Это учение неспособно понять эти явления, не искажая их для приспособления к предвзятой системе. Это нам напоминает судьбу обычного права, которое силились когда-то подчинить общим юридическим представлениям. И эта абстрактная теория, вышедшая в своей целостности больше из общих положений, чем из полноты фактов, присваивает себе законодательные права даже за пределами индоевропейского мира, в котором, несмотря на огромную работу целого столетия, она сумела осветить только верхушки, классические или литературные языки, виды, дающие наименьшее количество материала для разъяснения естественной жизни языка. Но прежде чем стать литературными, эти классические индоевропейские языки, носители так наз. народной поэзии, на заре образования новых этнических единств, отличались необычайным распространением благодаря военной и торговой организации господствующих классов. Уже намечается, что названная организация базируется на экономических условиях и что последние порождают концентрацию этнических масс, новых группировок населения в больших территориальных районах. Единый эпос, наследство яфетидов, их поэзия, посвященная космическим героям, одушевляет каждую группировку. Этому эпосу покровительствует господствующий класс в Европе и в Азии, в Греции, в Галлии, в иранских странах, в Армении, на славянском Востоке, на германском Севере; всюду

[1] La langue gauloise. Grammaire, textes et glossaire, Париж, 1920, стр. 127.
[2] Ук. с.

те же эпические сюжеты, как вначале и язык нового образования был един. Языки яфетические, языки не разнородные, но доисторической природы, различались говором, впитавшим в себя многочисленные языки стран. Отсюда следует, и это несомненный для яфетидолога факт, целый ряд новых скрещений, независимых для каждого большого территориального отрезка. Действительно общим для дифференцировавшихся таким образом индоевропейских языков является то, что получено от того языка, который впервые стал орудием пропаганды господствующего класса. По всей видимости, ядро индоевропейских языков также есть создание особого класса, а не особой расы.

Но я возвращаюсь к докладу Р. О. Шор. В заседании, о котором идет речь, я высказал мнение, что дело не в кризисе индоевропейской лингвистики, а в трудном положении, которое создают себе ученые этой господствующей школы. Так, например, г. Hrozny хорошо определяет в общих чертах так наз. хеттский язык и спешит признать его индоевропейским. Поскольку он находит в нем следы родства с индоевропейскими языками, даже поскольку он склонен видеть в нем несколько доиндоевропейских черт, он прав, потому что индоевропейские языки происходят от яфетических, что делает понятным и все остальное. Но он полагает, что ему удалось открыть язык с исключительными родственными связями с индоевропейскими языками. Он почти не углубляется в суть дела, отождествляя, например, хеттское išḫ-ami 'господин' и греческое слово ἰσχύς 'сила'. Он и не подозревает, что оба эти слова происходят от яфетического слова, означавшего 'рука'. Но оставим в стороне эти палеонтологические тонкости. Г. Hrozny даже не интересуется фактом, что чистая основа хеттского слова išḫ-ami 'господин' налична в термине išḫ-an 'князь', в хорошо известном слове армянского языка, где та же основа išḫ с первичным значением 'рука' служит и для образования глагола išḫ-el 'мочь' (ср. арм. kar-an 'князь', арм. kar-ey 'он может', арм. kar 'сила' с первичным значением 'рука'). Разве индоевропейская школа виновата в том, что г. Hrozny не использовал эти факты? Или виновато то обстоятельство, что он незнаком с миром, близким предмету его занятий?

Я прекрасно понимаю, что для заслуженных лингвистов, обычно людей пожилых, трудно изменить основные линии их научной деятельности, начать учиться. Народный комиссар просвещения т. Луначарский правильно указал на всесоюзном съезде работников просвещения легкость, с которой крестьянин такой мало культурной страны, как Россия, понимает самые передовые советские идеи, представляющие непреодолимые трудности восприятию г. Пуанкаре, просвещенного ума наиболее культурной страны. То же мы видим и в нашей научной области. Чуваш Ф. Тимофеев, учитель чувашского языка в Ульяновске (Симбирске), без труда схватил основные положения яфетической теории и сам написал по-чувашски статью по этому вопросу.[1] Конечно, эта статья насыщена промахами, неточностями, серьезными ошибками, но научный интерес к определенным занятиям пробужден, и труд сделает остальное. Однако я вовсе не хочу быть

[1] Sundal («Сунтал» сойсăн литтература, политтĕк, тата наукка шурналĕ, 1(7)-мĕш № йанвар уйахĕ 1925. Шупашкар, стр. 19—24).

несправедливым по отношению к умам, воспитанным высшей наукой: проф. Пресняков, например, в одном польском журнале посвятил несколько страниц оценке, быть может преувеличенной, яфетической теории и ее значению для историков и археологов.[1] А проф. Пресняков — выдающийся историк нового направления. Что же касается до мастеров господствующей школы лингвистов, то, конечно, им трудно понять утверждения, которые противоречат их привычным идеям. Но оставим сейчас личности: дело идет о науке. Что выигрывает эта наука, когда на серьезный вопрос, вынесенный на обсуждение благодаря специальному изучению новых фактов, обычно отвечают таким уклончивым замечанием, как следующее, которое г. Вандриес делает не первый, но, правда, в мягких выражениях терпимости: «полного изложения метода и принципов яфетической теории еще нет, и пока его не будет, если возможно, на западноевропейском языке, будет трудно оценить ее значение». Г. Вандриес неправ, когда пишет, что я жалуюсь, что меня не знают в западной Европе. Мы не жалуемся, мы констатируем положение вещей. Мы не собираемся принимать какие-либо более эффективные меры к тому, чтобы убедить в правильности наших положений тех, кому они не нужны. Но если искренно желающим понять наши идеи в самом деле трудно оценить значение нового учения, разъясненного во многих специальных работах, нам не остается ничего иного им посоветовать, как прослушать наши общие курсы в Ленинградском университете. Г. Вандриес вдвойне ошибается, утверждая, что «эта теория [яфетическая теория] родилась на Кавказе, языки которого Н. Марр знает лучше, чем кто-либо в мире». Во-первых, я вовсе не претендую на знание кавказских языков лучше, чем кто-либо в мире, больше того — я каждый день нахожу новые факты, убеждающие меня, что я не знал и, вероятно, не знаю основательно даже грузинского языка, и я должен сердечно распрощаться с моим вчерашним знанием, настолько оно оказывается устаревшим благодаря развитию различных частей яфетической теории; во-вторых, эта теория родилась в Петербурге, выросла в Петрограде и получила свое современное и более точное построение в Ленинграде, а не на Кавказе. Наоборот, в Тифлисе, больше чем где-либо, она встречает сопротивление в самых просвещенных кругах, даже среди моих учеников, которые, обуреваемые националистическим романтизмом, отрекаются теперь в родной обстановке от тех немногих научных идей, которые они исповедывали в Петербурге-Петрограде. Я их прекрасно понимаю, потому что эта теория грозит основным идеям средневекового национализма господствующих классов, она разрушает его романтику, так же, как она разрушает романтическую основу индоевропеистики. В Тифлисе мы видим добросовестного ученого, Меликсет-Бекова, который наслаждается нашими этимологиями, но считает их «сомнительными» или «проблематичными».[2] Я могу только позавидовать моему коллеге, разделяющему твердую уверенность, свой-

[1] A. Presniakoff, Z najnowszej historjografji rosyjskiej. Lwow, 1924.

[2] Saıstorıo moambe, tıgnı II. Исторические известия, кн. II, Тифлис, 1924, стр. 264: «sq̇vaϑa moris, saınteresoa, ϑumva saeṭvo, aḃsna somq̇. zmnıs «a-rar-ı (←* a-ras-ı) e. i. 'vgen'», стр. 265: «ara nakleb saınteresoa, ϑumϑa problematıūrı, erϑı ganmarteba, romelsaϑ ıdleva avtorı. Someq̇ı [someq̇ϑa? somq̇ıs?] erıs saq̇eltodebıs «hay» — hayk» — ıs mesaq̇eb, romelıϑ «bask»-ıs gadasaq̇ebaa».

ственную ученым всех столиц мира, следовательно, и столицы Грузии, что наука имеет дело лишь с окончательными и абсолютными истинами и что эта наука находится именно в их владении. Отбросив эту наивность моего молодого коллеги, я считаю совершенно естественным, что последняя серия моих палеонтологических этимологий им признается проблематичной и даже сомнительной: в Тифлисе, так же, как и в Париже, не знают каких бы то ни было основных начал, которые недавно усвоены яфетической теорией. Но если трудно следить за нами издали, не легче и нам самим переварить сразу все новые положения яфетической теории, которые следуют одно за другим, создаваемые наблюдениями новых фактов. Мысль о первоначальном различии яфетической и индоевропейской рас, доктрина, которая нас вдохновляла во время нашей научной командировки к западным яфетидам, баскам,[1] должна была неизбежно уступить место факту, что индоевропейские языки вышли из яфетических, что первые являются трансформацией последних. А тут вся так наз. алтайская раса, даже урало-алтайская, попала в руки. Чуваши расширили круг яфетических народов, мы приблизились к турецкой группе; турецкие языки представляют собою агглутинативную ветвь, отделившуюся от яфетического ствола во времена его чисто агглутинативного состояния. Мы имеем два этапа развития человеческой речи: один доисторический, длившийся бесконечно долго, и другой — исторический, длительность которого измеряется несколькими тысячелетиями. Турецкие и угро-финские языки, затем семитические и, наконец, индоевропейские, представляют собою лишь группы исторических эпох. Только яфетиды, эти редкие пережитки первоначального населения Афревразии, в своих «пережиточных» языках, переполненных окаменелостями, дают нам возможность видеть доисторическое состояние человеческой речи. Эти окаменелости раскрыты нами, но лишь поверхностно и частично. Но в Берлине, в Лейпциге, и на моей родине слышно одно и то же предупреждение: нас предупреждают,[2] что еще не наступило время собирать жатву с поля, так обильно засеянного грузинским языком. Назад, яфетидологи! Довольно яфетидологических исследований, довольно палеонтологии! Увы, слишком поздно. Ящик Пандоры раскрылся, мысли яфетической теории высказаны, нет средства от них уберечься, даже если бы вместо новых исследований я принудил себя к молчанию, которое мне рекомендуют, или к писанию поучительных учебников для непокорных школьников или к писанию статей, приноровленных к общему уровню уже окончательно сложившегося мышления тех, которые утоляют свою научную жажду питьем, почерпнутым в энциклопедиях.

1 См. «Из поездки к европейским яфетидам». ЯС, т. III.

2 Это, впрочем, голос одного из тех грузин, которых воодушевляет убеждение, что грузины по праву рождения единственные в мире получили привилегию решать этот вопрос.

15 марта 1925 г.
Ленинград

Основные достижения яфетической теории[1]

О необходимости выступить на съезде в Дагестане с докладом об основных достижениях яфетической теории я узнал лишь по приезде туда, за два дня до выступления.

Некоторым, повидимому, интересно было узнать о работах, по которым можно получить представление о современном состоянии яфетической теории. Теория переживает момент не только формации, но сильного творческого развития, с новыми привлекаемыми материалами, закрепляя фактически новые широкие горизонты, не неожиданные для самой теории, но раньше лишь отвлеченно чуявшиеся. При этом, понятно, иногда коренным образом меняется не только принципиальная трактовка тех или других вопросов, но и мотивировка, и ее техника в отдельных частях. Так, например, было время, совсем не так давно, когда казалось, что яфетиды пошли с Кавказа; это — тогда, когда только несколько яфетических племен, именно, баски и этруски на европейском Западе, вершики на Востоке у Памира являлись представителями яфетической семьи вне Кавказа. Но затем, когда выяснилось, что яфетическим было все сплошь доисторическое население Европы и Средиземноморья, северного африканского побережья и Передней Азии, т.-е., когда выяснилось, что вся культурно-известная Афревразия была заселена яфетидами, суждение о целом ряде вопросов, естественно, приходится вести в совершенно особых выражениях. Точно также до последнего времени и я предполагал, как учился, что вначале был один язык, и благодаря такому взгляду получалась трактовка вопросов, от которой, естественно, пришлось отказаться.

С этой оговоркой могу рекомендовать небольшую статью в 11 страниц «Яфетиды» в издаваемой в Ленинграде серии «Восток» (книга I, 1922, стр. 82—92).[2] Не могу не предложить вниманию читателей, несмотря на обилие в ней опечаток, весной этого года появившуюся в «Новом Востоке» (книга V, стр. 303—339, Москва) статью мою «Об яфетической теории». Я рекомендую ее потому, что издатели выпускают ее отдельной книжкой и обещали напечатать в ней список новейших работ по яфетическому языкознанию. Из новых работ я обращу внимание по связи с востоком Европы на статью мою «Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении» (в III томе «Известий» Академии Истории Материальной Культуры) и на только что вышедшую работу «Из абхазо-русских этнических связей»: «Лошадь» и «Тризна» (к вопросу о племенном составе доисторического населения Средиземноморья)», издание наркомата просвещения Абхазии. Можно рекомендовать имеющую появиться «в ближайшие дни»[3] в серии Академии Наук «Тексты и разыскания по кавказской

[1] [Доклад, прочитанный в 1924 г. на учредительном съезде горской краеведческой ассоциации в г. Махач-Кала. Напечатан отдельной брошюрой под тем же названием. Изд-во «Буревестник», Ростов-Дон, 1925 г.].

[2] [См. здесь стр. 125—136.]

[3] [Появилась в 1925 г.]

филологии» работу «Русское слово «сало» в древнеармянском описании хазарского пира VII века» (в Албании), а по связи больше с западом Европы и басками — отчет мой «Из поездки к европейским яфетидам», первая статья III книги «Яфетического сборника», выпущенная уже отдельным изданием.

Хотя тема настоящего доклада редактирована мною, но имею сам почти столько возражений, сколько слов в ее составе.

«Основные достижения»?.. — «Достижением» считается то, что достигнуто реально и фактически, т.-е. когда теоретическое завоевание получает или практическое применение, или признание ученого мира за пределами сферы самого учителя и ближайших его учеников. Насчет признания учеными теория находится в положении Советского Союза среди европейских и неевропейских государств. Практическое применение может быть прежде всего на Кавказе. Не могу вполне отрицать наличие такого применения, но не могу согласиться, чтобы замечающееся на Кавказе применение, пока главным образом в Грузии, соответствовало тому, что можно было бы сделать самим кавказским народам с помощью яфетического языкознания вообще для мировой науки, и что могли бы они извлечь из него полезного, хотя бы для изучения собственной родной речи. Какое же это достижение?

«Основные достижения»... Меня смущает вопрос, что в яфетической теории основное достижение и что — не основное. Мне представляется, что все части — основное, не исключая последнего винтика, часто мне представляющегося важнейшим элементом. Не мне, а со стороны подошедшему наблюдателю было бы несравненно легче определить «основное» и «не основное» в так называемых «достижениях» яфетической теории. Для меня, находящегося в процессе не прерывающейся мучительной исследовательской работы, чрезвычайно трудно освободиться от субъективного настроения и самое последнее по времени достижение не признать важнейшим. Принадлежность чувашского языка в Казанской, Симбирской и Самарской губерниях на Волге к пережиткам яфетической семьи языков и открываемые этим фактом перспективы по связи с яфетическими языками турецкой и угро-финской групп языков, открытие, впервые заявленное публично на краеведческом съезде в Махач-Кала (Порт-Петровске) в Дагестане, только-что сделанное, естественно, мне сейчас представляется важнейшим сравнительно почти со всеми прежними достижениями, и, вообще, я не сомневаюсь, что в моем перечне основных достижений будет опущено не одно «основное» достижение и, наоборот, будут трактованы «не основные».

Наконец, «яфетическая теория», т. е. этот навязываемый мне термин — «теория»... Никакой теориею я не занимался вне неразрывной связи с материалами; в основе яфетического учения об языке лежит не «теория», а массовый языковый материал вне всяких общепринятых теоретических построений. Имею смелость утверждать, что я излагаю лишь то, что диктуют и диктовали эти разнообразные массовые языковые материалы. Говорят, что это и есть теория, построенная на определенном материале. Извините, если это теория, то она не построена на определенном материале, а выросла из далеко не определенных раньше материалов, которые благодаря этому собственному изучению и само-

определились. Если я тут при чем-либо, то лишь со своим непрерывным наблюдением фактов, а вовсе не с какой-либо теориею. Иначе ведь я должен принять и то, что говорят мне ученики (да и не ученики), знакомившиеся с яфетическим языкознанием, именно, что я утверждаю марксистские положения.

Не спорю, если это так; но яфетическое языкознание так же не марксизм, как и не теоретическое построение, а если в нем имеются положения, подтверждающие марксистское учение, то, на мой взгляд, тем лучше для него и тем хуже для его противников, так как в реальности положений яфетического языкознания языковые факты не позволяют сомневаться. Все больше и больше вокруг яфетического языкознания расширяется круг освещаемых им генетически, т. е. в отношении происхождения, языков, и учение об языках своим значением выступает за круг чисто языковых интересов. От глоттогонии, т. е. происхождения языков, оно переходит к этногонии, т. е. происхождению племен, а также к происхождению племенной общественности и таких общественных ценностей, как религиозные представления, мифы, эпос, литературные сюжеты, искусство, звериный стиль и вообще ставшая декоративной фигурная или растительная скульптура, разъясняемых палеонтологией речи, т. е. вскрывшимися, благодаря языковым раскопкам, в языке образами и представлениями доисторического человека.

У нового учения об языке вклады в науку двух порядков. Одни касаются родства и взаимоотношений коренных языков Кавказа, яфетических языков, оказавшихся и вне Кавказа, — сторона учения, имеющая то или иное местное значение для районов, где обретаются эти яфетические языки: на Кавказе и в Месопотамии, на Пиренейском полуострове и на Памире. Другие вклады касаются палеонтологии человеческой речи, т. е. общего мирового вопроса о возникновении звуковой речи человечества, вопроса о происхождении языков вообще и возникновении различных его видов, в связи с этим — о классификации не только яфетических, но и вообще языков всего мира.

Одновременно технически новое учение внесло длинный ряд не бывших в лингвистике терминов, в числе их прежде всего термин «яфетический», название, взятое из Библии и условное, выбранное потому, что учение об яфетических языках началось с установления родства яфетических языков с семитическими, т. е. арабским (их два вида письменных, мусульманский и христианский), еврейским, эфиопским или абиссинским, многочисленными арамейскими, в числе их сирийским (христианским) и ассирийским клинописным в Месопотамии. Так как еще тогда в науке, в общем, было принято родство семитической семьи с хамитической, куда входят, прежде всего, египетский язык, разные стадии развития мертвого египетского языка, от иероглифов до демотического, народного, коптский — также мертвый, он же христианский письменный, и ряд современных живых африканских языков, — то, чтобы не нарушать общей системы научной терминологии, для вновь определившегося в своем родстве к родственным с хамитическими семитическим языкам, пришлось из имен трех сыновей Ноя — Сима, Хама и Яфета — взять имя последнего, третьего брата (Яфета), и назвать вновь определившиеся языки яфетическими. Ничего реального это название само по себе не вносит, как не вносят его названия «семитический» и «хамитический».

Все они, в числе их и «яфетический», есть условное название, и, в частности, под «яфетическим» понимается не то положение, которое вытекало бы из библейского родословия носителя этого названия, а то положение, которое выясняется из определения природы и особенностей тех языков, которые так нами названы и которые раньше не носили никакого общего названия, так как они никак не были определены, — им не находили в семье человеческих языков никакого места.

До возникновения яфетической теории положение учения об языке, так называемой лингвистики, было таково: все языки мира разделялись на различные группы и, по разнесении в обособленные семьи языков: американских, палеазиатских, бесписьменных языков восточной части Азии, тихоокеанских и африканских, все остальные, т. е. языки древнего и нового исторически культурного мира Европы, Азии и Африки, были разделены на следующие семьи: индоевропейскую, семитическую, хамитическую, турецкую, или тюркскую, с угрофинской, монгольскую и, как бы сфинксом стоящий отдельно, — китайский язык. Но, однако, еще большим сфинксом, вызывающим и раздражающим ученых, стоял вопрос о группе языков, брошенных в самую гущу исторически известных народов Передней Азии и восточной Европы, частью и в центр мировой культуры, в западной Европе, и совершенно научно не понятых и оставшихся без отнесения куда бы то ни было. Это коренные языки Кавказа, мертвый этрусский язык на Апеннинском полуострове, т. е. на одной территории с римлянами и их латинским языком, и живой баскский язык на Пиренеях в сторону Атлантического океана, между районами французской и испанской речи. Не то, чтобы о них ничего не писали: горы литературы исписаны, но ничего не выходило. Почти одинаково о всех них в лингвистической науке сложилось прочное мнение, что их происхождение неизвестно; неизвестно, когда и откуда они явились, и лучше ими не заниматься, так как это научно задача безнадежная и лишь дискредитирует каждого ученого так же, как занятие решением квадратуры круга. Правда, по отношению кавказских яфетических языков в свое время очень популярный и авторитетный санскритист, Макс Мюллер, доказывал, что наши языки относятся к устанавливавшейся им обширной семье, которая слагалась у него из турецких или тюркских, венгерского и финских языков. Макс Мюллер выделял такую семью языков главным образом по внешнему формальному признаку, т. е. по тому, что в этих языках, мол, нет органического образования форм, флективной морфологии, а есть механическое накладывание признака формы на основу, часто признаков различных форм одного за другим на ту же основу, т. е. у них, мол, у всех агглутинативное образование форм. Это мнение держалось два-три десятка лет, иногда пережиточно появляется и теперь. Но, в общем, лингвистика продолжала исповедывать положение об изолированности всех названных языков, неродстве их ни с какими языками, и пережиточно, даже теперь, после более чем четвертьвекового университетского преподавания яфетического языкознания в Ленинградском (Петербургском) университете, тут же в Ленинграде в качестве руководства или пособия по лингвистике рекомендуется труд московского профессора Н. Д. Ушакова «Краткое введение в науку о языке», в кото-

ром, даже в 6-м изд. Госиздата 1923 г., на стр. 110 читаем: «На Кавказе различные племена говоряг на языках, частью родственных, повидимому, друг с другом, как южнокавказские языки: грузинский, мингрельский, сванетский, частью не родственных ни между собою, ни с другими, как северо-кавказские языки: черкесский, чеченский, лезгинский и др. Все эти языки называются в науке «кавказскими»...

И больше ни слова!

Как же могло это произойти? Да очень натурально. Общей науки об языке не существовало, не существует и до сих пор. Из всех языков мира действительно лингвистически изучались и брались в основу всех общих теоретических положений почти исключительно индоевропейские языки. Преподавание лингвистики, особенно чтение общих курсов по языкознанию, было в руках именно лингвистов-индоевропеистов. За общие положения по языку, за общую науку об языке сходило то, чему учили лингвисты-индоевропеисты, научно воспитанные на индоевропейских языках и мыслящие по-индоевропейски и, в общем, кроме индоевропейских, не владеющие в достаточной мере или вовсе никакими языками, никогда не учившиеся яфетическим языкам и абсолютно не имеющие никакого научно-состоятельного представления о них.

Теоретическое представление о языках вообще сводилось к тому, что семьи языков разделяются, мол, типологически по словообразованию, на синтетические или неоформленные, как китайский, на агглутинативные, т. е. с нанизыванием одного окончания за другим, как турецкая, равно угрофинская семья языков, и на флективные (с органическим образованием форм). К последним относили индоевропейскую и семитическую семьи языков, причем семитические языки отличали тем, что у них не только окончания, суффиксы, но и представки играют основную роль в образовании форм, а корни все трехсогласные (трехбуквенные); конечно, всякая связь между конкретными представителями определявшихся ими семей не только исключалась, но продолжает исключаться господствующей пока школой и теперь из круга ведения серьезной науки.

Между тем развитие науки о культуре человечества вообще, в частности об его различных языках, ставило этот и сродные вопросы неукоснительно, и все с большей и большей настойчивостью требовало от лингвистов ответа. Когда официальные носители звания настоящих лингвистов, собственно исследователи исторического развития одних индоевропейских языков, беспомощно молчали, за решение неотложных научных проблем брались сами открыватели новых культурных миров и исследователи новых материалов. Часто занимались этим и случайные, менее ответственные и вовсе безответственные работники-любители, и получались совершенно независимые от спецов-лингвистов, иногда колоссальные, достижения по истории человеческой культуры, абсолютно не трогавшие и до сих пор не тронувшие ни в какой мере мировоззрения господствующей лингвистической школы, в массе замкнувшейся в свой индоевропейский языковый мир и ушедшей с головой в свои давнишние достижения, не замечая ни их устарелости по существу, ни их несоответствия вскрывшимся фактам.

Прежде всего, ориенталисты вскрыли в памятниках, обнаруженных раскопками в Месопотамии и Малой Азии, целый ряд языков, в числе их древнейшие: шумерский, эламский, хеттский, халдский и др., определение которых никак не удавалось, не удается и до сих пор существовавшими приемами лингвистики.

Затем классики, вообще исследователи архаичного средиземноморского культурного мира, вскрыли в обнаруженных раскопками материалах неизвестные равным образом дотоле языки, места которым опять-таки, по господствующей лингвистике, не находилось. В то же время исследователи греческого языка стали признавать, что в нем имеются догреческие, доэллинские элементы малоазийского и средиземноморского происхождения, идущие из речи тех творцов именно этих древнейших культурных ценностей эгейского мира, которые, как вообще в Средиземноморье, были ли они пеласги и этруски или иные, предшествовали и римлянам и грекам.

Работа о доэллинских языках Средиземноморья, как и занятия хеттскими языками Малой Азии, выдвинула вопрос о скрещении языков, о скрещенных типах языков, совершенно независимо от яфетической теории, но господствующая лингвистика и здесь беспомощно молчала и молчит.

У действительных знатоков древнего мира мы находим иногда любопытные соображения насчет беспомощности европейских ученых в их исканиях специально по доэллинскому языку. Так, например, у Виламовица[1] читаем: «Лишь знание языка с иным мышлением приводит к надлежащему пониманию собственного языка. Мышление современных европейских языков так сходно, что они этого понимания дать не в состоянии»... Поддерживая положение, что «фригийский язык продолжает еще жить и по сие время в армянском», он с сожалением отмечает, что это осталось в дальнейшем вне внимания ученых кругов, как и не индоевропейские языки внутренней Азии. «Иначе мы знали бы, — продолжает он, — язык того населения, которое обитало в Элладе до эллинов, обладало древней высокой культурой и потому, вероятно, оказало воздействие на язык переселенцев, точно так же, как латинский язык воздействовал на германцев. О слое семитических заимствований в греческом могут говорит еще только сумасброды (Schwindler)»[2] и т. д.

Различные недоуменные вопросы, в числе их вопрос о скрещении или, во всяком случае, о странных иррациональных, с точки зрения самих лингвистов-индоевропеистов, элементах вызывали вообще и другие индоевропейские языки; так, например, 30% слов в германских языках неизвестного происхождения[3] и т. п., а некоторые языки, например, армянский и на Балканах албанский ставили и ставят втупик целым рядом основных своих особенностей и лингвистов-индоевропеистов. Последние все-таки по инерции твердят, что это чистые или цельные индоевропейские языки и мешают правильной постановке их изучения, игнорируя их связи, даже языков Армении, с яфетическими и возводя их,

[1] Wilamowitz-Möllendorff, Platon, 2-е издан., Берлин, 1920, стр. 290.
[2] Там же, стр. 294, п. I.
[3] [См. К вопросу об яфетидизмах в германских языках. ЯС, т. I, стр. 43—56.]

особенно албанский, к индоевропейским часто прямо-таки ценою невероятных насилий над здравым смыслом.

Наконец, этнологи-лингвисты всего мира оказались с неотложными проблемами того же порядка на руках, частью в занятиях аборигенами Америки, частью в занятиях такими, точно с неба свалившимися обитателями самой Европы, как уже названные нами баски.

И вот рядом с индоевропеистами-лингвистами, в отношении своих же индоевропейских языков попавшими в тупик, не знающими ничего определенного о происхождении их, а от вопросов за пределами так называемой европейской семьи отмахивающимися совершенно, точно их это не должно касаться, появляется с давних пор, еще с 70-х годов прошлого столетия, длинный ряд работников, в большинстве дилетантов или любителей, но иногда серьезных исследователей, известных ученых (назову Ленормана, Сейса и др., даже лингвистов-индоевропеистов Шухардта, Кречмера, Кюни и др.), которые спешили высказать, продолжают высказывать то или другое мнение по всем этим недоуменным вопросам. Все они, в общем, совершенно неизбежные научные проблемы о неопределившихся мертвых древнеписьменных языках, клинообразных в Месопотамии и в Малой Азии, равно писанных буквами лидийском и смежных малоазийских, равно этрусском, а также живом баскском — старались разрешить с помощью отчасти турецкой семьи языков, а главным образом коренных языков Кавказа, но ничего прочного и ясно определенного из этого не получалось, разве, впрочем, то, что оставалась презумпция или некоторое предрасположение в пользу какого-то действительного значения яфетических языков Кавказа.

Как же возникло учение об яфетических языках, приводящее к разрешению перечисленных и многих еще других недоуменных вопросов не только по языковой части, но и по памятникам материальной культуры, мифам, литературным сюжетам и т. д., и т. д.? Благодаря чему?

Благодаря, прежде всего, тому, что в Петербургском университете с его факультетом восточных языков было объединение массы разнообразных языковых занятий.

Явившись туда с краеведческим интересом, я был захвачен колесом мировой науки и сделался не творцом, как говорят, а орудием производства для наличных в названном научно-учебном учреждении исследовательских сил.

Началось с того, что на 2-м курсе (это было в 1888 году) я заметил родство грузинского с арабским[1] и занялся подготовкой себя к составлению сравнительной грамматики яфетических языков с семитическими. Составлением этой грамматики я продолжал заниматься, сначала спокойно, опираясь на правильную литературную речь грузин и армян.

Работая перед окончанием курса над медальной темой по грузинской литературе, я был материалами поставлен лицом к лицу с изумительным для себя фактом. Литературные сюжеты персидского народа, мусульманского, оказались воспринятыми как родные, национальные, неродственным с ним народом, при-

[1] [См. здесь стр. 14—15.]

том христианским, именно грузинским, собственно, его феодальным сословием, ныне же носителями его пережиточной идеологии — мешаной феодально-буржуазной интеллигенциею.[1] В массовых же народных слоях те же сюжеты оказались запросто сплетенными, — казалось бы, чудовищное скрещение! — с христианскими легендами и исконным родным грузинским, вернее, кавказским, именно, яфетическим, — эпосом, сплетенными в одном цельном творчестве, без внимания и к расовой, и к религиозной, и к классовой разнородности происхождения скрещивавшихся сказаний. В университете эта медальная моя работа была опорочена, как ненаучная, профессором, на суд которого она была представлена, а на родине, в Грузии, старая общественность меня занесла в проскрипционный список отрицателей грузинской культуры и даже врагов грузинской национальности с таким успехом, что лучшие мои ученики, вначале сами боровшиеся с этой клеветой, в конце концов — уже в эти последние годы — сделались добровольными поборниками той же мысли, захваченные мощным в окружающей их среде националистическим течением.

Но вот, едва успел я закончить студенческую страду, как случай заставил меня заняться для диссертации, уже магистерской, средневековым армянским языком, и тут в вынесенные из высшей школы традиционные научные представления, точно факелы, врезались, с одной стороны, средневековый армянский язык, а с другой стороны — раскопки в развалинах Ани, древнеармянской крепости, впоследствии средневековом армянском торговом городе с международным значением. Средневековый армянский язык был язык средневекового памятника, сборника притч или басен и занимательных разсказов не то для назидания, не то для забавы уже не феодалов и родовой знати, а простого народа, собственно, городского международно настроенного населения. Он был так популярен, что с армянского языка оказался переведенным и на грузинский и на арабский (христианский арабский, почему арабский текст был писан не арабскими буквами, а сирийским письмом, так называемым «каршуни»).[2]

В то же время два лета раскопок в Ани (1892 и 1893) с сопровождавшими их разъездами в пределах древней Армении, в непосредственном общении со смешанным населением из армян, турок и курдов, успели еще более поколебать, если не перевернуть, все мое мировоззрение в отношении цельности или изолированности каких-либо национальных культур. Материальная культура, т. е. вещественные памятники, как бытовые, вплоть до обломков обиходной утвари, так и монументальные, именно, архитектурные, воочию выявили несостоятельность того, что мы знали из книжных источников, свидетельств историков и вообще писателей, а общение с народом, его живой речью, убедило меня, что нет ничего в мире неправильного в своем массовом творчестве. Неправильными, естественно, нам кажутся явления только потому, что наши общие научные взгляды неправильны; так, в частности, «неправильности» и «искажения» средневекового

[1] [См. Н. Я. Марр, Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» и пр. (ИАН, 1917, 415—445; 475—506, passim) и его же — К вопросу о влиянии персидской литературы на грузинскую (ЖМНП, 1897, № 2).]

[2] [См. Н. Я. Марр, Сборники притч Вардана, I—III, СПб., 1894—1899.]

литературного армянского языка оказались оправданными бесписьменной живой речью. В так называемых неправильностях и искажениях нет ничего, следовательно, неправильного, ничего искаженного. Но работа по сравнительной грамматике грузинского языка с семитическими продолжалась; чтобы проникнуть лучше в дух семитической речи, я отправился в Страсбург к корифею немецкого востоковедения по семитическим языкам, арамейским, т. е. сирийскому и другим, именно, проф. Нельдеке, по книгам и статьям которого я учился не только письменным арамейским языкам: сирийскому, набатийскому, пальмирскому (на последних двух имеются лишь надписи), но и живому сирийскому языку, языку, в частности, урмийских айсоров. В Страсбурге я у него учился мало кому известному арамейскому языку — мандейскому, на котором сохранилась всего-навсего одна книга об Адаме, единственная книга небольшого арамейского племени, обитавшего у низовьев Евфрата. Попытка моя поделиться моими достижениями по установлению родства грузинского языка с семитическими встретила в корифее немецкой востоковедной науки холодный отпор, нежелание слушать. У себя, в Петербурге, я был поставлен в условия молчания по яфетической теории даже в первоначальной легко приемлемой форме, когда все было основано лишь на сравнительной грамматике. Тогда грузинский язык, как письменный яфетический, был краеугольным камнем, отправной точкой в исследовательских работах.

Представился случай для посещения с научной целью Палестины и Синая, и я использовал восьмимесячную командировку в эти места особенно потому, что предполагал, что находящаяся в монастырской библиотеке Синая древнейшая датированная грузинская рукопись 864 года христианской эры мне даст древнейший вид грузинского языка. Я был разочарован и ошеломлен: древнеписьменный язык вовсе не оказался в такой мере архаичным, древним, как это предполагалось. В нем, наоборот, нашли подверждение законность и древность многих особенностей живой грузинской речи.[1]

Занятия обломками архитектурных памятников в раскопках городища Ани, а также наличие во всех обследованных мною там храмах перестроек и трансформаций наострили мое внимание на искусственно, человеком общественно производимое строительство в самой речи. Я обратился от классических литературных языков армян и грузин к диалектам, вообще живым языкам, и бесписьменным, сначала близко родственным с грузинским, чанскому и мегрельскому, затем дальнему, сванскому, и еще более от грузинского отдаленному, абхазскому. Здесь я почувствовал с ужасом, что филологические занятия одними письменными языками Кавказа, армянским и грузинским, извращали все кавказоведение, мешали правильной его постановке, и я дал резкое выражение этой мысли в работе «Кавказоведение и абхазский язык».[2]

За абхазским я миновал черкесский, доверившись собирательно-исследовательской работе Л. Г. Лопатинского, и устремился на язык племени, культурно-

[1] [См. Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джавахоным, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. Сообщения Палест. Общ., т. XIV, ч. II, стр. 1—51.]

[2] [ЖМНП, 1916 № 5]. [См. здесь стр. 59—78.]

поглощенного грузинами, — цова-тушин, один из языков чеченской группы. Там же, на юге Кавказа, занялся колониальным чеченским в одном селе в Кахетии у р. Алазани,[1] за которым потянуло неудержимо к нахчайскому (собственно-чеченскому) и ингушскому; после нескольких недель работы над ними я вступил в доисторически богатую лингвистическую среду, дагестанскую, на которой меня захватила война, но я не сдавался до зимы 1916—1917 года, когда в Дагестане среди аваров, как в Абхазии в 1915—1916 г., зимой вел единолично свою исследовательско-собирательную работу.[2] Но 1916 год был знаменателен в судьбах яфетидологии в ином направлении, в двух совершенно различных плоскостях. Во-первых, шла у меня работа над изучением клинообразных надписей, тех клинообразных надписей, которые писаны на языках, неизвестных ученому миру и, казалось, несродных ни с какими известными языками. Ученые не понимали строя речи и тогда, когда, благодаря сопровождавшим их переводам или толковым словарям, понимали смысл написанного и могли переводить. Некоторые из крупных специалистов, как, например, известный Ленорман, равно англичанин Сейс, указывали на возможность отожествить, например, один из них, именно, шумерский язык, с одним из яфетических языков, по их устарелой терминологии — с одним из кавказских языков, именно, грузинским. Но, увы, они не знали грузинского языка даже элементарно, тем менее могли знать этот язык в его вскрывшемся уже нам сложном сравнительно-историческом аспекте; более того, никто не понимал строя и природы грузинского языка, его доисторического развития, ни даже сравнительной грамматики грузинского с наиболее близкими к нему языками. Работа над этой стороной грузинской речи в освещении, получавшемся от сопоставления со сродными в различных степенях другими яфетическими языками, постепенно стала расчищать место среди них для размещения неизвестных дотоле в отношении происхождения древнекультурных клинописных языков. Первый опыт такого помещения одного из клинописных языков был мною дан в работе 1914 года — «Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания».[3] И вот, в 1916 году в районе военных действий в Армении, независимо от плана нашей научной экспедиции, профессором И. А. Орбели неожиданно были откопаны на Ванской скале обширные клинообразные надписи на халдском языке, не только давшие толчок углублению наших яфетидологических разъяснений и этого также все не определявшегося языка, но и поведавшие нам о действительно поразительном факте, — о существовании ионского, следовательно, казалось бы, греческого царства, как то выяснилось из походных маршрутов, у Черного моря еще в VIII веке до христианской эры, значит, до появления еще греческих колоний на Черноморском побережьи. Так исторический документ на одном, сравнительно позднем, яфетическом языке, именно, на халдском языке ванских клинописных надписей урартской доарийской Арме-

[1] [См. О цова-тушинском в наречиях андо-дидонской группы. ИАН, 1921, стр. 21—22.]
[2] [Н. Я. Марр, Неначатый источник истории кавказского мира (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан). ИАН, 1917, стр. 307—308.]
[3] [ЗВО, XXII, стр. 31—106, см. здесь стр. 50—58.]

нии, нас ввел в доисторию такого древнего индоевропейского народа, как античные греки.

Об этом можно осведомиться в нашем общем с И. А. Орбели труде «Археологическая экспедиция 1916 года в Ван» (Петроград, 1922).

С другой стороны, в том же 1916 году площадь распространения яфетидов была расширена до Средней Азии. Сообщенный нам И. И. Зарубиным, собирателем-исследователем среднеазиатских иранских диалектов, новый материал по также неопределявшемуся, уже живому, вершикскому или буришкскому языку на южном склоне Памира нам показал, что в этом теперь изолированном племени имеется пережиток доисторического яфетического населения.

Прерываю изложение того, как шел я к своей цели, до которой, если сам я и дошел, то дело практически не дошло. Основные достижения яфетической теории, с той оговоркой, которую я сделал уже, я приведу особо по части родства и классификации яфетических языков Кавказа и особо по палеонтологии речи.

По вопросу о родстве первое достижение это то, что отпадает совершенно утверждение, будто яфетические языки изолированы, будто они не родственны ни с какой семьей языков. Достаточно пока указать, что яфетические языки родственны с семитическими. Родство касается как типологии, т. е. строя и природы речи, так материальной части, слов и значений. Существует уже двадцать пять лет тому назад составленный курс сравнительной грамматики яфетических языков с семитическими, все время перепзлагающийся и перерабатывающийся сообразно с новыми наблюдениями.

В 1908 году появился мой труд «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка», в предисловии к которому приведены суммарно доводы в пользу родства грузинского с семитическими, с примерами преимущественно из грузинского языка.[1] Техническая сторона трактовки с тех пор, конечно, устарела, но существо сохраняет все свое значение. Таблицы главным образом посвящены глаголам, 13 из 20 таблиц, в числе их 10 громадных листов. Тогда был опубликован, значит, главный секрет; тогда были материально разъяснены основные особенности спряжения всех яфетических языков, в числе их выявлено существование рядом с активным пассивного строя, при котором подлежащее становится не в именительном, а в косвенном падеже.

Не только яфетические языки не изолированы, но выяснилось, что яфетические языки существуют не на одном Кавказе. Яфетическим оказался баскский язык, язык маленького народа, что в Европе между французами и испанцами.[2] Таким образом исчезла изолированность баскского языка, тем более, что на Западе рядом с баскским, как известно из истории также местных надписей, существовал язык иберов, живших и в Испании и во Франции.

Из самого баскского языка стало ясно, что в нем мы имеем скрещенный тип речи, именно скрещение не только басков и иберов, равно понов-яфетидов, но и этрусков. Сами баски называют себя этрусками. Кстати, в баскском языке из

[1] [См. здесь стр. 23—38.]
[2] [См. О яфетическом происхождении баскского языка. ИАН, 1920, стр. 131—142.]

отложений этрусской речи оказались термины родства, в значении слова 'брат' — этрусск. ruva || rema (↗reba), баскское a-reba (баскский, подобно армянскому и чувашскому, не может начинать слова звуком r и предпосылает ему гласный «а»).

У баскского оказались особые тесные связи с армянским и абхазским, само название 'баск' оказалось общим у басков, абхазов, собственно a-bask'ов в древности, у армян, видоизменивших начальный b в h — bask ~ hayk, так же, как в онцукульском аварском говоре губной звук b обращается в придыхательный h.

Анализ топонимики Франции выяснил, что рядом с иберами население Франции в доисторические эпохи составляли баски и этруски, проживавшие вплоть до реки Сены и города Парижа, в древности Лютеции.[1]

Но, помимо басков, как видно, абсолютно не изолированных и в Европе до нарождения окружающих их теперь романских народов, у кавказских яфетидов оказалось родственное племя и в Средней Азии, именно, на склоне Памира, на севере Индии, племя вершикское или буришкское, окруженное племенами, теперь говорящими на иранских языках.

Яфетическим оказался этрусский язык, сохранившийся в надписях с IX по VII век до н. э. Нечитавшиеся раньше этрусские надписи мы начинаем читать и переводить.

Установилось, что этруски и пеласги, которых историки роднили и отождествляли по древним преданиям, носят одно и то же название. Термины «этруск» и «пеласг» оказались двумя закономерными разновидностями одного и того же слова.[2]

Древнейшие клинописные письменные языки, эламский и шумерский, а также халдейский язык ванских надписей IX—VII веков до н. э. оказались яфетическими, и стало возможно читать и понимать то, чего раньше не понимали за отсутствием переводов.

Рядом с этими древнеписьменными яфетическими народами были и другие, также оставившие по нескольку надписей, язык которых равным образом стал разъясняться яфетически, как, например, лидийский.

В окружении яфетических народов или на меже с ними оказались народы, вызывавшие недоумение своими речевыми особенностями, как армяне и албанцы. Они казались гибридами, т. е. скрещенными из различных расовых семей видами, точно от смешения индоевропейцев с яфетидами, на самом деле оттого, что эти виды оказались переходными от прежнего, яфетического, типа к новому, индоевропейскому типу.

Неразъясненные элементы в греческом языке, ставившие втупик лингвистов-индоевропеистов, оказались яфетическими. Например, названия населенных пунктов, морей, рек, гор, равно богов, а также простые нарицательные слова, как-то χείρ 'рука', ἀδελφός — 'брат', ψυχή 'душа' и десятки, сотни других. Это

[1] [См. N. Marr, La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pelasges, Petrograd, 1922. Русский перевод см. здесь, стр. 136—148.]

[2] [См. К вопросу о происхождении племенных названий «этруск» и «пеласг». ЗВО, т. XXV стр. 301—336.]

оказалось наследием первоначального населения Греции и эгейского мира. Так разрешается, если уже не разрешился, вопрос о доэллинском языке этого района, вопрос об языке более древней средиземноморской культуры, чем греческая.

Постепенно вскрылась картина, что все протяжение от Пиренеев до Каспийского моря, по всей видимости и далее на восток, по крайней мере до Памира, вся Европа была населена яфетидами. Наличные теперь чистые яфетиды, живущие группой многочисленных племен и народов на Кавказе и в одиночку на Пиренеях (баски) и у Памира (вершики), это пережитки, реликтовые виды, такие же редкие драгоценные реликтовые виды, какие встречаются в растительном мире в горах Дагестана, Свании и т. п.

Наличные яфетические языки, эти реликтовые виды различных стран и различных эпох, естественно, оказались в различных степенях родственны не только по количеству связей, но и по их качеству. Выяснилось, что сами яфетические языки, не переставая оставаться яфетическими, находятся, в наличном их до нас дошедшем облике, на различных ступенях развития. Так, даже яфетические языки, казалось бы, тесной семьи Кавказа мы застаем на различных стадиях формации, например, тогда как грузинский язык представляет почти чистый флективный язык с некоторыми переживаниями агглутинативной речи, абхазский язык выступает перед нами во многих отношениях как древнейший тип речи, именно— синтетический или аморфный, без образования форм. Выяснилось, конечно, и то, что языки яфетических народов, носящих одно и то же название, но обретающихся в различных районах, не бывают тождественными, прежде всего, в зависимости от разности той или иной территориальной группировки и слагавшейся в ней еще племенной общественности.

Но яфетические языки одного даже Кавказа распределялись группами, как продукции различных глоттогонических эпох, от синтетического, почти первичного синтетического состояния звуковой речи, до флективного, полностью доходящего своей флективностью до ступени развития семитических языков, почти полностью доходящего до того флективного состояния речи, на котором стоит так называемая индоевропейская семья. Отсюда, во-первых, сравнительная грамматика яфетических языков оказалась делом, не в пример индоевропейской, чрезвычайно сложным, требующим учета не только явлений одной плоскости развития, но нескольких плоскостей, из которых каждая — отложение особой многотысячелетней эпохи. Для упрощения этой сложности сравнительное изучение самих яфетических языков пришлось представить в трех различных сравнительных грамматиках. Одна, эпохи наиболее поздней, почти совершенно флективной, — это сравнительная грамматика яфетических языков сибилянтной ветви, по господству в них звуков свистящего и шипящего порядка, куда относятся грузинский язык свистящей группы и лазский или чанский и мегрельский языки, оба шипящей группы; затем, сравнительная грамматика более древней эпохи, местоименно-флективной, в которой местоименные частицы играют исключительную роль, во всяком случае не вполне потеряли свое, одно время исключительное значение в склонениях и именах. Сюда относятся три разветвления северо-кавказских яфетических языков, одно ответвление — лезгинское, обнимающее многочислен-

ные коренные языки Дагестана и вообще Прикаспийского бассейна, не исключая и удинского, что́ в двух ныне разоренных или выселившихся селениях Азербайджанской республики — Ниже и Варташене, другое ответвление — чеченское, материковое или перевальное, частью расположенное на юге хребта, — это цова-тушинский или бацбийский язык (всего одна деревня в 200 домов), но большей частью на Северном Кавказе — ингушский и нахчайский или собственно-чеченский язык и, наконец, третье ответвление — черкесо-адигейское. Последнее, однако, вместе с рядом переходных типов имеет особо близкие связи, частью наносные, частью первичные, с абхазским языком синтетического или аморфного типа, — я бы сказал, с абхазской группой языков, — куда относится во всяком случае убыхский язык, совершенно уничтоженный на родине выселением в Турцию. С абхазским мы вынуждаемся строить третью сравнительную грамматику.

Родство не только различных ответвлений северо-кавказских языков, в основе представляющих в значительной мере спирантную ветвь яфетических языков, но и северо-кавказских с южнокавказскими, относящимися к сибилянтной ветви яфетических языков, устанавливается бесповоротно, разумеется, с учетом тех особенностей, которые связаны с принадлежностью к различным глоттогоническим эпохам, т. е. эпохам формации различных типов языков.

Однако, и при наличной пока недоисследованности, почти полной, именно яфетидов Северного Кавказа, тогда как обитающими там же осетинами, индоевропейцами, наука, именно, индоевропейская лингвистика, в мере ее возможностей занималась и продолжает заниматься, мы все-таки имеем возможность утверждать, что абхазский язык и с ним сванский представляют скрещенные языки или гибриды, поскольку абхазский язык, по одному коренному слою — спирантный, как северо-кавказские яфетические, скрещен с языком той свистящей группы, к которой принадлежит грузинский язык, а сванский, по одному коренному слою спирантный, скрещен с языком той шипящей группы, к которой принадлежат мегрельский и чанский языки.

Мы не останавливаемся в настоящем изложении и на фактической иллюстрации, на примерах различных степеней родства между перечисленными языками; укажу только одно: часто абхазский так тесно связан с лезгинскими, в частности аварским, в терминах родства и в других особенностях, что приходится утверждать, как это делалось не раз, следующее положение: восточное и западное ответвления северо-кавказских языков в нынешнем состоянии представляют цепь звеньев, разорванных не только карачайско-балкарским, турецким и осетинским, индоевропейским, племенными образованиями, но и грузинами-горцами, чистыми яфетидами, в числе их рачинцами и хевсурами, так как грузинский язык, хотя также находится в родстве с северо-кавказскими, но значительно дальше стоит от них.

Что же касается скрещенного языка сванского, его основной коренной слой является часто лишь диалектическим вариантом то аварского, то андо-дидойской группы языков, и иногда в сванском находим те аварские виды слов, которые не наблюдены в самом аварском, может быть, от недостаточной изученности языков Дагестана.

Скрещение вообще, как фактор возникновения различных языковых видов и даже типов, скрещение — источник формации новых видов, наблюдено и прослеживается во всех яфетических языках, и это одно из важнейших достижений яфетического языкознания. Оно, правда, особо осложнило яфетическую сравнительную грамматику, потребовало установления более разностороннего метода, более сложной техники сравнения, чем какими располагает индоевропейская лингвистика. В самом деле, в сравнительной грамматике яфетических языков приходится сличать различные языки, напр., аварский с грузинским, не как массивы одной природы, а с учетом различных слоев; сравнение ведется, следовательно, по однородным слоям или, вернее, сравнительная работа выявляет ряды отложившихся в языке от скрещения разноплеменных языковых слоев.

Дело в том, что звукового языка-примитива, одноплеменного языка не существует и, как увидим, не существовало, не могло существовать. Язык — создание общественности, возникшей на вызванном хозяйственно-экономическими потребностями взаимообщении племен, является отложением именно этой, всегда многоплеменной общественности, от пяти до семи. Выяснилось: где было одно яфетическое племя, там — все остальные четыре или все остальные шесть, т. е. всего пять или семь, без общей трудовой жизни которых не было человеческой, тогда племенной, общественной жизни, не было, разумеется, ее продукции, именно, языка. И вот, возможность наблюсти в яфетических языках результат процесса скрещения, а во взаимоотношениях яфетических языков различных стадий развития видеть перспективу творческой работы бесконечно уходящих в глубь времен, так называемый диахронический разрез жизни вообще языка, и дало нам ту драгоценную область лингвистики, которая называется палеонтологиею речи. Без учета этой палеонтологии, собственно, и не было бы возможности работать над возникновением и развитием первоначального языка зародыша.

Индоевропейская лингвистика, располагая объектом исследования уже сложившимся и давно оформившимся, именно, индоевропейскими языками исторических эпох, исходя при этом почти исключительно от окоченелых норм письменных языков, притом в первую очередь мертвых языков, естественно, не могла сама выявить процесс возникновения вообще речи и происхождения ее видов.

Яфетическое же языкознание в этом отношении располагало еще иным источником осведомления, а за последний год получило два новых богатых источника необычайно ценных материалов для углубления и более яркого освещения все той же диахронической перспективы по возникновению и оформлению языка.

Во-первых, это давно открытое родство яфетических языков с семитическими,[1] которые при этом постепенно разъяснились как независимое дальнейшее развитие выделившейся из яфетической семьи весьма рано группы языков.

Во-вторых, заявленное мною в Академии Наук в ноябре 1923 года открытие, что индоевропейские языки представляют лишь новую стадию развития тех же яфетических языков, что никакой особой индоевропейской расовой речи не было. Индоевропейские языки лишь развитие яфетических языков, доисторических,

[1] [См. здесь, стр. 23—38.]

в индоевропейские, их последняя пока трансформация. Индоевропеизация яфетических языков связана с переворотом в хозяйственно-экономической жизни, вызванном, по всей видимости, открытием и особенно широким использованием металлов в хозяйстве.[1]

В-третьих, только месяц тому назад как открылось родство чувашского языка с яфетическими,[2] почему яфетическому языкознанию приходится врываться между отношениями чувашского с одной стороны с угро-финской группой, с другой стороны с турецкой, т. е. чувашский язык, остаток болгаро-хазарской группы языков средневековья, перекидывает нам мост к венгерскому и финским языкам, а также многочисленным турецким, что, наконец, сулит нам еще большее усиление диахронической перспективы в истории возникновения и формации как языка вообще, так и различных его родов и видов, различных его типов, различных так называемых семей языков.

Но и при наличной пока в новом учении разработанности палеонтологии речи яфетическая теория устанавливает, что звуковая речь возникла вовсе не от звукоподражательных слов; звукоподражательные слова — позднейший вклад человечества в языковые средства, когда у племен был в распоряжении богатый лексикон.[3] У племен же примитивов было всего-навсего по одному слову, т. е. у племен в примитивной стадии их развития еще не было звуковой речи, люди говорили жестикуляцией и мимикой, воспринимая мир и всю окружавшую их жизнь в образах и по сродству образов и соответственно объясняясь друг с другом линейными движениями, символами тех же образов и форм. Когда же началась звуковая речь, слова служили символами-образами: первобытный доисторический человек представления имел образные, ассоциации у него были в образах, не в отвлеченных понятиях.

Звуковая речь началась сравнительно поздно, во всяком случае в связи с переходом человечества с естественных орудий производства на искусственные, им созданные и отработанные, после этого перехода.

Язык возникал не в одном пункте, а по всей полосе расселения доисторического человечества вокруг Средиземноморья и далее, проходя в каждом территориальном отрезке, в каждом ландшафте особое скрещение одних и тех же примитивно-племенных слов, и звуковой язык был вначале не один, а бесконечно многочисленное количество языков.

Звуки речи не имеют ничего общего с естественным животным звукоиспусканием. Животные звуки были, разумеется, и у человека в его состоянии еще зверином. Но звуки речи, так называемые фонемы, это результат особой работы человека, коллективной работы над ее производством; они получены в результате общественной работы, по всем видимостям, с коллективной или хоровой песней.[4] В первый момент выработаны сложные звуковые комплексы: первые звуки были все сложные, все аффрикаты, так обильно сохранившиеся в яфетических языках,

[1] [См. Индоевропейские языки Средиземноморья, стр. 244 сл. См. здесь, стр. 185—186.]
[2] [См. Н. Я. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам (II приложение к протоколу 2-го заседания ОИФ Р. Ак. Наук 28 I 25 (к § 41).]
[3] [См. Происхождение языка. ПЭРЯТ, стр. 318 сл.]
[4] [См. Происхождение языка. ПЭРЯТ, стр. 326 сл.]

осложненные полугласными, как некоторые трехсложные звуки в абхазском, которые впоследствии раскрывались в слова, у каждого племени-примитива одно слово, оно же тотем — бог, первый тотем 'небо', которое, как постепенно выясняется, составляет центральный образ и от которого идет громадное количество семантических разрезов, т. е. различные ряды связанных точно цепью значений.[1]

Яфетическое учение о возникновении и развитии значений слов совершенно опрокидывает обычный способ установления основного значения слова. Словом 'небо' называлось не только «небо» или «небеса», но все, что связывалось в представлении доисторического человека с небесами, так, с одной стороны, 'облака', с другой — 'светила', 'звезды', равно 'птицы'. Название каждой птицы, не только основное название птицы в яфетических языках, оказалось словом, означающим 'небеса' или 'небесенок', но 'небо' употреблялось в значении и 'высокий', равно 'голубой', а также 'гора', 'голова', 'верх', 'острие' 'начало', 'конец' и т. д. и т. д.

Дальнейшее оформление зачаточного звукового языка и развитие в смысле форм зависело от форм общественности, а в смысле значений от общественного мировоззрения, сначала космического, потом племенного, сословного, классового и т. п.

Степени сравнения в грамматике оказались: низшая, т. е. положительная, отложением названия низшего сословия, средняя, или сравнительная, — среднего сословия, высшая, или превосходная, — высшего сословия, а так как сословия — пережиток племен, то в соответственных степенях сравнения первичных прилагательных 'хороший' и 'дурной' вскрылись названия племен, входящие в состав того народа, в языке которого употреблялись определенные степени сравнения.[2]

Единый язык, это библейская легенда, такая же состоятельная, как утверждение, что человечество начало сознательное существование с мыслью о едином боге, как то хотели бы представить себе дело богословы единобожных религий. Праязык индоевропейских языков есть научная фикция, одно время полезная, даже когда перестали верить в нее, полезная как рабочая гипотеза, теперь же вредная фикция, извращающая всю историю развития и возникновения человеческой речи, прямо-таки мешающая правильной постановке исследовательской работы по ней. Мне уже приходилось высказываться печатно: «Если изобразить в рисунке, яфетическая палеонтология, хотя бы в отношении о праязычном состоянии человеческой речи, вообще о сложении и развитии языков, дает фигуру, диаметрально противоположную той, которая рисуется по палеонтологии индоевропейской лингвистики. По яфетическому языкознанию зарождение, рост и дальнейшее или конечное достижение человеческой речи можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании. От широкого основания, именно, праязычного состояния, в виде многочисленных моллюскообразных зародышей-языков, человеческая речь стремится, проходя через ряд типологических трансформаций,

[1] [См. Н. Я. Марр, «О 'небе', как гнезде празначений» (ДАН, 1924, стр. 23 сл.); его же, «Из семантических дериватов 'неба'» (там же, стр. 27 сл.); его же, «Яфетидизм в ассирийском. Из семантической группы 'небо || гора || голова'» (там же, стр. 163 сл.).]

[2] [См. Об яфетической теории. ПЭРЯТ, стр. 209 сл.]

к вершине, т. е. к единству языков всего мира. У индоевропейской лингвистики с ее единым языком палеонтология сводится к пирамиде, поставленной на вершину основанием вверх».[1]

Сообразно с этим и искание начал, как единого готового источника полноты речи, находившейся в распоряжении человечества или какой-либо его группы, это трата времени, ибо язык слагался постепенно и из скрещения элементов различного происхождения. Когда вопрос, имеющий громадную литературу, о происхождении египетской культуры, в том числе, явно, и языка, недавно был пересмотрен наилучше осведомленным специалистом Де-Морганом, от шумеров ли из Месопотамии идет она или от либийцев из Африки, бессильный дать какой-либо определенный ответ французский ученый восклицает: «Одно ясно, что первые же создатели египетской культуры были мешаный народ, мешаное племя». Яфетическая теория теперь это положение, что до скрещения нет никакой культуры, никакого языка, выявляет как аксиому и никак потому не может искать какого-либо единого простого источника происхождения.

После всего сказанного читатели поймут, надеюсь (поняли, повидимому, и дагестанцы), почему я затруднялся ответить на вопрос на краеведческом съезде в Дагестане: «Откуда пришли дагестанцы и кто их прародители?» Принять такой вопрос, значило бы исходить от искания одного обособленного центра происхождения, и вот одно из достижений яфетического языкознания — это выяснение того, что таких отдельных центров возникновения не существовало. Все окружение древнего афревразийского мира, все побережье Средиземноморья было средою этого доисторического процесса зарождения и развития общественности и с ней человеческой речи.

Не менее, чем в Дагестане, я имел основание и в Абхазии высказаться по общественной тяге к яфетической теории. Самое, мне казалось, бесспорное достижение — это зарождение общественного интереса к яфетической теории и через яфетическую теорию к кавказоведению и к яфетидам не только мертвым, но и живым, живым яфетическим народам. Но и здесь у меня мучительное сомнение, серьезен ли и прочен ли этот интерес и, если да, подрастут ли в наличных условиях новые силы, подоспеет ли нам, до ничтожества малочисленным яфетидологам, почти падающим под бременем громадных, уже непосильных для нас все умножающихся и разрастающихся задач, намечаемых новыми и новыми теоретическими перспективами, смена, чтобы на серьезный общественный интерес ответить серьезной научной работой.

На учредительном съезде Ассоциации всех северо-кавказских краеведческих организаций в Дагестане свои сомнения я готов был рассеять ставкой на местных краеведов, говоря: «я не отчаиваюсь при одном условии: если краеведы успеют в своем деле, если краеведение процветет». И позвольте мне заключить, быть может, эгоистическим, но совершенно искренним пожеланием: Да процветет краеведение, да процветет ваша Северо-Кавказская краеведческая ассоциация, в плоскости научных потребностей ищущая и находящая наиболее надежную,

[1] Об яфетической теории. ПЭРЯТ, стр. 239.

наиболее целесообразную почву для свободного, но тесного объединения всех северо-кавказских народов в путях новой советской общественности.

Но яфетическая теория, независимо от Дагестана, Абхазии или вообще Кавказа, представляет совершенно определенный общественный интерес. Открывая представляющие общекультурный интерес перспективы возникновения и развития человеческой речи, она органически заинтересована в выявлении особенностей языка одинаково каждой народности, независимо от того, древнеписьменная она, новописьменная или вообще без письменности, приобщена к современной культуре в полной мере или весьма слабо; она особенно заинтересована в усилении национального самосознания маленьких и отсталых народов с своеобразным речевым мышлением, отличным от мышления господствующих языков, языков господствующих народов, собственно, господствующих классов, и привлечении из этих замалчивавшихся и наукой национально-загнанных народов активных сотрудников нового учения об языке, так наз. яфетической теории. Не надо забывать, что просвещенная Европа не употребила и сотой доли тех материальных средств на изучение ирландской речи, какие были использованы ею на ее уничтожение, в частности, на истребление самих ирландцев. Не надо забывать, что таково положение западных просвещенных народов и в отношении единственного в ней яфетического народа, баскского, оставшегося от доисторического населения. Однако, кивая на Запад, мы не должны забывать, что такое же отношение, в политических кругах — враждебно-истребительное, в научных — равнодушно-игнорирующее, и у нас не только к одному Кавказу и его в языковом отношении неисчерпаемо, сказочно богатому населению. Достаточно вспомнить о живущих на Волге под боком с русскими чувашах. Вот как оценивают теперь сами чуваши свое культурное положение при павшем режиме:[1] «В то время, когда дети инородцев, обучавшиеся в начальных школах, не могли читать и понимать ни газет, ни книг, русские дети, изучив азбуку, могли читать и понимать то, что написано. Таким образом, русские трудящиеся хотя медленными шагами, но двигались вперед. А инородцы не только не двигались вперед, но потеряли то, что у них было. Чуваши, марийцы и другие раньше, несомненно, говорили более понятным для себя языком. А по прошествии нескольких столетий, например, горные мари плохо понимают язык луговых мари, а низовые чуваши говорят несколько иначе, чем верховые. Если бы они, несколько забывая язык своих предков, научились говорить по-русски, то было бы очень не плохо. Но искажение своего языка происходит вовсе не потому, что он заменяется русским, а потому только, что у них не было до сих пор литературы, что их язык не только не считался официальным, но и не исследовался». «Мои товарищи, обучавшиеся в разных школах, — заключает автор, говоря все о чувашах, — не могут спокойно рассказывать о том, как их преподаватели при виде разговора на родном языке оскорбляли их». Могла ли быть при таких условиях речь о нормальной постановке изучения чувашского языка в действительно национально-просвети-

[1] С. А. Коричев, Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья Труды Общества изучения местного края Чувашской автономной области, выпуск I. Чебоксары, 1914, стр. 18.

тельных целях говорящего на нем народа? Чувашский язык изучали в христианско-миссионерских целях для пропаганды русского православия, а если подходили к нему некоторые ученые-энтузиасты с исключительным исканием, то исходя от интереса к занимавшим их туркологическим или финноведным вопросам, по связи чувашского с угро-финской и турецкой группами языков, а не от самосознания самой чувашской народности и от изнутри исходящего понимания в корне совершенно независимой от турецких или финских языков природы самой чувашской речи.

Становясь орудием научного раскрепощения всех отсталых бесписьменных или новописьменных языков от навязываемых им готовых исследовательских шаблонов, или борясь с мертвящим и науку равнодушием самих языковедов к ним, новое учение о человеческой речи не может пассивно относиться к тому, им же устанавливаемому теоретическому положению, что человечество идет от многоязычия к единоязычию. Отдельные языки, как бы они ни распространялись империалистически, никогда не станут тем будущим единым языком. Пали все раньше бывшие мировые языки, падут и все ныне процветающие или идущие к полному расцвету великие и малые, по количеству говорящих на них человеческих масс, языки, как классовые создания верхних слоев общества, так более мощные продукции самих массовых низов; не заменят их, конечно, ныне как грибы растущие искусственные суррогаты человеческой речи, эсперанто, идо и то, что еще последует за ними в том же порядке индивидуального творчества. Тот общий язык будущего человечества должен вмещать все богатство, все положительные качества умерших, в числе их имеющих еще отмереть, ныне живых языков. Будущий единый вселенски-выразительный язык — это неизбежный постулат будущей внеклассовой и вненациональной единой общечеловеческой общественности, но можно ли себе представить, если действительно не упорствовать в сумасбродстве, что такой исключительной важности процесс массового творчества нового орудия общения, нового общечеловеческого языка, будет ли он звуковой или иной (мы и этого не имеем основания предрешать), будет так же бессознательно-инстинктивно протекать, как то случилось с возникновением звуковой речи, ее ростом и развитием на заре человеческой жизни, когда очеловечивался зверь-человек?

Очевидно, нет. Человечество, уже умудренное, должно вмешаться и вмешается в этот процесс. Осознав потребность и овладев научной техникой возникновения и развития речи, человечество будет стремиться если не создать независимо такую совершенную единую речь человечества, то содействовать ускорению и правильному течению процесса в самих наличных языках этого неизбежного массового творчества в том же направлении. Осознав эту задачу, лингвисты уже призваны играть эту творчески-активную роль, для чего им нужно прежде всего побольше, пошире и поглубже знания и знания, реального знания человеческой речи, без пренебрежения какой бы то ни было мелочью, каким бы то ни было элементом.

К происхождению языков[1]

Язык не создан, а создавался. Создавался же он не тысячелетиями, а десятками, сотнями тысячелетий. Много десятков тысяч лет одному звуковому языку. Достаточно сказать, что современная палеонтология языка нам дает возможность дойти в его исследовании до эпохи, когда в распоряжении племени было только одно слово для применения во всех значениях, какие тогда осознавало человечество. Звуковому языку, однако, предшествовал длительностью многих тысячелетий линейный или изобразительный язык, язык жестов и мимики. Самый древний письменный язык, возраст которого исчисляется обычно несколькими тысячелетиями, лишь молокосос по сравнению с действительной древностью бесписьменных языков. До возникновения письменности произошел ряд таких коренных трансформаций в речи человечества, что наука до сих пор предполагает и так учит, будто существуют различные по происхождению расовые языки. Утверждению этой ложной, роковой для науки об языке мысли помогали памятники на письменных культурных языках, содействовавшие застывшими формами письменного языка и своим содержанием классово-национального происхождения дальнейшему углублению той же мысли, губительной не менее для новостроящейся общественности, чем для науки. Все это вскрылось благодаря материалам дошедших до нас пережиточно архаических языков, языков, сохранивших природу человеческой речи, каковой она была до первой из нескольких ее коренных трансформаций. Эти пережиточные языки сейчас распределены по старому свету островками, единично в Европе (это баскский на меже между испанским и французским) и в Азии у Памира (это мало кому известный вершикский язык в окружении пранских наречий и языков, т. е. различных персидских наречий и разновидностей персидского языка) и значительной группой на Кавказе (это десятки так называемых коренных языков Кавказа, начиная с востока дагестанскими и с запада черкесо-абхазской группой и кончая на юге сванским, грузинским, мегрельским («мингрельским») и лазским (последний между Батумом и Трапезундом, за рубежом нашего Союза). К этим редчайшим гнездам с народами, сохранившими языки доисторического строя (яфетические — условное название), примыкают несколько районов с переходными от доисторического к историческим типам человеческой речи. Важнейшие из них — 1) балканский, где богатый наречиями албанский язык — переходный тип с яркими яфетическими переживаниями — удушается сплошным окружением славянским, греческим и романским (ныне итальянским) и особенно 2) приволжский, где чувашский сохранил почти непочато свой доисторический яфетический природный облик в окружении русского, турецкого, финского языков и наречий, да еще 3) в Африке хамитический берберский среди семитических. Однако все эти кажущиеся чуждыми, инорасовыми языки представляют лишь трансформацию тех же яфетических языков. Было время, на заре человечества, время более длительное, чем существование всех названных и других исторических языков, когда еще более многочисленные языки были

[1] [Напечатано в «Красной Газете», вечерний выпуск, № 247 (935), 11 X 1925 г.]

одинаково яфетической природы, когда не отдельно Евразия, а целостно вся Афревразия была заселена яфетидами. Между прочим, средиземноморская доиндоевропейская письменная культура, предшествующая, конечно, греческой, и сродная с нею малоазийская, так называемая хеттская и глубже древнейшая месопотамская, именно, шумерская, равно эламская, писаны на тех же яфетических языках. Теоретический правильный подход к ней в руках пока исключительно русских ученых и ученых нашего Союза.

Язык создавался в течение многочисленных тысячелетий массовым инстинктом общественности, слагавшейся на предпосылках хозяйственных потребностей и экономической организации. В языке не столько важны как факторы физиологические данные, сколь общественное мировоззрение и организующие идеи. Сами племена образовывались не по признакам физических данных, а по общественным потребностям, возникавшим в процессе развития хозяйственной жизни. Простых образований, девственно непочатых представителей какой-либо чистой расовой речи не только мы не находим ни в одном племени, даже яфетическом, но их никогда и не было. В самом возникновении и естественно дальнейшем творческом развитии языков основную роль играет скрещение. Чем более скрещения, тем выше природа и форма возникающей в его результате речи. Идеальная речь будущего человечества — это скрещение всех языков, если к тому времени звуковую речь не успеет заменить более точно передающее человеческие мысли иное техническое средство. Пока что задача современного языкознания — изучение техники языкового творчества для облегчения и ускорения совершающегося процесса языковой унификации, несмотря на все зигзаги твердо идущего в шаг с процессом унификации мирового хозяйства.

Мысль о долговечности какого-либо одного языка, каков бы он ни был по совершенству, так же ирреальна, как учение современной европейской науки о происхождении индоевропейских языков от одного индоевропейского языка. Это сказка, может быть, интересная для детей, но для серьезных научных исканий абсолютно лишь негодное средство. Наоборот, каждый язык, в том числе и русский, должен быть изучаем в своем палеонтологическом разрезе, т. е. в перспективе отлагавшихся в нем последовательно друг за другом слоев, независимо от тех прослоек, которые являются результатом более тесного в позднейшие исторические эпохи межплеменного хозяйственного общения с новыми, как и русский, языками, также трансформациями яфетических языков, причем эти языки-трансформации при полном их учете оказываются такими же независимо сложившимися в своих особенностях языками, как и русский, и все эти языки во взаимоотношениях проявляют пережитки закономерных связей, характеризовавших те языки предшествовавшей формации, из которых, точно из коконов бабочки, они вылупились.

В этом смысле для изучения того же русского языка в смысле его происхождения более чем санскрит или греческий, или романо-германские языки важно знать дославянские и дотурецкие, болгарский, хазарский, сарматский, скифский, кимерский, шумерский, конкретно наилучше представленные, как вскрывается это теперь, помимо приволжского чувашского или, что то же, шумерского, в жи-

вой речи пережиточных яфетических народов как Кавказа, так Пиренеев и др. сродных районов. Русский вопрос языковый неразлучен в то же время с вопросом о древностях самой занимаемой русскими территории, сохранившихся обычно под почвой (археология) или в быту у тех же по языку сближаемых племенных образований (этнография). История материальной культуры в целом, как продукта общественного творчества, неразрывно связана с историею человеческой речи; особенно сильна эта связь за доисторические эпохи. Связь в памятниках материальной культуры волжско-камского района с Кавказом предметно-наглядно отвечает их же языковой связи, связи в речи часто настолько близкой, точно это два звена одной разорвавшейся цепи. Без учета этих закономерных языковых связей невозможна никакая ищущая происхождения исследовательская работа ни над историею материальной культуры, ни над историею возникновения языков, застигнутых здесь позднейшей историею не только русских, но и финнов.

Но вот тут и начинается критическое положение яфетического языкознания. Когда дело доходит до приступа к такой работе, работников по языкам не оказывается в той мере, в какой это необходимо не только в отвлеченных интересах новой теории, но и жизненно-практических самой нашей современной общественности, с ее раскрепощением всех языков внутри Союза и с ее освободительным устремлением международно в мировом масштабе. Господствующая индоевропейская школа языкознания не признает, да и не может признать, яфетической теории, так как она опрокидывает ее не только основные положения, вроде сказки о праязыке, но и подрывает самый метод ее работы, исключительно формально-сравнительный. Разрабатываемая яфетическим языкознанием основная сторона истории языка, именно возникновение и развитие в доисторические времена, эпохи дологического мышления, значений слов, органически связанных с общественностью и с творчеством по материальной культуре тех же эпох (палеонтология речи и генетическая семантика), индоевропейскому языкознанию недоступна по отсутствию в поле его зрения подлежащих материалов. О примирении новой теории со старой по принципиальным вопросам не может быть речи, если индоевропеист не откажется от своих главных положений. Попытку некоторых из моих весьма немногочисленных учеников и особенно последователей перекинуть мост считаю делом более пагубным, чем желание громадного большинства лингвистов-индоевропеистов абсолютно игнорировать яфетическое языкознание. Тем не менее, работники нам нужны, и лучших по технике работников, при том массово, мы не можем пока найти, чем те, которые числятся в кадрах индоевропеистов, если их привлечь соответственной темой. Тем у яфетического языкознания не обобраться. Эти темы: одни — общие, этнологические, как, напр., по вопросам о происхождении языка или доисторических древностях, другие — культурно-исторические, касающиеся клинописных памятников на яфетических языках или происхождения сюжетов и героев так наз. национальных литературных творений народного происхождения, третьи — по доистории того или иного исторического народа, четвертые — актуальные, общественные — не переставали быть первостепенно-научными, напр., темы по бесписьменным языкам или языкам с молодой письменностью, представляющие одновременно живой тот или иной национальный

интерес переживаемой нами современности. По многим из этих тем к нам тяготеют то этнологи, то археологи, то историки, даже историки литературы, равно представители тех или иных национальных республик, и работа идет.

Однако работа пошла бы плодотворнее и сильнее при привлечении сотрудников-лингвистов из индоевропеистов по самым разнообразным языкам, западным и восточным, независимо от их отношения к яфетической теории. Однако в этом именно факте привлечения языков, слывущих за чуждые друг другу, в одну общую исследовательскую работу, одно из основных достижений новой теории. Исчерпывающая проработка яфетическим учением такой важной части речи, как числительные, с выяснением их техники, чревата последствиями и практического значения. Вопрос об едином языке человечества хотя неизбежно идет к положительному разрешению, но это, разумеется, дело далекого будущего. Установление же одной общей терминологии числительных для всего цивилизованного мира может совершиться в порядке таких культурных достижений в жизни человечества, как одна общая метрическая система, один общий календарь и т. п. К тому же, идет ли речь о теории или о практике, существо дела всегда в числах, неразлучных с техникой. В этом самый закоренелый идеалист не может разойтись с материалистом.

Предисловие к „Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии“[1]

«Каждая страна, каждая нация, возрождающаяся, интересуется своим прошлым», недавно отчеканил на востоковедном коллоквиуме молодой ориенталист, прошедший советскую школу. Говоривший так сам настроен был, однако, отнюдь не националистически, а интернационально. Хорошо, что в распоряжении той или иной нации имеется готовая, традиционно сложившаяся история. Обычно далее она бывает углублена применением методов европейской науки. Углублять принято в путях средневекового феодального или современного в гуманитарной науке абсолютно неизжитого буржуазного мышления. Научная проработка такой истории производилась часто самими же европейцами. Достаточно вспомнить по Кавказу о характере громадного вклада, сделанного нашим академиком Броссе, французом с клерикальным образованием, в изучение грузинской истории.[2] Но как быть прежде всего тем племенным образованиям, отнюдь не лишенным серьезных данных для самостоятельной культуры, тем рождающимся у нас новой общественностью нациям, у которых нет в прошлом собственной писаной истории, хотя бы классово-национально сочинявшейся истории (т. е. когда нет, что углублять европейцам), а лишь так называемая этническая или племенная, предполагаемая «самородно-народная», «простонародная» культура? Как быть затем уже не нациям, доселе в природе всегда с классовой национальностью, а человечеству в его действительной совокупности, которое начинает все сильнее ощущать, все «глубиннее», все «вещественнее» осознавать свое единство, единство своего мирового хозяйства и своей мировой культуры? Ведь человечество в целом только теперь начинает учитывать материалистически конкретно единство пути своего развития, независимо не только от религиозных, но и национальных условностей, как и независимо от цвета кожи, антропологического типа или нахождения в той или иной части света, на востоке или западе. Равным образом, возрождаясь, человечество в целом также начинает интересоваться своим прошлым, а это прошлое заходит своими беспредельно глубокими корнями за пределы достижения каких бы то ни было национальных историй. Представляют ли национальные истории по совокупности полноту жизни человечества за исторические эпохи? Нисколько. Имеет ли современная наука в своем распоряжении иные методы и знания, кроме исторических, для утоления жажды по этническим культурам, для удовлетворения потребности в ясном представлении и о подлинной доистории человечества? Есть ли какая-либо цельная система учения о ней? Конечно, нет. Даже в отношении языка положение безвыходное, поскольку дело ведется приемами индоевропейской лингвистики, научного построения с методами куцых исторических перспектив и соответственными знаниями. Совершенно правильно моло-

[1] [Изд. Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР, № 7. Второе издание, исправленное и дополненное. Москва — Ленинград, 1926 г., стр. 1—15. Первое издание вышло в том же 1926 г.]

[2] Н. Марр, К столетию дня рождения М. И. Броссе. ЗВО, XIV, стр. 74—91.

дые питомцы Ленинградского Института Живых Восточных Языков в яфетическом кабинете, впервые возникшем, увы, не в университете, этой твердыне всех от веков сложившихся «гуманитарных» наук, а в молодом учреждении с практическими заданиями, на первое место как мотто выставили одно из утверждений автора настоящих строк, имевшего дерзость отнюдь не для забавы, по шалости темперамента или для чьих-либо прекрасных глаз, а по глубокому убеждению характеризовать господствующее по сей день учение об языке тем именно положением, гласящим так:

«Индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти и кость от кости отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой».[1]

«Это возмутительно», разъяснили нам. Для нас также возмутительно, но с какой стороны? С той стороны, что это не подлежащий спору, *актуальный по сей день* факт, притом факт, который следовало бы зарубить себе на носу прежде всего именно яфетидологам, если они хотят иметь с новой теориею что-либо общее, ибо яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того — зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы, и 2) с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы. Достаточно взглянуть на содержание и направление яфетидологических исследований и публикуемого ныне их перечня, с громадным перевесом интереса, исключительным вниманием, в первый долгий период, к формальным вопросам и мертвым письменным языкам.

Был период, долгий период яфетического языкознания, когда все было основано на яфетическо-семитической сравнительной грамматике. Заявленное впервые в печати в 1888 г., положение о родстве в первую очередь письменного языка, тогда единственного письменного языка на Кавказе из подлинно яфетических, грузинского, притом древнеписьменного, с семитическими, оно получило свое печатное оформление в 1908 г. в труде «Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка».

За этот промежуток времени велась филологическая работа над памятниками грузинской письменности, светскими — сравнительно с персидскими, духовными — сравнительно с армянскими.[2] Вопросы о литературных взаимоотношениях, с учетом и армяно-сирийских, за позднее средневековье также грузино-арабских и армяно-арабских служили выяснению и уточнению словарного влияния иноземных языков, их вклада, проходившего в грузинский частью через светские произведения (из арабского, персидского, турецкого языков), частью через

[1] Об яфетической теории. ПЭРЯТ, стр. 191.

[2] Значительная часть работ этого характера опубликована в серии, издававшейся б. факультетом восточных языков Петербургского (ныне Ленинградского) университета «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии». Для лингвиста, при более глубоком вхождении в материальные вопросы по грузинской грамматике и лексике далеко не одного грузинского языка, необходимо знакомство с вводными частями отдельных выпусков названной серии.

духовные (из сирийского, армянского, греческого, христианско-арабского, да и среднеперсидского), а также устным путем. В общем выяснился и предел значения этого вклада, заимствований, в строе грузинской речи.[1]

Второй этап в развитии яфетического языкознания выявляется печатно в 1910 г., когда была издана Грамматика чанского или лазского языка, после поворота интереса к живой речи, начавшегося изданием работы И. Чкония «Грузинский Глоссарий» в 1-й книжке серии «Материалы по яфетическому языкознанию», и достигает своего апогея в 1914 г. одновременным появлением моего исследования о новоэламском языке[2] и классического труда покойного моего ученика И. А. Кипшидзе о мегрельском языке.[3] Последний труд это первое объективное выявление факта существования особой школы яфетического языкознания.

За это время идет проработка сравнительного метода и техническое его усовершенствование благодаря привлечению с одной стороны бесписьменных языков, сванского, абхазского и др., т. е. живых, с другой — из мертвых языков «клинообразных», т. е. языков, дошедших до нас в клинописи, по одному из которых, именно халдскому, впервые специализуется непосредственно от норм яфетического языкознания И. И. Мещанинов. Однако в основе всех яфетических исследований остается сравнительный метод (яфетическо-семитическая сравнительная грамматика и др.) и после обнаружения яфетического языка на Памире в 1916 г. Яфетидологическое исследование доступных пока нам материалов этого языка — вершикского, не дождавшееся по сей день издания, так и построено одним сравнительным методом.

Однако выяснение яфетидизмов вершикского не прошло бесплодно. Новый факт дал почву для целого ряда экскурсов, посторонним казавшихся безответственными вылазками: ими устанавливались яфетические материалы, поглощенные не яфетическими языками, которые в то время признавались еще инорасовыми и в среде яфетидологов. Эти экскурсы, хотя бы и вылазки, были то в сторону Греции и классического Средиземноморья, равно доклассического и доэллинского, то в сторону хазаро-русского мира, то в сторону такого, казалось бы, в корне и целиком иранского языка, как осетинский. Систематически прослеживались яфетические элементы в языках Армении. Однако сравнительный метод продолжал нераздельно господствовать. Лишь с приступом вплотную

[1] Кое-что и не издано из работ этого порядка, так, напр., а) по вкладу через памятники светской литературы — 1) «Собственные имена, встречающиеся в Дилариани», 2) «Собственные имена, встречающиеся в Русуданиани», 3) «Собственные имена, встречающиеся в Вис-Рамиани», 4) «Собственные имена, встречающиеся в Амиран-Дареджаниани» и 5) «Список слов и выражений, существующими грузинскими словарями этимологически неверно объясняемых превратно понимаемых или совершенно опущенных, составленный к четырем повестям — Вис-Рамиани, Амиран-Дареджаниани, Русуданиани и Дилариани», работы все студенческих лет по рукописям, работы, того времени, когда из перечисленных памятников грузинской светской литературы опубликован был лишь роман Вис-Рамиани; б) по вкладу через памятники духовной литературы — «Иностранные слова в грузинском тексте Четвероевангелия и их происхождение» и т. п.

[2] [Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания. ЗВО , т. XXII, стр. 31—106. См. здесь, стр. 50—58.]

[3] [Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. Материалы по яфетическому языкознанию, VII, СПб., 1914 г.]

к массовым яфетидизмам в греческом языке намечается палеонтологический подход, первое выявление которого налицо в доступных тогда пределах приемов и техники того времени в работе «Третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры».[1] Собственно с этих пор, после начавшейся конкретной (теоретически намечавшейся и раньше) смычки языкознания с историей вещественных памятников, а в связи с нею и общественности, наступает новая эра развития яфетического языкознания как совершенно самостоятельного учения не только по своеобразию материалов, но и по методам.

Следовательно, начинающему заниматься новым лингвистическим учением, в работы до названного «Третьего этнического элемента» лучше не заглядывать до поры, до времени, поскольку интерес сосредоточен на теоретической стороне [ср. стр. 226]. Многие вопросы с тех пор настолько изменились и в освещении, более того — в самой постановке, что объяснения даются диаметрально противоположные. В предварительном сообщении о родстве грузинского языка с семитическими[2] говорится о вымирании ж. рода в грузинском (ОТ, стр. 9 прим.), между тем грамматический «женский род», как теперь выяснено, позднейшее явление, да и возникли-то впервые не роды женский и мужской, а классы в связи с делением предметов по принадлежности к различным космическим, раньше хозяйственным мирам.

Да и «Третий этнический элемент» следовало бы прочитать, учтя, если владеет кто немецким, оговорки, сделанные в предисловии к его немецкому изданию.[3]

В связи с этим прежние толкования терпят полное крушение, поскольку мы интересуемся не статикой, а генетикой. Достаточно бросить взгляд на добытое в свое время сравнительным (с точки зрения статической морфологии вполне правильным) методом объяснение св. tarm-aə 'бог' (→ г. tarmaə 'язычник') ~ св. ğerm-eə (↗ğerb-eə 'бог' → г. kerp 'идол'), арм. haw-at 'вера' (‖ham + oz-el 'убеждать') ~ ↗tam- (г. tam-s 'верить'), требующее замены палеонтологическим анализом, ибо это случаи двуплеменного (SAL + BER) скрещения, именно: tarmaə ~ ğer-meə, ha-wat‖*ha-mat → ha-m- (→ см. арм. ham + oz-el) ~ ta-m и т. д. (см. также предисловия ЯС, I, равно ЯС, IV).

В этот именно момент, в промежуток между двумя, русским (1920) и немецким (1923) изданиями «Третьего этнического элемента», начинается перелом в вопросе о миграциях (переселениях). Отпадает мысль об исходе не только яфетидов вообще, но хотя бы и басков с Кавказа для внедрения в западную Европу, равно об обратном появлении басков или месхов, resp. а-басков (тогда с толкованием начального а-, как префикса) и т. д. с Пиренеев на Кавказ. Постепенно упрочивается и уточняется для подлинно доисторических эпох классово не дифференцированная или нераздельная «экспансия», вместо миграции характера переселений исторических эпох. Да и понимание переселений исторических

[1] [См. здесь, стр. 79—124.]
[2] [См. здесь, стр. 23—38.]
[3] Так-то немецкое издание не представляет ничего нового сравнительно с русским, разве то, что опущены примечания [Перевод предисловия см. здесь, стр. 149—157.]

времен начинает меняться: исторические переселения разъясняются в порядке социальных явлений, протекающих не массово без дифференциации, как предполагалось раньше, а с отбором — в путях классовой организации. Экспансия, явление доисторическое, предполагает продвижение совокупности племенных образований зачаточных форм безразлучно или нераздельно. Это расселение хозяйственно-социально не дифференцированных зародышей всех, как окончательно выяснилось, четырех в основе примитивов-племен, именно салского (SAL или SAR, в скрещении — Sar-mat и др.), берского (BER, в скрещении — I-ber, Ki-mer, Shu-mer и т. п.), ионского (YON), рошского (ROШ, в скрещении Pe-*las*-g или Et-*rus*-k и т. п.),[1] не говоря о других, даже независимо от скрещения, многочисленных разновидностях самих простых форм, как для YON — san, shon, ṭan, ṭen или kan, kon, ken, и т. п., для BER — bar, resp. bal, bas‖baш, bor и т. п.

Этот поворот и материально-формально от сравнительной грамматики к палеонтологической был вызван вовлечением баскского языка в круг исследуемых. С палеонтологией усилилось и значение материальной культуры, хозяйства и общественности, как факторов творчества и развития речи. Однако это усиление шло не с постепенностью эволюционного явления, шаг за шагом, а взрывами в зависимости от наплыва новых материалов или новых наблюдений в моменты вскрытия связи с чуждым раньше миром. То это было вовлечение новой группы языков, отнюдь не яфетической, в яфетидологическое исследование, так, напр., угро-финских, турецких и др., по установлении родства чувашского с яфетическими. То это было вскрытие факта — для нас события, что так называемые индоевропейские языки, нами именуемые прометеидскими, оказались вовсе не инорасовыми, а позднейшей стадией развития яфетических, их трансформацией (так обстоит дело и с другими «семьями», собственно системами языков, как-то семитической, турецкой, угро-финской и т.). То это было от уяснения процесса языкового творчества благодаря новым материалам, дававшим больше возможностей диахронического (т. е. в перспективе отложений ряда эпох) изучения различных глоттогонических явлений, как то скрещения языков, классовых путей взаимодействия языков, связи созидаемой речи с историею материальной культуры, эволюции семантики и ее основ, особенно функционального происхождения значений и т. д., и т. д.

Постепенно рядом с учением об яфетических языках наросло общее языкознание по новой теории с переносом исследовательской по учению яфетического языкознания работы в доброй части с яфетических языков на не яфетические, к которым в последние дни прибавились, как генетически с ними связанные, с одной стороны китайский, с другой — палеазиатские: енисейско-остяцкий, юкагирский и т. д., что опять-таки, естественно, повлечет за собой новый сдвиг в сторону уточнения и идеологии и техники как учения об языке вообще, так учения специально об яфетических языках.

[1] Функциональные придатки pe-, et-, -k → -g, раньше толковавшиеся как таковые безотносительно к месту или времени как префиксы или суффиксы, оказались пережитками соответственных племенных названий, так pe — берского и т. п., и часто сохраняющими конкретную, можно бы сказать — материальную, их значимость.

Ведь, одновременно само говорящее звуковым языком племя в отношении так называемой природной его речи разъяснилось как классовое образование. Собственно наметилось возникновение говорящего звуковым языком племени на началах схождения по потребностям хозяйственной жизни. Самое родство языков, явление вторичное, потребовало и продолжает требовать или полной замены семейно-родовых терминов, взятых языкознанием из естественных наук, договорно-общественными или хотя бы иного их понимания, не биологического, а экономическо-социологического (см. предисловие ЯС, IV).

Ясное дело, что нельзя удовольствоваться прочтением той или иной яфетидологической работы, хотя бы времени с появления «Третьего этнического элемента», без учета того, что восполнялось, осложнялось, уточнялось или исправлялось, равно без учета того, что заменялось и отсекалось в последующих работах,[1] на дальнейших этапах развития теории.

Мы предполагали дать здесь перечень самих этапов этого развития, но практически это не облегчило бы дела, так как иногда в работах предшествующего этапа развития оказывается правильно намеченным зачаточно то, что позднее выдвигается осознанно как новость и получает окончательную или более ясную формулировку, не говоря о том, что с вопросами, поконченными в прежних работах, иногда весьма ранних этапов развития яфетического языкознания, можно и не встретиться вовсе в специальных заметках и даже в статьях общего значения позднейших этапов. Между прочим поэтому у интересующихся исследовательски яфетическим языкознанием, при ознакомлении с ним без прохождения соответственной школы или по случайно попавшей в их руки одной-другой статье, возникает предположение о пробелах: они не досчитываются того, что уже есть. Достаточно сослаться на то, что яфетидологии ставили на вид неучитывание заимствованных слов в грузинском!

Да и независимо от исследовательских интересов, в чисто учебных целях для более отчетливого и, понятно, точного восприятия общих положений яфетической теории требуется знакомство с исследованиями предшествующих этапов в развитии яфетической теории, даже исследованиями по армяно-грузинской филологии (и это требование можно и должно удовлетворить, овладев основными положениями самой теории). В настоящем перечне называются далеко не все из печатных работ этого порядка, а лишь немногие, имеющие ближайшее отношение к лингвистике, или к общему учению об языке или специально к яфетическим изысканиям. Не забыть и то, что основные труды «Сравнительная грамматика яфетических языков с семитическими», «Сравнительная грамматика яфетических языков сибилянтной ветви» и т. п., равно «Палеонтология речи»

[1] Так, напр., в лекции «Армянская культура, ее корни и доисторические связи», прочитанной мною по-армянски армянскому студенчеству в 1922 г. в Париже и изданной без моей корректуры и, очевидно, без корректуры лиц, которым я доверил, по-армянски, с массой злокачественных опечаток в транскрипциях и иностранных словах, число 'три' разъясняется, именно груз. sam в связи с 'небом', 'тремя небесами' без палеонтологического обоснования их значений (п. с., стр. 23—24): слово sam 'три' теперь получило иное, уже окончательное разъяснение, а созвучие его со словом 'небо', материально отнюдь не случайное, требует для своего объяснения иной трактовки с точки зрения семасиологии (учения о значениях).

вовсе и не появлялись в печати в цельном виде. В цельном виде они читались лишь как курсы в Ленинградском университете.

Вниманию лиц со специальным интересом рекомендуется Яфетический сборник, орган Яфетического института АН СССР. В нем имелось в виду объединить специалистов по различным группам языков, независимо от их направлений, на деловом сотрудничестве с яфетидологами, что выразилось в работах ираниста Ф. А. Розенберга — «О показателях множественности в языках согдийской группы» (ЯС, II, стр. 1—17), монголиста Б. Я. Владимирцова — «О двух смешанных языках Западной Монголии» (ЯС, II, стр. 32—52), турколога А. Н. Самойловича — «Название дней недели у турецких народов» (ЯС, II, стр. 98—119), германиста В. А. Брима — «Состав и характер неразъясненных элементов в германских языках» (ЯС, II, стр. 18—31), «Термин „скоморох“» и др. (ЯС, II, стр. 94—97), «Прагерманская проблема» (ЯС, IV, стр. 150—157). Наладилось сотрудничество такого же порядка у группы лингвистов еще более широкого охвата, по разнообразию представляемых ими языковых групп (от Пиренеев до Китая и палеазиатов): в результате дружной коллективной их работы специально над числительными в ближайшие месяцы появится сборник статей по этой важнейшей части речи. Твердая линия выявилась в применении данных или методов яфетической теории и к разработке вопроса о литературных сюжетах, мифах и сказаниях; так молодой яфетидолог К. Д. Дондуа подготовил соответственные работы для печати, уже прочитанные им как доклады: 1) «О Георгии Змееборце» и 2) «О карнавале (груз. keenoba)» и т. п. В этой линии, помимо И. Г. Франк-Каменецкого, исследовательскую работу решительно повел специалист по романистике В. Ф. Шишмарев, напечатав La légende de Gargantua в ЯС (IV, стр. 166—204).

По бесписьменным и младописьменным языкам Северного Кавказа материальный вклад в яфетическое языкознание представляют труды Н. Ф. Яковлева, лингвиста-фонетика, и Л. И. Жиркова, ориенталиста-персоведа, известные из списка изданий б. Северо-кавказского комитета. Ту же кавказскую базу яфетической теории большие усилия планомерно прилагает укрепить изучением северо-кавказских яфетических языков молодой яфетидолог А. Н. Генко, подошедший к яфетическому языкознанию от интересов к классическому миру. От знания греческого языка и его эпиграфических древностей подошел к новому учению и И. А. Орбели, первый яфетидолог-вещевед и эпиграфист, — подошел через школу армяно-грузинской филологии, в значительной мере лабораторно усвоенную в раскопках городища Ани на памятниках материальной культуры. Ранние его разыскания по терминам *явно* яфетидологические и по технике и по идеологии, разумеется, того времени.[1] На Кавказе последовательным популяризатором яфетической теории в ее кавказоведной части является Л. М. Меликсет-Беков, автор и специальных этюдов, особенно по топонимике. Ему принадлежит первый опыт библиографического свода яфетической литературы: «Академик Н. Я. Марр и яфетическая теория» (Госиздат ССР Грузии, Тифлис, 1926).

[1] [Simitose в идалийской надписи и σεμίδαλις, simila, similago. ЖМНП, 1908; Город близнецов Διοσκουριάς и племя возниц Ἡνίοχοι. ЖМНП, 1911.]

В труде И. А. Джавахова ქართველ ერის ისტორია 'История грузинской нации' (1913—1914) наиболее глубокопродуманное применение яфетической теории, но первых этапов ее развития, еще формального учения, когда можно было ее использовать националистически, не считаясь с ее теоретически и тогда намечавшейся идеологиею.

Интересующиеся делом могут расширить свою осведомленность и найти плодотворные для яфетидологии мысли и в работах индоевропеистов, примкнувших в той или иной мере к новому учению, напр., Ф. А. Брауна, германиста, в работе Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen[1] и проф. Н. С. Державина, слависта, автора популярной статьи «Новое направление в истории культуры и языка (яфетическая теория)»,[2] который специально работает в том же направлении над албанским языком. Продвигает яфетические изыскания далее на восток индоевропеист В. Б. Томашевский, по данным своих материальных знаний (знание осетинского) и особенно по научному свободомыслию входящий в круг яфетидологов (один из группы работников по числительным). Из индоевропейской же школы деловой интерес проявляет к новой теории Р. И. Шор, автор печатающейся в ЯС (V) работы «Кризис индоевропейского языкознания». Из историков методически подходит к новому учению В. В. Струве, египтолог, со все растущим интересом реагирующий на очередные вопросы яфетидологии в своих заметках, напр., в статье «Лошади в мистериях Осириса» (ЯС, III, стр. 71—74).

Здесь не место говорить о подошедших к новой языковедной теории работниках по истории массового человечества, замолчанного на высотах научных исканий, — этнологе Л. Я. Штернберге, специалисте по палеазиатам, этнологе-археологе А. А. Миллере, исследователе живой и мертвой доисторической культуры Кавказа и неразлучимого с ним сродного сопредельного мира, и Б. Л. Богаевском, поборнике использования методов и теоретических достижений яфетического языкознания в работах по тому Средиземноморскому району, где творцом доэллинской культуры загадочного происхождения по языковедным изысканиям определился «третий этнический элемент», яфетический. В ином порядке, порядке интереса к яфетидологии на местах, могла бы быть речь и о тех специалистах по языкам Кавказа, которые старались обосновать свои научные искания в одном месте на демонстративном разрыве со вскормившей их яфетической теориею (в Грузинском университете в Тифлисе), в другом — на полном по существу ее игнорировании (общая постановка арменоведения в Армянском университете в Эривани). Аспирантам с Кавказа, да и не с Кавказа предстоит большая, тяжелая работа по усвоению не только новых методов, но и знаний и еще знаний, конкретных знаний, для научно состоятельной борьбы и у себя с изжитой идеологиею старой школы.

Нужно ли предупреждать, что с переменой идеологии и метода в яфетической теории нарастали новые технические приемы, а вместе с техническими приемами

[1] Japhetitische Studien, I. Лейпциг, 1922.
[2] „Звезда", литературн. и научно-попул. журнал. Ленинград, 1926, № 24 (10), стр. 226—255.

менялись и условные знаки (см. →вм. >) и, что больше сбивает, термины. В числе последних надо отметить: 1) замену названий групп «картская» и «тубалкайнская», первого — «свистящей», второго — «шипящей» и 2) особенно колебание в племенном определении древнелитературного языка армян hайским, вульгарного — армянским, впоследствии первого hайкским, второго — hайским. У грузин смена, если не трех, по крайней мере двух «феодальных» культур, этнически связанных, древняя с иберами (они же «абасы» или «абаски» — Ἀβασκοί, откуда абхазы, конечно, не современные и не массово, а господствовавший класс), с неразлучными их двойниками месхами (басками) или сваномесхами (сомехами, чего также не надо смешивать с сомехами-армянами массово, вне учета бывшего в древности класса — так наз. феодального сословия), а позднейшая — картвельская (qarʒul-ɪ). Следовательно, современная грузинская культура в диахроническом разрезе представляет отложения двух, если не более, культур. Соответственно налицо если не три, то два грузинских классовых письменных языка, один древний мертвый язык и другой литературно позднейший, также классовый («феодальный»), он же ныне письменно-живой и почти всенародный, более народный, чем какой-либо иной литературный язык в своей стране.

В заключение сожалеем, что мы не имели времени для составления указателя отзывов господствующей языковедной школы, в большинстве отрицательных, об яфетическом языкознании. Они поучительны во многих отношениях. Было бы очень полезно опубликовать особо библиографию этой литературы с анализом самих отзывов. Из них актуальный интерес представляют разве две работы, одна краткая критическая заметка проф. Vendryès'a[1] (надо учесть наш ответ),[2] другая — мысли Л. В. Щербы о смешении языков,[3] помогающие разобраться в нашем расхождении по одному из важнейших явлений глоттогонии — скрещению: скрещение, как оно окончательно выяснено в яфетическом языкознании, ни теоретически, ни фактически не представляет ничего общего с тем, о чем говорит уважаемый индоевропеист и что, вслед за Schuchardt'ом и Meillet, вполне основательно называет он image malsaine. Все это происходит оттого, что в индоевропеистике нет конкретного представления о становлении языков, а лишь об установившихся и вполне сложившихся языках, да еще языках исторических эпох.

Остается руководящее указание готовящимся в аспиранты Комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР. На первое время им рекомендуется усвоение тех работ печатаемого ниже перечня, которые снабжены пометкой: (асп.). Однако усвоение это отнюдь не может сводиться к тому, что кандидат в аспиранты заучит на зубок хотя бы всю сумму как бесспорных, так и проблематических положений яфетической теории. От него ожидается прежде всего общая ориентированность в яфетическом освещении основных вопросов науки об языке со знанием основных же конкретных данных

[1] Revue Celtique, XLI, № 1—2, Париж, 1924, стр. 392 сл.
[2] Postface III книги ЯС, стр. 165—177. [Перевод см. здесь стр. 189—196.]
[3] Sur la notion de mélange des langues, ЯС, IV, стр. 17, прим.

о количестве яфетических поныне языков, об их названиях, пределах расселения и т. п. Хорошо, конечно, если беседа с будущим аспирантом обнаружит, что он кроме того применил некоторые из теоретических положений к языку, которым он интересуется (предполагается, родному), и пришел к тому или иному выводу, положительному или отрицательному. Но это свидетельствовало бы о большем, чем требуется, по яфетидологии, от кандидата в аспиранты названного Комитета.

2 июня — 2 сентября 1926.
Ленинград.

Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении[1]

Нечто на эту обширную тему. Тема рискованная. Я не говорю об объеме темы. Тема своим объемом, при полном учете содержания краеведения, превосходит пределы нашей компетенции. В краеведении подразумевается изучение естественных производительных сил. Моя же специальность ограничивается областью культурных достижений человечества, делом его рук, историею материальной культуры и с особым в последние годы сосредоточением разрабатываемой языковедной, для многих новой, для нас довольно пожилой теориею, яфетической теорией. Для многих естественные производительные силы не только входят в понятие «краеведение», ими исчерпывается основной предмет его ведения, ибо весь смысл жизни в хозяйстве и экономике, а материальная база и того и другой — естественные производительные силы. Позвольте, однако, с таким утверждением более чем не согласиться. Ведь, мы такой постановкой дела переносимся за многие и многие века до наших дней, в средиземноморский мир, в эпоху своего рода «физиократизма» в концепции возникновения и развития человеческой культуры. Тогда в среде свободомыслящих, даже слывших за безбожников, мыслителей определенных философских школ, утверждалось, что источник и виновник всей человеческой культуры — природа. Эти мнимые свободомыслящие мыслители, эти мнимые атеисты не понимали, что в своем философском утверждении термином «природа» прикрывали неотвязчивую идею о «боге», что их мышление было прикрыто-богословское, и в то время не могло быть иначе, ибо науки об общественности, как творческой и организующей силе, не было, не было и представления о том, что не «бог» и не «природа», а общественность сотворила всю и материальную и так называемую духовную культуру, что рядом с естественными так наз. производительными силами есть общественно-производительные силы, это человеческий коллектив, действительно творящий фактор, не только творящий предметы материальной культуры, но делающий то, чего ни одна тварь, ни одна вещь из так называемых по недоразумению производительными естественных сил природы не в силах производить, ибо этот фактор, человеческий, сам себя претворяет, организованным трудом сам создает новые типы, нового человека, нового культурного трудовика-творца, и там, где нет этого коллективно-трудового культурного фактора, всуе говорить о каком-либо рациональном хозяйстве, всуе утверждать о своем мнимом свободомыслии и отрешенности от изжитого богословского мышления.

А все-таки мы стоим перед тяжким испытанием. Надо прочитать нечто поучительное по вопросам, связанным с нацменством и краеведением, т.-е. с предметами, о которых обычно столько мнений в каждой приличной научной

[1] [Лекция, прочитанная на краткосрочных курсах музееведения в Москве, переработанная из доклада, прочитанного в дни Конференции археологов СССР в Керчи керченскому пролетариату. Напечатана в № 1 за 1927 г. журнала Центрального бюро краеведения — «Краеведение», стр. 1—20.]

коллегии, сколько налицо бывает ее членов. Если учесть и общественные разномыслия, то здесь на каждого общественного деятеля приходится по два мнения даже по одному краеведению. Нас не удовлетворяет и соглашательски принятое, как будто всех примиряющее определение краеведения: что оно, краеведение, есть метод, комплексный метод? Какой метод? Комплекс каких методов?

Нас интересует часть созданной человечеством культуры, а по этой части разве существует какой-либо метод, кроме формального? Конечно, нет. А формальный метод это, ведь, значит — отсутствие всякого метода. Подробнее об этих вопросах, в частности о прикрывании молчаливо или бессознательно бога философским подкупающим непосвященных термином «природа», предшественником термина «естественно-производительные силы природы», и об отсутствии метода у так наз. гуманитариев можно осведомиться в речи моей об увязке языкознания с историей материальной культуры, произнесенной на годичном собрании Академии Истории Материальной Культуры.[1]

Как же быть? Как же быть в самом деле не только с интересами музейных деятелей на местах, но и с культурными интересами пролетариата, трудящихся масс, рабочих и крестьян. Ведь краеведение или пустое слово, или полное сочного содержания, насыщенное после Октябрьской революции энтузиазмом нового его понимания и новой постановки общественно-научное движение. Это новый метод не только хозяйственной работы, но и научного творчества, требующий переорганизации всей нашей системы образования и всей нашей организации научно-исследовательской работы. Нельзя держаться в настоящих советских условиях общественности изжитых форм старого режима, когда все сосредоточивалось в центрах. Революция смела у нас феодально-буржуазный строй, но пережитки его, особенно в области идеологии, еще очень сильны, и одним из таких пережитков является то, что и музеи, и школы, и исследовательские учреждения, и школы высшие, высокие до небес, и музеи-левиафаны, и исследовательские учреждения-государства, целые ученые государства, лишь в центрах, лишь в столицах. «Власть на местах», это все понимают, некоторые до степени, требующей назидательных приемов, чтобы кой-где не упивались ею. Но наука на местах, подлинная творческая наука на местах, это до сих пор остается гласом вопиющего в пустыне. Постольку, поскольку. Поскольку наука регулируется отвлеченными заданиями мировой науки, поскольку в центрах научная пытливость направлена на определенные вопросы и ей в этом деле сотрудничают на месте, постольку наука на местах понятна для академической науки, взращенной в условиях старой общественности. А народился еще новый тип общественника, также со своим «постольку, поскольку» по части науки. Поскольку наука улучшает своим производством сегодня же потребности нашей материальной жизни, постольку она в этом кругу приемлема и приветствуется. Какая же это наука? Это не только не наука, это не только отрицание творческой и организующей силы научной мысли и научной работы, это поношение всего челове-

[1] [Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры] СГАИМК, т. I, стр. 37—70.

чества, это поношение и глумление над пролетариатом и стоящими перед нами задачами по новому строительству, в том числе и по строительству советской культуры.

Давно ли мы слышали, что пора покончить с археологиею? Природу выгоните в окно, она обратно войдет, да не через окно, а через дверь, а то и недосмотренную брешь в стене.

Общественные стяжания, человеком с трудом добытые стяжания — сильнее природы. Интерес к прошлому, т.-е. вкус к причинному осознанию своего бытия, своего происхождения, это с громадным трудом, трудом длительным, непрерывным в течение многих и многих десятков тысяч лет растущее достижение, и от него человек не может отказаться, ибо может отказаться лишь с утратой своего человеческого облика. Знание своего происхождения, происхождения не только своего физического вида, но в первую голову общественного своего быта, своей созданной человечеством материальной и социальной культуры, своих искусств и художеств, своей речи не только художественной, но и повседневной, как, разумеется, и технической, вообще научной, — именно знание всего этого раскрепощает человечество. И, естественно, высшее проявление не только позыва к такому знанию, но и самого подлинного знания, без всяких урезок, на деле может найти место лишь в раскрепощенной общественной среде. Естественно, если вопреки выкрикам по недомыслию «долой археологию», история материальной культуры, та же археология, конечно, в новой постановке ее понимания, делает громадные успехи во всем нашем Союзе, прежде всего и более всего в РСФСР. В сентябре минувшего года с громадным подъемом прошла конференция археологов СССР. В связи со столетием местного музея в Керчи произошел, при большом сочувствии местного населения, съезд ученых для обсуждения научных вопросов. Обсуждались научные вопросы о вещественных памятниках прожитой человечеством жизни, что в названном городе, да и в окружающих селах и пустырях, во всем крымском крае и смежных с ним физически или по смыслу вещей странах. Эти памятники, эти вещи, монументальные ли они в роде не имеющего ничего равного себе на всем свете Царского кургана, или маленькие, даже мелкие вещицы, чернолаковый ли сосуд в первом же, когда вы входите, зале Керченского музея, или миниатюрная бляшка от узды с декоративной отделкой, рисунком для украшения, все предметы мирового научного интереса при соответственной идеологической увязке частей с целым.

Естественно, этот съезд ученых, независимо от наших скромных или нескромных личностей, был громадного культурного значения. Необычайность события такого громадного значения состояла в том, что съезд происходил не в центрах научной мысли и научного творчества, не в столичной Москве или Ленинграде, где такими же и значительно более ценными вещами, происходящими из тех же культурных недр, полны музеи мирового значения. Съезд происходил в маленьком городке на краю государства во вновь возникшей при советской власти свободной республике, Крымской автономной республике. Наука — хочет, не хочет, организованно идет на коллективную работу к раскрепощенным странам, к трудящимся массам. Наука идет, стремится итти в массы, однако зуб неймет.

В Керчи работа ученых не ограничилась участием в съезде. Члены съезда прочитали ряд популярных лекций пролетариату Керчи. В этом и сказалась наша слабость, наша ахиллесова пята, знаменательная не для одной Керчи. Съехались мы, и пролетариата с нами, пролетариата среди нас не было, обсуждали попрежнему оторванно от масс. Какая же это смычка нашей науки с трудом? И вот за отсутствием этой действительной нормальной организованной нашей смычки устраиваются особые собрания, куда приглашаемся прочитать доклады по предметам своей специальности, при том популярно. Опять неувязка. Представьте, дело шло бы не о науке, а об искусстве, и следовало бы познакомить массу с шедеврами, т.-е. лучшими произведениями изобразительного искусства, лучшими художественными творениями. Что бы сказали, если бы вместо картин творцов-художников в подлинниках или в лучших, наиболее точных, воспроизведениях, оценить и понять которые лицам без воспитанного вкуса более чем трудно, вздумали удовлетворить любознательность трудящихся масс тоже популярно, предложили бы наслаждаться воспроизведениями, приспособленными к степени их подготовки или, вернее, неподготовки для рассматривания художественных произведений? Это, ведь, как будто, фальсификация? А как быть с тем положением, когда мы на местах насаждаем или радуемся насаждению краеведческих организаций и музеев с заданием: наукой интересоваться лишь «постольку, поскольку»? Разве это не подмена, не фальсификация?

Конечно, в значительной мере это наша вина, ученых более, чем неученых, что до сих пор все наши мысли, от велика до мала, направлены больше на вопросы экзотические и дальнестранные, чем на внутренние районы, изученные менее, чем австралийцы и бушмены. Постановка, в частности, изучения языков такова, что, когда советская общественность поставила императивно привлечение к активной культурной работе представителей всех отсталых и вымирающих народов Севера и Востока Азии, то получился в Ленинграде, собственно в Детском Селе, прекрасный живой лингвистический музей из 20 слишком языков, в большинстве не изученных, да и не совсем известных или вовсе неизвестных науке. Если бы это был даже и не целый ковчег, а лишь ковчежец, ящичек с 20 лоскутками непонятных рукописных текстов, хоть на одном неизвестном языке или культурном языке так наз. мирового значения, не было бы отбоя от ученых, а музей с 20 живыми языками норовит обратиться в зверинец, ибо у нас нет подготовленных кадров научных сил для живой общественной и научной работы в этом во всем мире единственном музее. Где же тут, казалось бы, обращаться к краеведам и музейным деятелям с призывом интересоваться изучением нацменов! Наша вина, скорее наша, ученых, чем неученых, вина, собственно, эта вина прежнего режима, позорнейшее его наследие, что наиболее многочисленный класс, класс, производящий своим трудом предметы наибольшей необходимости, класс рабочий да крестьянский, наименее подготовлен к воспринятию научных достижений; но как быть сейчас, как быть, когда на местах в гуще музейно-краеведческой работы нет академиков-ученых и слабо с образованием масс? Ждать и теперь, когда у нас руководит рабоче-крестьянская

власть, подождать того времени, когда все рабочие и крестьяне станут не только грамотными, но и научно подготовленными, со вкусом к отвлеченным теоретическим испытаниям и со знанием основных технических сведений по наукам? Ждать того, когда музейные деятели на местах будут с квалификацией профессоров и академиков? Улита едет, когда будет. Нет, товарищи краеведы, нет, товарищи музейные деятели, не робейте! Берите в свои руки настоящее исследовательское дело и приобщайте трудящиеся массы к настоящей исследовательской работе. Приближайте к ней, ибо какая же это рабоче-крестьянская власть, если рабочие и крестьяне будут продолжать пребывать в состоянии оторванности от науки, от подлинных научных знаний по всем областям человеческой любознательности. Да и нам, ученым, в такой оторванности, кроме гибели, не только своей лично (это, может быть, не важно), но и самой науки, ничего не достигнуть, ибо наука, не пускающая глубоких корней в сознание рабочих и крестьян, это цветок «польный», сегодня есть, завтра не будет. Наука без привлечения масс в самом научном творчестве обречена на прозябание в старых путях, обречена оставаться при старых методах, между тем советская власть, имеющая научное обоснование, представляющая собою воплощение в жизни научных принципов, без интенсивного использования наук обходиться не может, не может отвернуться от необходимости усиливать свою научную базу знаниями всех наук, но в то же время она нуждается в науках с новыми методами. В этом трудность, более того — трагизм положения, ибо советской власти требуется колоссальное развертывание своей культурно-строительной мощи, от нее требуется чуткое внимание ко всем областям знания, в том числе требуется чуткое ее внимание к тому, чтобы от старой культуры не было никакого утека, надо сохранить достижения не одной какой-либо старой культуры, а всех старых культур, следовательно, в первую голову особенное внимание к той, вчера, казалось, гонимой науке, археологии, которая, при правильной ее постановке, единственно призвана и способна дать действительный учет всего того, что дали старые культуры человечеству, дать нелицеприятный учет всему сотворенному трудом вообще человечества, с одинаковым вниманием ко всякой культуре, к какой бы национальности она ни принадлежала, на каком бы языке — западном, восточном, русском или ином — она ни творилась и какого бы класса, какого бы племенного элемента та или иная культура ни касалась. Все это надо использовать во вновь творимом нашем хозяйственном строительстве: если верно, как нас учили, что «в здоровом теле обретается здоровая мысль», то десять раз вернее то, что новое хозяйственное строительство, советское, может преуспевать в любом крае нашего обширного Союза только тогда, когда население знает свою страну и себя в настоящем и прошлом, в их связанности.

А нацменства? Тоже камень преткновения. Для науки нет меньшинств и большинств. Мало или много, все равно национальность. Надо дать определение национальности, чтобы получить представление о необходимой дозе интереса, о глубине интереса краеведа и музейного деятеля на местах к изучению так наз. нацменства. Национальность ныне определяется в самом зародыше, как явление

исключительно социальное, человечно-социальное, не физического или зоологического порядка. Каждая национальность — переживание определенного этапа развития в истории человечества, в эволюции его хозяйственно-политической жизни, или частичное, или целостное, т.-е. мировое. Это этап текущего развития у народов живых и творящих современную культуру, и изучение их приходится производить в динамике, процессе творчества, и этап пережитого развития — у народов умерших или живых, со статикой мертвого, пережитого быта. Собственно, этнических культур по генезису не существует, в этом смысле нет племенных культур, отдельных по происхождению, а есть культура человечества определенных стадий развития, ныне сохраняемая частично или вразбивку племенами, часто целой группой или целыми группами отсталых племен и народов, сама же культура едина по происхождению, все ее разновидности производные единого процесса творчества на различных ступенях его развития. Разновидности, значит, существуют? Конечно, но это разновидности не мистически-национальные, а реально-классовые. И, естественно, на какой бы высокой ступени развития ни находился сам исследователь, интересуясь генетическим вопросом о себе, не может не интересоваться происхождением любой предшествующей стадии развития себя самого, т.-е. любой национальной или племенной культуры. В этом кроется неизбежно необходимая глубина научного интереса музейного деятеля на местах с краеведческим направлением к изучению так наз. нацменства, в этом и роль и значение национальной группировки, меньшинство ли она или большинство, с точки зрения науки. С этим же связана органически и правильная общественная постановка национального вопроса, в частности, вопрос об языке. Основное, это монистическое учение об языке. Естественно, я подхожу к освещению темы с точки зрения происхождения человеческой речи, ее дальнейшего усовершенствования, но в путях не только эволюционных, когда речь о постепенном развитии типа, но и мутационных, когда речь о перевоплощении в очередной новейший тип. В общем же и переворотные движения мутационного порядка и эволюция человеческой речи, т.-е. как возникновение ее и ее различных типов и систем, так развитие каждого типа, воспроизводят или освещают соответственные движения в формах общественного строя и смены создавшего ее, эту общественность, хозяйственного уклада и многочисленными переживаниями в нашем быту и народной жизни влияют на современное наше строительство. И ни один сознательный член современного общества, рабочий ли он, или крестьянин, тем более, музейный деятель-краевед, не может не интересоваться этой стороной прошлых судеб человечества, раз действительно открыто происхождение языка и вместе с его историею намечается возможность выработать историю генетических процессов и эволюций материальной культуры, новотворчеств и эволюций культуры. Происхождение же языка с его развитием в намеченных рамках давно вскрыто новой теориею, яфетическим учением об языке, и теперь весь интерес, порыв и энтузиазм работников этой теории сосредоточивается над тем, чтобы это знание передать другим, но ученые старой школы никак не хотят его принять, и они себя уверили и хотят держать других также в веровании, что происхождение языка нельзя научно разъяснить, что вопрос

о происхождении языка неисповедим, точно это, как раньше учили, божество неисповедимое, да и пишут так, что иначе их мысли нельзя формулировать: «вопрос о происхождении неисповедим». Как же с такой темой приходить к вам? Не скрою, очень трудно, ибо вы ученые. Проще было подойти мне с этими мыслями к пролетариату Керчи. Там нет никаких научных пережиточмых фантазий, которые мешали бы видеть то, что существует в действительности. Когда в XVIII веке один исследователь открыл насекомоядные растения, то весь ученый мир восстал против этого открытия, ученые утверждали, что разговоры об открытии преждевременны, и самый факт не может существовать, так как он противоречит науке. Если факты противоречат науке, то такую науку, казалось бы, надо убрать, как тощую бесплодную корову, а ученые решили иначе: насекомоядные растения, бесспорный факт, открытый в XVIII веке, был убран из кругозора ученого мира, пока... пока сто лет спустя с дарвинизмом наука не согласилась дать давно принадлежавшее ему место.

Язык такое же создание человека, как все прочие части, входящие в состав культуры, с тем отличием, что язык в то же время отражает в себе все этапы творчества и эволюции в развитии человечества и отражает в точных формулах, словах, как они сложены и как они используются в том или ином смысле. И форма и значение слов нам говорят точно о месте, занимаемом определенным словом, и нам не приходится теряться в догадках. Больше того, тот же словарный материал нам позволяет найти место не только слову, но и обозначаемому им предмету, памятник ли это материальной культуры или явление из мира общественных явлений и религиозных мировоззрений. Определяется время и место не по годам или территории, а по эпохам социального строя и хозяйственных форм в жизни человечества. И все это отражается в языке. Так выяснилось палеонтологиею речи, к какой эпохе относится такая часть речи, казалось бы, ничего с материальной жизнью не имеющая общего, как местоимение. Личные местоимения позднейшее явление, особенно первое лицо и вообще индивидуальное восприятие лица, единственное число. Долго личных местоимений вовсе не было, раньше возникли притяжательные местоимения, точнее собственнические местоимения, указывавшие как тамги принадлежность не лицам, а всему племенному коллективу (а в идеализации или абстракции — богу), и, разумеется, эти первые по времени возникновения местоимения, собственнические или так наз. притяжательные, могли возникнуть лишь после возникновения осознанного представления о праве собственности. В то же время слова своим значением отражали хозяйственный строй, ибо, как оказалось, лат. pān-is и греч. bálan-os разновидности одного и того же слова, между тем, тогда как лат. pān-is значит 'хлеб', отражая земледельческую культуру, то же слово в устах греков значило лишь 'жолудь', так как в эпоху древоедного хозяйства 'жолудь' играл роль хлебных злаков, и тогда еще, лишь тогда, греки с римлянами находились совместно на одной ступени хозяйственного развития.

Затем определяется время и место по принадлежности той или иной нации в целом к тому или иному классово-племенному слою, входящему в состав всегда сложного племенного образования. От такого определения эпохи социаль-

ной среды и значения, меняющегося не от индивидуального настроения отдельных лиц, а от коллективной воли той или иной группировки человечества, диктуемой определенным хозяйственным укладом, определенной общественностью и определенной социальной средой, классом, сословием, не свободно ни одно слово. Слово 'бог' точно так же подчинено этому закону, не божьему, а человеческому, т.-е. созданному человеческим коллективом. Слово 'бог' проявляет различные значения, сменяя их по этапам развития человечества. Есть этап развития, когда нет вовсе не только слова 'бог' и нашего понятия вообще о 'боге', нет вовсе представления о 'душе' или 'духе', несмотря на то, что звуковая речь началась не сразу, ей предшествовал язык линейный или ручной, язык мимики и жестов. От ручного языка, языка жестов и мимики, звуковая речь унаследовала все свои основные представления. Это сказалось и на том, как использовались слова в том или ином значении. И по возникновении звуковой речи рука, служившая в эпоху языка линий орудием общения, игравшая роль языка, отличает 'человека' от 'животного' и, составляя сущность его, означала прежде всего 'человеческий коллектив' и его 'тотем', символ проявляемого им производства, впоследствии племенного 'бога', и лишь в последующие эпохи, значительно позднее, рука стала обозначать индивидуально 'человека' и 'душу'. Когда при изображении древних царей мы видим 'руку', как символ 'власти', это пережиток все еще той эпохи, когда рука означала 'бог', являлась символом 'права' и 'власти', и потому при царях, притязавших на то, чтобы быть 'богом', сохраняла значение символа божественной силы. Изображения руки начинаются еще с палеолитических эпох. Они появляются на отрезках рогов северного оленя. Любопытно проследить их хронологически последовательное распространение по странам. За эпоху французской мадленовской эпохи они встречаются в пределах первичного расселения такого доисторического, ныне пережиточного народа, как баски, именно, в виде отпечатков на стенах в позднепалеолитическом гроте Gargas у Aventignan (в высоких частях Пиренеев) и опять в пещерах Marsoulas у Salies du Salat (на верхней Гаронне) да в Испании. За неолитическое время многократно находят их в Вандее, а на Востоке в египетских рисунках на скалах. Еще более поздни многочисленные пластические изображения Крита, ближайшие аналогии имеются в кавказских бронзовых изображениях (речь о Кобани) и в персидских находках и, наконец, также в Индии, где эти изображения принимают самые разнообразные формы.[1] Когда речь о сакральном и мифологическом значении этих изображений в порядке лишь догадки, то палеонтология речи воочию вскрывает бесспорное культовое значение рук, как орудия производства и творческой магической силы, физически указания и космически знамения неба и божества.

Это было позднее, в значительно позднейшие эпохи, уже перед началом великих исторических эпох, когда мировоззрение коллектива оторвалось от земли в связи с кочевой пастушеской жизнью, получившей свое развитие в зависимости от познания неба и составлявших его окружение светил и птиц, и связало себя,

[1] G. Wilke, Kulturbeziehungen zwischen Indien, Orient und Europa (Mannus, № 10), стр. 228—232.

свою сущность, с 'небом', 'светилами' и 'птицами'. В то же время 'птица', она же 'небесенок' или 'небо', стала обозначать 'бога' и 'душу'. Потому-то во всех названиях языческих богов мы без труда открываем слово, означающее 'небо', а 'птица', оно же 'небо', представляло то, что впоследствии человечество восприняло как 'душу'. Эту все-таки отдаленнейшую эпоху отражает у христиан 'птица', именно 'голубь', который как бы олицетворяет 'духа', именно 'святой дух', а другое проявление 'неба', именно 'солнце', в представлении первобытного человека буквально означавшее 'сын неба', у христиан было воспринято как Христос. Еще до христианства или, вернее, до возникновения или окончательной выработки христианской мифологии, пережиточно в так наз. еретических кругах, рядом с христианским учением, продолжалась вера в Abraxa (Abra-qsa), о котором учеными филологами и археологами писаны целые томы, и все безрезультатно. На самом деле новой языковедной теориею, яфетическим языкознанием, теперь термин Abraxa разъяснен как слово, означающее 'сын неба' — abra ['небо'] 'солнце' из языка, родственного с абхазским (amra 'солнце') и qsa или ska 'сын', общее со скифским, а также языками восточного и южного Причерноморья (ska → qsa), равно с давно вымершим лигурским. Термин в целом был занесен в гностические круги Египта, по всей видимости, кимерами: из языка кимеров, входивших в племенной состав населения восточного побережья Черного моря, где ныне живут абхазы (из abas-k), унаследовавшие у кимеров, их предшественников в крае, то же божество с более полной формой имени (Aber-skil), как героя эпических сказаний. В первобытной речи не различались 'солнце' и 'день', отсюда и 'явь', 'действительность', 'правда', и эта фразеология унаследована христианской церковью, легендой об ее основателе; отсюда в литургической поэзии эпитет 'Христа' — 'солнце правды'. Эти и подобные десятки, сотни случаев легко наблюсти одним сравнительным методом, методом формальным. Но есть случаи идеологического происхождения, когда анализ уже не простой сравнительный, а палеонтологический, вскрывает коренное изменение значений, свидетельствующее о столь же коренном изменении хозяйственной жизни человечества. Так, например, установлено, что слова обозначали тот или иной предмет не по его виду или материальному составу, а по функции, т.-е. назначению и 'отправлению' известной работы, и вот мы наблюдаем, что животные передвижения 'олень', 'собака', 'лошадь' и т. п. по наследству точно передают друг другу названия, на самом деле один тип хозяйства сменяется другим. Названием 'оленя', естественно, начинают именовать 'собаку', как имеющую ту же функцию, что 'олень', 'собаку' сменяет 'лошадь', и 'лошадь' — 'верблюд' или, смотря по стране, обратно. Поэтому совершенно натурально обнаруживается, что слово, означающее у западных европейцев 'лошадь', у семитов на Востоке сохранило, или, наоборот, получило, значение 'верблюда'; то же самое происходит с переходом наименования 'собаки' на 'лошадь'. То, что установлено палеонтологиею речи, подтверждается раскопками. Так в раскопках проф. Миллера в Кобяковом городище, близ Ростова, диаграмма костяков животных в двух смежных культурных слоях древнейших эпох показывает, как высокий столбец 'собак', при низком столбце 'лошади', в более древнем слое, сменяется в последующем слое громадным

столбцом 'лошади', при падающей высоте столбика 'собак'. Смена животного передвижения 'собаки' 'лошадью' — явление хозяйственное; в речи отражается оно тем, что 'лошадь' получает наречение именем 'собаки'. Ясное дело, что по обнаружении таких фактов теряет всякий смысл применение биологических или естественноисторических научных приемов для объяснения смены одних культурных форм или явлений другими. Учет хозяйственных или экономических факторов, факторов вообще социальных, только и помогает установлению родства или связи там, где иначе мы ничего не усмотрели бы. Так, царя зверей человек окрестил названием 'собаки', ибо 'собаку', в древнейшее времена одомашненное животное, пришлось раньше обозначать словом при известном укладе хозяйства и затем название перенесено было с 'собаки' и на 'льва', или 'волка', как 'большую собаку', и на 'лису', как 'маленькую собаку', и теперь понятно, почему 'лев', название, общее у русских с целым рядом народов, в речи мордовского народа более древней формации означает 'собаку'.[1]

Точно также палеонтологиею речи обнаруживается общность культового термина у народов глубокого Востока, с захватом палеазиатов, с народами финскими и кавказскими и далее греческими, латинскими и т. д., но в каждом районе в зависимости от общественности значение меняется: так, на Востоке это 'жрец', воплощающий 'бога' — 'шаман', на Кавказе — 'божество охоты', а в Средиземном море 'бог торговли', это Гермес греков и Меркурий римлян. Более того 'дуб', естественно, культовое дерево, дольше сохранился на севере (конечно, по традиции от эпохи пребывания в странах с дубом), ибо он был источником питания, благодаря своим 'жолудям', название которых успело в других местах перейти по функции на 'хлебные злаки', как культовое же в связи с деревом, источником огня, при другой общественности стало 'небо' и 'богом' и далее проявлением 'неба' — птицею 'орлом', а в общественности с более сложным и высоким хозяйством их сменил похититель огня, Прометей, уже 'сын неба' или 'солнца', при котором 'орел', как символ также света, появляется лишь пережиточно, как действующее лицо в мифе о Прометее и, естественно, без учета всего материала, не исключая юкагирского, не понять эллинского мифа о Прометее, похитителе огня.

О такой же общей работе человечества даже в более поздние эпохи, исторические, говорят взаимоотношения народов в числительных. Начало не возникновения, а установления системы числительных определяется двумя эпохами, на севере (пережиточно по сей день) еще доисторической охотничьей культурой с 'оленем', как животным передвижения, в остальном мире — исторической культурой, хотя и скотоводческой. Такая же работа на единство наблюдается у человечества в целом кругу названий металлов. Не с появлением металлов, а с широким их использованием в хозяйстве мирового охвата взрывается старый мир, и с новым хозяйством и новой общественностью нарождаются новые типы культурных ценностей, в том числе новые типы языков. В числе новых слов этой эпохе принадлежат не только названия металлов, но и связанные с их про-

[1] Н. Марр, Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Изд. КИАИ, Ленинград, 1926.

изводством термины. Мы могли бы, с явным риском переутомить вас до изнеможения, перечень продолжить, перечень тех культурных достижений и их отслоений в речи, которые накоплялись у человечества шаг за шагом впоследствии, в процессе трудового творчества, так, что для начальных эпох человеческой жизни не отстается почти ничего, ни по общественному строю, ни по хозяйству, ни, конечно, по речи.

Вначале не было ни речи, ни общественных форм, как не было ни представления о боге, ни, разумеется, слова 'бог'. Творчество культурных форм и отражающих слов во взрывах, а не в оседании, в динамике движения, а не в статике. Потому бесплодны все поиски прародины культуры. Ее так же не было, как не было вначале рая, как не было вначале бога. На искомой прародине одно пустое место.

Весь процесс прогресса и с ним развитие культуры пропитан борьбой. Борьба по мере победоносного шествия человека осложняется, ибо с борьбой с природой идет борьба со статикой общественных форм. Творческий процесс не от внешних явлений, а от внутренней работы накопляющихся материальных сил в процессе их диалектического развития. Никаких изначально-расовых факторов творчества. Приходится отказаться от термина ἔθνος или 'племя' в прежнем его понимании, и доисторикам придется подумать, чем заменить такое название науки, как «этнология», поскольку само племя (ἔθνος) явление не расового порядка, а хозяйственно-общественного. Начиная с изначальных форм общественности, это группировки людей не по крови, а по хозяйственной потребности. Не только не было вначале «папы-родоначальника», одного отца, но и родства. Термины родства — позднейшее явление, как и семья. Термины родства оказались терминами, означающими социальное положение в связи с производством, основу хозяйственной жизни, потому-то первые племенные ячейки классовые или во всяком случае профессиональные по трудовому отбору, а не родовые по крови или по каким-либо физическим признакам. Чистота племени и нации, несмешанность крови есть идеалистическая фикция, продукт тысячелетнего господства желавших быть изолированными классов, захватчиков власти. Культур изолированных расовых так же нет, как нет расовых языков. Есть система культур, как есть различные системы языков, сменявшие друг друга со сменой хозяйственных форм и общественности с таким разрывом с изжитыми формами, что новые типы не походят на старые так же, как курица не похожа на яйцо, из которого она вылупилась. Существующий типологический или морфологический прием исследования — так наз. формальный метод, собственно, отрицание метода. Метода в изучении памятников материальной культуры пока нет, как не было метода в изучении языков, пока была одна индоевропейская школа с ее сравнительным методом, пока в новом учении об языке, яфетической теории, рядом со сравнительным методом не возник палеонтологический с увязкой эволюции значений с эволюцией хозяйства, общественности и мировоззрений, пока и формальный метод не осложнился и не уточнился анализом слов на элементы, пока не открылось, что всего во всех языках четыре элемента. Эти четыре элемента прослеживаются во всех языках, где бы и когда бы они ни существовали. Разница

лишь в том, кроме закономерных звуковых изменений, что в одних языках слова простые, из одного элемента, в других те же слова — скрещенные, двух и трехэлементные. Отсюда, при анализе с разложением на элементы открылась необычайно тесная общность, так наз. «родство» и тех языков, которые поныне наука относит к различным расовым семьям. Даже китайский язык перестал быть изолированным, он связан и с европейскими языками. Дальность расстояния потеряла значение не только в вопросах о происхождении, но и в явлениях исторических эпох, забытых как доисторические за их давностью. Термины римского общественного строя, например «pontifex», стали разъясняться специальными терминами грузинской общественности на Кавказе (tkondidel) с помощью лексических данных, переживших в одном из финских языков (ṗont), это собственно 'жрец' священного дерева, где 'дуба', где 'сосны' и т. п. Наоборот, на Востоке, как в Крыму и по всему Черноморью, была большая историческая культура с городами, имена которых вскрывают в порядке тотемном уже племенные образования и, более того, — народы, их строившие. Греки явились на готовые места. Они не строили городов, переселяясь сюда для своих торговых дел, а устраивались в существовавших городах. Из строителей этих догреческих городов наиболее активны были кимеры. Мы никогда не могли бы вскрыть этого факта, если бы располагали одним сравнительным методом и судили по созвучию без палеонтологического анализа. Города, построенные кимерами, следующие: Ольвия, собственно Olbe, Pantikapea, означающие 'понтийский город' или 'понтийская гавань', Twapse с пережитком Tamo или Təmu в средневековых названиях города Тамотарха или Тмутаракань, Сухум, собственно, Θ̇q̇um, в более полной форме Θ̇q̇umer; у Ольвии кроме Θ̇q̇um'а и его разновидностей, две тезки с сокращением плавного l внутри перед согласным, именно шесть городов Q̇o-ре на Кавказе, из них четыре на южном и восточном побережьях Черного моря, в Лазистане и Мегрелии, и тринадцать тезок в непочатой форме по Средиземноморью.

Кимеры принадлежали своей речью яфетической системе языков, но термин olbe ⟷ olbi по своей усеченности, да и значению 'город', относится не к доистории, а к историческим эпохам, и так как основатели этого города (я бы сказал десятка городов Средиземноморья с тем же названием) делали свое дело, очевидно, до появления милетских колонистов-греков, т.-е. в VIII или IX веке, то мы не можем не обратить внимания на то, что из народов третьего элемента, яфетических народов, в IX—VIII веке строителями городов являются на Востоке кавказские халдины, но они скифы, а на Западе этруски из Италии, а 1) этруски возглавлялись вождями, называвшимися этрусско-кимер (lu-c'u'mo'n', это же скрещенное слово как племенное название вначале несомненно и 'тотема' или 'бога', откуда его значение 'сумасшедший', 'одержимый названным богом', 'бесноватый'), 2) этрусский язык полон кимеризмов, 3) в Этрурии кимерские названия населенных пунктов, 4) наше Olbe лишь диалектическая разновидность термина Alba в названии столичного города Этрурии, также Alba Longa, как основная часть rus в термине Etrusk есть диалектическая разновидность основы ras

в национальном названии этрусков — ras + en - a, и сами латинские слова orbis 'круг' ⟷ urbi-s 'город' унаследованы из того скрещенного с этрусским кимерского языка; orbe ⟷ urbi это более древний вид основы Olbe, названия Ольвии. Словом, этруски, известные мореходы-разбойники-купцы, и намечаются как вероятные строители Ольвии в IX—VIII веке до нашей эры. Все системы языков (следовательно, и типы материальной культуры) связаны друг с другом в такой степени идеологически и формально, что не может быть и речи об изолированности языка (следовательно, культуры) народов одной системы от речи народов другой системы языка. Следовательно, народы также по типам культур различных систем одинаково сотрудники одного общего дела, но сотрудники различных эпох в значительной мере исторических.

Китайское этническое общественное представление застыло на мышлении того доисторического состояния речи, которое характеризуется космическим мировоззрением 'небо-бог'. На той же ступени развития находился народ, предшествовавший шумерам с их клинообразной письменностью, за 4—5 тысячелетий до нашей эры, создатель этого клинописного письма, не оставивший никаких следов своего исторического существования ни в каких летописях. Но китайский язык строем своей речи значительно древнее этой эпохи по крайней мере на три десятка тысячелетий. С этой формальной стороны китайский остановился на той ступени развития, когда в языке человечества не было еще никаких служебных форм, взаимоотношения слов определялись не окончаниями, как в русском языке, а расположением слов. Подобное явление мы на Западе, в средиземноморском мире, находим в известной мере лишь на восточном побережье Черного моря в Абхазии и восточной части самого Средиземноморья в Египте. Судя по всему, к такому древнейшему типу человеческой речи принадлежал язык народа, создавшего письменность, известную в использовании шумерами с 4—5 тысячелетия в Месопотамии.

Так как родство языков вытекает не из родства крови и не из происхождения из одного источника, а из объединения в хозяйственной жизни и общественности, когда родство проявляется в том размере, какое наблюдаем у китайского и с более западными народами, то ясно, что культура и язык китайского типа должны были иметь в те отдаленнейшие времена широкое распространение и за пределами Азии, в Европе. Блестящее развитие столь древней культуры, как шумерская, подразумевает, в свою очередь, использование культурных ценностей, созданных человечеством раньше. Если, таким образом, рост и расцвет культуры, динамика ее и творчество, объясняются взрывами накопленных сил в процессе их брожения и диалектическим развитием внутренней работы, если революционный сдвиг сопровождается разрушением форм, которые перерастает новое творческое содержание, и их перерождением до неузнаваемости для «поверхностного» наблюдения (формального метода), возникновением небывалых раньше форм, то устойчивость прогресса человечества объясняется непрерывностью культурной работы, в общечеловеческом масштабе, неуклонным сохранением прежних стяжаний новыми хозяевами положения и бережным сохранением ценностей изжитых культур новыми строителями, везде начинающими

с разрушения, правильнее будет сказать — везде начинавшими с очистки развалившихся устоев старой жизни. С ростом культуры человечества росли и технические средства и приемы охраны прежних культурных приобретений. Самым могущественным средством, расширившим и углубившим охват сберегавшихся духовных ценностей, было изобретение письма. Анализ терминов письма и чтения выявил, что и это культурное достижение есть плод общей работы Африки, Европы и Азии. Блестящий расцвет для своего времени Китая, Месопотамии и Египта и их мировое значение объясняется именно наличием письма, но даже их письмена — молодые уже ростки сравнительно с первыми историческими эпохами. Мировое значение Китая недостаточно оценивается потому, что расцвет его исторической жизни в мировом масштабе, захватывающий территорию Передней Азии и Европы, относится к бесписьменным эпохам ставших впоследствии культурными стран, не сохранились о них известия в национальных летописях самого Китая, несмотря на их древность, слишком молодых для эпохи этой исторической жизни.

Перед учеными стоит одна из важных по мировой истории проблем, это выяснить взаимоотношение китайского языка и языка того месопотамского народа, который, создав письменность, использованную шумерами с 5—4 тысячелетия до христианской эры, исчез как бы бесследно, и для решения его происхождения оставил память о себе в словаре, используемом шумерами и другими народами как наследие, неразрывно связанное с системой письма, созданного им, этим исчезнувшим народом. Расцвет древней эллинской культуры, культуры греков в Эгейском море и в Афинах, объясняется не физическими условиями или индивидуальной одаренностью греческого населения, а взрывом тех коллективно переживавшихся греческим народом накоплений культурных ценностей, которые отложились в нем от исторических эпох доэллинских народов. Возвышение римского государства и, особенно, триумф римского искусства в определенных частях объясняется взрывом таких же культурных накоплений от исторических эпох жизни доиндоевропейских народов Италии, из которых один жил до римлян и на глазах истории сливался с ними: это народ с письменностью IX и позднейших веков до христианской эры, именно, этруски или, как выяснилось, они же в племенном составе римского народа — плебеи. В средиземноморском мире, во всей его шири, была и письменность с неолита, и последние глозельские находки во Франции (какой бы они эпохи ни оказались) вынуждают снова ставить вопрос, что греческое письмо вовсе не финикийского происхождения, вовсе не привезено оно греками или кем-либо откуда-либо. Греческое письмо также, следовательно, представляет высокое развитие в порядке все того же революционного взрыва отложившихся в греческом народе культурных достижений угасшей раньше исторической жизни яфетических народов Средиземноморья.

Таким же образом персы в Иране имели расцвет культурных осадков исторической жизни всех предшествовавших в стране творцов культуры, не исключая и тех, которые предшествовали шумерам, и в письменных источниках не оставили повествований о своей исторической жизни. Иначе ли обстоит дело в русской истории? Конечно, нет. Русская историческая культура склонна откре-

щиваться от скифской культуры. Между тем, по увязке русской культуры с кимеро-скифской, палеонтология речи вскрывает ряд промежуточных исторических народов меньшего калибра, в диахроническом разрезе давших ряд последовательных напластований в русской речи. Достаточно указать, какой громадный вклад намечается как внос одного чувашского языка в русскую речь, как можно осведомиться в вышедшей с запозданием в Чебоксарах работе моей «Чуваши-яфетиды», а таких языков в доисторические эпохи в восточной Европе было десятки, если не сотни. Проблема о шири исторической жизни человечества, забытой таким образом, получает значение не в одной Месопотамии, но во всем Средиземноморье. Кое-что из событий тех давно угасших исторических эпох в Средиземноморье отложилось в греческом эпосе, как вскрыли так наз. хеттские тексты в Малой Азии, но ни в Элладе, ни в Иране письменность не могла бы нас просветить — она слишком молода. Еще менее просвещены мы за отсутствием древней письменности в восточной Европе об ее доисторическом населении.

Чем новая, преимущественно северная, Европа обязана в развитии своего просвещения средиземноморской Европе, главным образом греческой культуре, это всегда выдвигается на первый план историками Европы, порой забывается лишь то, что восточные народы, особенно арабы и евреи, своими переводами посодействовали и сбережению культурных ценностей древнего и эллинистического мира, и тому, что использование этих переводов способствовало возрождению Европы.

Человечество с расцветом европейской цивилизации нашло еще новое средство и новый прием, чтобы сохранить культурные ценности забытых исторических эпох и внести их в сокровищницу наших знаний, расширить кругозор нашей исторической мысли и тем сделать современников более просвещенными, более вооруженными для составления правильного взгляда на совершенный человечеством исторический ход и планомернее строить свою новую жизнь.

Это раскопки. С раскопками должен был произойти революционный сдвиг в науке, прежде всего в археологии. Совершенно неожиданные материалы из раскопок в Троях и затем на Крите, действительно, взбудоражили статику ученого мира. Богатейшие материалы, целые библиотеки открылись от раскопок в Ассиро-Вавилонии, но громадное идеологическое значение имели раскопки в том районе, где они оказались в руках первоклассных ученых по наиболее разработанной области гуманитарного знания — классической филологии. Археология, казалось бы, переродилась; на самом деле она лишь укрепилась в своих прежних основных позициях старого мировоззрения, углубив и уточнив подробности и разработав материал с особенной тщательностью в линии художественно-исторических интересов (эстетизма) и запасов греческой классической филологии и греческой общественности. А с точки зрения интересов по изучению самих творцов той угасшей исторической жизни, народов не индоевропейских, не хамито-семитических, следовательно, народов третьего элемента, ни шагу вперед. Достаточно сказать, что до сих пор не разобраны и открывшиеся на языках угасшей культуры надписи. Племенной состав кадра самых квалифицированных ученых европейцев, руководителей изысканиями в средиземноморских раскопках,

делал их малоспособными на уловление смысла речи иной системы, системы языков третьего элемента. Классовый состав работников по археологии не вынуждал их выдвигать на первый план вопросы, связанные с чуждым им и классово третьим элементом.

Чем же является археология как научная дисциплина? Что представляет ее изучение? Вот тут и гвоздь. Назвать сегодня этот предмет не так-то легко. До 1917 года это было одно дело, с 1917 года — другое. Как же так? Разве в самой археологической науке произошел какой-нибудь переворот? Нет, мы знаем, что в ней самой такого крутого сдвига не происходило. В окружении науки, в нашей общественности, нужно ли нам учить вас, товарищи, что такой крутой сдвиг совершился, такой крутой переворот произошел: произошла Октябрьская революция. А наука вне общественности, вне современной творящей и руководящей творческой общественности и нашей общей трудовой жизни, не есть наука, это отрицание науки, хуже того — творческой мысли. Это было приковывание к скале каждого Прометея научной мысли, когда в средние века сами ученые в защиту, как им казалось, независимости и свободы отстранились от жизни, когда они говорили языком господствовавшей тогда науки, латинским языком, и что порой повторяется в иных выражениях и ныне — Scientia est ancilla theologiae, что значит «наука есть рабыня богословия». Этими словами думали подчеркнуть не раболепие перед церковью, а то, что наука нелицеприятна, ни с чем и ни с кем не считается, кроме голой матки правды, кроме независимой от человека истины, управляемой, как казалось, одним высшим существом, вне мира стоящим божеством. Но беда в том, что это высшее существо, как бы его ни называть, есть создание самого человека, в корне оно символ общественного мировоззрения, уже изжитого. Беда в том, что теперь не удовлетворит нас и более, казалось бы, независимое определение науки, как «собрания истин, приведенных в систему», если не определить «каких истин», именно «истин, нужных человечеству в его творческом труде». Иначе определение получится статическое, наша же общественность требует динамического определения, динамической постановки науки, динамической постановки археологии, с задачею не довольствоваться лишь формальным изучением, не довольствоваться усовершенствованием рабочей техники, не довольствоваться установлением родства по сходству типов, формальным сравнительным методом, а утверждать смену форм, эволюцию в результате часто революционных взрывов накопившихся сил, открывать законы таких смен мутационного порядка, перевоплощения, да и самого происхождения, с поисками их не во внешних, а в развитии внутренних данных. Это все раскрытие или дальнейшее развертывание Октябрьской революции на ниве научно-исследовательской работы с помощью новых сил и новых приемов, скажу более — новых методов, общественно вызванных к жизни Октябрьской революцией. Если в истории человечества в деле закрепления культурных стяжаний изобретение письма сыграло громадную роль (а в этом нет сомнения), если за средние века, эпоху глубокого варварства Европы, именно в самой церкви зародился в совершенно иных целях интерес к духовным ценностям предшествовавших веков, а просвещение и наука восточных народов (сирийцев, армян, грузин,

арабов, евреев, а на западе ирландцев) помогли спасению культурных достижений древнего средиземноморского мира, а затем в том же росте наших знаний уже за XIX век вовлечением восточных языков, по связи и их с общественно-научным интересом к культуре, казавшейся матерью европейской цивилизации, эллинской культуре, и к европейским языкам, дешифровка Шампольоном египетского письма и открытие языкового родства ряда азиатских народов с европейскими, возникновение так наз. индоевропейской лингвистики сыграло не менее громадную роль, если, наконец, человечество нашло за то же столетие в раскопках новое средство и новый прием (раньше небывалое средство и небывалый прием), чтобы сохранить культурные ценности забытых исторических эпох и внести их в сокровищницу своих знаний, то, во-первых, все эти достижения по наукам и просвещению есть порождение не кабинетного творчества, не магических тайн затворника алхимика, а каждый раз общественного сдвига и им создававшегося брожения творческих умов и простора для научной мысли, за XVIII—XIX век французской революции и ее развертывания, ее дальнейших последствий, а, во-вторых, величайшим залогом лучшей охраны сделанных человечеством на всех пройденных им этапах развития культурных достижений и в то же время новой неусыпной творческой работы является дар Октябрьской революции: это не только предоставление раскрепощенным нациям с историческим прошлым самоопределения, но и призыв к активному самопроявлению по науке и просвещению всех народов и племен, не исключая и отсталых, не исключая народов и племен с одним этнографическим культурным багажом, народов и племен без исторического прошлого, народов, казалось бы, лишь «отприродных» (Naturvölker) в противоположность «культурным народам» (Kulturvölker). Октябрьская революция общественно упразднила это деление, как отвергает его и новое языковедное учение, яфетическая теория, вынужденная к тому языковыми данными. Нет в мире не только «отприродных народов», но нет и примитивов или первобытных. Все народы мира, не исключая и бушменов, что в Африке, или тасманийцев и австралийцев, стоят на определенной ступени сотворенной человечеством и уже эволюционировавшей культуры. И вот здесь и ключ к вопросу о правильном подходе к так наз. нацменству и научно, и общественно. И здесь и узел, которым переплетается краеведческая и музееведческая на месте работа с интересом каждой национальной или племенной культуры. Здесь выступает рядом с языкознанием и археология, новая археология, история материальной культуры с новыми методами, уже нарастающая, если не наросшая, но ни новая археология, ни новая лингвистика не в силах, однако, пустить глубокие корни, если и та и другая не сбережет блестящих достижений старой археологии, старой лингвистики, как позднейшие культуры быстро отцветали, если не умели вобрать в себя культурные достижения предшествующих веков, чем отборнее и сильнее, тем лучше. И, желая здорового и роскошного расцвета новой советской культуре, не можем не стремиться, чтобы новая наука о человеке, об общественной творческой силе, в том числе археология и лингвистика, обе динамические, наиболее действенно помогли советской власти в ее задачах по сохранению культурных ценностей прошлых эпох и их распределению между нациями всех стадий развития, по

бережной пересадке их в новое хозяйственно-культурное строительство. Из наших богатых недр древнекультурных отложений, начиная с палеолита, не сегодня—завтра при верном методологическом подходе неизбежно вскроются заглушавшиеся до сего дня знания замолчанного в условиях прежней общественности третьего элемента, они могут и должны забить ключом в условиях новой общественности, где раскрепощенные классы и национальности не могут не выдвигать на первый план для исследования общественной в прошлом роли третьего элемента, по племенной ли к нему принадлежности или по классовой конгениальности. И, если на Керченской конференции археологов всего СССР, вынесшей резолюцию об учреждении в Керчи секции одного из наших крупных центральных научно-исследовательских учреждений, мы не могли иначе понять этот важный акт, как давно назревшую потребность переброса планомерной систематической научно-исследовательской работы на места, и с глубоким убеждением в спасительности продвижения трудящихся масс к науке обратиться к пролетариату всего Крыма, на специально прочитанной ему в Керчи лекции, с призывом: «Товарищи, поднимитесь и поднимайте нас, ученых, учитесь и поднимитесь и двиньте вперед научно-исследовательскую работу своим активным участием, дайте укрепиться новой археологии, помогающей советской власти наилучше сберечь культурные достижения для нового строительства, а пока-что берегите и охраняйте эти драгоценные для культурного человека памятники прошлого», то могут ли звучать слова моего к вам обращения, заключительные слова, иначе, как: «Товарищи музейные деятели, ищите новых путей и новых методов, ибо вы должны положить краеугольный камень нового советского краеведения, и вдохните в нас свежую струю новых знаний, как искры, высекаемые из девственных, пока нетронутых сырых материалов».

Предисловие к „Яфетическому Сборнику, т. V“[1]

Каждый выпуск ЯС получал напутственное слово. Это своего рода программная речь, как то бывает на собраниях по случаю знаменательного общественного события, подобие программной речи о международном положении, у нас — яфетической теории. Ведь появление каждого выпуска ЯС, это тоже знаменательное для яфетидологов событие с призывом к жизни, вперед к новым девственно нетронутым «общим языкознанием» материалам, к новым более глубоким общественно-творческим перспективам речи, с отрывом от мертвечины, от пустых схоластических рассуждений о созидательной роли звуков в возникновении и развитии языка и от мистического учения о происхождении его многообразных видов путем звуковых изменений, вносимых в речь детьми!

Яфетическая теория за это время приобрела, казалось бы, широкий круг сочувствующих. Особо приходилось отмечать интерес марксистов. Молодежь вообще, несомненно, стремится усвоить ее элементы и преодолеть конкретно стоящие перед ней практические или теоретические проблемы по языку, как явлению живой общественности. Растет, естественно, с одной стороны выражение отрицательного отношения в более высоких сферах лингвистической осведомленности. Как же иначе им быть, когда своим учением они оторваны от жизни, от живого, хозяйственно-общественного обрамления языковых материалов, этой продукции бесспорно социального творчества. Столь же естественно, с другой стороны, усиливаются симпатии менее посвященных в схоластический формализм и мистическую идеологию старой лингвистической школы, симпатии людей со свежими запросами жизни. Как будто явно неизбежное столкновение, уже налицо скрытый бой и исход боя, кому поражение, а кому торжество. И в этот момент от нас требуют, друг и недруг, лицемерных вежливостей. Заслуженный в своей области Uhlenbeck из Голландии протягивает руки с одной стороны к чрезвычайно плодотворной задаче увязать баскский с «кавказскими» языками, с другой — к совершенно малообещающему заданию вогнать меня, собственно всю яфетическую теорию, в линию работ Тромбетти, Оштира, имеющих каждый свой курс, увязать нас одной петлей. Естественен мой крик: «Караул! Пощадите! Помогите, вон из петли не только меня, да в придачу яфетическую теорию [ей, к тому же, предлагалось стоять в хвосте и ждать очереди, когда в малоосведомленной по Кавказу Европе признают ее совершеннолетней], но и баскский язык!» На него давно накинута иная еще петля и туго стягивается: баскский язык удушают миражем романских в него вкладов. И вот на естественный мой мотивированный крик[2] я получаю двукратное серьезное письменное внушение извиниться за мои погрешности в недостаточно четком понимании голландского языка, игнорировании его союзов и частиц, и потому в возведении на него, уважаемого коллегу Uhlenbeck'a, напраслин. Постараюсь в своем месте отчитаться и в этих моих грехах, а сейчас готов извиниться, извиняюсь за недостаточное

[1] [Напечатано в «Яфетическом Сборнике», т. V, стр. V—XII. Ленинград, 1927 г.]

[2] Две новые работы C. C. Uhlenbeck'a по баскскому языку. «Язык и литература», Сборник Института сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока, Л., 1926, стр. 193—260.

владение голландским, но разве это, будь это так, будь даже более, чем существенные промахи в отношении голландских союзов и частиц, в малейшей степени меняет положение дела? Собака зарыта за пределами тонкостей голландской речи, да вообще голландских интересов. Сошлюсь на Азербайджан. Там, в Баку, мне на лекции, в апреле текущего года, поставлен был в упор вопрос: «почему непочтительно отгораживаюсь от индоевропейской лингвистики, от ее формальных приемов исследования, когда в яфетическом языкознании также имеется сравнительная грамматика и «фонетические законы», как у индоевропеистов, когда в яфетидологии так же допускается прием восстановления первичных форм, как у индоевропеистов, да и у них, индоевропеистов, тоже существует палеонтология речи, как у яфетидологов? Так в чем дело? Чем же, мол, отличается яфетическая теория от индоевропеистического языкознания?» Я не останавливался в ответе на том, какая зияющая пропасть отделяет индоевропейскую палеонтологию от яфетической, индоевропейские праязычные формы, формы единого праязыка, от яфетических и т. д., и т. д. Дело было, конечно, не в этом. Но не мог не указать на следующую назидательную разницу между индоевропейской лингвистикой и яфетическим языкознанием, яфетической теориею: яфетидологические работы находят широкое гостеприимство, печатаются с любовью в Дагестане, Абхазии, Чебоксарах у чувашей, в молодом Азербайджанском университете или в молодом научно-исследовательском обществе той же Азербайджанской республики, в свежей среде намечающихся к самоисследовательской научной организации молодых пока разрозненных сил и во Владикавказе, в Осетии, и в Уст-Сысольске, у коми, и т. п., а индоевропейская лингвистика, точно кот Васька, спокойно кушает и ест в центрах, Ленинграде, даже в молодой и научно молодящейся столице — Москве, да местами и на периферии Союза, везде, везде, где сильна старая мощная закваска, у армян в Эривани, в Тифлисе у грузин. Естественно, в Вене еще слышно кой-что по яфетидологии, но в Париже... lasciate ogni speranza! Чересчур высока тут образованность, чтобы поживиться новым учением. Естественно, здесь все еще бьет фонтан морализующих поучений об осторожности и недоверии к нашим утверждениям, даже о сомнительности разъясняемого нами фактического положения ударения в грузинском языке, о недоказуемости наших утверждений (каких? почему?!.. — «А потому что»...), с предложением послушать по кавказоведению «нашего петуха», в такой мере самоуверенно и в такой степени с нерассчитанной дозой самомнения, что в одной из последних работ в Докладах АН, именно в статье «Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка»,[1] в ответ на эти замогильные призывы ослепленных работников (не лицемеря, я должен был бы сказать: рабов) изжившей себя теории хоронить их мертвецов, в ответ на систематические потуги клеймить по мелочам наши работы магическим табу общественного недоверия, как не выдерживающие критики, как «ломкие», невольно вырвалось: «попробуйте сломать!» Да что яфетическая теория?! Сам Кавказ, с его богатейшими лингвистическими фактами, объявляется

[1] ДАН, 1927, стр. 143—146.

даже материально плохо обставленным для языковедных изысканий, так как там нет «великой письменной культурной речи», там нет санскрита, нет греческой, латинской и иной мировой мертвой речи, за которую можно было бы ухватиться, как за буксир, в построении какого-либо состоятельного учения! У Кавказа, оказывается, нет истории! Кавказ, следовательно, без истории дошел от эпохи вишапов, этих рукотворных каменных змиев-рыб, протоплазм будущих мировых сказаний о героях-змееборцах! Кавказ без своей, следовательно, истории докатился до сказочных по седине градов Китеи в Колхиде и Тушпы в Биайне с ее клинописью, до архаичного градостроительства Армавиров и Урбнисов, до древних и средневековых Мцхет и Тифлисов, Гарни и Арташатов, до средневекового Ани и средневекового из Рустава эпического творца придворной любовной поэмы, до вчерашней эпопеи Шамиля, до современной грузинской, армянской, азербайджанской, осетинской и десятка других нарастающих общественностей и слагающихся разновидностей речевой культуры?! Нет, оказывается, у нас истории?! А вот есть, надо думать, история, да еще нелицеприятная, Индии, увязанная с научными положениями индоевропейской лингвистики о происхождении санскрита. Есть нелицеприятная история Европы, складно увязанная с индоевропеистической постановкой генетических вопросов по ее собственным языкам, малопонятным, второстепенным (туземным, напр., баскскому, упавшему, говорят, с неба) и, предполагается, хорошо понятым господским (занесенным в Европу миграциею, только неизвестно откуда). На какой-либо страничке этой очаровательно нелицеприятной истории Европы, вероятно, найдет хоть когда-либо какой-либо уголочек изумительная по непониманию сути дела трактовка лучшими специалистами Запада яфетической теории, однако нельзя все-таки отрицать существования истории и за пределами Европы. Есть история и у живого говорящего Кавказа, у десятков разновидностей его речи, с которой увязывается возникновение и рост языков всего Средиземноморья и с ними языков, уплывших оттуда, вне ведения знатоков и ценителей «великих культурных письменных языков», в различные стороны, и в Африку, и в Америку, и, конечно, в Азию, — десятков, сотен языков, их праобразов, ныне представляющихся европейцам «незнакомцами», «птичьими» или «животными языками», «отприродными языками», прикованными к занимаемой ими почве или выросшими из нее «туземными языками» (Eingeborenen-Sprachen), «чужими языками», языками этих «тварей» и «мерзостей», «языками иных рас», желтых, красных, черных, с тем же углубленным научным пониманием, как кой-кому из тех народов европейцы представляются диаволами «бледной расы». И когда у яфетидологов такая прекрасная аудитория в наиболее высокопросвещенной среде специалистов, единственно пока на Западе растерянно верховодящих лингвистов, точно захватом господствующий класс, невольно встает перед нами фатальный вопрос «как быть?» или «что делать?» особенно в настоящий сугубо поворотный ответственный в яфетидологии момент, момент вскрытия увязки языков Средней Азии и Дальнего Востока, как и глубокой Африки и ее южных окраин со средиземноморским миром. Не притвориться ли и нам слепыми перед зримыми достижениями нового учения об языке, сделать вид, что не знаем их действительной цены и перестать

работать, замолкнуть? Мы предпочитаем, однако, перестать вовсе интересоваться даже тем, что говорят ответственнейшие работники разлагающейся лингвистической школы, и попрежнему говорить лишь новыми языковыми фактами, методологически новыми над ними наблюдениями и новыми построениями. Мы уже не в «безбрежно широком море» без надежды наметить гавань на другом берегу, как мыслилось при выпуске первой книжки ЯС (Предисловие, стр. I), всего пять лет тому назад. «Тот берег» показался, да не один, конечно, не для покоя, а для рубки леса, для накопления строевого материала и для закладки обширного речестроя. Изъездив на яфетических конях не без фуража, хлебного и дохлебного питания, всю Евразию от атлантической Иберии до тихоокеанских Японии, Кореи и Китая, от Китая до скифского Черноморья и от турко-монгольской Средней Азии до самой средиземноморской Италии, да поперек от угро-финских скал, рек, озер и морских заливов до хамито-семитических пустынь и вод, морей, мы уже на корабле, вернее—на кораблях. Та езда по увязанным сушею материкам на яфетических конях, да оленях и собаках, верблюдах и слонах отнюдь не закончена, лишь начата, но наши корабли берут уже курс, естественно, на Африку, Океанию и Америку, и еще больше на погибшую Атлантиду, на глубоко лежащие подосновы средиземноморской культуры. И тем более приходится удалиться от шумного старо-научного рынка с тухлым товаром, сосредоточить внимание и усилить работу над замолчанными историею гнездами живой речи, пережитками мифической Атлантиды, точно вкрапленными оазисами в самой исторической Европе и исторической Азии, усилить работу, следовательно, над баскаами с романским окружением, над ирландцами-кельтами с романо-германским окружением, над албанцами, да и румынами с греко-романо-славянским окружением, над многоязычным Кавказом с многоязычными связями во все стороны, над чувашами с угро-финно-турецким окружением Вол-Камья и Урала, над памирскими вершиками и буришками с иранским окружением и, наконец, отнюдь не в последнюю по значению очередь, усилить работу, попутно совершая палеонтологически хождение на реальное дно европейской исторической жизни, как месопотамская богиня Иштарь в мифический ад, над сплошь всеми бесписьменными говорами и наречиями Европы, загубленными писаной историею и продолжающими по сей день быть в плену научных норм, порожденных изучением везде в первую очередь письменной господской речи. На новом пути такой конкретной работы над массовым языковым материалом без какого-либо ограничения, вне схоластикой формализма установленных «семей», чем дальше, тем больше предстоит разойтись с бывшим «общим языкознанием», индоевропейской приходской лингвистикой. Казалось бы, тем легче сойтись с новыми наметившимися к образованию языковедными построениями, обоснуемыми на исследованиях быта и речи палеазиатов и так называемых примитивов Океании, Австралии и Америки, в первую очередь с наиболее углубленно прорабатываемой лингвистически теориею, вырастающей в Европе из изучения африканских языков. Тем легче, казалось бы, сойтись со свежим диалектологическим течением, ищущим новых путей в лингвистике. Нисколько! Курс наш особый, давно определившийся. Он известен. Это взрыв установленных старой лингвистикой расово-язычных взаимо-

отношений, как стабильных, отчетливое прослеживание трансформаций языков одних систем в языки других систем, прослеживание смены одной системы другою в увязке с историею материальной культуры, в шаг со сменою одних хозяйственных и общественных форм другими. Но, повидимому, мало известно то, что этот курс закреплен рядом установленных положений нового общего учения об языке, специальными учениями о палеонтологии речи, о семантике, о доисторической топонимике и т. п. и что дальнейший путь этого твердого курса освещается постановкой ряда очередных назревших проблем. И без знания этих положений нового общего учения об языке и этих специальных идеологических учений о материальной стороне звукового языка ни о каком схождении ни с кем не может быть и речи. Положения яфетической теории весьма емки, формулы жизнеспособны, и на яфетических конях, на яфетических кораблях всем найдется место, индоевропеистам не меньше, чем другим, лишь бы уразуметь, что существо речи в содержании ее, а не в форме. Меньше формализма, особенно мистического формализма.

16 июля 1927 г.

Яфетидология в Ленинградском государственном университете[1]

В отношении предмета по моей языковедной специальности, именно яфетической теории, к теме можно подойти различно: со стороны положительной, со стороны отрицательной. Материалов достаточно и для пессимистического и для оптимистического восприятия взаимоотношений Ленинградского университета и яфетидологии, или яфетической теории. Но о нашем университете ни у одной живой души не может быть ни малейшего сомнения в чем? В том ли, что сегодня знаменательный юбилейный день университета, его стодесятилетие, и, следовательно, нам нужно торжественно и чинно возглашать ему многолетие? Этого было бы мало. Мало радости в ветхости дней. Наша радость в том, что жив курилка, вопреки всем пророческим карканиям и шипениям. Наша радость в том, что университет не думает сдавать своих передовых научных позиций теням прошлого, останавливать своего творческого устремления, вовлекая и увлекая в общее жизненное течение хозяйственно-культурной перестройки и тех, кому восходящая в родильных муках сказочная действительность от головокружительных перспектив земного будущего кажется гибельным миражем, навождением темных сил: солнечная истина представляется полночным мифом тем, кто, боязливо или с недоверием озираясь на грядущее, торопко тянется за последними гаснущими лучами колеса-солнца изжитой общественности, закатившегося волей жизни, волей неумолимого исторического процесса.

Новый, возрождающийся университет без страха смотрит как на залог своего блестящего развития в ближайшие годы на все растущую тягу трудовых масс к науке. Классовая смена аудитории вынуждает искать и находить новые пути преподавания, новые пути накопления тех знаний, которые нужны новой жизни, новые методы теоретических исканий.

Однако трудность нашей темы не только от возможной многогранности подхода к яфетидологии. Любой подход, и отрицательный, и положительный, затрудняется легендой, создавшейся в наши дни, будто ее творец — ваш покорный слуга.

Можно ли быть докладчиком своего детища? Никто не поверит, не поверил бы и я, в способность такого докладчика быть беспристрастным летописцем яфетической теории. И оказавшие мне честь данным мне поручением, очевидно, или думали, что больше некому во всем нашем университете читать на тему (что в таком случае явилось бы краткой, но ярко выразительной характеристикой положения яфетидологии в Ленинградском университете), или они хотели получить от меня, как самодокладчика, одну из многочисленных легенд о возникновении и развитии яфетической теории, может быть, легенду более к лицу праздничному настроению юбилейного дня, более занимательную и более оптимистическую, чем получившие ходкий сбыт в тех ленинградских и московских академических кругах, которые глухой стеной сомкнулись против нового учения об языке. Почти все

[1] Читано на торжественном заседании в 110-летнюю годовщину университета. [Напечатано в «Известиях Ленинградского государственного университета», т. II, стр. 47—68. 1930.]

легенды пессимистов построены или строятся на презумпции, что яфетическая теория есть мое создание личное, во всяком случае личный вредоносный привнос, что положительные ее стороны, если они не повторение доступных критикам общепризнанных истин, также как отрицательные стороны, исходят все, как одна, из меня, точно специально изготовленного природой ковчега разрушительных идей. Словом, безумец раскрыл собственный Пандоров ящик, вскрыл среди мирно процветавшей ученой среды, и вылетевшие из него злые гении отравляют и без того нездоровую атмосферу современной научной жизни.

а) По одной легенде создатель яфетической теории гениален, во всяком случае— он обладает исключительной способностью без труда овладевать любым языком, знает их неисчислимое количество, знает особенно хорошо все кавказские языки, лучше, чем кто-либо, как никто, и, естественно . . . ну вот тут естественно делаются два организационных вывода, смотря по настроению:

1) В Париже печатают, что, если, однако, принять его учение, то придется перестроить всю господствующую ныне во всем мире лингвистику, так наз. индоевропейское учение, нет, не перестроить, а вовсе отказаться от общепринятого метода, т. е. или переучиваться, или искать новое ремесло. И напрасно он думает прельстить нас своей яфетической теорией, подозрительным советским товаром, занимался бы он своим грузинским языком, мы это ценим, даже отчасти и армянские его штудии, и охотно предоставляем ему учить грузинскому нашу молодежь, да и тех, кто постарше. Под сурдинку по армянскому (ибо грузинскими штудиями мы вовсе сами не занимаемся, лишь критикуем) — по армянскому мы кое-что принимаем из старых его утверждений четвертьвековой давности, и оглашаем их, как новые откровения. Добро пожаловать, добрый учитель, только без яфетической теории!

2) Другой организационный вывод из той же легенды вращается в некоторых укромных объединениях Ленинграда и Москвы; здесь выступают с докладами о том, что утверждения гениального ученого очень интересны, но простым смертным недоступны, потому нам надо продолжать взращивать свои понятные нормальным умам и способностям положения индоевропейского языкознания и не ломать себе зубы на каменнотвердых для нас орехах. Пусть, следовательно (тоже организационный вывод), оставит он нас в покое с своими грандиозными как Кавказские горы построениями, нас абсолютно не интересует ни один из кавказских языков, ни грузинский, ни даже как будто и родной индоевропеистам индоевропейский армянский язык. Нам без них легче.

б) По другой легенде, с дикого Кавказа явился дикий человек, вздумавший учить ученых, возомнил, что мало кому известный и еще менее кем-либо изученный некультурный грузинский язык может тягаться своим значением для учения об языке с такими богато-культурными классическими языками, как санскрит, как греческий, как латинский или хотя бы древне- и среднеперсидский. Только в такой невежественной среде, как наша современность, может иметь успех подобное невежественное построение, как яфетическое учение об языке. В доброе старое время яфетическое языкознание также существовало, печатались работы в изданиях самой Академии Наук, но сверчок знал свой шесток: тогда

они касались одних кавказских языков, да и вообще ни на эти языки, ни на учение о них никто прежде никакого внимания и не обращал. Его не признавала, доселе не признает Европа. Следовательно, вон его.

в) По одной версии той же легенды яфетическая теория есть, разумеется, сплошь независимое и от Кавказа порождение невежества. Сам автор и не учился вовсе сравнительной грамматике индоевропейских языков. Если бы он усвоил эту грамматику, то он никогда бы не высказал ни одной нам неведомой мысли, свежей мысли (sic!), т. е. никогда не высказал бы тех, для нас несуразных мыслей, которые противоречат индоевропейской лингвистике и, следовательно, ненаучны. В самой яфетической теории, как в Александрийской библиотеке по легенде об ее сожжении халифом Омаром, имеются положения, общие с индоевропейскими. Раз они и без того имеются, то, следовательно, они излишни. Имеются в ней же положения, противоречащие индоевропейским, но «мы» в них не нуждаемся. Кто это «мы»? А судьи кто? И в чем они нуждаются?

Пора изложить и свою легенду о возникновении и развитии яфетидологии, как теоретического учения и первого научного оформления нигде как в нашем университете, Петербургском, Петроградском и ныне Ленинградском. Кавказ сам по себе, особенно же моя личность, будь даже, действительно, гениальная, в порядке причинности, абсолютно не при чем. Яфетическая теория есть учение, вышедшее из лона ленинградской университетской среды в процессе диалектического развития, как антитеза той отвлеченной, абсолютно не увязанной и не способной увязаться с динамически устремленной жизнью постановкой лингвистики, которая царила и продолжает царить доселе повсюду, даже в нашем Советском Союзе, не говоря о зарубежных странах буржуазного строя, во всех академиях, университетах, исследовательских институтах и в многочисленных научных обществах. И сказку о том, как это произошло, как произошло грехопадение Ленинградского университета, породившего такое чудище обло, как яфетическая теория, и готов я рассказать, как вовсе не творец, а разве неудачный восприемник незаконного по всем научным признакам детища, но, вероятно, не всем известно, что это за чудище обло, что это за детище, что нового оно изрекает, не мираж ли это самое рождение. Словом, что такое яфетическая теория, новое учение об языке, в противоположении старому учению об языке, индоевропеистике?

Оставаясь в кругу теоретических отвлеченностей, в плоскости надстроечного мира, индоевропеистика с яфетическим языкознанием стоят на противоположных полюсах в постановке самого изучения звуковой речи.

Индоевропеистика занята изучением одних общих черт различных языков, представляющих позднейшее достижение человечества, различное в различных его отрезках соответственно социально-экономическим группировкам глоттогонических эпох, и, восприняв эти на поверхности наблюдаемые черты за доказательства первичного физиологического родства, идет в своих исканиях по подсудному ей отрезку индоевропейских языков, принимаемому за особую изолированную семью, — идет от сложившихся уже в позднейшем историческом бытовании языков к первичному единому праязыку праиндоевропейскому, который она уже успела

создать. Это создание и по технике, и по мысли вымышленное, никогда не существовавшее.

Яфетическая теория в своем изучении учитывает не только сходные по формальным признакам явления различных языков, но и несходные, анализом их функций вскрыв самое содержание каждого лингвистического явления, в первую голову слов, и увязав по смыслу как взаимно языки с языками вне так наз. семей, с вымышленными праязыками, так природу вообще звуковой речи с ее общественной функциею. Она опирается как на непосредственный источник происхождения и дальнейшего развития не на зоологические предпосылки, вроде родительской пары — папы да мамы, не на физиологические предпосылки технической стороны языка, т. е. лишь формально учитываемые звуки, а на явление общественного в истоке порядка, скрещение языков, зависящее от сближения общения и объединения хозяйства.

Соответственно, индоевропеистика с яфетическим языкознанием находятся на абсолютно непримиримых позициях в определении эпох жизни звуковой речи, подсудных научному изучению.

По учению индоевропеистов, период изучения языка и языковых явлений ограничивается охватом времени развития звуковой речи с момента уже ее вполне сложившегося и стабилизовавшегося в определенном типе состояния, тогда как яфетическое языкознание успело добраться до возможности трактовать самый объект изучения, это орудие социального общения с эпохой, когда оно было не звуковой речью, а речью линейных движений, речью ручной в основе, и мимикой.

Еще в ранние эпохи периода линейной речи возникает потребность замены линейных кинетических (подвижных) символов символами иного порядка — линейными же, но устойчивыми, письменными и звуковыми. О письменных символах, магического вначале значения, в приложении к производительному труду — особо. Что же касается звуковых символов, раньше также труд-магических, то из них-то и возник нынешний язык человечества. Однако звуковая речь оказалась сложившейся в позднейшие эпохи, после того, как она выделилась из нераздельного на первых этапах с продолжавшею существовать линейной речью широкого социального потребления, была, следовательно, уже классовой, во всяком случае употреблялась в производственно-социальном дифференцированном человечестве, и соответственно в звуковой речи первичных эпох наблюдены переводы с линейной или кинетической речи: в технике словообразования и даже морфологии вскрылась система мышления человечества еще с одной ручной речью, например, слово 'звать' оказалось в своем первичном восприятии одного происхождения с глаголом 'указывать', 'манить'; оно также восходит к имени 'рука', точнее к предметному образу 'руке', орудию производства акта призыва ручным движением.

Однако в качественном восприятии и одной звуковой речи индоевропеистика с яфетическим языкознанием не могут не быть в полном разрыве друг с другом и потому, что они, в зависимости от разности и хронологического, и социального ими охвата языков, оказались на различных наблюдательных постах и, есте-

ственно, с различными не только горизонтами — это по части увязки различных так наз. родственных є исторических эпох языков, но и с различными вертикальными в глубь времен перспективами, у яфетидологов с целым рядом различных стадий развития не одной речи, мышления также, во взаимной увязке как звеньев одной цепи, для индоевропеистов лишь одной стадии, не только без увязки с другими, более древними ступенями стадиального развития, но без какого-либо представления о существовании и такого стадиального развития и его ступеней, без осознания первоочередности учета лингвистических явлений на тех ступенях этого стадиального развития и тогда, когда источники и материалы для такой работы над ними вскрыты и, вопреки всем чинимым нам помехам, все-таки разработаны посильно.

Индоевропеисты оказались в роли творцов учения об языке с отправной в изысканиях точкой от исторически документируемых отрезков общечеловеческой звуковой речи, притом исключительно богато представленной в древних письменностях той или иной классовой речи одной позднейшей стадиальной формации, по восприятию самих индоевропеистов изолированной формации одной самостоятельной индоевропейской семьи. Посему все понятия и термины индоевропеистов по истории языка оказались не отвечающими существу дела, и даже в тождественных лингвистических терминах, как-то «сродство», «палеонтология», «диахронизм», яфетическое языкознание в зависимости от иного их содержания не имеет и не может иметь ничего общего с индоевропеистикой.

Между тем подлинная диахроническая разработка языкового материала по ступеням стадиального развития установила полное, во всех смыслах коренное расхождение яфетического языкознания с индоевропеистикой в самой технике работы. Расхождение—в самом принципе восприятия или определения лингвистических протоплазм. Для яфетидолога лингвистический элемент — это значимое слово, т. е. мысль в звуковом воплощении, чем и было положено начало звуковой речи; для индоевропеиста лингвистический элемент — звук, так наз. фонема, осознание которого, как самостоятельной функциональной части первичных слов-элементов — явление очень позднее, когда у каждой уже стабилизованной группировки языков имея в наличии лишь определенный подбор таких звуков от двух-трех десятков до восьми-десяти, изолирующий одну систему языков от другой системы, для индоевропеистов — одну семью языков от другой, тогда как по яфетическому языкознанию всего-навсего четыре лингвистических элемента, первичных обязательно значимых слова или, точнее, используемых в определенной обстановке для сигнализации того или иного предмета, resp. группы предметов, самостоятельно отнюдь не имевших такого уточненного, конкретного смысла звуковых комплексов, которые как части языка не подлежат никакому дальнейшему анализу. И эти четыре лингвистических элемента общи у всех языков, они присущи каждому языку, какой бы он ни был формации, в какую бы систему он ныне или с исторически известных эпох ни входил, или к какой бы семье языков его ни относило старое учение об языке, учение индоевропеистов.

Четыре лингвистических элемента зародились не в процессе развития такой надстроечной категории, как язык, а в неразрывном двухстороннем еще недиф-

ференцированном труд-магическом процессе. Соответственно те же четыре элемента имели функцию значимости, как термины не выделявшейся еще от труда магии. Вообще, если говорить о праязыке, первичном состоянии звуковой речи, то это была речь узкого охвата определенной профессии, магическая речь, точнее, не речь, а подбор магических выражений трудового процесса, одновременно с частным изменчивым значением, зависимым от производства, и общим, сигнализирующим источник магии, неведомые силы природы, для нас естественно-производительные силы, для ветхого человечества, смотря по эпохам стадиального развития, идя вглубь — 'бог', 'тотем', конкретно в зависимости от хозяйства, вообще социально-экономической структуры: при космическом мировоззрении — 'небо', 'солнце' и т. п., при ином хозяйстве и социально-экономическом строе культово — в растительном мире — 'дуб', 'хлеб' и вообще 'деревья' и 'злаки', в животном мире — 'орел' или 'птица', 'птицы' всегда в особой увязке с 'небом', как 'рыба' с 'водой' или 'деревья' с 'землей', а затем частью в порядке извоза, частью в порядке питания, если не того и другого, то 'олень', 'собака', 'лошадь' и т. п., то 'овца', 'козел', 'корова', 'бык' и т. д. и т. д., но с этим мы уже выходим из круга не только труд-магической значимости, но вообще из магической цеховой речи, орудия общения человечества с тотемом, культово-производственной силой, и вступаем в положение, когда эта речь, пройдя или проходя через голое материально-техническое восприятие производства, преобразуется в бытовую; здесь-то и начинается уже процесс развития языка как орудия взаимного общения одного людского коллектива с другим людским коллективом.

Мы по всей суммарно характеризованной линии уже в разрыве не только с индоевропеистикой, девственно невинной в подобной материалистической постановке лингвистических вопросов и совершенно чуждой гносеологии языка, но и с теми материалистически мыслящими обществоведами, которые, интересуясь всерьез происхождением языка, в то же время заняты выяснением вопроса: «что раньше — мысль или язык»? Притом имеют в виду звуковой язык, между тем с положениями яфетического языкознания этот вопрос отпадает, во всяком случае в отношении звуковой речи. Звуковая речь возникает тогда, когда человечество имело за собой не только материальную, но и надстроечную культуру, так, между прочим, определенное мировоззрение за время исключительного господства кинетической речи, т. е. почти за весь палеолит.

Следовательно, когда четыре звуковых комплекса (A, B, C, D), возникшие в труд-магическом процессе, став лингвистическими элементами, легли в основу вновь складывавшегося звукового общественного языка, то среда была уже социально дифференцированная, и звуковая речь существовала классовая, являясь орудием классовой борьбы в руках господствующего слоя, как впоследствии письменность.

Ведь, письменность своими началами далеко не позднейшее явление сравнительно со звуковой речью. Письменность и настоящая-то, как она ныне понимается и применяется в быту, пережила, как язык, этапы развития от линейно-образного типа до буквенно-фонетического. Подробности изначального возникновения письменности, также явно труд-магического порядка, разъяснены в работе нашей «Про-

исхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории».[1] Письмо первично было также в руках группы мастеров-магов, пользовавшихся им, письмом, как орудием господства. И вот интересно теперь послушать, что пишет известный английский психолог-экспериментализт F. C. Bartlett под одним наблюдением над «первобытными» или «дикими» племенами, совершенно независимо от яфетической теории: «обучение письму», пишет он в работе «Психология и примитивная культура»,[2] «находилось в руках жрецов. Жрецы, повидимому, были в ближайшем контакте с политической и социальной жизнью различных подлежащих (involved) общин. Более того, жрецы обучали тайне писания только лиц высшего сана. Т. е. мы имеем, — продолжает Bartlett, — то же самое положение — тесно или замкнуто (closely) организованные группы в обладании важных секретов и в то же время в интимной увязке с остальным составом общины, что, как я настаивал, — заключает он же, — выявляет нам (gives us) типическое социальное состояние для выработки культуры».

Нужно ли разъяснять, что для нас здесь ценно лишь фактическое положение вещей, социальный, точнее классовый характер и такого надстроечного достижения, как письменность, а вовсе не скороспелое обобщение английского ученого, ищущего в описываемых им фактических данных типическую обстановку возникновения и первобытной культуры. Во-вторых, в его описании социальная обстановка абсолютно не первобытная, в нем жрецы выступают как особая от трудящихся группа, т. е. уже четкая классовая дифференциация, да и вообще нельзя по наличному положению дела у так наз. примитивных или диких народов хотя бы Африки, Америки и австралийско-тихоокеанского района всерьез говорить о той подлинно первобытной обстановке, в какой возникала культура, в частности и труд-магические, а не дифференцированно-магические первозачатки письменности. И в самом деле, о какой первобытной в смысле изначальности культуре, о каких диких племенах может быть речь, когда в их мире, как то известно и Bartlett'у в районе индийского племени Cherokee (the Cherokee reservation) в Северной Каролине в 1887 и 1888 годах были заполучены (obtained) «шестьсот священных формул», и они покрывают «каждый подлежащий момент (subject), относящийся к повседневной жизни и мысли индейца, включая медицину, любовь, охоту, рыболовство, войну, самозащиту, сокрушение врагов, волшебство, заразные болезни, начиная с краснухи (the crops), вечевое собрание (the council), игру в мяч и т. д. и фактически воплощают в себе по возможности полноту древней религии шерокиев».

Идя первично параллельно с письменностью, и в дальнейшем звуковая речь не в целом только пережила все стадии развития вообще одного с нею порядка, как все другие категории надстроечного мира, представляющие так наз. духовную культуру. Звуковая речь претерпела те же стадии развития материального и социального порядка, с тем отличием, что в звуковой речи этапы развития отложили наиболее четко говорящие свидетельства, палеонтологически вскры-

[1] Книга о книге. Научно-иссл. инст. книговедения, Ленинград, 1927, I, стр. 45—82.
[2] Psychology and primitive culture. Кембридж, 1923, стр. 234.

ваемые, и в значениях слов, и в их оформлениях, и в позднее возникших системах изолированных звуковых соответствий. Не остались без изменчивости не только в форме, но и в содержании четыре лингвистических элемента (A, B, C, D). Изменилось функциональное развитие этих элементов в течение длительных многотысячных веков жизни человеческого коллектива. Это значит, что четыре лингвистических элемента изменили коренным образом свои функции на различных стадиях развития, переходя из одной системы в другую как основная конструктивная часть звуковой речи. Это не так много и не так ярко говорит еще о том, что и как достигнуто яфетическим языкознанием в изучении звуковой речи в отличие от других надстроечных или материальных источников осведомления о прошлом человечества в его целом. Важно то, что лингвистические элементы двусторонни своей значимостью, идеологической и формальной. Если формальной стороной, именно своей полной созвучностью или ее лишь закономерно дифференцированными разновидностями элементы при тождестве или явном по логическому восприятию сродстве значений выявляют предел так наз. племенного, национального и вообще территориально стабилизовавшегося единого социального образования, как массива, то нечто иное нам освещают они же, эти лингвистические элементы, палеонтологически вскрываемой связью своих самых разнообразных значений, получившихся в порядке отложения в звуковой речи результатов диалектического развития исторического процесса самой жизни, всех ее сторон. Они, эти лингвистические элементы, не только сигнализуют ступени стадиального развития звуковой речи, бросая на них яркий свет, но содействуют анализу, социологическому разложению массивных, хотя бы и классово сложенных, и национальных, да и племенных образований по первичным производственно-общественным группировкам, вкладчицам определенных слоев звуковой речи. Эти слои — напластования на последовательных в смысле нарастания высказывательной мощи ступенях стадиального развития звукового языка.

Мы далеки от мысли говорить, что все в этом направлении сделано. Разработка стадиального развития звуковой речи началась сравнительно недавно. Только теперь наметилась потребность в выяснении норм по периодизации значимостей четырех лингвистических элементов. Дело, однако, в том, что окончательных достижений яфетического языкознания такое количество уже сейчас, что трактовка выдвинутых проблем представляет очередную исследовательскую задачу, материально и методологически обеспеченную для доведения ее решения до исчерпывающего конца.

Однако и тем, что уже проделало и окончательно установило яфетическое языкознание, у индоевропеистики выявляются непримиримые противоречия, полный разрыв не только с ним, яфетическим языкознанием, но и с самим прямым объектом исследования, т. е. со звуковой речью вообще и отдельными ее видами в частности. Между конкретными языками, как они в действительности существуют в целом, и индоевропеистикой — зияющая, непроходимая пропасть. Словом, устанавливается факт, что при всех ее заслугах в прошлом и достижениях, требующих и теперь серьезного внимания со стороны нового учения об языке, у самой индоевропеистики, как доктрины или теории, воздвигнутой

на учете исключительно надстроечного языкового материала, в настоящее время не только говорить нечего, делать нечего.

Ведь, расхождения яфетического языкознания с индоевропеистикой отнюдь не исчерпываются предложенным вашему вниманию перечнем.

Первоисточником яфетического языкознания служат прежде всего живые языки независимо от той роли, какую играли или играют эти языки в известной человечеству истории. При изучении письменных памятников языка, как древнейших и древних, так и новых и новейших, в полной мере учитывается, что данный памятник написан на языке определенной классовой общественности, а не представляет языка всего народа в его целом. Отсюда целый ряд давно выявленных последствий. Мы не говорим опять-таки о расхождении в понимании и таких терминов, как 'народ', как 'общество', поскольку ни 'народ', ни 'общество' сами по себе не представляют ничего не только целостно массового, но и чего-либо постоянного и неизменчивого, потому нам недостаточно и социологического изучения, если исследователь под societas, под обществом, понимает нечто постоянное по своему внутреннему содержанию, т. е. термин толкуется так, как воспринимается в буржуазных странах у буржуазных мыслителей. Если мы употребляем термин «социологический» в применении к методу яфетического языкознания, то в смысле не конкретного содержания данной общественности, а в противоположении общественных творческих факторов естественно-производительным силам, в языке — в противоположении генетического изучения языка в зависимости от социальных факторов психо-физиологической или биомеханической постановке того же дела.

Мы же говорим сейчас о таких последствиях классовости звуковой речи, выяснившейся в связи с продвижением в исследовательское поле зрения живых языков на первое место, как то, что появление какого-либо слова или выражения в письменном памятнике, во-первых, не заставляет нас озираться в вопросе о происхождении в поисках источников за рубежом. Достаточно бывает установить его иноклассовую природу той же страны, того же коллектива; во-вторых, данное слово или выражение отнюдь нельзя датировать временем его появления в письменных памятниках. Происходя из живой речи, оно имеет особые нормы для определения времени его возникновения, ибо установлено, что современные языки могут отображать гораздо более древнее состояние языка, чем древнейший из письменных языков: это зависит от класса носителей данного языка, их производственно-социальной природы.

Сказанного, пожалуй, достаточно и для ознакомления в общем с характером и путями достижений яфетического языкознания; их, однако, значительно больше, и мы остановимся на тех из них, которые опять-таки разлучают нас с индоевропеистикой в другом порядке.

Это достижения по смычке языкознания со смежными науками, историею материальной культуры и форм социальной структуры.

Увязка с историею материальной культуры, следовательно, с хозяйством, снабжает нас возможностями датировать время и особенно последовательность первичных слов этого порядка; так смена жолудей хлебными злаками, как пита-

тельного средства, находит адекватное отображение в звуковой речи, где соответственные термины представляют одно и то же слово лишь со сменой значений по указанной функции, сначала 'жолудя', да и 'дуба', впоследствии 'хлебного злака' и самого 'хлеба'. Такая же функциональная смена значения установлена в кругу других хозяйственных терминов, как в кругу названий домашних животных — название 'собаки', resp. 'оленя', переходит на 'лошадь' и т. п.

Увязка с историею форм социальной структуры имеет значительно большее значение для развития языка потому особенно, что этой увязкой определяется происхождение и характер морфологии языка и его строя.

Так, например, такая отвлеченная грамматическая категория, как родительный падеж, разъясняется как построение, воспроизводящее социальные взаимоотношения, казалось, семейного порядка, дитяти, resp. сына и родителей, ибо окончание этого падежа оказалось словом, означающим 'дитя'; однако 'дитя' вовсе не является постоянным конкретным значением данного слова, ибо слово существовало и прообраз той же грамматической категории существовал и тогда, когда не было еще не только семьи, но и рода, а лишь коллектив, объединяемый определенным производством, что мы вынуждены называть mutatis mutandis классом, впоследствии входящим в племенное и далее национальное образование, на которое и переносится название наименованной классом первичной производственно-социальной группировки. Следовательно, слово, означающее 'дитя' тогда имело иной смысл, именно смысл одного из членов всего коллектива, т.-е. человека. И в то же время название части 'дитя' или 'человек' и целого, т.-е. производственно-социальной группировки, класса, впоследствии сословия, племени, наций, обозначались одним названием, каким? Труд-магическим, т.-е. тем названием, которое, представляя первично прообраз тотема, у наличных отсталых племен, слывущих за первобытные, стабилизовалось с различным сбивающим этнологов с толку конкретным содержанием, а впоследствии, отделившись от трудового процесса первобытной социальной группировки и став культовым предметом, перевоплощено в божество, различное по различию хозяйственно-производственных предпосылок и по различию мировоззрения. Одним из наиболее ранних видов такого тотема или культового предмета именно со времен еще до наступления господства звуковой речи — 'небо', 'солнце' и 'светила'. Потому-то так наз. племенные названия теперь все истолковываются на определенной ступени стадиального развития как 'дети неба' или 'солнца'. Потому же в так наз. поэтических образах народного эпоса 'солнце' и 'дитя' синонимы.

Так же увязано своим образованием с конкретным уже производственно-социальным процессом и соответственным мировоззрением такая также отвлеченная грамматическая категория, как основной объективный падеж, впоследствии распавшийся на два, один так наз. прямой падеж (винит.), другой так наз. косвенный (дат.). Здесь построение отвлеченной грамматической категории является, казалось бы, оформлением слова по технике, именно по 'руке', первичному орудию воздействия или объектирования, ибо окончание этого падежа разъясняется как 'рука', грамматическая же функция, т.-е. значимость, изменчива. И поскольку для нас объективный падеж это — или винительный (прямой объект), или дательный

(косвенный объект), постольку в некоторых из языков полистадиальной системы, т.-е. яфетической, так в грузинском, этот объективный падеж (sa → sal) является недифференцированно и винительным и дательным.

Однако такое восприятие названного падежа при всей его архаичности, не отличающей винительного от дательного, — позднейшее явление, поскольку, во-первых, наш винительный падеж, прямого объекта, в самом грузинском языке выражается именительным падежом или падежом без всякого оформления, а дательный падеж, вообще косвенный падеж, в нем раньше служил как субъективный (груз. an).

Но главное то, что оба разобранных падежа представляют образование ед. числа, лишь впоследствии перенесенное на мн. число; между тем палеонтологиею речи вскрыто, что ед. число — позднейшее явление, и более архаический в этом смысле язык Грузии др.-лит., феодальный, во-первых, не различает во мн. ч. косвенных падежей, родительного и дательного; во-вторых, окончание единого по форме косвенного падежа по происхождению не является вовсе ни отвлеченной грамматической категориею, ни по технике сложенным построением, а оформлением, определяющим социальную категорию, активные существа.

Таким образом мы и в трактовке этих частностей морфологии, а не только самостоятельного словарного материала, вовлекаемся в необходимость выявить исключительно поддерживаемую конкретными фактическими данными звуковой речи увязку языка и с мировоззрением, т.-е. надстроечной или так наз. духовной культурой. Более того, эта увязка далее углубляется и уточняется во взаимоотношениях времени и места, причинности, т.-е. генетически, тем знанием, которое добыто опять-таки палеонтологиею речи яфетического языкознания.

Факт, что не только 'дитя' раньше означало не члена лишь семьи или рода, а всего определенного более широкого социально-производственного в целом коллектива, но то же слово первично вовсе не означало 'дитя' как людское порождение, ибо термин, который служил единым наименованием и 'дитяти' и 'коллектива', части и целого, был прежде всего труд-магическим словом, одинаково применявшимся не в одном социальном, но также в неразрывно увязанном с ним хозяйственном мире, в его материальной базе и его надстроечной верхушке, теперь в наследие от старого мира воспринимаемых нами как разорванные части, как два отдельных мира, материальный и духовный. Здесь тем же труд-магическим словом именовались на основании того же восприятия, как части и целого, с одной стороны в производстве и технике основные орудия производства не в одном первобытном обществе, это — 'рука' и 'человек', ее владелец, с другой стороны — в надстроечном, так наз. духовном мире, мировоззрении, тем же словом именовались основные повсеместного значения источники материальной жизни 'солнце' и 'небо'.

Мы не можем сейчас входить в дальнейшее детальное рассмотрение (возможности фактические отнюдь не исчерпаны даже в пределах уже разъясненного яфетическим языкознанием) — мы не можем сейчас входить в дальнейшее детальное рассмотрение истории стадиального развития элементов-слов, использованных в разобранных падежах, ни в историю идеологического их развития,

когда 'небо' является дифференцированным в трех плоскостях его восприятия (рядом с верхним небом — небо нижнее и преисподнее), когда соответственно теми же элементами-словами уже в вполне сложившейся звуковой речи обозначается не только каждое из названных космических тел 'небо', 'земля', 'море', но и элементы уже не лингвистические, а материальные, стихийные 'огонь', 'земля' и 'вода', когда у каждого из этих основных предметов-образов образуются дериваты с тем же названием по диссоциации из диффузных представлений о них или по форме 'шар', 'круг' и т. д., и т. д., когда используется 'небо', его 'свод' и т. п., или по положению — 'верх', 'низ', 'под', оказавшиеся словами, означавшими 'небо', 'земля', 'преисподняя' или 'море', также из тех же космических терминов вышли прилагательные — 'высокий', 'низкий' и т. д. или по качествам и свойствам материала, как-то: 'синий', а равно 'голубой' от 'неба', 'сухой' от 'земли', равно 'крепкий', 'мокрый' и 'прозрачный' одинаково от 'воды' и т. д., и т. д., и в то же время абсолютно не случайно термины анатомические вскрываются как тождественные с космическими формально в соотношении параллельных словотворчеств, микрокосмического и макрокосмического или просто космического.

Одновременно не можем не указать того, что в предложенной нами трактовке, где впервые яфетидологиею освещены палеонтологически семантические стороны лингвистических элементов в таком узком отрезке морфологического участка звуковой речи, по отвлеченной схоластической грамматике, как образование род. и дат. падежей, не учтена одна существенная деталь в отложениях социальной структуры в строе звуковой речи, именно то, что не только 'женщина', 'мать', но и 'рука', а также 'вода', собственно космическая материя, стихия — одинаково женского рода, опять-таки не случайно и не по присущему их природе признаку, поскольку мы это наблюдаем в известном первичном трехзначимом пучке 'рука', 'женщина', 'вода', точнее 'рука', 'мать', 'вода'. В триединстве значения или, вернее, в трех значимостях одного слова, проистекающих от перехода одного и того же слова по тожеству функции с одного из трех означавшихся им предметов на другой, таковое его появление в женском роде зависит от социальной структуры в эпоху их оформления.

Это единство грамматического рода постепенно утрачивается в зависимости от смены техники социального строя и мировоззрения, так, напр., с 'водой', стихией, увязанный, как с производным, ее семантический архетип, космический предмет, успел из женского рода переформироваться в грамматический род средний: русск. «небо», лат. coelum, даже мужской: греч. uran-ós, фр. le ciel и т. д.

Появление 'неба' в другом роде, чем 'вода', вскрывается, как позднейшее явление, связанное с дифференцированным социальным восприятием трех небес, верхнего, нижнего и преисподнего, носивших раньше одно название, и обличается пережиточным фактом, именно тем, что одно из трех небес, именно нижнее, сохранилось в определенных группах языков с грамматическим оформлением женского рода: это русск. «земля», греч. gé, лат. terra и др. Из двух же родов, изменивших оформлению матриархальных эпох, средний относится к эпохе, когда

на этапе стадиального мировоззрения с отрывом верхнего неба (нашего неба) от других, родовые термины воспринимались космически как целое, производитель, и часть, производное, и в связи с этим налицо 'дитя' среднего рода, как того же рода его синоним 'солнце', равно целый коллектив 'небо'. Мужской род связан с этапом социального развития патриархального, когда верхнее небо, наше небо, и его части 'солнце', равно его дериват 'огонь' одинаково мужского рода, как у греков uran-ὸs 'небо', у римлян sol 'солнце' да его дериват 'огонь', что почти повсюду мужского рода, собственно не пола-рода, а класса-рода, верхнего, небесного надстроечного класса.

При всем том историческая ценность трехзначного семантического пучка — 'рука', 'мать (женщина)', 'вода', собственно 'небо', сохраняется полностью, поскольку в нем имеем объединение или полноту первичных разновидностей звуковой сигнализации, осознаваемых в процессе человеческого творчества предметов, ее трех разрезов, технического 'рука', социального 'мать', 'женщина' и надстроечного 'небо', 'небо преисподнее', стихия 'вода'.

Но какова хронологическая последовательность каждой из трех перечисленных категорий? Это решается безоговорочно положением об истории нарастания новых значимостей, установленным опять-таки палеонтологически. Положение гласит: в процессе развития и установления первичного мировоззрения последовательность осознания предметов и появления соответственных терминов обратно пропорциональна их хронологическим взаимоотношениям в действительности, т.-е. сначала 'небо' (откуда впоследствии, как стихия 'вода', при преисподнем 'небе', 'земля' при 'нижнем небе' и 'огонь' при 'верхнем небе'), термин космического мировоззрения, затем 'мать', социальный термин, и, наконец, 'рука', производственный термин.

Пользуясь этим положением, мы теперь можем датировать образование косвенных падежей в зависимости от использования лингвистических элементов в том или ином значении.

Ни в род., ни в дат. или вин. используемый в них лингвистический элемент не мог стать формативом при космическом значении 'неба' или 'солнышка', как стихии 'огня', 'света', 'земли' или 'воды'. В построении дат. падежа, как активного, логического субъекта, использование лингвистического элемента в качестве формата может быть объяснено лишь при социальном его значении, т.-е. когда это активное существо... При построении же падежного образования 'с рукой' мы имеем дело с двояким восприятием или социальным, когда 'рука', часть владельца, есть символ владения, или техническим уже позднейшим явлением, так особенно в дательном или винительном в смысле объекта, связанном с нарождением глагола, т.-е. части речи также позднейшей формации.

Думаю, ясно, что перспектива увязки даже отвлеченных грамматических категорий с общественностью и производством лежит в основе конструкции и реконструкции звуковой речи с ясностью ощупываемой реальности.

А как обстоит дело по этой части в индоевропеистике? Да никак. Впрочем, нет. Проф. Meillet, имеющий славу новатора с социологическим подходом к изучению языка, пока говорит лишь о том, что оказывается «необходимо привести

в соприкосновение всех ученых, занимающихся изучением человека и его цивилизации с разных точек зрения [далее тоже оказывается, что]: нельзя понять язык, если нет представления об условиях, в которых живет народность, его употребляющая; и тем более нельзя понять правильно религию, социальные нравы и привычки, не зная языка людей, носителей этой религии и этих привычек», с другой стороны оказывается «лингвистика пришла в контакт [только в контакт!] со всеми сходными дисциплинами, в каких только может надеяться найти нужные ей объяснения». Ведь, все это, говоря очень сдержанно, голая фразеология без единого соответственно проработанного в ее подтверждение лингвистического факта. Впрочем, Meillet вовсе и не предполагает наличия какой-либо фактической проработки: лингвистика на Западе, господствующая индоевропейская лингвистика, лишь пришла в соприкосновение с указанными проблемами, на деле же в результате наличных в индоевропеистике достижений нового имеем только то, как осведомляет сам проф. Meillet, что «никогда ранее не делали подобных усилий, чтобы связать с законами», с «общими законами все изменения в языках и никогда не стремились так сблизить все отдельные факты, чтобы проникнуть в душу людей, виновников этих изменений».

Где тут хоть малейший след социологических исканий? Язык, надстроечная категория, трактуется с такой изоляциею, с самодовлеющим бытием и ему присущими законами, что трудно представить себе что-либо более антисоциологическое.

Между тем яфетидология не только в области лингвистических фактов успела внести закономерность, вытекающую из увязки звуковой речи с социально-экономическими условиями жизни не как исторической обстановкой, а как языкотворческими факторами, восходящими как к первоисточнику к человеческому коллективу, к его коллективной 'руке', к его коллективной 'матери', и к им же созданному коллективному — 'небу', и ни к чему другому ни вне нас, ни внутри нас. Таким образом и создалось новое учение об языке, материалистическое, так наз. яфетическое языкознание. Яфетидология имеет притязание на бо́льшее, именно на то, что ею отработан метод, притязание на выделение из себя теории, сигнализующей, если не вскрывающей окончательно этапы развития в истории материальной и надстроечной культуры.

И вот здесь явная встреча с марксизмом. Вопрос о марксизме и яфетической теории сейчас одна из наиболее модных, далеко не изжитых тем. Вопрос в общем решается положительно такими авторитетами марксизма, что нет места для сомнения не только в близости и родстве, но и в том, что, как марксизм, яфетическая теория, мало сказать, есть материалистическое учение; как марксизм, яфетическая теория зиждется на историческом материализме. Для нас сейчас это уже не откровение или неожиданность. Однако мы не берем на себя пока ответственности марксистски безукоризненно прорабатывать языковедные положения. Мы охотно признаем, что по части марксистской проработки в яфетическом языкознании есть что подправить и исправить. Но у нас есть по вопросу об яфетическом языкознании в отношении к марксизму два замечания:

1. Яфетическое языкознание выросло и строилось, доселе строилось, не на предварительно усвоенных и осознанных марксистских положениях, а на изучении языка изменчивым методом с ростом охвата материалов и углубления в них, и независимо вырабатывавшимся из именно фактических данных, — методом, сначала формальным, сравнительным, впоследствии по увязке лингвистики с историею материальной культуры и форм социальной структуры — комплексным и идеологическим, постепенно становившимся материалистическим. Материалистическое же становление происходило по мере углубления с достигнутых языковедных позиций анализа опять-таки языковедных не только новых, но и раньше известных фактов, и посему при явно, тем не менее, марксистском ныне характере самого метода, нет, думаю, надобности ни смущаться перед расхождением яфетической теории с марксизмом в некоторых положениях или в кое-каких терминах, ни торопиться исправлять яфетические формулировки и выражения без проверки их на фактах, лежащих в их обосновании.

2. Сейчас марксизм яфетического языкознания вне спора, более того яфетидология, или яфетическая теория, лишь исторически и по специально изучавшемуся материалу, не по существу, представляет какой-то параллелизм к марксизму или его разновидность. Яфетическая теория на достигнутом ею этапе своего развития целиком сливается с марксизмом, она входит в него как неразрывная часть, а в некоторых областях как необходимое подспорье при конкретизации его общих положений, тождественных с яфетидологическими, на материале не одном языковом, и несет с собою не только теоретические последствия для академической науки, но идентичные с марксизмом политические организационные выводы для общественной работы, но с одной, на мой взгляд бесспорной, разницей, именно: тогда как марксизм разработан от материального мира, как отправной точки исследования, и он лишь на дальнейшем пути своего развития вклинился с готовым заостренным исследовательским орудием в академически формально изучавшийся надстроечный мир, особенно в такую исключительного охвата область надстроечного мира, как звуковая речь, беспримерно увязанную с генетическими сторонами всех других его областей, яфетическая теория, наоборот, зародилась именно в материалах звуковой речи и разработала свой метод, исходя от этой категории надстроечного мира, чем объясняется, с одной стороны, на начальных этапах долгий путь скитания в дебрях формального метода, пока учение, выведенное из его заколдованного мира нараставшим в пути комплексным методом, не вышло на торную марксистскую материалистическую дорогу, с другой стороны — наличие в активе яфетической теории палеонтологии речи, открывающей не только перспективы в глубь начальных времен до грани расхождения homo sapiens с животными, но и дальнейшие этапы развития человечества за так наз. доисторические эпохи; эти на деле исторические этапы конкретно выявляются, как пока ни в одной обществоведной науке, на фактических материалах звуковой речи с помощью на них сооружаемой палеонтологии, этого специального учения — также материалистического порядка, устанавливаемого с перспективой в глубь времен, диахронически.

И вот все это, не говоря о массе иных не фактических лишь, а теоретических достижений, словом, целую систему, может ли кто-либо в здравом уме, кроме индивидуалистов, с формальным методом признать вкладом единоличного творчества, моим произведением? Для этого нам пришлось бы вернуться к ветхозаветному и новозаветному учениям с их мессианством или войти снова решительно и открыто в школу идеалистических учений.

Достаточно бросить беглый взгляд в моей биографии, на что? На хронологически увязанные факты? Бесполезно. Это, не спорю, будет, пожалуй, занимательная история, непрерывная цепь изумительнейших анекдотов, в целом сплошной анекдот.

Разве не сказочно невероятный анекдот, что в эпоху толстовской классической школы за решение остаться лишний год в гимназии для полного овладения греческим языком лучший по успехам ученик, ваш покорный слуга, был педагогическим советом с активом из классиков исключен из гимназии, признанный сумасшедшим, вопреки мнению приглашенного на консультацию известного в свое время тифлисского психиатра?

Мы удовольствуемся, насколько это в моих силах, объективно отнестись с комплексным учетом, к творческим моментам школы и общественности, имевшим, решающее значение на направление работ и на их яркие по взаимному расхождению моменты. 1. Детство. Семья, возглавляемая родителями, с трудом объясняющимися по-грузински, матерью — грузинкой с одной родной речью, отцом — шотландцем, знающим английский и французский, мальчик говорит лишь грузинским говором, языком челяди княжеского двора, где отец волею судеб — ученый садовник, а мальчик зачарован волшебными сказками служанок из девушек, крестьянских девушек. По части учебы хоть шаром покати, если исключить неудачную попытку отца учить сына французской речи в грузинской транскрипции матери. Его знания сводятся, кроме одной непонятной ему и по-грузински молитвы «Отче наш», к народным верованиям: верит в леших, в ангелов, в ведьм, живет с мировоззрениями и играми слуг из крестьян, пленников из закордонных турок и их детворы, от которых слышит живую турецкую речь.

2. Отрочество. Средняя школа. К исходу гимназии перелом в религиозном верования, сбрасывание икон в классах и топтание их ногами. Успевающий в древних языках, греческом и латинском, самоучкой овладевший в дополнение французским, немецким, английским и итальянским в степени свободного их понимания; увлечение чтением европейских классиков до Спенсера. Целевая установка стать натуралистом-доктором с предварительным поступлением на физмат. Встреча чтения, без разбора и руководства, классиков и исторических трудов в оригиналах по Западу, Востоку, Момзена, Дункера с национальной волной грузинского окружения. Издает грузинский журнал, занят топонимикой, пишет грузинские переводы с немецкого (Гейне) и оригинальные стихотворения, в числе их рядом с романтическими — национально-освободительные, не стесняясь печатать стихотворение с призывом обратиться к оружию вместо бесконечного чирикания о свободе (по поводу убийства Александра II). Забросив школьные занятия при непоколебимом его кредите, как лучшего ученика, дает стихийный выход накопившейся энергии в нарушениях всякой дисциплины и в самых диких

выходках, неукоснительно прощаемых. Решение стать натуралистом-доктором сменяется новой целевой установкой, вопреки протестам всех наставников и друзей, — стать грузиноведом. Уже носится с идеею, что грузинский родственен с турецким и у английского с тем же грузинским есть общие слова.

3. Студенчество в Петербургском университете. Столичный университет, далекий от московской общественности, но носящий в великодержавном строительстве этой высшей школы элементы непримиримых противоречий, как соседящая с нею Академия, занимавшаяся изучением инородческих языков, и этнографии уничтожаемых народностей не без существенной помощи политических ссыльных. В университет, в линии той же великодержавной идеологии, вносится, с изучением политически важнейших зарубежных восточных языков, и самостоятельная постановка кавказских языков — лишенного политической свободы грузинского народа и освобождаемого, мол, от исламского гнета другого христианского народа, армянского, одинаково подготовленных исторически к увязке интересов их господствующих классов, феодалов, светских и духовных, в Армении и буржуазии, с великодержавными планами России со ставкой на религиозные противоречия.

Происшедшая в более широком масштабе пересадка из Казани целого факультета восточных языков, единственного в стране, в Петербург в централистических интересах, с полным пренебрежением к местным краевым национальным культурным потребностям, носит, однако, в себе невольную идеологическую закваску ориентации на Восток. Свежая стихийно-идеалистическая струя, внесенная в Петербургский университет, служит закваской для нарождения восточного гуманизма в противопоставлении европейскому. Как известно, в Европе гуманизм, преодолев господствующую раньше в ней схоластику, успел сам изжить себя и обратился в схоластику. Востоковедение, действительно, послужило освежению и оживлению гуманизма, к его универсализации, но эта универсальность, международность лишь феодально-буржуазных слоев и их мировоззрения, весьма мало интересующегося объективной ценностью науки. В эпоху блестящего расцвета этого феодально-буржуазного востоковедения в Петербургском университете не две самостоятельные кафедры, одна грузинского языка и другая армянского, как было раньше, а их прозябавший пережиток, одна армяно-грузинская кафедра была намечена к упразднению. И кто был инициатором этой наметившейся меры? Известный синолог, профессор и академик Васильев, сославшийся на отсутствие слушателей. С политическим значением Грузии, феодальной Грузии, в это время было покончено. Мавр сделал свое дело. Мавр мог уйти. В то же время в более глубоко проработанной части востоковедных наук горело еще творческое устремление увязать изучение всех, не только восточных языков, общим методом. Ярким представителем этого течения, взявшего под защиту и так наз. некультурный грузинский язык, был известный арабист В. Р. Розен, профессор и академик, славный организатор русского востоковедения, конечно, феодально-буржуазного востоковедения, т.-е. востоковедного гуманизма. Им же возбуждалась мысль объединения двух факультетов, факультета восточных языков и историко-филологического факультета, значит,

европейского гуманизма с восточным, прекрасная мысль, получившая свое осуществление лишь в годы Октябрьской революции, но пока лишь формально, за отсутствием для подлинной ее реализации нового метода, увязанного с современной общественностью и ее актуальным диалектическим исследовательским мышлением. С расцветом востоковедения в Петербургском тогда университете не случайно совпала исключительно творческая по методологии деятельность известного историка литературы и теоретика, с яркими социологическими моментами в изысканиях, проф. и акад. А. Н. Веселовского, чутко учитывавшего вклады в предмет его исследования всех народов и племен.

Вот в какой научно-исследовательской атмосфере закладывались основы яфетидологии, выковывался метод. И, естественно, данью будущего яфетидолога этим двум течениям были два предприятия: одно — издававшаяся тем же университетом серия «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», это в линии восточного гуманизма, другое — средневековое собрание басен и занимательных рассказов (на армянском языке), так наз. сборник притч Вардана, в линии исследовательских интересов А. Н. Веселовского.

4. Не то студент, не то аспирант без аспирантского стажа, начав литературно-лингвистической работой над средневековыми сборниками басен и занимательных рассказов, по обстоятельствам вынужден был овладеть живой армянской речью без руководителя, углубляя ее знание практикой среди рабочих, руководство которыми на него возлагается неожиданным для него поручением вести ответственные раскопки в Армении. Его дело, раньше чем его сознание или научная подготовка, стихийно увязывает язык с историею материальной культуры, и будущий яфетидолог перестает быть грузинским националистом, но не сдает националистической базы, а по мере общения с различными национальными массами Кавказа и изучения их языков постепенно переходит на интернационализм в восприятии кавказской общественности и становится антинационалистом, что особенно болезненно ощущается и резко осуждается учениками, друзьями и недругами из грузин-националистов. Отселе мишень всех националистических нападок, особенно острых со стороны грузинских националистов, вождь которых, известный писатель кн. Чавчавадзе, при общем молчаливом сочувствии приговоздил его публично к позорному столбу, как ученого, продавшегося врагам Грузии.

5. Уже известный к 1905 году специалист по кавказоведению, историк материальной культуры, раскопщик, пользующийся в анализе архитектурных памятников положениями яфетического языковедения. В опыте доселе не изданной истории города Ани по вещественным материалам из раскопок и памятникам, равно по языку он увязывает, о, ужас, армян и грузин по сословиям и вскрывает без какого бы то ни было осознанного метода в нарушение армянского националистического построения, в армянской части, в их средневековом столичном городе особенно, экономические противоречия, и в результате их борьбы, а не вторжения турок разъясняет падение этого города — Ани, лежащего ныне в развалинах. Он остается верен интернациональному восприятию истории Кавказа, но националистическая почва совершенно уходит из-под его ног. Стоя в стороне от активного участия в политическом движении Кавказа, в разгаре

демонстрации социал-демократов и дискуссий многочисленных меньшевиков с редкими большевиками в Грузии, идеологически выявляет себя печатно сторонником большевистского мировоззрения. В научной работе дело идет тогда у него к публикации труда о родстве грузинского и семитических языков с основными таблицами, однако по методу в лингвистике он все-таки топчется на месте, оставаясь формалистом.

6. С нарастанием исследуемого материала из живых языков Кавказа и разысканий за кругом армянского и грузинского национальных построений истории начинается измена формальному учению еще с империалистической войны, с момента же переброса исследовательских интересов в Тоскану, в Италии, с ее мертвым языком, этрусским, и особенно в среду живого баскского языка, что на пиренейской полосе между Испанией и Францией, закладываются сначала стихийно-ощупью, затем осознанно социологические основы новой лингвистики, яфетического языкознания, вырастающего в учение о звуковой речи в мировом масштабе. Это, однако, уже по наступлении октябрьской общественности с ее действенной марксистской методологией, рост и развитие при которой яфетического языкознания и яфетической теории протекает на глазах у всех, когда учение складывается в целую социологическую систему или теорию. Можно ли при здравом уме считать ее личным моим произведением? Но более того, можно ли ее происхождение объяснить следующим утверждением, формально хотя и марксистским, данным мною в начале настоящей речи: «яфетическая теория есть учение, вышедшее из лона ленинградской университетской среды в процессе диалектического развития, как антитеза отвлеченной, абсолютно не увязанной и неспособной увязаться с жизнью индоевропейской лингвистики»? Конечно, определение страдает в основе неучетом коренных факторов в созидании яфетической теории. Прежде всего антитеза, в лингвистике лишь отраженная, эта антитеза социальных слоев с их противоречиями, сначала великодержавной нации с угнетаемыми, впоследствии великодержавных классов с пролетарским. Яфетическая теория, следовательно, представляет увязку национально-пролетарской антитезы феодально-буржуазной великодержавной тезы. И родина этого нового учения не университет и не Академия, а жизненные социально-экономические условия вне каких-либо стен с их массовостью потребителя и классовостью борьбы. Вскрытое лингвистически, непримиримое противоречие старого, индоевропейского, и нового, яфетического, языкознаний есть лишь отображение материально-жизненной антитезы современных социально-экономических противоречий, сигнализует в настоящем, как языкотворчество в прошлом, классовую борьбу, вскрытую марксизмом, частью которого становится новое учение об языке, и является детищем современности и не может не призывать к неослабному научному творчеству, созиданию новых научных ценностей и новой бесклассовой общечеловеческой культуры, и основному пока ее общественному рычагу, неослабной классовой борьбе, руководимой пролетариатом, в самом нашем производстве. Ни малодушного отступления, ни соглашательского примирения. Вперед, молодые товарищи, наша смена! Да процветет с неувядаемым блеском вместе со всеми трудящимися Союза и всего мира Ленинградский университет!

Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык[1]

Товарищи, сердечный привет хозяйственно-культурно возрождающейся нации, естественно нуждающейся и в правильной постановке изучения родного языка, чтобы подлинная удмуртская трудящаяся масса могла приобщиться к просвещению и знаниям в современном их состоянии, массово совершить культурную революцию и быть в силах сознательно принимать активное участие не медля, с темпами, в новом капитальном хозяйственном строительстве — социалистическом.

Однако легко призвать специалиста-языковеда и даже готового услужить в деле увязки познавания вашей родной речи с социалистическим хозяйственным строительством, но разве при павшем режиме существовало учение об языке, которое считалось бы с каким-либо национальным языком, кроме русского (и то как великодержавного, помещичье-буржуазного, а не массового), как с основным предметом своих научных исканий, как с опорою (одной из равноценных с господствующей речью государства опор) для теоретических построений? Такого общего учения об языке так же не было в бывшей России, как нет его и ныне за пределами нашего Союза в буржуазных странах, где безоговорочно царит старая наука не об языке, не вообще об языках, а о господствующих ныне или господствовавших в древности великодержавных древнеписьменных мертвых языках, в особой степени — европейских. Это все и у вас всем известно, товарищи. На этих общих положениях нам нечего останавливаться, а конкретных звеньев этого в корне разоблаченного положения, звеньев, касающихся вопроса об отношении к национальным языкам, бесписьменным или младописьменныма в частности и удмуртскому, мы на своем месте коснемся. Но сейчас нам хочется предупредить возможное недоразумение в связи с темой нашего доклада «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык».

Товарищи, поскольку среди вас, собравшихся здесь послушать меня, имеются, в том не сомневаюсь, общественники в современном нам смысле, то, во-первых, наша тема могла поразить своей претензиею, тем именно, что в ней говорится об языковой политике какой-то теории, тогда как хорошо известно, что языковая политика это общественный вопрос, неразрывно связанный с национальным вопросом, а национальный вопрос в СССР — козырный вопрос нашего строя, уже разрешенный не только идеологически так, как нигде в мире: разрешен он как полное самоопределение каждой нации, независимо от ее культурных достижений при павшем режиме. И если правильная линия нашей советской конституции по национальному вопросу, а с ним и языковому, подверглась на практике искривлению как со стороны местного национализма, так и со стороны великодержавного шовинизма, в первую голову русского, но не одного русского языка,

[1] [Первая часть (стр. 1—27) доклада, прочитанного в связи с удмуртской экспедицией Института народов Советского Востока в Глазове на публичном заседании краеведческого кружка летом 1930 г. Доклад напечатан отдельной книгой в серии «Ученых Записок Научно-Исследовательского Института народов Советского Востока при ЦИК СССР», вып. 1, Центр. издат., Москва, 1931.]

то на только что закончившемся съезде руководящей при диктатуре пролетариата партии, XVI Всесоюзном съезде коммунистической партии, т. Сталин безукоризненно формулировал языковую политику в нашей стране, более того — в мировом масштабе. Простой научный работник, я беру на себя смелость аттестовать формулировку ответственнейшего работника политической партийной организации, конечно, лишь с точки зрения своей научной языковедной специальности, и утверждаю, что формулировка т. Сталина с изумительной яркостью и глубиной дает, как политически руководящую мысль, то положение, которое яфетической теорией достигнуто по установке абсолютно не существовавшего раньше общего учения об языке в мировом масштабе, — достигнуто ценой упорных теоретических исканий за многие десятки лет часто, казалось, беспросветной работы среди блуждающих огней, в борьбе с объективными и субъективными препятствиями, пока мы подошли к намеченной цели. Для примера приведу часть из речи т. Сталина об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык с хорошо известным яфетидологическим положением нового лингвистического учения об едином языке, имеющем выработаться до единства лишь в будущем в процессе развития материальной культуры во всем мире в результате образования единого мирового хозяйства. Указанная часть из речи т. Сталина гласит: «... вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос внутригосударственный, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос международный, вопрос победы социализма в международном масштабе. Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе».[1]

Чем же совпадение объяснить? Конечно, не заимствованием. Этому препятствовали бы или даты, или конкретные доводы. Единство формулировок по существу с одной стороны — политика-революционера, с другой — специалиста-языковеда находит свое объяснение в том факте, что т. Сталин пришел к своему общественно-организационному выводу, как яфетидолог-лингвист к своему теоретическому положению, конкретно также научно-организационному выводу, выводу, имеющему организовать языковые материалы всего мира, одним и тем же марксистским методом.

Однако формулировка т. Сталина уже включена в деловой редакции в резолюцию съезда как директивное положение. При чем же тут языковедная политика какой-то отвлеченной теории? При том, товарищи, что эта какая-то теория, яфетическая, в специальном научном построении об языке является все-таки политическим учением так же независимо от намерения ее первого строителя, как без его же умысла метод самой яфетической теории оказался в основных решающих линиях марксистским.

Новое учение по яфетической теории получено в результате изучения живых языков вне всяких расовых миражей, вне учета феодально-буржуазных классовых и национальных перегородок и злостных предрассудков, вне зависимости

[1] И. Сталин и Л. Каганович, Отчет Центрального Комитета XVI Съезду ВКП(б). Госиздат, 1930, стр. 32.

от великодержавия какого бы то ни было языка и вне классово-общественного пристрастия к мертвым классовым языкам. Яфетическая теория нормирует свое учение об языке, взрывая замкнутость исследований в материальных пределах отдельного привилегированного языка или каких бы то ни было групп языков. Перенося научный интерес с формальных сторон звуковой речи на ее общественную функцию, общественно созидаемое ее осмысление и соответственно от осмысления зависящее оформление, она успела перевести самую исследовательскую работу с формального метода на идеологический. Яфетическая теория выходит в опорных пунктах своих построений за пределы языковых явлений, именно в таких пунктах опоры, как материальная база, т. е. производство и производственные отношения. Орудует таким образом аргументами из своей и соседящих специальностей, взаимно проверяя факты археологические и еще в большей мере живые этнографические,из круга как материальной, так речевой и мировоззренческой культуры, фольклора, пережиточных и актуальных в быту верований различных стадий, самой техники мышления, т. е. всего того, что можно наблюсти наиболее совершенным образом лишь непосредственно в живой среде. Яфетическая теория строит свой синтез по языку вообще и свои специальные разъяснения каждого языка, исходя из наблюдений над речевыми явлениями непосредственно в их актуальном использовании, именно в живой среде. В этой среде живых людей массовой работы, говорящих о живом деле производства и его текучих интересах, где все — не статично, а динамично, массово динамично, в ней с легкостью древесной коры, особенно лубка, совлекается и получает свое надлежащее место техническая, именно звуковая маска, тем более письменное оформление, в каком только и доступны все древнеписьменные мертвые языки, более всего изучавшиеся доселе. Яфетическая теория разоблачает неактуальность не только совершенно схоластического буквоедства, но и звукоедства: она приучает и в звуках ценить в первую очередь не формальное выявление их, а идеологическую значимость, которой подчинена звуковая система, сторона техническая. Она обостряет нашу исследовательскую чуткость к учету на одних правах всех наречий, всех говоров, без оказывания тени великодержавного предпочтения одному из них. Само собою понятно, новое учение об языке в своей исследовательской работе не противопоставляет массовой речи раскрепощенных наций массовому языку великодержавных наций, в первую очередь русскому (также национальному языку), оно лишь сменяет систему его изучения, тем самым подрывая мнимо-научные идеологические основания самодержавности русской речи. Новое учение об языке и не может противопоставить массовую русскую речь языкам окружающих или сожительствующих с ним наций, не может их разобщать, так как оно вскрыло генетическую связь между языками других национальностей и русской речью, и вскрыло в такой мере, что нельзя ни одного ни принципиального, ни технического вопроса по русскому языку разрешить в свете подлинной истории без учета того вклада, который языками именно культурно-отсталых ныне наций внесен в русскую речь, в самый процесс ее сложения. Это значит, что самую русскую речь надо раскрепостить от великодержавных пут идеалистического учения, покоящегося

на одном ките, формальном методе, надо вывести русскую речь из той замкнутости, в какую она попала в отношении к окружающим языкам других систем, переносом и здесь опоры исследовательской работы с письменных норм на нормы массовой живой речи и ее живых говоров.

Естественно, если дальнейшее развитие нового учения об языке по яфетической теории в исключительной степени связано в первую голову с изучением живых младописьменных или вовсе бесписьменных языков, языков масс, и с судьбой, т. е. житьем-бытьем говорящих массово на этих языках у нас, в Союзе, национальностей и нацменьшинств, у них, за пределами Союза, — в буржуазных государствах, — доселе бесправных по культурному самоопределению «инородцев» внутри самой страны, туземцев-indigènes'ов в заморских колониальных странах. И столь же естественно, оно, это новое учение о звуковой речи, имеет свою по внутренней его конституции присущую ему языковую политику, точка в точку совпадающую с языковой политикой нашей современной советской общественности,как мы видели в силу независимого учета объективных материалистических факторов и функций языка, а не воздушных идеалистических теорий или субъективных настроений. Потому-то новое учение об языке по яфетической теории в условиях нашей советской общественности и чувствует наибольшую свободу для своих детальных до мелочей изысканий и синтетических построений по специальности, и, наоборот, вне той же общественности оно не могло бы развиваться, иметь наличные уже достижения в виде специальных и общих положений. Эти специальные и общие положения в сумме составили новую законченную в основных линиях теорию, общее учение об языке, в свою очередь — источник ряда четко поставленных проблем, не дающих этой новой теории застаиваться на занятых теоретических позициях. Нужно ли подсказывать, что материалистический метод яфетической теории — метод диалектического материализма и исторического материализма, т. е. тот же марксистский метод, но конкретизованный специальным исследованием на языковом материале и на материалах, связанных с языком явлений не только вообще речевой, но и материальной и социальной культуры.

И вот, когда мы переживаем чрезвычайно обостренную классовую борьбу в социалистическом строительстве, при его бурных темпах, когда эта обостренная классовая борьба с основного, именно материального хозяйственного фронта перебрасывается на культурный фронт, идеологический, где органическим проникновением отраженно она дает себя чувствовать все острее и острее и на теоретическом отрезке, то новое учение об языке по яфетической теории, естественно, становится мишенью ожесточенных, часто злостных нападок. Положение яфетической теории осложняется до крайности тем, что против нее ополчаются в академической среде отнюдь не одни антисоветские элементы. Товарищи, вам, быть может, неизвестно, что есть круг весьма почтенных ученых, честных тружеников науки, спецов, в том числе и тех, которые пользуются славой спецов по лингвистике, для которых не только классовая борьба, но и языковая политика по глубокому их убеждению не имеет ничего общего с наукой: для них существует так наз. чистая наука, т. е. та чистая наука, что̀ для нас висит

в воздухе, опираясь на идеалистическое мировоззрение, с корнями, если досказать и это, отнюдь не чистыми. Для них яфетическая теория — злейший враг, ибо она разрушает в корне систему их научной работы на их же конкретном материале. Ясно, что работающий над языками по яфетической теории даже при желании жить в мире с противниками, не тревожить этих слуг изжитой теории, не может не учесть все более и более организованного натиска и с этой стороны, не может не иметь своей действенной языковой политики, не может не выбрать четко своего места, если он на деле подлинный яфетидолог, совершенно определенную сторону в борьбе на идеологическом фронте, в частности на его теоретическом отрезке. Но яфетидолог имеет все основания утверждать, что новое учение об языке по яфетической теории есть на данном этапе нашей жизни весьма существенное орудие классовой борьбы в пользу социалистического строительства.

Между тем не только здесь, в Глазове, но и в центрах весьма мало лиц, знакомых с сущностью яфетической теории. Разрешите в связи с этим прочитать вам для некоторого общего осведомления с нею статью мою, только что сданную для напечатания в ближайшем выпуске ленинградского «Юного пролетария» — статью под заглавием: «Яфетическая теория — орудие классовой борьбы».[1]

«В разгар социалистического строительства, когда обостряются взаимоотношения даже близких друг к другу по работе групп, решительное заявление М. Н. Покровского на XVI партсъезде о важности теоретических изысканий является актом исключительного значения. Раз в среде руководящей партии признается актуальность теоретических работ, не могут не почувствовать прилива сил и подъема ученые, не заглушившие в себе последней искорки творческого энтузиазма и тем более успевшие в нашей советской стране раскрепоститься из рабов ремесленной работы в свободных мыслителей, — мыслителей, вышедших из тупика в простор новых независимых синтетических построений, отвечающих интересам и жизни, и науки.

«Науку о языке менее всего можно трактовать так, будто это не предмет первой необходимости на теоретическом фронте социалистического строительства. Язык сам по себе всегда был и есть величайшее орудие борьбы в руках искусно владеющего им. Язык призван стать еще более могучим, прямо-таки магически-действенным орудием в руках строителей нового мира, но это может быть лишь тогда, когда хотя бы руководители идеологического фронта, ученые, овладеют теоретическим учением, вскрывающим процесс происхождения языка и возникновения его видов, т. е. процесс диалектическо-материалистический. Только что на тему в беседе о методе один из гостивших у нас в Ленинграде французских математиков Mr. Denjoy, профессор Сорбонны, мне в виде реплики заметил, что метод изнашивается, работа часто перерастает метод, и в таких случаях математик не стесняется делать свои выводы, как бы они ни казались бессмы-

[1] Статья эта, затребованная от меня с бешеным темпом, напечатана с запозданием и без моей правки в № 17—18 (сентябрь 1930 г.), стр. 19—20. Обычная судьба моих статей подобного порядка. Здесь она приводится в первоначальной и просмотренной лично мною редакции.

сленными с точки зрения общепринятого метода, «метод в таких случаях является помехой прогрессу науки, потому у каждой школы в математике свой метод».

«Я не специалист по математике, потому не могу судить, в какой степени сказанное я правильно воспринял, но не могу не констатировать факта, что, исследуя конкретный материал по моей специальности, языковедной, должен был в корне изменить, а в отношении уточнения не раз видоизменить свой метод, первоначально формально-сравнительный, так наз. индоевропейский «компаративизм», ибо работа моя перерастала достижениями метод, по которому она была начата: метод «изнашивался».

«Происходило это и от охвата языковых материалов за общепринятыми пределами сравнительного метода, и от новых явлений, наблюдавшихся за запретными межами, и от нового способа сравнения качественно иного в зависимости от количественного роста привлекаемого материала, да и в силу качественного отличия, тем более значительного, чем более сама исследовательская работа углублялась не только от своеобразия самих языковых явлений, но и от учета увязанных с речью фактов из мира за ее пределами, — фактов материально-культурных и фольклорных. Такой увязкой этнографы, т. е. обычно любители-энтузиасты, ученые без определенной специальности, реже археологи, в своих лингвистических изысканиях по колониальным языкам так наз. первобытного состояния освобождаются от ряда предрассудков, входящих в методику индоевропеистов, взращенных на языковой мертвечине. Достаточно сослаться на то, как африканисты работой над сродством банту, живой речи средней Африки, с шумерским, «без остатка вымершим» древнейшим месопотамским клинописным языком, нарушили заповедь о ненаучности применения сравнительного метода в лингвистике за пределами языков родственной «расы».

«Вообще старый лингвистический метод покидается как изношенный в среде африканистов и американистов уже оттого, что благодаря их работам повелительно выступает потребность установки общего учения об языке в мировом масштабе и самого теоретического построения прежде всего на фактах из живой речи. У редких специалистов этого круга с индоевропейской школой лингвистический метод рвется по швам, несмотря на их верность своему формальному учению. Не вызывает у этнографов сдвига изучаемое по профессии мировоззрение племен, говорящих на языке их специальности, — сдвига с формального восприятия языковой структуры на идеологическое.

«Между тем, именно при внимании к этой идеологической стороне та же увязка языка, оживляемого фольклором и историей материальной культуры, точнее — производства с техникой и производственных отношений с мышлением, совершенно ясно вскрыла отраженные связи и причинность в языковых явлениях. Они-то и вынудили нас, яфетидологов, ставить новые проблемы философско-генетического порядка и дать по прежним вопросам формальной грамматики и вообще учения об языке решения, бессмысленные с точки зрения метода, которым я руководствовался раньше и с которым я вынуждаем постепенно расставаться. Ясно, что в языковедной области так можно говорить о методе индо-

европейской лингвистики, компаративизме, формальном методе. И что такой «метод» износился, в этом не было бы беды, но сами индоевропеисты и тогда, когда они субъективно не из воинствующих соратников борющейся с историей буржуазии, не чувствуют, что у них достижения не перерастают старого формального метода, ибо нет проникновения ни в корни, ни в сердцевину речевой культуры, вообще в глубину явлений этой определенной надстройки, следовательно, нет и не может быть вскрытия диалектики процесса сложных явлений изучаемой ими надстроечной категории. И, естественно, индоевропейская лингвистика, попав в тупик, топчется на месте, не имея потребности в выходе на свободный простор независимых построений. Естественно, яфетическая теория в отношении индоевропейской из своеобразной ее разновидности обратилась в ее противоположность: так, индоевропеистика утверждала, да вопреки отречению на словах (под количественным напором фактов и их противоречий), она поныне утверждает на деле в своей работе, что вначале был один общий у всех индоевропейцев язык, так наз. праязык; яфетическая же теория в корне отрицает существование праязыка. Она признает общность не первоначального языка, а уже сложившихся языков, раньше более многочисленных, чем в древнейшие для нас письменно засвидетельствованные эпохи, чем, тем более, в наши дни. Но эту общность языков, с обращением в их единство, яфетидология считает будущим делом, имеющим охватить не только индоевропейские, но и все языки мира. С этим положением нового учения об языке связано переворачивание пирамиды, у индоевропеистов стоящей воображаемой вершиной вниз, основанием вверх, у яфетидологов же естественно — на широком основании с верхом, пока далеко не оформленным в единую вершину. Однако, как ни натуральна такая яфетидологическая установка пирамиды, новое учение об языке самую пирамиду допускает условно и фигурально для выявления бессмыслицы, из которой исходит индоевропеистика как формальное учение, поскольку она не способна рассматривать язык иначе как лишь находящуюся в услужении общественности, как отрешенную своей природой от жизни область знания, с своими столь же отрешенными законами языковых явлений, т. е. для нее язык живет своей имманентной закономерностью, тогда как для нового учения об языке язык есть надстроечная категория, увязанная своим происхождением с жизнью, причем эта увязка не происходит внешним образом или механистически, посредством звуковых частей речи, отрешенных звуковых ее явлений и звукового ее оформления, т. е. не происходит с помощью формально воскрешаемой фонетики и морфологии, что индоевропеистика кладет в основу своих и исследовательских работ, и работ по накоплению материала.

«Новое учение об языке увязывает язык с жизнью при посредстве идеологии, рассматривая его как орудие производства с функцией выражать то и выражать так, что общественность коллективно ощущает потребность высказать, как она, эта общественность, сама сложена в своем конструктивном оформлении и в технике этого оформления, следовательно, в зависимости от способов производственного процесса и соответственных форм социального строя.

«Здесь уже пропасть между индоевропеистикой и яфетидологиею, поскольку, исходя из идеологии языка, а не его оформления, как основной функции языка, и разрабатывая в первую очередь ее, яфетидология выходит за пределы звукового оформления речи, ее звуковой морфологии и вообще звуковых ее явлений, как лишь технической в основе.

«Яфетидолог изучает язык за пределами звуковой речи, до ее возникновения, когда орудием производства служил не звуковой символ, специально отработанный в трудмагическом процессе, не сложный, соответственно приспособленный и развитой аппарат членораздельного произношения, а линейный, он же кинетический язык, реализуемый рукой, одновременно орудием производства и орудием такой магической надстройки, как язык, первоначально вовсе не разговорный, а производственный. Лишь с момента возникновения производства, истории материальной культуры, и зачатков его речевой, нераздельной с мышлением надстройки, начинает выступать перед нами в телесном образе человека, раньше зверя, затем одомашненного животного, человек, как мы теперь себе его представляем.

«Потому у нас возникает мысль, не ищут ли естествоиспытатели того, чего никто не терял, когда не находят того специфического животного вида, из которого произошел человек? Разве сам соматический образ человека не есть тот вид зверя, из которого он сам преобразовал, вернее, все еще преобразует себя в человека так, как мы теперь себе его представляем? Само собою понятно, что языковые материалы, не только происхождение языка и его видов, но все особенности структуры речи вообще, каждого языка в частности, разъясняются соответственно в своей причинности, как надстроечные явления в процессе их взаимодействия и во взаимодействии также с мышлением, собственно мировоззрением, ибо мышление с его техникой, как и язык, генетически связаны с производством, потому мы предостерегли бы от настаивания на существовании естественных и чувственных факторов мышления. Это пережиток того времени, когда не учитывалась первичность линейной речи с линейным символом языка и с мышлением в образах, человек представлялся происшедшим непосредственно из зверя вместе со звуковой речью.

«Все производство речевой культуры, т. е. языка, раньше производственного, со включением заклинательного, фольклорного и т. п., лишь потом выявляется на основании данных самого языка разговорного, как диалектическо-материалистический процесс. И достижения в росте языка получены в борьбе различных производственных группировок отнюдь не родовых или племенных, что на крови.

«Длительность первоначального языка человечества в мировом масштабе измеряется сотнями тысяч лет. За эту длительность линейной или ручной речи и создало человечество все предпосылки, необходимые для создания звуковой речи. Звуковая речь вначале была также лишь частью трудового процесса, была производственным языком. Лишь постепенно звуковой язык стал разговорным, представляя в своем древнейшем фонде перевод ручной речи, благодаря чему в палеонтологии звуковой речи, прослеживающей историю языка и в связи с ним

неразрывно мышления, самой техники мышления с идеологической стороны по стадиям, охватывается человек с первого момента его существования, раскрывается по сигнализации языка то, чего не дает ни одна историческая наука, ни естественная, ни общественная, именно как человек сам себя создал, перестраивал себя из зверя в натурально-хозяйственное общественное животное, а из натурально-общественного животного уже общественно по искусственному производству с изменчивым орудием — человека.

«В настоящий момент классовой борьбы на идеологическом фронте меня нисколько не поражают ярые нападки на яфетидологию и всякие мины, подводимые под нее. Меня поражает равнодушие некоторых марксистов и их нахождение, нахождение, следовательно, современных общественников, хотя бы немногих, в одном стане с противниками нового учения об языке. Ничто так эффектно не действует на сдвиг в идеологии, на поворот в мировоззрении, как генетический анализ того орудия, которое служит средством действия этой надстроечной области и сосудом накопления ее достижений.

«Разумеется, новое учение об языке, разрабатываемое яфетической теорией, весьма сложное дело именно потому, что оно не формальное, оно, как то выясняется яфетидологически, требует конкретного выявления марксистского метода на языковом материале, существенной проработки материальной культуры, а также мышления и техники, т. е. философии.

«Но, ведь, и борьба-то с буржуазной идеологиею вовсе не такая простая и легкая, как то иногда представляется и нашим организаторам или критикам советских исследовательских учреждений. Вполне своевременно редакция «Юного пролетария» предпослала статье «Наука массам» следующие слова Ленина: «Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мировоззрения» и т. д.

«Не только антирелигиозная пропаганда или политико-просветительная работа грозят без опоры в достижения новой теории укреплением изжитых мировоззрений, а то и возвратом к старой идеологии.

«Без конкретизации и лучшего метода на живом материале специальности, в данном случае языковедной, грозят обратиться в орудия, направленные против прогресса, и организации с безукоризненной целевой установкой, краеведческие, равно музеи, иные исследовательские учреждения, институты, академии.

«Положение критическое, ибо исключительно сложны условия приобщения к новой теории. Старому поколению, у которого надо учиться, она чужда по тем или иным основаниям. В то же время нигде не чувствуется такой дефицитности в новых кадрах и чрезвычайной трудности их подготовки, как в языкознании; достаточно сослаться на вопиющие потребности многих десятков отсталых национальностей нашего Союза, а с ними и на потребности нисколько не менее отсталых низовых масс, особенно крестьянских, и просвещенных национальностей с значительным наследием старой культуры».

В создавшихся условиях в Ленинграде, где такое обилие специалистов высокой квалификации, что хоть отбавляй, и беда лишь в избытке тормозящей силы кон-

серватизма, присущего богатому накоплению знаний, на страницах «Юного пролетария», обслуживающего студенчество ЛГУ, ныне ряда научно-учебных институтов, естественно мы обращались «к юным пролетариям» с призывом, согласованным с возможностями окружающей их среды. Теория требует определенного общественного настроения и свежей восприимчивости, свойственной молодежи. Перед ней, молодежью, из молодого по своей раскрепощенности рабочего класса, и молодых сограждан, идущих в ногу с ним, труднейшая задача овладеть положительными знаниями старых квалифицированных ученых в собственном переоформлении с помощью нового метода и обратить эти знания, лежащие втуне, в творческий двигатель социалистического строительства. Там это возможно. Да, это «единственный путь труднейшей общественной и научной проблемы». Юным пролетариям, в том числе и тем, кто из не одной Удмуртской автономной области, приходится осознать огромную ответственность, лежащую на них и на нашем языковом теоретическом отрезке культурного фронта.

Тот же призыв было бы уместно адресовать просвещенным национальностям и вне РСФСР со значительным наследием своей феодально-буржуазной культуры. В нашем Союзе имеются национальные республики с сильной культурной закваской этого порядка, одна-другая республика и на Кавказе с прекрасными предпосылками для современной научной работы, на высокой ступени просвещения и грамотности с многовековыми навыками массового образования, с навыками древнейшей национальной культуры, более древней, чем русская, чем западноевропейская, и опередившей своим восточнорубежным двуприродным (азиатско-европейским) гуманизмом односторонний или замкнутый европейский гуманизм западных стран.

Когда же речь о вопиющих потребностях одной из таких отсталых национальностей, как удмуртская, прежде всего было бы самообманом успокаиваться на десятке аспирантов,[1] из коих специалистов по родной речи в свете нового учения об языке готовится одна единица. В такой обстановке здесь (у удмуртов) исключалась возможность обществоведчески поставить лингвистическое исследование в вашей области в свете нового учения об языке так, как то удалось сорганизовать Марийскому научному обществу краеведения с Яфетическим институтом Академии наук СССР из собственных сил, что и послужило поводом для нашей напечатанной тем же краеведческим обществом работы на тему «Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев».[2]

Культурная отсталость удмуртов — интереснейшая актуальная проблема для специального исследования по истории культуры вообще человечества, скажу прямо — беспримерное в Союзе снижение возможностей национального подъема, мыслимого лишь при культурной революции. Ваша культурная отсталость удмуртов не ваша, товарищи, вина, а ваша беда. Вина же она павшего режима, державшего крестьянство в такой беспросветной кабале, что удмуртская трудя-

[1] Вообще учащихся удмуртов в высших школах, по не совсем уверенным утверждениям местных ответственных работников, от 300 до 400 человек.

[2] Ленинград, 1930 г.

щаяся масса оказывается в целом наименее подготовленной для современного социалистического строительства не только идеологически, но и примитивно технически. Не ваша вина, а ваша беда, опять-таки наследие старого режима, что вообще «целого» у вас нет ничего, если исключить роскошные переживания если не древнекаменного, то ранне-металлического и вообще металлического мировоззрения, язычества, ось и вашего быта с его речевой и материальной культурой, ценнейшими источниками для теоретических исканий нашей экспедиции, и бесподобной сокровищницей не для одного вашего музея. Этот допотопный быт разнообразился до Октябрьской революции лишь наседавшей на удмуртскую архаическую языческую идеологию философиею христианского богословия. Ни ссылки политических, на дальнем севере еще при старом режиме выработавшие из каторжан лучших наших специалистов по палеазиатским языкам, не дали удмуртской нации ни одного научного работника по вашей национальной культуре, речевой или материальной, ни земство, процветавшее в Вятке особенно, да и у вас, не упразднило внутренней взаимной технической неувязки (достаточно вспомнить об «изумительных» внутренних путях сообщения), и не только ваш юг разобщен с вашим севером, — достижения ваших деятелей нам в Москве и Ленинграде известны лучше, ценятся выше, чем у вас. Кругом вашей автономной области лучшие средства общения, водные и железнодорожные, при старом режиме несли мимо вас буржуазную культуру в дальние края бывшей империи, они же несут ныне последние слова советской науки и техники в Алма-ату, в Узбекистан, объявляющий в «Известиях», что ему нужен лингвист-яфетидолог. Что-то не слышал я хотя бы такого объявления даже из Ижевска, ибо внутри у вас полная распыленность частей, беспримерная замкнутость. Ваши соседи, расположенные на более отдаленном от центров «диком» севере с языком одной, почти тождественной с вашей речью системы, коми или зыряне, оказались более активными, едва ли только по близости к северной Европе в деле национального насаждения в свое время даже христианства. Достаточно вспомнить самостоятельные достижения по комийской письменности, связанные с деятельностью Степана Пермского, собственно Биармийского, за которой последовала работа ряда комиев не только над родным комийским языком, его словарем, его грамматикой, но и над вашим языком, вашим удмуртским словарем. Комии оказались и теперь менее замкнутыми в себя. Достаточно сослаться на факт, что у комиев сейчас в распоряжении исследователь родной речи, получивший свое образование по специальности в лучших школах буржуазной установки изучения угро-финских языков, научный работник Московского Института народов советского Востока, где он (это т. Лыткин) переоформляет по яфетической языковедной теории свои богатые финноведные познания, он же работает и над удмуртским языком и потому один из участников нашей московской экспедиции. Кому это кажется смешным, а в наших глазах, в глазах советского мышления, это величайшее и научное и общественное достижение, когда комий, зырянин, любовно и с интересом изучает язык соседящего народа. Наша не мечта, а потребность, чтобы удмурт изучал серьезно комийскую речь, и не только комийскую, воочию сродную и территориально соседящую, но и далекую, например,

грузинскую, как сейчас молодой грузин-яфетидолог (аспирант т. Чхаидзе) отнюдь не для смеха, а всерьез изучает в составе марийской экспедиции марийский или так наз. черемисский язык. За мои многолетние научные скитания при старом режиме и за советское время только раз я имел случай попасть в такой замкнутый мир — мир, заброшенный в горные кряжи и совершенно отрезанный от всего света за полным отсутствием дорог. Это Свания, страна, превосходящая величием и красотой своей суровой природы Швейцарию, — страна сванов или, как сами они себя называют, šwan'ов или šon'ов. Вступая в этот сванский мир, я почувствовал, как в свое время было напечатано в отчетной работе «Из поездок в Сванию (летом 1911—1912 гг.)»,[1] что въехал я не в особый край нашего Кавказа, а в особое бытование первобытного человечества, веков за девять и более до христианской эры. Однако и они, сваны, проявляют больше активности по общению с внешним миром, располагают целым рядом сородичей с высшим образованием, работавших и работающих над родным языком в непосредственной увязке с центральными исследовательскими лабораториями, и сейчас ведется по сванскому языку Яфетическим институтом (уже не единолично мной, как раньше, а целой группой научных работников высшей лингвистической квалификации, с участием сотрудника из сванов) глубокая исследовательская работа над сванской живой речью в путях нового учения об языке. Замкнутость же Удмуртской автономной области, усиленная разобщенностью ее частей, что содействовало, как было отмечено, сохранению древнейшего массового языческого быта с его идеологией в борьбе с враставшей в него через хозяйственно господствовавший класс философией христианского богословия, также, отмечу, интереснейший для теоретических изысканий наглядный процесс, протекший в других местах на европейском Западе — в Ирландии и в Баскии, на Востоке — в Армении и Грузии в V—VIII веках, т. е. свыше тысячи лет тому назад. В результате этого процесса в той же унаследованной от старого режима материально-культурной обстановке мы застаем и по нашей теоретической части условия, благоприятствующие тяготению к идеалистическим учениям, на нашем языковедном отрезке — индоевропеистике. В результате безукоризненный яфетидолог-теоретик из удмуртов, сотрудник «Вестника Коммунистической Академии», оказался оцененным у себя на родине так, как совершенно естественно оценивают всех лучших яфетидологов, как злейших своих врагов, диалектиков-материалистов в своей языковедной специальности, явные и скрытые индоевропеисты с их всем известным идеалистическим формальным методом. Это Кельда-Дмитриев, питомец нашего Московского Института народов советского Востока, где, несмотря на всякие академические склоки, больной, одно время (когда я писал эти строки) на смертном одре, успел за последние годы переоформиться, думаю,

[1] Христианский Восток, т. II, стр. 6: «По мере того, как я стал не только видеть, но и слышать и понимать сванов, их интимные традиционные интересы, я начал ощущать, что меня в Свании от остального мира отделяют не одни Кавказские горы с их высокими гребнями, трудными перевалами и глубокими ущелиями: меня отделяли и тысячелетия культуры. Как в бытность на [старом] Афоне [тогда еще в Турции] мне казалось, что я перенесен в эпоху византийско-христианских духовных интересов, так в Свании я чувствовал себя окруженным языческой культурной атмосферой «урартийцев» или даже почитателей «вишапов».

не только методологически. Поэтому же мало кому было известно за пределами Вятки, что там в Пединституте проявилась инициатива по овладению новым учением об языке в установке яфетической теории. Произошло это независимо от какого-либо давления или внушения извне, наоборот — при явной недостаточности сил количественно слабого коллектива ЯИ к самовыявлению, да от голода по лингвистам-марксистам. Более того, вопреки тормозам от косности индоевропеистов, лингвистических авторитетов центрального руководства, там же организовалась ячейка яфетидологии, о чем в Вотобласти мало кто слышал, да не особенно был склонен слышать. Между тем из той же Вятки, да вообще Вотобласти, не в один Ленинград получилась живительная тяга для пополнения кадров качественным подбором и для усиления нашего яфетидологического руководства конкретно по языковедной части. Вот почему вполне понятно, если зачитанная мною статья, сжато излагающая в больших линиях сущность яфетической теории в общественном и научном разрезах на сегодняшнем этапе ее развития, могла для части остаться, именно в теоретически научной части, в лучшем случае не совсем понятной, не до конца ясной, а для большинства вовсе непонятной.

Надо, значит, комментировать, но нехватит времени, да и вашего терпения. Более того, комментировать зачитанный текст значит изложить всю яфетическую теорию. Коснусь хотя бы яфетидологической пирамиды. Перевернув пирамиду, у индоевропеистов стоящую верхом вниз, а основанием вверх, мы оговорились, что «как ни натуральна такая яфетидологическая установка пирамиды, новое учение об языке самую пирамиду допускает условно и фигурально для выявления бессмыслицы с единым праязыком». Это переворачивание пирамиды — важное достижение для иллюстрации того, что общий единый язык дело будущего, а единый язык в прошлом — это фикция. Пирамида в этом смысле ценный образ. Но с пирамидой связан целый ряд сложных конкретных вопросов, имеющих прямое отношение к самой исследовательской работе над языками. Так дело не только в том, что праязык — фикция, что общего языка вначале не было. Старая теория свою пирамиду ставила вершиной вниз, воображаемым праязыком или хотя бы общим языком в пределах одних интересовавших ее языков. Каких? Естественно, «индоевропейских» (прометеидских). Все ли так наз. индоевропейские языки, однако, она изучала и все ли одинаково? Конечно, нет. В первую очередь — древние мертвые, в том числе на Востоке классово-господствовавшую речь Индии — санскрит, а из круга так наз. иранских особенно тщательно — все древнеписьменные: великодержавный ахеменидский, религиозный авестийский, феодальный также и культовый и эпический пехлеви, все мертвые языки, и менее рачительно так наз. новоперсидский, разумеется, главным образом книжный, язык различных господствовавших сословий или классов. А разве не занимались живой массовой персидской речью? Весьма мало, больше собирали материал, а теоретизовали «постольку, поскольку», т. е. поскольку из нее можно было извлечь факты для разъяснения недоуменных вопросов по близким сердцу специалистов письменным, особенно мертвым языкам. Что это — случайно? Что это — не классовая установка исследовательской работы и даже подбора материала? Правда, они же прихватили еще ряд живых иранских языков, на Кавказе

овсский («осетинский») и курдский и одно время плохо лежавший армянский. Что же, для того, чтобы исследовать их во всем объеме и определить их сущность? Нисколько. Чтобы использовать части, дающиеся им при их классово порожденных интересах и исследовательской установке. На армянском они сломали себе зубы, после того как попытка отнести его в иранские не удалась и по их признанию. Лишь на старости лет теоретически уже изжитого учения они невнятно лепечут то, что яфетидологиею было четко выявлено тридцать лет тому назад, что у армян два самостоятельных языка, феодальный и так наз. народный. С «осетинским» (овсским) начали рьяно и вошли в тупик. Яфетидология четкими фактами выбивает из рук некомпетентных судей, индоевропеистов, этот язык с ошеломляющим количеством связей с народами яфетического круга в речевой культуре, фольклоре, эпосе и т. д. С курдским дело обстоит не лучше для индоевропеистов. Что касается всего того, что за пределами так классово отобранных прометеидских («индоевропейских») языков, полное игнорирование как «инорасового» материала: работа над «инородческими» и колониальными языками до сего дня ведется главным образом руками тех, кто сознательно укрепляет (администраторы, военные и практики-спецы на службе), или через кого буржуазные страны мнят укрепить свой империализм (в первую голову миссионеры). В результате индоевропеистика даже у себя на родине, например, во Франции, оказалась импотентна в отношении нацменовских языков, доселе трактуемых как инородческие, как о том может желающий осведомиться в моей работе «Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии».[1]

Впрочем, что говорить об «инородческих» языках? Сам родной французам язык абсолютно не изучен генетически, а по пережиточному отношению господ римлян к некультурным языкам Европы, поддерживавшемуся наследственно папской церковью к массовым живым языкам, и специалисты-лингвисты старой школы, если находят общие слова в родной французской речи с латинским, то безоговорочно утверждают, что эти слова заимствованы из языка благородных римлян, ну и хотя бы еще вульгарной речи, но все-таки «римской». То же самое старались установить пропитанные индоевропеизмом специалисты по романским языкам в отношении баскского языка, единственного из языков яфетической системы, сохранившегося в Европе, т. е. оставшегося в целости от процесса перестройки их в прометеидскую («индоевропейскую») систему. То же самое твердят востоковеды, особенно иранисты, все той же школы, когда в персидском, великодержавном или сословном письменном, и в армянском или грузинском находятся общие слова. Без всякой опоры, кроме звуков и звукового построения речи, т. е. по одним формальным признакам, да и то последней ступени стадиального развития звуковой речи, такие слова считают заимствованиями из персидского в армянском и грузинском.

Что это, политика или чистая наука? Разоблачив палеонтологиею речи несостоятельность такого метода в работе, яфетидология отвечает, что это политика, но скверная политика, что это наука, но нечистая наука.

[1] ИГАИМК, т. VI, вып. I.

Как живо напоминает это отношение языковую политику в национальном вопросе при павшем режиме, когда многие из ныне в нашем Союзе уже наций в таковых не числились, именовались «инородцами», «чужаками», или, наоборот, неучитываемыми «братушками», более того — своего рода пушечным мясом, т. е. просто людским материалом, обреченным исторически с точки зрения великодержавной идеологии в лучшем случае, поскольку речь шла о культурном фронте, на обслуживание церкви наравне с мертвецами, говорившими на старославянском языке, а то и проще на вымирание и физическое, и такой взгляд проводился и отстаивался объективно и теоретически не одной языковедной наукой. Впрочем, уже давно известна по яфетидологически четкой формулировке социальная причинность того или иного характера языковедной теории. Но интерес представляет, как в круге языков восточной Европы, называемых финскими, и соседящих, точно также один язык, именно чувашский, после опытов, потерпевших провал, сделать его или турецким, или финским, подобно армянскому оказался изолированным, и здесь также установилась система исканий по формальным признакам исключительных односторонних влияний и односторонних заимствований. Если в великодержавных языках, русском или с ним соперничавшем некогда татарском, общие слова, то всегда заимствуются чувашами и приволжско-камскими финнами. Однако память письменных исторических источников коротка: для древнейших эпох, дотурецких, дорусских и дофинских, не было, не спорим, прямых данных, ни, главное, желания учесть в теоретических построениях историческую роль перечисленных ныне уже отсталых наций, и в вопросах о взаимоотношениях их специалисты-лингвисты старой школы поныне теряются, как пошехонец между трех сосен. Они готовы нарушить даже систему отбора по заимствованию — одной стороны, всегда источника заимствований, другой стороны, всегда заимствующей, и целый ряд кропотливейших трудов по заимствованиям представляет совершенно обывательские опыты обоснования, кому какое слово принадлежит, и единственная ось, вокруг которой вертится судьба установки работы над как бы беспризорными волго-камо-печерского района финскими языками, это язык суоми, ныне язык буржуазно скроенного национального образования со всеми тенденциями, присущими не только в политике, но и в науке таким социально-экономическим формациям. Это сказывается даже в трактовке столь общепризнанного ученого, как Тальгрен, в датировке появления финнов по археологическим материалам. Одним из научных положений этого порядка является идея господства единого письменного, разумеется, буржуазного классового языка, будто от природы братского, над всеми массовыми языками, постепенно сводящимися обычно в диалекты такого навязанного для главенства языка, идея, лелеемая не только в политике шовинистами, фашистами, но более чем лелеемая, прямо-таки проводимая учеными, независимо от их желаний, самим методом их работы, индоевропеистическим, формальным и идеалистическим.

В свете нового учения об языке в мировом масштабе выявилось, что так наз. финские языки — создания ныне пережиточно представленных социально-экономических образований, которые предшествовали великодержавию русских или

татар, равно, тем более, — националистическим вожделениям суоми в науке так же, как в политике. Этого мало; те же так наз. финские языки предшествовали образованию тех трех систем, не расово, а также социально-экономически возникших на различных ступенях развития человечества, к которым принадлежат языки русский, турецкий и суоми. Наименее выдержанная, с наибольшими трудностями для обобщающего учета финская система, которой присваивается и суоми, самая древняя, именно потому, что она захвачена нашими наблюдениями как будто сама в состоянии еще не той доработанности, какую прошли языки двух остальных систем, представляющих продукции от различных стадий, но всегда господствующе-классовых образований. Однако яфетидология исходит не от этих дошедших до нас общих систем, доселе только и учитываемых генетически, да еще формально, а от отдельных конкретных языков и в них слоями отложившихся древнейших систем. У этих слоев с соответственно слагаемыми языками оказываются теснейшие взаимоотношения, как надстройками соответственно древнейших стадий в истории материальной культуры, производства и производственных отношений, сигнализуемых соответственным развитием мировоззрения и мышления, доступ же к последним надстроечным также источникам, мировоззрению с растущим количественным и качественным охватом явлений и мышлению с изменчивой техникой, иногда восполняющим пробелы в последовательности вещественных памятников, открыт палеонтологиею речи, опирающейся на четыре лингвистических элемента A, B, C, D, этих увязок обеих частей надстройки, самого языка, — идеологической части так же, как формальной, — с материальной базой.

По овладении этим новым орудием исследования вскрылись связи, никем не гаданные, между отдельными языками, раскинутыми по всей территории Африки, Европы и Азии, и далее, и когда специалист по романским языкам говорит, что такое-то слово заимствовано в баскском из соседнего романского, мы, яфетидологи, утверждаем, что это недоразумение,[1] ибо слово это имеет без всякого постороннего посредника увязанную с собственной базой часто мирового охвата надстроечную историю, как смысловую, так формальную, и его состояния со значениями различных стадий и с соответственными оформлениями, прослеживаемые от Тихого океана до Атлантического, от крайнего севера до крайнего юга всей населенной территории, говорят о глубоком массовом процессе, требующем прежде всего монистического учета. Процесс бесконечно более серьезен, чем заимствования или странствования-блуждания, явления внешнего индивидуального порядка, более существенен, чем миграции стихийно сорвавшихся с насиженных мест по внешним причинам «расово»-чуждых образований в неиз-

[1] См. такой случай с единым испанским названием 'оселка', 'точильного камня' piedra aguzadera при трех диалектических разновидностях баскского эквивалента — gu-stera («gu-ztera» лабурдинское наречие), ge-stera («ge-ztera» нижненаварское, то же самое гипускуанское, бискайское, но в письме ge-stera, опять лабурдинское ge-l̈ntera), e-stera («eztera» гипускуанское, бискайское) где начальный слог не префикс (gu- || ge- ↖ e-), как раньше думалось (Н. Марр, Две новые работы Uhlenbeck'a по баскскому языку, стр. 271—273), а первый слог скрещенного образования, причем ster, resp. l̈nter (← ter ↘ ser, resp. ṭer → ṣer) сигнализует 'круг' ('точильное колесо') по семантическому архетипу космического мировоззрения — 'небо'...

веданные страны с таким же, как предполагается, в изоляции общественно сформировавшимся населением. Дело, следовательно, идет о более сложных мирового охвата взаимодействиях, проникновениях в социальных путях, о более ранних расселениях, не из районов первобытной цивилизации в культурные центры, а из очага созидания факторов человеческого творчества в девственные по культуре, не тронутые человеческой рукой и отвоевываемые еще лишь у природы пространства. При такой общей обстановке, если кто всерьез интересуется генетическими вопросами по романским языкам, можно говорить о месте, собственно о времени возникновения их основ в этом процессе, а никак не о значении различных видов романской речи, как они оформились. Ведь, статически рассмотренные при учете определяющих их стабилизовавшуюся систему особенностей романские языки — новые образования, при таких условиях лишь формально обоснованные. Указание же на заимствования из них в баскскую речь легко отвести как смешную претензию простой ссылкой на наличие того же слова в кавказских языках той же древнейшей системы, яфетической, как и баскский, а в этих кавказских языках ни о каком влиянии романских языков не может быть речи не только по дальности и не только потому, что романские языки — позднейшие образования. Слово, как надстройка, получает в палеонтологическом освещении историю таких перерождений или перестроек в своей среде в зависимости от коренных смен материальной базы, революционных сдвигов, что для его отчуждения с родной почвы нет никакой возможности.

В связи с этим все ярче и четче выясняются взаимоотношения живых массовых языков финского севера с кавказским югом, естественно, нас занимающим в первую очередь в связи с советским социалистическим строительством, равно с баскским западом в Европе и берберским западом в Африке. И в этой обстановке проблема об удмуртах и их языке, это вопрос не о ступени стадиального развития, на которой сложился в конечном счете сам удмуртский язык со всеми его особенностями, которые присущи его массиву в статике. Вопрос об изменчивости материальной базы, различной на различных стадиях, о динамике их смен и соответственных отложениях различных изменений в языке, как надстройке, чем древнее, тем меньшего охвата и меньшей выразительности, — надстройке тех доселе никак и никем не учитываемых социально-экономических формаций, которые на первых этапах представляли лишь как бы молекулярные, зачаточные производственные образования.

Работы нашей удмуртской экспедиции направлены не на массив удмуртской нации, представляющей собой готовый синтез-сфинкс, с интересом лишь к надстройке, притом с изоляцией исследования по замкнутым ее категориям, языку, фольклору, литературе, искусству и т. д., а комплексным изучением факторов стройки и перестройки удмуртского (и доудмуртского) социально-экономического образования, от молекулярных производственных слоев до социально-экономических образований все росшего вширь и вглубь и повышавшего качество надстроек охвата, именно в целях разгадки национального сфинкса, в данном случае удмуртского.

Яфетические языки[1]

Яфетические языки представляют особую систему, пережитую языками всех других систем. Каждый из языков этой системы, исключительного значения по представляемому им звену в непрерывной цепи развития звуковой речи, в настоящее время называется яфетическим. Отсюда — особое внимание, уделяемое яфетическим языкам материалистически подходящей к изучению языка *яфетической теорией*. Самим материалом яфетические языки и помогли установить, что вообще язык занимает исключительное место в надстройке только ему присущей полнотой объективно-идеологического охвата всех сторон бытия человечества на всем протяжении времени и пространства. Уделяя много внимания историческому развитию языковой действительности, новое учение о языке тем самым не только не отдаляется от мировоззрения и метода основоположников марксизма-ленинизма, но, напротив, подтверждает богатейшими конкретными материалами каждое из положений материалистической диалектики в области языка и приближает нас к их углубленному пониманию. Ибо, как справедливо указывает Энгельс, невозможно понять предмет без его истории. Термин «яфетический» таким образом указывает на особую производственно-общественную значимость этого звена с вытекающими из соответственных социальных факторов функциями; последние же в свою очередь определяют систему языка и происхождение всех составных частей речевого материала с обеих неразрывно увязанных друг с другом генетических сторон — идеологической и формальной. Название «яфетический» не определяет ни в какой мере биогенетической природы языка. Вообще в происхождении речи, в частности и звуковой речи человеческого коллектива как надстройки, нет таких природных или чувственных факторов, которые не были бы возведены в степень общественного бытия без корней в производстве и производственных отношениях. Потому новое учение об языке внесло в классификацию языков термин «система» вместо «семьи», «племени» (ethnos), «ствола» (la souche, der Sprachstamm) и других терминов, бравшихся из зоологии или ботаники. И оно избегает биологических терминов, настаивая при трудности немедленной их смены в быту на усвоении коренного переосмысления самого содержания, как то обстоит со столь основным термином языковедной науки, как «родство». Правда, термин «яфетический» формально взят из библейской книги о родословии человечества, но употребление его в новом учении об языке определяется необходимостью считаться с уже сложившейся языковедной терминологией. В старой (индоевропейской) классификации языков, разумеется формальной, существовали уже термины «семитический», «хамитический» по именам двух из трех мифических братьев, сыновей мифического Ноя; отвоевывая себе место в науке об языке, новое учение принуждено было, по вскрытому им впервые родству с языками семитической «семьи», назвать грузинский и связанный с ним круг языков по имени третьего брата — «яфетический» — для большей наглядности устанавливаемых соотношений. Но с тех пор новое учение

[1] [Напечатано в «Большой Советской Энциклопедии», Москва, 1931, т. LXV, столб. 827—849.]

об языке глубже, до дна, вскрыло социологические корни человеческой речи на конкретных материалах языков всего мира, их главнейших систем. Откинув мираж физиологических факторов языкотворчества, новое учение об языке прорвало все расовые перегородки как мнимые устои племенных и национальных образований и родных языков. Потому термин «яфетический» в применении к теории в целом получил настолько общее, выходящее за пределы каких-либо территориальных или природных ограничений значение по противоречию с замкнутостью родовых, племенных и национальных в расовом восприятии мирков, что в настоящеее время он становится, отвлеченно говоря, излишним при утрате актуальности в теории перечисленными противоположностями. В применении к науке об языке — лингвистике или теоретическому языкознанию — термин «яфетический» сохраняет смысл лишь условно как противоположность расовому языковедному построению — индоевропеистике, все еще занимающей по старине господствующие позиции не только в преподавании и в продукции по языковедению, но и в умах масс, прошедших или проходящих по ней непосредственно или косвенно свою школьную учебу. Термин «яфетический» следует, однако, пока сохранить в применении к обсуждаемым языкам, к их системе, к частному учению о них, поскольку существуют термины «семитический» и «хамитический», в применении к частным учениям о соответственных языках и их системах. В таком использовании библейский термин как понятие своим содержанием зависит лишь от того, что вкладывают в его содержание достижения науки об языке, далекие от библейской идеологии, более того — противоположные ей. И он так же закономерен, как в астрономии мифологические названия светил — Венера, Марс, Сатурн. На этом основании для соблюдения последовательности в наименовании частных учений новой лингвистикой вводится термин «прометеидский», происходящий также от мифического Прометея; это собственное тотемное имя, Прометей — известный через греков от кавказских скифов герой, изобретатель огня и некогда равным образом светило-солнце. Производным от его имени термином сменяется географический термин «индоевропейский», оставляемый лишь для обозначения старого учения, его адептов и их суждений (индоевропеистика, индоевропеист, индоевропейский).

I. Живые языки яфетической системы в настоящее время существуют: 1) сплошной массой на Кавказе, северном и южном, и изолированно на противоположных концах более обширного мира — 2) в Пиренеях — баскский и 3) на Памире — вершикский или буришкский (буришакский).

II. Мертвые языки те, что сохранились только письменно — 1) идеографически в центральной части архаичного мира: хеттский на грани со Средиземноморьем в Малой Азии, и на островах — критский фигурный, пиктский на Британском острове; 2) идеографическо-силлабически: а) клинописные: так. наз. эламский (он же сузский, андзанский и др.) и шумерский (он же субарский) в Месопотамии, б) халдский Ванской системы в Армении и новоэламский многопменный (см. выше), на деле мидский, в) ряд малоазийских; 3) средиземноморские с усвоением однофонемных письмен — этрусский и сродные с ним, как

лесбийский с однофонемными буквами, иберские, равно лидский с арамейским письмом и др.

К мертвым письменным языкам относятся и древнелитературные языки (феодальные) Грузии и Армении с однофонемным письмом.

III. Немало, казалось бы, бесписьменно отживших языков яфетической системы. Укоренилось общее мнение, что народы и языки вымирали, и на их места водворялись новые. Этим объясняется общераспространенное представление о монолитности современных господствующих языков Европы. С этим мнимо-научным положением связано ограничение кругозора не только лингвистов, но и наиболее авторитетных специалистов по истории древнего мира, чрезмерный интерес к процессу эволюционного количественного прогресса и недостаточный учет революционных сдвигов и их внутренних социально-экономических факторов. В действительности же этот вопрос требует совершенно иной исследовательской установки и в Закавказьи с его халдами и в восточной Европе, где таких бесписьменно отживших языков яфетической системы в первую очередь как будто всего-навсего только два — скифский, или сколотский, и кимерский; скифский — предмет тяжбы между индоевропеистами и яфетидологами: первые, особенно специально заинтересованные в нем иранисты, принуждены теперь сдать полностью свои позиции, вторые — уточняют бесспорные права на него.

Кимерский в отношении языка сугубо спорный, ибо в противоположность скифам, оставившим богатейшее вещественное наследие в курганных погребениях и кладах, кимеры обездолены в отношении каких бы то ни было памятников материальной культуры. Их обездолили исследователи-археологи, работающие формальным методом, ибо нет формальных документов, чтобы признать за кимерами где-либо что-либо по части материальной культуры так же, как по части речевой культуры. Богатейшие литературы древнего мира молчат, ибо в орбиту их интересов не попали кимеры за их архаичностью. Но в таком положении находятся и русы, потому также предмет неисчерпанных споров, возникших и длящихся независимо от притязаний яфетидологов. Споры о русах развертывались среди историков восточной Европы, преимущественно русских историков, уже средневековья. Яфетические языки своими данными взрывают почву под спорящими в старой установке, сводя две противопожности к единству в синтезирующем их положении яфетической теории. Письменные документы Кавказа христианских эпох, поддерживаемые данными из памятников материальной культуры, обнаруживают, что абхазы были и в средние века тезками русских — славян. Яфетические же языки, в частности кавказские, благодаря палеонтологии удостоверили общность целых слоев с ними у русского. В этой же линии перебрасывается мост к северным народам, финнам, в том числе к разрешению проблемы о творцах рун и им предшествовавших более ранних пиктографических письменах, общих у Севера с Кавказом и Средиземноморьем. На скандинавском Севере русская проблема встречается с германским миром, наиболее архаичные по языку представители которого — готы — оказались преемниками скифов, неразрывно связанными лингвистически и с современными яфетидами и с древ-

нейшими насельниками Кавказа. В восточной Европе таким же предметом спора (также за период средневековья) надлежало бы быть вопросу о гуннах, собственно хонах (hon ←→ hun) или ионах (yon ←→ yun); однако вопрос о гуннах считается собственностью уже не славистов, или германистов, а востоковедов-историков, тюркологов и иранистов, и спора никто из них не принимает, хотя не подлежит никакому сомнению, что на Кавказе, особенно Северном, были автохтоны хоны с языком яфетической системы. И здесь яфетические языки своими данными, установив общность фондовых слоев у них с русским, украинским и германским, вскрыли опять-таки факт, что тотем YON, предмет культа и магии ионского социально-экономического образования, послужил архетипом всплывающих в средние века терминов, обозначающих по дифференциации социально 'главу', 'вождя', 'жреца', 'священника', культово же опять-таки — 'имя' или 'прозвище', 'знак', 'печать', а за ней и 'письмо', и именно в значении 'книги', 'буквы' у грузин (ti-gn) общность с русским (kni-ga), а в значении 'печати' общность у армян (kə+ ni-q) с ассирийцами («kun+u-kku», kun+u-ku) и даже римлянами (si-gn-um 'клеймо'). Также не учитывалось ни одним специалистом существование ионов-яфетидов рядом с ионами или ионянами — «индоевропейцами», уже одним из основных греческих племен; между тем независимо от яфетидологии халдская клинопись VIII в., откопанная в Ване в 1916 г., свидетельствует о существовании царства ионов на другом, южном конце Кавказа (на территории, занятой ныне частично чанами, их трансформациею) еще тогда, когда никаких греческих колоний не было по Черноморью. И судьба не одних ионов, руссов, кимеров и скифов быть спорными, носители ли они в своем тотемном названии одного из четырех лингвистических элементов (SAL, BER, YON, ROШ) или их составных разновидностей. Имеется длинный ряд так наз. племенных названий, не менее красноречиво свидетельствующий о соответственных социально-экономических образованиях, племенах и народностях, доселе остающийся спорным или замалчиваемым как презренная величина, точно этих племен или народов не было в реальности или их бытие для истории и общественности господствующих классов Европы не существенная подробность. Таковы иберы и лигуры в западной Европе, врезывающиеся в историю Италии, Испании, Иберии и Франции, в последней также предмет спора, что до крайности обострялось в призме расового восприятия языка и нации. Иберы, выступающие в западной Европе в положении кимеров восточной Европы, признаны народом иной расы, но интереса к уточнению их происхождения нет. О факте созвучия наименований пиренео-альпийских иберов с кавказскими иберами не больше работ, чем об отнюдь не случайном созвучии Лигурии западной Европы с кавказской Гуриею. Также не случайны встречи таких названий, как Албания на Балканах и Албания на Кавказе, и десятков, сотен других топонимических терминов и племенных названий. И особый интерес в частности вопроса о кимерах, также появляющихся в различных районах как автохтоны, в том, что где вскрываются они, там обязательно налицо как противоборствующая сила скифы. При расовом восприятии народов и языков борьба создает презумпцию о столкновении двух врагов и о встречах их в результате миграции.

При марксистском анализе, подготовленном яфетидологической палеонтологией на языковом материале, налицо столкновение двух внутренних противоречий в хозяйстве и общественности каждого данного конкретного социально-экономического образования без учета какой бы то ни было надобности в миграции: так, легенда об основании Киева, повторяющая сказание об основании древнейшего в Армении города Ковара, или Куара, оказалась скифской при фонетико-морфологическом подходе к его анализу, при анализе же по элементам соответственно стадии тех эпох, оказалась кимерской; но это отнюдь не исключает участия скифов и на Руси и в Армении в одной общественности с градостроителями-кимерами. Скифами пропитана вся общественность и в Грузии; само наименование грузин не что иное, как термин «скиф» (sku-ɜa). Грузия некогда носила название иберов, что опять-таки является разновидностью кимеров, и на месте в устах части населения в роли собственного национального названия она звучит «имеры». Терминология различных производств, охоты, военного дела, земледелия, скотоводства, металлургии, равно форм социального строя, а также культа в грузинском и сродных языках полна скифизмов, но не в одиночестве, а совместно с кимеризмами. В то же время не в самом веществе источник расхождения скифов и кимеров в названиях благородных металлов, не тот факт, что 'золото' — скифский термин, а 'серебро' — кимерский. Расхождение это — последствие того разделения труда, благодаря которому в руках одной производственной группы находилось оборудование добывания и обработки серебра, во владении другой — инструменты золотых дел мастерства, от добычи металла до его той или иной хозяйственной обработки. Меновая функция металла в свою очередь зависела от социально-экономических факторов, отнюдь не считавшихся с какими-либо природно-расовыми, тем менее национальными перегородками: национальностей вовсе и не было, чтобы изменять самое содержание термина или влиять на него. Поскольку названия металлов тотемически связаны с 'небом' ('серебро' и 'золото' — с двумя великими светилами, 'серебро' в частности с 'солнцем'), отнюдь не случайно и созвучие названия 'бронзы' с греч. brontē 'гром', также восходящим к 'небу', что за термином закрепляет происхождение глубочайшей древности (эпох до выработки формально-логического мышления). На Западе у басков то же слово в более простом двухэлементом составе значит 'свинец'; разновидность этого баскского слова как тотема сохранилась в топонимике Европы, в частности во Франции и Испании; так, одна из них (Pur-en) в названии гор с древнейшим металлургическим производством — Пиренеи (les Pyrénées). На Кавказе в более сложном составе с детерминативом из пережитка элемента A (s- ← sa- ∽ ha-), у грузин — s-pɪ-l-en-ɖ 'медь' ('красная медь', 'латунь'), и у армян a-par-an-ɖan ('бронза') 'браслет', во множестве откапываемый, притом не столько наряд, ручной или ножной, сколько одновременно особой значимости для первобытного мышления в загробном мире по своей форме, а в здешнем — предмет широкого потребления (по предположению Моргана, как «меновой товар», «денежная единица»). Аналогичные соотношения наблюдаются и в ряде других терминов — названий металлов и местностей, в частности в названии Кавказских гор Kaw-kas, также центра еще раньше заглохшего метал-

лургического производства. С металлами сложный строй языкотворчества тотемических эпох представляют и термины магического значения, впоследствии прошедшие в наименовании 'печати', 'письма', 'книги'. Они восстанавливают утраченные связи яфетических языков с языками иных систем Афревразии (авар. beḍed 'бог', груз. beṭed 'печать', русск. «печать»).

Что же касается учтенных пока в обработке нового учения яфетических языков, живых и мертвых, не говоря о переживающих слоями в перестроенных из них языках иных систем, уже самая их разбросанность свидетельствует о том, что это остатки языков, на которых некогда говорило все население европейского Средиземноморья в широком смысле этого слова, т. е. со включением прежде всего населения примыкающих частей Африки и Азии, а затем по связи с ними и население более далеких частей, равно Америки, Полинезии и Австралии. Те же богатейшие пережитки, которые сохранились от них слоями (от соответственных древних и древнейших социально-экономических формаций малого охвата) во всех языках мира, вошедших в орбиту изучения яфетидологии, говорят о том, что яфетические языки с нормами их системы лежат в основе всех других языков. Яфетические языки не составляют «семьи», как считалось раньше, а систему, подобно прометеидским (индоевропейским), семитическим и др. языкам, и своей системой выявляют все вместе, каждый с большим своеобразием, определенную стадию развития человеческой речи. Яфетические языки полистадиальны, представляя ряд древних стадий языкотворческого процесса, а тем самым и ту стадию, которую в том или ином виде прошел всякий язык до сложения формально-логического мышления и космического мировоззрения как надстройки на базисе определенной стадии производства и производственных отношений, социальных и технических, со включением техники транспорта.

Стадию яфетической системы прежде всего отличает синтаксис, строй речи как мысли в выявляющей ее сигнализации — в поэзии, т. е. творчестве (производстве) и стихе, оракуле, предложении, фразе, так техники в идеологической установке и формальных его выявлениях. В общем в языке дело идет о предложении-мысли как целом и о диалектически выделяемых из него элементах, при нашем позднейшем восприятии — дифференциации в нем слагаемых, впоследствии частей речи, и их оформлениях. На синтаксис, строй речи, влияет идеологическая недифференцированность самих слов, равно их оформления.

а) Одним и тем же словом обозначается состояние предмета (отвлеченное понятие, имя) и его достижение, действие (глагол), напр. 'питье' и 'пить' — груз. феод. su-ma (нар. su-m), 'слово' и 'говорить' — груз. феод. si-tku-a 'говор' (в том числе теперь и языковедческий термин в области диалектологии) и 'говорить' — нар. ɔq-ma (феод. ɔqu-ma). Все это вторгается в построение не только отдельного, изолированного слова, морфологию, но и слова-мысли, строя речи (синтаксиса), разрешая при одной и той же форме объект ставить то в падеже род. (объективном) при восприятии этой формы как имени, то в вин. (вин.-дат.), при восприятии ее как глагола. б) Яфетические языки своеобразны далее тем, что в них расположение слов двоякое, одно противоположное другому; это явление наблюдается не только в различных представителях яфетической

системы, но иногда в различных говорах [по существу различных классовых (хотя бы зачаточно классовых) языках] одного и того же социально-экономического образования, идеалистически «народа», «этнического образования»; различаемые компоненты языка (слагаемые, по схоластической грамматике — части предложения) следуют в порядке субъекта, объекта, определения, определяемого, сказуемого или в обратном порядке — сказуемого, объекта, субъекта, определяемого, определения. Так, в феодальном языке Грузии, как и феодальном языке Армении, определение следует за определяемым, объект следует за субъектом, все последует за сказуемым; в противоположном ему низовом классовом языке, так называемом «народном» [термин, свидетельствующий о неизжитом еще идеалистическом представлении о естественном народе (Naturvolk)], наоборот, определение предшествует определяемому, объект предшествует субъекту, все предшествует сказуемому. 1) Особенно ярко и выдержанно это наблюдается в противоположности мест, занимаемых различными частицами увязки; так, феодальный язык проявляет тенденцию к предлогам, тогда как низовая классовая речь не знала их ни в Грузии ни в Армении (предлоги феодального языка в ней являлись послелогами); не допускает предлогов и «новый» литературный язык — язык нового класса, занявший место языка феодального, изжитого вместе с говорившим на нем классом, разложившимся в новой общественной формации. 2) То же антиподное взаимоотношение имеем в кругу языков яфетической системы в таком факте, как расположение с предлогом союзов и местоимений перед глаголом в феод. груз., тогда как в ближайших сродных с ним общественно языках имеем обратное их размещение; так в чанском союз не только следует за глаголом, но занимает последнее место фразы, куда точно также перекинут предлог и у сванов, и отрицание в казахском говоре арм. яз. (точно в обоих случаях налицо особенности немецкого языка). в) Но и в самом древнем феод. груз. расположение объекта раньше субъекта перед оформленным в спряжении глаголом (в местоименных частицах) вскрывает слой иной стадии развития речи; это пережиток классового языка иной социально-экономической формации.

Уже из сказанного выше становятся ясными и трудность определения яфетической системы и исключительное ее значение; с одной стороны, в ней налицо особенности различных стадий, в той или иной мере они четко свидетельствуют о полистадиальности яфетической системы, с другой стороны — нечеткость расхождений в речевых явлениях различной категории, присущая языкам этой системы. В сумме подобное подвижное, неустойчивое состояние различных речевых категорий не позволяет трактовать в целом идеологическую сторону отдельно от формальной, морфологию особо от синтаксиса, фонетику — без учета не только морфологии, но и синтаксиса. Четко прослеживается в яфетических языках история частей речи.

Так, а) в них ясно выступает первичность местоимений, которые определяются как смена тотема (тотем — также надстройка, но надстройка не речевая, а мировоззренческая), причем сам тотем послужил своим заместителем («местоимением») сначала «возвратным», точнее «собственническим», сигнализирующим «хозяина +

владельца», разумеется, в ту эпоху первобытного коммунизма — коллективного. По материалам яфетических языков затем выделяются личные местоимения, в которых формы ед. числа и мн. числа не различаются, потому что 1) сигнализаторы 1 лица ед. числа обслуживают и мн. число, 2) при переживании коллективного мышления с нарастающими уже личными местоимениями индивидуалистического восприятия чисел говорящие располагают для первого лица мн. числа 'мы' двумя разновидностями, одна из которых обозначает 'мы' со включением второго лица ('вы'), в противоположность обоих первых лиц третьему, другая разновидность — 'мы' в противоположность не только третьему ('они', 'он'), но и второму лицу ('вы'). Яфетические языки дают возможность наблюдать в наличном их состоянии, как на часть тотема — сигнализацию коллективного 'владыки-хозяина' («возвратное местоимение»), коллективного и индивидуального, легла функция выражать постепенно зародившиеся и другие виды местоимений: притяжательные, указательные (они же определительные члены и т. п.). Там, где вырабатывались отвлеченно воспринимаемые ныне виды флексии, все еще осознавался тотем, поэтому в яфетических языках мы наблюдаем такие особенности: 1) в «склонении» собственные имена, являющиеся тотемом, обходятся без окончания именительного падежа, каким служило местоимение, т. е. тот же тотем. Поэтому же собственные имена не принимают и окончаний активного падежа, так как и это окончание представляет собою тотем, напр. в феод. груз. «Иосиф» — Ioseb, а не Ioseb-ı, активн. Ioseb, а не Ioseb-man (в нар. Ioseb-ma). 2) В «спряжении» на сигнализатора третьего лица, тотем, была возложена новая функция выражать народившуюся потребность в первых двух лицах, как активах. В результате единства противоположностей первые два лица, еще не расщепленные в представлении, как противоположность третьему, стали выражаться одним и тем же элементом В; так, напр., в груз. основа ma, служащая сигнализатором третьего лица, активного, стала местоимением первых двух лиц: me ← ma 'я' и ma — 'ты' в мест. падеже, так наз. наречии, напр. в нар. ma-q 'там у вас||у тебя'. Это же ma в абхазском, в подъеме ba — также местоимение второго лица, но «женского рода», собственно представитель некогда женского актива (от эпохи матриархата), у грузин оно же сигнализирует актив, но уже в склонении: ma-, в усечении m-, служит основой всякого активного падежа. В языках яфетической системы, не выработавших флексии, слово 'рука', 'орудие' служит для образования орудийного падежа (Instrumental), «косвенного», на который во флективных языках перешла функция «субъекта», прямого падежа.

По мере выделения в особые категории оформления взаимоотношений в пространстве («склонение») и во времени («спряжение») стали оформляться в языке не только предметы («имена»), как состояния и качества, т. е. «прилагательные», и как действия, но и с учетом времени, т. е. «причастия» различных времен. В итоге части предложения уже развитой мысли выделились в части речи, которые в свою очередь стали строиться идеологически как самостоятельные единицы с оформлением не только основной своей смысловой функции, уже закрепленной однозначностью, но и служебной в строе речи. Сложность глоттогонического процесса яфетические языки выявляют с особой наглядностью,

неразрывно увязывая технику построения идеологии слов, как самостоятельных единиц, с техникой обслуживания или взаимной увязки в строе речи. Так, напр., 'склонение' и «спряжение» в яфетических языках непрерывно увязаны друг с другом, пользуются в своем оформлении одними и теми же звуковыми элементами. Основную роль среди всех частей речи играет та, которая появилась наиболее поздно, — глагол; он — выразитель действия и его противоположности — страдания. Рядом с глаголом-действием, творческим или страдательным, существует глагол-состояние, увязывающий имена синтетически расположением слов, или с помощью лишь местоимения для увязки (согласования) с именами или без увязки, и тогда «спряжение» еще меньше отличается от «склонения». В обоих случаях отсутствует четкость размежевания во взаимоотношениях склонения и спряжения: спрягается любое слово, образ ли это предмета-орудия или предмета-продукта (имя), или действие (глагол), покойное ли или движущееся состояние.

Фонетика языков яфетической системы также представляет амплитуду колебания от четырех лингвистических элементов (A, B, C, D) до значимых лишь технически в составе слов отдельных звуков, фонем.

Соответственно с этим звуковые корреспонденции социально сошедшихся, так наз. родственных языков сказываются в фонетическом изменении всего элемента, т. е. цельного слова, а не одной лишь фонемы или случайно сошедшейся пары и более звуков.

Все яфетические языки имеют общую установку норм изолированно звуковой фонетики с тремя, а то и четырьмя модальностями в составе следующих согласных: а) сильных t, d, ϑ, ṫ, ḋ, ϑ̇, ṭ, ḍ, ϑ̣ со слабыми s, z, ш, ȷ и б) их противоположностей k, g, q, ķ, ǧ, q̇, ķ, ģ, q̣ со слабыми h, γ, ʕ, y. Гласные три твердые a, o ⟷ u, e ⟷ ı, три мягкие ä, ö ⟷ ü и слабые ə, w, y, именуемые качественно или количественно полугласными, в действительности же стоящие на грани гласного с согласным. В яфетических языках значительно больше звуков, чем в языках других систем. В них же мы имеем диффузные сибилянтно-спирантные, четвертые звуки каждого ряда и др. В большинстве из них исчезли (подобно четвертым звукам рядов) лабиализованные и иотированные согласные (особенно богато и систематически представленные в абхазском) и латеральные (или наиболее отличительные для ряда языков восточного ответвления северокавказских языков); и звуки эти, как элементы, так и слова, наглядно показывают в яфетических языках тот факт, что в словотворчестве учитываются не физиологические качества, а социально-экономически создаваемые для них функция и значимость.

Большое значение имеет в ряде яфетических языков использование дополнительных или сопутствующих согласным или гласным технических средств, как-то: а) длительности согласных (так наз. удвоения) и гласных (с долгими гласными так наз. двугласными, на самом деле это дифференцированные долгие гласные, лишь одной морой превышающие длительность простых, так, напр. ay ⟷ aĕ, aw ⟷ aŏ, ey ⟷ ıy (ī ⟶ ı), ow ⟷ uw (ū ⟶ u), или обратно wa ⟷ ŏa, wo, we ⟷ wı (uy) и т. п.; б) образование носовых гласных и так наз. эпентезис, проникание гласного во внутренний слог, входящие в систему дифферен-

цированной долготы. Носовые гласные и эпентезис исключительно развитая особенность чеченских языков; в) ударение, представленное тем богаче, чем беднее морфология. Так, например, в абхазском с его ограниченным морфологическим инвентарем имеем крайнее разнообразие в выборе места ударения — решающим является семантическая дифференциация, в других же яфетических языках, напр., в сулетинском диалекте баскского языка, встречаем ударение лишь на втором слоге с конца. В языках с долготой гласных долгота используется в соответствующих наречиях с ударением, в других, утративших долготу, казалось бы, замещает ударение, однако возникновение ударения связано с делимостью слов на элементы и их осмыслением; г) интонация, которая также имеет семантическую функцию: где не выработаны особые вопросительные частицы, там использование интонации, напр. в гурийском говоре грузинского языка, осложняется еще длительностью произношения последнего слога.

Одновременно с расширением технических средств дифференциации выходят из употребления дебелые согласные (т. е. согласные, образуемые со сложной артикуляцией в гортани), причем изживание протекает в порядке определенной последовательности: сначала исчезают соответственные заднеязычные $\underset{\cdot}{k} \rightarrow \underset{\cdot}{g} \rightarrow \underset{\cdot}{q} \| \underset{\cdot}{k} \rightarrow \underset{\cdot}{g} \rightarrow \underset{\cdot}{q}$ и затем переднеязычные согласные $\underset{\cdot}{t} \rightarrow \underset{\cdot}{d} \rightarrow \underset{\cdot}{\vartheta} \| \underset{\cdot}{t} \rightarrow \underset{\cdot}{d} \rightarrow \underset{\cdot}{\delta}$.

Учет тех же фактов в диахроническом разрезе дает возможность проследить палеонтологически от значимости отдельных фонем, ныне воспринимаемых лишь формально, как отрешенные от материального базиса идеологические символы, до лингвистических элементов (A, B, C, D), пережитками которых они являются. Многочисленные разновидности этих элементов в яфетических языках выступают с общей функцией служить увязкой языка и мышления, звука и значения.

В связи с этим яфетидологи устанавливают в яфетических языках целые ряды слов, образованных только из одних элементов, без всяких служебных частиц, местоимений и «неизменяемых» частиц, в числе их ряда основных союзов. Сюда следует отнести прежде всего ранее и наиболее всех других частей речи обобществленную и ставшую по написанию международной часть речи — числительные. Числительные, стандартизованные по мышлению еще при ручной речи, в яфетических языках состоят в основе из одного слова 'рука', воспринимаемого в трех разрезах для узловых чисел, как 'руки' (франц. bras) — 'один' и 'два', и как кисть, т. е. 'кулак с пятернею' — 'пять', и как 'два кулака пятерни' — 'десять'. Остальные числа получаются или сложением, или вычитанием. Однако яфетические языки дают возможность вскрыть и более древнюю систему исчисления, когда узловые числа выражались словом 'много', причем это 'много' исчисляло не единицу, а социальные группировки (не только 'десять' или 'пять', но и 'три' было 'много'). Затем по переносе коллективного восприятия на единичное и с ростом восприятия социально-экономического образования и расширением охвата мышления 'много' стало расти численно не только до 'десятка', до 'ста', но и до 'тысячи' и т. д. Так, напр., нар. груз. 'много' — bevr за многие столетия до грузин у халдов значило '10 000' (bur-a).

Яфетические языки, предполагается, следуют лишь двадцатиричной системе в противоположность десятиричной народов с речью прометеидской системы. Дело обстоит сложнее (см. яфетидологическую литературу о числительных).

Из одних элементов состоят и прилагательные, представляя имена существительные, воспринимаемые в разрезе их свойств или качеств как прилагательные по месту своей перестановки, так в народной речи перед определяемым; например dabal-ı ğober-ı 'низкий плетень'; палеонтологически разъяснено теперь, что dabal значит 'низ', буквально — 'низ' (da-) + 'небо' (bal), т. е. 'нижнее небо' = 'земля'.

Образование мн. числа — дело позднейшей эпохи, ибо вначале при коллективном мышлении каждое слово мыслилось как коллектив, и оформлять приходилось именно ед. число. Но и тогда, когда стали оформлять мн. число, то это произошло еще до оформления объекта и субъекта, и все слова безразлично получали с функцией сигнализации 'много' так наз. племенное название, собственно все то же название социально-экономического образования, означавшего, как мы видели, в числительных 'много'; так обстояло дело в «народных» языках, не дифференцированных по социальным слоям, в эпоху, когда в таком первичном социально-экономическом образовании строй был матриархальный; ср., например, -dan → -da (элемент D) у сванов в названиях сыпучих тел, -ar ← -yar (элемент A) у сванов -är||-ar, в нар. арм. -yar или -e + ar, -ra (элемент D) у абхазов в личных местоимениях, у сванов в названиях собраний деревьев (-ra). С возобладанием патриархального строя, с наступлением господства отцов (мужей, отроков) и снижением власти матерей (жен, девиц), сообразно производству и взаимоотношению социальных по производству группировок женская часть получила дополнительное оформление, но это наблюдаем в языках не яфетической системы, а, напр., семитической и прометеидской; однако и в них проскальзывают случаи, когда не только безразличные, казалось бы, к роду или полу предметы, но бесспорно связанные в нашем представлении с мужчиной должностные лица, как-то 'халиф' у арабов (q̇al + īφ + aϑ^{un}), у русских «судья» (↘ su + dıy-a), оформлены в жен. роде. Яфетические языка выявляют с неопровержимостью своими данными, что показатель ж. р. сигнализирует не пол, а классово-общественную природу господствующего слоя (первично при нарастании патриархальной формы общественного строя); при этом само оформление раньше касалось не основы слова, а определительного члена, местоимения, как в греческом — ἡ χείρ (← q̇er-ı) 'рука'; и это явление богато представлено в северо-кавказских языках, в значительной мере и абхазском, так наз. классовыми признаками; последние не оформляются внешними признаками, а представлены по выбору особыми элементами, в свою очередь сигнализующими различные социальные группировки с соответственными приемами борьбы, именно актива (трудящийся производитель) и пассива (используемые в производстве предметы, живые и мертвые); при этом актив (только отчасти звуковой дифференциацией, но наряду с этим и сменой всего элемента) сигнализует противоборство женского актива (la, la-ra) мужскому (ya, ya-ra). Социальный источник классовых признаков в оформлении основ яфетических языков дает установить те наблю-

даемые в них явления, что, например, окончание -ə̇a (архетип женского окончания в языках семитической системы, так и представленный в арамейской ее группе) в феодальных языках Грузии (-ə̇a) и Армении (-ə̇a) образует косвенные падежи с функциею логического субъекта, а в абхазском разновидности — ə̇a (← ə̇o) служат для образования мн. числа от имен активного класса.

По флективности вообще, по образованию форм имен и глаголов, по использованию местоимений, предлогов или иных служебных частиц нет ничего в яфетических языках, что не отражало бы смен материальной базы и такой основной надстройки, как мышление и его техника, за все время развития человечества; и это устанавливается не только при взгляде на палеонтологически вскрытый диахронический разрез истории языкотворческого процесса за все эпохи, но и в начальном состоянии этих яфетических языков именно там, где язык стал орудием потребления социально-экономического образования более широкого охвата [так, напр., грузинский в двух его классовых разновидностях — феодальной архаичного уклада (др.-лит.) и так наз. народной, на самом деле также некогда классовой, но при новом укладе — феодальной форме общественного строя — изжитой и загнанной в качестве языка массового эксплуатируемого низового населения], или там, где те или иные производственно-социальные группировки малого охвата стали, вслед за падением в борьбе говорившего на ней социального слоя, языком низовых масс и ограниченного района, иногда одного ущелья, одного села. Поэтому если, с одной стороны, склонение и спряжение четко не размежеваны в яфетических языках, то с другой — все явления в их образовании представляют, как частью было уже показано, или единство, когда они принадлежат одному социальному слою, или противоположности, когда они принадлежат различным социальным слоям; разумеется, здесь речь идет о происхождении, ибо по употреблению и противоположности могут быть в одном и том же социальном слое, как результат взаимного общения в материальной базе, производстве и производственных отношениях, равно в итоге взаимодействия социальных достижений и в области надстройки. Таким образом не только схождения, но и расхождения, как уже особенно четко выявляется именно в яфетических языках, могут служить доказательством «родства» двух языков, поскольку они указывают на участие творцов их в одном и том же производственном процессе как противоборствующих сторон.

Один случай для иллюстрации: и в склонении и в спряжении целевая установка выражается одним и тем же признаком; поэтому, например, у грузин, с одной стороны, направительный падеж на вопрос 'для чего', 'куда', с другой — сослаг. наклонение, оно же будущее, как сказуемое предложения цели или целевой направленности на будущее, оформляется одним и тем же гласным показателем (характером) — «а», напр. ḍoḍoḳeə̇-a 'в ад' (др.-литер. феод.), ə̇qu-a-s 'чтобы он сказал', 'пусть он скажет', 'он скажет' (собственно 'он имеет целью, намерен сказать'). Сам гласный показатель — одна фонема — является однако пережитком слога ha, сибилянтная разновидность которого (свистящая sa‖шипящ. šo) также служит для образования целевого падежа на вопрос 'куда', например груз. Qarə̇l-sa 'в Грузию'. Этот и целевой и направи-

тельный падеж, на вопрос 'куда', в других языках выражаемый винительным, у грузин имеет двоякую функцию — и винительного и дательного падежей, ибо эти два падежа формально не дифференцированы, хотя в мышлении соответственные понятия расщеплены, и грузин их выражает, перенося функцию морфологического образования, нехватающего у него, на синтаксис. Само же окончание sa-, в спирантной разновидности -a с потерею спиранта, является остатком элемента A -sal, означавшего 'руку' (отсюда груз. ǯal 'сила' и 'рука'; последнее значение в основе глагола 'давать').

Яфетические языки составляют единую систему по качеству идеологической установки; в то же время по оформлению и по количеству языков, равно по охвату сигнализуемой каждым из них как надстройкой социально-экономической базы, они столь многообразны, что эти количественные особенности переходят в качественные.

Естественно, все качественные отличия яфетической системы, в итоге многочисленные, учитываются с точки зрения существенной значимости их для языка как конкретного надстроечного явления, доступного нашему наблюдению в звуковом воплощении. Основное отличие все-таки — качество идеологической установки — большой диапазон (размах) колебания и в осмыслении и оформлении звуковых комплексов, впоследствии слов, тогда элементов. Такой диапазон прямо противоположен малой численности коллектива и его узкому идеологическому охвату. Яфетические языки нельзя классифицировать формально без риска пройти мимо цели исследования понять способ построения речи в связи с идеологией, мышлением и его техникой. Формальные признаки других систем в яфетической системе в такой мере сплетаются друг с другом, точнее — в такой степени не дифференцированы и диффузны, что термины «синтетический» или «аморфный», «агглутинативный» не определяют еще в ней сами по себе ни формального типа самой системы, ни тем более особого характера входящих в ее круг языков.

Наиболее многочисленные среди нынешних народов с родной речью яфетической системы грузины (1 813 847) на Кавказе. К последним примыкают по численности армяне, стоящие на грани с прометеидской системой (1 500 702) на Кавказе. Подлинные яфетиды Европы, с громадною не учтенной ролью в культурном строительстве соседящих романских стран — Испании и Франции — именно баски, исчисляются тысячами, в лучшем случае достигая перевальной высоты между полмиллионом и миллионом (от 600 000 до 800 000, со включением американских басков в Аргентине). Обычная численность яфетидов не превышает двадцати-тридцати тысяч, а большинство не доходит и до десятка тысяч, исчисляясь несколькими тысячами. Язык туго поддается изживанию и тогда, когда говорящие на нем составляют население одного общества, как цова-тушины или бацбии (их свыше тысячи — 1945 человек, а по переписи — 7 человек), или исчисляются лишь одной тысячею или того меньше, как джеки — 607 (со включением хапутов 12 и крызов 5). Однако и в исчислении говорящих нет точных данных, поскольку в статистике о человеке, доселе формальной и построенной на зоологических мерилах, при исчислении национальных меньшинств часто нет учета ни тех, кто владеет действительно другим яфетическим

языком рядом со своим родным, ни тех, кто силен лишь в родной речи. Так же обстоит дело на Кавказе с совершенно замолчанным языком населения в несколько сот человек всего одной деревни — Чух — среди соседящих народностей с языками лезгинского ответвления, в Европе с басками в окружении испанского с одной стороны, французского с другой. В древности при сильном классовом распространении в социальных путях яфетические языки имели большую экстенсию лишь в господствующих, отнюдь не в массовых слоях населения. У мирового халдского государства в допрометеидской Армении по самым числительным высшая цельная цифра была 'десять тысяч'. Так обстояло дело и у древних феодалов Грузии, судя по их др.-лит. грузинскому языку. В массовом языке большие числа сигнализовались 'сотнями'; даже «'тысяча' в грузинском обозначается описательно: 'десять сотен' (aϑ-as). Термины магического значения, восстанавливающие, как мы видели, утраченные связи яфетических языков с языками других систем, вскрывают факт исключительной важности палеонтологического анализа для выявления социальной дробленности самих яфетических языков и разности группировок в зависимости от способа производства. Широкое использование лингвистических элементов, числом четырех, A, B, C, D, тогда еще не ставших словами с устоявшимися за каждым из них постоянными значениями, но все-таки имевших уже функцию слов выражать общественные потребности, зависело, с одной стороны, от все еще слабой дифференцированности группировок всего коллектива, социально-экономического образования, уже классовых или на пути к перестройке в классы, с другой — от наличия вполне сложившегося ручного языка. Со сказанным органически связан а) ограниченный круг самых потребностей, выражение которых составляло функцию элементов, б) при нарастании же в результате усовершенствования производства общественных потребностей нематериального порядка и необходимости их соответственного надстроечного выражения, стройка и перестройка в зависимости от мышления (в одних случаях — с зрительным восприятием предметов и с возложением новых функций на те же звуковые комплексы материального значения, в других случаях — с более высоким развитием техники — восполнение производства слов указанного порядка с помощью дифференциации наличных в элементах звуков или придачею к ним для уточнения лишних элементов, успевших обратиться впоследствии в морфологические признаки различного порядка). В такой сложной обстановке идеологических вопросов, органически увязывающих собою звуковую сторону, оформление с мышлением, нецелесообразна подробная классификация языков по схематизованным фонетическим нормам звукосоответствий, как и по существующей доселе собирательной подготовке материалов старым методом. Достаточно дать список разновидностей яфетических языков, наречий (диалектов) и говоров.

Яфетические языки Кавказа: I. Южнокавказские: 1) Грузинский язык. Диалекты и говоры: восточные: а) карталинский, б) кахский, в) тушский, г) пшавский, д) хевсурский, е) ингилойский; южные: а) сомхитский, б) джавахский, в) месхский, г) кларджийский, д) таосский, е) гурийский; западные (имерские): а) имерский и на севере б) рачинский, в) лечхумский. 2) Мегрельский язык. Диалекты и говоры: а) сенакский, б) самурзаканский, в) зугдидский.

3) Чанский, или лазский, язык. Диалекты и говоры: а) хопский, б) чхальский, в) архавский, г) вицейский, д) атинский. 4) Сванский язык. Диалекты и говоры: а) верхнесванские: ушкульский, местийский, мулахский, парский, ипарский, лахамульский, таврарский и др.; б) нижнесванские: лашхский, чолурский, лентехский. II. Северо-кавказские языки. А. Восточная ветвь — дагестанская: а) лезгинские языки: 1) кюринский, 2) табассаранский, 3) агульский, 4) арчинский, 5) рутульский или мыхадский, 6) цахурский, 7) хиналугский, 8) джекский, 9) хапутский, 10) будухский, 11) крызский, 12) удинский; б) даргинский; в) лакский (кази-кумукский); г) аварский; д) андийские языки: 1) андийский, 2) ботлихский, 3) годоберинский, 4) каратский, 5) ахвахский, 6) квандийский (багулальский), 7) чамалальский, 8) тиндальский; е) дидойские языки: 1) дидойский (цецский), 2) хваршинский, 3) капучинский (бешитль), 4) нохадский (хунзальский). Б. Срединная ветвь: а) чеченские языки: 1) нахчийский (чеченский), 2) ингушский (ğalğa), 3) цова-тушинский (бацбийский), 4) майстийский. В. Западная ветвь: а) северная часть — адыге: 1) кабардинский, 2) черкесский, 3) убыхский, 4) абазинский; б) южная часть — абхазский с диалектами 1) самурзаканским, 2) абжуйским, 3) бзыбским.

Яфетические языки Европы в Пиренеях представлены как будто одним языком — баскским, национально называемым евскарским; на самом деле, не говоря о расхождениях, превышающих диалектические, в баскской речи в Испании и Франции, сулетинский диалект выступает и сейчас как особо стоящий язык. Помимо баскского, увязанного с иберским, и евскарского, выделяемого с национальным названием басков «евскалдун», сама сложная их речь выявляет наличие в диалектах лигурского, особенно гурского и йонского языков, из коих гурский представляет разновидность с губной огласовкой (шипящая группа) гальского. Помимо баскского языка, диалекты и говоры: в Испании — 1) верхненаварский, 2) нижненаварский, 3) бискайский, 4) гипускуанский; во Франции — 5) ронкалесский, 6) сулетинский, по-сулетински — шуберский (шubero с ш средним между шипящим и свистящим, Sübero или Sibero, название страны Soule).

Яфетические языки Азии на Памире опознаны пока лишь в одном языке — вершикском или буришкском.

Деление языков на северные и южные годно лишь для формалистов при неучете таких освещающих существо дела фактов, как, напр., особой роли местоимений и местоименных частиц то коллективного, то индивидуалистического их восприятия и с ним или флексии, resp. агглутинации, или построения синтаксиса и морфологии с помощью местоимений. Однако, не делая из этого никаких решающих выводов, надо все-таки знать, что южнокавказские языки, кроме сванского, принадлежат к сибилянтной ветви; из них грузинский относится к свистящей группе, мегрельский и чанский — к шипящей. Более глубокой проработки с диалектическим учетом подлинных коэффициентов требует и тот факт, что северо-кавказские языки принадлежат к спирантной ветви. Спирантный слой характеризует и сванский язык, но и в нем сильно выступает рядом со слабой свистящей прослойкой мощный пласт шипящей группы, притом противоположности, спирантная часть с сибилянтной, динамически отнюдь не могут быть

огулом признаны вкладом извне, хотя статически их нахождение в одном языке представляется результатом скрещения. Так же обстоит дело с абхазским, скрещением спирантного с свистящей ветвью. Баскский язык также «мешаный», спирантно-шипящий.

Буришкский язык выделяется своим классово-местоименным строем, благодаря чему входит в круг северо-кавказских групп. Пополняющий материал для восстановления картины лингвистического состояния звуковой речи Памира с прилежащими странами черпается из иранского окружения, где налицо отложения языков яфетической системы. Одним из богатейших местных источников этого порядка является вымерший письменный язык средневековья — согдийский. Таково же положение и с баскским в окружении увязанных с ним живых романских языков, в числе их и диалектов, говоров французского и испанского языков. Изучение баскского языка и его диалектов, особенно ранних переводов (с XVI в.) французских эпических произведений, равно фрагмента родного с космическими героями эпоса Лело, куда внесено содержание из национальной борьбы с римлянами при Октавиане, побуждает утверждать, что у басков существовал феодально-сословный язык и литература, если не письменная, так устная.

Среднюю ветвь яфетических языков Кавказа надо пополнить перечнем языков соседящих народов, слывущих за этнические образования с языками иных систем, овсов или осетин (с языком прометеидской системы), карачаевцев и балкар (с языками турецкой системы), но выявляющих сродство с яфетическим миром не только в материальном быту, мировоззрении и фольклоре, но и в речи. В связи с этим в этот круг входят слоями сванский и абхазский, да и мегрелочанский.

У классово сильнее дифференцированных народов расхождения массовых языков, т. е. диалектов, стираются; так, в яфетических языках Кавказа у грузин в полосе сплошного их населения диалекты сведены к говорам. Лишь у изолированных в высоких горных ущельях групп сохранилась вместе со старым бытом и хозяйством более резко выраженная разновидность речи; так, у хевсуров, а также изолированных в лезгинской среде ингилойцев и за рубежом в персидской среде у переселенцев времени Шах-Аббаса. Деление перечисленных языков по территориально-лингвистическим группировкам отнюдь не значит, что те или иные народы Кавказа возникновением своей речи обязаны окружающей их ныне природе или что занимаемой ими ныне площадью в какой-либо мере определяются взаимоотношения языков, на которых они говорят. То обстоятельство, что языки яфетической системы со строго определяемыми взаимоотношениями расположены по совокупности на Кавказе, отнюдь не объясняется простыми внешними отложениями, такими внешними факторами, как миграции; это распределение или расселение их по территории не имеет никакого отношения к особенностям их, многообразным видам речи, восходящим к социально-экономическим факторам. Абхазский язык, которому место надлежало бы иметь совместно с кабардинцами или черкесами Сев. Кавказа, находится на юге хребта в одной природной обстановке с языками шипящей группы сибилянтной ветви, доселе называемыми по местонахождению: южнокавказские. Раньше абхазы занимали еще более про-

сторную площадь с расширением на юг. Удинский язык, переживший в Азербайджанской республике, по своему строю может и должен по существующим доселе старым лингвистическим представлением быть на севере и именоваться «северо-кавказским», а между тем удинский язык пережиточный остаток или перестройка речи народа этиуни, известного своею оседлостью на юге Кавказа еще в IX—VIII вв. до хр. э. Да и не он один является представителем тех же «северо-кавказских языков». Внешнее расселение в деталях отнюдь не представляет картины, в какой-либо мере связывающей природно языки с занимаемой ими территорией. «Северные» языки восточного Кавказа ближайше родственны с «северными» языками западного Кавказа, в числе их и абхазским; и их территориально разделяют не только сванский и еще более далекий от них грузинский, но язык, доселе слывущий за совершенный индоевропейский — овсский (осетинский). А в Свании лентехское наречие, что в бассейне Коня-реки (у сванов Лашхур, у грузин Цхенисцхали, у греков — Ἵππος), имеет больше схождений с одним из западных диалектов верхней Свании на Ингуре, чем с соседящими наречиями. Мегрельский и чанский, языки одной группы, разъединены грузинским языком, отнюдь не однородным, Гурии и Аджары. Разумеется, все эти соотношения зависят не от природы, а от политики, экономики, общественности, ибо самое проникновение одной речи в другую было в социальных путях через господствующие слои, классы. Все в движении. Такой же процесс или итог такого процесса наблюдается в расположении диалектов баскской речи, языка также яфетической системы, и в роднящихся с ними соседящих языках Испании и Франции, языках других систем.

В связи со сказанным нынешняя классификация по странам света и формальным признакам речи, в первую очередь голо-фонетическим, есть наследие старого учения об языке, с нею неразрывного, — и она должна сдать место анализу идеологии и технике ее оформления и осмысления звуков и придаточных средств звуковой дифференциации. Это — основная сторона звуковой речи, увязывающая ее как с источником происхождения, с производством и производственными отношениями, экономикой и социальным строем. В этом смысле наиболее значимую роль играют признаки, определяющие наличие в языке представления о собственности и владении и различные степени их использования, вскрывающие ступень развития мировоззрения. К таким признакам с формальной стороны, неделимой с идеологической, относятся местоимения, играющие первостепенное значение в определении языков и их взаимоотношений; не менее важна их роль, как увязки речи: именно увязывают ли они лишь содержание понятия, представления и звуковое оформление, т. е. слова со словами, или слова через призму мышления и мировоззрения с предметами, которые обозначают они опять-таки как общественные значимости, а не сами по себе. Меняется в свою очередь общественная значимость в зависимости от ступени стадиального развития, которая выявляется в данном языке; при более ранней технике мышления, напр., тотемической, и соответственном мировоззрении слово, сигнализующее предмет, получает меньше дифференцирующих его признаков, ибо в самой базе, производстве и производственных отношениях, не настолько дифференцированы отдельные акты произ-

водственного процесса, чтобы каждая его часть давала независимого своего выразителя в языке, как в надстройке.

Сообразно со сказанным в системе яфетических языков находим (в стадии массового развертывания эмбрионального состояния звуковой речи) особенности всех систем от типа аморфного, полисемантического с неустойчивой значимостью, единством выражения двух противоположных значений до типа флективного, моносемантического, с закреплением за каждым членом семантической пары одной из противоположных друг другу значимостей, вплоть до еще более позднего состояния речи уже с техникой мышления, переходящего, а частично перешедшего полностью в формально-логическое, когда взамен зрительного осознания предметов наступает осознание речи, слов в отдельности, с переносом на каждый из них творческой одухотворенной силы с производственного двойника человеческого коллектива, тотема. Тотем отрывается развитием техники от трудового процесса и становится религиозным; взаимоотношения слов как идеологические, так в связи с ними формальные воспринимаются в установке, отрешенной от базиса, точно слова происходят от слов, понятия реют независимо в воздухе и производят понятия, как недоступные анализу идеи, а формы независимо производятся от формы без учета социально-экономической значимости сигнализуемого предмета. Дело доходит до той ступени стадиального развития, на которой за утратой осознания связи с общественной функцией речи, основным фактором языкотворчества, слово воспринимается как воплощение самого обозначаемого предмета с его материальными, в том числе физическими свойствами, откуда не только женский, мужской, но и средний род, откуда «грамматическая» трактовка слов по обозначаемым ими предметам, «одушевленным» или «неодушевленным».

В последнем случае важно отметить, что не только слово или понятие 'душа' — надстроечно, но надстроечен сам предмет душа, дух, не имея ничего общего ни с физическим строением или дыханием тела, ни с социально-экономической значимостью обозначающего его слова. Значимость или ценность самого обозначаемого формально и идеалистически воспринятым словом предмета была действенная сущность, творческая сила человека-общественника, коллектива, при магическом мировоззрении — тотема; поэтому в эпоху первобытного производства палеолитического периода его сигнализовало основное орудие 'рука', а за ним впоследствии и искусственные орудия, сменившие 'руку'; поэтому эти орудия, в числе их 'топоры' одинаково были предметами культа, как то свидетельствует палеонтологически вскрываемое значение их названий, при мировоззрении космическом 'дитя неба', при технологическом — 'ручка', ср. груз. название 'топора с крюком' tal-di, 'топора' вообще ǯul-di (лит. ǯul-i 'небо' ~ 'рука'), гур. na + ḏa-ḳi 'топор' (лит. 'секира', ср. ḏa-kwa 'нож'). Но от такой значимости 'руки' до 'души' много утекло воды; человеческим трудом были совершены громадные для тех времен революционные сдвиги в производстве и в производственных отношениях, произошли они соответственно коренным сменам в мышлении и мировоззрении, и непосредственно перед 'душой', предметом культа, была ее противоположность — 'труп'. Потому даже в русской

речи[1] du-q̇ ⟷ do-q̇, да и более древние его разновидности tuq̇ ~ tu-ш служат основой таких глаголов, как «дох-н-уть», «протух», «тух-н-уть», «туш-ить», совершенно так же, как в языках яфетической системы, где, напр., в абхазском 'живой' ('душа') и 'мертвый' ('умирать') не различаются. Вопрос, однако, не в проявляемой и здесь диалектике языка, а в отмеченном факте, что надстроечен сам предмет 'душа', 'дух', более того — он воображаем. Обращаясь за аналогией по вопросу о стоимости к туманной области религиозного мира, Маркс («Капитал», I, стр. 32) пишет: «Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг другом. Такую же роль в мире товаров играют продукты человеческих рук. Это я называю фетишизмом» и т. д. Все сказанное Марксом с безукоризненной точностью прилагается и к стоимости такого товара, как слово, к его значимости, как то вскрыло новое учение об языке благодаря языкам яфетической системы. Этого яфетидизма достаточно сохранилось в форме пережитков и в семитических языках; так, напр., в арабском слово, означающее 'особу', т. е. первично 'тотем', значительно позднее 'человека' как смену коллектива, по противоположности единицы множеству (что датируется осознанием человеком своей индивидуальности), именно na-fas (двухэлементное, D B образование) имеет значения эпох и родового, да и раннефеодального строя — 'кровь', феодально-государственного — 'сан', отвлеченно 'достоинство', 'величие', но значило оно и 'цену', 'стоимость': отсюда в арабском прилаг. nafıs — 'ценный', у яфетидов же одноэлементно с родной социальной огласовкой ϕas (груз.) 'цена', 'стоимость', с губной огласовкой ϕшu 'аромат' в основе глагола феод. груз. языка ϕшu-ıs 'пахнет ароматно', с чем, как известно, увязано абх. ϕsə 'душа', греч. ϕsw-ϕe 'душа', но опять-таки с сармато-грузинской огласовкой у сванских халдов-скифов в земледельческом быту 'живая душа', 'бык-пахарь' — pa-q̇ın-ı, отсюда у русских как глагол «па+х-ать», «па+ш-ня», так с губной огласовкой и орудие пахотьбы — «плу-г» (нем. Pflug), в скотоводческом быту — pas, 'скот', некогда 'тотем-скот', 'бог' (см. морд. эрзя pas, у скифов pasa в основе Argımpasa 'Афродита Урания', букв. 'неба божество'), откуда не только «пас-ти», но с ослаблением губного по норме p ↘ v и с гортанной и губной огласовкой бог скота — Влас, Волос и т. п.

В этой же линии возникшее «оприроднение» производственно добытой и общественно развитой звуковой речи составляет характерное качество яфетической системы. С ним связано, как известно, наличие звукоподражательных слов, в яфетических языках представленных и количественно и качественно так богато, как нигде. В языках яфетической системы выработаны слова киномиметические и хромомиметические, т. е. подражающие движению и цвету, так, напр., в абх. 'ходит как медведь' drıd̂ + mrəd̂-wa или ı-m-ϑqaṭə-à-ϑqəṭə.

У народов с языками яфетической системы лингвистический интерес представляет и переживание тотемического мышления, связанное с охотничьим

[1] С переводом русского спиранта «х» на яф. аффрикат q̇.

промыслом первобытного оформления: выражается оно в наличии особого охотничьего языка, используемого в процессе производства.

Наконец яфетический Кавказ в массовой сохранности языков яфетической системы рядом с звуковой речью удержал в быту местами (так, особенно в Казахском районе у армян) ручную речь. Женщины в связи с тем или иным положением блюдут обычай говорить ручной речью определенный срок, порой годами. Исследование этой речи на живом материале начинается лишь теперь, когда новое учение об языке теоретически выявило длительность и громадное значение различных видов линейных языков, в особой же степени ручной речи для важнейших сдвигов в истории развития производства и мышления.

Яфетические языки дают вообще богатейший материал по истории развития мышления и, углубляя тем средства и способы изучения самой палеонтологии речи, делают очевидной необходимость коренной перестройки доселе существующей сравнительной «грамматики», построенной по методам индоевропеистов. Сохраняя в себе в качестве актуальных норм по единству противоположностей аморфное состояние рядом с морфологическим, полисемантизм, эта система в дошедшем до нас состоянии включает языки, развившие за время позднейшей исторической жизни свое мышление до формально-логического, в зависимости от усовершенствования техники и более сложного производства, овладения обширными лесными пространствами то путем сложных охотничьих промыслов, то создания широких пастбищ, овладения богатыми тучными землями, их обработкой и градостроительством и в особенности использованием металлов, их изобретением. Во всех языках яфетической системы в зависимости от сдвигов в производстве и производственных отношениях произошла смена мышления; но в зависимости от различий в технике производства и в строе соответственно сложившейся общественности каждая группа (а иногда и в одиночестве один язык) оказались с различным соотношением присущих им всех противоречивых норм одной общей системы. В этом отношении исключительное место занимает грузинский язык. В целом оставаясь в яфетической системе в полной корреспонденции с языками мегрельским и лазским (по формальной классификации языков свистящей группы с шипящей), грузинский, одинокий язык свистящей группы, надбавочно развитой частью выходит за ее пределы и смыкается с семитической системой. И в этом отношении с грузинским языком конкурируют армянские языки, особенно один из их группы, феодальный, который в отличие от грузинского феодального смыкается с прометеидской системой (также не выходя отнюдь полностью из яфетической системы) и вместе с тем с единственным европейским языком бесспорно яфетической системы, языком бретонских соседей, басков или эскуаров, равно эскалдунов. В то же самое время чрезвычайно разнообразны схождения обоих языков Армении с яфетическими языками Кавказа, особенно его севера; при этом исключительно близкое, теоретически важное для проблемы о перестройке языка схождение наблюдается у феодального армянского языка с абхазским, у «народного» армянского языка с шипящей группой яфетических языков и у обоих армянских языков, и феодального и «народного», со сванским, представляющим соответственно сложное образование из двух социальных языков, что обычно и в яфетидологии име-

нуется доселе скрещением. Будь то скрещение или состояние нечеткой дифференцированности различных социальных слоев одного социально-экономического образования с речью все той же яфетической системы с присущими ей противоположными нормами, армянская группа языков в своем богатом яфетическом фонде содержит значительный слой и свистящей группы, общий с ее единственным известным пока представителем — грузинским; у «народного» армянского выступают еще особые исконные связи с языками финскими (мордовским, суоми-карельским) и частью также турецкими. Но с турецким юг, в частности Кавказ, встречается в языке и по линии грузинско-чувашской с данными, выявляющими в соответственном слое единство кавказской и приволжской яфетической речи. Рядом же есть линия, настойчиво выдвигаемая индоевропеистами для увязки персов-иранцев с финнами; однако дело не в иранцах-индоевропейцах, персы они или другие народы, ибо персы или парсы с полным видом своего названия S-par-s, сохранившимся у грузин, вскрывают свое «допрометеидское» существование, восходя к Subar'ам, тезкам шумеров. Также всякие иные иранские встречи с финнами имеют свои корни в более ранних связях этого юга с востоком Европы. Выявлено родство эламского яфетического языка мидов в клинописи Ахеменидов (с VI в. до хр. э.) с одним из приволжских финских языков, удмуртским, в увязке каждого из них с яфетическим халдским языком ванской клинописи (IX—VI вв. до хр. э.) в Армении и с ним сродными и т. д. Связи вскрылись тесные, иногда с такой реальностью не предполагавшиеся, финнов с древними и древнейшими яфетидами не только Кавказа, но и Индии на юге, на западе с басками. Наметившийся процесс образования господствующего сословия и роли городов ставит в новом свете проблему о происхождении русского и его связи, в частности на юге, с яфетическим Кавказом и допрометеидским, также яфетическим, Ираном и в речи, и в терминологии первых хозяйственных животных, и в социально-культовых явлениях. И это сложнейшее исследовательское дело — необходимая предпосылка для разрушения фикции об иранском «прометеидском» влиянии на финские языки, тогда как сам иранский, в первую очередь персидский, абсолютно никем из иранистов не разрабатывается в своих глубинных внутренних социально-генетических и глоттогонических процессах. Яфетические же языки, сами в основе скроенные в древнейших слоях по родовому строю на грани еще с дородовыми производственными группировками, дают богатый материал для учета вкладов феодального и городского социальных слоев в перестраивавшуюся из яфетической системы персидскую и русскую речь. Таковы же связи яфетических языков Кавказа с западом Европы, подкрепляемые увязкой с языками восточной Европы. Опираясь на ряд встреч, выявляющих тожество языковых явлений в речи его населения, все по социальным слоям, ныне разбросанным по диалектам и говорам, не только с баскским языком, но и с кельтской речью, с проникновением в ее систему и в ее многочисленные отдельные языки, яфетический Кавказ взрывает фикцию о римских корнях, о римском основном творческом слое в романских языках и открывает в конкретных взаимоотношениях соответственных языков Кавказа и Италии, Галлии (Франции) и романской Иберии (Испании) и далее Ирландии перспективы работы в тех же путях организации

языков всего мира, всех систем, в единый глоттогонический процесс. Этот процесс находит свое объяснение в диалектическом развитии материальной базы непрерывно за все время исторического существования человека, с момента выработки коллективным трудом при изменчивом орудии коллективного мышления с его идеологической техникой, с чем было положено начало нового скачка в развитии первичного смутного сознания на высокую ступень все растущего осознания — познавания. Практические последствия самого актуального значения этих, казалось бы, чисто теоретически важных достижений громадны, особенно у нас в реконструктивный период, когда человечество созидает единство своей хозяйственной жизни, и в СССР закладываются практически в социалистическом его строительстве основы материальной базы будущей единой речи — «расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт» (И. Сталин, Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б)).

Лит.: Работы Н. Я. Марра: Кавказские племенные названия и местные параллели. Труды комиссии по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. Л., 1922, вып. 5; Племенной состав населения Кавказа. Там же, 1920, вып. 3; Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка, СПБ., 1908 (см. Предисловие); Грамматика чанского (лазского) языка, СПБ., 1910 (см. Предисловие); Непочатый источник истории кавказского мира. ИАН, П., 1917, стр. 307—338; De l'origine japhétique de la langue basque, Сб. «Язык и литература», т. I, изд. ИЛЯЗВ, Л., 1926, стр. 193—260; Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, СПБ., т. XXII, стр. 31—106; Предварительный отчет о командировке в пределы древней Этрурии и Басконии. ИАН, П., 1921, стр. 724—39; Яфетические зори на украинском хуторе Ученые зап. Научно-иссл. ин-та этнич. и нац. культур народов востока СССР, М., 1930, т. I, стр. 1—86; Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, М. — Л., 1931; Бретонская напменовская речь в увязке языков Афревразии, ИГАИМК, Л., 1930, т. VI, вып. 1; Язык и мышление, М. — Л., 1931; Новый поворот в работе по яфетической теории. ИАН, 1931. Подробнее см.: Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии (2 изд., Л., 1926) и Список печатных работ Н. Я. Марра за 1888—1928. ЯС, т. VI (Л., 1930). Литературу по отдельным языкам яфетической системы см. в «Классифицированном перечне» под соответственными рубриками, но в громадном большинстве в установке старого формального учения об языке (индоевропеистики) и всегда без применения основного средства идеологического анализа — четырех лингвистических элементов.

Новый поворот в работе по яфетической теории

(Из результатов научной командировки в Германию)[1]

Занятия в Бонне открыли нам два материально и теоретически важных факта:

А. Не только готский, работой над которым я предполагал ограничить свои изыскания в сторону германской группы языков, но и выступивший в процессе исследования с особой строго определенного порядка с ним связью немецкий язык оказались по состоянию стадиального своего развития яркими представителями «переходных» ступеней от яфетической системы к прометеидской, так наз. «индоевропейской» (а то «арийской» в некоторых кругах с пережиточными терминами особого порядка, или, как принято в Германии именовать, «индогерманской»). Связь названных двух языков друг с другом вскрывается еще более глубокая, чем то предполагалось доселе: она неразрывна по составу яфетических слоев и тогда, когда налицо для наблюдателя, незнакомого с достижениями палеонтологии речи по новому учению об языке, полное, исключающее взаимность, расхождение в степени двух противоположностей.

Б. Связь Рейнского края с яфетическим Кавказом и Пиренеями наметилась, однако, не по языку только. То же самое приходится утверждать и по истории материальной культуры не только в каменные и металлические эпохи, но и в средние века.

Пользующиеся мировой известностью минеральные воды Рейнского края связаны не с одними природными богатствами местных руд. В свою очередь иная связь прослеживается у скрытых руд не менее, чем у открытых минеральных вод, и теперь, и в древности более наглядно, чем на Кавказе, окутанном мифами и легендами классиков, доселе несменяемых учителей Европы, а через Европу — всего «культурного» мира: прослеживается связь с непрерывностью в Рейнском крае производства человеческих рук, металлургии, и процесса перестройки форм социальной структуры, а с этим по совокупности материальным базисом мышления и речи шла перестройка и самой так называемой расовой природы человечества, включая в нее и соматические его особенности.

Всем известно, что в Рейнском крае открыты череп и с ним части костяка палеолитического человека. Они открыты в местности, носящей название Neanderthal, но никто и не гадал того, что вскрылось теперь благодаря палеонтологии речи: название своей основой Neander заходит, оказалось, далеко за времена немецкого поэта XVII в. Joachim Neander'a, певца духовных песен и школьного директора близлежащей деревни Düsseldorf, — к нему возводится обыкновенно это наследие местного языка допрометеидской («доиндоевропейской») системы, — и тщетно было объяснять его по созвучию непосредственно греческими словами. Термин Neander отнюдь не изолирован ни в целости, ни в составных своих частях, элементах (D, C, A), в этом же оформлении в Рейнском крае.

[1] [Напечатано в ИАН СССР за 1931 г., стр. 637—682.]

Первая часть (D) ne ← ney, входящая в состав племенного названия Ne+me-t (откуда и русск. «не+м-ец») и прослеживаемая в самом nemet'ском слое немецкого языка в значениях, синонимных со второй частью, играет существенную роль как нарицательное имя, придаваемое топонимическим названиям как их родовое определение; вторая же часть, ander (CA), с рядом других названий населенных пунктов, равно рек, по отвлечении также немецких слов Thal, Dorf[1] или смененных ими более древних придатков, например, -nach в Ander-nach на левом берегу Рейна, недалеко от главных путей и где засвидетельствовано существование человеческой жизни в бронзовый и каменные века, представляют синонимы.[2] Не о чем-либо ином вещают такие названия того же края, как Mosel, Dü+s-sel (Düsseldorf) и др. Эти синонимы словарно и нарицательно означают 'воду', resp. 'реку' и 'женщину', а также 'руку' в языках яфетической системы, так, в частности, ander доселе мы находим у пиренейских яфетидов, ныне басков, в слове ander-e. Но те же синонимные термины в Рейнском крае говорят социально и культово в названиях его населенных пунктов, да и рек, прослеживаются с одной стороны зверино-тотемные ('лев', 'вепрь', из домашних — 'собака', 'лошадь') переживания, с другой — следы доримского, от матриархального строя, почитания женщины, что донесено почти до наших дней теми же басками в быту. Они же свидетельствуют о смене одних, первичных форм социальной структуры и соответственных верований другими, более сложными, о высоком культурном уровне задолго не только до классического Рима, но до сложения прометеидской (так наз. «индоевропейской») речи. В Рейнском крае легче, чем на Кавказе и в Пиренеях, сорвать пелену невероятного, научно-насильственно культивируемого забвения первичной действительности, освободить от наносного греческого и римского классического культурного пленения подлинную картину архаичного хозяйства и первоначального трудового населения, его социального строя и мировоззрения.

Громадная собирательно-научная работа в самом крае уже намечает новые исследовательские пути. Намечаемые пути выводят за пределы повсеместных исканий доселе генетически отнюдь не разъясненных позднейших культур Средиземноморья — греческой и латинской цивилизации. Эта собирательно-научная работа выходит своими устремлениями, особенно же материалами, за

[1] Отделением этих немецких слов мы вовсе не думаем внушить мысль, что сами по себе они не имеют своих архетипов в языках яфетической системы: a) das Thal → tal 'долина' ← груз. tkal 'вода', 'река' (ср. гур. tal-a 'долина', ровно по формуле t'k'al || [tor ←→ tur →] арм. dor 'долина' [вм. *dor] ←→ dur 'вода', 'река'), b) das Dorf с прослеженным раньше развитием придатка -t усеченного элемента C — ten (⌣-ken ↗-'h'len, см. русск. «деревня», русск. мн. «деревень» или der+e--v-en+e-a) в названии города Dor+pa-t || русск.«Дерпт» из Der+pe-t (ср. Н. Я. Марр, Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 668, 671), в полном виде —*dorbel имеет своего двойника в груз. so-ɸel 'деревня' (⌣-* sor-bel) ['город'] → 'мир', термин с громадной родней из нарицательных слов и топонимических слов прежде всего на Кавказе, по Причерноморью и т. д.

[2] Если бы отожествление гальского имени в латинской транскрипции Antunnus с тем же Ander-na+ch'ом (Dr. Wilhelm Kaspers, Die -acum Ortsnamen des Rheinlandes, ein Beitrag zur ältern Siedlungs-Geschichte, Halle a. S., 1921, стр. 5) нашло признание, то по отвлечении латинского окончания -us, именно An+tun-n, представило бы местное же образование другой социальной группы с заменой элемента A (der) элементом C (tun ←→ ton), о «водном» и соответственных значениях которого в чанском, русском, кельтском и т. д. см. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока СССР, т. I, стр. 53.

пределы интересов к взаимоотношениям военно-культурного строительства Рима и враставшего в него господствовавшего слоя краевого населения, собственно его тонкой надслойки, отрывавшейся от архаичной организации труда и общественного уклада массового населения Рейнского края: у этого мира с архаичным бытом были свои внутренней жизнью наливавшиеся творческие связи в стране и за ее рубежом. В Рейнском крае работа ведется со свойственной германским ученым систематичностью приемами утонченнейшей техники. Здесь своеобразная группа научно-исследовательских учреждений: это Römisch-Rheinische Komission во Франкфурте-на-Майне — филиал центрального учреждения Archäologisches Institut в Берлине, и ряд так наз. провинциальных, собственно краеведческих музеев, не говоря о ряде обществ. Особого учета и внимания требуют по идущей в гору здоровым ростом организации и объединяющиеся в общие научно-исследовательские усилия различные семинары и институты Боннского университета, в числе их помимо востоковедного Orientalisches Seminar der Universität, исключительного по богатому подбору представленных в нем языков, Институт исторического краеведения (Geschichtliche Landeskunde), Рейнский словарь (Rheinisches Wörterbuch) и др. Все более и более развертывающиеся раскопки без шума вскрыли и за средние века совершенно не гадавшиеся смены в позднейшем христианском зодчестве. В Бонне под собором открыты части базилики с многочисленными, превосходно сохранившимися каменными изваяниями «матрон»: христианские культовые фигуры сращены в них с дохристианскими женскими божествами с переживающими в их окружении звериным тотемами в виде 'рыб', 'драконов', 'змей', равно одомашненных животных — 'собак', 'лошадей'. Краеведческие изыскания углубились и расширились до потребности вовлечь в разработку рядом с живой речью и историей материальной культуры (она здесь так и именуется с 1921 г.) развитие в крае форм общественного строя и правовых взаимоотношений с обостренным вниманием к собиранию материалов по обычному праву, исторической их смене. Силой вещей наука в Германии подошла в фарватере краеведческого движения вплотную к проблеме о недооцененной значимости доримской и доиндоевропейской культуры, давно с резкостью кричащего, но замалчиваемого факта поставленной яфетической теорией проблемы еще в работе, ныне уже устаревшей (Н. Я. Марр, «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры», Лейпциг, 1921 = Der Japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, Leipzig, 1923).[1] Эта проблема ныне получает первую наметку ответа.[2] Ответ этот составляет непредвиденный сдвиг, может быть сейчас недооцениваемый автором настоящих строк переворот в новом учении об языке, во всяком случае ново-

[1] [См. здесь, стр. 79—124.]

[2] Первый яфетидологический опыт такого ответа по вообще германскому миру вышел под заглавием «Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen» из-под пера индоевропеиста проф. Ф. А. Брауна, об отрыве которого от нашей исследовательской линии глубоко сожалеем, но этот опыт, собственно Antrittsrede автора при открытии курса в Лейпцигском университете, независимо от его отрыва, связан с устаревшей установкой моего «Яфетического Кавказа и третьего этнического элемента», блестящий немецкий перевод которого ему и принадлежит.

ротный пункт, имеющий занять место рядом с первой формулировкой положения о смене расовой классификации языков делением их по системам социально-экономического происхождения. Сравнительно с предметом этой формулировки, напечатанной в Докладах Академии Наук (ДАН) под заглавием «Индоевропейские языки Средиземноморья» в 1924 г.,[1] нынешний сдвиг, не теряя своего отвлеченно-теоретического интереса, наоборот, углубляя его, представляет более конкретное и рабочее значение: отвлеченные положения об языке, независимо от обязательной всегда увязки со схематически и на отдельных лишь отрезках документированно упоминаемой историей материальной культуры, приходится прорабатывать всегда с ее учетом, ибо есть возможность прослеживать смены речи, конкретно выступающие в истории социально-экономических образований с их материальной культурой и мировоззрением в непрерывно наблюдаемом движении. И, что исключительно важно, последний вид сменявших друг друга социально-экономических образований, живя поныне, представляет не окаменелый реликт давно или хотя бы недавно прошедших времен, а современную просвещеннейшую нацию Европы в обладании науки и техники, доведенной по всем отраслям до высшей доселе существующей в Европе ступени развития.

Связь с Кавказом и Черноморьем не перестает (мы не говорим пока «почему» и «как») бросаться в глаза и за средние века и на монументальных памятниках, не на одном Ахенском соборе или на мелких изделиях, связываемых с готами, мы могли бы прибавить еще и в смене мировоззрений, более того — христианских верований и их оформления в культе (речь о протестантизме),[2] но наше основное положение в настоящей заметке имеет в виду более далекие эпохи, от которых сейчас, однако, Рейнский край перед нами выступает одним из значительных, если не самым значительным, и по многим обстоятельствам самым весомым по качественной значимости пережитков первоначального населения в Европе, именно в центральной его части. Рейнский край соответственно, своими живыми и поныне используемыми в новом творчестве переживаниями, чрезвычайно усиливает доказательную силу реликтовых языков яфетической системы Кавказа, Пиренеев, да и мало тронутого еще яфетидологией Памира; он должен если не решить, то наметить установку и дальнейшую судьбу нового учения об языке. Реликтовые языки яфетической системы, конечно, богаче представлены на Кавказе, где они к тому же получают освещение в значительной мере и от письменных сродных языков, как халдского (клинописного) Ванской области, так и особенно стоящих в противоречии каждого с своим так наз. народным древнелитературного феодального и средневекового буржуазно-феодального языков Грузии и Армении. Языки той же системы, также реликтовые, в Пиренеях, казалось бы, не только беднее, но обретаются в изолированности (спешу оговориться — в обманчивой изолированности), ибо в Пиренеях с окру-

1 [См. здесь стр. 185—186.]

2 См. Н. Я. Марр, Аркаун, монгольское название христиан — в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. ВВ, т. XII, №№ 1 и 2, стр. 1—68.— Его же, К вопросу об аркауне. ХВ, т. II, стр. 144—145.

жением Иберийского полуострова и галло-кельтской Франции реликтовый многосложный баскский язык на деле находится, не говоря о мифических и потому мертвых для Запада Европы, на самом деле исторических лигурах и иберах, в более яркой увязке с окружающими так наз. наречиями, кельтскими и романскими «патуа», собственно кельтским, точнее — бретонским о двух группах языком, и романскими, помимо государственных так наз. национальных языков. Неотразимые по ясности богатые фактические данные по яфетической системе Рейнского края в союзе с реликтовыми ее языками Пиренеев и Кавказа окончательным ударом (coup de grâce) решают вопрос о характере и составе речи населения всей Европы на первых ступенях его развития, со включением процесса сложения, да и развития яфетических языков, вплоть до эпох порождения прометеидской («индоевропейской») системы.

Оставляя детальное изложение наблюдений, сделанных во время двухмесячной командировки за дни работы в Бонне, вообще в Рейнском крае (25 февраля — 15 апреля), и получившихся уже результатов для использования в специальных работах и статьях монографического характера и отдельных заметках, считаю долгом предложить к опубликованию с настоящей заметкой следующее мое заявление. В нем формулирую основные достигнутые пока результаты.

I. Готский и немецкий языки никогда не существовали конкретно в разъединении друг с другом. Эту совместность их бытия выявляют не только сходные по созвучию или совпадающие по значению языковые явления и по фонетике, и по морфологии, равно по лексике, но и различные по звуковому обличию слова, в зависимости от различного состава элементов (A, B, C, D) с неодинаковым их подбором, или совершенно противоположными значениями тождественных или весьма созвучных слов.

II. Немецкий язык (также как, разумеется, каждый из прочих так называемых германских языков) представляет своеобразную структуру переходной ступени стадиального развития от яфетической системы к прометеидской. Различные моменты своеобразия структуры именно немецкого языка в целом находят поддержку, разъяснение и оправдание в различных языках яфетической системы. Главное же своеобразие немецкого языка прослеживается уже не по частям, а в целом со структурой определенных языков яфетической системы, собственно их слоев на Кавказе и в Пиренеях.

III. В кругу наличных живых яфетических языков Кавказа главный или решающий основной яфетический слой немецкого языка, его специально и действительно германская (не в восприятии наименования, искусственно и условно перенесенного на позднее сложившуюся общность) часть охватывает с одной стороны на Кавказе сванский и армянский языки, их соответствующие основные слои: из двух языков Армении особенно имеется в виду древнеписьменный, феодальный язык средневековья; с другой стороны, в Пиренеях — баскский, он же евскарский, свод богатейшего разнообразия не диалектов одного языка, а языков яфетической системы загнанных сюда исторических народов — шумеров или иберов, лигуров и т. п. Германский слой, роднящийся на Кавказе со сванским и армянским и в Пиренеях с баскским, определяется по материальной культуре

наличием уже железа и хлебных злаков, однако до существования пшеницы, по социальной культуре — господством матриархата, и особенно связанного с ним культа; в соответственном мировоззрении того же слоя господствует все еще животный тотемизм, хотя и перенесенный на космический мир, но уже налицо твердый *очаг*, «несмещаемый алтарь» оседлого населения.

IV. Готский язык сам по себе, будучи также в сращении с немецким (германским), стоит своим главным или решающим мощным слоем в таком же отношении к группе лазо- или мегрело-чанской, по техническому звуковому выявлению так называемой шипящей группе, в примитиве лишь с губной u [←→ o] огласовкой, лишь на дальнейшей ступени и с гортанной (a). Однако готский язык дошел до нас в возглавляемой им, собственно тотемно творившей его зачатки и взрастившей его соответственной производственно-общественной группировке. Эта группировка, социально-экономическое образование феодальное так же, как группировки языков, не дошедших до нас, древнегрузинского (иберский, иверский, отличный от картского языка = qarəul-ı, языка qarəvel'ов) и древнеармянского (armen'ский, отличный от хайского, hay'ского, языка hay'ев, resp. tay'ев или resp. tao'ев, hay⌜n⌝'ов ← han+ı-oq'ов или ṭan'ов), классовой формации, оставили христианские памятники на так называемых древнелитературных языках, из них готы, предполагается, бесследно исчезнувшие в Крыму, продолжали скифскую (sku-ə a⌜n⌝) линию лишь в процессе трансформации уже в новую систему, прометеидскую («индоевропейскую»), в сторону специальной германской. Обо всем этом речь будет особо, ибо здесь, если бесспорно велика связь с общегерманской и потому в дальнейшем с общей так называемой индоевропейской (прометеидской) системой, открылся путь, хорошо обставленный для работы над выяснением языка более древней ступени стадиального развития, все еще яфетической системы, вклада мелких социально-экономических образований, мелких коллективов по всей Афревразии, на Кавказе конкретно и исторически известных gog'ов или gu+g-ar'ов, resp. go+g-ar-ēn'ов.

Всем трем древнелитературным феодальным языкам присуща одна существенная синтаксическая особенность: определение в них следует за определяемым, как в баскском, так и в готском, тогда как в немецком, наоборот, определение предшествует, как в так называемых народных языках армян и грузин.

V. О сложности немецкого социального образования, именуемого нациею, можно судить по разнообразию его так называемых племенных названий. Их больше, чем то известно как национальное его наименование, родное оно или в ходу лишь у соседей, именно — neme-t 'немец', a⌜l⌝lema⌜gn⌝-⌜d⌝, germa-n (← ger+mā-n-), «deutsch» (te+de-sco, tui-sko ~ tui-sto). Другие названия свидетельствуются космическими терминами и наименованиями животных, равно растений, являвшихся тотемами и, следовательно, как то установлено палеонтологиею речи, с одной стороны племенными (этническими) и географическими названиями, (топонимикой) с другой — префиксами и суффиксами, первично указывавшими принадлежность к данному коллективу или общность, впоследствии отвлеченность понятия. Наконец, узловые числа устанавливают предельное число данного коллектива в охвате им уточненного определения количества в зависимости от про-

изводства при той или иной первичной форме социальной структуры, так в частности:

1) hun+der-t 'сто' сигнализует своим оформлением уже развитую общественность с соответственной ступенью стадиального развития в мышлении, и дальнейшее исследование должно установить, имеем ли в нем по отвлечении форматива -t использование животного тотемического названия коллектива, и лишь полный вид (архетип) названия 'собаки' — der Hun+d, resp. 'лошади', или космического 'тотема-солнца', по противоположности das Dun-kel 'мрак', dun-kel 'темный' (см. ниже «dien» 'солнце'), или, наконец, в hun+der-t налицо технологическое построение со значениями 'руки', resp. 'рук', 'десяти'; ни элементу hun ↙ kun, ни элементу der значение 'руки', resp. 'десяти' не может быть отказано, так как оно легко палеонтологически устанавливается на материале самого немецкого языка.[1]

2) Что Tui-ston (~ Tui-sko⌜n⌝) означало, по Тациту, deum terra editum,[2] то это в порядке вещей, ибо при тожестве названий 'неба' и 'земли', resp. и 'моря' ('воды'), мы здесь находимся в кругу космических представлений, и tui-ston также может означать 'дитя неба', как 'дитя воды' или 'дитя земли'.

3) Немцы у русских доселе носят одно из древнейших названий населения не одной Германии. Здесь они еще при Цезаре известны своим названием, трехэлементным (DB+C), уже с морфологически-функциональной ролью третьей части (-t), усеченного вида элемента C (-ten), тотемно отложившего себя в соответственную эпоху в самостоятельном названии дня недели 'вторника' — «Dien+s-tag» со значением 'солнца' (впоследствии 'дня', раньше 'неба', все диффузно с двумя значениями), и в связи с 'солнцем' — в основе немецкого глагола «dien-e+n» 'служить', 'поклоняться солнцу',[3] раньше, смотря по ступени стадиального развития, — животному или растительному, resp. древесному тотему, наследию от общественности дендрофагов. Но за многотысячелетний промежуток от одноэлементного образования (C) до оформления в трехэлементном составе (AB+C), куда относится и лат. Ne+p-tun,[3] выступает в результате изысканий по законам палеонтологии речи ступень стадиального развития о двух элементах (DB : ne+me⌜r⌝ ⟷ ni+m⌜o⌝r ↗ ne+bor): она оставила свой след в основе космического термина и за пределами Германии у соседящих русских в слове «небо» = = ŋe-bo (← ne+bo⌜r⌝ ← ni+m⌜o⌝r, resp. ne-me⌜r⌝, ср. св. ne+bo-z 'вечер' по 'небу'[4] и св. le+me-sg 'огонь' по 'небу'[1] → 'солнце') с его дериватами (в частности,

[1] Ср. Н. Я. Марр, К вопросу о происхождении арабских числительных. Записки коллегии востоковедов (ЗКВ), т. V, стр. 631—633.

[2] Tacitus, Germania erläutert von H. Schweizer-Sidler ... erneuert von Ed. Schwyzer, 8-te Aufl., Halle a. d. S., 1923, II, 2, стр. 5,10. О подробностях толкования особо, но предупреждаем все же, что здесь нет и не может быть речи ни о каком 'близнеце' в связи с усматриванием в tui- «герм. twi или twis- (к zwei, англ. two)»; так то речь может быть о 'близнецах', даже 'тройнях' (gemini, tergemini) в связи с двумя 'небесами' — 'небом' и 'морем', resp. 'землею'.

[3] Н. Я. Марр, Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры. СГАИМК, т. I, стр. 61. — Его же, Карфаген и Рим, fas и jus. СГАИМК, т. II, стр. 398. — Его же, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Труды Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. II, стр. 277—278.

[4] Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 60.

с ni+m в основе глагола «под-ним⌜а⌝ть-ся»), представляющем интерес своим множественным числом qe+be-sa, где форматив -sa уже элемент A (а не C) с усечением, используемый у немцев в полном виде sal, более же приспособленно к их германскому слою с палатальной социальной огласовкой sel, притом ныне в обеих разновидностях одинаково со звонким произношением zal ‖ zel в таких образованиях космического порядка, как «das Schicksal», «Schicksel», 'судьба', 'рок' (ср. «das Ge+schi+ck» с обиходным значением практического порядка — 'способность', 'ловкость', 'хитрость', 'искусство', впрочем, также 'талант').

4) Здесь для образования общего, в дальнейшем и отвлеченного понятия, использован тот же тотем sal, что служит племенным названием sal'ов, откуда св. ge-zal ‖ ge-zel-ı 'взрослый (правомочный) сын' и нем. der «Ge-sell» (ge-zel) 'товарищ', иногда говорится и о лицах женского пола рядом с «Gesell-in», на самом деле первично — о лицах именно женской организации, в связи с чем sal значило 'женщину'. Не только такое колебание, но совершенно противоположные парные осмысления, из коих одним исключается другое, получают свое окончательное разъяснение, когда эти, казалось бы, отвлеченные категории рассматриваются под углом зрения борьбы патриархального строя с матриархальным, и, естественно, lex salica или закон франков-салиев, т. е. первично женский закон и закон как бы франкских амазонок, исключает женщин из дележа земли, на чем далее во Франции последовало лишение женщин права наследования престола и появление нем. Frau 'женщина', 'госпожа' у готов лишь в значении 'господина' — «Fraujer» = Fraw-yer. Образование же социальных терминов так называемыми племенными названиями, некогда тотемами, переходит на собирательные и отвлеченные понятия, с ними и на глагольные формы, в которых при выражении действия совершенно теряется представление об имени, образе, с которым действие связано. Отсюда ge- (→ qe-) одновременно префикс причастия прошедшего времени и собирательных имен, как в сванском ye, resp. ⌜h⌝e- ⟷ ⌜h⌝ı- (ye-q̇w ↗ q̇e-q̇w 'женщина', в грузинском усвоении ı-gav 'притча', e-jvan 'бубенчик', древнелит. e-ban 'гусли'), в наличном сванском обычно с элементом D — le-lə-. Естественно появление элементов с теми же значениями и в роли суффиксов мн. числа, арм. -qe ⟷ -qı[1] (← ger ← ker), равно q в местоимениях,[2] баскское -k (нем. -g → арм. -q), равно скрещенно ć двумя элементами CA в отвлеченных понятиях и племенных названиях -an+k ‖ -un-k ~ -in+k ‖ -en+k ⟷ -in+k (с дальнейшей гаммой озвончения k → g → q): арм. tər+ǫ-an+q 'любовь', арм. ar+b-un+q 'молодежь (зрелая)', нем. die «Üb-un+g» 'упражнение'.

Встреча двух элементов C и A, из коих халдский язык ванской клинописи самостоятельно выявляет C с губной огласовкой -un-ı, а элемент A с элементом C, по утрате плавного, поддается уточнению лишь исчерпывающей проработкой каждого случая. Здесь может быть указан из подобных случаев лишь существен-

[1] Н. Я. Марр, Грамматика древнеармянского языка, §§ 176, b (-qe), 172, b, 173 a и b, 174 b (-qı), § 171, a (-qa).

[2] Там же, § 174, b (-q). Требует различения этот показатель множественности, если он также пережиток элемента A, как qe ⟷ qı (← ge⌜r⌝ ⟷ gı⌜r⌝) и окончание мн. числа в именах и глаголах -q, равно окончание племенных названий, остаток элемента C (ванск. клинооп. q̇ını).

ный форматив, то префикс, то суффикс нем. ge (→ арм. qe) ← ke — готск. ga (→ арм. qa) ← ka с его антиподным рядом te → de → ϑe || ta → da → ϑa. Понятно выступление этих суффиксов в племенных названиях и топонимике: Fr-an+k (в Житии Нины — br-an+d), «Lothr-in+g» ← «Lothar-in+g» (франц. «Lothar-in+g-ie», нем. «Lothr-in+g-er») с топонимическим и магическим использованием у армян и теперь в нарицательных именах существительных и прилагательных: nah-an+g 'область', hiw-an+d 'больной' (← 'одержимый духом hiw-').

5) Особенный интерес представляет для вскрытия интимнейших слоев немецкой речи, когда с одной стороны отвлеченные понятия, с другой — термины первичной и кочевой, и оседлой хозяйственной жизни вскрываются одновременно и как социальные (племенные названия) и как культовые, восходящие к тотемам первичного социально-экономического образования, так «-keit» = -key-t ↙ ker-t˹e˺ (↘ ˹h˺er-d), т. е. с одной стороны — немецкое окончание отвлеченных понятий «-keit», с другой как нарицательное имя 'очаг' — «der He-er+d», англ. «hear+th» лишь при особом учете истории двугласного «ea» (с he- ←→ hi-, слабой ступенью префикса ge- ←→ gi- в связи с «die He-er+de», англ. her-d 'стадо'), так арм. (равно перс.) -kert 'город' в топонимике, например, Alaš-kert 'Алаш-град'[1] и т. п., св. ǧer-ϑa, resp. ǧərϑa (в основе род. падежа) 'бог'.

6) Еще ближе подходит к массовой организации немецкого языка двухэлементная часть племенного названия Ger+ma-ni, именно ger-ma, resp. ger-me, более древний вид которого ker-m (↗ ker-p) ↘ key-m с одной стороны разъясняет нем. «der Keim» (Keym) 'зачаток', 'зародыш', архетип франц. «le germe», с другой у немцев «heim» = heym 'у себя', 'дома' (← 'в своем тотемном социально-экономическом образовании') и у грузин в их древнелитературном и феодальном языке (сванском слое) — ker-p 'идол' (← 'тотем'), 'языческий бог', как у немцев же «die Heimat» = Hey+ma-t 'родина', 'родное место' вм. выдержанной формы с палатальной огласовкой *Hey+me-t и у сванов ǧer+me-ϑ (→ груз. ǧ-mer-ϑ) ↗ ǧer+be-ϑ 'бог'. И в заключение в порядке оформления социальных терминов так называемыми племенными названиями интерес представляет и «deutsch» ← deut, стянутая форма которого dt присоединением (одновременно или последовательно d, затем t) к sta- дает название 'города' — «die Stadt», читать ли его šta или sta, как написан этот пережиток основы имени градостроительницы Иштари (I-štar), у немцев играющей особую выдающуюся роль в их космическом мировоззрении.[2] И, тем не менее, оформление и этого термина 'город' у немцев принадлежит, судя по его придатку dt ← dət (← «deutsch»), готскому слою немецкого социального образования.

7) Современное национальное название немцев «deutsch», несмотря на позднее его появление в широком письменно-общественном обиходе, — весьма архаичное образование, своим аффрикатом ϑ = «tsch» переносящее нас в допрометеидский («доиндогерманский») мир: оно свидетельствует о «deutsch»'ском, т. е. готском,

[1] Н. Я. Марр, Фрагмент халдской надписи из Алашкерта. ИГАИМК, т. I, стр. 56 сл., с учетом, что тогда не было еще представления о четырех лингвистических элементах, ker (→ ger), первый элемент слова ker-t, рассматривается лишь как фонетически по перебою b ∽ g возникшая разновидность арм. ber-d 'крепость' (см. ук. соч., стр. 55, прим. 2).

[2] См. ниже, стр. 336.

слое в составе немецкого социально-экономического образования, ибо название deuϑ (← ḍo-ṭ) с одной стороны — закономерная разновидность названия go-t, как то устанавливается составом элементов (AC) и безукоризненной закономерностью палеонтологическо-сравнительной фонетики языков яфетической системы. На основании этой подпочвенной, «субстратной» (употребляю этот термин лишь для того, чтобы быть реально более понятным, хотя вопрос тут не только о субстрате в обычном представлении) звуковой закономерности не только устанавливается отношение «deu-tsch» к deu-t ['ясный'], основе глагола нем deu+t-en в значении ли 'показывать', 'указывать', 'обозначать' (тогда от семан. тического прототипа 'рука' в технологическом ее восприятии) или в значени- 'разъяснять', 'толковать' (тогда от космического семантического прототипа 'солнце', первично вообще 'небо' и его окружение), отсюда совершенно нормально и в смысловом отношении его готская разновидность «þiuþjan» ϑiw+ϑ-yan 'славить', 'хвалить', собственно палеонтологически 'возвышать', 'exalter', что стоит в связи с первичным космическим значением его основы ('небо' и части его окружения, 'солнце', 'луна' и др.), с чем, между прочим, и стоит в связи появление «deutsch» в роли племенного названия, обычного на определенной ступени стадиального развития, когда оно значило 'дети неба', 'дети солнца', и таким образом никак нельзя утверждать за Kluge,[1] что готск. «þiuþjan» ϑiw+ϑ-yan 'славить', 'хвалить' едва ли может быть отожествлено с нем. deuten, не говоря об его смущении перед безоговорочно закономерной сменой d его разновидностью ϑ = þ в слове «þiuþjan» вм. ожидавшегося им *þiudan. Для нас важно констатировать огласовку шипящей группы термина «deutsch» = deu-ϑ — губную, присущую именно готскому первичному социально-экономическому образованию. Дошедшая до нас в уже сложном социально-экономическом образовании исторических готов речь соответственно сложна, и рядом с губной огласовкой («o», особенно «u») основной ее слой выявляет и горловую огласовку «a», совершенно так же как то наблюдается с парной огласовкой (1. o ⟷ u, 2. a) в языках шипящей группы, мегрельском и чанском.

Мы не останавливаемся специально на роли элемента C в определенном слое немецкого языка, вклада соответственной первичной тотемной производственно-общественной ячейки. Достаточно сослаться на 'собаку' «der Hund», 'жеребца' «der Hengst», 'знакомого' «Kunde», 'искусство' «die Kunst» и глагол «sen+d⌜e⌝-n» (san-d) 'посылать' из этого слоя, чтобы дать понятие о его значимости. Эти многочисленные названия, различные и по содержанию в зависимости от ступени стадиального развития, а ныне и от различия стран, по которым они разбросаны, могут приводить в смятение лишь специалистов-формалистов, отнюдь не в одной языковедной науке, ибо с построением всего теоретического учения на бессмысленных фонемах, не увязанных генетически с историей материальной культуры, каждое своеобразно мыслящее и творящее коллективное лицо, выглядывающее из-за организованной по определенной системе структуры речи, представляется и «объективно» действительно незнакомцем, не говоря об объективных

[1] Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 1889, s. v. deuten.

и субъективных уже современных социально-экономических основаниях потребности научно поддержать такие моменты, служащие разобщению народов. Между тем анализ по элементам (A, B, C, D) с самым строгим соблюдением социальных звуковых корреспонденций теперь окончательно вскрыл, что названия 'сванов' (s-va-n), 'армян' ('h'ar-me-n), 'немцев' (ger-ma-n, resp. ger-mā-n) и населения, именем которого были окрещены двояко, при общем префиксе ı-(← hı- ~ sı-), пережитке тотема (в звуковом явлении элемента A), и западный полуостров Европы и господствовавшие на Кавказе народы, элемент D сменяющие элементом C, а с ними и соответственные населенные пункты, именно I-s+pa-n 'Испан-и-я', Sw-s+pır-ıt-es, без нового детерминатива S-va-n (s+va-n 'сван', S+va+n-eə 'Свания'), S-per с одним детерминативом A, как ı-ber (I+ber-ı-a) ↘ ı-mer (I-mer-eə) ↔ ı-ver (I+ver-ı+a), сюда же примыкают и месопотамские шu+mer'ы ‖ su+bar'ы и европейские kı+mer'ы. И все это ныне поддерживается армиею соответственно построенных и осмысленных слов и форм немецкой речи, где и Ker-l 'мужик', 'детина' и Kar-l, Carolus 'король', «уменьш.» или «ласкат.» формы от ker ‖ kar (← ger ‖ gar).

VI. Немцы с исключительной ролью тотема ker-m — ğer-m (‖ ğ-mer) и в простом виде, и в развитом с помощью элемента C (-t), в интимнейшей и архаичнейшей части своего словаря, в своем сложном образовании являются продолжателями шумеров и иберов, resp. кимеров, с тотемическим отложением их названия не только в космическом термине «Himmel» 'небо[1]' (у сванов по противоположности gı-m 'небо[2]' = 'земля'), но и в связанных с ним неразрывно по палеонтологии речи «Gie-bel» 'шипец' (у стены), 'фронтон', «der Gi-pfel» 'вершина', 'верх', resp. Gü-pfel» (← gur-bel, см. груз. ğur-bel 'облако' ↔ бск. goy-bel 'облако', 'темное небо' ↙ *gor-bel,[1] ср. бск. gur-pıl ← kur-pıl 'колесо').

Своеобразие структуры немецкого языка, национально называемого «deutsch», отнюдь не определяется подбором особенностей прометеидской (т. е. общей так называемой индоевропейской, индогерманской, также арийской) системы или общегерманской ее разновидности, не говоря о том, что подлежат коренному пересмотру признаки принадлежности к этой системе и круг языков, входящих в их состав полностью или в известной строго очерченной степени. Имеется в виду своеобразие немецкого языка, как он есть в целом статически и что представляет он собой динамически, с возможностями в движении, как складывается этот именно язык от учета всей суммы наличных в нем накоплений языкового материала количественного и качественного порядка по мышлению и его звуковому выявлению.

С немецким языком его особенности разделяют, разумеется, также все прочие так называемые германские языки, однако каждый из них в составе существенных для него отличительных признаков с корнями, уходящими в дообщегерманское состояние, более того, еще глубже — в состояние, существовавшее до выработки общепрометеидского или так называемого общеиндоевропейского языка.

[1] Н. Я. Марр, Из семантических дериватов 'неба'. ДАН-В, 1924, стр. 28.

Основной показатель архаичности строя немецкой речи — отсутствие или бедность имен с оформлением качества или свойства, в том числе прилагательных, в связи с агглутинативным и даже синтетическим сочетанием слов. Все это по совокупности немецкую речь относит к зачаткам технологического восприятия мира. Отсюда происходит легкость образования составных слов и щедрое, все растущее использование этого приема при созидании новых терминов или при усвоении их из иностранных языков, вообще при переводе чужого слова с языка иной системы мышления в таком подавляющем обилии, в каком эта связанная с мышлением техническая возможность обретается лишь у армян в их языке, где она используется с той же легкостью и натуральностью. Армянский же язык по структуре — также переходной (вернее: промежуточной) ступени от яфетической системы к прометеидской. В то же время немецкий язык, разделяя с армянским уже подвижность гласных и в кавказском ровеснике давно изжитое, но оставившее глубокий след проникание гласных извне звукового комплекса внутрь, как называемый эпентезис, выявляет его в таком развитом состоянии, в каком он ярко выступает из наличных языков яфетической системы лишь в чеченской группе, будучи налицо и в сванском, и какой приближается к аггармонизации гласных звуков, не чуждой шипящей группе языков, особенно мегрельскому с его регрессивной ассимиляцией. Однако подвижность гласных в немецком исключительно функциональная, связанная с идеологическими потребностями в процессе стройки. В нем прослеживается особая функция гласных, изменяемых в морфологических целях, в противоположность устойчивости согласных, входящих в состав корней в роли, казалось бы, независимых идееносителей, как то наблюдается в значительной части глагольного образования сванского и особенно грузинского языка, подводящей их к исключительно развитой в этом отношении семитической системе. Однако у грузинского, собственно у двух языков Грузии, равно у сванского с немецким, в части изменчивости гласных, иная общность; это — использование различных гласных по противоположности для выражения двух противоположных времен, при космическом мировоззрении воспринимаемых как далекое (прошедшее, будущее) и близкое (настоящее), в плоскости социальных взаимоотношений — чужое (прошедшее, будущее, условное) и свое родное (актуальное, действенное, настоящее). Мост перебрасывает между противоположностями тотем, чужой (он же собственный, но производственно-объективный) и осознаваемый (производственно-субъективный, впоследствии отрешенно субъективный), позднее свой. В наличном состоянии это — времена: прошедшее (груз. аорист, в первичных глаголах без различения аориста и прошедшего несовершенного, претерит или прошедшее несовершенное у немцев) с производными от него временами (будущее, сосл.) и настоящее с производными (будущ., длит., прош. несов., желательное). Большинство немецких глаголов эти времена образует внешним оформлением; так, слабые глаголы сохраняют в претерите или имперфекте яфетический формати в прошедшего несовершенного: -te (→груз. -de)‖-ta (→груз. -da), а сильные глаголы противоположность времен настоящего прошедшему выражают, как в грузинском, путем различной социальной огласовки e (←→ı)~a — «gebe»~«gab» 'он

дал', «sehe»~«sah» 'он увидел', a~u — «grabe»~«grub» 'выкопал', «wachse»~«wuchs» 'вырос' и т. п. Разница же с грузинским основная та, что в слабых глаголах, частью сильных, форматив основ настоящего времени (и производных) немецкий язык успел срастить с корнем, т. е. с одним из четырех простых элементов (A, B, C, D), например, с элементом D — re мы имеем глаголы 'поразить', 'привести в движение' — «rüh-re+n» 'трогать', 'склоняться' — «an-rüh-re+n», «be-rüh-re+n», все от семантического архетипа 'рука' ruh (вм. ruɣ~ruш || las~la⌜h⌝), что у русских налицо в словах «ру-ка», «руш-и+ть» || «ла-па». Немецкий язык использовал с почти одинаковым развитием все четыре элемента в роли таких формативов; в немецком социально-экономическом образовании сошлись в производстве, точнее — дифференцировались различные первичные группы, как, впрочем, в грузинском, но в грузинском такого разнообразия, как в немецком, нет, и, главное, формативы времен нового образования (настоящего и производных от него) не потеряли в мышлении грузин осознания их функциональности, не обратились в часть глагольного корня; так, грузинская разновидность немецкого глагола «ge+be-n» 'давать', ǧeba, происходя — подобно нем. «ge+be-n» 'давать' — от 'руки', значит 'брать' ('действовать к себе', с указанием возвратности действия соответственным префиксом «ı» в спряжении), и в аористе уже не сохранил формата -ba || нем. -be; две же противоположные огласовки e←→o (ср. нем. «bie+ge-n»←→«bo-g», «bie+te-n»←→«bo+t») использовал в противоположении двух групп в лицах 1-го и 2-го с одной стороны — 1-е л. v-ı-ǧe 'я взял', 2-е л. ı-ǧe 'ты взял' и 3-е л. ı-ǧo 'он взял'. И, что для оценки архаичности структуры немецкого языка характерно, самое противопоставление первых двух лиц третьему — явление более позднее, чем свойственное немецкому отожествление 2-го и 3-го лиц (пасс. «sie», акт. «ih+n⌜en⌝», «ih-r⌜e⌝») 1-му (пасс. «i-ch», акт. «mi-ch», «mi-r», «wi-r»), возникшему последним.

В отложениях стройки немецкого языка есть, однако, слои мощные и слабые, а в мощных — главные и второстепенные. Слой, дающий оправдание нынешнему национальному названию немцев «deutsch», не есть главный мощный слой. Он, с одной стороны, выступает в живом произношении и чтении ow вм. ew = «eu» и ay вм. ey = «ei», с другой стороны, «deutsch» относится к готскому слою с элементом C еще в аффрикатном состоянии ϑ = tsch вм. простого t, как то наблюдается в названии ne+me-t по немецкому слою, представляющему исключительный интерес элементом D (ne-).

В ряде признаков, объединяющих так называемые германские языки в одну общую группу как систему определенной ступени стадиального развития, имеются явления, как, например, норма звуковых сдвигов (Lautverschiebung). Они представляют не новообразования сравнительно с общим «индоевропейским языком», мнимым праязыком, а утраченные другими, более поздними по классово-национальному подбору своего состава и оформления представителями прометеидской («индоевропейской») системы существенные особенности яфетической системы; унаследованные германскими языками, эти особенности или остались без существенного изменения, или получили дальнейшее развитие применительно к новым потребностям коллективных творцов отдельных языковых групп нарождавшейся

позднее общегерманской системы. Здесь вопрос о формально-типологически определяемом месте вообще германских языков, поскольку они находятся на перепутьи синтетически-агглутинативного с местоименно-флективным, с классовыми показателями, переходящими в половые, с обычным на этой ступени диффузным состоянием, при котором не разграничиваются уменьшительная и женская формы, поскольку в представленных таким диффузным их состоянием социальных группах не был доведен до конца процесс расщепления, и единство противоположностей женского и мужского хозяйственного начала в кругу по возрастному признаку господствовавшей молодежи не разрешилось расщеплением: с одной стороны, возрастной признак общественно сильной молодежи был отведен его противоположности, мало значимому, общественно меньшему молодому поколению, сравненному с пассивным классом или категориею вещественных предметов (das Kind 'дитя' при пережиточном нахождении доселе слова das Weib 'женщина' в именах «среднего» или, как правильно говорят немцы, вещественного рода), с другой стороны — женское начало выделено было оформлением его в речи рядом с мужским, захватившим, по утверждении патриархального строя на смену матриархата, единственно существовавшее доселе оформление имен, тогда без всякого классового или родового признака, что в свою очередь облегчило перевод слов без классового оформления из социального восприятия их как предметов женского порядка в мужской род, например, der Kna-be, прошедшее непосредственно в род господствующего пола, не восприняв члена с признаком «среднего» рода, как das Weib (← vey-be),[1] но первично представлявшее существо социально женской общественной организации, *die Knabe, причем член die, когда он выработался в показатель класса (в ед. ч., раньше показатель собирательности, мн. ч. без классовой дифференциации) указывал не природу снабжаемого им слова, а природу матриархально организованного коллектива, к которому принадлежал предмет, выражавшийся определенным словом. Потому же название 'воды', 'ручья', 'реки', первично женского круга, в немецком появляется как слово среднего рода — das Wasser 'вода' и даже мужского — der Fluss 'река', der Bach, но в живой речи с архаичным по наглядной увязке с «матронной» социальной структурой Рейнского края мировоззрением, так, в эйфелевском говоре всплывает то же слово как женского рода — die Bache.[2] Так, 'солнце',

[1] Без члена kna-be (← kan-be, ср. арм. kan 'женщина' ↘ абх. an 'мать'), vey-be (←→ mey- ↙ mer-) mar- ←→ var-: арм. mayr ← mar-ı 'мать', арм. var+e-ak, груз. var+ı+a 'наседка', 'девушка', 'невестка' (ср. Н. Я. Марр, Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале, стр. 38, прим. 1), как и бск. al+ʳhˡa-ba 'девушка', не имея никакого родового признака в себе самом, означало не 'девушку' или 'дочку', как то наблюдаем в баскском слове со смещенной также на новый лад нормой осмысления, а 'собственность' или 'принадлежность' (впоследствии 'дитя', 'мальчик' или 'девочка', т. е. 'сын' или 'дочь') матери (женщины), ср. груз. qalʳsˡ-ɯvıl-ı 'дочка', 'девушка', первично 'дитя женщины' не в смысле, разумеется, 'порождения', а 'собственности' вначале 'коллективной матери', всей производственной организации.

[2] Впрочем, и у Kluge (EWB⁶, s. v.) отмечено, что «род этого слова долго колебался, *так как в наречиях* (курсив наш. *Н. Марр*) masculin. (мужск.) и feminin. (женск.) конкурировали друг с другом». «Женский род господствует на среднем Рейне (также в Эльзасе) и в средне- и в нижненемецком» ... «Слово это», заключает Kluge, «предревнее (uralt), ... но нет налицо (fehlt) прочного родства за пределами общегерманского». На деле помимо всякой теоретически измышленной коренной основы «ba-ch» (= ba-h ← ba-(e)n) представляет уменьшительную форму усеченной основы элемента B с горловой огласовкой — baʳlˡ ↘ maʳlˡ ←→ vaʳlˡ 'вода'.

в большинстве прометеидских языков оказывающееся в словах мужского рода, в русском с так называемым уменьшительным окончанием застрявшее на перепутьи в среднем роде [так, средний род устанавливают индоевропеисты и за «прагерманским» Sunnô(n)], у немцев в их термине die Sonne сохранило свою социальную значимость как предмет женского порядка, что выражалось независимо от позднейшего оформления (кстати, это не -e, а -ne || -no || -na 'женщина', ибо архетип не Sonne ⟷ Sunne и т. д., а Sol-ne) одним лишь членом die, как в греческом ἡ χείρ 'рука', да и как в немецком die Hand 'рука', как многие десятки других слов, не имеющих и никогда не имевших никакого женского оформления и при принадлежности их к категории женского класса. Все это теперь ясно выступает при их виде в более древнем состоянии яфетической системы.

Как в грузинском скифский, resp. готский тотемный бог ğu-ϑa борется с кимерским ğ+mer-ϑ (← *ğer-mer-ϑ → св. ğer+me-ϑ ↗ ğer+be-ϑ) даже в склонении, так у немцев в первичных терминах оседлого быта с кимерским «Heim», «Heimat» борется скифский — «He-erd» 'очаг' (см. выше, стр. 320), разделив в этой борьбе небеса так, что, оставив за верхним или солнечным небом кимерский термин «Himmel» (однако у сванов gim и у русских «земля» ← ze+mel-e-a, наоборот, за кимерским тотемом), скифский или готский, собственно приспособленная к германской палатальной огласовке разновидность kerte (resp. kel-t⌜e⌝), целиком закреплена за 'землей' — «die Erde», она же, однако, у армян er-kin значит и 'небо'.

«Die Erde», осознанная в ее самостоятельности, космическом представлении из трех небес, изменила элементу B — mel (→ me), наличному в названии и 'верхнего неба' — «der Himmel» и 'подземного' — «das Meer» 'море'. Она же, однако, и преуспела в стратификации мирового охвата, и сохранила место в категории имен женского (матриархального) порядка, как и более раннее одноэлементное (A) название 'моря': die See (← ser, resp. sel) с его многократно разъяснявшейся в яфетидологической литературе родней, в том числе бск. ser-u 'небо', груз. ṫre (← ṫer) ⟷ арм. ṫir 'круг' (← 'небо'), чанск. o-zel-u 'подниматься' при исполнении культового (ныне мусульманского) моления (от zel, resp. sel 'солнце' ← 'небо') со спирантным двойником el (← hel) 'подъем', 'восход' (← 'солнце', 'небо'), resp. er, именно er ← her. Вполне понятно, что армянские усеченные эквиваленты немецкого «die Er-de», в армянском со спирантизациею элемента C (k ← ken ~ ten → den) — her-k 'пахотное поле', her+k-el 'пахать', свидетельствуют о первичном полисемантизме, во всяком случае о двузначимости термина, как и груз. древнелит. er-qun ⟷ er-qon, с разложением губного o — er-qwan, означающего 'плуг', что при одновременности обозначения им же 'неба' (er-kin) давало в любой среде с соответственными предпосылками мышления и речи основание о мифе падения плуга с неба (это по греческой записи Геродота в национальном предании скифов).[1]

[1] Такая возможность для возникновения этого мифа получалась с другой социальной разновидностью того же двухэлементного образования, более сродного с общераспространенным наименованием скифов (sku-ϑa ← sku-ϑan): груз. gu-ϑan 'плуг', см. Н. Я. Марр, Скифский язык. ПЭРЯТ, стр. 352.

Но во всех перечисленных терминах, даже в названии 'очага' — «der He-er+d», по отвлечении собирательного префикса he- (ср. «die He-er+de» 'стадо') имеем главным образом двухэлементные образования, как в его эквиваленте груз. ker-a (← *ker-han сам по себе означал 'огонь' по тотемически воспринятому космическому телу 'солнцу' ← 'небу'), почему его находим как в составе скрещенного немецкого термина «das Feu-er» 'огонь', так и самостоятельно, что̀ и находится в основе армянского глагола e̯r-al 'кипеть', e̯rgal 'чесаться', слово в слово 'в горение приходить', равно также в основе имени состояния или действия — e̯r-an+d 'рвение', 'ревность' (← 'горение'), в каком смысле с обычным падением плавного r в y — ey, в немецкой «исторической», на самом деле антиисторической графике налицо в виде «ei», в частности и в синониме арм. e̯r-an+d — «Ei-fer» 'рвение', 'ревность' («die Eifer-sucht»). Поскольку речь идет о her → er, мы можем, казалось бы, иметь поддержку Kluge, возводящего ту же основу к «[обще-]германскому корню hĕr 'гореть'». Однако, независимо от его трактовки первой части fe+u (↙ fe-ur, fe-ur ↔ mhd. ahd.: vı-ur и т. д.) с абсолютно неуместным привлечением арм. hur → ирл. ur при греч. πῦρ и умбр. pir, в которых r он к тому же принимает за форматив,[1] Kluge далее едва ли поддержит, как всякий индоевропеист, функциональное и в связи с этим тотемическое происхождение самого использования элемента A (er ← her) в значении и 'огня', тем более, когда тот же тотем er перерождается в местоимение 'он' [← 'сам'].[2] К этому тотему er ↔ ır в осложнении элементом C — gen ↔ gın, именно *er-gen ↔ ır-qın, восходит, согласно палеонтологии речи, как термин 'собственный', — нем. ey-gen (↙ er-gen) = «ei-gen», так и личное местоимение 3-го лица пассивного падежа 'он' (→ 'тот') — груз. ı-gı (← ıy-gın ↙ *ır-gın, ıgın-ı, нар. egen-ı). В ı-gı, ma-gı, a-gı, однако, основным и общим предметом культа является gı (← gın ↔ gen), а ı-, ma-, a- представляют первично каждый — спецификум того или иного космического 'неба-пространства', 'верхнего', resp. 'далекого', 'солнечного неба', 'близкого' — 'водного неба', 'моря', 'рек' и нашего обиталища, материкового неба — 'земли', социально это три коллектива — 'враждебный', 'дружеский' и 'свой', лично — 3-е лицо (ı- вм. hı- ~ sı-, ср. груз. ı-s⌜ı⌝), 2-е лицо — (ma- ↔ wa-, абх. 2-е л. wa-) и 1-е л. (a- ← ha- ~ sa-, ср. абх. ĥa 'мы' ~ sa 'я', арм. ay-s 'этот', что у 1-го лица). Наоборот, в груз. древнелит. e-ge 'это⌜т⌝', resp. 'то⌜т⌝', что у 2-го лица, и e-se 'этот', что у 1-го лица, первая часть e- (he-) — основная и общая, вторые же (-ge, -se) части, каждая — спецификум только одного из двух первых лиц, но в то же время при противоположении этих специфических детерминативов (-ge, -se), оба первых лица общим фронтом (← -he ↗ -ge) противоположны 3-му лицу (ı-gı 'он') лишь по огласовке в пассивных падежах (прямых: им., вин.) и только в активных (дат.+вин.) || твор. = оруд., род. = исход. и т. п.) имеют все три лица общую главную часть (общий тотем), одну основу —

[1] EWB[6], s. v... «Das r des idg. Stammes pūr ist sicher ableitend: denn in Skr. begegnet eine Verbalwrz «pū» 'flammen', 'hell strahlen' mit «pâvaká» 'Feuer'. Ср. Н. Я. Марр, Из Пиренейской Гурии (к вопросу о методе), Изв. КИАИ, т. VI, стр. 37, 59, а также Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 38.

[2] Н. Я. Марр, Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений. Сб. «На боевом посту», М., 1930.

mʳaˀ (груз. mʳaˀ-s, ı-ma-s, ma+ga-s, a-ma-s, m-ıs: a-m-ıs и т. д., арм. ma: nə-ma, də-ma, sə-ma, ay+d-m, ay+n-mı-k, ı-mı-q 'чему-либо', нем. «ih-m» и др.). И, что требует особого учета, спецификум, специальный определитель, детерминатив в груз. древнелит. последует за общим тотемом, как в нем. de-r, di-e, da-s, тогда как в народном предшествует в обоих языках в полном согласии с общим синтаксическим строем, с постановкой определения в древнеписьменном языке на втором месте, в народном — на первом. Отсюда и глагол er+go 'он стал его собственностью', v-er+ge, er+ge 'я' || 'ты стал его собственностью'. В роли еще тотема-актива тот же элемент служит для образования в спряжении возвратной формы (er- ⟷ ır-), соответствующей гр. второй породе с префиксом ı- (↙ ır- ← hır- ⌣ sır-): «ertrinken» 'утонуть', букв. 'себя (в) воду пустить' (от 'воды', ср. «trinken» 'пить', также от 'воды'). Этот er ⟷ ır (сибилянтно ser ⟷ sır, resp. sel ⟷ sıl), прослеживаемый как местоимение тотемического происхождения, являлся и названием соответственного социально-экономического образования, нарицательно — 'коллектива', 'народа', откуда палеонтологически при единстве двух противоположностей — 'всего', 'множества' (мегр., чанск. ır-ı 'весь') и 'одного' (er- в составе груз. er-θ 'один', нем. er+s-t 'первый' от er-s 'один'), арм. ır-e+ar 'друг друга', слово в слово 'один одного', так называемое племенное название ʳhˀer ⟷ ʳhˀır в основе названия древнегрузинской области Her-eθ 'Хер-ия' или 'Эр-ия', буквально 'страна (-eθ) ʳhˀerˀов', в скрещении с элементом C — ır-on 'ироны', название части осов («осетин»), и ряд социальных терминов в языках халдском ванских царей, армянском, сванском, грузинском, и, что для нас особо интересно по связи немцев со сванами, собственно с их господствующим слоем, вкладчиком палатальной огласовки e ⟷ ı (а от них и с грузинами по наличию в них соответственно определяемого по огласовке социального слоя) и армянами, более того, опять-таки господствующим слоем населения допрометеидской Армении, представленной в клинописных анналах ванских царей. И вот er, по-грузински воспринимаемый лишь как 'народ', 'войско', 'миряне' (в противоположность 'духовенству': er-ı da ber-ı 'миряне и духовенство', собственно 'монашество'), 'нация' и т. п. на самом деле было названием определенного «класса» (при анахронистическом перенесении на архаические, качественно иные организации названий позднейших социальных форм — «сословий») с присущей ему функциею производства, а не наследственных или иных правомочий, и главари этого класса в Грузии er-ıs-θav-ı 'главы эра', лишь впоследствии 'князья', там же, на Кавказе, при ванских царях по их клинописи — ır-ta 'глава ира' (также только впоследствии, да в наших анахронистически выполняемых переводах 'царек'), и вот с этим er ⟷ ır, не переходя в группу с горловой огласовкой (ʳhˀar-ı ← hayr 'отец', ayr 'мужчина', 'человек' с абх. ar 'воинство', бск. ar 'самец', первично все того же тотемного производственного коллектива), мы спускаемся благодаря ныне вскрывшимся теснейшим связям немцев, их тотемического германского слоя, впервые в толковании терминов родства на ту глубину, где еще — стадия без кровного родства, где — лишь *соседские* социальные взаимоотношения, органически связанные с определенным производством. Совершенно справедливо было в яфетической теории в свое время отброшено форма-

листическое отожествление арм. древнелит. eğ-bayr, нар. aǧ-bar, aq̇-ᵩer с прометейским fra-ter, bru-der, однако яфетидологи грешили, пока оставались на значении 'брат' в смысле кровного родства позднейшей стадии, и грешим мы доселе, когда неполноценно учитываем значение вскрытых палеонтологиею речи языковедных фактов, ибо eğ-, древнелит. el- — закономерное в устах армянской массы видоизменение элемента er; er на этой стадии — название определенного коллектива, а bar 'член всего коллектива', богато представленный в таких разновидностях, как mal, resp. mar || mor → mol, ныне в словах, давно ставших терминами родства, однако не только кровного по *наследству*, но и доселе *по брачному союзу* — груз. q-mar 'супруг', 'муж', мегр. qo-moḷ, qo+mon-d̰ (← *qo+mor-d̰) и т. п. Это первично не кровное «братство», а товарищество, так в грузинском термине с bar в составе me-go+bar 'приятель', 'друг', 'товарищ', где по отвлечении позднейшего префикса me- (↙ mel-), равнозначащего слову bar и его разновидности, получаем go-bar, вариант с сохранением плавного исхода r, исчезнувшего в готском gu-ma,[1] так же, как в ближайше сродной с ним его разновидности по шипящей группе в чанском (лазском) d̰u-ma (~ мегр. d̰ı-ma), что, однако, с одной стороны восстанавливает свой плавный исход ḷ (r) во множественном числе d̰u+maḷ-e+ᵩe (мегр. d̰ı+maḷ-e+ᵩı), но, с другой стороны, представляет позднее установившееся значение 'брата' по крови. В сванском же наличен именно bar ↘ ba в составе соответственного термина, звучащего mu-q̇w-be → mu-q̇+be 'брат', собирательное h-m+q̇ul 'соседство', 'братство', мн. ч. ma+q̇w+bar-ar, me-q̇w+bar-al, собират. или ломан. мн. ч. la-q̇w+ba, что понимается, однако, также в значении 'соседа', 'однодворца', собират. мн. ч. именно — 'соседей', причем префикс mu-, эквивалент груз. me- в me-go+bar, лишь усиливает детерминативно значение первой части — груз. go- ↔ готск. gu- (~ чанск. d̰u) ← сванск. q̇w (↙ q̇u), спецификума коллектива, членом которого (-bar, resp. -mal и т. д.) являлось носившее весь термин лицо (сначала только собирательное, и тогда это было именно в целом и название коллектива, так называемое «племенное название», и тотем), и в роли этого спецификума в армянском эквиваленте появляется el, нар. eğ, т. е. в архетипе общий с немецким тотем er, самостоятельно прослеженный в различных терминах социальной структуры в древнелит. языке Грузии и халдском клинописном языке Армении. У сванов в той же роли в более архаичном, именно собирательном множественном числе, для уточнения и без того сложного спецификума mu+q̇w- (|| груз. me+go-) налицо элемент D в простом виде, более того — с утратой исходного спиранта le- (← leh-, resp. neh-), что в разновидности с горловой социальной огласовкой nah ↗ naq̇ без всякого осложнения или в скрещении с ᵭo (← d̰o-, ср. d̰u- в чанск. d̰u-ma 'брат') || d̰e- → ᵭe- (↔ ᵭı-, ср. d̰ı- в мегр. d̰ı-ma 'брат') на Кавказе выделяет значение 'тотема', resp. 'племенного названия', так чеченов — Naq̇-ᵭı (нарицательно naq̇-ᵭwo 'народ') и названия населенного пункта, города Naq̇+d̰e-van → Naq̇+ᵭe-van 'Нахчеван' (в бассейне Аракса) и села Naq̇+ᵭe-van 'Нахчеван' (в древнем Ширакe, в бассейне Ахуряна-Арпачая, на правой стороне).

[1] Н. Я. Марр, Готское слово guma 'муж'. ИАН, 1930, стр. 462.

Он же название коллектива родового или дородового nah- ↗ naq̇-, откуда древнелит. арм. nah+a-pet ↗ naq̇+a-pet, resp. naq̇-pet 'патриарх', собственно 'глава' (→ 'отец') коллектива naq̇'a ↘ nah'a, смотря по ступени стадиального развития общественности дородового производственного объединения, товарищеского по владению или родового уже кровного, resp. 'наследственного общества', даже особого 'класса', resp. 'сословия' (отсюда арм. naq̇+a-rar 'нахарар', 'феодал', слово в слово 'глава или вождь naq̇'a',[1] ср. груз. er+is-ɜav, халдск. ir-ta). Он далее — название также соответственно тотемически и позднее космически понимавшегося населенного места, обиталища, страны и т. п., откуда древнелит. арм. nah-an+g 'область', древнелит. груз. sa-naq̇-n-i, sa-naq̇-eb-i 'область', 'край'. И вот этот naq̇ ↘ nah, помимо распространения в названиях населенных пунктов Рейнского края, играет роль спецификума, как в сванском его разновидность le (← leh), но с социальной огласовкой «а» в нем. «Nach-bar» 'сосед'.[2] В дальнейшем развитии, однако, «товарищеские» взаимоотношения перерождаются в кровные путем распределения накоплений производства и со сменой, впоследствии, молодым поколением, т. е. выступает в общественной дифференциации помимо материнского и отцовского прав возрастной общественный признак, что в свою очередь связано с нарождением права собственности, вначале коллективного, и с правом наследования, и естественно, что, если, с одной стороны, арм. древнелит. eğ-bayr ← *er-ber 'брат' некогда значило лишь 'товарища', но с получением права наследования 'товарищ' стал означать 'наследника', и потому в нем. Er-be (↙ *er-ber) значит 'наследник', то, с другой стороны, с общественным учетом наследующей молодежи, как возрастного признака, то же слово стало означать правомочного наследовать, и в этом смысле находим у армян 'зрелого молодца', собственно коллективно — 'молодежь', что̀ и сохранилось в древнелит. армянском, однако не с разносоциальной огласовкой, как арм. древнелит. el̥-bayr (← *er-bar-i), нар. ağ-ber (← *ar-ber), а с утратой гортанной огласовки второй части (ar-b-, ср. абх. arba 'петух'): это арм. ar+b-un, resp. с придачей второго признака множ. числа ar+b-un+q 'молодежь', правомочная наследовать в абстрактном значении 'молодости зрелой, дающей право на вступление в брак', однако надо помнить, что мы находимся на ступени стадиального развития, когда ни кровного родства, ни, следовательно, семьи еще не было.

Также до начальных стадий развития звуковой речи доходим мы в том же тесно увязанном кругу языков по словарю материальной культуры. Из металлургических терминов достаточно ясен и показателен нем. «Ei-sen» = ey-zen 'железо', в архетипе *er-ṡen ← *er-ďen с усечением исходного слога erz = er-ṡ 'металл', со включением 'меди' и 'бронзы', что̀ при закономерной социальной огласовке, именно горловой — ar-ďan → ar-ṡan ближайше сродные языки яфе-

[1] Ср. Н. Я. Марр, Надпись Русы II из Маку. ЗВО, т. XXV, стр. 31.

[2] Любопытны его разновидности не только в других «германских» языках; так, в англ. «neighbour» 'сосед' (← ne-ğ+bur), англ.-сакс. «neh-he+búr», но и в немецких «диалектах» mhd. «nach-gebur» ⟷ ahd. «nâch-gi-bûr», «nach-gi-bûro», в которых налицо основа Bruder 'брат' в первичном виде bur с собирательным оформлением ge- (ср. нем. Ge+brü-der). Обычное формальное толкование в смысле 'wer nahe mit einem zusammen wohnt' (Kluge, EWB⁶, s. v.) — лишняя иллюстрация того, как работало старое учение об языке не только без какой-либо базы, хотя бы не материалистической, но и всякой палеонтологической перспективы.

тической системы сохранили еще в значении 'камня', армянский без усечения — ar̃-ďan, баскский с усечением исходного слога — ayϑ̊, причем и в этих языках 'железо' выявляет то же название или в составном виде, так у басков — ayϑ̊kora, и в спирантной (ṫ ⁓ k̇ ⟶ k) разновидности, так у армян при придатке элемента С (-ten ⟶ -t) с функциею уменьшительной частицы для отличия металла, обиходного предмета, от космического, по которому он был назван тотемически: арм. er+ka-ϑ (er+kan-t), равно древнелит. er+kan, 'жернов', 'мельница', космически арм. er-kın 'небо', у чанов в названии 'вторника' er+kın-a-ш+q̇a 'вторник', буквально 'день космического тела', именно 'неба', resp. 'светил', с утратой начального гласного груз. r+kın-a (равно kın-a) 'железо'.

Общность названия материала еще не доводит нас до начальных ступеней стадиального развития, ибо материал менялся, а орудие носило то же наименование, когда оно было, например, не из железа, а из меди, бронзы, а то и не из металла вообще, а из камня: пример — нем. «Schwert» 'меч'. Так назывался не только 'меч', но каждое 'оружие', 'пика', все с острием или лезвием, включая 'нож', и что может 'острить' или чем 'режут'; посему спирантный двойник его *kwer-t сохранен грузинским древнелитературным языком с утратой плавного исхода и элементом В в основе глагола k+we+ϑ-a 'резать' с мегрело-чанской разновидностями k+wa+ϑ (чанск. буд. me-bo+kva+ϑ-a+re, мегр. имя действ. k+va+ϑ-u+a).

Грузинский, так называемый народный, с основной своей социальной огласовкой, гортанной (a), это же слово сохранил в составе двух первых элементов *k-va [1] со значением 'камня' в виде q-va- (чанск., мегр. q-ua = q-wa, мн. чанск. q+wal-e+φ̣-e, мн. мегр. q+wal-e+φ-ı); однако это двухэлементное образование у грузин в разновидностях нар. q̇-mal, древнелит. qr-mal значит 'меч', а наличные с утратой обоими элементами плавного при той же огласовке у абхазов a-k̇a+ma 'кинжал', у мегрелов и чанов q̇a-m 'нож' (у чанов и без аффрикатности начального согласного), оба ближайшим образом восходящие к k̇ar-m⌜a⌝ ⟷ *q̇ar-m⌜a⌝, имеют своего двойника у немцев опять-таки с шипящей сменой начального согласного, как в ш+ver-t, в прилагательном 'острый' — шar-f («scharf»). И при такой тесной связи грузин с мегрелами и чанами (не говоря об абхазах) и немцев в предметах военного дела, готы остаются в стороне своим словом 'меч' — mēkı (вин. пад.), для которого германисты именительный падеж строят *mēkeı-s, исходя из «altn.» и «ags.».

Это лишь деградирует архаичность готского оформления до позднейшего общегерманского состояния, когда в этом нет никакой надобности, при всем том, что основа некогда, в доготском состоянии, действительно звучала похоже, именно *mē-k̇ey во всяком случае с y = ı̯, а не ı. При особенности готского, общей у него с народным армянским, слово выявляет узкие разновидности губной и нёбной огласовки, именно u и ı вм. широких o и e; воспринятый как вин. падеж из-за тожества исходного гласного с окончанием вин. падежа, mē-kı представляет чистую основу, двойник mē-ke ⟵ me-key ↙ mē-ker в социальных звучаниях яфетической системы mē-k⌜ey⌝ ⟶ mē-ǧ⌜ey⌝ ⟶ mē-q̇⌜ey⌝ ⁓ mē-ϑ̣ey, откуда и русск. «меч», мн. ч. «ме+че-й».

И эти разновидности двухплеменного образования, прежде всего названия 'оружия' — готск. mē-ki (← *mer-ki) и, конечно, орудия производства — св. ber-g 'мотыга' (отсюда мегр., чанск. ber+g-i id., чанское в селах и ber-ḳ), русск. mē-ṿ ↙ *mer-ṿ, также связаны с нем. «Sch-wer-t», его второй частью -ver-t в линии семантического их развития не только по производству (русск. «мѣ-дь», перс. mi-s ←→ mes, арм. нар. me-q̇ 'гвоздь' и др.), завершающегося при технологическом восприятии в конце концов 'рукой', но и по социальному строю и мировоззрению, разумеется, каждый раз с учетом ступени стадиального развития и мышления рядом с производством или, вернее, вслед за производством и с ним слагающейся формой социальной структуры.

Как ни наглядно восхождение всякого орудия к 'руке', однако это требует технологического восприятия предмета; такое совершенно правильное толкование груз. древнелит. qr-mal, нар. q̇ʳrˀmal 'меч', абх. a-ḳa-ma 'нож', мегр., чанск. q̇a+m 'нож', равно с другим порядком элементов груз. ma-qvil 'меч', 'острие' (← *ma-q̇ur, откуда с усечением ma+q̇a 'острил'), греч. μά+χαιρ-α 'меч', готск. mē-ki, русск. «меч», св., мегр., чанск. ber-g ~ чанск. ber-ḳ и т. д., относится к соответственной ступени стадиального развития, отнюдь не первичной. Древнее связь слова с культовым предметом, бесспорно уже космическим, 'небом' → 'солнцем' ‖ 'днем' и их противоположностями, и потому груз. древнелит. q̇a+m-s, нар. q̇a+m-s 'надлежит', 'закон' совпадает с мегр., чанск. q̇a+m-i 'нож' с архетипом 'рука', поскольку микрокосм, сам человек, осознавая себя сначала коллективно, в целях успеха в производстве и самозащиты, мнил приобщать себя, сначала первичную производственно-общественную ячейку, наречением к космическому целому 'небу' и прилагать к своим членам названия его частей, 'солнца' и т. д., и по различным основаниям с 'солнцем' стали тезкой не только 'рука', но и 'лицо', resp. 'рот', поскольку 'рот' и 'лицо' назывались одним и тем же словом.

Немецкий язык дает и здесь необычайно богатый материал для дальнейшей разработки этого явления.

Основа q̇am, resp. q̇am глагола q̇a+m-s 'надлежит', 'должно' ('есть долг' ‖ 'закон' ‖ 'право') представляет собою в архетипе космически 'небо' → 'солнце', откуда с падением q ‖ q̇ ↘ ɾ ‖ h — арм. a+m 'год', значение ('солнца+') 'дня' поддерживается древнелит. a-wur (в род. пад.) ↘ им. a-wər 'день' (нар. or), а также с подъемом губного m ↗ b словом ab (← ā-b ↙ ar-b)[1] в составе нем. Ab-end 'вечер', буквально 'дня конец'. Оно же в немецком оформлении das Am-t 'служба', 'должность'[2] подводит непосредственно к 'солнцу', как к предмету культа,[3] тогда как немецкий язык почти полностью сохранил его с родной палатальной огласовкой второй части — «der Ärm-el»[4] со значением 'рукав' и усеченно der Ar-m

[1] Встреча и здесь с так наз. иранскими языками, с персидским в первую голову и особенно с живыми новоперсидскими наречиями и говорами, будет предметом обсуждения в исследованиях и заметках, объединяемых под общим заглавием Bonner Arbeiten.

[2] О культовом значении jam (~ yam) 'время', перешедшем из язычества в библейские тексты «христианской» Армении, см. печатающуюся в изданиях ГАИМК работу «Вишапы». [В настоящее время уже вышла в свет].

[3] Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 60. Ср. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка, стр. 3, прим. 2. [Здесь стр. 27].

[4] Предполагается, что это есть «eine Ableitung zu Arm».

со значением 'руки' от 'кисти до плеча' (ср. арм. древнелит. ar+mu-kən 'локоть', готск. am-s 'плечо' с утратой плавного как в Am-t; о -s пока см. Fr. von der Leiden, Einführung in das Gotische, § 41, прим. 2), часто в противоположении к 'ногам' Arm und Bein), груз. kla-v id. (←*kal-v↔[h]ar-m), с обратным расположением элементов груз. m-q̇ar id., нар. (в говорах и ϕ-q̇ar) 'плечо'.

Эта двойственность обозначения 'неба', resp. 'солнца', 'рукой' (микрокосмически) переносит противоположение 'солнечного неба'—'водному', resp. 'материковому', на взаимоотношения 'рук' с 'ногами', как 'верха', нашего 'неба' к 'низу', 'морю', resp. 'земле'. В немецком за 'землей-низом' закрепился элемент A с C (die Er-de) в противоположность 'небу-верху' с элементом B — «der Himmel». Но элемент B в усеченном виде me (↗ be) налицо в названии 'моря-низа', 'низа', еще более глубокого, чем 'земля-низ', как почвенный 'низ' в противоположность подпочвенному, 'ниже земли стоящему низу'. Независимо от «Me-er» ряд слов вскрывает, что исключение обозначения 'низа' ('земли') из функций элемента B — позднейшее явление, и в первую голову это свидельствуется тем, что у немцев das «Bein»=beyn употребляется в значении 'ног' как 'всей *нижней* части' (Wülfing, Handw. der deutschen Sprache von Dr. D. Sanders, 1924, s. v.: die den Leich tragenden, im Fuss endenden Schenkelknochen mit Einschluss der fleischigen Teile), это в микрокосме (человеческом теле) отожествлялось в представлении человечества на соответственной ступени стадиального развития с соответственной низовой частью космоса. Ясное дело, что в выражении Stein und Bein schwören мы имеем еще переживание космического, во всяком случае культового представления как о Stein 'камень', так о Bein, означающем ныне лишь 'ногу': его архетип bey-n[e], двухэлементное (BD) образование, первой своей частью объединяется с баскским bey←be←pe, здесь с утратой r, в большинстве даже его пережитка y, в слове: 1) [me 'небо' (↙ mer↔mie↙ mir→), me-me 'солнце', mer 'пояс', mer 'меч' (mer-ı);] 2) be←bē 'почва' (be-a, bey-a), в роли послелога -be 'под'; 3) pe 'нижняя часть', 'часть под чем-либо', в роли послелога -pe 'под', так lur-pē-tı+k 'из-под (-pe) земли', но его же имеем как архетип прометеидского оформления слова для обозначения 'ноги' в лат. pē-s, -pe+d-ı+s и т. п., в двухэлементном же (BC) образовании в яфетических языках Кавказа — груз. древнелит. ber-k̇ 'ножка (трона)'→ϕer-q̇ 'нога', в абхазском в виде пережитка pə безразлично и в названии 'руки'—a-na+pə̀, и в названии 'ноги'—a-ша+pə̀, следовательно, космически и в названии 'верхнего неба', и в названии 'нижнего неба', 'моря', resp. 'земли'.

Эта двойственность обозначения 'неба'→'солнца' и 'руки'—источник смешения двух слов в основе разобранного нами глагола «под-*ним*-аться», представляющей собой 'небо'—nı-m↔ne-m, полнее nē-me, со включением производственно-культовых терминов, почему в названиях рек и долин («Нѣ+ма-н», Νε+μέ-α и др.), переработанных в мифические, эпические и значительно позднее религиозные (Геркулес с '*немейским* львом', Νέμεα 'роща Зевса *немейского*', Νέμειον 'храм Зевса в Локриде' и др., см. выше, стр. 318), куда примыкают и нарицательные имена Nebel 'туман', но и 'облако', греч. νεφέλη id., лат. nebula

id., nubes id., и т. д., греч. νέ+μ-ο+ς 'лес' (← 'гора'), лат. ne+mu-s ← ne+mor- (род. ne+mōr-ı+s), также и «под-ы+м-а+ть+ся» с основой «ы+м» ↙ u+m (~ ı+m ↔ o+b 'небо', откуда русск. «ум», «раз-ум», равно «имя» (← ı+me-ne 'знаменье)' → имя), по образу — 'верх', resp. 'круг' (ср. нем. um- 'кругом', русск. «о+б» id., нем. ob⌜er⌝, ob⌜en⌝ 'верх', русск. «об» 'о чем-либо'). И, естественно, при технологическом восприятии действия (глагола) «подниматься», равно «подыматься» напрашиваются на производство от других глаголов, именно «имѣть» (← ı+me-te 'брать'; ср. лат. e+m⌜e⌝-re 'покупать'), восходящего к семантическому архетипу 'рука', как «neh+m⌜e⌝-n» 'брать', прет. «nah-m», «nahe» 'близко', происходит от 'руки' (ср. груз. ne+b 'ладонь руки', 'рука', греч. νέ-μ-ω 'делю', 'уделяю кому-либо', абх. a-na+pə̀ 'рука' и др.), без отношения к der Name 'имя'.[1] Надо различать два в корне различные осмысления формально одного и того же образования, из коих осмысление, стоящее в неразрывной связи с базой, орудием производства и технологическим восприятием его, в звуковой речи, надстройке в целом более развитых стадий, находит выход на более поздней ступени стадиального развития, а осмысление, говорящее о потребности иметь стоимости высокого порядка, как то 'небо' в различных космических образах и его дериваты общего значения, вообще отвлеченные понятия, есть дело более ранней ступени в глоттогоническом процессе. Ведь, язык немыслим не только без мышления и его, следовательно, законов, но и без мировоззрения. А мировоззрение это философия, а «философия является сначала чистым умозрением, лишь впоследствии приобретает почву под ногами»,[2] но с учетом, однако, что и чистое умозрение есть плод, взошедший на определенной материальной базе, и вопрос именно в том, как чистое мировоззрение языка, его философия, осознает питающую его почву, что под ногами в области семантики и как это устанавливает палеонтология речи, вскрывая сущность всех языковых явлений, не только слов, по их общественной функции, когда они все, а не только слова, выявляются как стоимости, связанные с экономикой. Это вовсе не значит, однако, что представления о 'руке' раньше не было или оно выражалось при ручной речи вне связи с образом о 'небе', но эта связь была не технологическая, а магическая: 'рука', как всякое сменявшее ее орудие 'топор', 'меч', являлись не только сопричастными, но воплощением 'неба' → 'солнца' и т. д., как действенной силы, а когда речь о слове «меч», готск. mē-kı, при технологическом восприятии, материально увязанном с первым орудием, то в линии выявления космического мировоззрения, именно астрального, на словарном материале согласно палеонтологии речи у сванов сохранился с родной их

[1] Когда Kluge (EWB[10], s. v. Name) пишет, что «entsprechend in allen germ. und ig. Sprachen: ein Wort von höchstem Alter und der weitesten Verbreitung» это хорошо, но с оговоркой, что не во всех так наз. индогерманских языках одинаково: так греч. o+no+ma-t и арм. a+no+va-n (resp. -an) включают еще тот элемент (A) a- || o- [↔ u-~ı-], который без элемента D (no-) покрывается русск. «имя»: *a+va-[a]n || *o+ma-t || ı+me-[e]n (если не ne, элемент D: сюда относится алб. e+mə-n и в составе лишь двух элементов (AB) тоск. ə+mər). Ни о какой индогерманской праформе *n-m не может быть речи (см. Bernecker, Slav. etym. Wörterb., s. v.), среди германских древнейшей формой ни в каком случае не является гот. namō, а скорее ндл. naam или еще лучше основа ндл. глагола noemen 'называть' именно noe+m⌜e⌝ ↙ *nor-me, а увязывание этого слова с «корнем gnô», греч. γνω, англ. know есть плод чистейшей формалистической фантазии.

[2] К. Маркс, передовая в № 179 «Кельнской газеты» (Соч., т. I, ГИЗ, 1923), цитую по изданию «Мысли Маркса и Энгельса о религии», стр. 193, изд. «Атеист».

огласовкой me-q̇ и в значении деривата 'неба' — 'молнии',[1] у грузин также 'грома' по 'солнцу' 'огонь' (ср. me-sg в сванском le-me+sg 'огонь') и в соответственно осмысленном названии коллектива me-q̇ 'мех', 'месх' (библейское мешех или мошох, resp. 'мосох'). С первичным космическим значением этого слова, известного нам в значении 'молнии', 'грома', именно 'небом', находится в неразрывной связи арм. древнелит. mey-g ⟷ mē-g 'туман', 'мгла', однако и 'облако', как лат. nebula, в косвенных падежах mi-g⌜a⌝ || mi-g⌜o⌝ (← mī-ğo)[2] ∽ арм. mu-q̇⌜o⌝ 'раскаленный' 'пылающий' || 'чад', 'дым'.

Нет надобности здесь останавливаться на архетипном значении опять-таки 'руки', выплывающем при mu-q̇ ← mu-ğ, откуда məğ-el древнелит. → məq̇-el 'толкать', 'гнать', 'совать'. В слове раздвоение осмысления и при основном значении космического порядка — астральном.

Два противоположных значения в нарицательных именах связаны с расщеплением диффузного представления о 'небе' на два образа, 'небо верхнее' светозарное, 'небо нижнее', resp. 'подземное', 'море' мрачное. Относящееся сюда mu-q̇ (← mu⌜r⌝ğ ← mu⌜r⌝k̇) со значением 'чада', 'дыма' налицо с сохранением плавного, но с подъемом губного (m ↗ φ) — φur-k в мегрельском вм. ожидаемого в нем, как языке шипящей группы, *φur-ṭ, resp. с утратой аффрикатности *φur-t, что сохранилось без плавного в соответственных говорах грузинского языка — φu-t 'дым'. Другое, относящееся сюда же слово, уже с космическим культовым предметом 'небо' (отсюда особенно же 'светила', 'звезды', 'луна', 'солнце', 'облако', 'молния', 'огонь') как архетипом, это мегр. φu+ϑ̣-i 'клятва', φu+ϑ̣-u+a, чанск. o-φu+ϑ̣-u 'клясться', в атинском наречии чанского и с сохранением плавного — аор. φur+ϑ̣-u 'он поклялся', у грузин с переводом на свистящий лад — φu+ϑ̣-va 'клясться', с перебоем u ∽ i — нар. φi+ϑ̣-va 'клясться', φi-ϑ̣ 'клятва' ↘ φi-s: св. li-φ+s-i, li-φ-sar-i 'клясть'.

Как уже установлено, восхождение основы этих слов φu⌜r⌝ ∽ φi⌜r⌝ (← bi) ← ← pir к 'солнцу' в двух восприятиях, с одной стороны как к культовому предмету, с другой — архетипу названия 'лица (+рта)', второе микрокосмическое использование 'солнца'. Начальная часть трехэлементного немецкого слова «Sch-wer-t» 'меч', именно ш-ver с лабиальной огласовкой другой социальной группировки (готской) o ⟷ u (при смягчении ö ⟷ ü) дает «der Schwur» = ш-vur 'клятву', основу глагола в прет. [аор.] «schwur», в настоящем и имени действия — «schwör-e» и «schwör+e-n» (к ш+ver ∽ [ƒ-ver ↗] ğ-wer см. св. li-ğ+wer-i-el, li-ğ+wr-i+el 'клясться'). Но 'клятва' в нем. der «Eid» = ey-d при готск. ay-ϑ = = «aiþ-s» с архетипом ⌈h⌉er-d$^{u}/_{i}$n ‖ ⌈h⌉ar-din, откуда и выявляется космическое значение семантического архетипа, отложившегося у немцев в слове die Er-de [← er-den] 'земля' и у халдов в ванской клинописи Ar-din-i 'солнце' (бог), при которой существовала параллельная разновидность er-d$^{u}/_{o}$⌜n⌝, ибо она сохра-

[1] Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем. ИГАИМК, т. VII, вып. 7—8, стр. 53.

[2] Перс. mīğ [нар. по Ю. Марру: mi-q̇] 'туман', 'облако' лишь наследие от яфетической ступени стадиального развития, усеченная форма этой позднейшей разновидности, а авест. maeğa — продукт другой социальной группировки, также имеющей свои первичные предпосылки в языках яфетической системы.

нилась у армян в древнелит. языке как основа глагола er+dən-ul 'клясться', аор. er+do-wa-y.

Именно со значением 'неба' (→ 'солнца'), а не 'земли', связаны своим происхождением груз. er-do ['кров' →] 'плоская кровля', 'терраса', арм. древнелит. er-d⌜e⌝ 'кров', 'дом', 'члены дома' (→ 'семья'); 'слуховое окно' (← 'солнце'), арм. нар. er+dı-q 'слуховое окно'. И вот нем. «Eidam» = ey+da-m 'зять' собственно значит 'дитя' (-m ↗ -p → -ṗ → -b), resp. 'сын дома (семьи)', как и готск. mē+g-s 'зять' с абхазским эквивалентом ā-ma+ħ ‖ a-mə̄ħ 'зять', 'жених'.

По материальной культуре с металлами следовало бы упомянуть о 'драгоценных' камнях. Слово 'камень' может внушить мысль, что их надлежало бы рассмотреть до металлов. Подходя технологически, так и надлежит освещать дело, поскольку не только орудие получило свое название по 'руке', но и материал, сырье не по природе, а по производству, по функции: 'металл' ← 'камень' ← 'рука', и это и теоретически правильно, равно фактически поддерживается языковым материалом, однако «оприродовление» терминов, восприятие их, независимое от функции нарекаемого предмета, как бы спиритуализация их, — дело позднейшего мировоззрения. Раньше все по функции. К тому же драгоценный камень на Востоке, так у яфетидов, называется и 'глазом', иногда с эпитетом 'драгоценный' (напр. груз. ǯvir-ṗas-ı ǯval-ı), иногда 'благородный' (patıosan-ı ǯowal-ı — древнелит. грузинский), также по-немецки Edelstein 'благородный камень'. Здесь опять 'камень', но палеонтология речи уже вскрыла, что ни 'камень', ни 'глаз' не при чем, когда этими двумя словами называют 'драгоценный камень' по семантической формуле, и немецкий без изъяна отвечает на нее собственными материалами:

'небо'	'гора'	'голова'	'верх'	*die* ⌜O⌝-ster-n	[Berg] [der Kopf]
|	|	*микрокосм.*	('подъем',	'I-ıtar'	[der Felse]
['светила']	'скала'	'лоб'	'подни-	der Stern	Stein
'звезда', 'луна' ∽ 'солнце'	.|		маться')	'звезда'	'камень'
микрокосм.	'камень'			|	steigen
'глаз'				*микрокосм.*	'подниматься'
'благородный'				(Edel) stein	*микрокосм.*
				благор. 'глаз'	die Stirne
					'лоб'

Первичное состояние начальной группы st ←→ ıt таково, что никакой речи не может быть о позднейшем в данном слове нарождении t сравнительно с s или, обратно, — s сравнительно с t: st, resp. ıt представляет разложение диффузоида (аффриката) ṫ (→ st) и ṭ (→ ıt), что между прочим, также вскрывает завещанность колебания у немцев в произношении сибилянта (s) начальной группы одними как свистящего s — stern, другими — как шипящего ш — ıtern, ибо то же самое замечаем и у грузин в дериватах от того же космического тотема; так в одноэлементном (A) ster или чаще ıter 'обалделый', 'остолбенелый', первично 'одержимый (тотемом) ster'ом', resp. ıter'ом, а также от него же в порядке зрительного восприятия 'неба' — груз. ṫre (← ṫer) ←→ арм. ṫır 'круг', груз. ṭer ('верх') 'потолок'. Мы уже не говорим о десятках еще слов, в том числе с утратой аффрикатности (ṫ ‖ ṭ → t), происходящих от этого же архе-

типа, космического тотема, и наличных даже в грузинском; они входят в коренной лексический состав как отложение или, точнее, выявление общего со сванским, армянским древнелитературным и немецким особого социального с палатальной огласовкой в речи (e ⟷ i) слоя, так уточненное (моносеманти-ческое) выражение культово одного, именно отрицательного, из двух противоположных восприятий тотема, общественно-враждебного, представляемого этим именно тотемом, коллектива (первичной ячейки общества, переходящей во все формы социальной структуры, сменяющиеся по ступеням стадиального развития так же, как элемент в речи), впоследствии каждого его члена (индивидуума) — ter (m-ter) 'враг', в порядке противоположности части целому, resp. уточненного выделения из диффузного еще представления о 'небе' пернатых в сочетании с элементом C (den) — tre-d (← *ter-den, с позднейшим губным префиксом m-tre+d) 'голубь'.

Однако мы вовсе не хотим утверждать, что 'драгоценный камень', несомненно увязанный со 'светилами', в числе их и с 'луной', и с 'солнцем' как 'глаз' в мировоззрении человечества на известной ступени стадиального развития (в какой бы «расовой среде» и на каком бы «территориальном отрезке» это ни было), был назван из-за 'блеска', как бы из-за 'прекрасных глаз', т. е. 'света', так, как мы то вещественно воспринимаем со всеми последствиями технического, будь то древнейшего, применения: он был назван по магической силе, разделявшейся драгоценным камнем в представлении человечества той подлинно-примитивной ступени стадиального развития. Так надлежит принимать (и палеонтологически бесспорно установлено) тожество названия по *круглоте, шаровидности* 'неба' и 'яйца', источника разнообразных мифов, в том числе и мифа об Иштари, пережившего из язычества и у христиан не в одном пасхальном яйце. И посему таково происхождение и нем. «das Ei» (= ey ↙ er) 'яйцо' в связи с разобранным выше er (← her 'небом' →) 'солнцем', 'огнем' и его тотемическим существованием, что в мире растительных тотемов в этой линии разъясняет тотем 'дуб' «die Ei-che» (*er-he ← *her-ken ‖ бск. ar-te, arı-ǯa) со сменой 'хлебными злаками' (бск. ar-to 'der Mais', греч. ὁ ἄρτος): 'ячмень' — нем. «die Ger-ste», арм. gar-ı/e, бск. gaṛ-gaṛ-ı (gaṛ-ı 'пшеница',) 'хлебное зерно', халдск. kal+n-ı,[1] 'орех', арм. kaḷ-ın, арм. kaḷ-nı/e 'дуб' и т. д.

Немецкий колеблется социально в твердости палатальной огласовки своего *главного* слоя в названии даже 'дуба', так исключительно архаично сохранившегося в нем с осознанием его былой принадлежности к предметам круга женской организации «die Eiche», в произношении «Ai-che» (из ey-q̇en ‖ ay-q̇an ↙ her-, resp. hel-q̇en ‖ ɣar-, resp. sal-q̇an), несмотря на то, что слово успело осложниться придатком другого элемента (C) «-chen» с определенной стадии с функциею уменьшительной частицы для отличия микрокосмического предмета, части, от космического целого (ср. также «die Ler-che» 'жаворонок', «die Lei-che» 'труп', 'тело' и др.), тогда как у грузин именно по сванско-армяно-германской палатальной огласовке и спирантно ɋe ‖ q̇e [↙ ɋel ‖ q̇el ← ğel] 'дерево' и сибилянтно

[1] Ср. Н. Я. Марр, Надпись Сардура II из раскопок ниши в Ванской скале, стр. 35, 56.

ďel древнелит. 'дерево', нар. 'доска' при закономерном акающем соответствии у мегрелов и чанов ḍa ← ḍaḷ- (во мн. ч. daḷ-e+ǫe, ḍal-e+ǫ1 вм. ḍar, ср. однако, ḍar-gwal 'сруб из круглых бревен'), откуда у армян tar, у абхазов a-ṫla (← -ṫal); сванский же и здесь сохраняет присущую ему с немецким огласовку при спирантной разновидности согласных — ge (← ger вм. ǧer, resp. ǧel и т. п.), как полагалось бы именно в немецком, специально германском, и армянском древнелитературном, но находим в озвончении последней ступени лишь у грузин (см. выше ǫe ‖ ǫe); однако сванский успел уточнить элемент A (ge) придатком, элементом B, в той же главной основной своей огласовке — me, да и это двухэлементное образование me-ge (ср. груз. mu-ǫa 'дуб', мегр. bo-ga ‖ bo-gir, resp. bogiḷ 'пол в хлевах', 'мостик из брусьев через речки и канавы', груз. bo-ga 'мостик' и bo-gir 'небольшой мост', 'плотина', мегр., чанск. bi-ga 'палка' и т. п.) осложняет уже классово-морфологически используемым в положении суффикса повторным элементом — m: me+ge-m 'дерево'. И вот немецкий пошел еще дальше, изменив совершенно огласовке главного мощного своего слоя «Ba+u-m» (← ba+hu-m ↙ ba+ku-m → ba+ǧu-m), но это вклад готской речи, где термин этот сохранился в виде ba+g-m-s в основной части, воспроизводящей лат. ba+cul-us 'палка', бск. ma-gil 'палка' (ср. также перс. ba-ǧ 'сад'), рядом с tri (∾ tir ←→ ter), усвоенным готами в слове tri-u 'дерево' из германского (англ. «tree», русск. «дерево», св. tel+e-ǫ название растения, арм. tere-w⌜o⌝ 'лист' и т. д.).[1]

Эта двойственность восприятия, отнюдь не призрачная, но, тем не менее, чрезвычайно смущающая при отсутствии навыка к тонкой инструментовке яфетидологической лаборатории, особенно остро выступает при надстроечных представлениях и понятиях второго и третьего яруса, т. е. отвлеченных понятиях высшего порядка, когда термины не только подвергаются процессу «оприродовления» и «спиритуализации» (с этим нас приучили свыкнуться «этнологи» с их Naturvolk'ами и «первичным» анимизмом), но и эстетизируются, точно в себе самих носят независимо и свободно от материального мира зародыши особого эстетического творчества. В этом смысле громадный ущерб наносится правильной постановке исследовательского дела, когда в Гос. Академии истории материальной культуры нет в линии, вскрываемой новым методом истории материальной культуры, изучения искусств как художественных наук, со включением достигнутых в самом искусстве высоких эстетической значимости форм. Но и в простых случаях двойственности семантики, когда при установлении происхождения термина, всегда надстроечного явления в своей существенной части, осмыслении, да и технически, т. е. в звуковом явлении отнюдь не «натурального» («физиологически» нормируемого), неискушенная мысль колеблется, раз-

[1] Материал, да и сопоставления, вполне состоятельные и сейчас, даны мною еще в 1922 г. по теме Baum 'дерево', гот. bagm-s в статье «К вопросу об яфетидизмах в германских языках», ЯС, I, стр. 52—56, однако, работа эта требует коренного пересмотра, поскольку за отсутствием представления об элементах анализ производился невольно формальный. Впрочем, и тогда еще «предполагаемый яфетический слой в германских языках должен [был] примыкать по природе и своему составу из яфетических языков более всего к мегрельскому, чанскому и сванскому, т. е. к шипящей группе (мегрельский, чанский) и гибридному спирантно-шипящему типу, каким является сванская речь» (ук. соч., стр. 44). С какими изумительными темпами мы двигаемся по германистике! Но кто виноват?

дваивается в выборе архетипа между материальным источником того или иного явления, напр. 'рукой', и ее опытом, кажущимся иным по своей генетической причинности духовным источником, именно 'умом', 'духом'[1] с его продукциею; так нем. «Kun-s+t» 'искусство', производимое от 'руки' (kun ↘ ⌜h⌝un), отсюда в феодальных языках яфетической системы на Кавказе 'иметь', 'видеть', 'быть у кого-либо в *руке*', у грузин ma-qun-s 'имею', буквально 'у меня рука (владение) он (она, оно)', у армян un-ı+m 'имею', буквально '*рука* — она моя', и тогда это ремесло, но в смысле надстроечного понятия высокой категории он происходит в путях магического мышления (а не технологического) от тотема, у русских на соответственной ступени стадиального развития сыгравшего в линии одомашненных животных роль 'тотема-лошади' kon-e ↘ «конь»;[2] у немцев в виде hun-d (да и hon ↔ hun) — тотема 'собаки'; но для осознания и отложения в звуковой речи требуется тотем более общественно развитого коллектива, космический тотем 'солнце' ('свет' ~ мрак'),[3] и тогда с искусством, уже высоко абстрактно, вплоть до, разумеется, не философского или научного, но творческого чувствования, переливавшегося в мифы, сходятся и такие материально оценивавшиеся синонимы, как 'милость', 'благосклонность' — «die Gun-st», лишь с озвончением нашего слова (← kun), равно 'ум', 'разум', 'настроение', у грузин — gon-ı, gon-e+ba ↔ gun-e+ba. И все это на том языковедном основании, имеющем бесспорную материальную базу в производственно-общественной истории, что 1) у армян с самим уже отвлеченным понятием 'бог', обратившимся тотемом готов gu-ϑ 'бог', связано, как с архетипом, отвлеченное понятие 'милость', 'жалость', 'любовь' — арм. древнелит. gu-ϑ, 2) у грузин ğu-ϑa основа слова 'бог' в активных падежах единственного числа.

Естественно, что при таких ярких связях и в надстроечных понятиях высшего порядка вскрываются корни, идущие в подлинно тотемические эпохи 'собак', 'лошадей' и 'дубов' при общественности дендрофагов и т. д., они идут в до-римские, более того — «до-индоевропейские» эпохи и даже на объяснении Kluge, материально представляющем некоторый интерес, но исторически и лингвистически абсолютно несостоятельном,[4] остановиться может только тот, кто решил в ясный день, взошедший от освещения яфетической теорией в непроходимой чаще языковых материалов, оставаться в убеждении, что вокруг

[1] 1 Обращаю внимание, что 'дух', также как 'ум', перестроен в мужской род, также по-немецки *der* Geist, *der* Verstand; женскому роду предоставлена уже более как бы физиологическая, животная 'душа' *die* Seele, однако и это в немецком обстоит архаичнее, ибо, во-первых, die Seele, женск. р., сохраняет и добрую часть «качественно» («социально») более высокой 'души', а затем технологически построенному, казалось бы, производством от ver-stehe-n 'понимать' термину мужского рода для 'ума' ('разума') противополагается *die* Vernunft, женск. рода, 'разум', от эпох еще матриархальных с коллективным тотемическим мышлением (имею в виду не оформление женского рода, хотя бы местоимением die, не само слово, хотя и это все сравнительно архаично, а основу nun), и не понять (см. Kluge, EWD⁶, s. v.) этого слова, как теперь ясно, готской, resp. deutsch'ской огласовки, которое объединяется в одно с удмуртским-вотским и халдским-мидским nun и разновидностями (туда и нем. nun 'теперь' рядом с греч. νῦν, русск. «нонѣ» и т. д.), в связи с тем, что у слова раскрываются значения, связанные с 'рукой', 'солнцем', 'светом', 'правдой', 'разумом', также 'знанием' и т. д. (см. Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 65).

[2] Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем. ИГАИМК, т. VII, вып. 7—8, стр. 38, 47.

[3] Там же, стр. 15.

[4] Kluge, EWD⁶, s. v.

него и он сам — все во мраке. Ибо O-ster-n само по себе представляет 'восток', 'восхождение солнца', но этого мало: ему, O-ster-n, первично O-ster (с усечением O-st), как не только верхнему, но восточному светилу ('солнцу'), противополагается западное, ночное светило, 'луна', resp. 'звезда', именно We-ste-rn (отсюда West 'запад'), буквально 'ночная звезда', засим 'вечерь' — русск. «ве-чер», нем. ge-ster-n 'вчера' ⟷ gı-ıer 'ночь', причем ge- ⟷ gı- и ve- ⟷ me- представляют одноэлементные (A, B) усеченные слова, сохранившиеся со значением 'ночи' среди «финнов» у мордвы (ve) на Волге, в языках яфетической системы на Кавказе у абхазов a-ḳa (ḳa ← ğa), двухэлементно у грузин ğa-me 'ночь' (у басков в Пиренеях ga-w⌜e⌝), и мегрелов, чанов ğu-ma 'ночь'; у них же в значении 'ночи', 'вечера' — ser-ı.

Тотем проникает и в образование глаголов, разумеется, допрометеидской системы, и тогда, когда, казалось бы, имеется в виду такое обыденное явление, как 'сидеть'. По отвлечении позднее возникшего форматива, основа sı → zı ‖ jı нем. глагола «si-tze-n», независимо от сродных с ним оформлений в языках так наз. индоевропейской системы, получает простую основу со значением 'сидит' sı в халдском языке ванской клинописи, zı-s у грузин (в живой речи jı-s), без возможности спрягаться по временам, ибо еще осознавалось, что тут не техника, а магическая сила. В этой линии разъяснилось и то, почему в немецком, дошедшем в сторону «индоевропеизма» до технической выработки времен, все-таки в прошедшем этот «корень» сменяется основой «sa-ss».

Рядом с тотемом sı существовал gı ⟷ ge:[1] от него ge-ba 'существовать', отличное по значению, но не по генезису, от разобранного нами глагола нем. ge-be-n 'давать' и груз. ğe-ba 'брать'. В значении 'существует', 'есть' gı совершенно свободен от всякого так наз. тематического оформления — gı+es 'он существует' в значении «es gie+b-t», причем теперь ставится вопрос, правда ли надо признать в немецком утрату согласного b (элемента B), когда в некоторых диалектах его вовсе нет.

С космического тотема, более раннего, 'неба', 'покрова', в бытовой материальный мир мы сходим на такую подробность человека-микрокосма, как 'головной убор', общий у немцев с грузинами термин, значит ли он 'шапку', 'шляпу', как нем. der Hut или и другие его виды, не только бытовой груз. qu-di 'шапка', 'фуражка', но и военный 'шлем' в составе груз. ʒaφ-qu+t, равно 'пояс' der Gur-tel, усеченно die Gur-t⌜e⌝ и der Gur-t, опять-таки по разложении на составные части последние (gur- и -tel) обе разновидности одного и того же элемента (A) находят свое объяснение в двузначных словах яфетической системы, как, напр., tel в груз. tel 'чресло', в этом смысле 'пояс', в связи с 'небесным *кругом*', потому и 'небом' (→ 'солнцем') и потому также 'год', при арм. нар. двойнике tarı, точно готском по огласовке. Так же обстоит дело и с первой частью gur ⟷ gor, в линии 'круга', доходящего до значения 'колеса' (груз. go-gor, бск. gur-pıl), но в своей цельности нем. gur-tel с падением начального g в исчезающий спирант (⌜h⌝ur-) и с усечением плавного исхода, как в нем.

[1] См. выше, в местоимениях, стр. 327.

die Gur-te, der Gur-t, получает оправдание своего допрометеидского происхождения в бск. ur-ɘe, означающем 'год'. Оно же налицо и в значении 'пояса' с сохранением g, но с разложением губного o на aw в арм. нар. go-tı → древнелит. gaw-t$^{e}/_{ı}$ (в позднейший иранский мир и далее мы не выходим).

В общем время последнего общения баскского, армянского и немецкого, собственно соответственных слоев, намечается названиями 'железа' и 'ячменя' (см. выше, стр. 330, 337), вообще 'металлов' и 'хлебных злаков'. Однако имеются языковедные средства для большего уточнения: так, числительные дают возможность установить широту количественного охвата социально-экономического образования еще наличием в нем уже двух противоборствующих групп, одной с палатальной огласовкой (e) — германской, другой — с губной (u), готской, если не отнести горловой огласовки (a), присущей готскому так же, как мегрельскому и чанскому, вместе с губной (o ⟷ u), к третьей группе (сванской) и представленной наиболее сильно грузинским, также, впрочем, с огласовкой двух основных гласных (a, e). Первые числа в немецком с 'единицы' до 'четырех' с палатальной огласовкой («ein» ← *er-ne, er-s+t, «zwei» = ɘ-vey, «drei», «vier»), также se- (↙ ser ∽ er-) 'один' в составе 'шести' '1+5' «se-chs», ne- 'один' в составе 'девяти' ne-un (-1+10). Но 'пять' fünf, resp. funf и 'десять' un в составе 'девяти' ne-un с губной огласовкой, оно же в основе 'ста' — hun+der-t, наиболее излюбленного высшего числа у немцев.[1] При учете связи чисел при их первоначальном магическом значении с тотемом, т. е. определенной первичной общественной ячейкой, открывается возможность благодаря девственно нетронутым переживаниям яфетической системы в немецком языке выйти на совершенно конкретный путь к определению количества и идеологического горизонта первичных социально-экономических образований. Zwey 'два' — так наз. скрещенное слово из ɘ ↘ s (←*sèl, ср. sal ∽ hal 'два', нем. hal-b 'половина') и vey (⟷ vıy), представленного в ряде разновидностей в различных языках, в самом немецком в виде bey («bei-de» 'оба') ↘ mey ⟷ vey с бск. эквивалентом bı ↘ mı 'два'. При таких связях первичной ступени стадиального развития есть возможность проследить усиление той или иной группы в комплексе цельного социально-экономического образования, где палатальная огласовка представлялась германской (вернее, герской) группой, а губная — готской, и естественно ни в каком случае не учитывать лишь как явление одной звуковой значимости, когда das Pferd огласовочно палатально, также der Hengst 'жеребец', а das Ross — лабиально, а равно то, что совершенно позднее осознанный 'дух' в немецком носит название, как было разъяснено, der Gei-st (↙ *Ger-s+t), происходящее как и die Ger-s+te 'ячмень' с архаическим преимуществом сохранения женского «рода», от одного и того же тотема, основной части названия немецкого народа.

Нас не может не занять в первую очередь глубоко захватывающее, доводящее исследование до первичных форм материальной культуры, общественности и мировоззрения, языковое родство немцев с Кавказом и Пиренеями по

[1] См. выше, стр. 31[8].

линии увязки немецкого с определенными языками яфетической системы, сванским на Кавказе и баскским в Пиренеях, при особенно ярких встречах с армянским, языком также «переходной» ступени. Однако мы отстранили от себя по возможности обсуждение и таких существенно прикосновенных к той же задаче языков, как с одной стороны готский, хотя он имеет непосредственное отношение не только к немецкому, но и к перечисленным языкам Кавказа, равно к грузинскому, не говоря о мегрельском и чанском; с другой стороны — халдский язык ванской клинописи, язык допрометеидской Армении, представляющий огромное значение не только для языков яфетической системы Кавказа, также самого армянского, но и для немецкого. Между прочим, ряд явлений морфологического характера выявляют халдские слова: так, уменьшительное на «chen», «in» в яфетическом состоянии ḳe⌜n⌝ ⟷ ḳi⌜n⌝ ↘ ⌜h⌝in это халдск. ḳin-i 'дитя', 'сын', ḳi id.,[1] окончание родительного падежа «che» (← ḳe), эквивалент халдск. -ше, наличное в относительном местоимении «wel-ch⌜e⌝» 'который' от сущ. = личн. мест. wel- 'кто'[2] (ср. с утратой плавного we-r || wa-s, род. we-ssen, we-re+n), причем wel, resp. vel (усеч. vi) ⟷ mel имеет свои соответствия — груз. vi-n 'кто', дат. vi-s, груз. неопр. част. me⌜l⌝ в нар. ro+mel 'который' от ra || го 'что (+кто)' || мегр. mu 'что', mu-ṭo 'какой' и т. д.[3]

Также отстранили мы вовсе персидские языки различных систем, многообразная увязка которых с языками Армении еще в бо́льшем пренебрежении, чем разъяснение самого родства живого персидско́го языка с диалектами и говорами, не говоря о безнадежно выпадающей из рук индоевропеистов богатейшей живой курдской речи. Нам важно отметить, что по линии нем.+арм.+перс. вскрывается общность такого вторично-надстроечного термина, вклада коллектива сложной и высоко развитой социальной структуры, как «Scha-m» 'стыд', у армян представленного спирантно ha+m-a+w- в основе имени действия a+m-a+w+ϑ 'стыд', глагол a+ma-ϑ-em 'стыжусь', с архетипом шar-m по шипящей группе собственно *шогом, ср. старосл. «сор+о-мо», русск. sra-m (←*sar-m) ~ нем. har-m 'боль', 'забота', 'угрызение совести', 'стыд' (в отношении har-m и привлекаемого сюда индоевропеистами нем. herb надо помнить, что при технологическом восприятии 'стыда', увязанного с 'болью', придем к толкованию her-b от 'огня', при тотемическом — к самому тотему, предмету культа, 'страх' и 'стыд' перед которыми и может только послужить основанием для оправдания

[1] Я не имею возможности по памяти цитовать все относящиеся сюда места в яфетидологической литературе, как, например, использование основы в значении 'производить', 'делать', 'рождать' — чанск. o-ḳen-a+ф-u, груз. шеуп-е+ba 'строить' и т. п., и есть ли в том надобность для тех, кто, действительно интересуясь обсуждаемой проблемой, ознакомился основательно с новым учением об языке по яфетической теории, ориентирован в ее продукции. Что не считаю никогда излишним повторять, это то, что каждая прежняя работа, чем старее, тем больше требует настороженности в приеме мотивировки, хотя бы и «реалистической», происхождения и увязки слов, часто существенного уточнения, иногда полного отказа от них. Однако это не значит, что в них нечему учиться.

[2] Н. Я. Марр, Грамматика древнелитературного армянского языка.

[3] Не место входить здесь во все относящиеся сюда материалы, однако при установленной формуле mā || mō (⟷ vo, ср. wo 'где', 'когда') ⟷ mū ↗ po ⟷ pu πότερος представляет греческое оформление яфетического составного слова po+ter, отожествляемого с κότερος, тогда как общего у них в основной части лишь ter, ибо po и ko различные элементы.

соответственного значения herb). Однако персидские языки, выделяемые в иранские, особо увязываются с одной стороны со Средней Азией, где независимо от наличия на Памире такого пережитка языков яфетической системы, как вершикский, доселе согдийский не узнан в своих ярких переживаниях той же яфетической системы, с другой — на Западе в Европе ряд кельтских языков имеет точно нарочито игнорируемые связи с персидским все того же порядка, именно переходной ступени к прометеидской системе.

Отстранили мы иранские языки и из-за существующего недоразумения по непосредственной увязке их с финскими (также так наз. финскими), тогда как прежде всего требуется не только учет того, что сделано по выяснению более ранних хозяйственно-общественных сношений, если не говорить пока — допрометеидской Индии,[1] народов Месопотамии,[2] Кавказа и Причерноморья с их конкретными языками яфетической системы, эламским,[3] шумерским,[4] мидским,[5] халдским,[6] бесписьменным скифским,[7] доселе живыми позднеписьменными и вовсе бесписьменными языками.

В этих работах, даже тогда, когда речь идет о самых ранних эпохах Евразии, должно быть отведено отчетливо определенное место, особенно, когда на первый план выдвигается немецко-сванско-армянская исследовательская работа, с одной стороны турецкому,[8] с другой — русскому,[9] со всеми вытекающими из их вовлечения связями и последствиями. Говорить о родстве русского и вообще языков славянской группы с германскими, следовательно, и немецким, казалось, значит ломиться в открытые двери.

[1] Н. Я. Марр, Из до-истории Индии и Вол-камья по названиям городов. Вост. Зап., изд. Лен. вост. института, Л., 1927, стр. 223—234.

[2] Н. Я. Марр, К пересмотру распределения шумерского словаря. ДАН-В, 1927, стр. 7—12. — Его же, Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. ДАН-В, 1927, стр. 82—84, и другие работы, особенно — Иштарь. ЯС, т. V, стр. 109—178.

[3] Н. Я. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания. ЗВО, т. XXIII. — Его же, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык.

[4] См. выше, прим. 2, а также следующие работы: Н. Я. Марр, Заметки по яфетическим клинописям. ИГАИМК, т. III, стр. 288—298. — Его же, Пережитки еще семантических групп 'Небо-Вода' из шумерского языка. ДАН-В, 1924, стр. 63—64. — Его же, Шумерские слова с основой en в освещении одного из положений яфетической семантики. ДАН-В, 1924, стр. 45—46.

[5] См. выше, прим. 3.

[6] Н. Я. Марр, Халдская клинообразная надпись из села Лески. ИАН, 1917, стр. 1731—1738. — Его же, Обломки Делибабинской надписи. ЗВО, т. XXIV, стр. 125—132. — Его же. Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению. ЗВО, т. XXIV, стр. 37—124. — Его же, Надпись Сардура II, сына Аргиштия, из Даш-керпи. Зап. Кавк. музея, вып. 1. — Его же, Надпись Русы II из Маку. ЗВО, т. XXV, стр. 1—54. — Его же, Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале, П., 1922. — Его же, Заметки по яфетическим клинописям. ИГАИМК, т. III, стр. 298—302, и другие работы.

[7] Н. Я. Марр, Термин «скиф». ЯС, т. I, стр. 67—132. — Его же, Скифский язык. ПЭРЯТ, стр. 336—387.

[8] Н. Я. Марр, Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям у кавказских яфетидов. ХВ, т. VI, стр. 352—353. — Его же, Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков. Под знаменем марксизма, № 6, июнь 1927 г., стр. 18—60

[9] Н. Я. Марр, Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении. ИГАИМК, т. III, стр. 257—287. — Его же, Термины из абхазо-русских этнических связей. Лошадь и Тризна. Изд. Наркомпроса Абхазии, Л., 1924. — Его же, Русское слово «сало» в описании хазарской трапезы VII в. (к вопросу о древнерусско-кавказских отношениях). ТРКФ, т. I, стр. 66—125. — Его же, Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике. Чебоксары, 1925, и другие работы.

Не об этих открытых дверях, ведущих в тупик, говорится. Речь об установке исследовательской работы над совершенно новыми связями и проблемами и лишь затем, с ее углублением, о палеонтологическом пересмотре всего проделанного в путях старого учения об языке с точки зрения нового учения, конкретизующего на и идеологически, и технологически (формально) изучаемом речевом материале диалектико-материалистический метод, марксистско-ленинский, с обязательным палеонтологическим освещением яфетической теории.

В отношении турецкого не можем не указать сейчас же на два момента, когда интерес прикован к немецкому по сосредоточенности материально-культурных памятников в непрерывной смене в Рейнском крае, во-первых, на отрешенно фонетическую аггармонизацию гласных в зависимости, казалось бы, лишь от мягкого или твердого характера наличных в слове согласных, тогда как в немецком изменчивость гласных того же порядка не утратила еще своего функционального значения для осмысления, в свою очередь вскрывающего картину производственно-общественной среды и ее мировоззрения; во-вторых, общность такого термина, определяющего время, космического значения, в турецком 'бога' Tan-grı (→Tañrı) 'бог' (←'небо') и Tan-gız (Deñız) 'море', в западной Европе у французов «danger» (также dangier) 'опасность' (←'чудовище'←'тотем'), у немцев космически der Donner (donger) 'гром', «древнегерм.» также 'божество погоды' (Wettererscheinungen), откуда не только название 'четверга' — Donnerstag, но и значение этого дня в Рейнском крае как главного в неделе, что вынуждает ставить вопрос: правда ли Donner был в этой роли 'громом', или, как то полагается первому в порядке недельных дней, слово означало 'небо', resp. 'солнце', за которым следовал бы в таком случае «Frei-tag», св. we+bı-шqa (в таком случае не фонетическая разновидность, а по элементу B против A в obшqa id.) 'пятница', 'день луны' — 'женщины', 'любвеобильной Венеры,[1] отсюда «frei-en» 'свататься' (ср. asächs. frī 'Weib', 'Geliebte' auch 'der Freund'), Sams-tag 'суббота', собственно 'день sam'a', тотема, космически 'неба', предмета культа и веры, откуда основа ta-m (←tar-m), ср. tar+ma-ϑ (у сванов) 'бог', груз. tar+mar-ϑ 'язычник', древнелит. груз. m-tam-s 'я верю', буквально 'у меня тотем tam',[2] 'мною владеет tam', у армян опять спирантно ham←→hawa-t: hava+t 'вера', ham-oz-el 'убеждать'.[3]

Мы только напомним о связях, ярко намеченных между баскским и тяготеющими к нему в линии сродства по яфетической системе языками западной Европы, равно обращенного к ней африканского побережья, и между финскими

[1] Н. Я. Марр, Вишапы. Предисловие, стр. 51.

[2] Kluge, EWD⁶, s. v.: «Aus kirchenlat. «sabbati»... kann ahd. «sambaztac» «Samstag» nicht abgeleitet sein, weil dadurch die hd. Nasalierung nicht erklärt wird und weil ein kirchenlat. Wort keine Verschiebung von «t» zu «z» haben dürfte»... Кроме того и «sambaz» в «sambaz-tac» требует разъяснения иного в связи не только с национальным личным именем Sambat (↙Sun+bat), но и с названием города Sam+bat+a-van (↙Sun+bat+a-van) 'Сымбатаград', впоследствии (или раньше народно) без начального sun- и конечного -t — груз. Bay-bur+ϑ, арм. Ba-ber+d 'Баʻйʼ-град' (Ср. Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем. ИГАИМК, т. VII, вып. 7—8, стр. 54—55).

[3] О ʻhʼam (←ʻhʼar-m) см. выше, стр. 342. — Ср. также Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, IX. ИАН, 1916, стр. 235 сл.

с соседящими сродными разновидностями речи в восточной Европе. Завершим этим напоминанием перечень отстраненных в настоящем предварительном сообщении языков, целых групп, и не будем даже оправдывать это целью — сосредоточиться на предмете поставленного в начале статьи заголовка и упростить по возможности изложение.

После того, как была сделана брешь в средиземноморский мир для яфетического «этнического элемента» на основании одних кавказоведных и басковедных языковых материалов и постепенно расширилась она все новыми и новыми капельками напрашивавшихся на вовлечение в эту исследовательскую кампанию изолированных и мало освещенных языков Афревразии, какой поток доводов предстоит направить туда же для решения застрявших проблем общего значения, стоящих безнадежно все на мертвой точке, если удастся суметь искусно ездить действительно научно организованным коллективом на вновь выявленном коне яркой яфетической установки и дать ему свободно вырваться из тисков индоевропеизма и романизма на волю неотложно-очередной мировой научной задачи, обеспечив предварительно в основном и обеспечивая уже в пути углубленное и в подробности разъяснение связей со всеми теми языками, устранение которых отмечено, впрочем, не полностью, данным выше перечнем.

Но удастся ли располагать для такого успеха «действительно научно-организованным коллективом»?

Сообразно с ответом, который не словами, а на деле могу получить я на месте, по возвращении, в исследовательских учреждениях, доселе связанных с моей работой в них, могут быть сделаны практические выводы из представляемого отчетного сообщения по теоретической части.

Основным практическим выводом для переживаемого нами момента социалистического строительства была бы постановка изучения немецкого языка на новых теоретических началах с обострением внимания на мышление и его технику: на смену схоластически формального его преподавания, доступного лишь избранным и приспособленного виртуозностью техники к артистическому усвоению избранной (классовой) речи, должно вступить идеологическое и общедоступное, роднящее немецкий язык в целом с перерабатывающимся в единое социальное общество составом разнонациональных учащихся масс СССР.

Мне остается прибавить лишь два положения, далеко не лишенные и иного практического смысла:

а) Как известно, в звуковом языке, целиком представляющем надстройку, имеются различные категории по степени близости и связанности слов-понятий с материальным миром или, наоборот, функционально их полной кажущейся отрешенности от материального мира. Однако, как устанавливается на примере такого языка, как культурная речь современной просвещеннейшей нации Европы, нет ни одного слова самого абстрактного порядка и, следовательно, выражаемого им общественно значимого явления хотя бы одной, допустим, эстетической ценности, которая не имела бы своей материальной базы. Следовательно, не может быть истории материальной культуры, не учитывающей в своей исследовательской работе процесса не только возникновения, но и развития, стадиаль-

ного развития искусств, на каком бы материале это ни выявлялось, руками ли осязуемом, зримом в красках или слышимом в звуках, зодчестве, живописи или музыке.

б) Немецкий народ, собственно представляющий его господствующий слой, ныне занимающий в кругу всех наций мира по наличным в старой Европе представлениям место с мировой культурной весомостью, говорит языком со структурой весьма архаичной ступени стадиального развития, т. е. немцами сделан в культурном своем хозяйственном развитии и соответственном уровне просвещения громадный скачок без прохождения всех ступеней развития, проделанных языками более позднего склада. Есть ли что рискованное или сомнительное в успехе культурного сдвига весьма мало просвещенных многочисленных народов СССР, имеющих совершить громадный скачок и в просвещении? И на это могу сейчас ответить: конечно, никакого риска, и не может быть никакого сомнения в успехе, если не будет искусственных препятствий извне и внутреннего вредительства. Но разве, при обширности наших природных ресурсов, не зависит и устранение этих помех от силы, коллективной воли, энергии и целесообразной организации труда, труда и еще труда, и соответственной непримиримой борьбы на всех фронтах обороны для отстаивания этого качественно в корне нового труда, особо же непримиримой, без абсолютно недопустимого в науке соглашательства, беспощадной борьбы на культурном фронте, где соответственно требуется и более усовершенствованное, технически возможно безукоризненно отлитое в глубинах движущихся знаний и более тонкое и умелое в сложнейших условиях современности смелое и твердое руководство.

Бонн
15 IV 1931

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Adjarian, H. — Etude sur la langue laze. Mémoires de la société linguistique de Paris. 1899, т. X, 145—160, 228—240, 364—401, 405—446, 447—448. *40*

Амиран-Дареджаниани — грузинская героическая повесть персидского происхождения. *74*

Ampère, J. J. — Histoire littéraire de la France avant le XII siècle. 3 vol. *178*

d'Arbois de Jubainville, H. — Les Druides ou les dieux celtiques à forme d'animaux. Paris, 1906. *124*

Azkue, M. R. — Diccionario vasco-espagnol-frances (dictionnaire basque-espagnol-français), 2 vls. Bilbao-Paris, 1905—1906. *109. 183*

Apollonius Rhod., Argon. *118*

Barth — Die Casusreste im Hebräischen. ZDMG, LIII, 593—599. *25*

Barth. Etymologische Studien zum semitischen insbesondere zum hebräischen Lexikon. Lpz., 1893. *32*

Bartlett, F. C. — Psychology and primitive culture. Cambridge, 1923. *258*

Бартольд, В. В. и Смирнов, Я. И. — Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани. ЗВО, 1915, т. XXIII, стр. 373—412. *94—95*

Bastian, A. — Zur heutigen Sachlage der Ethnologie. Berlin, 1899. *93*

Berneker, E. — Slavisches etymologisches Wörterbuch (Indogermanische Bibliothek, II Reihe: Wörterbücher). Heidelberg, 1908—1913. *334*

Biard — Relation de la nouvelle France. Paris, 1616. *109*

Библия *10. 33. 61. 103. 104. 120. 129*

Blanc de Saint-Hilaire — Les Euscariens ou Basques, le Sobrarbe et la Navarre, leur origine, leur langue et leur histoire. 1888. *178*

de Bled, Victor — La Franche-Comté. Revue des deux mondes, 1893, v. CXVII. *148*

Blondel, Louis — Notes d'archéologie génevoise. Bulletin de la Société d'histoire et d'archéologie de Genève. 1922. *145*

Bopp, Fr. — Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes. Berlin, 1842 (2-te Aufl., Berlin, 1847). *14*

Bopp, Fr. — Bericht des Herrn Bopp in Bezug auf Hrn. Dr. Rosen Einsendung über das Lasische. Berlin, 1843. *14*

Braun, Fr. — Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. «Japhetitische Studien», I. Berlin-Stuttgart-Leipzig. 1922. *133. 156. 166. 228. 314*

Брим, В. А. — Состав и характер неразъясненных элементов в германских языках. ЯС, II. 18—31. *227*

Брим, В. А. — Термин «скоморох». ЯС, II. 94—97. *227*

Брим, В. А. — Прагерманская проблема. ЯС, IV, 150—157. *227*

Brockelmann — Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Berlin, 1907. *23. 25. 26. 28.*

Brosset, M. — Description de la Géorgie... publiée d'après l'original autographe par... St-Pétersbourg. 1842. *73*

Bugge, Sophus — Etruskisch und Armenisch. Sprachvergleichende Forschungen. Christiania, 1890. *68*

Веселовский, Н. И. — Военно-исторический очерк г. Анапы. Зап. разр. военн. арх. и археогр. Русск. Военно-истор. Об-ва, 1914, т. III. *75*

Walde — Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. 2-te Aufl. Heidelberg. 1910. *139*

Weissbach — Die Achämenideninschriften zweiter Art. Lpz., 1890. *50*

Вестник Коммунистической Академии. *282*

Wilamowitz-Möllendorff. Platon. 2-te Aufl. Berlin. 1920. *202*

Wilke, Georg. — Südwesteuropäische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient. Warburg, 1912. *108*

Winkler, Heinrich — Das Baskische und der vorderasiatisch-mittelländische Völker- und Kulturkreis. Breslau, 1909. *164. 165*

Вис-Рамиани — грузинская повесть. *223*

Владимирцов, Б. Я. — О двух смешанных языках Западной Монголии. ЯС, II, 32—52. *227*

Глезднев, П. — К вопросу о научной разработке языков: мари, удмурт и коми. Изв. Вятск. научно-исслед. Института краев. Вологда. 1922. *187*

Gröhler, H. — Ueber Ursprung der französischen Ortsnamen. T. I. Ligurische, Iberische, Phönizische, Griechische, Gallische, Lateinische Namen. Heidelberg. 1913. *141. 144. 145*

Державин, Н. С. — Новое направление в истории культуры и языка (яфетическая теория). «Звезда», 1926, № 24/10, 226—255. *228*

Delitzsch, Fr. — Assyrische Grammatik mit Uebungsstücken und kurzer Literatur-Uebersicht. Berlin. 1906. *25*

Delitzsch, Fr. — Summerisch-akkadisch-hettitische Vokabularfragmente. Abh. d. Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaften, 1914, phil.-hist. Kl., n° 3. *81*

Джавахов, И. А. — Обзор теорий и литературы о происхождении грузинского языка. ЖМНП, 1908, № 8, 241—258. *50*

Джавахов, И. А.—ქართველ ერის ისტორია ['История грузинского народа']. Тифлис, 1913—1914. *228*

Джанашия, М. — ხინგილო ['Ингилойя']. Сборник «Древняя Грузия», II, под ред. Е. С. Такайшвили. Тифлис, 1913. *55*

Джанашия, Н. С. — Религиозные верования абхазов. ХВ, 1915, IV, 72—112. *63*

Диодор Сицилийский, Историческая библиотека. Изд. Didot-Müller. *144*

Дондуа, К. Д. — О Георгии Змееборце. *227*

Дондуа, К. Д. — О карнавале (груз. кеноба). *227*

Dottin, G. — La langue gauloise. Grammaire, textes et glossaire. Paris, 1920. *193*

Евангелие 37. *74*

ქრონიკა — ქრონიკები და სხვა ისტორიული მასალები['Хроника и другие исторические материалы']. Тифлис, 1893. *42*

Зола — Семья Ругонов. *8*

«Известия ЦИК СССР». *281*

Kannengiesser, A. — Ist das Etruskische eine hettitische Sprache. Programm des Gymnasiums zu Gelsenkirchen. 1908. *82*

Kaspers, Wilhelm. — Die -acum Ortsnamen des Rheinlandes. Ein Beitrag zur älteren Siedlungs-Geschichte. Halle a. S. 1921. *313*

Castaillhac, L. — Quelques notes sur les Basques. Revue des Pyrénées, v. V. 1893. *91*

Keane, A. H. — Man past and present. Revised and largely rewritten by Hingston and Haddon. Cambridge 1920. *180*

Keane, A. H. — Asia. With ethnological appendix. Ed. by Sir Richard Temple. L. 1882. (Stanford's compendium of geography and travels). *89*

King, L. W. — Chronicles concerning early babylonian kings, v. 1—2. London, 1907. *151*

King, Thompson and Budge. — The sculptures and inscriptions of Darius the Great on the rock of Behistun in Persia. A new collection of the Persian, Susian and Babilonian texts with english translations etc. L. 1907. *50*

Кипшидзе, И. А. — Дополнительные сведедения о чанском языке (из лингвистической экскурсии в Русский Лазистан). МЯЯ, Ш. СПб. 1911. *71*

Кипшидзе, И. А. — Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. МЯЯ, VII. СПб. 1914. 71. *223*

Кипшидзе, И. А. — Рец. на работу Th. Kluge «Beiträge zur Mingrelischen Grammatik». ЗВО, XXII, 1914 г., 239—246. *71*

Kluge, Th. — Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 4-te Aufl. Strassburg, 1899. 6-te Aufl. 1889. *321. 325. 327. 330. 334. 339. 344*

Kluge, Th. — Versuch einer Beantwortung der Frage: Welcher Sprachgruppe ist das Sumerische darzugliedern? Leipzig, 1921. *153*

Knudtzon, J. A. — Die zwei Arzawa-Briefe. Die älteste Urkunde indogermanischer Sprache, mit Anmerkungen von Sophus Bugge und Alf Torp. Lpz. 1902. *81*

Коковцов, П. К. — Книга сравнения еврейского языка с арабским Абу Ибрагима (Исаака) Ибн Баруна, испанского еврея конца XI и начала XII века (к истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы, I). СПб. 1893. *31. 32. 36. 37*

Conway, R. S. — Due strati di populazione indoeuropea del Lazio e dell'Italia antica. Rivista di storia antica, 1903, v. VII. *138*

Коричев, С. А. — Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья. Труды Общества изучения местного края Чувашской Автономной области, вып. I. Чебоксары, 1914. *215*

Koch, K. — Reise von Redut-Kaleh nach Trebizond. В «Die kaukasischen Ländern und Armenien». Lpz. 1855. *49*

Cuny, A. — Les mots du fond préhellénique en grec, latin et sémitique occidental. Rev. des Etudes anciennes, XII, 1910, 154—164. *81*

Cuny, A. — L'hypothèse préhellénique et le gr. βασιλεύς, hébr. ba'al etc. Revue des Etudes anciennes, XIV, 1912, 262—266. *81*

Langlès — Mémoires sur deux inscriptions trouvées près d'Hamadan. Paris, 1836. *50*

Landberg, Carlo. — Proverbes et dictons du peuple arabe. Leide-Paris, 1883. *35*

Lhande, Pierre. — L'émigration basque. Histoire—Economie—Psychologie. Préface de Carlos Pellegrini, ancien président de la République Argentine. Paris. 1910. *91*

Маколей — Речи. *6*

Маркс, К. — Капитал, I. *308*

Маркс, К. — Передовая в № 179 «Кельнской газеты». Соч., I, Гиз, 1923. *334*

Марр, Н. Я. — Природа и особенности грузинского языка. — Иверия, 1888, № 86. *3. 9. 84. 222*

Марр, Н. Я. — Иностранные слова в грузинском тексте Четвероевангелия и их происхождение [рукопись]. *223*

Марр, Н. Я. — Собственные имена, встречающиеся в Амиран-Дареджаниани [рукопись]. *223*

Марр, Н. Я. — Собственные имена, встречающиеся в Вис-Рамиани [рукопись]. *223*

Марр, Н. Я. Собственные имена, встречающиеся в Дилариани [рукопись]. *223*

Марр, Н. Я. — Собственные имена, встречающиеся в Русуданиани [рукопись]. *223*

Марр, Н. Я. — Список слов и выражений, существующими грузинскими словарями этимологически неверно объясняемых, превратно понимаемых или совершенно опущенных, составленный к четырем повестям — Вис-Рамиани, Амиран-Дареджаниани, Русуданиани и Дилариани [рукопись]. *223*

Марр, Н. Я. — Историко-литературный обзор грузинских повестей, написанных в прозе в XI и XII веках [студенческая дипломная работа]. *10*

Марр, Н. Я. — Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Часть I: Исследование. СПб., 1899, XI + 594 стр.; Ч. II — Текст. СПб. 1893, XVI + 344 стр.; Ч. III — Приложения. СПб. 1893. X + 203 стр. [магистерская диссертация]. *22*

Марр, Н. Я. — Боги языческой Грузии по древне-грузинским источникам. ЗВО, 1901, XIV, 1 — 29. *87*

Марр, Н. Я. — К столетию со дня рождения М. И. Броссе. ЗВО, 1902, XIV, 73—78. *221*

Марр, Н. Я. — Ипполит. Толкование Песни Песней. Грузинский текст по рукописи X в., перевод с армянского. Исследование, перевод, издание. ТР, Ш. СПб., 1901, стр. 6 + + CXIV + 32 + 67 [докторская диссертация] *10. 30*

Марр Н. Я. — Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб. 1903, стр. XXXVIII + + 303. *27. 31. 38. 47. 319. 342*

Марр, Н. Я. — Сравнительная грамматика яфетических языков с семитическими [рукопись]. *226*

Марр, Н. Я. — Сравнительная грамматика яфетических языков сибилянтной ветви [рукопись]. *226*

Марр, Н. Я. Палеонтология речи [рукопись]. *226*

Марр, Н. Я. — Критика и мелкие статьи. ТР, V. СПб, 1903. *30*

Марр, Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием (арабская версия). ЗВО, 1905, XVI, 155—166. *39*

Марр, Н. Я. — История Грузии (культурно-исторический набросок). По поводу слова прот. И. Восторгова о грузинском народе. Изд. «Амиран» Ал. Арабидзе. СПб. 1906. *86*

Марр, Н. Я. — Аркаун, монгольское название христиан — в связи с вопросом об армянах-халкедонитах. ВВ, 1906, XII, №№ 1—2, 1—68. *315*

Марр, Н. Я. — Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб. 1908, 16 стр. + + XX табл. *9. 10. 71. 84. 85. 126. 207. 222. 224. 332*

Марр, Н. Я. — Рец. на работу: И. Джавахов, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, I. ЖМНП, 1908, № 5, 200—223. *40*

Марр, Н. Я. — Яфетическое происхождение армянского слова margarey 'пророк'. ИАН, 1909, 1153—1158. *109*

Марр, Н. Я. — Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII вв. ЗВО, 1909, XIX, 53—113. *60*

Марр, Н. Я. — Вступительные и заключительные строфы грузинской поэмы «Витязь в барсовой шкуре». Грузинский текст, русский перевод, пояснения с этюдом «Культ женщины и рыцарство в поэме». — ТР, XII. СПб. 1910, стр. LVI + 54. *151*

Марр, Н. Я. — Из поездки в Турецкий Лазистан. Впечатления и наблюдения ИАН, 1910, 547—570, 607—632 *39. 40*

Марр, Н. Я. — Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем. — МЯЯ, II. СПб. 1910, стр. VIII + XXVI + 240. *48. 49. 71. 223*

Марр, Н. Я. — К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. МЯЯ, V, Спб. 1911. *53. 72*

Марр, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении. I—XI. ИАН, 1911—1919. *128, 129*

Марр, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении. I. ИАН, 1911, 137—145. *104*

Марр, Н. Я. — Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст. Введение, издание и перевод, с Дневником поездки в Шавшию и Кларджию. ТР, 1911, VII, стр. 12 + LXX + 151 + 216. *40*

Марр, Н. Я. — Где сохранилось сванское склонение? ИАН, 1911, 1199—1206. *72*

Марр, Н. Я. — Кавказ и памятники духовной культуры. ИАН, 1912, 69—82. *57. 85*

Марр, Н. Я. — Яфетическое происхождение абхазских терминов родства. ИАН, 1912, 423—432. *72*

Марр, Н. Я. — История термина «абхаз». ИАН, 1912, 697—706. *72*

Марр, Н. Я. — Фрако-армянский Sabadios-asvat и сванское божество охоты. ИАН, 1912, 827—830. *72*

Марр, Н. Я. Тубал-кайнский клан в сванском. I. tăш 'муж,' tшq 'нога'; gyantw 'бузина'. ИАН, 1912, 1093—1098. *72*

Марр, Н. Я. — Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 гг.). ХВ, 1913, II, 1—36. *55. 72. 282*

Марр, Н. Я. — К вопросу об аркауне. ХВ, 1913, II, 144—145. *315*

Марр, Н. Я. — Заимствования числительных в яфетических языках. ИАН, 1913, 789—790. *55. 72*

Марр, Н. Я. — Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, (предварительное сообщение). ЗВО, 1913, XXII, 31—106. *76. 129. 206. 223. 343*

Марр, Н. Я. — О происхождении имени Анапа. Зап. разр. военн. арх. и археогр. Русск. Военн. Ист. Об-ва, 1914, III, 1—3 (отд. отт.). *75*

Марр, Н. Я. — О религиозных верованиях абхазов (К вопросу об яфетическом культе и мифологии). ХВ, 1915, IV, 113—140. *72. 76*

Марр, Н. Я. Халдская клинообразная надпись из села Лески Ванского округа. ИАН, 1917. 1731—1738. *343*

Марр, Н. Я. — Рец. на работу И. А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка. ЗВО, 1915, XXIII, 208—216. *71*

Марр, Н. Я. — Кавказский культурный мир и Армения. ЖМНП, 1915, № 6, 280—330. *85. 229*

Марр, Н. Я. — Яфетические элементы в языках Армении. XI. ИАН, 1916, 233—238. *344*

Марр, Н. Я. — К дате миграции мосохов из Армении в Сванию. ИАН, 1916, 1689—1692. *113*

Марр, Н. Я. — Кавказоведение и абхазский язык. ЖМНП, 1916, № 5, 1—27. *2. 86. 205*

Марр, Н. Я. — Описание Дворцовой церкви в Ани. Анийские древности, I. СПб. 1916. *61*

Марр, Н. Я. — Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению. ЗВО, 1917, XXIV, 37—124. *343*

Марр, Н. Я. — Обломки Делибабинской надписи. ЗВО, 1917, XXIV, 123—132. *343*

Марр, Н. Я. — Ossetica Japhetica. I. ɣaqond-ı осетинских сказок и яфетический термин ɣaskund 'маг', 'вестник', 'вещая *птица*'. ИАН, 1918, 2069—2100. *4*

Марр, Н. Я. — Надпись Сардура II, сына Аргиштия, из Даш-керпи. Издание, перевод, исследование. Зап. Кавк. музея. Серия В, вып. I. СПб. 1919. *343*

Марр, Н. Я. — Армянский термин arq-ay ['маг' || 'жрец' → 'жрец-вождь' || 'жрец-царь' → 'вождь' ||] 'царь'. ИАН, 1920, 100—111. *105. 109*

Марр, Н. Я. — Об яфетическом происхождении баскского языка. ИАН, 1920, 131—142. *108. 143*

Марр, Н. Я. — Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры. МЯЯ, XI. Лейпциг. 1920. *3. 129. 159. 165. 224. 226. 314*

Марр, Н. Я. — Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (Рабочий проспект). ТКИПС, № 3, Петр. 1920. *113*

Марр, Н. Я. — Фрагмент халдской надписи из Алашкерта. ИРАИМК, I, 51—60. *320*

Марр, Н. Я. — Надпись Русы II из Маку. ЗВО, 1921, XXV, 1—54. *146. 330. 343*

Марр, Н. Я. — Астрономическое и этническое значение двух племенных названий армян. ЗВО, 1921, XXV, 229—256. *105. 168*

Марр, Н. Я. — К вопросу о происхождении племенных названий «этруск» и «пеласг». ЗВО, 1921, XXV, 301—336. *79. 106. 111. 139. 140. 155*

Марр, Н. Я. — Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям кавказских яфетидов. ХВ, 1922, VI, 352—353. *343*

Марр. Н. Я. — Талыши. К вопросу об их национальном самоопределении. ТКИПС, № 4, Петр. 1922. *112. 115. 123*

Марр, Н. Я. — Кавказские племенные названия и их местные параллели. ТКИПС, № 5, Петр. 1922. *87. 113. 139. 146. 154*

Марр, Н. Я. — Предисловие к ЯС, I. ЯС, I, I—IV. Петр. 1922. *224*

Марр, Н. Я. — К вопросу об яфетидизмах в германских языках. ЯС, I, 43—56. Петр. 1922. *338*

Марр, Н. Я. — Термин «скиф». ЯС, I, 67—132. Петр. 1922. *154. 343*

Марр, Н. Я. — 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа его миграции. ЯС, I, 133—136. Петр. 1922. *142*

Марр, Н. Я. — Яфетиды. «Восток», 1922, I, 81—92. *197*

Марр, Н. Я. — La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pelasges. Petr. 1922. Изд. АН. *154. 170*

Марр, Н. Я. — Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Петр. 1922. *100. 113. 207. 325. 337. 343*

Марр, Н. Я. — Индоевропейские языки Средиземноморья. ДАН — В, 1924, 6—7. *3. 187. 315*

Марр, Н. Я. — Из семантических дериватов 'неба'. ДАН — В, 1924, 27—28. *322*

Марр, Н. Я. — Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси (скифское предание в яфетидологическом освещении). ИРАИМК, 1924, III, 257—287. *133. 142. 147. 154. 197. 343*

Марр, Н. Я. — Заметки по яфетическим клинописям. ИРАИМК, III, 288—298. *343*

Марр, Н. Я. — Об яфетической теории «Новый Восток», 1924, V, 303—339. *197 222*

Марр, Н. Я. — Термины из абхазо-русских этнических связей. Термины «Лошадь» и «Тризна» (к вопросу о племенном составе доисторического населения Средиземноморья). Изд. Наркомпроса Абхазии, 1924. *197. 343*

Марр, Н. Я. — Шумерские слова с основой en в освещении одного из положений яфетической семантики. — ДАН — В, 1924, 45—46. *343*

Марр, Н. Я. — Пережитки еще семантических групп 'Небо-Вода' из шумерского языка. — ДАН — В, 1924, 63—64. *343*

Марр, Н. Я. — Армянская культура, ее корни и доисторические связи (по данным лингвистики). Париж, 1925 г. [на армяском языке]. *226*

Марр, Н. Я. — По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. (К вопросу о древнерусско-кавказских отношениях). ТРКФ, I, 66—125. *79. 197. 343*

Марр, Н. Я. — Из поездки к европейским яфетидам. ЯС, III, 1—64. Л. 1925. *196, 198*

Марр, Н. Я. — Postface к ЯС III. ЯС, III, 164—177. Л. 1925. *229*

Марр, Н. Я. — Ольвия и Альба Лонга. ИАН, 1925, 663—672. *313*

Марр, Н. Я. — Происхождение американского человека и яфетическое языкознание. ВС, I, Л. 1926, 167—192. *3*

Марр, Н. Я. — О происхождении языка. ПЭРЯТ, 286—335. *1*

Марр, Н. Я. — Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкознания с историей материальной культуры). Изд. КИАИ, Л. 1926. *3. 118. 240*

Марр, Н. Я. — Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии. Ком. по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР. Л. 1926. *5*

Марр, Н. Я. — Предисловие к ЯС, IV. ЯС, IV, V—X. Л. 1926. *224. 226*

Марр, Н. Я. — Origine japhétique de la langue basque (Notice préliminaire rédigée conformément à l'état actuel de développement de la théorie nouvelle). «Язык и литература», I. 261—278. Л. 1926. *164*

Марр, Н. Я. — Две новые работы C. C. Uhlenbeck'a по баскскому языку. «Язык и литература», I, Л. 1926, 193—260. *249. 286*

Марр, Н. Я. — Скифский язык. ПЭРЯТ, 336—387. *1. 326. 343*

Марр, Н. Я. — Чуваши-яфетиды на Волге. Чув. Госиздат. Чебоксары, 1926. *3. 245*

Марр, Н. Я. — Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры. СГАИМК, I, Л. 1926, 37—70. *3. 232. 318*

Марр, Н. Я. — Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории. «Книга о книге», I, 45—82. Л. 1926. *258*

Марр, Н. Я. — Из доистории Индии и Вол-Камья по названиям городов. ВЗ, изд. Лен. Вост. Инст., Л. 1927, 223—234. *343*

Марр, Н. Я. — К пересмотру распределения шумерского словаря. ДАН — В, 1927, 7—12. *343*

Марр, Н. Я. — Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § I. 'Пить' ← 'вода'. ДАН — В, 1927, 82—84. *343*

Марр, Н. Я. — Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка. ДАН—В, 1927, 143—147. *250*

Марр, Н. Я. — Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков. «Под знаменем марксизма», 1927, № 6, июнь, 18—60. *343*

Марр, Н. Я. — Иштарь (от богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы). ЯС, V, 109—178. Л. 1927. *343*

Марр, Н. Я. — Из Пиренейской Гурии (К вопросу о методе). Изв. КИАИ, V, 1—62. *327*

Марр, Н. Я. — Карфаген и Рим, fas и jus. СГАИМК, II, 372—415. *318*

Марр, Н. Я. — Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии. ИГАИМК, VI, вып. 1. *284*

Марр, Н. Я. — К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Труды Всесоюзной конференции историков-марксистов, II, 267—292. *318*

Марр, Н. Я. — Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев. Изд. Марийского научного общества краеведения. Л. 1930. *280*

Марр, Н. Я. — Яфетические зори на украинском хуторе (Бабушкины сказки о Свинье-Красном солнышке). Учен. Зап. института этнических и национальных культур народов Востока СССР, I, 1—86. *313*

Марр, Н. Я. — Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений. Сб. «На боевом посту». М. 1930, 361—384. *327*

Марр, Н. Я. — Готское слово guma 'муж' (К увязке готов с яфетическими народами Кавказа). ИАН, 1930, 441—465. *329*

Марр, Н. Я. — Яфетическая теория — орудие классовой борьбы. «Юный пролетарий», 1930, № 17/18, 19—20. *275*

Марр, Н. Я. — К вопросу о происхождении арабских числительных. ЗКВ, V, 611—615. Л. 1931. *318*

Марр, Н. Я. — К семантической палеонтологии в языках не-яфетических систем. ИГАИМК, VII, вып. 7—8. *335. 339. 344*

Марр, Н. Я.—Предисловие к изд.: Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов «Вишапы». Труды ГАИМК, I, 9—56. *344*

Марр, Н. Я. — Вишапы. Труды ГАИМК, I, 79—105. *332*

Meillet, A. — De quelques emprunts probables en grec et en latin. Mém. de la Société de Linguistique. XV (1908), 161—164. *81*

Meyer, Ed. — Forschungen zur alten Geschichte. Halle. 1892. *111*

Meyer, Ed. — Geschichte des Altertums. Bd. 2. Stuttgart, 1893. *111*

Meyer, Ed. — Geschichte des Altertums, Bd. I. Berlin, 1909. 3-te Aufl., 1913. *81. 144*

Meyer, L. — Handbuch der Griechischen Etymologie. Leipzig, 1901—02. *109*

Меликсет-Беков, Л. М. — Академик Н. Я. Марр и яфетическая теория. Госиздат ССР Грузии. Тифлис. 1926. *227*

Milani, S. A. — Il R. Museo Archeologico di Firenze, v. I, 1912. *107*

Mithridates oder Allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater unser als Sprachprobe in beinahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. Bd. I (J. S. Adelung), Berlin, 1806; Bd. II (J. S. Adelung und J. S. Vater), Berlin, 1809; Bd. III (J. S. Adelung und J. S. Vater), Berlin, 1812—1816; Bd. IV (J. S. Vater, Fr. Adelung. W. v. Humboldt). Berlin, 1817. *137*

Мишна *34*

Möller, H. — Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen. 1911. *160*

Müller, D. H. — Zur Geschichte der semitischen Zischlaute. Eine sprachvergleichende und schriftgeschichtliche Untersuchung. Verh. d. VII Intern. Orientalisten-Congress. Semit. Sect., Wien, 1888. *38*

Müller, Fr. — Grundriss der Sprachwissenschaft. Bd. III. II Abt., Wien, 1877. *14*

Müller, Max — Lectures on the science of language. London. 3-d edit. 1862; 4-th ed. 1864. *14*

Müller, Max — The languages of the seat of war in the East. 1855. *14*

Мысли Маркса и Энгельса о религии. Изд. «Атеист». 2-е испр. и доп. изд. *334*

Нетушил, И. В. — Обзор римской истории по лекциям, читанным в Харьковском университете и на харьковских высших женских курсах. Харьков. 1916. *138*

Nöldeke, Th. — Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan, Leipzig. 1868. *34*

Nöldeke, Th. — Mandäische Grammatik. Halle, 1875. *29. 30*

Nöldeke, Th. — Beiträge zur Kenntniss der aramäischen Dialekte. I. Ueber den noch lebenden syrischen Dialekt im Antilibanon. ZDMG, XXI, 183—200. *29*

Nöldeke, Th. — Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg. 1904. *23*

Oppert, Jules — Le peuple et la langue des Mèdes. Paris. 1879. *50*

Autran, Ch. — Les Phéniciens. Essai de contribution à l'histoire de la Mediterranée. Paris. 1920. *165*

П.-Седьмой съезд ориенталистов в Вене. 1886 г. Иверия. 1888, № 62. *14*

Pauli — Eine vorgeschichtliche Inschrift aus Lemnos. Leipzig, 1886—1894. *111*

Певтингерианская таблица (Tabula Peutingeriana). *144*

Perrot et Chipiez — Histoire de l'art dans l'antiquité. Paris, 1881—1903. *161*

Peet, T. E.—Who were the Romans? A note on some recent answer. Annals of Arch. and

Anthr., isued by the Institute of Archaeology. Univers. of Liverpool, 1903. v. II. *138*

Плиний — Естественная история *154*

Подорожная Антонина (Itinerarium Antonini) *144*

Полибий — Всеобщая история *155*

Pognon — Une incantationcontre les génies malfaisants en mendaïte Mém. de la Société de Linguistique, 1892, v. VIII, 193—234. *29*

Поэмы Гомера *151*

Praetorius, F. — Aethiopische Etymologien, ZDMG, LXI, 615—624. *38*

Prellwitz — Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. 2-te Aufl., Göttingen, 1905. *110*

Presniakoff, A. — Z najnowszej historjografji rosyjskiej. Lwow, 1924. *195*

Птолемей — География *144*

Wright, W. — Lectures on the comparative grammar of the semitic languages. Cambr. 1890. *23. 25*

Wright, W. — The book of Kalilah and Dimnah. Oxford and London. 1884. *28*

Reinach, Sal. — Le mirage oriental. «Anthropologie». 1893, n° n° 5—6, pp. 539—578, 699—732. *113*

Ridgeway—Who were the Romans? Proceedings of the Bertish Academy, v. III. *138*

Rosen, G. — Ueber die Sprache der Lasen. Berlin. 1845. *42*

Розенберг, Ф. А. — Хосрой I Ануширван и Карл Великий в легенде. СПб. 1912 (отд. отт. из журн «Живая старина»). *125*

Розенберг, Ф. А. — О показателях множественности в языках согдийской группы. ЯС, II. 1—17. *173. 227*

Самойлович, А. Н. — Название дней недели у турецких народов. ЯС, II. 98—119. II. 1923. *227*

Sallustius — De bello Jugurthino *155*

Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа. Серия, издававшаяся Управлением Кавказского учебного округа. *93*

Сборники притч Вардана — средневековые армянские сборники басен. *269*

Сказки Шехеразады = Сказки тысячи и одной ночи *6*

Слово о полку Игореве *147*

Срезневский, И. И. — Материалы для словаря древне-русского языка, т. I—III. 1890—1912 гг. *147*

Сталин, И. и Каганович, Л. — Отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б), 1930. 272. *311*

Стасов, В. В. — Об одной бронзовой фигурке птицы с человеческой головой и руками, найденной в Ване. Mélanges asiatiques, т IV. СПб. 1872, 493—523 (tirè du Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St-Pétersbourg), т. XVI, 526—548. *94*

Стефан Византийский — Ἐθνικά *153*

Страбон — География *112. 118. 144*

Струве, В. В. — Лошадь в мистериях Осириса. ЯС, III, 71—74. *228*

Tacitus—Germania. Erläutert von H. Schweitzer-Sidler, erneuert von Ed. Schwyzer. 8-te Aufl., Halle a. S. 1923. *318*

Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Серия, издававшаяся Факультетом восточных языков СПб. университета. *222. 269*

Тимофеев, Ф. Т. — Статья в журнале «Сунтал», 1925, № 1 (7), 19—24. *194*

Thomsen, Vilhelm — Remarques sur la langue étrusque. Bulletin de l'Académie des sciences et des lettres de Danemark, 1899, n°24, 373—398. *68*

Ушаков, Н. Д. — Краткое введение в науку о языке. Гиз. 1923. *200—201*

Whitney — Leben und Wachstum der Sprache. Leipzig, 1876. *109*

Wells, H. G. — The outline of history being a plain history of life and mankind. L. *95. 108. 113. 117*

Фасмер, М. Р. — Лингвистические заметки по славянским языкам. Живая старина. 1908, II, 147—148. *142*

Fick, August — Vorgriechische Ortsnamen. Quellen für Vorgeschichte Griechenlands. Göttingen, 1905. *139. 140. 146*

Hommel, Fr. — Süd-arabische. Chrestomatie. München, 1893. *24. 25. 30. 33*

Hüsing — Zur elamischen Genitiv-Konstruction. OLZ, 1905, SS. 549—553. *52*

Цагарели, А. — О предполагаемом сродстве грузинского языка с индоевропейскими и туранскими языками. ЖМНП, 1872, № 9, 46—60. *15*

Цагарели, А. А.—О грамматической литературе грузинского языка. СПб. 1873. *15*

Цагарели, А. А. — Мингрельские этюды. Вып. I—II. СПб. 1880. *34*

Caesar, H. J. — Commentarii de bello Gallico *144*

Церетели, Михаил — სუმერული და ქართული ['Шумерский и грузинский']. გვირგვინი. Тифлис, 1912, 27—117. *55*

Tsereteli, M. — Sumerian and Georgian: a study in comparative philology. Journal of Royal Asiatic Society, 1913, 783—821. 56—68

Zimmer — Ueber alte Handelsverbindungen Westgallieus mit Irland. Sitzungsber. d. Preuss. Akademie d. Wissenschaften. 1910. *157*

Чарая, П.—Об отношении абхазского языка к яфетическим. МЯЯ, IV, СПб. 1912. *72*

Чкония, Илья — Грузинский глоссарий.— МЯЯ, I, СПб. 1910. *85. 223*

Шерр, Комедия всемирной истории. Пер. с нем., тт. I—II. Спб. 1898. *8*

Chardin — Voyages en Perse. Paris, 1811. *50*

de Charencey — Deux termes argotiques de provenance orientale. Journal Asiatique, 1906, VIII. *142*

de Charencey — Le pronom de la 1-e personne en géorgien et en susien. Journal Asiatique, 1907, X, 170—181. *26*

Шишмарев. В. Ф. — La légende de Gargantua. ЯС, IV, 166—204. *227*

Шлейден — Море. Пер. с нем. Спб. 1867. *8*

Шор, Р. И. — Кризис индоевропейского языкознания. ЯС, V, 32—71. *228*

Schulten, A. — Numantia, I. Die Kelt-Iberer und ihre Kriege mit Rom. München, 1914. *153—156*

Schuchardt, H. — Iberische Deklination. Sitzungsber. der Akad. der Wissensch. Wien. Phil.-hist. Klasse, Wien, 1907. *153*

Schuchardt, H. — Baskisch-Iberisch, oder Ligurisch. Mitteil. der Anthropol. Gessellschaft in Wien. XLV. *153*

Schuchardt, H. — Die iberische Inschrift von Alcoy. Sitzungsber. der Akadem. der Wissenschaften zu Wien. Phil.-hist. Kl. Wien, 1922. *153*

Evans, G. — An essay on assyriology. London, 1883. *33*

van Eys, W. J. — Dictionnaire basque-français. Paris, 1873. *108*

Erckert. — Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien, 1895. *41*

Ermann, Ad. — Das Verhältniss des Aegyptischen zu den semitischen Sprachen. ZDMG, 1892, XLVI, 93—129. *23*

«Юный пролетарий» — ленинградский комсомольский журнал *275. 279. 280*

Яфетический сборник, I. II. 1922. *149. 184. 252*

Яфетический сборник, II. II. 1923. *184. 249*

II. УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ, РАЗБИРАЕМЫХ ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Абхазский язык

an мать 325
ar войско, воинство 113.328
arba петух 330
abăà дворец 76
àmaħ$_{\circ}$ зять, жених 336
amәħ$_{\circ}$ см. àmaħ$_{\circ}$
drıdmrәdwa ходит как медведь 308
àmra солнце 74.239
anapə̀ рука 333.334
àшq̇a лодка 74
anәq̇a икона 76
anʃ̇pà бог 76
arrà ходить 76
sa я 327
φsə душа 308
akama кинжал 331.332
aшapə̀ нога 333
atla дерево, сруб из круглых бревен 338
ħa мы 327

Аварский язык

beϑed бог 295

Авестийский язык

malǧa туман, облако 335

Албанский язык

əmən имя 334

Английский язык

hərd стадо 320
hərϑ, очаг 320
neybōr сосед 330
now знать 334
tu два 318
trı дерево 338

Англо-саксонский язык

frī женщина, возлюбленная, друг 334
neħebur сосед 330

Арабский язык

walada родил 36
wālidaϑ^{un} родительница 36
wasād^{un} изголовье 33
wr̆q̇ 24
wzn (wazana) он взвесил, весил
brkūṭ (barkūṭ^{un}) блоха 29
bst (basata) простирать 29
ϑauʿam^{un} близнец 28
ϑaʿrīq̇ дата, летосчисление 24
ϑmttk̇ (ϑamattaka) нашел (блюдо) вкусным 28
haba дул ветер 35
haraba бежал 35
harasa растолок, раздробил 35
hubūb^{un} дуновение, веяние ветра 35
ʿabū копье 36
ʿaħad^{un} (ʿaħd) один 31
ʿaınа где 33
ʿaın^{un} усталость, утомление 35
ʿay^{un} какой, кто, что 33
ʿaħkama прочно, крепко сделал 32
ʿahl^{un} семья 32
ʿaḳϑala давать убивать
ʿar̆aq̇a 24
ʿby (abay^{un}) отец 36
ʿıbn^{un} сын 30
ʿilā ʿaına куда 33
ʿmn (ʿamına) был прочен, верил
ʿq̇lḳ (ʿaq̇laḳu) гладкий 32
ʿudn ухо 100
ʿafara выпачкал, запылил 35
ʿfr см. ʿafara 35
ʿḳd сел 35
mada бушевал 28
maĥana 29
mafʢūl 25
maud^{un} волна 28
mın ʿaına откуда 33
mħn см. maĥana
mlṭ (malaṭa) быть безволос 28
nafıs ценный 308
sabīl^{un} путь 28
sırb^{un} стадо 29
ṣnm (ṣanam^{un}) статуя, идол 36
wadīd^{un} крепкий, сильный 28
wams^{un} солнце 27
wʢyr (wayr^{un}) ячмень
wytn (waytān^{un}) сатана 28
zall^{un} тень 28
zʿn (zān) весил 35
ḍaziiraϑ^{un} остров 38
ĥāla изменился 38
ĥamā охранял, защищал 37
ĥam^{un} свекор, родственник мужа по отношению к жене 31
ĥamaw^{un} свекор, родственник мужа по отношению к жене 31
ĥarbaϑ^{un} копье 36
ĥawā собрал, овладел, заключил 37
ĥıkmaϑ^{un} знание, мудрость 32
ĥkm (ĥakama) прочно, крепко сделал
ĥm (ĥam^{un}) свекор 31
ĥmd (ĥamuda, q̇mḳ, q̇amuka) был кислым 37
ĥrb (ĥarbatun, ĥarbat^{un}) копье 36
ḳaϑīl^{un} убитый 25
ḳaϑūl^{un} постоянно убивающий 25
ḳıϑlatun убиение 32
ḳʢd (ḳaʢada) сел 35
q̇adım^{un} евнух 37
q̇ala резал, косил свежую траву 37
q̇alā был, стал пустым, уединенным 37
q̇alaʢa снял, совлек 37
q̇alaʢa обманул 38
q̇alīφaϑ^{un} халиф 300
q̇āna обманывал, поступил (с ним) вероломно 37
q̇arīf^{un} осень 37
q̇dḳ, resp. q̇dʢ,(q̇adaka, q̇adaʢa) обманул
q̇lk (ĥlk, ĥalaka) брил 32
q̇mḳ (q̇amā), охранял, защищал
q̇mḳ (q̇amuka) см. ĥmd (ĥamuda) был кислым 37
q̇ty (q̇tʿ, q̇atay), (q̇atʿ) совершил грех, ошибку 38
q̇yt (q̇āta) шил 37
q̇uwaıdım^{un} 37

Армянский язык

aygi виноградник, сад 146
ayr муж, мужчина, человек 113.328
ays этот 327
awər см. ōr день 332
azg народ 81
aġbar брат 329
aġber брат 330
aq̇φer брат 329
alq̇ домочадец, скарб 33
am год 332
amawϑ стыд 342
amaϑem стыжусь 342
anovan имя 334
aparanǰan бронза, браслет 294
arbunq молодежь (зрелая) 319.330.
arǰan камень 331
armukən локоть 333
aшq̇arhabar «светский» язык 39
39 eġbayr см. aġber 329.330
elbayr брат, товарищ (наследник) 330
eṛal кипеть 327
eṛand рвение, ревность 327
eṛgal чесаться, в горение приходить 327
erd кров, дом, окно (выход для дыма), члены семьи 336
erdıq слуховое окно 336
erdənul клясться 336
erkan, erkant жернов, мельница 331
erkaϑ железо, топор 331
erkın небо 326.331
ımıq чему-либо 328
ırear друг друга, один одного 328

ıɯq̇an князь 194
ıɯq̇el мочь 194
o|oq лесть, моление 32
ōr см. awər день 332
unım имею 339
yo|ov множество, много 38
berd крепость 320
bəjıɯk врач 109
jam время 332
jo|ov собрание 37
hayerēn армянский язык 28.39
haykakan армянский 23
hayq армяне 23
hayr отец 328
hawat вера 224.344
hamozel убеждать 224.344
herk пахотное поле 326
herkel пахать 326
hıwand больной 320
hur огонь 327
gawt^{e}/ı пояс 341
garı ячмень 28.337
gını вино 146
goıı пояс 341
guϑ милость, жалость, моление 339
grabar письменный язык 39
ka|ın желудь 337
ka|n^{e}/ı дуб 337
kın (kan-) женщина 325
kar сила 194
karan князь 194
karey он может 194
kə|zı остров 38
kənıq печать 293
mayr мать 325
margarey пророк 109
meyg туман, мгла, облако 335
mēg туман, мгла, облако 335
meq̇ гвоздь 332
muq̇ раскаленный, дымящий, чад, дым 335
məğel толкать, гнать, совать 335
nahang область 320.330
naq̇arar нахарар, феодал, глава, вождь 330
naq̇apet патриарх, глава 330
qawdeay астролог 31
pəğinḋ бронза 113
pə|inḋ см. pəğinḋ
ṙamkakan простонародный язык 40
sar гора, вершина горы 32
tarı год 340
teğı место 340
terew лист 338
tərφanq любовь 319
vareak цыпленок (самка) 325
mo|oqorϑ льстивый 32
ɯunϑ душа 30.54
ɯunḋ см. ɯunϑ
ɯəndrı выдра 191
ɯəndruk (зейт.) выдра 191
ḋor долина 313
ḋur вода, река 313
drıɯun выдра 191
ṫaṙ сруб из круглых бревен 338
tır круг 326.336
ṭanṭ муха 43

Ассирийский язык

ıɯten один 31
hekal̆u дом, дворец 33
kunuk̆u печать 298

Баскский язык

aygen лоза, ветви лозы, дикая лоза 146
ayϑ камень 331
ayϑkora железо 331
alaba девушка, дочь 325
ar самец 328
areba сестра брата 208
arıϑa дуб 337
arte дуб 337
arto кукуруза 337
estera (гип., биск.) оселок, точильный камень 288 см. gestera
udagara выдра 190—192
urte год 341
be почва 333
gaw ночь 340
garı пшеница 337
gargaṙı ячмень 337
gestera (лаб., н.-н.) см. estera
goybel облако, темное небо 322
gurpıl колесо 322.340
gustera (лаб.) см. gestera оселок, точильный камень 288
lurpētık из-под земли 333
makıla палка 338
mer пояс 333
mı два 341
pe нижняя часть, часть под чем-либо 333
pılote знахарь, врач 109
serı ночь, вечер 340
seru небо 326

Библейско-арамейский язык

naq̇ūl буря, волнение волн 29
t^{e}raʕ ворота, порта 28
ʾabbā отец 36
q̇ad один 37

Голландский язык

nām имя 334
nēmen называть 334

Готский язык

ayϑ клятва 335
ams плечо 333
bagms палка, дерево 338
frawyer господин 319
ϑıwϑyan славить, хвалить 321
guϑ бог 339
guma муж, мужчина 329
mēgs зять 336
mēkı меч, оружие 331.332.334
namo имя 334
trıu дерево 338

Греческий язык

adelφos брат 208
artos хлеб 337
eϑnos племя 241
ısχus сила 194
onomat- имя 334
uranos небо 265.266
balanos жолудь 237
brontē гром 294
gē земля 265
hıp̆pos лошадь 141—143
maχayra меч 332
nemo делю, уделяю кому-либо 334
nemos лес 334
neφelē облако 333
nwn теперь 339
peϑalıon руль 109
peϑalıuχos рулевой 109
peϑon весло 109
pelaγos море 154
pelarγos аист 106
poteros который из двух 343
pwr огонь 327
φswq̇e душа 208, 308
ϑalas̆a море 139
χeyr рука 208.300.326

Грузинский язык

aϑas тысяча 303
aϑo прикрыл 37
aϑdına соблазнил 38
aϑvıa он одет 100
aqunda имел 100
aqus имеет 100
arve стадо 29
atkbo усладил 28
eban гусли 319
ejvan бубенчик 319
ege это 327
emsaq̇ura служил ему 27
enamosleqıl с приглаженным языком, льстивый 32
eφera ласкал его 28
er народ, войско, миряне, нация 113.328
erıϑav князья, главы эра 328.330
erϑ один 31.328
erdo плоская кровля, терраса 336
erge ты стал его собственностью 328
ergo он стал его собственностью 328
erqwan плуг 326
ese этот 327
esva у него был 32
ıgav притча 319
ıgı он 327
ığe ты взял 324

ıǧo он взял 324
ıɗavs содержит 37
ıɗekva он плясал 37
ıшona обрел, родил, произвел себе 30
ıшver безобразный 28
bada он родил 36
bade плетение, сеть, кружево, сеточка, паутина 29
banal волос 28
belat плешивый, лысый 28
ber инок 328
berḳ ножка (трона) 333
berṫ бесплодная (женщина) 28
beṭed печать 295
beyr много 299
biɗa дядя, брат отца 36
biliki стезя, путь 28
boga мостик 338
bogir небольшой мост, плотина 38
bokuer львенок 36
bude плетеное, свитое, гнездо (для птиц), гнездо (для драгоценных камней), футляр 29
buq буря 28
brtkil см. prtkil блоха 29
daiɗva защитил 37
dabal ǧober низкий плетень 30
deda мать 36
dedal самка 36
diad великий, величественный 28
did большой, великий 28
zis сидит 340
jis (нар.) см. zis 340
ɗoɗo мягкий, нежный 113
ɗuɸer желтая медь, латунь 112
ɗquas чтобы он сказал, пусть он скажет, он скажет, он имеет целью (намерен) сказать 301
ɗquma говорить 295
ɗqma говорить 295
gar (gare) на дворе, вон, прочь, у 28
gardaṭedil окованный 73
geba существовать 340
gies он существует 340
girgal буря 29
girgar см. girgal
gogor колесо 340
goneba разум 339
gon см. goneba
guam тело 29
guɗan плуг 326
guneba см. goneba
hadw желание 55
kaɗ человек 104
kar дверь, дворец 28
kera очаг 327
kerp идол, языческий бог 224.320
kina железо 331
kunɗul остров 38
kweɗa резать 331
klav рука 333
kreba собрание, собирание 38.52
kreɸa сбор винограда 38
kreɸaze осенью 38
kriɸa он срывал, собирал плоды 38
mama отец 36
mamal петух, самец 36
maq там (у вас, у тебя) 297
maqus имею 339
maḳsovs я помню 100
maqvil меч, острие 332
maḳa острие 332
me я 297
megobar приятель, друг, товарищ 329
memarge звездочет, кудесник, пророк 109
meḳseneba мне вспоминается 100
mivis у меня имеется (то) 32
moiɗala он уединился, удосужился 37
moiɗila он снял с себя 37
moiɗo занял, взял в долг 37
mosaḳloba домостроительство, поселение, хозяйство 33
mter враг 337
muḳa дуб 338
mḳar см. ɸḳar плечо 333
mḳolo единый, один только раз 337
mzina (нар. bzina) светил, блестел 28
msaḳur слуга 27
msḳvil толстый, плотный 32
mtavdaǧl выдра 191
mtred голубь 337
miams я верю 344
muven украшающий 28
naḍaḳ топор, секира
neb ладонь руки 334
patiosan ɗowal драгоценный камень 336
piruṫk 131 бессловесное животное
prtkil см. brtkil блоха 29
ɸaɗer плетение, плетенка, корзина для ловли рыбы, мережа, верша 29
ɸaɗerkod тенета 29
ɸarɗo широкий, просторный 29
ɸas цена, стоимость 308
ɸerq нога 333
ɸiɗa он клялся 29
ɸiɗ клятва 335
ɸiɗva клясться 335
ɸina он настилал 30
ɸut дым 335
ɸuɗa клялся 29
ɸuɗva клясться 335
ɸḳana он тер, чесал 29
ɸḳar см. mḳar плечо 333
ɸḳra рыл, вырыл 29
ɸre колодезь 29
ɸsuis пахнет ароматно 308
ɸsva благоухал 29
qalsivil дочка, девушка 29
qar ветер 29
qarsuḳal буря с дождем, вьюга 29
qarɗul грузинский язык 317
qarɗul грузинский 31.229
qer ячмень 28
qmar супруг, муж 229
qud шапка, фуражка 340
ra/o что 342
raɗḳa считал 24
riɗqw исчисление, число 24
romel который 342
rbis бежит 35
rdal невеста 31
rkina железо 331
sa куда? где? 34
saidgan откуда? 34
sayd куда? 34
sabudar местопребывание 29
sada куда? где? 34
sam три 55.226
samḳar солнечный 27
samḳreɗ солнечная, южная сторона, юг 28
samsaḳur служба 27
sanam покуда 34
sanaḳeb область, край 330
sanaḳn область, край 330
saḳl дом, род, семья 32
sareɗel постель 55
sasaḳle дворец, дом 32.33
sasɗaul изголовье 33
sasɗumal (гур.) изголовье 33.55
sastumal изголовье 33
sastor весы 34
sen немощь, болезнь 35
ser гора, вершина горы 32
sio зефир, легкое дуновение ветра 55
siɗe жених, зять 31
siɗva блуд 31
siɗbil ложь, заблуждение 37
sitkua говор 295
sila песок 32
simamr тесть 32
simavr см. simamr
sisḳo плотность, толщина, величина 32
somḳur армянский язык 23
soɸel деревня, мир 313
sulel глупый 34
sul душа 30.54
sum питье, пить 295
suma см. sum
sun дыхание, запах 30
sḍal невеста, невестка 31

sleɸa гладить, делать мягким 32
spilend бронза, медь, латунь 113.294
spola уничтожил, искоренил 34
sq̇da сел 35
srisa раздавил, истолок 35
srba бежать 35
ster обалделый, остолбенелый 336
stor уравновешенный, ровесник, равный, прямой, гладкий 34
svara он запачкал 35
svla ходить 28
tkbil сладкий 28
tkub близнец 28.46
tvin мозг 172
vaḋlev даю 175
vaq̇leb трогаю 175
varia цыпленок (самка) 325
venaq̇ виноградник 172
veq̇eb касаюсь 175
verge я стал его собственностью 328
viǧe я взял 324
vin кто 342
vḋlev осиливаю 175
vla ходить 28
weyneba строить 342
wobil рожденный 30
wuina дышать 30
wuwina дышал 30
wter обалделый, остолбенелый 336
wva родил 30
wvil сын 30
wvenier прекрасный 28
ḋaǧl собака 52
ḋal сила 302.175
ḋel дерево, доска 338
ḋleva осилить 175
ḋvirɸas ∂val драгоценный камень 336
ḋakwa нож 307
ḋoḋoqe∂ ад 301
∂a небо 44
∂al один, один экземпляр 37
∂alier пустой, порожний 37
∂alke в одной стороне, отдельно 37
∂ela он косил 37
∂el коса 37
∂oda он согрешил 38
∂odan мужчина, неспособный к деторождению 37
∂om закваска, тесто 37
∂uedan см. ∂odan
∂uda шил на живую нитку, небрежно 37
∂uld топор 307
∂ureva срывать, собирать плоды после первого сбора 37
∂bier вероломный 37
∂bil ложь, заблуждение 37
∂buna он соблазнил 37
∂da он промахнулся 38
∂dena соблазнять 38
∂∂a он ошибся, соблазнил 38
∂∂oma ошибаться 38
∂vala он переменил, изменил
∂reml слеза 52
∂aɸq̇ut военный шлем 340
∂dloe∂ (∂dlo) теневая, темная сторона, север 28
ǧame ночь 340
ǧeba брать 340
ǧurbel облако 332
ǧmer∂ бог 36
ǧvino вино 172
q̇ams надлежит, закон см. q̇ams 332
quedna холостил, скопил 37
q̇rmal меч 36.331.332
q̇ams надлежит, закон, должно (есть долг, право) см. qams 332
q̇at бог, святыня 76
q̇at икона 76
q̇el рука 175
q̇mal меч 331.332
q̇seneba упоминать, докладывать 100
q̇sovna помнить 100
q̇tor (гур.) весы 34
ṭal (гур.) долина 313
ṭer потолок 336
ṭuṭul цыпленок 139
ṭkondidel жрец священного дерева 242
tkua ум 32
tabl каштан 52
tald топор с крюком 307
tams верить 224
tarmar∂ язычник 134.224.344
tel чресло 340
tera писать 55
tign книга, буква 293
tona он взвесил, вес 39
tkal вода, река 313
tre круг 326.336
tven сок 172

Еврейский язык

yārеaq̇ луна 24
yeraq̇ месяц 24
yld родить 36
baq̇an испытал, исследовал (металл), потер 29
bor колодезь 29
bʟr см. bor
∂ₒomīm близнецы 28
gur львенок 36
hāyāh был 32
hār гора 32
hebel дыхание 30
heykal дом, дворец 33
hwh был 32
ₒab отец 36
ₒbd погиб, погубил, уничтожил 34
ₒewil глупый, глупец 34
ₒeq̇ad 31
ₒohel палатка, дом 32
ₒzn взвешивать 34
ʕašḋey один 31
katūl убит 25
kɸir молодой лев 36
mḋk был сладок 28
mₒoznaim весы, взвесил 34
ɸarʕoš блоха 29
ɸšt протянул 29
rāb толпа, множество, совокупность, величие 38
rḳīaʕ железо 104
rḳʕ топтать, бить, расширять 104
saʕar буря 29
seʕārāh см. saʕar
sɸn настилал, покрыл 30
swd изголовье 33
šaʕar ворота 28
šatan сатана 38
šbīl стезя 28
šemeš солнце 27
šɸr был прекрасен 28
šʕorāh ячмень 28
telem образ 36
q̇ad один 37
q̇āgāb саранча 37
q̇am свекор 31
q̇āmeṭ закваска, кислое тесто, кислый хлеб 37
q̇ereb меч 36
q̇gg прыгал, скакал 37
q̇km был толст, плотен (теоретически) 32
q̇lḳ был гладок, льстив, гладил, льстил 32
q̇lṭ снять, совлечь 37
q̇ol песок 32
q̇oreɸ осень 37
q̇rɸ срывал, собирал плоды 37

Испанский язык

pedra aguzadera оселок, точильный камень 288

Кельтские языки

epos (галльск.) лошадь
ur (ирл.) огонь 327
dobor- (ирл.) выдра 191
doferǧi (корн.) выдра 191
dwfrigi (гаэльск.) выдра 191
kuirim (ирл.) я ставлю, помещаю, я кладу 144
petorīta (галльск.) четырехколесная колесница 141

Кимрский язык

perı я ставлю, помещаю, кладу 144

Курдский язык

fəlaı армянский язык 23

Латинский язык

argentum серебро 113
efficates энергичные 114
emere брать 334
eqwester всадник 142
eqwus лошадь 141—143
orbis круг, мир 243
urbis город 243
bakulus палка 338
frater брат 329
dominus господин 144
nubes облако 334
nebula облако 333.335
qwatwor четыре 141
pānis хлеб 237
pes нога 333
plebs плебс 138.139
pontifeqs жрец 242
seqwere бежать, гнать, бросаться, преследовать, следовать 142
seqwor следую 143
seqwester посланный, нарочный, арбитр, посредник 142
signum клеймо 293
sol солнце 266
strenui доблестные 144
terra земля 265
tōlum небо 165

Мандейский язык

hiduia жених, зять 30
hilᵉlia пыль 32
nusma сладость 29
nusmania благоухающие растения 29
ɔiduɔa невеста, невестка 30

Марийский язык

ϕond сосна 242

Мегрельский язык

arɔ один 31
ırı весь 328
ogvade место для гнезда, гнездо 29
olatkander особый вид морского судна 73
oletkandar см. olatkander
oltkandur см. olatkander
olekat засов 73
oqor дом 33
orɔumel изголовье 55
berg мотыга 332
biga палка 338
boga пол в хлевах, мост из брусьев через речки и канавы 338
dorɔel постель 55
doqor дворец 33
ɔuɔa месяц 112
korobua собирать плоды 52
kvaɔua резать 331
maqoroba домостроительство, поселение, хозяйство 33
masqur гороскоп 109
mašqva плотность, толщина, величина 32
mu что 342
muma отец 36
mumul самец, петух 36
muruɔq звезда 109
muto какой 342
qıgedoqodə он сел
qomol, супруг, муж 329
qomonq супруг, муж 329
qwa камень 331
ϕuɔ клятва 29.335
ϕurk чад, дым 335
sinqa жених, зять 31
sore куда 34
vade гнездо 29
zesqw дрозд 142
*mum три 55
munq душа 54
mur душа 30.54
da дерево 338
qargwal сруб из круглых бревен 338
duma брат 329
qoğor собака 59.192
ğoronɔ бог 36
ğuma ночь 340
qam нож 331.332
qorua строиться 33
tarua писать 45.55
tubur каштан 52
tkudua кованый 73
tkver умный 32

Мордовский язык

pas скот 308

Немецкий язык

anrūren трогать, склоняться 324
abend вечер 332
amt служба, должность 332.333
arm рука 332.333
ey яйцо 337
eyfer рвение, ревность 327
eyferzuqt ревность 327
eyzen железо 330
eyd клятва 335
eydam зять 336
eygen собственный 327
eyqe дуб 337
eyn один 341
edelsteyn драгоценный (благородный) камень 336
erbe наследник 330
erbse фасоль 167
erde земля 326.333.335
erɔ металл, медь, бронза 330
ertrunken утонуть, себя в воду пустить 328
ermel рукав 332
erst первый 328.341
īm ему 328
inen вам 324
īr ee 324
iq я 324
oben верх 334
ost восток 340
ostern пасха 336
übung упражнение 319
baum дерево 338
baq ручей 325
beyde оба 341
beyn нога 333
berūren трогать, склоняться 324
berg гора 336
bruder брат 329.330
döuten показывать, указывать, обозначать 321
dīnen служить, поклоняться солнцу 318
dīnstag вторник, день солнца 318
doñer гром 344
doñerstag четверг 344
dorf село, деревня 313
dunkel мрак 318
dunkel темный 318
drey три 341
föyer огонь 327
felse скала 336
fernunft разум 339
fernstand ум 339
fīr четыре 341
fünf пять 341
fluß река 325
fraw женщина, госпожа 319
freyen свататься 344
freytag пятница 344
gab дал 323
geyst дух 339.341
geben давать 324.340
gerste ячмень 167.337.341
gezel, товарищ 319
gestern вчера 340
genuk способность, ловкость, хитрость, искусство, талант 319
gībel шипец (у стены), фронтон, 322
giϕfel вершина, верх 322
gunst милость, благосклонность, ум, разум, настроение 339
gurt пояс 340.341
gurtel пояса 340
grub выкопал 324.
halb половина 341
hand рука 167.326
harm боль, забота, угрызение совести, стыд 342

hērd очаг 320.326.327
hērde стадо 320.327
heym у себя, дома 320.326
heymat родина, родное место 320.326
hengst жеребец 321.341
hi͡mel небо 322.326.333
hund собака 318 321
hundert сто 318.341
hut шапка, шляпа 340
hüte хижина 167
karl король 322
keym зачаток, зародыш 320
kerl мужик, детина 322
kind дитя 325
knabe мальчик 325
koφf голова 336
kunde знакомый 321
kunst искусство 321.339
kuφfer медь 113.
leyḍe труп, тело 337
lerḍe жаворонок 337
mēr море 326.333
miḳ меня 324
mir мне 324
nāe близко 334
name имя 334
naḳbar сосед 330
naḳgibur (др. в.-н.) сосед 330
naḳgiburo (др. в.-н.) сосед 330
naḳgebur (ср. в.-н.) сосед 330
nöyn девять 341
nebel туман, облако 333
nēmen брать 334
nun теперь 339
φferd лошадь 341
φfḷug плуг 308
rind бык 167
rōs лошадь 341
rūren трогать 324
samstag суббота 344
sē море 167.326
sēle душа 339
senden посылать 321
sī вы 324
waf овца 167
trinken пить 328
tal долина 313
vaser вода 325
veyb женщина 325
velḍe который 342
vest запад 340
viur (ср. в.-н., др. в.-н.) огонь 327
vir мы 324
vō где 343
vuks выpoc 324
seks шесть 341
zitẓen сидеть 340
zoñe солнце 326
ṫvey два 318.341
wam стыд 234
warf острый 331
wiksel, судьба, рок 319
wtaẓ город 320.
wteygen подниматься 336
wteyn камень 333.336
wtern звезда 336
wtirne лоб 336
wvert меч 331.332.335
wvöre клянусь 335
wvören клясться 335
wvur клялся 335
wvur клятва 335

Персидский язык

baǧ сад 338
miḳ туман, облако 335
mīǧ туман, облако 335
mes медь 332
mis медь 332

Русский язык

имя 334
иметь 334
об, о чем-либо 334
ум 334
баня 133
вечер 340
берег 133
глаз 133
деревня 313.
дерево 338.
дохнуть 308
земля 265.326
зуб 133.
книга 133.293
конь 133
куница 133
купать 133
лапа 324
лошадь 133
лук 147
лука 147
лукома 147
луч 147
лучина 147
медь 332
медведь 133
меч 331. 332
мыло 133.
мыть 133
небеса 319
небо 265.318
пасти 308
пахать 133.308
пахнуть 133
пашня 308
первый 133
перед 133
пес 133
печать 133.295
пила 133
плуг 308
подниматься 319. 333.334
подыма ться 334
ноне 339
протух 308
псица 133
разум 334
речь 134
рука 133.324
рушить 324
слон 133
собака 133
срам 342
судья 300
тухнуть 308
тушить 308
щавель 133

Сабейский язык

wrḳ месяц 24

Санскритский язык

pâvaká огонь 327

Сванский язык

eшḳn один 31
oẒül изголовье 55
yeb черешня 52
berg мотыга 332
ẒiẒber желтая медь, латунь 112
ẒoẒ молодой, нежный 113
gezel взрослый (правомочный) сын 319
gim земля 322.326
heb черешня см. yeb 52
jeǧw собака 52
larшiẒe для постлания 55
lemesg огонь 318 335
liǧwerlel клясться 335
limḳul соседство, братство, сосед, однодворец 329
liḳwri собирать плоды 52
liφsar клясть 335
liφs клясть 335
megem дерево 338
mu отец 36
muḳbe брат 329
neboz вечер 318
paḍin бык-пахарь, живая душа 308
pas скот 308
qim, мн. ч. qimrär слеза, слезы 52
qun душа 54
qwin см. qun
sastavil изголовье 55
sem три 55
teleφ название растения 338
webimḍa пятница 344
ǧermeẒ бог 36.134.224.320.326
ḍäarẒ грузинский 55
ḍeḍw женщина 319
tadil желание 55
tarmaẒ бог 224.344

Сирийский язык

yldəɛ (yalādəāɛ) мать 36
yrb (yireb) был велик, величав 38
yrq̇ɛ (yarq̇āɛ) месяц 24
bɛnɛ (bêɛrāɛ) колодезь 29
bq̇n (bᵉq̇an) испытал, исследовал 29
bsm (bᵉsem) был приятен 29
bsm (besmāɛ) запах 29
ɔɛmɛ (ɔāɛmāɛ) близнец 28
gūmāɛ тело 29
gūryɛ (gūryāɛ) львенок 36
gzrəɛ (guzarəāɛ) остров 38
hal вплоть до 34
hāman начиная с 34
haymeɒ верил, имел веру
hebla ʃ пыль, пустота, тщета 34
hwɛ (hᵉwāɛ) был 32
hyklɛ (hayᵏlāɛ) дом, дворец 37
ɛabaɛ отец 36
ɛalālāɛ буря 29
ɛesodaɛ изголовье 33
maq̇šūlā ʃ буря, волнение воды 29
mnəɛ (menəaɛ) волос 28
mštɛ (mešatāɛ) бесплодное (животное) 28
purəaɛnāɛ блоха 29
ṣlməɛ (ṣᵉleməāɛ) образ, статуя, идол 36
ṣlmɛ (ṣalmāɛ) см. ṣlməɛ
stnɛ (sātānaɛ) сатана 38
mameš служил 27
mbylɛ (mᵉḥīlaɛ) путь 28
mšmš (mešmšāɛ) солнце 27
mḥr (mᵉḥar) был прекрасен 28
q̇lɛ (q̇elaɛ) песок 32
q̇mɛ (q̇ᵉmāɛ) в брожении 37
q̇mṣ (q̇ᵉmaṣ) был кислым 37
q̇ad один 37
q̇ekməāɛ мудрость 32

Старо-славянский язык

soromo стыд 342

Турецкий язык

tā̆ngiz море 344

Умбрийский язык

pir огонь 327

Французский язык

dānje опасность 344
jermə зародыш, зачаток 320
brā рука 299
kavale убегать, мчаться изо всех сил, убегать с быстротой галопирующей лошади 142
quivr медь 113
limase двигаться медленно как улитка 142
pil,ot кормчий 109
serpā̆nte извиваться 142
syel, небо 265

Халдский язык

agunı он принес 176
an бог 76
arunı он привел, он заставил прийти 76
ır отец, мужчина, самец, войско 113
ırta царь, глава ира 328.330
ıšq̇anı господин 194
ba дворец, крепость 76
kalnı орех 337
q̇ı дитя, сын 342
q̇ını дитя, сын 342

Чанский язык

erkıpašq̇a вторник, день космического тела (светил) 331
ırı весь 328
ozelu подниматься 326
okor дом 33
ona пашня 46
onṭaru писать 45.55
oḥuḏu клясться 335
ordo (вицх.) стул 47
ordu (арх.) стул 47
bere сын, мальчик 30
berg мотыга 332
berd см. berg
biga палка 338
bıparamıdam (арх.) говорю 47
bısınaḥam (вицх.) говорю 47
bore (вост. нар.), я есмь 46
bṭaramınon (вост. нар.) я напишу 46
bṭarare (зап. нар.) я напишу 46
dermon кисель (букв. горячий) 42
dron (вост. нар.) стул 47
goroḏq̇ считать 24
goroḥua собирать 38
gən вино 146
jvabu лягушка, жаба 42
kul стул 47
maikun (вост. нар.) у меня болит 46
matunen (зап. нар.) у меня болит 46
mebokvadare 331
mıyonan (зап. нар.) у меня есть 46
mı[ɛ]onun (вицх.) у меня есть 46
mikonun (вост. нар.) у меня есть 46
mınon я хочу 46
mjora солнце 27
mtkor (вост. нар.) дикий 46
mtkurı (зап. нар.) дикий 46
mturı дикий 46
mtko (вост. нар.) лавровишня 46
nısa (вост. нар.) новобрачная 46
nusa (зап. нар.) новобрачная 46
qam нож 331
qodobq̇edı я сел 35
qwa камень 331
q̇am нож 331.332
q̇ed садиться 35
ḥurḏu (атинск.) он поклялся 335
tkub (вост. гов. зап. нар.) близнецы 46
tub (зап. гов. вост. нар.) близнецы 46
viǧarǧalaḥ (вост. нар.) говорю 47
viq̇apar (зап. нар.), говорю 47
vore (зап. нар.) я есмь 46
ḏaḏq̇a ḏašq̇a (четверг) букв. день неба 44
ḏılamur слеза 52
ḏa дерево 338
ḏabu лягушка, жаба 42
ḏargwal сруб из круглых бревен 338
doǧor собака 52
ḏuma брат 329
ǧormoɔ бог 36
ǧuma ночь 340
kona пашня 46
ṭubur каштан 52
ṭu лавровишня 46

Чеченский язык

naq̇q̇wo народ 329

Шумерский язык

ıtu луна 152
ur собака 152
tur сын 152

Этрусский язык

lucumon сумасшедший, одержимый бесом, бесноватый 242
ruva брат 208

Эфиопский язык

wărĕq̇ месяц 24
mălăta соскоблил, ощипал 28
mĕṭūq сладкий 28

ЭТНОНИМИКА

abas 229
abasq 208.229.239
ăleman 317
auer 144
ārya 144
armen 322
elbest 153
epomaı 143
etrusk 155.225.242
ĕnkuladuna 143
ıber 153.16ᵇ.225.322
ımer 294.322
ıron 328
ıver 322

uramtu 155
yon 146
bask 168.179.208
berber 153
berden 105
deut ɜ17.320.321.324
fıl 23
fılə 23
frank 320
garumnı 142
german 317.322
germanı 320
hay 317
hayk 168.208
hon 146
hun-z 146
kayn 104
kımer 225.322
laz 170
leleγes 139.140
lıbues 153
lıgur 166
luk̆ı 146.147
lukotu 144
luq̇unı 147
mare 187
marı 187
marə 187
meq̇ 335
mere 187
mesq̇ 179
mumk 143
mqyartl 31
mqyarϑ 31
naq̇ϑı 329
nemet 313.317
q̇alţı 31
qarϑvel 31.317
qarϑu 31
Xaldaıoı 31
q̇at̆ı 146
q̇eta 146
parısu 144.145
pelasg 81 106.139.147.154.170 225
pers 154
rasena 243
sak 174
sarmat 187.225
skolot 174
sklav 174
skuϑa 294.326
skuϑı 174
someq̇ 23.105
spars 310
subar 310.322
sumer 112
svan 169.322
tedesco 317
tıbaren 112
ϑersıt 155
ϑobel 112
ϑubal 112
mumer 112.322

ТОПОНИМИКА

Abnoba 167
Ayrarat 143
Alba Longa 242
Alısıa 144
Araka 140
Arakses 140
Arar 141.143.145
Ararat 143
Arask 140
Arısba 140
Eraq̇ʳınʾı 140
Erasq̇ 140
Erast 140
Iberıa 154.322
Imereϑ 322
Ispanıa 322
Ispır 112
Italıa 154
Iverıa 322
Olbe 242.243
Olıbe 242
Bayburϑ 344
Baberd 344
Danub 142
Donau 142
Doñuyus 142
Dorpat 142
Duš̆eldorf 312.313
Fılıspan 23
Garumna 142
Genava 145
Genoa 145
Genua 145
Genf 145
Hereϑ 328
Gugarq 47
Gurıa 166
Hıp̆os 306
Hıspanıa 159
Jen 145.146
Karısıus 144
Kortona 154
Jenev 145
Kawkas 294
Krēta 154
Krotona 154
Lamnos 139
Lariš̆a 140
Larwsı 140
Lemnos 139
Lesa 139
Leš̆- 139
Lesbos 140
Lēte 139
Loϑarıng 320
Loϑrıng 320
Loϑrıngen 320
Lukotenıa 144.146
Lukotetia 144
Lukotokıa 144.146
Lutes 147
Lutetıa 144
Lutıcıa 144
Masıq 143
Mosel 313
Naq̇ϑevan 329
Nemea 333
Nemeıon 333
Pantıkapea 242
Parısıus 144
Pelasgıa 140
Perγamon 140
Pyrene 140.294
Pyrgos 140
Pont 147
Qarϑl-ı 31
Qyarϑl 31
Q̇ope 242
Saqarϑvelo 31
Saon̆ 142.143
Saonet̆ 142
Sawkoña 141—143
Sagoñā 142.143
Seyn 145
Seqwanı 141.142
Sekoanas 142.143
Sequana 141—143.145
Sıbero 304
Sıkanı 141
Sıkanus 141
Sıspır- 112
Sıtılıa 141
Sübero 304
Sōn 141.143.145
Swspırites 322
Sul̆ 304
Səmbatavan 344
Tarvısıus 144
Tūle 167
Twapse 242
θeš̆alıa 154
θetalıa 154
θq̇um 242

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

(мифические, культовые, бытовые)

Abərskıl 74.239
Abraqsa 239
Amıran 74
Amər 74
Aməra 74
Ardını 335
As 167
Eporedorıqs 141
Erie 167
Ioseb 297
Jahve 102
Doñer 344
Hayk 179
Haos 179

Karapet 134
Karolus 322
Qald 31.76
Qwarıates 141
Qwiaomolius 141
Məher 74
Neptun 318
Poseidon 140
Poteidon 140
Səmbat 344
Tãñgrı 3.44
Tın 139
Tuısto 167

III—IV. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

Аббас I Великий (1587—1628) 305
Айналов, Дмитрий Васьевич (род. 1862 г.) 61
Александр II (1818—1881) 8. 267
Али-Реиз 41
Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus) (около 330 — конца IV в.) 144
д'Арбуа де Жюбенвилль, Анри (Henri d'Arbois de Jubainville) (1827—1910) 141. 142
Аскуэ, Ресурексион Мария (Resureccion Maria de Azkue) 143. 164. 183
Ахемениды (VI—IV в. до н. э.) 163. 310
Ахметели, Василий 80.
Багратиды 65. 179
Барон Брамбеус см. Сенковский
Бартлет, Ф. Ч. (Frederic Charles Bartlett) (род. 1886 г.) 260
Бартольд Василий Владимирович (1869—1930) 122
Бастиан, Адольф (Adolf Bastian) (1826—1905) 93
Бернар, Шарль (Charles Bernard du Grain de la Villete) (1804—1850) 148
Благодаров, Николай Иванович 7
Богаевский, Борис Леонидович (род. в 1882 г.) 228
Бопп, Франц (Franz Bopp) (1791—1867) 14
Борк, Фердинанд (Ferdinand Bork) (род. 1871 г.) 135. 163
Браун, Федор Александрович (Friedrich Braun) (род. 1862 г.) 80. 166. 168. 228. 314
Броссе, Мари Фелисите (Marie-Félicité Brosset) (1802—1880) 137. 183. 221
Бугге, Софус (Sophus Bugge) (1833—1906) 163. 167
Быховская, Софья Львовна (род. 1888 г.) 5
Бэдж, Эрнест Альфред (Ernest Alfred Wallis Budge) (род. 1857 г.) 50
Бюнье, Жан Жозеф (Jean-Joseph Bugnet) (1793—1866) 148
Бюрнуф, Эжен (Eugène Burnouf) (1801—1852) 50
Валетт, Август (Auguste Valette) (1805—1878) 48
Вандриес, Жозеф (Joseph Vendryès) 189, 190. 191. 195
Варрон (Marcus Terentius Varro) (116—27 г. до н. э.) 154
Васильев, Василий Павлович (1818—1900) 268
Вахушт (XVIII в.) 73
Вейсбах, Франц Генрих (Franz Heinrich Weissbach) (род. 1865) 50—53
Веселовский, Александр Николаевич (1836—1906) 269
Виламовиц-Мелендорф, Ульрих (Ulrich von Wilamowitz-Möllendorff) 202
Вильке, Георг (Georg Wilke) (род. 1859) 112. 117
Винклер, Генрих (Heinrich Winkler) (1848—1930) 52. 163. 165. 167
Владимирцов, Борис Яковлевич (1884—1931) 150
Воронов 61.
Галакторий (конец VI — начало VII в.) 91[1] (Galactorius comes)
Гаттейрия, Жозеф-Андрэ (Joseph-André Gatteyrias) (род. в 80-х годах) 137. 163
Гейне, Генрих (Heinrich Heine) (1799—1856) 267
Гекатей (около V в. до н. э.) 111
Генко, Анатолий Несторович (род. 1896 г.) 139. 227
Геродот (около 485—425 г. до н. э.) 111. 140. 326
Гомер 111. 151
Гоммель, Фрид (Fritz Hommel) (род. 1854 г.) 163
Григорий Турский (около 538—594) 144
Грозный, Фридрих (Friedrich Hrozný) (род. 1879 г.) 194
Грэлер, Герман (Hermann Gröhler) (род. 1862 г.) 141. 142
Гюйар, Станислав (Stanislav Guyard) (1846—1884) 137
Давид Строитель (около середины XI в. — 1125 г.) 179
Дарий I (521—485 г. до н. э.) 50
Делич, Фридрих (Friedrich Delitzsch) (1850—1922) 81
Данжуа (Denjoy) 275
Державин, Николай Севастьянович (род. 1877 г.) 228
Джавахишвили (Джавахов), Иван Александрович (род. 1876 г.) 50. 51. 86
Джанашия, Н. С. 63
Джонстон, сэр Гарри Гамильтон (Sir Harry Hamilton Johnston) (1858—1927) 108
Дирр, Адольф (Adolf Dirr) (1867—1930) 72. 167
Дондуа, Карпез Дариспанович (род. 1880 г.) 5. 227
Доттэн Анри Жорж (Henri-Georges Dottin) (1863—1928) 193
Дункер, Макс (Max Dunker) (1811—1886) 267
Жирков, Лев Иванович (род. 1885 г.) 227
Зарубин, Иван Иванович (род. 1887 г.) 207
Иенсен, Петер (Peter Jensen) (род. 1861 г.) 163
Иностранцев, Константин Александрович (род. 1876 г.) 86
Иоанн Итал (XI в.) 60
Иоанн Петрицский (XI—XII в.) 60
Карст, Иосиф (Joseph Karst) 183
Кельда (Дмитриев), Игнатий Дмитриевич (род. 1902 г.) 282
Кин, Август-Генри (Augustus Henry Keane) (1833—1912) 89. 108
Кинг, Леонард Вильям (Leonard William King) (1869—1919) 50
Кипшидзе, Иосиф Алексеевич (1885—1918) 49. 73
Клапрот, Генрих Юлий (Heinrich Julius Klaproth) (1783—1835) 14
Клезанже, Жан-Батист-Огюст (Jean-Baptiste-Auguste Clésinger) (1814—1883) 148.
Клуге, Фридрих (Friedrich Kluge) (1856—1926) 325. 327. 339
Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916) 86
Колумб, Христофор (Cristobal Colon) (1455—1506 г.) 88.
Конвэй, Роберт-Сеймур (Robert Seymour Conway) (род. 1864 г.) 138

[1] В тексте статьи (стр. 91) ошибочно «Галакторий Фортунат».

Кох, Карл (Karl Koch) (1809—1879) 49
Кречмер, Пауль (Paul Kretschmer) (род. 1866 г.) 203
Курбэ, Густав (Gustave Courbet) (1819—1877 г.) 148
Кювье, Жорж Леопольд (Georges-Léopold Cuvier. 1769—1832) 148
Кюни, Альберт (Albert Cuny) 135. 167. 203
Ланд, Пьер (Pierre Lhande) 91. 109
Ленин, Владимир Ильич (1870—1924) 272. 279
Ленорман, Франсуа (François Lenormant) (1837—1883) 163. 203. 206
Лопатинский, Лев Григорьевич (умер 1927 г.) 75. 205
Луначарский, Анатолий Васильевич (род. 1875 г.) 194
Лыткин, Василий Ильич (род. 1896 г.) 281
Маркс, Карл (Karl Marx) (1818—1883) 308
Марр, Юрий Николаевич (род. 1892 г.) 335
Мейе, Антуан (Antoine Meillet) (род. 1866 г.) 167. 229 264. 265
Мейер, Эдуард (Eduard Meyer) (1855—1930) 111. 144
Меликсет-Беков, Леон Меликсетович (род. 1890 г.) 195. 227
Меллер, Герман (Hermann Möller) 160
Мещанинов, Иван Иванович (род. 1883 г.) 223
Миллер, Александр Александрович (род. 1875 г.) 228. 229
Моисей Хоренский (около V в.) 87
Моммзен, Теодор (Theodor Mommsen) (1817—1903) 267
Морган, Жак Жан Мари (Jacques-Jean Marie de Morgan) (1857—1924) 122 123. 214. 294.
Мюллер, Макс (Max Müller) (1823—1900) 12. 200
Мюллер, Фридрих (Friedrich Müller) (1834—1898) 14. 15
Нарбут, Евгений Антонович 9
Неандер, Иоахим (Joachim Neander) (1650—1680)
Нельдеке, Теодор (Theodor Nöldeke) (1836—1930) 29. 30. 205
Нижерадзе, Бессарион (псевд. ოვისუფალი სვანი) 15
Нодье, Шарль (Charles Nodier) (1780—1844) 148
Октавиан, Кай Юлий Цезарь Август (Octavianus Augustus) (63 г. до н. э. — 12 г. н. э.) ц 305
Ольденбург, Сергей Федорович (род. 1863 г.) 79
Омар (VII в.) 257
Опперт, Жюль (Jules Oppert) (1825—1905) 50
Орбели, Иосиф Абгарович (род. 1887 г.) 113. 206. 227
Орбелиан, Сулхан-Саба (XVIII в.) 73
Отран, Шарль-Жорж-Марсель (Charles-Georges-Marcel Autran) (род. 1879 г.) 165
Оштир, Карл (Karl Oštir) (род. 1888 г.) 249
Пастер, Луи (Louis Pasteur) (1822—1895) 148
Патканов, Кероп Петрович (1834—1889) 10. 87. 179
Пауль, Герман (Hermann Paul) (род. 1846 г.) 167
Перро, Жорж (Georges Perrot) (1832—1914) 161
Пипин Короткий (715—768) 91
Плиний младший (C. Plinius Caecilius Secundus) (62—114) 154. 155
Покровский, Михаил Николаевич (1868—1932) 275
Пресняков, Александр Евгеньевич (1870—1929) 195
Прудон, Пьер-Жозеф (Pierre-Joseph Proudhon) (1809—1865) 148
Птолемей, Клавдий (II в.) 142. 144
Пуанкаре, Раймонд (Raymond Poincaré) (род. 1850 г.) 194
Райс, Джон (John Rhys) (1840—1915) 109. 117
Рейнак, Саломон (Salomon Reinach) (1858—1932) 93. 111. 113. 122. 123
Решид-Нилм Нехлеван оглы 49
Розен, Виктор Романович, барон (1849—1908) 9. 10. 268
Розенберг, Федор Александрович (род. 1867 г.) 150
Ростислав (Михаил) (1173—1218) 147
Рюрик (Василий) Ростиславович (ок. 1140—1215) 147
Самойлович, Александр Николаевич (род. 1880 г.) 150
Саргон (VIII в. до н. э.) 151
Сардур II (IX в. до н. э.) 151
Сенковский, Юлиан (Осип) Иванович (псевдоним барон Брамбеус) (1800—1858) 178
Сен-Мартен, Антуан-Жан (Antoine-Jean Saint-Martin) (1791—1832) 137
Смирнов, Яков Иванович (1869—1918) 94. 122
Соломон (около X в. до н. э.) 156
Сталин, Иосиф Виссарионович (род. 1879 г.) 272. 311
Стасов, Владимир Васильевич (1824—1906) 94
Стефан Пермский (1340—1396) 281
Стоянов, Александр Ильич 9
Страбон (Strabo) 112. 412. 144
Струве, Василий Васильевич (род. 1889 г.) 228
Сейс, Арчибальд Генри (Archibald Henry Sayce) (род. 1846 г.) 163. 203. 206
Тальгрен, Михаил Маркович = Арнэ Микко (Arne Mikko Tallgren) (род. 1887 г.) 285
Тамара (XII—XIII в.) 179
Тацит Публий Корнелий (Publius Cornelius Tacitus) (ок. 55—120 г.) 318
Тимофеев, Федор Тимофеевич (Тимухха Хёветёрё) 194
Томашевский, Всеволод Брониславович (1891—1927) 228
Томпсон, Р. Кэмпбелл (R. Campbell Thompson) 50
Томсен, Вильгельм (Vilhelm Tomsen) (1842—1927) 68. 164
Тромбетти, Альфред (Alfredo Trombetti) (1866—1929) 167. 249
Уварова, Прасковья Сергеевна, графиня (1840—1924) 61
Уитней, Вильям (William Whitney) (1827—1894) 178
Уленбек, Христиан Корнелий (Christianus Cornelius Uhlenbeck) (род. 1866 г.) 249
Унамуна, Мигуэль (Miguel de Unamuno (род. 1864 г.) 177. 178
Уордроп, Маржори (Marjory Wardrop) 183

Уордроп, Оливер (Oliver Wardrop) 183
Услар, Петр Карлович, барон (1816—1875) 63
Уэллс, Герберт Джордж (Herbert George Wells) (род. 1866 г.) 95. 108
Фармаковский, Борис Владимирович (1870—1928) 136
Фик, Август (August Fick) (1833—1916) 139. 140
Фортунат, Венанций Гонорий Клементиан (Venantius Honorius Clementianus Fortunatus) (530—609 г.) 91 [1]
Франк-Каменецкий, Израиль Григорьевич (род. 1880 г.) 5. 227
Фурье, Шарль (Charles Fourier) (1772—1837) 148
Хвольсон, Даниил Абрамович (1820—1911) 10
Хвольсон, Орест Даниилович (род. 1852 г.) 10
Хюзинг, Рихард, (Richard Julius Hüsing) (1869—1930) 52. 135. 163. 183
Цагарели, Александр Антонович (1865—1928) 10. 14. 15
Цезарь, Кай, Юлий (Cajus Julius Caesar) 141. 142. 144. 318
Церетели, Акакий Ростомович (1840—1907) 269
Чавчавадзе, Илья Григорьевич (1837—1907) 269
Чарая, Петр 63. 72
Чхаидзе, Михаил Павлович, (род. 1905 г.) 282

[1] В тексте статьи (стр. 91) ошибочно «Галакторий Фортунат».

Шамиль (1797—1871) 70. 251
Шампольон, Жан-Франсуа (Jean-François Champollion-Figeac) (1791—1832) 247
Шанидзе, Акакий Гаврилович (род. 1889 г.) 52
Шаренсей, де-, Гиацинт (Hiacinthe Gauthier de Charencey) (род. 1832 г.) 26. 27
Шахматов, Алексей Александрович (1864—1920) 108
Шипье, Шарль (Charles Chipiez) (1835—1901) 161
Шор, Розалия Иосифовна (род. 1894 г.) 192. 194. 228
Шота из Рустава = Руставели 10. 134. 251
Штернберг, Лев Яковлевич (1861—1927) 228
Шультен, Адольф (Adolf Schulten) (род. 1870 г.) 153. 155. 156
Шульц, Фридрих-Эдуард (Friedrich-Eduard Schulz) (1799—1829) 137
Шухардт, Гуго (Hugo Schuchardt) (1842—1927) 167. 169. 174. 203. 229
Щерба, Лев Владимирович (род. 1880 г.) 229
Эванс, Артур (Arthur Evans) (род. 1851 г.) 156
Эмин, Мкртич (Никита) Осипович (1815—1890) 87
Энгельс, Фридрих (Friedrich Engels) (1820—1895) 290
Эсхил (525—466 г. до н. э.) 111
Эфор (ок. 400—330 г. до н. э.) 112
Яковлев, Николай Феофанович (род. 1892 г.) 227

Авраам 61
Адам 205
Амиран 74
Атлант 74. 101
Афина-Паллада 222.
Афродита-Урания 308
Балавар = Варлаам 1
Бриз 140
Бризенда 140
Будда 1
Венера 291. 344
Веста 120
Волос (= Влас) 308
Гайк 179
Геркулес 155. 333
Гермес 135. 240
Гефест 120
Доннер 344
Дор 111
Ева 103
Зевс 135. 139. 222. 333
Иисус Христос 125. 239
Инах 111
Иоанн Креститель 134
Исаак 61
Иштарь 252. 337
Карапет 134
Кекроп 111
Лело 305
Марс 291
Меркурий 135. 240
Митра 151
Моисей 151
Мосох 23
Нептун 135
Ной 199. 290
Пандора 196
Пеласг 111
Посейдон 135. 140
Прометей 74. 104. 120. 240. 291
Ромул 151
Сатурн 291
Сим 23. 48. 199
Тубал 23
Тубалкайн 105
Туиско 318
Халд 68. 76
Хам 48. 199
Эллин 111
Ягве 103
Япет 104
Яфет 23. 48. 127. 199

V. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абу-цкари 45
Абхазия 43. 59. 61. 72. 74. 206. 214. 215. 243. 250
Австралия 258
Австралийско - тихоокеанский район 258
Аджара (Аджаристан) 306
Азербайджан 210. 250. 306
Азия 90. 103. 111. 126. 133. 145. 151. 193. 200. 202. 217. 243. 244. 251 252. 286. 295. 304. См. также: Восточная Азия. Западная Азия. Передняя Азия. Северная Азия. Центральная Азия.
Азовское море 147
Айрарат 75
Алазань 206
Алашкерт 320
Албания 293
Албания Кавказская 70. 198. 293
Алма-Ата 281
Альба Лонга 242
Альпийские горы 170
Америка 2. 11. 88. 90. 91. 109. 133. 160. 183. 203. 251. 252. 258. 295
Анапа 75
Ани 9. 11. 20. 61. 179. 204. 205. 227. 251. 269
Англия 17. 160
Андернах 313
Апеннинский полуостров 94. 107. 110. 111. 129. 154. 200
Аракс 110. 140. 329
Аральское море 126
Арарат 120. 143
Аргентина 113. 302
Аргос 111
Арисба 140
Аркаб-и см. Архава
Аркадия 111
Армавир 251
Армения 11. 16. 17. 19. 20. 22. 23. 37. 39. 40 43. 47. 48. 50. 56. 57. 61. 68. 69. 74. 75. 76. 81. 87. 94. 109—113. 120. 128—130. 140. 143. 147. 165. 170. 179. 185. 193. 202. 204. 206. 223. 268. 269. 282. 291. 292. 294. 296. 301. 303. 309. 310. 315. 316. 328. 329. 332. 342
Армянское плоскогорье 111
Арпачай 329
Арташат 251
Арташен 45
Архава (Аркаб-и) 45. 46. 71
Архава (река) 45
Ассиро-Вавилония 67. 68. 75. 245
Атина (город) 41. 45. 71. 128
Атина (река) 45
Атинская каза 45
Атинское ущелье 41. 42. 45
Атлантида 89. 252
Атлантический океан 11. 200. 286
Афины 111. 244
Афон 282
Афревразия 196. 197. 218. 295. 317. 345
Африка 11. 89. 90. 103. 112. 113. 121. 126. 133. 151. 152. 200. 214. 217. 244. 247. 251. 252. 258. 276. 286. 289. 295. См. также Северная Африка.
Ахурян 329
Байбурт 344
Балканский полуостров 94. 110. 154. 155. 170. 173. 202
Баския 178. 282
Батум 8. 45. 128. 217.
Батумский маяк 41
Башкой 41
Берлин 149. 158. 196. 314
Биайна 281
Бонн 312. 314. 316
Британские острова 117. 130. 154. 291
Брундизий (Brundisium) 113
Булепе 45
Булепе (река) 45
Бушehр (= Бушир) 52
Вавилония 123
Ван 94. 293
Ванская область 315
Ванская скала 113. 206
Ванский бассейн 110
Ванское царство 66. 68. 76. 130
Варташен 210
Великобритания 117. 170.
Вена 183. 250
Венеция 110
Верхняя Свания 306. См. также Свания.
Вицэ (город) 45. 46. 71
Вицэ (река) 45
Вицская каза 45
Владикавказ 250
Волга 198. 340
Вол[го]-Камье 252
Восточная Азия 200. 234. См. также: Азия.
Восточная Европа 146. 200. 245. 285. 292. 293. 310. 344. См. также: Европа.
Восточный Кавказ 72. 77. 206. См. также: Кавказ.
Вотская область см. Удмуртская автономная область.
Вятка 281. 283
Галлия 141. 142. 193. 310
Gargas у Aventignan 238
Гарни 251
Гаронна 91. 238
Генуя 145
Германия 81. 93. 136. 166. 312. 314. 318
Гиндукуш 129
Глазов 275
Гокча или Севан 76
Голгофа 147
Голландия 249
Греческий архипелаг 110
Греческий материк 82
Греция 67. 74. 111. 168. 193. 209. 223
Грузия 9. 17. 31. 48. 55. 74. 80. 87. 134. 151. 158. 179. 180. 184. 196. 198. 204. 262.— 268. 270. 282. 292. 294. 295. 301. 303. 315. 323. 328. 329
Гугарк 47
Гудаут(ы) 59. 64. 73
Гурия 73. 139. 166. 293. 306
Дагестан 65. 67. 70—72. 77. 146. 197. 198. 206. 209. 210. 214. 215. 250
Дальний Восток 88. 117. 121. 251
Двуречье см. Месопотамия
Дерпт 313
Детское село 234
Джегерд 72
Додона 111
Евразия 218. 252 .343
Европа 12. 15. 22. 50. 51. 67. 82. 88. 90. 92. 94. 110 117—119. 121. 122. 126. 129. 130. 133—135. 141. 145. 146. 151. 154. 156. 167. 171. 172. 179. 180. 188. 193. 197. 198. 203. 207. 209. 215. 217. 243—246. 249. 251. 252. 256. 268. 284. 286. 289. 293. 294. 302—304. 310. 312. 315. 316. 322. 343. 345. 346
Евфрат 205
Египет 2. 88. 128. 135. 136. 171. 243. 244
Женева 145
Закавказье 292. См. также: Южный Кавказ.
Западная Азия 108. См. также: Азия.
Западная Европа 4. 15. 71. 80. 84. 108. 118. 141. 146. 157. 166. 183. 195. 200. 226. 293. 344. См. также: Европа.
Западный Кавказ 306. См. также: Кавказ.
Иберийский полуостров 155. 316
Иберия Кавказская (= Грузия) 155
Иберия Пиренейская 108. 111. 118. 252. 293. 310. 322
Иверия 322
Ижевск 281

Ингур 128. 306
Индийский Кавказ см. Памир 117
Индия 93. 156. 208. 238. 251. 283. 310. 343
Иран 244. 245. 310
Ирландия 117. 157. 282. 310
Испания 112. 118. 130. 135. 136. 141. 143. 152—157. 164. 169. 207. 238. 270. 293. 294. 302. 304. 306. 310. 322
Италия 17. 108. 110. 112. 130. 134. 138. 140. 166. 168. 242. 244. 252. 270. 293. 310
Июкар (Yucar) 141
Кавказ 1. 2 4. 6. 9—12. 15. 17. 42. 53. 59—71. 77—78. 80. 82. 84—87. 91. 96. 97. 102—107. 109—123. 126—130. 133. 135—137. 139—141. 150. 153. 155. 157—159. 163—165. 168—170. 173. 178—181. 183. 184. 195. 197—201. 203. 205—207. 209. 215. 217. 219. 221. 222. 224. 227. 228. 240. 242. 249—252. 255. 256. 269. 270. 280. 284. 292—294. 302. 303. 305. 306. 309. 310. 312. 313. 315—317. 322. 328. 329. 333. 339—343. См. также: Восточный Кавказ. Западный Кавказ. Северный Кавказ. Южный Кавказ
Кавказ среднеазиатский = Памир 129
Кавказский край 79. 284
Кавказский перешеек 15
Кавказский хребет 67. 294
Кавказо-южнорусский район 123
Казанская губерния 198
Казань 268
Казахский район Азербайджана 309
Калдахвара 73
Карду 120
Карская область 76
Карталиния 31
Каспийский бассейн 129
Каспийское море 77. 126. 209
Кахетия 206
Кемер 40. 41. 25
Керчь 233. 234. 237. 248
Киев 294
Киликия 22. 110
Кипр 110. 111. 113
Китай 2. 11. 88. 227. 244. 252
Китея 251
Кобань 238
Кобяково городище 239
Колхида 141. 251
Конго 89
Конь-река см. Цхенис-цхали
Корея 252
Корсика 117. 154
Кортона 111
Крит 82. 118. 154. 238. 245
Критский район 118
Крым 22. 223. 242. 248. 317
Куар (= Ковар) 294
Кура 37. 111. 127
Кутаис 6
Лазика 43
Лазистан 40. 43—47. 70. 71. 242
Лазистан Русский 71
Лакония 140
Ларисса 111. 140
Лашхур 128. 306
Лейпциг 80. 82. 166. 196
Лемнос 111. 139
Ленинград 195. 197. 233. 234. 250. 255. 275. 279. 281—283. См. также. Петербург. Петроград
Лесбос 140
Лигурия 293
Лидия 110. 136
Локрида 333
Лотарингия 320
Лукоморье 147
Лютеция 144—146
Макинское ханство 76
Малая Азия 37 67. 81. 82. 94. 110—112. 120. 135. 136. 171. 177. 202. 203. 245. 291
Малоазийский район 123
Marsoulas у Salies du Sabat 238
Масис = Масик 120. 143
Махач-Кала (Порт-Петровск) 198
Мегрелия = Мингрелия 43. 44. 70—71. 242
Месопотамия (Двуречье) 67. 68. 112. 129. 130. 135. 136. 152. 159. 163. 170. 171. 177. 199. 202. 203. 214. 243. 245. 291. 343
Мидия 76
Мозель 313
Москва 61. 192. 233. 250. 255. 281
Мраморное море 111
Мургул 45
Мцхет 251
Наварра 91
Нахичевань (на Араксе) 329
Нахичевань (на Ахуряне) 329
Неандерталь 312
Неман 333
Немея 333
Ниш 210
Нчхала-су см. Чхала
Одиши 73
Озургетский у. Кутаисской губернии 6
Озургеты 6
Океания 2. 252. См. также: Полинезия
Оксфорд 183
Ольвия 242. 243
Осетия 123
Палестина 112. 155. 205
Памир 2. 113. 117. 129. 150. 197. 207—209. 217. 223. 291. 304. 305. 315. 342
Париж 144. 149. 158. 183. 196. 208. 226. 250. 255
Переднеазиатский район 123
Передняя Азия 23. 37. 75. 82. 92. 94. 112. 118. 121. 122. 151. 155. 163. 165. 168. 172. 197. 200. 244. См. также: Азия
Персидский залив 152
Персия 76. 86. 87
Петербург 10. 150. 166. 183. 195. 268. См. также: Ленинград. Петроград
Петроград 99. 195
Пиренейские горы 2. 91. 129. 136. 140. 150. 166. 169. 200. 209. 219. 224. 227. 238. 291. 294. 304. 312. 313. 315. 316. 340—342
Пиренейский полуостров 94. 103. 109. 111. 117. 118. 120. 153. 155. 165. 169. 170. 177. 199. 322
Плакия 111
Полинезия 295. См. также: Океания
Понт Эвксинский 94. 105. 135
Понтийские горы 49
Прикаспийский бассейн 210
Причерноморье 239. 313. 343
Прованс 134
Пуатье 91
Рейн 313. 325
Ризе 45
Рим 67. 313. 314
Рион 6. 37. 111. 127.
Россия 17. 18. 41. 42. 71. 84. 92. 121. 122. 136. 147. 154. 181. 194. 268. 271. См. также: РСФСР. СССР.
Ростов на Дону 239
РСФСР 233. 280. См. также: Россия. СССР.
Русь 18. 133.
Самарская губерния 198
Сардиния 117. 154
Сарп 41. 45
Сарты 142
Свания = Сванетия 9. 10. 55. 71. 72. 209. 282. 306. 322. См. также: Верхняя Свания
Северная Азия 234. См. также: Азия
Северная Африка 108. 168. См. также: Африка
Северная Европа 167. 254. 281
Северная Каролина 258

Северный Кавказ 110. 210. 227. 291. 293. 305. См. также: Кавказ
Секвана (Sequana) 141—145
Секвания 148
Сена 141—143. 147. 208
Сикан (Sicanus) 141
Симбирская губерния 198
Синай 205
Сирия 20. 120.
Сицилия 112. 117
Скилак 111
Сона 141. 142. 147
Средиземного моря острова 94. 106. 110. 111. 152. 291. См. также: Кипр. Корсика. Крит. Сардиния. Сицилия
Средиземное море 83. 94. 102. 112. 116. 165
Средиземноморский район 106. 116. 123. 228
Средиземноморье 2—4. 84. 97. 106. 107. 112. 115. 118. 119. 121. 125. 126. 135. 136. 141. 152. 153. 157. 165. 170. 172. 177. 184 185. 187. 197. 202. 212. 214. 223. 240. 242—244. 251. 291. 292. 295. 313
Средняя Азия 92. 113. 117. 121. 130. 150. 193. 207. 208. 251. 252. 342. См. также: Азия.
Средняя Европа 167. См. также: Европа
СССР 198. 217—219. 233. 235. 248. 250. 256. 270. 271. 274. 280. 285. 311. 345. 346. См. также: Россия. РСФСР
Старый свет 133
Страсбург 205
Сумла 45
Сухум 242
Сухумский округ 242
Терская область 67
Тамотарха 242
Тмутаракань 242
Тифлис 8. 80. 93. 183. 195. 196. 228. 250. 251
Тихий океан 286
Тоскана 270
Трапезунд 43. 128. 217
Троя 151. 245
Турция 41. 45. 66. 67. 72. 77. 210. 282
Тушпа 251
Удмуртская автономная область 280. 282. 283
Узбекистан 281
Ульяновск (б. Симбирск) 194
Урал 252
Урарту 110. 120
Урбинси 251
Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) 250
Фессалия 111
Финикия 165
Флоренция 80
Фортуна (река) 45
Фортуны реки ущелье 41. 45
Франкфурт на Майне 319
Франция 17. 130. 135—137. 141. 143. 145. 147. 148. 153. 154. 157. 166. 179. 183. 193. 207. 208. 244. 270. 284. 293. 302. 306. 310. 316. 319
Франш-Конте 148
Хазаро-русский мир 223
Херити 328
Хиппос 128
Хопская каза 45
Хопэ 41. 45. 46. 71. 127
Царский курган 223
Царьград 147
Цебельда 61.
Центральная Азия 123. См. также: Азия. Средняя Азия
Цхенис-цхали 128. 306
Чалдырское озеро 76
Чебоксары 245. 250
Черное море 31. 77. 110. 126. 127. 141. 147. 173. 206. 239
Черноморское побережье 206. 242. 243
Черноморье 242. 255. 293. 315
Чорох 37. 45
Чукотский нос 2
Чух 303
Чхала (на русских картах Нчхала-су) 45
Шавшетия 40
Шварцвальд 167
Швейцария 282
Ширак 329
Эбро 91
Эгейский мир 135. 136. 151. 193
Эгейский район 118
Эгейского моря острова 82. 154. См. также: Крит, Лемнос, Лесбос
Эгейское море 110. 121. 244
Элам 52. 76
Эллада 202. 245
Эльзас 325
Эрессос (ныне Эрецо) 140
Эрецо (см. Эрессос).
Эриванская губерния 76
Эривань 228. 250
Этрурия 94. 130. 136. 242
Южная Аравия 25
Южная Европа 108. 168. См. также: Европа
Южный Кавказ 291. См. также: Закавказье
Япония 11. 252

VI. ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абазинский язык 304
Абаски 229. См. также: Абхазы
Абасы см. Абаски
Абжуйское наречие абхазского языка 77. 304
Абиссинский язык 75
Абхазоведение 60
Абхазская устная литература 59, 64, 74
Абхазский литературный язык 59
Абхазский язык 56. 57. 59. 62—64. 67. 69. 72—77. 101. 128. 153. 168. 182. 205. 208—210—213. 223. 239. 297—299. 301. 304—306. 308. 309, 328. См. также: Абжуйское наречие. Бзыбское наречие. Самурзаканское наречие
Абхазы 60. 62. 63. 65. 66. 73. 75. 77. 78. 88. 118. 168. 208. 229. 239. 292. 300. 305. 331. 338. 340
Абхазо-адыгейская (черкесская) группа языков 67. 217
Абхазо-адыгейская группа народов 77
Аварский язык 67. 70. 71. 208. 210. 211. 304
Аварцы 70. 75. 146. 206
Авестийский язык 285
Австралийцы 234. 247
Аггармонизация гласных 323. 344
Агглутинативная ветвь яфетического ствола 196
Агглутинативная система языка 175. 200
Агглутинативные языки 130. 201. 209
Агглутинативный период глоттогонии 98. 99. 102. 103. 116
Агглутинативный строй языка 89. 90. 96. 109. 115. 117. 325
Агглутинация 109. 304. 323
Агульский язык 304
Аджарцы 43
Адыгейская (черкесская) группа языков 210. 304
Адыгеи (черкесы) 65. 75, 77, 305
Адыгейский язык и диалекты 67, 72. 182. 201. 205. 304
Азербайджанский университет в Баку 250
Азбука 215. См. также: Алфавит
Азиатское общество Бенгальское (Asiatic Society of Bengal) 93
Азиатское общество в Париже (Société asiatique) 137
Академическая наука 3. 66. 232. 268. См. также: Индоевропейское языкознание
Академический (ученый) мир 86. 92. 122. 124. 133. 144. 149. 198. 202. 206. 237. 245. 254
Академия истории материальной культуры (ГАИМК) 79. 80. 82. 122—124. 133. 232. 338
Академия наук СССР 12. 71. 72. 79. 85. 95. 122. 137. 255. 270. 272
Актив (грамм.) 300
Активный класс имен 301
Активный падеж 297. 327. 339
Активный строй (грамм.) 207
Акцент 167
Аланы 71
Албанский язык (на Балканах) 170. 187. 202. 203. 217. 228
Албанский язык (на Кавказе) 70
Албанцы на Балканах 208. 252
Албанцы (на Кавказе) 70. 71
Алтайская раса 196
Алтайское месторождение металлов 103
Алтарная преграда из Цебельды 61
Алфавит 158. 180. 181. См. также: Азбука
Алфавитное (однофонемное) письмо 291. 292
Альпы (альпийское племя) см. салы
Амазонки 319
Американистика и американисты 2
Американские племена и народы 133. 183
Американские языки 5. 11. 108. 109. 133. 151. 200
Аморфно-синтетические языки 130. 201. 209
Аморфно-синтетический период глоттогонии 98. 102. 103. 113. 116. 209
Аморфный (синтетический) строй языка 89. 90. 115. 117. 210. 298. 307. 309
Англичане 7. 66. 206
Английский язык 6. 8. 63. 269. 270. 320
Андийские языки 304
Андо-дидойская группа языков 67. 210
Анимизм 338
Анийские церкви 205
Антинациональная политика Кавказского учебного округа 10
Антиподные согласные 24. 54
Антирелигиозная пропаганда 281
Античная культура 60
Античные писатели (классики) 58. 108. 111. 141. 161
Античный мир 92. 97. 227. 245
Антропология и антропологи 108. 117. 160
Аорист 44. 51. 323. 324
Аппарат членораздельного произношения 280
Арабоведение и арабисты 9. 270
Арабская литература 134
Арабский язык 9. 14. 15. 23. 34. 42. 57. 199. 203. 222. 308
Арабский христианский язык 199. 204. 223
Арабское завоевание 112
Арабско-персидско-турецкий разряд факультета восточных языков 9
Арабы 112. 151. 245. 247
Арамейцы 205
Арамейские языки 29. 31. 36. 37. 82. 199. 205. 301
Арамейский язык 301
Арамейское письмо 282
Арамейско-лидийская надпись 135
Арзавские письма 81
Ариизованные армяне 37
Арийские языки см. Индоевропейские языки
Арийский слой в армянском языке см. Индоевропейские элементы армянского языка
Арийцы 15. 20. 23. 37. 75. 77. См. также: Индоевропейцы
Ариоевропейская семья языков см. Индоевропейская система (семья) языков
Арийская система языков см. Индоевропейская система языков
Ариоевропейцы см. Арийцы
Ариоевропейские языки см. Индоевропейские языки

Ариоевропейско-яфетические языки см. Яфетическо-индоевропейские языки
Аристократический строй древней Армении
Аркадяне 111
Арменийская группа языков 97. 106. 310. 315
Арменоведение и арменисты 2. 10. 16—19. 27. 40. 55. 58. 72. 81. 87. 228
Армяно-арабские литературные взаимоотношения 222
Армяно-грузинская филология 127. 226. 227
Армяно-сирийские литературные взаимоотношения 222
Армянская литература 10. 17. 19—22. 39
Армянская письменность 19—21. 39
Армянская словесность 10
Армянская цивилизация 127
Армянские исторические предания 21
Армянские переводные памятники 19—21. 61
Армянские феодалы 39
Армяне 9. 11. 16—23. 37. 39. 40. 59. 64. 69. 70. 75. 105. 110. 113—116. 120 134. 143. 163. 179. 203—205. 208. 229. 246. 250. 251. 270. 271. 286. 293. 302. 309. 317. 320. 322. 323. 326. 328. 336. 338. 339. 342
Армянский народный язык 286. 300. 309. 310. 315. 317. 331
Армянский университет в Эривани 183
Армянский феодальный язык 30. 286. 296. 301. 309. 315. 316
Армянский эпос 87
Армянский язык 9—12. 17. 19—21. 23. 27. 36. 39. 40. 42. 43. 47. 48. 52. 54. 56. 69. 81. 84. 87. 96. 97. 104—106. 109. 113. 127. 128. 130. 135. 153. 156. 163. 167—170. 173. 182. 185. 191. 194. 202. 204. 205. 208. 223. 226. 229. 255. 271. 286. 287. 309. 316. 319. 320 323. 326—328. 331. 341. 342. См. также: Ḫайский язык. Древне-армянский язык
Армянские письма 21
Артикуляция 299
Архавский говор чанского языка 45. 47. 304
Археологическая Комиссия 79
Археологические открытия 157. 245
Археологические работы 72. 122. 136
Археология и археологи 11. 17—19. 59. 62. 74. 83. 93. 94. 97. 103. 107. 111. 115. 118. 123. 149. 154. 156. 160. 161. 173. 195. 219. 220. 328. 233. 235. 239. 245—248. 278. 292.
Археология Кавказа 17. 19. 62. 74
Архитектура 151. 161. См. также: Памятники архитектурные
Арчинский язык 304
Аспираты 146
Аспирация 47. 54
Ассибиляция 54. 58
Ассирийцы 110. 113
Ассирийский язык 25. 31. 33. 50. 53. 172. 199
Ассириология и ассириологи 19. 25. 26. 50. 52. 53. 58
Ассиро-вавилонский культурный мир 88. См. также: Древневосточный культурный мир
Ассоциации [первобытного человека] 212
Ассоциация северокавказских краеведческих организаций 214. См. также: Краеведческий съезд в Махач-Кала
Астральное мировоззрение 334
Астральный культ 59
Астрономия 291
Атинский говор чанского языка 45—47. 304. 305
Афиняне 111
Африканистика и африканисты 2. 278
Афревразийский мир 214
Африканская культура 89
Африканские языки 5. 11. 108. 199. 200. 251. 252
Аффиксы 81
Аффрикатность 331. 335. 336
Аффрикаты (диффузоиды) 101. 146. 212. 320. 324. 336
Ахейский язык 170
Ахвахский язык 304
Ахеменидские надписи 50. 63
Ахеменидский язык 285
Аахенский собор 151. 315
Базис см. Материальная база
Балканский языковый район 217
Балкары 305
Банту язык 278
Басковедение и басковеды 2. 109
Баскская культура 178
Баскская эмиграция в Америку 91
Баскские привилегии (fuero) 91
Баски (эскуары, эвскалдуны) 2. 91. 108—111. 113—118. 124. 130. 141. 143. 149. 152—155. 164. 166. 168. 169. 172. 177—179. 183. 196—198. 203. 207—209. 215. 224. 229, 238. 252. 294. 302. 303. 305. 309. 313 328. 331. 340
Баскский язык (евскарский) 12. 15. 80. 91. 106 108. 109. 112. 113. 116. 117. 129. 132. 133. 135. 136. 143. 146. 150—153. 155. 157. 162. 164—166. 168—170. 178. 182. 183. 193. 200. 203. 207. 208. 217. 225. 249. 251. 272. 286. 288. 289. 291. 304—306. 310. 316. 317. 319. 323. 326. 331. 341. 342. 344. См. также: Бискайское наречие. Верхненаваррское наречие. Гипускуанское наречие. Лабурдинское наречие. Нижненаваррское наречие. Сулетинский говор
Баскизмы 109
Баскско-иберский язык 167. 169
Баскско-кавказская группа языков 108
Баскско-кавказско-дравидийская группа языков 108
Баскско-кавказско - дравидийско - шумерско-монгольская группа языков 108. 113
Баскско-месхский язык 169
Батумский говор чанского языка 45
Батумский чанский язык 45
Бацбии (цова-тушины) 168. 206. 302
Бацбийский (цова-тушинский) язык 57. 168. 206. 210. 304
Беглость звуков 24
Белая раса 168
Берберы 108. 153. 289
Берберский язык 23. 108. 217
Бердзены см. Греки
Берское племя 225
Бесклассовая общечеловеческая культура 272. 311
'Бесноватый' 242
Бесписьменные народы 59. 64

Бесписьменные районы 65
Бесписьменные языки 2. 62. 72. 85. 98. 128. 153. 200. 205. 216. 217. 219. 223. 227. 252. 273. 276. 343
Бзыбский комитет общества распространения просвещения среди абхазов 63. 64
Бзыбские наречия абхазского языка 59. 64. 77. 304
Бзыбцы 64
Библейская терминология 23
Библейско-арамейский язык 37. 82. См. также: Арамейские языки
Библейское родословие 23. 200
Бискайское наречие баскского языка 288. 304
'Благодать' 100
'Блеск' 337
'Бог' 100. 231. 238—242. 359. 308. 320
'Бог торговли 240
'Богатый' 100
Боги и божества 60. 74. 87. 100. 103. 120. 134. 135. 151. 169. 208. 213. 231. 232. 237. 239—241, 246. 252. 263. 314. 326
Богословие и богословы 213. 246. 283. 284
Богословское мышление 231
Божество охоты 240
'Бок' 99. 103
Болгаро-скифская группа языков 187
Болгаро-хазарская группа языков 212
Болгарский язык (на Волге) 187. 218
Боннский университет 314
Борьба 241. См. также: Классовая борьба
Борьба в науке 1. 2. 228
Борьба с природой 241
Ботаники 6. 8. 290
Ботлихский язык 304
'Брак' 329
'Брат' 99. 172. 188. 324
Брахицефалы 117
Бретонский язык 316
Бретонцы 309
Бронза 112. 113
Бронзовые котлы 94
Бронзовый век 115. 118. 313
БСЭ (Большая советская энциклопедия) 290
Будухский язык 304
Будущее время (глаг.) 44. 46. 301. 323
Буквенно-фонетическая письменность 259
Буквы 158. 180. 181. 203. 204
Булекский подговор чанского языка 45. 47
Бурешки см. Вершики
Бурешский язык см. Вершикский язык
Буржуазия 179. 277
Буржуазная идеология 281
Буржуазная культура 283
Буржуазные мыслители 262
Буржуазные страны 256. 262. 286
Буржуазный язык 287
Буришаски см. Бурешки
Бушмены 2. 234. 247
'Бык' 118. 259. 308
'Быстрый' 115
Быт 73. 75. 106. 138. 219. 233. 236. 252. 259. 305. 314
Бытовая речь см. Обиходная речь
'Быть' 100
анские клинообразные надписи 19. 26. 40. 68. 76. 335. 340. 342
Ванская система языков 291. 310. 319
Ванские цари 68. 76. 115. 328
Варварские племена 111
Варварство 20. 177. 246
Вардановские сборники притч 16. 204. 271. См. также: Н. Я. Марр «Сборники притч Вардана»
Великаны 74
Великая Французская революция 179. 192. 247
Великие географические открытия 146. См. также: Открытие Америки
Великодержавная идеология 270. 287
Великодержавные нации 272
Великодержавные языки 273. 275. 285—287
Великодержавный шовинизм 273
Венгры 174
Венгерский (мадьярский) язык 200. 212
Вера 91. 275. 313. 315. См. также: Религия
Вера в избранность племени 91. 92
'Верблюд' 239
'Верх' 213. 265
Верхненаваррское наречие баскского языка 304
Верхнесванские говоры сванского языка 304
Вершики (бурешки, буришаски) 113. 130. 197. 208. 209. 252
Вершикский язык 113. 129. 150. 207. 217. 223. 291. 304. 305. 343
Ветви языков 23. 24. 26. 29—31. 34. 36. 38. 39. 66. 67. 81. 86. 98. 134
Вещи в науке см. Памятники вещественные
Взаимообмен антиподных звуков см. Перебой
Взаимоотношения армянского, hайского и сванского языков 48
Взаимоотношения яфетических языков с индоевропейскими 3. 4
Византийские древности 61
Византийские течения в культурной жизни Армении и Грузии 18
Византийское государство 43
Византийско-эллинистическое течение в древнеармянской литературе 20. 21
Винительно-дательный падеж 295
Винительный падеж 25. 34. 81. 263. 264. 266. 295. 3[illegible]2. 327. 331
Вицкий подговор чанского языка 45. 47. 146. 304
Вицэ-архавский говор чанского языка 45—47
Вишапы 1. 251. 284
Взаимное влияние мегрельского и чанского языков 43
'Владение' 306. 330
'Властитель' 100
'Власть' 100. 238
Влияние армянской литературы на грузинскую 21
Влияние hайского языка на чанский 42. 43.
Влияние греков на абхазов 60
Влияние греческого языка на чанский 42. 43
Влияние грузинского языка на абхазский 73
Влияние грузинского языка на мегрельский 40. 41
Влияние древне-эгейских языков на греческий 135
Влияние индоевропейских языков на яфетические 70

Влияние Персии на Кавказ 86. 87
Влияние турецкого языка на чанский 41—43
Влияние чанского языка на hайский 43
Вовлечение согласных формативов в корень 24
'Вода' 4. 259. 265. 266. 313. 325. 328
Военно-служилое сословие 180
Военное строительство 314
Возвратное местоимение 297
Возвратная форма глагола 328
Возникновение речи см. Происхождение языка
Волжско-камский языковый район см. Приволжский языковый район
'Волк' 240
Вольски 138
Восстановление первичных форм 250
Востоковедение и востоковеды 9. 16—18. 50. 65. 88. 95. 137. 159. 160. 202. 205. 221. 227. 270. 271. 286. 293. 314
Восточная (дагестанская) ветвь северо-кавказских языков 298. 304
Восточная культура 60
Восточное (горловое) наречие чанского языка 42. 44—47
Восточно-кавказские языки 72
Восточно-средиземноморские языки 159
Восточные верования 60
Восточные народы 5. 20. 129. 222. 234. 240. 245. 246
Восточные течения в культурной жизни Армении и Грузии 18
Восточные говоры грузинского языка 303
Восточные языки 9. 11. 12. 150. 220. 235. 247. 270
Восточный гуманизм 270. 271
Восхождение звуков 54
'Вперед' 99
'В присутствии' 99
Время (глаг.) 34. 44. 301. 323. 324. 340
Врожденные качества и способность народов 92. 94
Всеевропейский эгоцентризм 177
Всесоюзная Ассоциация востоковедения 192
Всесоюзный съезд работников просвещения 194
Вторая порода грузинских глаголов 328
Вторжение индоевропейцев на яфетическую территорию 121
Вымершие языки см. Мертвые языки
Вымирание грамматического рода 36. 224
Вымирание народов 4. 36
Вымирание языка 58. 90
«Вымирающий» 90
Вымирающие народы 234
'Высокий' 213. 265
Вятский пединститут 285
Гайканский язык см. hайский
hайки 168. 179. См. также: Армяне
hайский язык 39. 40. 42. 43. 47. 48. 54. 56. 69. 75. 168. 229. См. также: Армянский язык
Галльская христианская церковь 61
Галлы 141—143
Галльский язык 141. 143. 191. 304. 313
Галльское завоевание территории нынешней Франции 142
Гамма озвончения 319
Гармоничные группы согласных 24
Гасконская литература 166
Гасконцы 166
Гасконский язык 166
Гебраистика и гебраисты 10
Генеология 176. 177
Генеология чанского языка 44. 46. 48
Генеология яфетических языков 48. 71—72
Генетический анализ языка 281
Генетическая семантика 219
Генетическое родство языков см. Родство языков
Генуэзская конференция 145
Генуэзцы 146
hены 115
География и географы 112
Германистика и германисты 80. 227. 293. 331
Германские древности 166
Германцы 2. 119. 167. 168. 171. 173. 202. 252. 292
Германская система языков 312. 325
Германские языки 133. 166. 202. 293. 316. 317. 322. 324. 330. 338
Германский мир 314
Германское завоевание Галлии 142.
Герои 74. 136. 219. 251. 305. 319
Гибридизация см. Скрещение
Гибридные языки см. Скрещенные языки
Гипускуанское наречие баскского языка 288. 304
Глагол 24. 26. 30. 33. 34. 43. 44. 46. 62. 76. 100. 126. 133. 142. 170. 191. 194. 257. 266. 295. 296. 298. 301. 302. 308. 319. 322. 323. 327. 328. 332—334. 336. 340. См. также: Грузинский глагол
Глаголы действия 298
Глаголы состояния 298
Глагольная форма корня 24. 104
Глагольные основы 62. 76. 144
Глагольные формы 319. См. также: Образование глагольных форм
'Глаз' 99, 337
Гласные звуки 24. 25. 34. 44. 46. 51. 52. 55. 126. 143. 146. 208. 298. 323. 331
Гласные мягкие 298
Гласные слабые 298. См. также: Полугласные
Гласные твердые 298
'Глина' 104. 115
Глозельские надписи 244
Глоттогонические эпохи 209. 210. См. также: Аморфно-синтетический период глоттогонии. Агглутинативный период глоттогонии. Флективный период глоттогонии
Глоттогония 11—13. 90. 98. 130. 134. 156. 192. 199. 211. 218. 225. 229. 272. 297. 301. 307. 310. 334
Глухие согласные звуки 58
Гносеология языка 259
Гностики 239
'Говорить' 131
Говоры 6. 27. 33. 34. 39. 21. 42. 44—47. 275. 296. 305. 310
Гоги, гугары, гогарены 317
Годоберинский язык 304
'Голова' 99. 223
Голландский язык 249. 250

'Голубой' 213. 265
'Голубь' 239
Гоны 115
'Гора' 213
Горловая огласовка 321. 328—330. 341
Горловое наречие чанского языка см. Восточное наречие чанского языка
Городища 9. 11. 61
Городская речь 41
Горские языки Кавказа 67. 69—72. 77—135
Гортанные звуки см. Спирантные звуки
Гортанная огласовка 308. 317. 331
Горцы см. Кавказские горцы
Господские языки 251. 252
Господствующее учение о языке см. Индоевропейское языкознание
Господствующие классы 192—195. 215. 229. 251. 270. См. также: Буржуазия. Феодалы
Господствующие племена и народы 176. 215
Господствующие языки 176. 182. 215. 292
Государственные языки 316
Готский язык 312. 316. 317. 320. 321. 324. 331. 338. 341. 342
Готы 292. 315. 319. 321. 326. 331. 338. 339
Градостроительство 251. 309
Грамматика 26. 27. 40. 56. 190. 213. 265
Грамматика коми-языка 283
Грамматический род 35. 36. 224. 265. 297. 300. 325
Грамматический строй языка см. Структура языка
Грамматический строй грузинского языка 15. 36
Греческая культура 60. 218. 244. 245. 247
Греческая общественность 245
Греческая церковность 61
Греческие авторы 8
Греческие колонии 60. 206. 293
Греческие мифы см. Мифы греческие
Греки 31. 60. 61. 65. 81. 88. 104. 105. 111. 114. 126. 135. 140. 154. 155. 158. 171. 173. 202. 207. 237. 240. 242. 244. 252. 266. 293
Греческие святилища 94
Греческий мир 120. 313
Греческий текст Ветхого завета 61
Греческий язык 8. 9. 42. 43. 51. 81. 94. 105. 106. 109. 111. 135. 136. 141—143. 157. 170. 173. 202. 208. 217. 218. 223. 224. 227. 251. 255. 269. 300. 312. 326. 327
Греческое письмо 244
Греческое просвещение 60
Гробницы 94
Грузино-арабские литературные взаимоотношения 222
Грузиноведение и грузиноведы 2. 19. 25. 50—53. 65. 71. 72. 81. 270
Грузино-мусульманское население 43.
Грузино-христианское население 43. 204
Грузинская грамматика 26. 27. 40. 51. 222
Грузинская историческая литература 179
Грузинская литература 10. 21. 27. 183. 203
Грузинская общественность 10. 204. 242. 251
Грузинская письменность 10. 21. 39. 70
Грузинская рукопись 864 г. 205
Грузинская светская литература 27
Грузинская церковная культура 180
Грузинская церковность 61
Грузинская цивилизация 127
Грузинские летописи 87
Грузины 6. 7. 9. 18. 21. 23. 31. 37. 40. 43. 59. 60. 64. 70. 76. 77. 78. 112. 113. 134. 158. 168. 172. 178—180. 196. 203—206. 210. 229. 246. 250. 270. 271. 293. 294. 297. 299. 302. 305. 306. 310. 317. 320. 328. 331. 335—338
Грузинские феодалы 6. 204. 303
Грузинский глагол 10. 26. 33. 126. 207. 328
Грузинский народный язык 301. 315. 317. 328. 331
Грузинский пантеон 87
Грузинский университет в Париже 183
Грузинский университет в Тифлисе 183. 228
Грузинский феодальный язык 296. 297. 301. 308. 309. 315. 320
Грузинский язык и диалекты 3. 6—12. 14. 15. 19. 21. 23—37. 39. 41. 43. 44. 47—53. 55—57. 61. 67. 70—74. 76. 81. 84. 87. 100. 112. 126—129. 132. 135. 137. 139. 146. 149. 150. 153. 156. 158. 163—165. 168. 169. 172. 175. 182. 191. 192. 195. 196. 201. 203. 205—207. 209—211. 217. 222—224. 226. 250. 255. 274. 269. 270. 284. 286. 290. 294. 297. 301. 303. 304. 306. 307. 309 310. 315. 319. 323. 324. 326—328. 335. 337. 341. 342. См. также: Древнегрузинский язык. Восточные говоры грузинского языка. Гурийский говор. Джавахский говор. Имерский говор. Ингилойское наречие. Карталинский говор. Кахский говор. Кларджийский говор. Лечхумское наречие. Месхский говор. Мтиульский говор. Пшавский говор. Рачинский говор. Сомхитский говор. Таоский говор. Тушский говор. Хевсурский говор. Южные говоры
Грузинское влияние на чанов 43
Грузинское гражданское письмо 158
Грузинское церковное письмо (хуцури) 180
Группы семитических языков 98
Группы языков 11. 14. 15. 39. 47. 48. 54—56. 66. 70. 98. 102. 108. 109. 117. 127. 134. 139. 174. 198. 200. 209. 225. 227. 265. 275
Губные гласные 326. 341
Губные звуки 86. 208
Губная огласовка 304. 308. 317. 319. 321. 331. 335. 341
Губные согласные 335
Гуманитарные науки и гуманитаристы 92. 123. 156. 222. 232. 245
Гунны 146. 293
Гурийский говор грузинского языка 6. 27. 34. 299
Гурийцы 43. 166
Гурский язык 304
'Давать' 100. 302. 324
Дагестанские племена и народы 70. 72. 75. 146. 214
Дагестанские языки 77. 220. 217. 304
Дальневосточные народы 4. 117. 121
Дальневосточные языки 11. 103. 117. 251
Дальневосточный культурный район 88
Дарвинизм 237
Дарвинова теория происхождения видов 160
Даргинский язык 304

Дательный падеж 34. 43. 81. 263—266. 302. 327
Датировка миграций яфетидов 114
Датчане 68
'Два' 99. 299
Двадцатиричная система исчисления 134. 300
Двойственное число 28
Дворцовая церковь в Ани 61
Двоякость ритма 175
Двухгласные звуки 51
Двурасовая гибридность языка Армении 81
Двухсогласные корни 24. 131. 146
Дебелые согласные 299
'Девушка' 104. 325
Дезаспирация 54
Действительность 239
Действительный залог 36
Действующие лица 98
Деление языков см. Классификация языков
Демотический язык см. Египетский язык
'День' 239
«День басков» 183
Дендрофаги 318. 339
'Дерево' 4. 101. 259
'Держать' 100
Дериваты 140. 142. 143. 146. 265. 266. 334—336
Десибиляция 54
'Десяток' 99. 299. 318
Детерминатив 294. 322. 327—329
'Дети' 98. 112
'Дети неба' 263
'Дети солнца' 263
Детские годы Н. Я. Марра 6—7. 269
Дешифровка египетского письма 247
Дешифровка клинописных языков 4. 10. 26. 53. 76
Дешифровка орхонских надписей 68
Джавахский говор грузинского языка 303
Джеки 302
Джекский язык 304
Диакритические знаки 58. 158
Диалектика языка 308
Диалектологические исследования 193
Диалектическая карта чанского языка 46
Диалектический материализм 289. См. также: Марксизм
Диалектическое мышление 271
Диалектическое развитие 241. 243. 256. 261. 272
Диалекты (наречия, говоры) 39. 41. 43. 45. 46. 54. 55. 70. 275. 287. 306. 310. 316. 325. 330. 340
Диалектология 295
Диахронизм 258
Диахронический разрез языка 211. 301
Дидойские языки 304
Дидойский (цецский) язык 304
«Дикие» народы и племена 160. 260
Диктатура пролетариата 274. 311
Дипломная работа Н. Я. Марра 10. 203. 204
'Дитя' 156. 263. 264. 266. 322. 325
Дифференциация звука 300. 306
Дифференциация языков 43
Диффузные звуки 298
Диффузные представления 265
Длительная форма глагола 323
'До' 100
Доарийские языки Армении 23. 43. 47. 48. См. также: Армянский язык
Доарийский hайский язык 48. См. также: Армянский язык
Догреческий язык эгейского мира 193. 209. 223
Доиндоевропейские языки Средиземноморья 107. 152
Доиндоевропейское население Средиземноморья 107. 224
Доисторические народы Азии 145
Доисторические народы Европы 145. 187. 197. 215
Доисторические языки 12. 158. 193. 211
Доисторический язык Европы 187. 193
Доистория и доисторики 145. 175. 207. 219. 221. 241. 242
Доистория Европы 135
Докторская диссертация Н. Я. Марра 10
'Долг' 100
Долгие гласные звуки 51. 52. 143. 146. 298. 299
Долгота звуков 52. 100. 143. См. также: Долгие гласные
Долгие согласные 298. См. также: Удвоение
Долихоцефалы 117
Дологическое мышление 187. 219
Дорийцы 111
Дохристианские культуры Армении 20
Дравидские племена и народы (дравиды) 113
Дравидические языки 156
Древнеармянская письменность и литература 39. 59. 133
Древнеармянский язык 20. 39. 59. 69. 75. 97. 109. 113. 128. 168. 229. 317. 329. 336–338. См. также: Армянский язык
Древнебританский язык 109
Древневосточный культурный мир 66. 67. 75
Древнегрузинская литература и письменность 21. 39. 59. 183
Древнегрузинский язык 28. 31. 59. 84. 128. 205. 229. 264. 303. 315. 317. 319. 320. 326. 328. 329. 331
Древнекавказские языки 52. 116
Древнекритский язык 108
Древнеперсидский язык 11. 50. 53. 255
Древнерусская литература 133
Древнерусское искусство 17. 19
Древнесирийский язык см. Сирийский язык
Древнеэламский язык 52. 68. 76. 129. 182
Древне языки 8. 12. 20. 27. 57. 75. 97. 205. 208
Древности 11. 17—19. 35. 39. 60. 61. 80. 122. 166. 181. 219
Древности Армении 17
Древности Грузии 17
Древности Кавказа 11. 19. 103. 122. 123. См. также: Древности Армении. Древности Грузии
Древняя история Кавказа 17. 19
Древняя письменность Кавказа 17. 19. 39
Древняя история Малой Азии 177
Древоедное хозяйство 237
'Дуб' 240. 242. 259. 263

'Дух' 238. 239
Духовенство христианское 20. 22
Духовная культура 231. 260. 264
Духовная литература 27. 222. 223
Духовная письменность 39
'Душа' 238. 239. 307. 308
'Дьявол' 38
Евреи 82. 95. 103. 104. 116. 120. 179. 245. 247
Еврейский язык 9. 14. 15. 25. 31. 36—38. 95. 152. 199
Европейская раса 177
Европейская цивилизация 59—60. 67. 84. 88. 93. 171. 178. 245. 247
Европейские классики 269
Европейцы 50. 62. 66. 90—92. 116. 117. 136. 156. 162. 176. 177 182. 221. 222. 245. 247. 251
Европейские языки 69. 109. 129. 130. 135. 146. 150. 151. 155. 156. 162. 173. 176. 193. 199. 202. 203. 243. 247
Европейский гуманизм 92. 270. 271
Европейский культурный мир 88. 89. 92. 136
Евскарский язык см. Баскский язык
Египетская культура 152. 214
Египтяне 24. 126. 133
Египетский язык 23. 24. 199. 214. 247
Египетское письмо 247
Египтология и египтологи 228
Единоязычие 246
Единственное число 31. 33. 99. 237. 264. 297. 300. 325
Единство будущего человечества 13. 216
Единство происхождения всех языков мира 3. 89. 150
Единство происхождения общечеловеческой культуры 91. 92. 236
Единство человеческой речи 12. 13. 214. 216. 220. 274. 279. 285. 311
Единый всеобщий алфавит 181
Енисейско-остяцкий язык 225
Естественная жизнь языков 70. 193
Естественно-психологическое родство народов Кавказа 178
Естественные орудия производства 212
Естественные производительные силы 231. 232. 259. 262
Естествознание (естественные науки) и естественники (натуралисты) 9. 92. 93. 123. 160. 192. 226
Желательная форма глагола 323
'Железо' 104. 115
'Желуди' 240. 263
'Жена' 103
Женский род 36. 265. 297. 300. 307. 325. 326. 339. 341
Женское окончание в семитических языках 28. 31. 35. 36
'Женщина' 103. 265. 266. 313. 319. 325. 326
Жертвоприношение Исаака 61
Жесты 100. 131. 212 217. 238
Живая старина 42. 59. 120
'Живой' 308
Животные звуки 101. 171. 212. 251
Животные передвижения 239. 240
Живые языки и наречия 2. 4. 12. 23. 27. 39. 49. 54. 59. 62. 68. 69. 71. 72. 74. 80—82. 85. 91. 97. 98. 100. 106. 113. 114. 116. 127—130. 135. 136. 139. 150. 152. 163. 170. 176. 185. 199. 200. 203—205. 207. 216. 218. 223. 229. 252. 262. 269. 271. 272. 274. 276. 278. 284. 285. 289. 291. 295. 305. 314. 316. 325. 332. 342
'Жир' 100
'Жрец' 240. 242. 293
Жрецы 20. 74. 140. 260
Заднеязычные согласные 299. См. также: Спирантные согласные
Заимствования и заимствованные слова 20. 31. 37. 38. 42. 44. 53. 55. 73. 81. 103. 133. 151. 155. 174. 175. 193. 202. 223. 226. 287—289
Залог 25. 36
Западная ветвь северо-кавказских языков 304
Западное (спирантное) наречие чанского языка 45—47
Западноевропейские языки 150. 195
Западносредиземноморские языки 159
Западные диалекты сванского языка 306
Западные языки 12. 220. 235
Западный культурный мир 88
'Звать' 257
'Звезда' 101. 213
Звериный стиль 199
Звонкие звуки 58. 319
Звуки речи 24—27. 30. 34. 36—38. 44. 46. 47. 54. 58. 126. 212. 249. 257. 258. 286. 303
Звуковая дифференциация см. Дифференциация звука
Звуковая закономерность 321
Звуковая морфология 280
Звуковая речь 11. 126. 131. 199. 209. 211—213. 216—218. 226. 238. 253. 256—263. 265—268. 276. 280. 286. 290. 306—309. 330. 334. 339. 345
Звуковая система 275
Звуковое оформление речи 280. 286. 306
Звуковой состав языка 58. 97. 151
Звукоподражательные слова 212
Звуковые законы 19. 24. 37. 39. 140. 146. 169. 242. 250
Звуковые комплексы 101. 187. 212. 258. 323. См. также: Элементы лингвистические
Звуковые переходы 54
Звуковые ряды 58
Звуковые сдвиги (Lautverschiebung) 324
Звуковые символы 188. 257. 280
Звуковые соотношения (корреспонденции) 54. 55. 126. 261. 298. 303. 309. 322
Звукоподражания 308
Зейтунский диалект армянского языка 191
Земледелие 294. 308
Земледельческая культура 287
Земледельческое хозяйство 119
'Земля' 101. 104. 259. 265. 266. 300. 318. 322. 326. 327. 333
Значения слов 32. 42. 98—101. 190. 207, 213. 219. 225. 237—239. 261. 263. 265. 267. 299.
Значимость слов см. Семантика
'Золото' 294
Зоология 290
Зороастризм 70
Зрительное восприятие 303
Зрительное осознание предметов 307
Зубные звуки 38. 58. 154
Зугдидский говор мегрельского языка 303

Иберидская раса см. Средиземноморская раса
Иберийские надписи 108
Иберо-ионы см. Греки
Иберские языки 292
Иберы 293. 294. 316. 322. См. Иверы
Иберский язык 304
Иверийская группа языков см. Картвельская группа языков
Иверо-ионский язык см. Греческий язык
Иверионы см. Греки
Иверская группа яфетических языков 23. 30. 35. 38
Иверский 41
Иверы 23. 109. 111—118. 130. 141. 153—156. 166. 169. 188. 207. 229
Иверский язык 27. 39. 41. 47. 67. 109. 118. 136. 152. 153. 162. 165. 166. 169. 187. 188. 207
Игры 117
Идеализм и идеалисты 200. 260. 276. 284. 307
Идеализация 237
Идеалистическое мировоззрение 277
Идеалистическое учение о языке 275
Идеограммы 58. 76
Идеографическо-силлабическое письмо 291
Идеографическое письмо 291
Идеология 179. 192. 204. 225. 227. 228. 232
Идеологическая значимость звуков речи 275
Идеологическая сторона языка см. Смысловая сторона языка
Идеологическая техника см. Техника мышления
Идеологический фронт 277. 281
Идеологическое восприятие языковой структуры 278
Идеология слов 298
Идеология языка 280. 281
Идо 216
Иеговистическая часть библии 120
Иереи 91
Иероглифы 199
Избыток 100
Изображения руки 238
Изобразительная речь 131
Изобразительный язык 217
Изолированность языка 243
Изолированность баскского языка 108. 207
Изолированность грузинского языка 3. 11. 128
Изолированность кавказских языков 3. 200. 207
Изолированность китайского языка 11. 242
Изолированные племена 207
Изучение восточных областей России 18
Изучение диалектов 193
Изучение древней истории Востока 157
Изучение Кавказа 11. 18. 65. 66. 122. 178
Изучение народов 92. 236. 245. 271
Изучение нацменов 234—236
Изучение памятников материальной культуры 94. 241
Изучение языков 11. 12. 19. 26. 27. 39. 40. 48. 49. 52. 59. 64. 66. 71. 72. 77. 92. 93. 97. 98. 108. 130. 137. 150. 155—158. 160. 161. 163. 176. 181. 182. 198. 201. 210. 215. 218. 227. 234. 241. 252. 256. 257. 262. 268. 270. 271
Имена 25. 34. 42. 44. 45. 74. 76. 131—133. 209. 291. 297. 298. 301. 319. 323. 325
Имена действующих лиц 25. 98. 187
Имена прилагательные 42. 45. 213. 265. 297. 300. 308. 320. 323. 331
Имена существительные 42. 45. 100. 109. 144. 300. 320. 342
Именительный падеж 25. 140. 207. 264. 297. 327. 331
Именная форма корня 24
Имерский говор грузинского языка 27. 303
'Иметь' 100
Иммиграция 36. 43
Империализм 286
Империалистическая война 12. 66. 206. 272
Имперфект (или претерит) 323
Имя действия 327. 335. 342
Имя состояния 327
Ингилойское наречие грузинского языка 55. 303
Ингилойцы 305
Ингуши 65. 72
Ингушский язык 57. 67. 206. 210. 304
Индейские языки Америки см. Американские языки
Индогерманизация Греции и Италии 168
Индогерманская проблема 168
Индогерманская система языков см. Индоевропейская семья языков
Индогерманские языки см. индоевропейские языки
Индейцы Чироки 260
Индоевропеизация 121. 173. 212
Индоевропеизм 93. 105. 134. 177. 179. 185. 193. 340. 345
Индоевропеизмы хеттского языка 81. 151. 194
Индоевропейская раса 92. 94. 171. 177
Индоевропейцы 23. 67. 75. 83. 92—94. 105—107. 109. 111. 113. 115. 118. 121. 130. 135. 138. 147. 151. 165—167. 171—173. 177. 178. 193. 196. 207. 208. 210. 279. 293. 310
Индоевропейский лингвистический мир 96. 193. 201
Индоевропейский праязык 94. 150. 192. 213. 218. 250. 256. См также: Праязык
Индоевропейская (прометеидская) система (семья) языков 14. 19. 23. 51. 66. 92. 95. 97. 185. 193. 200. 201. 209. 256. 258. 286. 300. 302. 305. 309. 312. 316. 317. 322—324 340.
Индоевропейские (прометеидские) языки 2—4. 15. 19. 23. 27. 40. 52. 56. 69. 92. 94. 97. 106. 108. 109. 123. 130. 141. 150—152. 159—163. 167. 173. 176. 185—189. 193. 194. 196. 201—203. 209. 211—213. 218. 225. 255. 256. 285. 286. 291. 295. 306. 313. 334
Индоевропейские элементы в армянском языке 19. 27. 36. 40. 53. 68. 106. 113.
«Индоевропейский» 291. 312
Индоевропейский слой курдского языка 106
Индоевропейское искусство 95
Индоевропейское языкознание и индоевропеисты 2. 4. 5. 11. 19. 40. 92. 96. 106. 149. 150. 155. 156. 160—163. 165. 174. 189. 190. 192—195. 201—203. 208. 210—214. 219—221. 223. 228. 229. 241. 246. 248. 250—253. 255—259. 266. 267. 272. 278—280. 284—287. 290. 291. 306. 310. 314. 326. 327. 330. 342. 344. См. также: Академическая наука

«Инородцы» 215
«Инородческие» языки 270. 286
Инстинкт 176
Институт археологической технологии 123
Институт живых восточных языков в Ленинграде 149. 158. 222
Институт по изучению этнических и национальных культур народов Востока СССР (в Москве) 5. 283. 284
Институт исторического краеведения 314
Институт языка 181
Интеллигенция 63. 204
Интонация 299
Инфиксы 27
Ионобаски см. Армяне
Ионский язык 170, 304
Ионы 105. 114. 115. 132. 154. 173. 207. 225. 293
Ионское царство 206
Ионяне 105. 107. 111. 114. 118. 135. 146
Иотированные согласные 298
Ипарский говор сванского языка 304
Иранизация скифов 173. 174
Иранизм 87
Иранизмы 133
Ирановедение и ирановеды 2. 150. 227. 286. 292—293. 310
Иранская культура в Армении 20. 22
Иранские страны 193
Иранский мир 133
Иранцы 87. 102. 173. 252. 310
Иранские языки 92. 106. 130. 150. 173. 193. 208. 217. 223. 285. 286. 305. 310. 332. 342. 343
Ирландцы 215. 247. 252
Ирландский язык 327
Ироны 77. 328
Иррациональные звуки 52
'Искра' 101. 120
Искусственные орудия производства 212
Искусственные языки 70. 176. 216
Искусство 17. 19. 60. 95. 107. 110. 127. 161. 171. 177. 179. 182. 192. 199. 233. 234. 289. 319. 321
Ислам 60
Испанцы 6. 91. 207. 303
Испанский язык 109. 143. 162. 164. 165. 169. 177. 183. 200. 217. 288. 305
Испанское правительство 91
Исследование (исследовательская работа, изыскания) и исследователи 2. 4. 5. 11. 12. 16. 17. 19. 20. 23. 26. 39. 40. 42. 45. 49—51. 53. 59—64. 66. 69. 70. 72. 79. 80. 88. 91. 95. 97. 100. 107—109. 117. 122. 123. 127—130. 135—138. 145. 147. 149—151. 154—156. 159—167. 169. 170. 173. 174. 176. 178. 180—184. 190. 192. 196. 198. 201—203. 205. 211. 213. 217—220. 225—228. 232. 235. 236. 241. 245. 246. 248. 250—252. 257. 258. 261. 262. 268. 271. 272. 285. 286
Исследовательско-собирательная работа 205—207
'Истина' 246
Историко-филологический факультет Петербургского университета 270
Историческая грамматика грузинского языка 24. 70. 71
Историческая грамматика яфетических языков 52. 53
«Историческая» орфография (графика) 327
Исторические дисциплины 60
Исторические источники 59. 91. 119. 204
Исторические народы 86. 129. 151. 171. 200. 219. 245
Исторические теории и учения 179
Исторический материализм 267. См. также: Марксизм
История и историки 19. 59. 60. 86. 87. 138. 145. 161. 163. 195. 204. 208. 220. 221. 228. 244. 292. 293
История Армении 17. 19. 20. 271—272
История басков 91
История Грузии 17. 221. 271. 272
История древнеармянской литературы 19. 20
История древнерусского искусства 17
История Европы и историки Европы 91. 245. 251
История Кавказа 62. 65. 71. 77. 85. 86. 251
История кавказской культуры 61
История литературы и историки литературы 220. 271
История материальной культуры 2 3. 11. 12. 115. 118. 123. 156. 219. 231. 233. 236. 247. 253. 262. 267. 271. 278. 280. 288. 312. 314. 315. 321. 338
История общественности 3. 11. 12. 262
История общественных форм см. История общественности
История Рима 138
История России 17. 71. 244
История христианской церкви 59
История цивилизации 178. 201
История человечества 17. 78. 228. 236. 246
История языка 64. 132. 172. 219. 236. 258. 280
История языкознания 66
История яфетических языков 97
Истребление ирландцев 215
Истребление языков 90. 91
Исчезновение звуков 146
Исчисление первобытное 99
Исходный падеж 327
Италский язык 188
Италы см. Салы
Итальянская культура 184
Итальянцы 182
Итальянский язык 8. 166. 170. 217. 269
Кабардинский язык 304
Кабардинцы 305
Кавказоведение и кавказоведы 9. 59. 60. 64. 65. 68. 78—80. 84. 85. 87. 106. 129. 134. 137. 149. 153. 205. 214. 250. 271
Кавказская культура 61. 62. 60. 78. 86. 103. 228
Кавказская литература 11. 65
Кавказская среда 96
Кавказские горцы 65. 66. 70. 71. 78. 210
Кавказцы 10. 11. 17. 18. 59. 60. 64. 65. 69. 70. 77. 82. 84. 86. 87. 105. 112. 113. 115. 134. 150—152. 158. 163. 168. 178—180. 198. 201. 208—210. 215. 240
Кавказские языки и наречия 3. 4. 10—12. 14. 15. 50—53. 63. 66—68. 70. 77. 79. 80. 82. 84. 85. 96. 107—109. 116. 126—130. 135.

148. 151. 153. 155. 159. 163—165. 167—170. 180. 182—184. 195. 199—201. 203. 205—207. 209. 217. 222. 228. 249. 255. 256. 270. 272. 289. 292
Кавказский мир 60. 65. 84. 102. 105. 110. 121. 129
Кавказский разряд факультета восточных языков Петербургского университета 9
Кавказский учебный округ 10. 93
Кавказское языковедение 52
Кадры научных работников 4. 13. 18. 60. 65. 145. 234
Казахский говор армянского языка 296
Казикумукский язык см. Лахский язык
Камень 336
Календарь 220.
Каменный век 312. 313
Капучинский (бешитль) язык 304
Каратинский язык 304
Карачаевцы 77. 305
Карачайско-балкарский язык 210
Карельский язык 310
Карийцы 111. 116
Карталинский говор грузинского языка 27. 303
Картвелы 112. См. также: Грузины
Картвельская группа языков 23
Картины 234
Карто-иверо-сванские народы 23
Карто-иверский язык 32
Картская (свистящая) группа яфетических языков 23. 70. 104. 108. 112. 228—229. 143. 175. 209. 210. 304. 305. 309. 310
Карты 43
Картский язык 27. 39. 43. 44. 46—48. 52. 54—57. 67
Каршуни см. Сирийское письмо
Кастильский язык 91
Кафедра армяно-грузинская факультета восточных языков Петербургского университета 10. 270
Кахский говор грузинского языка 303
Кашд-мосохская группа яфетических языков 47
Квандийский (багулальский) язык 304
Кельтология и кельтологи 136. 191. 193
Кельтская культура 123
Кельты 118. 193. 252
Кельтские языки 123. 134. 142. 173. 191. 193. 310. 313. 316
Керченский музей 233
Киликийское армянское царство 110
Кимеро-скифская культура 245
Кимерский язык 187. 218. 239. 242. 243. 292
Кимеризмы 242. 294
Кимерийцы 239. 242. 293, 294. 322. 326
Кинетическая речь см. Линейный язык
Киномиметические слова 308
Кистинский язык см. Чеченский язык
Китайская культура 243
Китайцы 90
Китайский язык 4. 11. 89. 90. 200—201. 225. 242—244
Клан 131
Кларджийский говор грузинского языка 303
Класс-род 266
Классики литературы 8. 270
Классификация языков 73. 87. 93. 199. 207. 290. 302—306. 309. 315
Классическая филология и филологи-классики 150. 162. 202. 245. 269
Классические языки 81. 193. 205. 255
Классицизм 8
Классовая борьба 256. 259. 272. 281
Классовая общественность 262
Классовая организация 225
Классовая установка в исследовательской работе 285. 236
Классовое мировоззрение 213
Классовость звуковой речи 262
Классовые языки 39. 229. 257—259. 275. 301. 317. 345. См. также: Буржуазный язык. Феодальный язык
Классы (грамм.) 224
Классы общественные 20. 39. 90. 138. 147. 177. 194. 229. 234. 235. 238. 241. 248. 263. 303. 305. 306. 328
Клинообразные надписи 19. 20. 23. 26. 40. 48. 50—53. 56. 58. 68. 76. 105. 152. 159. 206. 251
Клинописное письмо 243
Клинописные памятники 57. 68. 76. 160. 219. 243
Клинописные языки 4. 19. 20. 23. 26. 40. 56. 57. 79. 81. 97. 116. 129. 137. 159. 183. 203. 206. 223. 243
Княжеский армянский язык 39
Княжеское наречие сванского языка 47
'Князь' 100
Кобулетцы 43
Коґнатическое право 138
'Козел' 259
'Колдовство' 101
Коллективная песня 212
Коллективная работа 123. 181. 227. 233
Коллективное восприятие 299. 304
Коллективное мышление 297. 300. 311
Колониальная политика 222
Колониальные языки 278. 286
Колонизационное движение греков 105
Колонии 160
Колонии армянские 20
Колыбель и очаг европейской цивилизации 50. 60. 82. 88
Комийская письменность 283
Коми (зыряне) 250. 283
Комийский язык (коми) 250. 283
Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР 229. 230. См. также: Институт по изучению этнических и национальных культур народов Востока СССР
«Компаративизм» 278. 279
Комплексный метод 232. 268
Коневодство 115
'Конец' 213
Конструкция (синт.) 35
Конференция археологов СССР в Керчи 233. 234. 248
Коптский язык 23. 24. 199
Коренные звуки 24. 30. 33. 34. 38. 143. 146
Корнеслов грузинского языка 15. 24

Корни 24. 25. 27—30. 32—38. 44. 47. 104. 126. 139. 140. 155. 166. 167. 169. 170. 201. 323—325. 327. 340
'Корова' 259
Косвенные падежи 207. 263. 264. 266. 301. 335
Косвенный объект 264
Космическое мировоззрение 213. 243. 259. 266. 286. 295. 307. 318. 320. 323 334
Кочевая пастушеская жизнь 238
Краеведение и краеведы 214. 231. 232. 234—236. 248
Краеведческие изыскания 314
Краеведческие организации 234. 281. 314
Краеведческий съезд в Махач-Кала 197. 198. 214
Краеведческое движение 314
Короткие гласные звуки 51
Краткость звуков 52. 100. См. также: Краткие гласные
'Крепкий' 265
Крестьянство и крестьяне 63. 194. 232. 234—236
Кризис индоевропейской лингвистики 192. 197
Критский язык 116. 291
Кровное родство народов 110. 280. 328—330
Кровосмешение 118
'Кровь' 308
Круг 265
Крызы 302
Крызский язык 304
Кувада 118
Кузня 74
'Кулак' 92. 299
Культ 59. 60. 63. 74. 78. 117. 118. 151. 185. 293 317. 326
Культовое значение руки 238
Культовые деревья 240. 242
Культовые животные 118
Культовые названия 320
Культовые предметы 307. 327. 332. 335. 342
Культовые представления 333
Культура Востока 11. 20
Культура Запада 11
Культурная жизнь Армении 16—19. 21. 22
Культурная жизнь Грузии 18. 204. 229
Культурная жизнь Кавказа 65. 86
Культурная история Кавказа 11. 61
Культурная революция 273. 282
Культурное строительство 312. 314
Культурное строительство Грузии 179
Культурное строительство мировое 88. 91
Культурно-отсталые народы 4. 177. 215. 236. 263. 281. 282. 287
Культурные народы 58. 62. 86. 130. 160. 162. 164. 173. 247
Культурные слои 239
Культурные страны 60. 194. 244
Культурные языки 11. 27. 128. 159. 162. 163. 174. 206. 217. 234. 251. 255
Культуротворчество мировое 92. 94. 97. 98. 102
Культурный фронт 276. 282. 287. 346
Кунеологи см. Ассириология и ассириологи
Курганы 292
Курдский язык 106. 286. 342
Курды 23. 106. 204
Курсы Н. Я. Марра по общему языкознанию 3. 195. 227
Кутаисская гимназия 7—9. 269
Кушитский язык 23
Кюринский язык 304
Лабиализованные согласные 298
Лабиальная огласовка см. Губная огласовка
Лабурдинское наречие баскского языка 288
Лазский язык см. Чанский язык
Лазы см. Чаны
Лакский язык (кази-кумукский) 67. 168. 170. 304
Ласги 110
Ласкательные слова 187. 322
Латинисты 7
Латеральные согласные 297
Латинская культура 178
Латинские буквы 181
Латинские народы и племена 240
Латинский мир 120
Латинские языки 130
Латинский язык (латынь) 7—9. 81. 106. 107. 118. 130. 141—143. 157. 166. 170. 173. 200. 202. 237. 243. 246. 251. 255. 269. 286. 313
Лахамульский говор сванского языка 304
Лашхский говор сванского языка 304
'Лев' 240. 313
Легенды 10. 21. 74. 104. 151. 152. 154. 178. 204. 213. 239. 254. 312
Лезгинская среда 305
Лезгинские языки 67. 101. 170. 201. 209. 210. 304
Лезгины 77. 110. 303
Лейпцигский университет 166. 314
Лексикография и лексикографы 73
Лексический (словарный) материал 12. 15. 43. 47. 56. 58. 113. 173. 187. 222. 316. 322. 330. 337
Лекции Н. Я. Марра 59, 226. 248. 250
Лелеги 111
Лемносская надпись 111
Лентехский говор сванского языка 304. 305
Лесбийский язык 292
Лесги см. Ласги
Летописи и летописцы 179. 243. 244
Лечхумское наречие грузинского языка 303
Лидийцы 214
Ливанский сирийский язык 29
Лигурийский язык 136. 141. 145. 166. 170. 239. 304
Лигуро-иберская группа языков 143
Лигуры 138. 141. 143. 147. 153. 166. 293. 316
Лидийский язык 108. 135. 170. 203. 208. 292
Ликийский язык 116
Ликийцы 116
Лингвистика см. Языкознание
Лингвистическая литература 9. 38. 56. 142
Лингвистическая терминология 39. 47. 86. 199. 258. 290. 291. 295. 302. 321
Лингвистические деления человечества 92
Лингвистические кампании 71. 72
Лингвистический анализ 40. 62. 97
Линейный символ 280
Линейно-образная письменность 259
Линейные движения 212
Линейные кинетические символы 257

Линейный язык 217. 238. 257. 259. 280. 299. 303. 309
'Лиса' 240
Литература 9. 11. 17—22. 27. 39. 42. 59. 70. 71. 127. 129. 179. 181. 192. 215. 289. 292
Литература Кавказа см. Кавказская литература
Литературные источники 119
Литературные сюжеты 10. 199. 203. 204. 219. 227
Литературные языки 21. 39. 58. 59. 70. 97. 109. 113. 128. 193. 203. 205. 229. 264. 273. 275. 285. 292. 296. 317
Литургическая поэзия 239
Лица (грамм.) 51. 131. 237. 297. 324. 327
Личные местоимения 99. 131. 237. 297. 300. 327. 342
'Лоб' 99
'Ловить' 100
Логический субъект 266. 301
Локатив 144
'Лошадь' 4. 239. 240. 259. 263. 313. 314. 318
'Луна' 112. 321. 337
Любители в науке 66. 84. 190. 201. 203
Магистерская диссертация Н. Я. Марра 16. 22. 204
Магистерский диспут Н. Я. Марра 16
Магистерский экзамен Н. Я. Марра 10
Магическая речь 259
Магическая сила 238
Магические выражения 259
Магическое мировоззрение 307
Магическое мышление 339
Магия и маги 74. 259. 260. 293. 320
Маджары 174
Мадленская эпоха 238
Мадонна 151
Майстийский язык 304
Малоазийская культура 161. 218
Малоазийские народы 116. 163. 177
Малоазийские языки 81. 121. 159. 162. 170. 182. 202. 203. 291
Мандейский язык 29. 30. 36. 205
'Манить' 257
Марийская экспедиция 284
Мари (черемисы) 187. 215
Мари горные 215
Мари луговые 215
Марийский (черемисский) язык 284
Марийское научное общество краеведения 282
Марксизм и марксисты 3. 199. 249. 267. 268. 272. 278. 281. 285. 290
Марксистский метод 268. 272. 274. 276. 281. 290. 344
Масдар 44. 45
Массовая речь 275. 276. 286. 287. 301. 305
Материализм и материалисты 220
Материалистические взгляды 18
Материалистический метод 268
Материалистическая диалектика см. Диалектический материализм
Материальная база 275. 288. 301. 302. 307. 311. 312. 334. 339. 345
Материальная культура 2. 3. 11. 12. 104. 116. 118—120. 122. 124. 204. 219. 225. 231. 233. 243. 259. 264. 265. 276. 278. 281. 283. 289. 292. 315. 316. 330. 336. 341. 345. См. также: История материальной культуры. Памятники материальной культуры
Материальное родство языков см. Родство языков
Материальные силы 241
Матриархат 109. 118. 130. 132. 138. 151. 265. 300. 313. 317. 319. 325. 326. 330
'Мать' 98. 188. 265—267. 325
Мегрело-чанская группа языков 39. 55. 143. 169. 174. 305. 317
Мегрело-чанский язык 151. 164. 182
Мегрельский язык и диалекты 14. 27. 39—41. 43. 44. 46. 47. 52. 54. 55. 56. 67. 69—71. 73. 109. 127. 139. 142. 143. 168. 183. 201. 205. 209. 210. 217. 223. 303. 304. 306. 309. 321. 323. 335. 338. 342
Мегрелы 7. 41. 43. 60. 73. 134. 139. 155. 331. 338. 340
Медицина 9
Медный век 115
'Медь' 105. 112. 113
Международные языки 176. 216. 220
Международный яфетический институт 181. 182
Мертвые народы 214. 236
Мертвые языки 2. 4. 7. 12. 23. 68. 75. 80—82. 85. 91. 93. 106. 128—130. 135. 162. 170. 176. 185. 199. 200. 203. 211. 216. 222. 223. 229. 239. 251. 272. 275. 291. 292. 295
Месопотамская культура 172. 218
Мессианство 269
Местийский говор сванского языка 304
Местный падеж 297
Местоименно-флективный строй языков 209. 325
Местоименные частицы 209. 304
Местоимения 4. 30. 34. 45. 76. 99. 109. 115. 132. 237. 296—301. 304—306. 319. 327. 339
Местоименные аффиксы 81
Местоименные префиксы 46. 81
Месехи см. Месхи
Месхи 23. 124. 168. 169. 179. 224. 229
Месхский язык 47. 69. 146
Месхский говор грузинского языка 303
'Месяц' 112
Металлургическая культура 118. 119. 312
Металлургический вопрос в археологии 103. 122. 123
Металлургия 294. 295. 312
Метатеза 155
Метисация 90
Метисованные языки см. Скрещенные языки
Метисы см. Скрещенные племена
Метод 2. 68. 86. 92. 93. 117. 123. 138. 160. 161. 176. 190. 191. 195. 211. 219. 221. 224. 227. 228. 232. 235. 241. 246—248. 254. 255. 262. 267. 268. 270—272. 274—278
Методика индоевропейского языкознания 5. 92. 93. 156. 221. 250. 278. 286. 303. 309
Метрическая система 220
Мешаные яфетические племена и народы (мешаные яфетиды) 67
Мешаные народы 67. 214. См. также: Скрещенные племена

Миграции (переселения) народов 67. 68. 75. 102. 106. 107. 110—114. 117—119. 224. 225. 251. 288. 293. 294. 305
Мидийские клинообразные надписи см. Эламские клинообразные надписи
Мидийцы 310
Мидийский язык 26. 50. 58. 343
Микенская эпоха 118
Милетские колонисты 242
'Милость' 100
Мимика 100. 131. 212. 217. 238. 257
Мимация 25
Минейские формы местоимения 30
Мингрелы см. Мегрелы.
Мировая культура 88 116. 121. 123. 128. 171. 180. 181. 200.
Мировое хозяйство 218. 221
Мировоззрение 2. 20. 91. 92. 100. 145. 153. 154. 187. 201. 204. 213. 228. 238. 241. 245. 246. 259. 263—266. 269. 270. 272. 275. 278. 283. 288. 296. 305. 306. 307. 315. 325. 332. 334. 336. 337. 341. 342
Мировые языки 216
Миссионеры 4. 60. 286
Мифы и мифология 74. 82. 87. 103. 104. 123. 199. 203. 227. 239. 240. 312. 326. 337. 339
Многоязычность 4. 78. 180. 216
Многоязычные районы 4. 180
Множественное число 28. 31. 36. 40. 47. 48. 56. 75. 76. 99. 131. 139. 140. 142. 145. 146. 154. 155. 174. 187. 264. 297. 300. 301. 319. 325. 329. 330
'Могущественный' 100
'Мокрый' 265
Монголоведение и монголисты 150. 227
Монголы 113. 119
Монгольские языки 96. 108. 200.
Монистическое построение учения о языке 3. 236
Моносемантический тип речи 307
Моносиллабические языки 4. 89
Мордовцы 240. 340
Мордовский язык 240. 310
'Море' 265. 333
Мореходы 73. 243
Морфологические законы 190
Морфология 24. 25. 56. 62. 98. 101. 107. 126. 130. 138. 140. 142. 143. 145. 151. 154. 155. 189—191. 257. 263. 264. 279. 295. 296. 299. 303. 304. 316. 323
Морфология общественного строя 98
Морфо-фонационная жизнь языка 36
Мосохи см. Месхи
Мошохи см. Месхи
Мошохский язык 146
'Мощь' 100
Мтиульский говор грузинского языка 52
'Мудрость' 120
'Муж' 172
Мужской род 266. 307. 325. 326. 339
Музеи 17. 91. 147. 232—234. 281. 283. 314
Музейно-краеведческая работа 234. 247
Мулахский говор сванского языка 304
Мусульманская религия см. Ислам
Мусульманская литература 134
Мусульманский мир 22
Мушки 113. 143. 155
Мхитаристы 110
Мысль 90. 131. 218. 258. 259
'Мысль' 101. 120
Мышление 65. 92. 95. 100. 125. 187. 191. 196. 202. 215. 221. 222. 231. 243. 257. 258. 271. 280. 283. 288. 303. 306. 307. 309. 312. 318. 322. 323. 324. 326. 332. 334. 335
Набатейские надписи 205
Набатейский язык 205
Наблюдения лингвистические 3. 4. 9. 72. 80. 107. 108. 116. 117. 150. 191. 207. 225
Надписи 19. 20. 23. 25. 26. 40. 50. 68. 76. 80. 135. 139. 152. 160. 162. 182. 205. 208. 245
Надстроечный мир 256. 260. 268
Надстроечная культура 259. 264. См. также: Духовная культура
Названия см. Термины
Наклонения 43. 44
Направительный падеж 34. 304
Наречия (грамм.), 69. 297
Наречия (языков) см. Диалекты
Нарицательное имя 313. 320. 333. 335
Народная поэзия 193
Народная словесность см. Устная литература
Народные сказания 4. 18
Народные традиции 134
Народные языки 286. 296. 300. См. также: Армянский народный язык. Грузинский народный язык
Народы Кавказа см. Кавказцы
Народы Востока Азии 234
Народы Малой Азии см. Малоазийские народы
Народы Передней Азии 92. 117. 173. 172. 177. 197. 200
Народы и племена России 17
Народ свайных построек в Италии 138
Народы Северной Азии 234
Народы Средней Азии 92
Население 4. 11. 20. 22. 36. 39. 43
Население Азии 145. 234. 247
Население Альп 170
Население Америки см. Первоначальное население Америки
Население Апеннинского полуострова 107
Население Восточной Европы 200
Население восточного побережья Черного моря 239
Население Греции 111. 209
Население Дальнего Востока см. Дальневосточные народы
Население Европы 129. 130. 145. 167. 172. 193. 197. 203
Население Западной Европы 4. 88. 141. 200. 215. 239
Население Иберии 108
Население Кавказа 11. 20. 65. 82. 87. 91. 96. 105. 113. 210. 215. См. также Кавказцы
Население Лемноса 111
Население Месопотамии 152. 243. 244
Население Палестины 120
Население Прикаспийского бассейна 110
Население России 87. 95. 161
Население Северной Африки 152. 153. 197
Население Северной Европы 119. 167. 177

Население Средиземноморья 4. 71. 83. 88. 94. 106. 108. 116. 117. 119. 120. 126. 136. 177. 197. 212. 244.
Население Средней Азии см. Среднеазиатское население
Население Средней Европы 167
Наследственность 176
Наследство 329
Наслоение окончаний 47. 48
Настоящее время (глаг.) 44. 51. 323. 324
Наука 4. 11. 14. 17—19. 23. 65. 84. 95. 108. 111. 119. 137. 145. 159. 161. 165. 167. 182. 184. 190. 192. 195. 196. 198. 199. 201. 203. 215—217. 221. 232—237. 241. 245—248. 276. 283. 286. 314. 315
Наука о культуре человечества 201
Наука о человеке 247. См. также: Антропология
Наука о языке см. Языкознание
Научная литература 87. 94. 122. 142. 200. 214. 227. 229. См. также: Лингвистическая литература
Научная среда (академическая) 10. 95. 222. 255. См. также: Академический мир
Научная техника 87. 107. 161. 211. 216. 219. 227. 246. 257. 258
Научное мышление 65. 87. 100. 232. 233. 247
Научно-исследовательские учреждения и организации 79. 80. 122. 124. 137. 232. 248. 250. 256. 301. 345
Научное производство 232
Научные общества 17. 93. 166. 250. 256
Научные органы 17. 137. 177. 182. 195. 227
Научные предрассудки и предвзятость 16. 17. 100. 152. 193. 195. 204. 252. 274
Научные работники 2—4. 16—20. 23. 66. 85. 100. 122. 161. 192. 246. 250. 252. См. также: Ученые (специалисты)
Научная школа 10. 27. 40. 50. 51. 65. 72. 95. 106. 132. 149. 184. 190. 192. 194. 195. 201. 219. 223. 226—229. 231. 236. 241. 249. 252. 269
Научный язык 233
Нахча-чеченские племена 75
Нахчайский язык (чеченский) 67. 206. 210. 304
Национализм и националисты 1. 4. 20. 22. 195. 204. 271. 273
Националистическая среда 2
Национальная борьба 305
Национальная культура 16. 64. 179. 204. 236. 247. 282. 283. 311
Национальная письменность 59
Национальная среда 2. 9
Национальное меньшинство и национальные меньшинства 231. 234—236. 247. 276. 302
Национальное самосознание 178. 215. 216
Национально-загнанные народы 4. 5. 215
Национальные предрассудки 274
Национальное течение в древне-армянской литературе 20—22
Национальные языки 11
Национальные движения 9. 192
Национальные интересы 65. 219
Национальный вопрос 236. 273
Национальный язык 273—275. 316
Нацменовские языки 286
Нация 86. 95. 181. 221. 235—237. 246. 247. 263. 267. 287. 291. 293. 294. 315. 317. 345. 346
'Начало' 213
Нёбная огласовка 319. 320. 326. 328. 331. 332. 337. 341
Небнозубные звуки 24
'Небо' 101. 104. 213. 239. 240. 259. 263—267. 294. 298. 300. 307. 318. 321. 322. 326. 327. 333. 334. 337
Недифференцированность первичных звуков 101
Неизменяемые частицы 299
Немцы 66. 167. 318—320. 322. 326. 328. 331. 333. 335. 336. 339. 340. 346
Немецкий язык 8. 133. 142. 167. 224. 269. 296. 312. 313. 316—318. 320—328. 332—333. 337. 338. 340—342. 344. 345
Немецкое востоковедение 205
«Неодушевленные» предметы 307
Неолит 116. 145. 171. 238. 244
Неолитическая раса см. Средиземноморская раса
Неопределенное наклонение 44
«Неправильности» и «искажения» 204. 205
Несмешанность крови 241
Нижненаваррское наречие баскского языка 288. 304
Нижненемецкие говоры немецкого языка 325
Нижнесванские говоры сванского языка 304
'Низ' 265
'Низкий' 265
Нисхождение звуков 54
Новоармянский язык 39. 69
Новогреческий язык 106. 107
Новоперсидский язык 53. 285. 332
Новосирийский язык 34
Новоэламский язык 58. 68. 76. 223. 291
Новые языки 9. 159. 166. 193
'Нога' 99
Норвежцы 68
'Нос' 99
Носовые звуки 86. 298. 299
Нахадский (хунзахский) язык 304
Ноэтическая семья языков 23. 53. 127
Ноэтический праязык 127
Нравы 156. 267
Нубийский язык 23
Нунация 25
Объективные префиксы 27
Объективный падеж 81. 263. 264. 295
Обиходная речь 155. 233. 259
'Облака' 213. 322
Обмен идей 60
Обмен товаров 60
Обновление литературного армянского языка 21
Обострение звуков 54
Образное мышление 280
Образование глагольных форм 34. 43. 46. 151
Образование множественного числа 75. 98. 150
Образование падежей 265. 266
Образование слов 126. 201
Образовательные префиксы причастий 25
Образы 212. 213. 257. 263. 265. 298. 319. 334. 335
Обучение письму 264
Общее языкознание см. Языкознание

Общественная жизнь 134. 156. 158. 176. 180. 190. 192. 211. 260
Общественная мысль 9
Общественная работа 212
Общественная надстройка 279. 290. 297. 301. 303. 307. 308. 334. 338. 345
Общественная реакция 192
Общественная среда 233. 238
Общественное значение исторических учений 179
Общественное сознание 176. 179
Общественно-материалистическая постановка науки об языке 2
Общественно-научные движения 232
Общественно-производительные силы 231
Общественность 3. 4. 11. 13. 88—90. 92. 93. 96. 115. 119. 123. 125. 126. 130—132. 134. 154. 185. 199. 204. 209. 211. 213—219. 222. 225. 231—232. 236. 238. 240. 241. 243. 246. 248. 249. 251. 254. 262. 262. 266. 269. 270. 271
Общественные деятели 232
Общественные законы 189. 190
Общественные идеи 190. 192. 218. См. также: Идеология
Общественные ценности 176
Общественный строй 132. 187. 189. 190. 236. 237. 241. 242. 259. 263. 265. 306. 314. 332. 342
Общество 262. См. также Общественный строй. Общественность
Обществоведение и обществоведы 2. 160. 231. 259. 268
Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа 59
Общие языки 59. 70. 132. 285
Общины 260
Общность терминов 4
Объект (синт.) 266. 295. 296. 300. См. также: Косвенный объект. Прямой объект
Обычаи 41. 156
Обычное право 86. 193. 314
Овсы см. Осетины
'Овца' 259
Огласовка 32. 33. 37. 38. 55. 134. 139. 140. 155. 308. 323. 324. 327. 328. 330. 335. 338. 340. 341
'Огонь' 265. 266
'Одевать' 100
'Одеваться' 100
'Один' 99. 299. 328
«Одушевленные» предметы 307
Озвончения 338. 339
Озургетское уездное училище 7
Окание 188
Окончания слов 25. 28. 31. 35. 36. 42. 47. 48. 76. 81. 98. 111. 142. 155. 201. 243. 263. 301. 320. 342
Октябрьская революция 4. 232. 246. 247. 271. 283
'Олень' 239. 240. 259. 263
Онцукульский говор аварского языка 208
'Опора' 100
Определение (синт.) 296. 317. 328
Определитель (синт.) 35
Определительное отношение 98
Определительный член 76. 297. 300. 325. 326
Определяемое 35. 296. 300. 317
Оракул 295
Организация коллективной работы 13. 50
Организация труда 314. 346
Органическое образование форм см. Флективная система языка
'Орел' 240. 259
Ориенталисты см. Востоковедение и востоковеды
Орнамент 116. 118
Орудие 297
Орудивный падеж 297. 327
Орудия производства 238. 257. 264. 307. 308. 331. 332. 334. 336
Орфография 21. 25
Орхонские надписи 68
Освобождение Грузии 9
Оседлый быт 326
Осетинская общественность 251
Осетинский язык 4. 123. 210. 223. 228. 286. 306
Осетины 77. 210. 205. 328
Османлисы 73. См. также: Турки
Основа 31. 36. 47. 63. 139—143. 146. 147. 193. 242. 243. 300. 319. 324. 325. 327. 331. 336. 340
Основные формы причастия 25
'Острие' 213
Отглагольные имена 33. 44
'Отец' 98. 132. 188. 328
Открытие Америки 88
Открытие металлов 185. 212
Отложения лингвистические 37. 90. 101. 130. 134. 136. 153. 187. 208
Относительное спряжение 191
Относительные местоимения 342
«Отприродные» народы 247
Отупение звуков 54
Отыменные глаголы 24. 33
Оформление временных отношений в языке см. Спряжение
Оформление пространственных отношений в языке см. Склонение
Охота 294. 308. 309
Охотничий язык 309
Охотничья культура 240
Очеловечение животной речи 101
Падежи 25. 34. 43. 140. 144. 264. 297. 302
Падежные окончания 25. 27. 62. 263. 264
Падение национального духа Армении 20
Падение звуков 29. 34. 36. 54. 140. 146. 327. 332. 340
Палатальная огласовка см. Небная огласовка
Палеазиатоведение и палеазиатоведы 2
Палеазиаты 2. 227. 228. 240. 252
Палеазиатские языки 200. 225. 252. 283
Палеолит 116. 238. 248. 259. 307. 312
Палеонтологическая грамматика 225
Палеонтологический анализ 153. 224. 239. 242. 303. 307. 318. 321
Палеонтологический метод 12. 190. 241
Палеонтология речи и палеонтологи 1. 77. 110. 112. 117. 118. 122. 130. 133. 134. 136. 142. 144. 150. 166. 169. 185. 187. 190. 196. 199. 207. 211—214. 217. 219. 225. 237—240. 245. 250. 253. 258. 264. 268. 280. 286. 289. 292.

294. 299—301. 309. 312. 318. 322. 327. 329. 334. 336. 344
Пальмирские надписи 205
Пальмирский язык 205
Памирские диалекты и языки 113. См. также: Вершикский язык
Памятники архитектуры 204. 205. 271
Памятники бытовые 204
Памятники вещественные 89. 118. 119. 122. 160—162. 178. 181. 202. 204. 233. 288
Памятники грузинской письменности 10. 27. 39. 222. 223
Памятники древнеармянской литературы 19. 21. 22. 204. 222
Памятники литературного языка 39. 56. 57. 93
Памятники литературной письменности 10. 19. 21—23. 27. 39. 59. 91. 181. 217. 262
Памятники малоазийской культуры 161
Памятники материальной культуры 11. 60. 82. 89. 94. 107. 111 116. 117. 119. 122. 123. 135. 203. 219. 227. 237. 241. 292. 315. 344
Памятники монументальные 204. 233
Памятники языка 50. 56. 262
Папирусы 49. 91
Папство и папы 93. 286
Парижский собор 360 г. 144
Парная огласовка 321
Парский говор сванского языка 304
Пассивный строй 207. 300
Пассивный падеж 327
Патриархат 300. 319. 325. 366
Патриции 138
Патуа 316
Пеласги 106. 107. 110. 111. 114. 116. 138—140. 143. 147. 153—155. 202. 208
Пеласгский язык 106. 167. 170
Первичное перемещение звуков 167
Первичные звуки 101
Первобытная культура 93. 141. 260. 264. 289
Первобытное мышление 191. 294. См. также: Дологическое мышление
Первобытное производство 307
Первобытное человечество 247. 284
Первобытность 160
Первобытный коммунизм 297
Первобытные языки 63. 99—101. 132. 191. 239. 278
Первоначальное население Америки 88 133. 203
Пергамент 42. 91
Перебой гласных 25. 42. 46
Перебой согласных 24. 25. 27. 28. 30—35. 42. 47. 54. 55. 154. 320
Перевод библии с армянского на грузинский язык 10. 21
Переводы и переводчики 10. 16. 19—21. 50. 57. 59. 60. 62. 74 156. 204. 206. 208. 245. 257. 269. 305. 314. 323. 325. 328
Переднеазиатская культура 75. 83. 96. См. также: Древневосточный культурный мир
Переднеязычные согласные 299
Переживания бытовые 73. 74. 236
Переживания в языках 31. 44. 56. 57. 101. 107. 163. 191. 209. 217. 218. 242
Переживания в грузинском языке 25. 35. 48
Переживания доарийского языка в армянском языке 23. 48
Переживания дохристианских культур в армянской культуре 20
Переживания культа 60
Переживания падежных окончаний в семитических языках 25
Перекрещивание диалектических явлений 46
Перезвончение звуков 54
Перерождение звуков 35. 38. 55
Переселенцы с Кавказа в Турцию 67. 77. 210
Перестановка коренных 23. 34
Переход предлогов в послелоги 35
Переходные языки 208. 210. 217. 312. 323. 342
Пермутации 185
Персидская литература 10. 134
Персы 151. 154. 155. 203. 244. 305. 310
Персидский язык и диалекты 9. 42. 53. 173. 217. 222. 296. 310. 320. 342. 343
Персидское государство 70
Персидское происхождение фабулы поэмы «Витязь в барсовой коже» 10
Персоведение и персоведы 227
Петербургский (Петроградский, Ленинградский) университет 9. 10. 71. 95. 195. 200. 203. 204. 222. 227. 254. 256. 270—272
Петроградская школа востоковедения 95
'Печать' 115
Пехлеви[г]йский[1] язык 11. 285
Пиктографическое письмо 292
Пикты 109
Пиктский язык 107. 170. 291
Пирамида языков 213. 214. 279. 285
Пиренейские языки 130
Письмена 244. 292
Письменность 17. 19—22. 27. 39. 59. 64. 54. 67. 110. 129. 134. 147. 185. 215. 217. 219. 243—245. 258. 259. 266
Письменные источники 39
Письменные народы 215
Письменные символы 257
Письменные языки 2. 39. 84. 85. 127. 128. 169. 199. 203. 205. 208. 211. 216. 217. 222. 227. 229. 251. 252. 262. 273. 276. 285. 291. 292. 296. 305. 315.
Письмо 52. 116. 129. 158. 171. 243. 244. 246. 260
Письмо как орудие классовой борьбы и господства 259. 360
Плавные звуки 51. 86. 242. 319. 327. 333. 335. 342
Плебеи 138
Племенное мировоззрение 213
Племя 241. 263. 291. 293
Племенной состав средиземноморской культуры 158
Племенные названия см. Этнические названия
'Побеждать' 100
Повести 74
Повышение и понижение голоса 100
Поглощение языков и племен 90
Погребения 218
'Под' 265
Подъем согласных 27—29. 32. 34. 36. 54. 55. 146
'Подобно' 100
'Подобный' 100
Подъем 332. 335

Поездка И. А. Кипшидзе в Русский Лазистан 49
Поездка Н. Я. Марра в Ван 206
Поездка Н. Я. Марра в Лазистан 39. 46. 71
Поездка Н. Я. Марра в Палестину и на Синай 205
Поездка Н. Я. Марра по Шавшетии 40
Поездки Н. Я Марра в Армению 204
Поездки Н. Я. Марра в Абхазию 59. 63. 72. 76. 206
Поездки Н. Я. Марра в Дагестан 206
Поездки Н. Я. Марра в Сванию 10. 71. 72
Поездки Н. Я. Марра к баскам 12. 149. 184. 196
Познание неба 238. См. также: Астрономия
Показатели времен (грамм.) 301
Показатели множественности 47. 48. 140. 145—147
Полиандрия 118
Полинезийцы 2
Полисемантизм 307. 309. 326
Полистадиальность 264. 296
Политика 286. 287. 306
Политико-просветительная работа 281
Политическая жизнь 260
Политическая жизнь Армении 16. 17
Политическая история 145
Политические ссыльные 270
Политическое господство грузин над мегрелами 40
Политическое господство яфетидов в древнем Средиземноморье 153
Политическо-племенные отношения в Лазистане 43
Полногласие 52
Половцы 147
Полугласные звуки 24. 51. 52. 213
'Получать' 100
Помещичье-буржуазный язык 273
'Помнить' 100
'Помощь' 100
Понятия 98—100. 175. 212. 238. 258. 295. 302. 306. 307. 317—319. 326. 333. 334. 336. 339. 345
Популяризаторы яфетической теории 227
Порабощение народов 177
Породы глаголов 33
Португальский язык 165. 169
'Поручать' 100
Послелоги 34. 35. 39. 296. 333
Пословицы 73. 74. 190
Поэзия 193. 295
Поэмы 251
Поэты 6. 8. 10. 49. 124. 134. 178. 312
Появление металлов в Европе 118. 122
Права народов 92
'Правда' 101. 239
'Правитель' 100
Право 314. 330
'Право' 100. 238
Православие 216
Право собственности 4. 237. 330
Прародина древнейших языков Средиземноморья 12
Прародина индоевропейцев 94
Прародина культуры 241
Прародина яфетических народов 67. 102. 103. 105. 113. 117
Праиндоевропейский язык 322. 324
Прасемитический язык 26
Прахамитический язык 108
Праязык 15. 26. 30. 101. 132. 185. 219. 250. 256. 257. 259. 279. 285. 324. 326. См. также: Индоевропейский праязык
Праяфетиды 99
Праяфетические языки 26. 101. 102
Прегнантность слов 101
Предания 21. 73. 82. 87. 88. 103. 104. 133. 134. 141. 147. 178. 179. 208
Предлоги 27. 34. 35. 62. 99. 296. 301
Предложение (грамм.) 62. 295. 323. 325
Представления 99—101. 104. 120. 131. 134. 144. 153. 188. 199. 212. 213. 231. 237—239. 241. 243. 265. 306. 318. 319. 326. 333
'Преисподняя' 265
Преподавание лингвистики 201
Претерит (прошедшее время) 167. 323
Префиксальное образование 25. 153
Префиксы 24. 25. 27. 33. 34. 46. 55. 98. 126. 139—141. 143. 154. 155. 166. 170. 201. 224. 225. 288. 317. 319. 320. 322. 324. 327—329. 337
Привилегии народов 177
Приволжский языковый район 217. 219
Привычки 267
Придыхание 146
Придыхательные звуки см. Спиранты
Прилагательные см. Имена прилагательные
Присоединение Армении к России 17
Присоединение Грузии к России 17
Притяжательные местоимения 237. 297
Причастия 25. 30. 36. 297. 319
Провансальская литература 134
Прогресс 90. 124. 241. 243
'Прозрачный' 265
Производитель 266
Производительные силы см. Общественно-производительные силы. Естественные производительные силы
Производительный труд 257
Производное 266
Производственные отношения 275. 278. 288. 290. 295. 301. 306. 307. 309
Производственный язык 280
Производство 238. 240. 241. 259. 264. 266. 275. 278. 280. 288. 295. 300. 301. 306. 307. 309. 312. 324. 330. 332. 336
Произносительные органы 131
Произношение 24. 140. 142. 143. 280. 324
Происхождение индоевропейских языков 3. 12. 156. 187. 188. 203. 218
Происхождение русского языка 133
Происхождение средиземноморской цивилизации 158. 185
Происхождение частей речи 12
Происхождение человечества 126. 160. 233
Происхождение человеческой культуры 91. 92. 231. 234. 260
Происхождение языка 3. 11—13. 89. 90. 93. 130—132. 150. 171. 175. 176. 187—189. 192. 211—216. 218. 219. 236—238. 249. 251. 257. 259. 277. 280. 290. 305. 306

Происхождение яфетических языков 12. 175
Пролетариат 232—234. 437. 248. 272. 282
Прометеидские языки см. Индоевропейские языки
Прометеидский 291
Пропаганда православия 216
Просвещение 177. 179. 245—247
Простонародные языки 39. 40
Простые гласные 24. 51
Протестантизм 315
Протоармяне 37
Протосарматский язык 121
Протоскифский язык 121
Протохазарский язык 121
Профессия 259
Процесс развития человеческой речи см. Глоттогония
Прошедшее время 319. 323. 340
Прямой объект 263. 264
Прямой падеж 263. 297. 327
Психика народов 86. 89—91. 116. 119. 121
Психология и психологи 36. 101. 119. 131. 147. 162. 164. 178. 260
'Птица' 213. 239. 259
Путешественники 66. 73. 123
Пути сообщения 283
Пшавский говор грузинского языка 303
'Пять' 99. 299
Рабоче-крестьянская власть см. Советская власть
Рабочие 232. 235. 236. 271
Рабство 92
Разбойники 243
Разговорная речь 21
Раздвоение звуков 24. 52. 54
Разделение труда 294
Рай 241
Раннегерманский индогерманский язык Европы 167
Раса 3. 37. 83. 92. 94. 102. 108. 148. 165. 168. 181. 187. 191. 194. 196. 251. 288. 312. 315
Расенский язык см. Этрусский язык
Расены см. Этруски
Раскопки Ани 9. 11. 65. 204. 205. 227. 271
Раскопки археологические 60. 82. 94. 145. 154. 156. 160. 172. 202. 239. 245. 247. 314
Раскрепощение языков 219
Раскрепощенные классы 248
Раскрепощенные нации 247. 248
Расовая природа народов 94
Расовая психология 36. 180
Расовое преимущество 177
Расовое происхождение языков 11
Расовые культуры 241
Расовые семьи языков 11. 185. 208. 242
Расовые языки 3. 190. 211. 217. 218. 241. 278
Расположение слов 243. 298
Расселение индоевропейцев 93
Расы (роши) 110. 225
Расхождение семитов с яфетидами 103
Расхождение филологии с лингвистикой 2
Расхождение яфетидологии с индоевропеистикой 2. 155. 219. 229. 250. 256—259. 261—262. 272
Расхождения в среде яфетидологов 1. 2
Расхождения языков 301. 304. 305. 312
Расы см. Расены
Рачинцы 210
Рачинский говор грузинского языка 303
Реалии 25. 35. 39. 98
'Ребро' 103
Революции в языке 289. 292
Регрессивная ассимиляция 323
Рейнский словарь 314
'Река' 115. 313. 325. 327
Реконструктивный период 311
Религиозное мировоззрение 91. 237
Религиозные верования см. Религия
Религиозные деления 11
Религиозные общины 20
Религиозные термины 76
Религиозный язык 285
Религия 20. 59. 60. 63. 70. 86. 87. 91. 92. 96. 100. 119. 125. 131. 199. 213. 216. 260. 267. 269. 275. 307. 308. 313. 315
Реликтовые народы 113. 157. 209. 219. 238
Реликтовые языки 90. 96. 118. 150. 185. 196. 209. 217. 315. 317
Рельефы 61
Реты см. Расены
Ризский говор чанского языка 45
Римский мир 313
Римляне 81. 88. 106. 121. 126. 135. 138. 154. 158. 171. 173. 200. 202. 237. 240. 244. 266. 286. 305
Римская общественность 154. 242
Римское государство 244
Римское искусство 244
Рисунки 116. 233. 238
Ритм языка 175
Род 263. 264
Род (грамм.) см. Грамматический род
Родители Н. Я. Марра 6—8. 269
Родительный падеж 25. 81. 98. 144. 263—266. 295. 320. 327. 342
Родная речь 40. 41. 70. 198. 230. 269. 282. 284. 286. 291. 302. 303
Родовое общество 98. 280. 330
Родовой строй 20. 22. 98. 115. 291. 308. 310
Родство 241. 246
Родство абхаз в с халдами и эламитами 77
Родство абхазского языка с грузинским 72
Родство азиатских народов с европейскими 247
Родство американских языков с яфетическими 151
Родство армянских языков с чанским и мегрельским 39. 41. 43
Родство армянского языка с грузинским 19. 39. 40. 48
Родство языка банту с шумерским 278
Родство баскского языка с берберским и другими хамитическими 108. 151—153
Родство баскского языка с пиктским 109. 170
Родство баскского языка с этрусским 12
Родство баскского языка с яфетическими языками Кавказа 12. 108. 164. 165. 168
Родство hайского языка с грузинским 40
Родство грузинского языка с арабским 23
Родство грузинского языка с другими южнокавказскими языками 14. 39. 47
Родство грузинского языка с индоевропейскими языками 15. 19

Родство грузинского языка с семитическими 3. 9. 14. 15. 19. 23—26. 39. 84. 126. 127. 205. 222. 272
Родство грузинского языка с урало-алтайскими 15
Родство грузинского языка с халдским 163
Родство грузинского языка с эламским 163
Родство индоевропейских языков 162
Родство народов Европы и Азии 92
Родство немецкого языка с яфетическими 341
Родство персидского языка с его диалектами 342
Родство пиренейских аборигенов с хамитами 103
Родство северокавказских языков с южнокавказскими 210
Родство семитических языков между собою 15. 26
Родство семитических языков с египетским и коптским 23. 24
Родство семитов с хамитами 133
Родство славянских языков с германскими 343
Родство турецких языков с монгольскими 96
Родство хамитических языков с семитическими 23. 24. 48. 96. 102. 127. 152. 199
Родство хеттов с армянами 163
Родство чувашского языка с яфетическими 212. 225
Родство эламского языка с яфетическими 68
Родство этрусского языка с яфетическими 67. 163
Родство языка второй категории ахеменидских клинописных надписей с кавказскими 51—53. 57
Родство языков 3. 9. 10. 12. 14. 15. 19. 23—26. 39—41. 43. 53. 54. 66. 71. 77. 96. 97. 107. 116. 150. 151. 170. 191. 193. 199. 207. 228. 242. 243. 246. 258. 290. 298. 301
Родство яфетических народов с семитическими 128
Родство яфетических языков с дальневосточными и среднеазиатскими 103. 117. 121
Родство яфетических языков с индоевропейскими 66
Родство яфетических языков с семитическими 24. 26. 27. 39. 49. 66. 67. 72. 84. 86. 87. 97. 126. 127. 152. 170. 199. 207. 211
Родство яфетических языков с турецкими 66, 96
Родство яфетических языков с хамитическими 153. 170
Родство яфетических языков с языками древнего Средиземноморья 116
'Рождение' 115
Романистика и романисты 2. 136. 150. 227
Романо-германские языки 218
Романо-германский эгоцентризм 177
Романцы 2. 121. 149. 165. 171. 173. 208. 252
Романские страны 302
Романские языки 9. 12. 106. 107. 130. 165. 166. 169. 173. 217. 249. 286. 288. 289. 305. 310. 316
Романтизм 134. 192. 195. 345
Романтическая литература 8
'Рот' 99
Ротатизм 143
Рошское племя см. Расское племя
Рука 238
'Рука' 99. 100. 238. 257. 263—267. 297. 299. 300. 302. 307. 313. 318. 321. 324. 326. 332—334. 336. 339
Румыны 252
Руны 292
Русская культура 244. 245. 282
Русские 6. 147. 215. 218. 219. 240. 287. 292. 308. 318. 324. 326. 339
Русский шовинизм 273
Русский язык 7. 42. 50. 62. 63. 89. 111. 115. 132. 133. 142. 149. 152. 159. 187. 217, 218. 235. 243. 245. 273. 275. 276. 287. 288. 292. 293. 307. 310. 313. 326. 343
Русское востоковедение 18. 270
Русское государство 17. 67. 84. 95
Русы 132. 292. 293
Рутульский или михадский язык 304
Ручной язык см. Линейный язык
Рушское племя см. Расское племя
Рштунии 155
'Рыба' 259. 314
Сабиняне 138
Саки 173. 174
Салский язык 188
Салы (алы, альпы, италы) 188. 225
Самодержавность русской речи 275
Самоопределение наций 247. 273
Самурзаканское наречие абхазского языка 77. 304
Самурзаканский говор мегрельского языка 303
Санскрит 11. 51. 92. 218. 251. 255 285
Санскритология и санскритологи 200
Сармато-грузины 308
Сарматы 134
Сарматский язык 187. 218
'Сатана' 39. 103
Сближение книжного армянского языка с разговорной речью 21
Сближение языков 21. 43
Свано-месхи 229
Сванская группа яфетических языков 23. 47. 146
Сваны 47. 60. 78. 113. 134. 154. 168. 169. 284. 295. 300. 308. 320. 322. 326. 328. 329. 334. 344
Сванский мир 284
Сванский язык и диалекты 14. 15. 27. 36. 43. 47. 48. 52. 54. 55. 57. 69. 71. 108. 109. 128. 134. 168. 169. 182. 201. 205. 210. 217. 223. 224. 284. 304—306. 309. 316. 319. 320. 323. 328—330. 335. 337. 338. 342. См. также: Верхнесванские говоры. Западные диалекты. Ипарский говор. Княжеское наречие. Лахамульский говор. Лашхский говор. Лентехский говор. Местийский говор. Мулахский говор. Нижнесванские говоры. Парский говор. Свободное наречие. Тавразский говор. Чолурский говор
'Свет' 101. 120. 266. 337
'Светила' 213. 239. 263
Светская литература 27. 222. 223
Светская власть в Армении 20
Светский язык Армении 39
Светское движение в феодальной Армении 20

Свистящая группа яфетических языков см. Картская группа языков
Свистящие звуки 301
Свистяще-шипящие звуки см. Сибилянты
Свободомыслие 231
Свободное наречие сванского языка 47
'Свод' 265
Связь античного мира с Кавказом 74. 97
Связь грузинской литературы с персидской 10
'Святой дух' 239
Северокавказский Комитет 227
Североафриканские языки 152
Северокавказские народы 215
Северокавказские языки 14. 164. 201. 209. 210. 227. 304. 305
Северные скифы 174
Северное население Европы см. Население Европы
Сельская речь 41
Семантика 130. 131. 150. 151, 190. 225. 253. 263. 307. 308. 321. 334. 338
Семантическая дифференциация 299
Семантическая морфология 190
Семантические законы 190
Семантические пучки 265. 266
Семантические ряды 142. 213
Семасиология 226
Семитическая ветвь языков 23. 30. 36. 39. 48. 49. 170
Семитическая система (семья) языков 3. 14. 15. 19. 23. 26. 51. 66. 86. 97. 199—201. 225. 290. 291. 293. 300. 301. 309. 323
Семиты 15. 20. 24. 37. 38. 67. 75. 83. 87. 93. 94. 96. 103. 105. 116. 118. 119. 121. 126. 128. 133. 165. 171. 172. 239
Семитические языки 3. 9. 14. 15. 19. 23—39. 48. 53. 54. 57. 66. 67. 71—73. 84. 86. 87. 95—97. 103. 104. 118. 126—128. 130. 131. 152. 162. 172. 196. 199. 201—203. 205. 207. 209. 211. 217. 222. 308
Семитический мир 37. 57. 85. 96
Семитический праязык 26
Семитический разряд факультета восточных языков Петербургского университета 9
Семитология и семитологи 20. 25. 26. 38. 84. 96, 128. 152
Семьи языков 3. 11. 14. 15. 19. 23. 51. 52. 56. 66. 67 69. 80. 82. 83. 111. 130. 150. 162. 166. 167. 171. 174. 180. 200. 201. 212. 225. 252. 256—258. 290. 295
Семья 99. 130. 241. 263. 264
Сенакский говор мегрельского языка 803
'Серебро' 294
'Сестра' 98. 172. 188
Сибилянтная ветвь яфетических языков 67. 69. 70. 86. 98. 104. 108. 112. 128. 140. 172. 175. 209. 210. 304. 305
Сибилянтная группа яфетических языков 54. 56. 67. 69. 70
Сибилянтные звуки 27. 30. 31. 54. 55. 58. 66. 139. 154. 209 298. 301. 336
Сигнализация 258. 266
Сиканы 112
Сильные глаголы 323. 324
Сильные звуки 298
Синайская монастырская библиотека 205
Синай 265
Синология и синологи 270
Синонимика 313
Синонимы 263. 266. 327. 339
Синтаксис 24. 62. 295. 296. 302. 304. 317
Синтаксический строй языка 328
Синтетическая система языка 175
Синтетический строй языка см. Аморфный строй языка
Синтетический строй предложения 323. 325
Сирийцы 61. 246
Сирийский язык 9. 15. 34. 36—38. 199. 204. 205. 223
Сирийское письмо «каршуни» 204
Сирийское течение в древнеармянской литературе 20. 21
Сиро-палестинский язык 29
Система гласных 24
Система исчисления 229
Системы культур 241. 243
Система мышления 257. 323
Система образования 232
Система письма 244
Система числительных 240
Система языков 2. 11. 12. 108. 175. 225. 243. 246. 253. 258. 276. 283. 288. 290. 295. 298. 302. 311
Сказания 18. 74. 82. 87. 103—105. 118. 120. 122. 134. 151. 204. 227. 239. 251
Сказки 6. 7. 64. 82. 83. 88. 89. 104. 119. 120. 136. 147. 296
Сказуемое 269. 301
Скифы 132 133. 147. 170. 173. 174. 242. 291—294. 308. 326
Скифский язык 58. 132. 173. 218. 239. 292. 317. 343
Скифизмы 294
Скифская культура 245
Склавы 174
Склонение 25. 51. 99. 109. 209. 297. 298. 301. 326
Сколоты 132. 173. 174
Скотоводческая культура 240
Скотоводство 294. 308
Скрещение антропологическое 117. 147. 151. 171. 180. 189. 225
Скрещение в языке и языков 12. 55. 73. 86. 89. 90. 97. 98 105. 106. 109. 112. 115. 117. 121. 128. 131. 134. 135. 150. 152. 153. 156. 165. 167. 170. 172—176. 185. 187. 194, 202. 207. 211—212. 214. 218. 225. 257. 305. 310. 319. 328. 329
Скрещенные племена и народы 105—107. 110. 114—116. 169. 173. 189. 208
Скрещенные слова 242. 327
Скрещенные языки 6. 86. 90. 96—98. 102. 105—108. 113. 117. 121. 128. 130. 134. 156. 165. 169. 170. 173. 174. 185. 202. 207. 210. 243. 338
Скульптура 50. 61. 199
Слабые глаголы 323. 324
Слабые звуки 34. 298
Слабые согласные 24. 27. 31. 34
Славяноведение и слависты 228. 293
Славяне 2. 147. 174. 252. 292
Славянские языки 132. 133. 142. 187. 217

Слияние языков 12. 47
Словарь языка и слóвари 11. 15. 41. 100. 101. 109. 132. 183. 188. 190. 191. 206. 212. 244. 283
Слово и слова 11. 12. 31. 32. 34—36. 38. 41—44. 62. 63. 98—101. 131. 174. 187. 188. 207. 212. 213. 217. 239. 258. 263. 289—300 302. 303. 307. 308. 316. 323. 326. 345
Словообразовательные частицы см. Аффиксы. Окончания. Префиксы. Суффиксы
Словотворчество 131. 150. 172. 275
Словоупотребление 131
Слоги 175. 298
Сложные звуки 101. 212
Сложные слова 35. 36. 74. 191. 323
Служебные элементы, слова и частицы 98. 99. 132. 243. 299. 301
Смешение народов и племен 57. 121. 134. 172. 174. 208
Смешение языков 128. 166. 174. 175. 189. 229. 305
Смысловая (идеологическая) сторона языка 288. 290. 296. 302. 307
Смысловая (семантическая) функция языка 297. 299
Смягчение звуков 142
'Собака' 239. 240. 259. 263. 313. 314
Собирательные имена 319
Собирательные понятия 319
Собственность 306
Собственные имена 141. 297
Собственнические местоимения см. Притяжательные местоимения
Советская власть 233—235. 247
Советская культура 233. 247
Советская культурная работа 234
Советская общественность 215. 219. 221. 232. 234. 246. 248. 272
Советские идеи 194
Советское хозяйственное строительство 235. 248
Согдийский язык 150. 173. 305. 343
Согласные 24. 25. 27. 33. 46. 51. 54. 55. 126. 134. 139. 188. 242. 323. 331. 338. 340. 342
Согласные образовательные частицы 154
Согласование 298
Соглашательство (компромисс) в науке 1. 157
Сознание 235
'Солнце' 112. 239. 259. 263. 266. 294. 321. 326. 332. 334. 337
Соматический образ человека 280. 312
Сомехи 105. 229
Сомехи-армяне 229
Сомехский язык 48
Сомхитский говор грузинского языка 303
Сонмехи 169
Сонмесхи 169
Соны 169
Сонский язык 48
Сонорная ветвь яфетических языков 86. 108
Сорбонна 189
Сослагательное наклонение 301. 323
Сословия 169. 173. 177. 180. 204. 213. 229. 238. 263. 271. 310. 328
Сословное мировоззрение 213
Сосна 242
Социал-демократы 272
Социалистическая культура 311
Социалистическое строительство 233. 235. 236. 248. 273. 277. 282. 283. 289. 345
Социальная культура 233. 276
Социально-экономическая база см. Материальная база
Социально-экономические формации 279. 287. 289. 295. 296
«Социологический» 262
Социология и социологи 3
Союзы (грамм.) 62. 249. 250. 296. 299
Спирантизация 326
Спирантная ветвь яфетических языков 67. 69. 70. 86. 98. 104. 108. 112. 128. 172. 175. 210. 304. 305
Спирантная группа яфетических языков 54—56. 67. 69. 70. 139
Спирантное наречие чанского языка см. Западное наречие чанского языка
Спирантно-сибилянтные языки 109
Спирантные звуки 24. 27. 30. 31. 34. 38. 46. 54. 55. 58. 66. 86. 101. 134. 154. 208. 302. 329. 331. 341
Спирантные языки 109
Спиры 23
Способ производства 303
'Справедливость' 101
Спряжение 26. 33. 44. 132. 191. 207. 296. 298. 301. 324. 328
Сравнительная грамматика 309
Сравнительная грамматика индоевропейских языков 53. 93. 189. 250. 256
Сравнительная грамматика семитических языков 53
Сравнительная грамматика яфетических языков 40. 52. 53. 68. 77. 80. 81. 97. 98. 135. 153. 156. 166. 192. 205. 206. 209. 211. 225
Сравнительная фонетика 25. 37. 38. 97. 104
Сравнительная яфетическо-семитическая грамматика 126. 203. 205. 207. 222. 223
Сравнительное изучение яфетических языков 48. 57. 80 81. 97. 171. 172. 209
Сравнительноисторическая грамматика абхазского языка 76
Сравнительноисторическая грамматика горских языков Кавказа 77
Сравнительный метод 26. 189. 190. 192. 211. 219. 223. 224. 239. 241. 242. 246. 268. 278. См. также: Метод. Формальный метод
Средиземноморская культуры 83. 88. 89. 94. 116. 117. 119. 121. 158. 161. 170. 181. 209. 218. 252
Средиземноморская раса 108. 113. 177
Средиземноморские раскопки 245. См. также: Раскопки
Средиземноморские языки см. Языки Средиземноморья
Средиземноморский мир 88. 97. 152. 202. 231. 243. 244. 247. 251. 345
Средиземноморское население см. Население Средиземноморья
Срединная ветвь северокавказских языков 304
Среднеазиатские языки 4. 103. 117. 130. 150. 207. 251
Среднеазиатское население 117. 121

Средневековая культура 112
Средненемецкие говоры немецкого языка 325
Среднеперсидский язык 223. 285
Средние века 21. 22. 110. 179. 180. 212. 222. 216. 292. 293. 305. 312. 314. 315
Средний род 265. 266. 307. 325. 326
Средняя ветвь яфетических языков Кавказа 305
Стадии развития (стадиальное развитие) 185. 211. 225. 236. 247. 258—261. 263. 264
Стадная общественность 131
Стадо 99
Становление языков 229
Старая школа в языкознании см. Индоевропейское языкознание
Старославянский язык 287
Статическая морфология 224
Степени сравнения 213
Стечение согласных 52
Стиль 39. 199
Стихи 269. 295
'Сто' 299
'Стоимость' 308
Столицы 196. 232. 250
'Сторона' 100
Страдательный залог 25
'Страна' 100
Странствования см. Миграции
Странствующие певцы 49
Строительство в науке 1
Строительство советской культуры 233
Строй грузинского языка 27. 206. 223
Строй языка см. Структура языка
Структура (строй) языка 52 62. 96. 98. 99. 101. 109. 132. 189. 206. 213. 263. 265. 280. 321—324
Субъект (синт.) 296. 297. 300
Субъектный падеж 264
Сузские клинообразные надписи см. Эламские клинообразные надписи
Сузский язык см. Эламский язык
Сулетинский говор баскского языка 299. 304
'Сумасшедший' 242
Сумеры см. Шумеры
Сумерский язык см. Шумерский язык
Суффиксы 24. 27. 28. 31. 34. 35. 40. 46. 47. 98. 139. 140. 146. 150. 154. 155. 167. 201. 225. 317. 319. 320. 338
'Сухой' 265
Существительные см. Имена существительные
'Существовать' 100
Сходство северокавказских языков с южнокавказскими 14
Схождения языков 54. 301. 306. 309
Схоластическая филология 42
'Сын' 98. 112. 115
'Сын неба' 239. 240
'Сын солнца' 240
Табасаранский язык 97. 304
Таврарский говор сванского языка 304
Тамга 237
Тао-кларджет[ц]ы 43
Таоский говор грузинского языка 303
Тартессийцы 155
Тасманийцы 247
Татарский язык 287
Татары 288
Твердое произношение 24
Твердые согласные 24. 31
Творительный падеж 327
Творческий процесс создания языков см. Глоттогония
Тексты 4. 16. 19. 42. 58. 61. 62. 64. 140. 155. 234. 245
Тема глагола 62
Теология 92
Теория культурно-исторического миропонимания 91. 92
Теория разности происхождения народов 92
Термины и терминология 4. 8. 11. 23. 28. 31. 35. 36. 38. 39. 41. 45. 47. 58. 60. 73—76. 85. 87. 90. 91. 98. 100. 103—105. 109—113. 115. 118—120. 127. 131—134. 138—140. 143—147. 152—154. 165. 170. 172. 187—189. 191. 192. 198. 199. 206. 208. 210. 220. 226. 227. 229. 231. 232. 239—242. 244. 258. 259. 262—266. 268. 290. 303. 310. 312. 313. 317. 318. 320. 322. 323. 326—330. 333. 338. 340. 344
'Терпеть' 100
Территория расселения яфетидов 37. 91. 102. 103. 177. 207
Терсы 155
Техника 118. 119. 220. 264. 307. 309. 315
Техника мышления 275. 280. 281. 288. 301. 302. 306. 307. 311. 345
Техника оформления звуков 306
Техника словообразования 257
Техника языка 8. 13
Технический язык 233
Технологическое восприятие 321. 323. 332. 334. 342
Технологическое мировоззрение 307. 318
Технологическое мышление 339
Тибарены 23. 118. 155
Тибетский язык 4
Тиндальский язык 304
Типологическая структура языков 185. 190. 207
Типологическое родство языков 96. 103. 150. 151. 191. См. также: Родство языков
Тирсены 111
Тихоокеанские языки 200
Тон 100
Топонимика 8. 91. 111. 141—147. 151—154. 169. 185. 208. 227. 253. 269. 293. 313. 320. 330
'Топор' 307. 334
Торговля 60. 146. 171
Тосканское возрождение искусств 107
Тотем 112. 113. 115. 131. 132. 134. 140. 141. 143. 169. 213. 259. 263. 293. 294. 296. 297. 307. 313. 314. 317—322. 326—329. 336. 337. 339—342. 344
'Тотем' 259. 238. 242. 308. 329
Тотемизм 131. 146. 295. 306. 317
Тотемический строй 130
Тотемическое мировоззрение 154. 308
Тотемистическое мышление 339
Тотемная племенная организация 134. 135
Тотемные животные 118
Транскрипция 7. 58. 147. 158. 226. 269
Транспорт 295

Трехсложные звуки 213
Трехсогласные корни 24. 29. 36. 123. 131. 201
'Три' 299
Трубадуры 49
Труд 259. 307
Трудмагические символы 257
Трудмагический процесс 259. 280
Трудящиеся 215. 232—235. 248. 260
'Труп' 307
Тубал-кайнская (шипящая) группа языков 47. 52. 54—56. 67. 69. 70. 108. 109. 112. 128. 139. 143. 174. 209. 210. 229. 304. 305. 309. 317. 321. 323. 329. 335. 338. 342
Тубал-кайнский язык 44. 46. 52. 54. 55
Тубалы 23
«Туземные» языки (Eingeborenen Sprachen) 251
Туранские языки 14. 96
Турдетаны 153
Тюркские языки 96. 97. 150. 196. 200. 212. 216. 225. 287. 310
Турецкая система (семья) языков 51. 66. 97. 198. 200. 201. 203. 212. 216. 225. 305
Турецкий мир 97
Турки 6. 90. 102. 204. 252
Турецкий язык 9. 41—43. 68. 89. 90. 96. 210. 217. 222. 269. 270. 288. 343. 344
Турецкое вторжение в страны переднеазиатской культуры 96
Туркология и тюркологи 96. 150. 227. 293
Тушины 72
Тушинский язык 56. 67
Тушский говор грузинского языка 303
'Тысяча' 299. 303
Тюркская система (семья) языков см. Турецкая система языков
Убийство Александра II 8. 269
Убыхи 67
Убыхский язык 67. 72. 210. 304
Увязка языкознания с историей материальной культуры 2. 3. 11. 12. 224. 225. 232. 253. 262. 263. 268. 271
Увязка языкознания с историей общественности 3. 11. 12. 262. 268
Увязка языка с мировоззрением 264
Увязка языкознания с общественностью 4. 11. 224
Увязка языка с хозяйством 12
Угрофиноведение и угрофиноведы 96
Угрофинские племена 252
Угрофинские языки 96. 196. 198. 200. 201. 212. 216. 225. 283
Ударение 175. 250. 299
Удвоение звуков 24. 100
Удинский язык 210. 304. 305
Удлинение и укорачивание звуков 100
Удмурты 282 283. 289
Удмуртская экспедиция 289
Удмуртский язык 273. 289. 310
Узловые числа 299
Указательные местоимения 45. 297
'Указывать' 257. 321
Украинский язык 293
Умбрийский язык 327
Уменьшительная форма 187. 322. 325. 326. 331. 337. 342
Университеты 8. 161. 182. 256. См. также: Азербайджанский университет. Боннский университет. Лейпцигский университет. Петербургский университет.
Университетские годы Н. Я. Марра 9—10. 203. 204. 270. 271
Унификация мирового хозяйства 218
Урало-алтайская система (семья) языков 15. 51
Урало-алтайцы 15. 174. 196
Урало-алтайские языки 15
Урартское царство 110
Урарты 143. 155
Урартский язык 170
Урмийский диалект ново-сирийского языка 34. 205
Условная форма глагола 323
Условные знаки в яфетической теории 229
Условные письменные знаки 152
Устная литература 59. 305
'Ухо' 100
Учебники 17. 196. 200
Учение о языке см. Языкознание
Ученики Н. Я. Марра 1. 83. 86. 195. 198. 199. 204. 223. 271
Ученые (специалисты) 2—4. 14—19. 23. 26. 40. 42. 50. 51. 53. 60. 61. 65—67. 69. 74. 80. 81. 83. 86—88. 92. 94—96. 102. 108. 113. 119—121. 123. 133. 134. 136—138. 145. 150—153. 158. 160—164. 169. 173. 178. 179. 181. 192. 194—196. 198—200. 202. 203. 206. 214. 216. 218. 219. 227. 228. 233. 236. 237. 239. 245. 248. 251. 255. 260. 267. 271. 314
Учителя Н. Я. Марра 7—10. 40
Ушкульский говор сванского языка 304
Факультет восточных языков Петербургского университета 9. 11. 95. 203. 222. 270
Фашисты 287
Феодализм 301. 308
Феодальная культура 180. 229. 282
Феодальная литература 305
Феодально-буржуазный строй 232
Феодальный язык 264. 285. 286. 292—296. 305. 317. 339
Феодалы 6. 39. 71. 270. 310
Фессалы 188
Физиократизм 231
Филистимляне 154
Филология и филологи 2. 9. 16—19. 42. 51. 93. 108. 111. 127. 150. 162. 239
Философия и философы 60. 192. 231. 234.
Фикинияне 116. 118. 165
Финикийский язык 152
Финноведение и финноведы 2
Финская система языков 288
Финские языки 200. 212. 216. 217. 242. 287—289. 310. 343
Финский язык (суоми) 287. 288. 310
Финны 161. 219. 240. 287. 292. 310
Флексия 99. 115. 190. 297. 304
Флективная система языка 175. 200
Флективные системы (семьи) языков 101
Флективные языки 130. 201. 209. 297
Флективный период глоттогонии 98. 103. 114. 115. 209
Флективный строй языка 89. 101—103. 109. 117. 209. 301. 307

Фокейцы 155
Фольклор 18. 19. 87. 120. 161. 275. 278. 286. 289. 305
Фонд Marjory Wardrop в Оксфордском университете 183
Фонема 212. 258. 298. 301. 321
Фонетика и фонетисты 24—26. 30. 33. 37—40. 107. 140. 143. 227. 279. 296. 298. 316. 321. См. также: Сравнительная фонетика
Фонетика грузинского языка 24
Фонетика семитических языков 24. 25
Фонетическая дешифровка клинописей 26. 76
Фонетические законы см. Звуковые законы
Формализм и формалисты 249. 252. 253. 272. 321
Формальная грамматика 278
Формальная сторона звуковой речи 261. 275. 288. 290. 296. 307
Формально-логическое мышление 294. 295. 307. 309
Формально-сравнительный метод см. Сравнительный метод
Формальный метод 2. 232. 239. 241. 243. 246. 268. 269. 275. 276. 279. 284. 287. 290. 292. См. также: Метод
Формативы 24. 25. 34. 266. 318—320. 323. 324. 327. 340
Формации языков 185. 187. 209. 210. 218. 240. 258. 266
Формы производства 185
Фракийский язык 116
Франки-салии 319
Французы 6. 66. 207. 214. 221. 286. 303. 344
Французский язык 6—9. 109. 140. 142—146. 152. 164. 166. 173. 193. 200. 217. 269. 286. 305. 320
Фригийцы 116.
Фригийский язык 202
Функции звуков речи 323
Функции слов 239. 240. 263. 265. 303
Функции языка 257. 275—276. 279. 280. 297. 298. 307. 334
Функциональная семантика 263. 265
Хазарский язык 218
Хазаро-сарматская группа языков 187
Халдейские наречия 9
Халдеи 31
Халдейский язык 14
Халдские клинописные памятники 76
Халдский язык 40. 68. 76. 113. 129. 137. 140. 162. 163. 170. 182. 202. 206. 208. 223. 291. 293. 310. 315. 319. 328. 329. 340. 342. 343
Халдское царство 110. 303
Халды 68. 76. 77. 100. 105. 110. 115. 120. 242. 292. 299. 308. 335
Халиф 256
Хамитическая ветвь языков 23. 48. 170. 199. 200
Хамиты 24. 67. 83. 93. 94. 103. 116. 121. 128. 133. 176
Хамитическая система языков 290. 291
Хамитические языки 23. 24. 48. 66. 86. 103. 108. 127. 151—153. 199. 217
Хапутский язык 304
Хапуты 302
Хваршинский язык 304
Хевсурский говор грузинского языка 303
Хевсуры 69. 76. 78. 210. 305.
Хемшины 42. 43
Хеттская культура 218
Хеттские тексты 245
Хеттский культурный очаг 151
Хетты 146. 163
Хеттский язык 81. 140. 151. 162. 163. 182. 194. 202. 291
Химьяритские надписи 25
Хиналугский язык 304
'Хлеб' 259. 263
Хлебные злаки 237
'Хлебные злаки' 240. 259. 273
Хозяйственная жизнь 124. 218
Хозяйственная работа 232
Хозяйственный строй 237
Хозяйственный уклад 236. 238. 240.
Хозяйство 12. 13. 119. 185. 212. 225. 231. 239—241. 257. 259. 262. 306. 313. 334
Хопский говор чанского языка 45. 304
Хоровая песня 212
Христиане 239. 337
Христианская культура 60—62. 70. 97. 98
Христианские народы 60. 270
Христианские памятники 61. 317
Христианское духовенство 20
Христианское искусство 60
Христианство 59—61. 70. 134. 239. 283. 315
Хромомиметические слова 308
Хронология языков 12. 13
Художественная речь 233
Художественное творчество 116. 123. См. также: Искусство
Хуцури см. Грузинское церковное письмо
Цари 68. 76. 91. 105. 115. 173. 179. 238. 328
Царский режим 4. 215. 232. 234. 283. 284
'Царь' 100
Цахурский язык 304
Цветные народы 89
Целевой падеж 301
Церковная жизнь 70
Церковь 20. 59—61. 179. 239. 246. 287
Цова-тушинский язык см. Бацбийский язык
Цова-тушинско-кистино-чеченский язык 182
Цова-тушины см. Бацбии
Чамалальский язык 304
Чан 39
Чаны (лазы) 40. 41. 43. 45. 73. 127. 134. 139. 293. 331. 338. 340
Чанский (лазский) язык и диалекты 14. 27. 39—49. 52. 54. 55. 57. 67. 69. 70. 127. 139. 143. 146. 205. 209. 210. 217. 296. 306. 309. 313. 321. 326. 329. 338. 341. 342. См. также: Архавский подговор. Атинский говор. Батумский говор. Булепский подговор. Вицкий подговор. Вицэ-архавский говор. Восточное наречие. Западное наречие. Ризский говор. Хопский говор. Чхальский говор
Части предложения (компоненты языка) 296. 297
Части речи 12. 62. 100. 220. 227. 237. 266. 295—299. См. также: Глагол. Имя прилагательное. Имя существительное. Местоимение и т. д.

Частицы 63. 249. 250
Человек 104. 238. 308. 328. 263. 264
Человеческий коллектив 238
Чередование согласных 27. 54
'Через' 99. 100
Черемисский язык см. Марийский язык
Черкесская группа языков см. Адыг[ей]ская группа языков
Черкесский язык см. Адыг[ей]ский язык
Черкесы см. Адыги
Чернокожие 89
'Четыре' 99
Четырехсогласные корни 24
Четыре элемента языка см. Элементы лингвистические
Чечен[ц]ы 65. 72. 77. 329
Чеченский язык 57. 67. 182. 201. 206. 210
Чеченская группа языков 67. 206. 210. 299. 304. 323
Числа 220
Числительные 4. 31. 76. 99. 220. 227. 228. 240. 299. 303. 341
Чистота племен и народов 241
Чолурский говор сванского языка 304
Чуваши 194. 196. 215. 216. 250. 252. 287
Чувашский язык. 187. 194. 198. 208. 212. 215. 216—218. 225. 245. 287. 310
Чхальский говор сванского языка 54. 49. 304
Чхальцы 45
Шавш[ет]о-имерхевцы 43
Шаман 240
'Шар' 265
Шведы 163
Шестнадцатый съезд ВКП (б) 273. 277
Шипящая группа яфетических языков см. Тубал-кайнская группа языков
Шипящие звуки 86. 301
Шипящие языки 109
Широкие гласные 331
Школа 93. 215. 221. 232. 269
Школьные годы Н. Я. Марра 7—9. 269—270
Шовинисты 287
Шоны 169.
Шотланды 6. 269
Шумерская культура 218. 243
Шумеры (сумеры, шумиры) 113. 118. 119. 152. 172. 214. 243. 244. 310. 316. 322
Шумерский язык 31. 33. 52. 68. 108. 129. 162. 163. 182. 202. 206. 208. 218. 310. 316. 322
Эволюция общественности 4. 241
Эволюция сословий в Армении 20
Эволюция хозяйственно-политической жизни человечества 236. 241
Эволюция человеческой речи 236
Эгейская культура 118
Эгейский мир 135. 202. 209
Эйфелевский говор немецкого языка 325
Экзотические страны 234
Экономическая жизнь 160. 226. 239. 241. 243
Экономический кризис 20
Экспедиции научные 66
Экспедиции Н. Я. Марра 10. 206. См. также: Поездки Н. Я. Марра
Эксплуатируемое население 301
Эламская культура 218
Эламские клинообразные надписи 26. 40
Элам[ит]ы 77
Эламский (сузский) язык 28. 26. 27. 48. 52. 58. 68. 108. 129. 159. 163. 174. 202. 208. 291. 310. 343
Элементы лингвистические 11. 25. 27. 39. 241. 258. 259. 261. 264—266. 288. 293. 297—299. 302. 393. 312. 316. 318—322. 324. 326. 327. 331. 337. 338. 340. 343. 344
Эллиолитическая культура 108. 116
Эллинистический мир 245
Эллинская культура см. Греческая культура
Эллины 105—107. 111. 114—116. 120. 121. 202. См. также: Греки
Эллинский мир 105
Эллинский язык см. Греческий язык
Элогимистическая часть библии 120
Эмиграции 20. 67. 77. 91
Эмиграционные движения армянского населения 20
Эпохи 73
Энциклопедии 196
Эолийцы 111
Эпентезис 298. 323
Эпиграфика и эпиграфисты 227
Эпиграфические памятники 23. 147. 162. 227. См. также: Надписи
Эпические сюжеты 194
Эпический язык 285
Эпонимы 105. 179
Эпос 89. 151. 193. 199. 204. 239. 245. 263. 286. 305
Эрзя диалект мордовского языка 308
Эсперанто 176. 216
Эстетизм 245
Этапы развития яфетической теории 1—3. 72. 126—129. 132. 203—207. 222—226. 268. 271—272
Этиуни 306
Этимология 24. 110. 111. 138. 139. 143. 147. 190. 191. 195. 196
Этнические культуры 221. 336
Этнические названия 31. 86. 87. 100. 104—106. 110—115. 132. 133. 138. 140—147. 153—156. 166. 168. 170. 174. 179. 187. 188. 208. 212. 213. 225. 242. 243. 263. 293. 300. 313. 317. 319. 322. 324. 328. 329
Этнические традиции 145
Этническое скрещение см. Скрещение антропологическое
Этнический рост языка 176
Этническое родство армян с яфетическими народами Кавказа 69
Этногония 89. 121. 174. 199
Этнографические материалы 63. 65. 93. 161
Этнография и этнографы 18. 59. 63. 117. 159. 161. 189. 219. 270. 275. 278
Этнография Кавказа 9
Этнокультурное соединение см. Смешение племен
Этно-лингвистическое наследие 176
Этимологическая школа языкознания 132. 163. 203
Этнология и этнологи 2. 89. 93. 144. 154. 156. 159. 160. 163. 220. 228. 241. 263. 338

Этруски (расены) 67. 107. 110—112. 114—116. 118. 120. 130. 138—141. 143. 146. 147. 153—155. 164. 169. 188. 197. 202. 207. 208. 242—244. 291
Этрусский (расенский) язык 67. 68. 80—82. 94. 106—109. 111. 114. 116. 129. 130. 135. 139. 162—164. 166. 167. 169. 170. 182. 188. 200. 203. 208. 242. 272
Этрускология и этрускологи 107
Этрусская письменность 67
Эфиопский язык 53. 199
Южноарабские формы местоимения 30
Южнокавказские языки 127. 201. 210. См. также: Грузинский язык. Мегрельский язык, Сванский язык. Чанский язык
Южно-яфетические народы 38
Южные говоры грузинского языка 303
Юкагирский язык 225. 240
Юридические представления 193
Язык 2—15. 17. 19—21. 23—46
Язык Арзавских писем 81
Язык ассирийских клинописей 53. 199
Язык ахеменидских клинообразных надписей (второй категории) 50—53. 57. 58. 163
Язык ванских клинообразных надписей 26. 40. 57. 68. 76. 130. 137. 149. 163. 182. 206. 208
Язык восточного Причерноморья 239
Языки восточной Азии 200
Язык древне-персидских клинообразных надписей 53
Языки Индии 156
Язык как надстройка 258. 267. 268. 279. 280. 288. 289. 302
Язык как орудие общения 13. 131. 216. 238. 257. 259
Язык как орудие классовой борьбы 259
Язык как орудие общественности 126
Язык как орудие пропаганды 194. 279
Язык клинообразных надписей Армении см. Халдский язык
Язык Месопотамии 159. 243. 244
Язык мидийских клинообразных надписей см. Язык сузских клинообразных надписей
Языки «низших» рас 190
Язык орхонских надписей 68
Язык прикаспийского бассейна 210
Язык сузских (мидийских, эламских) клинообразных надписей 26. 40. 48. 76. 182
Язык урмийских айсоров 205
Язык Хаза 4
Язык эламских клинообразных надписей. См. Язык сузских клинообразных надписей
Язык южного Причерноморья 239
Языки альпийцев 170
Языки Дагестана 65. 70. 206. 210
Языки культурно-отсталых наций 275
Языки мешаного типа 23. 27. 55. 57. 67. 73. 80
Языки мира 11. 12. 65. 199—201. 214
Языки Средиземноморья 3. 12. 82. 94. 107. 121. 152. 157. 159. 185. 187. 202. 251. 291
Языковая культура 162. 166. 251. 275. 276. 279. 280. 283. 286. 292
Языковая политика 273. 274. 276. 277. 287
Языковая психология 101
Языковая унификация 218
Языковые законы 267
Языковые пласты и слои 12. 19. 69. 73. 74. 77. 106—109. 130. 151. 166. 168—170. 174. 175. 185. 190. 210. 211. 218. 245. 261
Языковые раскопки 199. См. также: Палеонтология речи
Языковый опыт человечества 176
Языкознание и языковеды 2. 3. 11. 12. 15—19. 26. 41. 42. 45. 51. 62—64. 66. 67. 73. 89. 92. 93. 96. 108. 115. 126. 132—134. 136. 149. 150. 156. 159—162. 165. 171. 176. 178. 184. 189—192. 194. 195. 199—202. 211. 216—219. 222. 225—227. 229. 247. 249. 251. 252. 255. 256. 258. 262. 267. 272—274. 277. 278. 285. 287. 290—292
Языкотворческий процесс см. Глоттогония
Языческие племена 60
Язычество 283. 284. 332
'Яйцо' 337
Японский язык 4
'Ясный' 321
Яфетидизм 107. 108. 116
Яфетидизмы 40. 56. 223—224. 308
Яфетидо-ариоевропейцы 106. 114. 115
Яфетидо-армянское племенное объединение 114
Яфетидологическая система транскрипции 58. 158. 191
Яфетидологическая техника 197. 207. 224. 225. 228
Яфетидологические изыскания 4. 52. 129. 149. 185. 196. 222. 223. 225. 226. 228. 250
Яфетидологический алфавит 158. 180
Яфетидология см. Яфетическая теория
Яфетидо-эллинское племенное объединение 114
Яфетическая ветвь языков 23. 24. 26. 27. 29. 30. 31. 34—36. 38. 39. 47—49. 53. 54. 56. 57. 69. 150
Яфетическая культура 286
Яфетическая система (семья) языков 66. 69. 70. 80. 82. 83. 86. 97. 98. 101. 102. 117. 121. 128. 130. 133. 155. 158. 167. 168. 170—172. 185. 197. 198. 211. 242. 264. 286. 289. 293. 296—298. 302. 305—310. 312—316. 321. 323. 324. 326. 331. 335. 339—342
Яфетическая теория и яфетидологи 1—5. 9—12. 27. 39. 49. 52. 53. 55—57. 66. 68. 71—73. 79—85. 87. 89. 90. 94. 97. 98. 100. 101. 104. 106. 107. 110—113. 115. 117. 118. 120—122. 126. 127. 129. 130. 132—136. 139—142. 149—153. 155. 156. 158. 159. 166. 168. 171. 172. 174. 177—185. 188—192. 194—200. 202. 203. 205—207. 211—216. 219. 220. 222. 223. 225—229. 231. 236. 239. 241. 247. 249—251. 253—262. 264. 265. 267. 268. 271—288. 290—293. 295. 299. 304. 308. 309. 312. 314. 315. 326. 328. 329. 339. 342. 344
Яфетическая цивилизация 68. 103. 115. 118
Яфетиды 3. 24. 31. 32. 37. 57. 58. 67—69. 74. 75. 77. 82. 83. 85. 87. 91. 97. 99. 101—107. 110—121. 124. 126—130. 132—136. 138. 139. 141. 142. 146. 147. 151—155. 165. 169. 171—175. 177. 180. 181. 185. 187. 193. 196. 197. 207—211. 214. 215. 217. 219. 224. 242. 244. 245. 292. 293. 302. 308. 310. 313

Яфетические элементы (переживания) в языках Армении 39. 40. 48. 54. 68. 69. 75. 81. 106. 1 6. 223
Яфетические языки 3. 12. 23. 24. 26. 28—40. 42. 43. 46—48. 51—57. 66—69. 71—73. 77. 80—85. 87. 95—99. 101—104. 107—109. 112—115. 117. 120. 121. 126—135. 139. 142. 143. 146. 150—153. 155—158. 163. 165. 166—170. 172. 173. 175. 176. 182. 185. 187. 190. 191. 193. 194. 196. 198—203. 205—213. 217. 219. 222. 225. 227. 230. 290—293. 295. 297—299. 301—305. 308. 309. 316. 333. 338. 340
Яфетический Институт АН СССР 12. 149. 150. 182. 184. 227. 282. 285
Яфетический кабинет 222
Яфетический культ 74. 78
Яфетический мир 37. 69. 75. 80. 84. 87. 97. 102. 103. 105. 118. 117. 121. 135. 305
Яфетический слой абхазского языка 56. 69
Яфетический слой курдского языка 106
Яфетическое языкознание см. Яфетическая теория
Яфетическо-индоевропейские языки 69. 86. 97. 105. 106. 114. 128. 150. 156. 168. 173
Яфетическо-семитическая сравнительная фонетика 25. 30. 37. 38
Яфетическо-семитическая теория см. Яфетическая теория
Яфетическо-семитические языки 105
Яфетическо-семитические языковые соответствия 71
Яфетическо-семитический культурный мир 75
Яфетическо-турецкие языки 97

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзГНИИ — Азербайджанский Государственный Научно-исследовательский институт.
АН — Академия Наук.
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
Быт — Библия, книга Бытия.
ВВ — Византийский Временник.
ВЗ — Восточные Заметки.
ВНАВ — Всесоюзная Научная Ассоциация Востоковедения.
Вост. Зап. — Восточные Записки.
ВС — Восточный Сборник.
ГАИМК — Государственная Академия Истории Материальной Культуры.
ДАН В — Доклады Академии Наук СССР. Серия В.
Дан. иг. — Хождение игумена Даниила.
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.
Зап. ИВ АН СССР — Записки Института Востоковедения Академии Наук СССР.
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества.
ЗКВ — Записки Коллегии Востоковедов (АН).
ИАК — Известия Археологической Комиссии.
ИАН — Известия Академии Наук.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры.
ИЛЯЗВ — Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока.
Ип. л. — Ипатьевская летопись.
ИРАИМК — Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры.
ИРАН — Известия Российской Академии Наук.
ИЯМ — Институт языка и мышления (АН).
КИАИ — Кавказский Историко-Археологический Институт (АН).
КИПС — Комиссия (АН) по изучению племенного состава России.
ЛВИ — Ленинградский Восточный Институт.
ЛГУ — Ленинградский Государственный Университет.
ЛИЖВЯ — Ленинградский Институт Живых Восточных Языков имени А. С. Енукидзе.
ЛЭ — Литературная Энциклопедия.
МАО — Московское Археологическое Общество.
МЯЯ — Материалы по яфетическому языкознанию.
НР — «Научный работник».
ОАК — Отчеты Археологической Комиссии.
ОИФ — Отделение Исторических и Филологических наук (АН)
ПС — Палестинский Сборник.
ПЭРЯТ — «По этапам развития яфетической теории».
СбОПИАН — Сборник отчетов о премиях и наградах, присужденных Академией Наук.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии Истории Материальной Культуры.
СМОК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СПО — Сообщения Палестинского Общества.
ТКИПС — Труды Комиссии по изучению племенного состава.
ТР — Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии.
ТРКФ — Тексты и разыскания по кавказской филологии.
ХВ — Христианский Восток.
Цагарели, Ал., МЭ — Цагарели, Ал., Мингрельские этюды, вып. I—II. СПб. 1880.
ЦВед — Церковные ведомости.
ЦЕКСЭСР — Центральный Комитет Союза Эсперантистов Советских Республик.
ЯИ — Яфетический Институт.
ЯС — Яфетический сборник.
Barth, CRH — Bart J., Die Casusreste im Hebräischen, ZDMG, LIII, 593—599.
Caesar, Bell. gall. — Caesar, C. J., Commentarii de Bello gallico.
Delitzsch, Fr., AG² — Delitzsch, Fr., Assyrische Grammatik mit Uebungsstücken und kurzer Literatur-Uebersicht, Zweite durchgesehene Auflage. Berlin, 1906.
Evans, G., EA — Evans, G., An essay on assyriology. London, 1883.
H. N. — Historia naturalis.
Kluge, EWB¹⁰ — Kluge, Fr., Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 10-te Auflage.
Landberg, Carlo, PD — Landberg, C., Proverbes et dictons du peuple arabe. Leide-Paris, 1883.
Müller, D. H. SZ — Müller, D. H., Zur Geschichte der semitischen Zischlaute. Eine sprachvergleichende und schriftgeschichtliche Untersuchung. Wien, 1888 (Separat Abdruck aus den Verhandl. des VII Internat. Orientalisten-Congresses. Semit. Section, S. 229 f.).
Nöldeke, Antil. — Nöldeke, Th., Beiträge zur Kenntniss der aramäischen Dialecte. I. Ueber den noch lebenden syrischen Dialect im Antilibanon. ZDMG, XXI, 183—200.
Nöldeke, Chr.-Pal. — Nöldeke, Th., Beiträge zur Kenntniss der aramäischen Dialecte. II. Ueber den christlich-palästinischen Dialect (ZDMG, XXII, 443—527).
Nöldeke, MG — Nöldeke, Th., Mandäische Grammatik. Halle, 1875.
Nöldeke, NS — Nöldeke, Th., Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan. Leipzig, 1868.
Pognon, Inc. — Pognon, H., Une incantation contre les génies malfaisants en mendaïte (Mém. de la Soc. de linguistique, t. VIII (1892), 193—234.
Praetorius, AE — Praetorius, F., Aethiopische Etymologien. ZDMG, LXI, 615—624.
Sallust. Jug. — Caius Sallustius Crispus, De Bello Jugurthino.
Wright, Lectures — Wright, W., Lectures on the Comparative Grammar of the semitic Languages. Cambridge, 1890.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции . . . . . V—X

Список печатных работ Н. Я. Марра за 1883—1933 гг. . . . . . XI—XXVI

Предисловие . . . . . XXVII—XXXVIII

Этапы развития яфетической теории

Предисловие к сборнику статей 1926 г. «По этапам развития яфетической теории» . . . . . 1 — 5

Автобиография Н. Я. Марра . . . . . 6 — 13

Природа и особенности грузинского языка . . . . . 14 — 15

К вопросу о задачах арменоведения . . . . . 16 — 22

Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими . . . . . 23 — 28

О чанском языке . . . . . 39 — 49

Введение к работе «Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания . . . . . 50 — 58

Кавказоведение и абхазский язык . . . . . 59 — 78

Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры . . . . . 79—124

Яфетиды . . . . . 125—136

Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии, этруски и пеласги 137—148

Предисловие к немецкому переводу «Яфетического Кавказа» . . . 149—157

Чем живет яфетическое языкознание . . . . . 158—184

Индоевропейские языки Средиземноморья . . . . . 185—186

Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков . . . . . 187—188

Послесловие к «Яфетическому сборнику», т. III . . . . . 189—196

Основные достижения яфетической теории . . . . . 197—216

К происхождению языков . . . . . 217—220

Предисловие к «Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии» . . . . . 221—230

Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении . . . . 231—248

Предисловие к «Яфетическому сборнику», т. V . . . . . 249—253

Яфетидология в Ленинградском государственном университете . . . 254—272

Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык . . . . 273—289

Яфетические языки . . . . . 290—311

Новый поворот в работе по яфетической теории . . . . . 312—346

Приложения:

1) *Указатель литературных работ и источников* . . . . . 349—355

2) *Указатель разбираемых или упоминаемых терминов* . . . . . 356—364

3—4) *Указатель именной и мифологических имен* . . . . . 365—367

5) *Указатель географических названий* . . . . . 368—370

6) *Указатель предметный* . . . . . 371—397

Список сокращений 398

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
401 M34I C001 v.1
Izbrannye raboty.
3 0112 089966110